ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОТИВАЦИЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга Т. Шибутани «Социальная психология» представляет собой популярное, доступное широкому кругу читателей изложение некоторых проблем современной социальной психологии. В книге дается определение ряда понятий и категорий этой науки. На материалах конкретных исследований автор раскрывает изучаемые закономерности, дает характеристику различных подходов к объяснению описываемых явлений.

Автор книги — американский ученый, профессор Калифорнийского университета.

На мировоззрение Шибутани наложили отпечаток концепции прагматизма и психоанализа. Он сам называл себя сторонником бихевиоризма. Однако кризис этих направлений американской психологической мысли заставляет ученого пересматривать традиционные взгляды. Он опирается на эмпирические исследования, изложение результатов которых занимает значительную часть книги. По всем затронутым вопросам предлагается обширная библиография.

Российским философам, психологам и социологам книга принесет пользу, познакомит их с накопленной зарубежной наукой фактами, с борьбой мнений по аналогичным вопросам современной социальной психологии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга знакомит с основами социальной психологии и одновременно — с одним из подходов в этой науке. Социальная психология состоит из направлений, различающихся по предмету, теории и методам исследования. Направления сгруппированы в две ориентации: психологическую и социологическую. Социальная психология рождена совместными усилиями психологии и социологии, но до сих пор родители имеют разные мнения о предназначении своего детища. Анекдот гласит, что в американском университете социолог и психолог прочли по курсу социальной психологии одной аудитории. Студенты остались в уверенности, что слушали разные предметы.

Читатель вправе проигнорировать заботы ученых и читать книгу как «социальную психологию вообще». На это, кстати, ориентируют его издатели русского перевода, заменившие оригинальное название «Общество и личность. Интеракционистский подход к социальной психологии» на «Социальная психология». Для многих читателей первого русского издания, увидевшего свет в 1969 г., книга профессора Калифорнийского университета Т. Шибутани была первым серьезным произведением по социальной психологии. Теперь времена иные, и полки книжных магазинов ломятся от психологической литературы. Читатель имеет возможность узнать, что «науки вообще», как и «продуктов вообще», не бывает, а есть изделия определенных изготовителей.

Хотя профессиональные психологи разделяются по теоретическим источникам их вдохновений (существуют еще мало- и непрофессиональные, с затертыми научными координатами), большинство из них считает раздробленность своей науки преодолимой, а кое-кто

предлагает, как достичь единства. К последним относится и Т. Шибутани. Его подход, символический интеракционизм, принадлежит социологической ветви социальной психологии. Иначе говоря, американский ученый отправляется от общества и его установлений (социальный психолог психологической ориентации начал бы с личности и ее психики). Но социологизм его не жесткий. Макросоциология классов, общественно-исторических формаций, экономических и политических институтов заменена микросоциологией малых групп и контактных отношений. А это уже вполне психологическая социология, т. е. социальная психология в понимании Шибутани и его единомышленников. Человек в групповом контексте — так определяется реальность, которой занимается социальный психолог. Личность берется в эпицентре повседневных забот и волнений, определяющих ее поведение. Исследователь может обойтись без туманных выражений, вроде «общественная психология» и «общественное сознание», однако размах его предметной области очень широк, «от двух любовников, страстно сжимающих друг друга в объятиях, до миллионов мужчин и женщин, мобилизованных на войну»*.

В основе разрабатываемого американским ученым варианта социальной психологии лежит понятие символического взаимодействия. Это — кончик нити, ухватившись за который, автор обещает размотать весь клубок. Взаимодействие (иначе — интеракция) происходит, когда люди общаются лицом к лицу. Перед нами клеточка общественного организма и одновременно — психологическое явление.

Интеракционисты считают, что открыли закон человеческой природы, позволяющий преодолеть противоположность индивидуального и социального,

---

Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. С. 34.

культурного и биологического. Приоритет в открытии безусловно отдается Дж. Г. Миду (1863 — 1931), создателю символического интеракционизма, личности яркой и знаменитой. Он крайне мало писал, и поэтому работы его последователей в значительной степени состоят из толкований посмертно вышедшей книги «Ум, Я и общество» — сборника заметок, подготовительных материалов ученого и студенческих конспектов его лекций.

Мид называл себя социальным бихевиористом, но, по существу, оказался одним из немногих американских мыслителей, сумевших сформулировать интеллектуальную антитезу бихевиоризму в момент расцвета этого психологического течения. Бихевиоризм попытался выбросить из психологии «рудименты метафизики»: сознание, рефлексию, творчество, «Я». Мид возвращает эти «рудименты» в американскую социальную науку на правах главных атрибутов человеческой природы. Бихевиоризм свел поведение к непосредственной, биологической адаптации по типу «стимул — реакция». Для Мида же главное в человеческом действии — интерпретация, создание значений, опосредование непосредственных воздействий. Даже жесты партнеров по коммуникации воспринимаются не прямо, а как символы, продукты интерпретации чувственного материала.

Для того чтобы наделять значением каждый момент деятельности, человек снабжен трехчастным психологическим механизмом. Он включает: а) переработанные, нормативные для личности представления о ней других людей; б) спонтанные ответы на социальные воздействия других; в) самость, координирующую предыдущие инстанции.

Этот механизм возникает из коммуникации и ради коммуникации. Партнеры по общению подстраиваются друг к другу, считывают взаимные намерения по жестам, позам, нервно-мускульному гриму лица и, прежде всего,

обмениваются словами. Символический код для интерпретации себя и другого может вырабатываться тут же, в совместном общении, но человеческая коммуникация столь сложна, плотна и неустанна, что большую часть значений приходится брать в готовом, обобщенном виде из символического тезауруса культуры. Он складывается из откристаллизовавшегося опыта прошлых взаимодействий и расписан в виде норм группового поведения, довлеющих над спонтанными действиями индивидов. Перед социальной психологией открывается обширнейшая сфера ролевого поведения: ролевых предписаний, ожиданий, согласований, конфликтов, ролевой компоновки структуры группы, индивидуальных принятий и отвержений ролей и т. д. Метафору «весь мир театр, а люди в нем актеры» символический интеракционизм проработал столь основательно, что, по мнению Шибутани, стал ролевой теорией. Следует, однако, помнить, что ролевая драматургия повседневной жизни (ее описал Э. Гоффман) не просто факт социальной структурированности взаимодействия в группе, но, в соответствии с теоретическими интуициями Мида, выход интерпретационной активности личности, ее склонности наделять окружение значениями и, таким образом, персонализировать себя.

Все перечисленные темы читатель найдет в книге Т. Шибутани. Но книгу Т. Шибутани, разумеется, нельзя сводить к прорисовке умозрений глубокомысленного и малопонятного предшественника. «Социальная психология» — современное психологическое произведение, интригующее остроумным объяснением то вроде бы понятных, то загадочных сторон повседневной жизни. Читатель узнает о строении малой группы, статусах и ролях, структуре самосознания, распаде «Я» и деперсонализации, защитных механизмах, формировании психики ребенка, гипнозе, защитных механизмах, природе маргинальности и многое другое.

Автор иллюстрирует развиваемые положения массой экспериментальных, клинических, исторических, бытовых примеров. Книга — вполне американская по стилю и материалу, читатель найдет в ней приметы эпохи 1960-х годов.

Впрочем, перед нами, прежде всего, амбициозный и масштабный замысел: охватить единым объяснением основные сферы взаимодействия личности и ее социального окружения. Для этого Шибутани приходится делать теоретические заимствования и вне символического интеракционизма. Прежде всего, у близких Миду Т. Кули, Дж. Дьюи, но также, и в очень значительной степени, у З. Фрейда и Г. Салливена (можно говорить даже о некоторой фрейдизации символического интеракционизма). К бихевиоризму отношение двоякое. С одной стороны, отрицательное к его ведущим представителям Дж. Уотсону и Э. Толмену, которые отвергают альфу и омегу интеракционизма: активное сознание и опосредование реальности значениями. Но, с другой стороны, Шибутани делает любопытное замечание: Уотсон — не настоящий бихевиорист, бихевиоризм много шире того, что предложил автор схемы «стимул — реакция». В этом замечании можно усмотреть не столько намерение расширить границы классического бихевиоризма, сколько мечту о единой науке, изучающей поведение человека. Таковая для американского ума связана со словом бихевиоризм.

Читатель, углубившийся в «Социальную психологию», будет, возможно, приятно удивлен. Книга американского профессора предложит ему положения знакомые и даже само собой разумеющиеся. Что такое общество? Общение между людьми. Что такое сознание? Знание, разделяемое с другими. Самого профессора созвучие со здравым смыслом не радует. Он считает, что это — потому, что социальная психология находится еще в младенческом состоянии, как математика до Евклида

Когда-нибудь она повзрослеет и станет единой, точной и доказательной, как математика и физика. Читатель едва ли огорчится, что получил ученую и в то же время весьма понятную книгу. Коллеги же профессора Шибутани повторяют его сетования сегодня, через 30 лет, как, впрочем, повторяли и 50, и 70 лет тому назад. Но это уже тема других книг и предисловий.

Шкуратов В. А.,
профессор, доктор философских наук,
кандидат психологических наук

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Во второй половине XIX века широко развернулись поиски терапевтического использования гипноза. Особую известность приобрели два центра во Франции — один в Париже, под руководством известного психиатра Жане, и другой в Нанси, под руководством Бернгейма. Эти центры соперничали между собой, и каждый стремился изумить посетителей необычным экспериментом. Однажды д-р Бернгейм внушил испытуемому, что, *после* того как тот будет выведен из гипнотического транса, он должен взять зонтик одного из гостей, открыть его и пройтись дважды вперед и назад по веранде. Когда этот человек проснулся, он взял зонтик, как ему внушили. Хотя он и не открывал зонтик, но вышел из комнаты и дважды прошелся вперед и назад по веранде, после чего вернулся в комнату. Когда его попросили объяснить это странное поведение, он ответил, что «дышал воздухом». Он настаивал, что имеет привычку иногда так прогуливаться. Когда же его спросили, почему у него чужой зонтик, он был крайне изумлен и поспешно возвратил предмет на вешалку.

Факты послегипнотического внушения давно были известны специалистам, но молодому венскому врачу Зигмунду Фрейду, который наблюдал это явление во время своего визита в Нанси в 1899 году и перевел две книги Бернгейма на немецкий язык, это удивительное явление послужило основой для открытия, совершившего переворот в науке. Фрейда поразил именно тот факт, что человек что-то делал по причине, самому ему неизвестной, но впоследствии придумывал

правдоподобные объяснения своим поступкам. Человек с зонтиком пытался объяснить свое странное поведение вполне рациональными соображениями и говорил совершенно искренне. Не так ли и другие люди находят «причины» своих действий? Хотя давно было замечено, что объяснения, которые дают люди своим поступкам, не всегда заслуживают доверия, Фрейд сделал это наблюдение краеугольным камнем теории человеческого поведения.

Каждый человек стремится понять самого себя и других людей, подыскивая объяснения наблюдаемым поступкам. Социальные психологи отличаются только тем, что они ищут более объективных способов объяснения человеческого поведения. Их задача заключается в том, чтобы свести многообразные поступки людей к ограниченному числу *общих принципов* — принципов, которые могли бы объяснить даже тот факт, что люди постоянно объясняют себе и другим свои поступки. Сверх того социальные психологи ищут максимальной достоверности, добиваясь высокой точности своих формулировок и проверяя их эмпирически, путем соотнесения с фактами, которые подбираются строго определенным образом. Предмет социальной психологии очень стар, но ее процедуры были установлены только недавно.

Научное познание и здравый смысл

Чтобы принимать разумные решения и достигать удовлетворения с наименьшими усилиями, каждый должен иметь какое-то представление о том, что происходит, своего рода рабочую концепцию относительно данного случая. Различие между помощью, оказанной врачом, которому случилось быть поблизости от несчастного случая, и неумелыми, хотя и искренними усилиями других прохожих — это только различие в уровне знаний.

Большинство представлений, лежащих в основе повседневной жизни, состоит из того, что называется «здравым смыслом». Этот термин относится к нашей рабочей концепции реальности. Разумный человек знает, что его не будет приветствовать на улице покойник, чьи останки он только

что проводил на кладбище; он знает, что люди не могут проходить сквозь каменные стены; и у него началась бы сильная дрожь, если бы части лица его товарища стали вдруг отделяться друг от друга и размещаться по-новому. Хотя у психотиков и бывают подобные восприятия, считается само собой разумеющимся, что такие случаи невозможны в «реальном» мире. В результате длительного опыта ряда поколений сложились популярные представления, которые выжили, поскольку оказались полезными в повседневной жизни. Хотя такие знания не точны и иногда совершенно не обоснованны, мы обычно считаемся со здравым смыслом. Медикам, например, давно известно, что проказа менее заразна, чем туберкулез или сифилис, но люди обычно больше боятся прокаженных и даже изгоняют их из общества.

Различие между здравым смыслом и научным знанием только в степени. Наука сегодня пользуется большим престижем, поскольку она обеспечила высокоэффективные средства приспособления. Развитие теории микроорганизмов, например, привело к открытию и применению антисептических мер, особенно в хирургии, и тем самым к сокращению осложнений после операций. Чем точнее объяснения, тем полезнее они в формировании суждений и в планировании действий. Наука включает в себя все лучшее, что люди смогли ясно сформулировать и подтвердить эмпирически. Но это знание далеко не совершенно и является объектом постоянных уточнений. Научное исследование может рассматриваться как тип деятельности, постепенно развивающийся в попытках людей найти более эффективные способы преодоления трудностей.

Разумеется, многие закономерности природы были поняты интуитивно задолго до того, как ученые сформулировали свои принципы. Мыло было изобретено прежде, чем появилась теория ионов, и отбор домашних животных на племя проводился задолго до того, как Мендель сформулировал законы генетики. Однако в тех случаях, когда люди пытаются внести улучшения в практику, основанную на обыденных представлениях, здравого смысла оказывается недостаточно, возникает потребность в научном знании.

Решение самых земных вопросов повседневной жизни требует некоторого понимания человеческих существ. Каждому

приходится выбирать друзей, находить супруга, принимать решения, связанные с продвижением по службе, или выносить суждение о человеке, который нарушил какое-нибудь правило. Неловкость в присутствии посторонних возникает от неопределенности, Люди не в состоянии уверенно действовать до тех пор, пока они не могут предвидеть того, что, вероятно, будут делать другие. Нельзя даже перейти улицу без уверенности в том, что шофер приближающегося автомобиля не сочтет за лучшее переехать пешехода.

Человек должен также располагать минимальными сведениями о самом себе. Один может вдруг обнаружить, что потерял способность быстро выполнять свою работу. У другого возникнут угрызения совести, потому что он, оказывается, ненавидит собственных родителей, или не может владеть собой, или чрезмерно озабочен половым вопросом.

Сталкиваясь с такими трудностями, люди обычно полагаются на обыденные представления. Но здравый смысл не всегда мудр, ибо в нем нет различия между аккумулированной мудростью веков, ходячими предрассудками и местными суевериями. Многие американцы убеждены, например, что красота, обаяние, здоровье и богатство поклонника сделают счастливой любую молодую женщину. Однако известно немало случаев, когда блистательные актрисы и наследницы, обладающие всеми этими сокровищами, совершали самоубийство, утверждая, что жизнь для них потеряла смысл. Многие обыденные представления противоречивы. Фрэнсис Бэкон однажды выбрал из басен, пословиц и поговорок несколько суждений относительно человеческого поведения и для каждого из них смог там же подобрать антитезу. Утверждение «разлука любовь бережет» правдоподобно не менее, чем «с глаз долой — из сердца вон». Эти наблюдения наводят на мысль, что требуется нечто большее, чем просто здравый смысл.

В наши дни люди с надеждой смотрят на социальных ученых. Оказываемое на них давление тем сильнее, чем важнее возникающие проблемы. При возрастающей концентрации политической власти поступок одного безумца может повлечь за собой гибель миллионов. Успехи физических наук сделали войну столь разрушительной, что впервые в истории истребление человеческого рода стало вполне возможным.

Необходимость в достоверном знании человеческого поведения ощущается сейчас более настоятельно, чем когда бы то ни было раньше. В век, когда успехи естественных наук вызывают всеобщее восхищение, не приходится удивляться, что все больше людей считает необходимым перенести оправдавшие себя методы исследований на изучение человека. Проблемы стали отбираться с большей тщательностью, достигнута большая строгость в формулировании и проверке гипотез, обращается серьезное внимание на планирование экспериментов, на точность в собирании и анализе фактов. К сожалению, однако, возникло и слепое подражание преуспевающим наукам. Не в силах устоять против соблазнов технического словаря, социальные ученые выработали ужасающий жаргон. Введение специальных терминов вполне оправдано, если это позволяет внести необходимые уточнения. Однако многие термины — всего лишь синонимы слов обыденной речи. Под влиянием тщательно разработанных методов точных наук возникли превосходные методики опосредствованного наблюдения и измерения. Однако слишком часто они используются лишь для того, чтобы доказывать весьма тривиальные истины с неправдоподобной затратой сил. Некоторые исследователи даже отказывались изучать важные проблемы на том основании, что не существует методик для точного измерения соответствующих данных. Как заметил один из критиков, люди, всецело поглощенные совершенствованием технического аппарата исследования, подобны человеку, который старательно полирует свои очки вместо того, чтобы использовать их для улучшения зрения[1].

Некоторые исследователи человеческого поведения настойчиво утверждают, что они «ученые», и требуют уважения и привилегий, соответствующих этому званию. Но такие претензии появились преждевременно. Даже лучшие экспериментальные работы еще недостаточно зрелы и всего лишь выявляют некоторую взаимосвязь между неточно определяемыми

---

[1] Abraham H. Maslow, Motivation and Personality, New York, 1954, pp. 13 — 21. Ср.: Franklin P. Kilpatrick, ed., Human Behavior from the Transactional Point of View, Hannover, 1952, pp. 195 — 212.

переменными. Если используются точно установленные факты, то обычно нет уверенности в репрезентативности взятых для исследования образцов. А о многих областях человеческой деятельности вообще даже не сформулировано правдоподобных гипотез.

Тот факт, что научное изучение человеческого поведения еще не вышло из детского возраста, становится болезненно ясным, как только пытаются применить одно из современных учений к какой-либо практической проблеме. Родители, поверившие в теорию, которая подчеркивает роль поощрений и наказаний, пытаются предотвратить формирование нежелательных привычек путем жесткой дисциплины. Те же, кто принимает концепции психоанализа, считают главным длительное кормление грудью, терпеливое приучение к туалету и атмосферу нестрогого обращения, в которой опасность фрустраций сводится к минимуму. Показательно, однако, что родители-невротики имеют, как правило, детей-невротиков независимо от того, какого метода воспитания они придерживаются. То же самое можно сказать и о лечении душевнобольных. Существует немного доказательств, что пациенты выздоравливают от психозов благодаря той или иной терапии. Зато есть немалое количество людей, которые выздоровели, видимо, спонтанно, без помощи какого-либо систематического лечения. И хотя книги оказывают некоторую помощь учителям, социальным работникам, администраторам и психиатрам, многое из того, что могут им предложить социальные ученые, оказывается слишком далеким от того, с чем они практически имеют дело.

Современное состояние науки о человеческом поведении в некотором отношении очень напоминает состояние математики до Евклида. Поразительный подвиг строителей египетских пирамид свидетельствует о том, что в то время имелись определенные математические знания. Но геометрия была лишь собранием разрозненных сведений и полезных эмпирических правил. Евклид ввел точные определения, связал термины в теоремы и вывел теоремы одну из другой, преобразовав тем самым существующую информацию в стройную систему знания. Сегодня накоплено много сведений о человеческом поведении, но они еще не получили адекватной систематизации.

Сказанное не означает, будто сегодня социальные науки бесполезны. Люди должны действовать на основе лучших из имеющихся в наличии знаний. Поскольку социальные ученые — это специалисты, сосредоточившие свое внимание на наблюдениях за человеческим поведением и размышлении о нем, многие их суждения могут оказаться более полезными, чем суждения неспециалистов. Раз ограниченность молодой дисциплины осознанна и учтена, эта дисциплина может иметь положительное значение.

Все области знания брали старт с, казалось бы, не подающего никаких надежд начала. Рост научного знания есть накапливаемое движение, начинающееся со здравого смысла и становящееся все более достоверным по мере прогрессирующего освобождения от ошибок. Первые усилия в любой отрасли связаны с появлением дилетантов, первые открытия бывают настолько очевидны, что некоторые сомневаются, достойно ли исследование этого названия. Но работники, продолжающие усилия пионеров, приходят к познанию уже менее очевидных истин, а со временем выдвигают проблемы, которые никогда не могли бы быть поставлены с позиций простого здравого смысла. В одной области за другой фольклор уступает место научному познанию, и сейчас эта тенденция проявляется в изучении человеческого поведения.

Развитие социальной психологии

Социальная психология — это лишь одна из нескольких дисциплин, специализирующихся на изучении человеческого поведения. Она еще не твердо установилась в качестве самостоятельной сферы исследования, и во многих университетах чтение лекций по этому предмету вызывает ссоры между различными кафедрами и факультетами. Те, кто называет себя социальными психологами, обычно проявляют интерес к более или менее сходным группам явлений, хотя не лишено оснований мнение, что в этой области существует почти столько же концепций, сколько социальных психологов.

Среди доминирующих точек зрения выделяются гештальтпсихология, теория научения, психоанализ и интеракционистский

подход, иногда называемый «теорией ролей», или «теорией Я». Каждая из этих ориентаций подразделяется далее на несколько ветвей. Эта пестрота взглядов отражает необычную историю данной науки: она создается усилиями ученых, воспитанных в различных интеллектуальных традициях. Большой вклад в развитие социальной психологии внесли антропологи, психиатры, психологи и социологи. Однако представители каждой школы склонны полагать, что только их позиция соответствует истине, и относятся к другим снисходительно, считая, что те блуждают в потемках и смогут увидеть свет, только если повезет.

Психологи обычно изучают устойчивое и повторяющееся в индивидуальном поведении. Теоретически сюда могут входить все аспекты поведения человека, но в действительности интерес концентрируется на изучении восприятия, памяти и мышления, на обучении и развитии личности. Во второй половине XIX века появился некоторый интерес к вопросу о том, как влияют друг на друга индивиды, участвующие в группах; значительное внимание привлекли явления массового гипнотизма и внушаемости. Но большинство психологов отстаивает индивидуалистические предубеждения и основной единицей анализа считает обособленного человека. Психологи полагают, что все, что люди чувствуют, думают и делают в группах, может быть объяснено в терминах индивидуального поведения. Некоторые заявляют даже, что группы реально не существуют, что это не более как скопление индивидов. Хотя «Введение в социальную психологию» Мак-Дауголла было опубликовано еще в 1908 году, до последнего времени социальный контекст игнорировался большинством психологов.

Экспериментальный подход к социальной психологии пытались разработать такие пионеры этой науки, как Флойд Оллпорт, Фредерик Бартлетт, Курт Левин и Вальтер Мёде. Однако значительный скептицизм сохранялся до тех пор, пока не накопилось достаточно наблюдений, которые уже нельзя было объяснить теориями традиционной психологии. Изучение Шерифом автокинетического эффекта привлекло всеобщее внимание. Неподвижная мерцающая точка в полной темноте кажется движущейся. Всякий раз она может представляться в новом месте, особенно если человек не знает, на каком расстоянии она находится. Источник света не может быть локализован, поскольку в темной комнате нет точки отсчета.

В ходе эксперимента испытуемые должны были указать направление движения точки и расстояние до нее. Пока индивиды исследовались поодиночке, их ответы значительно отличались один от другого. Но когда несколько испытуемых вместе наблюдали светящуюся точку, содержание их суждений постепенно сближалось. Люди как бы стремились прийти к соглашению относительно направления движения точки и расстояния до нее. В действительности же источник света оставался неподвижным. Этот эксперимент доказал, что восприятия человека не есть прямая копия того, что «существует вне нас», и что в определенных обстоятельствах на восприятие сильно влияют сообщения окружающих[2].

Позднее другие исследователи продемонстрировали зависимость восприятия и познавательных процессов индивида от поведения других людей, в контакте с которыми он состоит. Многие психологи с энтузиазмом приступили к изучению групповых связей человека. Однако некоторые из них и сегодня выражают серьезные опасения по поводу непонятного увлечения своих коллег[3].

Социологи всегда стремились изучать закономерности формирования, укрепления и распада человеческих групп. Почти с самого начала они приняли социальную психологию как составную часть своей науки. Такие пионеры социологии, как Эмиль Дюркгейм, Георг Зиммель, Габриэль Тард и Макс Вебер, рассматривали группу как процесс взаимодействия людей. Поэтому они не могли не испытывать интерес к индивидуальным участникам, чье поведение создавало те шаблоны взаимодействия, которые они описывали. В Соединенных Штатах распространение социальной психологии среди социологов было связано с более широким интеллектуальным движением, развившим некоторые положения дарвиновской теории эволюции. Прагматисты — Джон Дьюи, Уильям Джемс, Джордж Мид и Чарлз Пирс — пытались выработать новый взгляд на

---

[2] Muzafer Sherif, A Study of Some Social Factors in Perception «Archives of Psychology», XXVII (1935), № 187

[3] См. Gordon W. Allport, The Historical Background of Modern Social Psychology, «Handbook of Social Psychology», G. Lindzey, ed., Cambridge, 1954, Vol. I, pp. 3 — 56; J. Gillen, ed., For a Science of Social Man, New York, 1954, pp. 160 — 256.

человека и общество. Вместо изучения субстанции они подчеркивали примат деятельности; вместо того чтобы изучать, что составляет содержание человеческого разума, они рассматривали восприятие и мышление как типы поведения. Они переключили внимание с изучения устойчивых форм на исследование закономерностей изменений — на генезис и развитие. От анализа структур личности и социальных институтов они перешли к анализу процессов, к изучению того, *как что происходит*, каким образом живые организмы — индивидуально и коллективно — приспосабливаются к условиям жизни[4].

Дж. Мид полагал, что отличительные признаки человека — способность к абстрактному мышлению, формированию представления о самом себе как о чувственном объекте и включению в целенаправленное и моральное поведение — развились как специфическое приспособление человека к потребностям жизни в группах. Итак, социальная психология получила новый импульс благодаря усилиям группы философов, преследовавших более широкие интересы.

Своеобразный интеллектуальный климат обусловил тот факт, что американские социологи больше, чем психологи, проявили интерес к исследованиям внушаемости. Они подчеркивали, что социальная группа состоит из взаимодействующих лиц, а различные шаблоны взаимодействия — не что иное, как коллективное приспособление к условиям жизни. Поведение толпы, например, — это один из многих возможных способов встретить кризис. Сверх того они живо интересовались проблемой социализации: как человеческое дитя, рождаясь беспомощным и неразвитым, приобретает способность участвовать в организованных группах? Для Кули, Парка и Томаса изучение развития личности становится одной из главных подотраслей социологии[5].

Антропологи постоянно занимались изучением культур — особенно обрядов, систем родства и артефактов, обнаруживаемых в доиндустриальных обществах. Но не все антропологи

---

[4] См. Horace M. Kallen, Functionalism. Encyclopedia of the Social Sciences, Vol. VI, pp. 523 — 526; Edna Heidbreder, Seven Psychologies, New York, 1933, pp. 152 — 233; Albion W. Small, General Sociology, Chicago, 1905.

[5] См. Fay B. Karpf, American Social Psychology, New York, 1932.

ограничивались чистым описанием — психологическая интерпретация находок всегда занимала почетное место в этой области. Леви-Брюль и Риверс были среди тех, кто первым попытался объяснить эзотерические обычаи с точки зрения общих психологических принципов. В 1920 году Эдвард Сепир задался вопросом, не составляет ли культура нечто большее, чем просто шаблонное поведение в определенных группах, а десять лет спустя Маргарет Мид опубликовала свое сравнительное исследование, посвященное развитию личности в условиях различных культур. Так была продемонстрирована полезность этнографических данных для анализа проблем, представляющих более широкий интерес. Совсем недавно изучение культурных изменений заставило обратиться к вопросу о том, как индивид овладевает новой культурой, а исследование различных типов культурной интеграции привело к поискам соответствующих шаблонов интеграции личности. Взаимовлияние социальной психологии и антропологии приводит к развитию методов полевого исследования и к более глубокому пониманию вариабельности человеческого поведения[6].

Психиатры заинтересованы прежде всего в лечении людей, которые признаны душевнобольными. Но терапевтические меры могут быть эффективными лишь тогда, когда они базируются на достоверном знании. Не получая такового из других источников, врачи вынуждены были положиться на свои собственные исследования. Подобно психологам, поначалу они концентрировали внимание на изучении пациента вне его общения с другими людьми, причем нередко были уверены, что все расстройства порождаются лишь органическими причинами — повреждением мозга, нарушением обмена веществ или токсинами в крови. Фрейд отказался от прежних концепций и сосредоточил внимание на изучении бессознательных эмоциональных реакций. Его методика в значительной степени состоит из попыток манипулировать переживаниями в процессе коммуникации. Правда, Фрейд пытался свести свою теорию к физиологическим и химическим терминам, но не добился в этом успеха. Его последователи — Альфред Адлер,

---

[6] См. Clyde Kluckhohn, Culture and Behavior, Lindzey, op. cit., Vol. II, pp. 921 — 976; A. L. Kroeber, ed., Anthropology Today, Chicago, 1953, pp. 417 — 429, 597 — 667.

Норман Камерон, Карен Хорни, Эрих Фромм, Гарри Салливен и др. — прямо говорят о душевных расстройствах как о результате нарушений в межличностных отношениях. В сущности, это не противоречит Фрейду; Фрейд очень интересовался такими связями, но многих своих проницательных наблюдений не включил в формальную теорию. Салливен, который, в частности, находился под сильным влиянием Сепира, определил психиатрию как изучение межличностных отношений. В США, где его взгляды приобретают все большее признание, многие психиатры становятся социальными психологами[7].

Итак, стены между этими специальностями оказались непрочными: психологи и психиатры стали интересоваться отношениями объекта их изучения с другими людьми, а социологи и антропологи начали понимать важность личностных различий. Внимание сконцентрировалось на взаимодействии индивидов. Осознание общности интересов получило в дальнейшем институциональное выражение в форме «междисциплинарных» исследований, осуществляемых учеными разных специальностей[8].

Сближение интересов значительно облегчается свойственной большинству социальных наук *бихевиористской* ориентацией, которая позволяет приводить данные из различных источников к общему знаменателю. Это ни в коей мере не означает, будто растет число последователей Джона Уотсона, которого неправильно считают основателем бихевиоризма. Уотсон занимал крайнюю позицию и потому получил известность, но его взгляды — это лишь одна из попыток выражения самой распространенной в американской мысли тенденции[9]. Социальные ученые становятся бихевиористами, поскольку они подходят к изучению людей, фокусируя внимание прежде всего на том, *что они делают*, а не на продуктах их деятельности. Конечно, политические науки по-прежнему интересуются законами и конституциями, но они все больше и больше обращают

---

[7] См. Ruth L. Munroe, Schools of Psychoanalytic Thought, New York, 1955.

[8] См. Leonard S. Cottrell and Ruth Gallagher, Developments in Social Psychology: 1930 — 1940, New York, 1941.

[9] Willard Harrell and Ross Harrison, The Rise and Fall of Behaviorism, «Journal of General Psychology», XVIII (1938), 367 — 421.

внимание на то, что люди делают, когда вовлекаются в политические события. Точно так же антропологи не отказываются от археологических исследований, но все более интересуются шаблонами поведения людей, пользовавшихся данными артефактами. Подобно этому психологи продолжают изучать мышление и другие психические процессы, но понимают эти явления как формы деятельности, в значительной степени лингвистической по своей природе. «Система соотнесения с действием» («action frame of reference») становится настолько принятой, что многие сейчас охотнее говорят о «науках о поведении», чем о «социальных науках».

Социальная психология стала независимой наукой отчасти потому, что специалисты различных отраслей знания не в состоянии были решить некоторые свои проблемы. Психологи обнаружили, что они не могут объяснить некоторых наблюдаемых фактов восприятия и мышления; социологи не имели удовлетворительного объяснения того, каким образом поддерживаются и изменяются групповые структуры; антропологи нашли, что некоторые из их обобщенных описаний культуры кажутся пустыми и безжизненными, пока не принимаются в расчет личные переживания участников; и психиатры были вынуждены внимательно отнестись к альтернативным теориям человеческого поведения, когда терапевтические меры, основанные на прежних взглядах, оказались неадекватными. Подобные трудности заставляют осознать то, что должно было бы быть ясно с самого начала, а именно, что люди всегда живут в группах и что подавляющее большинство их поступков связано с прошлым, настоящим или будущим поведением их товарищей. Тот факт, что социальная психология имеет столь разнообразные источники, означает, что она, вероятно, будет какое-то время страдать от противоречий, но в конечном счете перекрестное оплодотворение окажется полезным для всех заинтересованных.

Социальная матрица человеческого поведения

Научное исследование — один из нескольких типов интеллектуальной деятельности. Его главная особенность в том, что

основанием для признания тех или иных выводов служат не авторитеты и не логическая последовательность суждений, но *эмпирические доказательства*. Большинство ученых исходит из предположения, что события в природе происходят закономерным образом. Применительно к изучению человеческого поведения это означает, что поступки человека суть проявления повторяющихся процессов и что задача социального ученого состоит в том, чтобы выделить и описать это единообразие.

Но существует ли повторяемость в действиях людей? Человеческие поступки кажутся столь разнообразными, что некоторые ученые сомневаются в возможности здесь правдоподобных обобщений. Часть трудностей связана с семантикой. Например, термин «преступность малолетних» применяется к описанию очень разных поступков. Тут и оскорбление словом, и насилие, и воровство, и сексуальный промискуитет, и любое действие, наказуемое законом. Кроме того, один мальчик мог украсть автомобиль ради сенсационной прогулки на новой машине, а другой мог сделать то же самое, чтоб показать своим товарищам, что он не трус. Вряд ли могут быть сформулированы достоверные обобщения относительно поступков, которые сходны только внешне, но по существу различны. Исследователи человеческого поведения только начинают заглядывать глубже кажущихся подобий, на которых основаны многие понятия здравого смысла. Есть все основания полагать, что в поступках людей существует некий порядок, но большинство закономерностей еще не распознано потому, что используются негодные понятия[10].

Человеческое поведение может описываться как биохимический процесс, как сокращение мышц или как проявление личностных структур. Социальный психолог представляет лишь одну из многих возможных точек зрения: он рассматривает людей как участников группы. Это не отрицает ни того факта, что люди — биологические существа, ни того, что поведение является органическим процессом. Однако интерес концентрируется на тех частных особенностях человеческого поведения, которые, видимо, должны были бы отсутствовать, если бы люди жили изолированно друг от друга. Итак, социальные

---

[10] См. Alfred Schuetz, Common Sense and Scientific Interpretation of Human Action, «Philosophy and Phenomenological Research», XIV (1953), 1—38.

психологи интересуются *не всем*, что делают люди; их внимание сосредоточивается лишь на *тех закономерностях человеческого поведения, которые обусловлены фактом участия людей в социальных группах*. Но раз это так, очевидно, что эта возникающая дисциплина не является отраслью ни одной из известных ранее областей знания.

Существует масса банальных наблюдений, которые можно было бы привести, чтобы показать возможность такого подхода. Участвуя в линчующей толпе, индивид способен совершать поступки, одно только воспоминание о которых впоследствии наполнит его ужасом и омерзением и, возможно, даже приведет к самоубийству. Есть много вещей, не обязательно запрещенных, которые человек вряд ли решится делать в присутствии другого человеческого существа: открыто любоваться собой перед зеркалом, ковырять в носу или обнажать определенные части своего тела. Итак, простое присутствие другого человека, даже совершенно постороннего, безусловно, изменяет поведение любой социализированной личности. Именно этот аспект человеческого поведения и будет нас интересовать.

Многие полагают, что дискриминирующее обращение с каким-то этническим меньшинством основано на «предрассудках», и, поскольку личности присущи именно эти установки, ожидается, что предубежденный человек будет подобным же образом поступать во всех ситуациях. Однако Рейцес обнаружил, что это не так. В изучаемой им округе, где большинство населения было занято на двух заводах, считалось необходимым принимать негров на работу, но имелись серьезные возражения против их въезда в данную местность. В округе существовала организация земельных собственников, посвятившая себя исключительно тому, чтобы не впускать негров. Напротив, профсоюзы и администрация обоих заводов проводили недискриминационную политику. Примерно 150 работников этих заводов, живущих в данной округе, были проинтервьюированы, причем учитывалась личная заинтересованность в деятельности профсоюза, в делах округи и отношение (принятие или отвержение) к неграм как соседям и как рабочим.

Из 68 человек, отвергавших негров как соседей, только 11 отвергали их как рабочих; из 66, принимавших негров как рабочих, только 10 выразили желание видеть их живущими в данной округе. Обнаружилась высокая положительная корреляция

между участием в ассоциации земельных собственников и отрицанием негров как соседей и такая же корреляция между участием в деятельности профсоюза и принятием негров как товарищей по работе. Индивидуальные реакции на негров отличались, следовательно, не в зависимости от личных чувств к ним, но в зависимости от обстоятельств, в которых они рассматривались[11].

Насколько поведение человека зависит от ожидаемой реакции других, прослежено в исследовании Гордена. Он обнаружил несоответствие между мнением о Советской России, выражаемым частным порядком, и ответом на тот же вопрос в присутствии других членов группы. На занятиях, где каждого спрашивали публично, ощущалось давление со стороны группы: некоторые делали попытки уйти от ответа, другие отвечали почти неслышно. Каждого человека спрашивали также, какое мнение разделяет группа. В 13 из 24 случаев открыто выраженное мнение было ближе к взглядам, рассматриваемым как точка зрения группы, чем к личному мнению субъекта, конфиденциально сообщенному ранее. Только 3 человека придерживались того же самого мнения в обеих ситуациях[12].

В этой книге нет попытки охватить все темы, исследованные учеными, которые считают себя социальными психологами. Внимание сосредоточивается на четырех проблемных областях: социальный контроль, мотивация, межличностные взаимоотношения и социализация. Представленная здесь точка зрения может быть названа *интеракционистским* подходом к социальной психологии.

Хотя существует тенденция презирать теорию как «пустую спекуляцию», в действительности теории необходимы для исследований. Спекуляция превосходит непосредственный опыт, поскольку стремится объяснить, унифицировать, упорядочить хаос впечатлений и обнаружить какое-то подобие порядка.

---

[11] Dietrich C. Reitzes, The Role of Organizational Structures, «Journal of Social Issues», IX (1953), 37 — 44.

[12] Raymond L. Gorden. Interaction between Attitude and the Definition of the Situation in the Expression of Opinion, «American Sociological Review», XVII (1952), 50 — 58. Ср. Bertram H. Raven, Social Influence on Opinions and the Communication of Related Content, «Journal of Abnormal and Psychology», LVIII (1959), 119 — 128.

Теория связывает различные наблюдения в единое целое и предлагает рабочую ориентацию. Любой ученый начинает с системы предположений относительно предмета своего исследования. Направление работы зависит от того, как сформулирована проблема. Первоначальные гипотезы выводятся из теории, хотя в дальнейшем они могут изменяться в свете накапливающихся фактов.

Интеракционистский подход характеризуется убеждением, что *человеческая природа и социальный порядок являются продуктом коммуникации*. Поведение не может рассматриваться только как ответ на стимулы среды, или как выражение внутренних органических потребностей, или как проявление культурных шаблонов. Важность сенсорных сигналов, органических стимулов и культуры, безусловно, признается, *но направление, которое приняло поведение человека, рассматривается как результат взаимных уступок людей, зависящих друг от друга и приспосабливающихся друг к другу*. Кроме того, *личность человека* — те отличительные шаблоны поведения, которые характеризуют данного индивида, — *рассматривается как формирующаяся в процессе повседневного взаимодействия с окружающими*. Наконец, *культура группы* принимается не как нечто внешнее, извне навязанное людям, но как состоящая *из моделей соответствующего поведения, которые возникают в коммуникации и постоянно укрепляются постольку, поскольку люди сообща взаимодействуют с условиями жизни*. Если мотивация поведения, формирование личности и развитие групповой структуры происходит в социальном взаимодействии, из этого логически следует, что внимание должно быть сосредоточено на обмене, который происходит между человеческими существами, поскольку они вступают в контакт друг с другом.

Обобщения должны оцениваться на основании фактов, полученных в ходе наблюдений или клинических и экспериментальных исследований — пусть даже проведенных людьми, которые стоят на иных теоретических позициях. Среди процедур современных исследований большое место занимает эксперимент. Следует обратить особое внимание, в частности, на некоторые эксперименты, безжалостно поставленные природой, — люди, лишенные возможности слышать или видеть, страдающие шизофренией, гермафродиты, наркоманы, множественные личности, жертвы болезни Паркинсона или дети,

жившие в изоляции от других человеческих существ. Сравнение с такими ужасными аномалиями проливает много света на проблемы повседневной жизни. Здесь случайный контроль за некоторыми критическими переменными делает возможной проверку выводов, которые иначе трудно было бы верифицировать.

Наблюдаемые факты можно объяснять по-разному. Так, если человек покончил с собой, можно вспомнить недавнее происшествие, когда он стал объектом презрения своих сослуживцев. В этом случае событие объясняется указанием на какое-то предшествующее событие, которое обозначается как его «причина». Но логики различных школ выражали серьезные сомнения по поводу того, может ли такое объяснение считаться удовлетворительным. Например, если некто убит из огнестрельного оружия, явилось ли «причиной» его смерти прекращение жизненных функций от отсутствия кислорода, прекращение нагнетательных движений сердца, разрыв сердца пулей, взрыв пороха, который привел в движение пулю, удар бойка по капсюлю, нажимание курка, состояние рассудка человека, который спустил курок, или же поступок жертвы, который привел в ярость убийцу? Какой бы случай тут ни избрать, он окажется вырванным из сложного контекста. Как мы увидим ниже, эта популярная концепция «причины» и «следствия» есть, по существу, антропометрическая проекция на Вселенную представления о разумном действии — впечатление, которое возникает из специфически человеческих переживаний[13]. Никакое исследование не может установить, следовательно, «причин» человеческого поведения.

Во многих других областях знания все чаще применяется «объяснительная модель»[14]. В химии и физике широко используется теория поля, подобные объяснительные схемы возникают и в других дисциплинах: «организмический» подход в биологии, «гештальт»-движение в психологии, прагматизм в философии, различного рода «функциональные» ориентации в

---

[13] См. Bertrand Russel, Mysticism and Logic, New York, 1957, pp. 174 — 201; John Dewey, Logic: The Theory of Inquiry, New York, 1938, pp. 442 — 462.

[14] См. Ivan D. London, The Role of the Model in Explanation, «Journal of Genetic Psychology», LXXIV (1949), 165 — 176.

социальных науках. События рассматриваются как проявления функционирующих систем, действующих одна внутри другой. Простейшей иллюстрацией может служить организация человеческого тела. Клетка — это система внутри некой ткани, являющейся частью какого-то органа, который в свою очередь есть часть большей системы — дыхательной, кровеносной, пищеварительной, половой. Ни одна из этих систем не может функционировать отдельно от остального организма. Выполняя свои функции, каждая система способствует сохранению большего союза, частью которого она является. Данный подход, следовательно, направлен на то, чтобы выяснить характеристики различных систем, каждая из которых имеет свои отличительные особенности только в силу ее участия в большем контексте. Сверх того, имеется некий организующий принцип, который придает каждой системе характерный для нее рисунок; это делает целое чем-то большим, чем простая сумма его частей. Ударение при этом типе анализа делается на том, чтобы обнаружить, как происходит действие[15]. В этой книге будет предпринята попытка *объяснить то, что делают люди, путем исследования особенностей пяти функциональных единиц, какими являются действие, значение, роль, личность и группа.*

Итоги и выводы

Первая задача жизни заключается в том, чтобы жить; и чтобы жить успешно, люди должны знать нечто о себе самих и о мире, частью которого они являются. Объяснения, какие люди дают своим поступкам, не адекватны, ибо, даже когда говорящие вполне искренни, они слишком часто оправдывают себя. Но если нельзя верить объяснениям самих действующих лиц, возможно ли разработать такую схему, которая бы обеспечила более правдоподобное объяснение человеческого поведения? До сих пор большая часть взаимных приспособлений людей основана на представлениях здравого смысла, но проблемы нашего

---

[15] См. Morton Beckner, The Biological Way of Thought, New York, 1959, pp. 110 — 158; Paul Meadows, Models, Systems and Science, «American Sociological Review», XXII (1957), 3 — 9; Alfred N. Whitehead, Science and the Modern World, New York, 1926.

времени столь настоятельны, что требуется более достоверное знание. Социальная психология есть только одна из многих дисциплин, в которых делаются попытки получить такие знания.

Но эта область еще очень молода, и она страдает от «болезни роста». Выпущено значительное количество литературы, но большая часть ее умозрительна; в самом деле, в некоторых отношениях это только слегка усовершенствованный здравый смысл. Еще существует несколько конфликтующих школ мысли, и некоторые социальные психологи большую часть своего времени тратят на саркастические дебаты. Таким образом, достижения все еще более чем скромны. Однако основания для оптимизма существуют. Все области знания начинали с наблюдений на уровне здравого смысла и только постепенно вводились уточнения. Вероятно, изучение человека как участника организованного общества в ближайшие годы будет развиваться подобным же образом.

Люди стремятся одерживать победы — покорять высочайшие вершины, побеждать опаснейшие болезни, летать со скоростью, большей скорости звука, достигать новых планет и осваивать их. Исследование в неизведанных направлениях знания может быть приключением не менее пленительным. Оно принесет волнения и тяжелый труд, триумфы и разочарования. Во всех странах мира люди, посвятившие себя науке, продвигаются вперед, собирая факты, проверяя наблюдения, создавая и испытывая новые теории. Успех на этом фронте будет означать, что неисчислимое множество мужчин и женщин будет в состоянии наслаждаться более полной, более богатой, более полноценной жизнью.

Библиографический указатель

Cantril, Hadley, The «Why» of Man's Experience, New York, 1950.

Dewey, John, Logic: The Theory of Inquiry, New York, 1938, pp. 1 — 119, 442 — 512.

Karpf, Fay B., American Social Psychology, New York, 1932.

Lindzey, Gardner, ed., Handbook of Social Psychology, Cambridge, 1954, Vols. I & II.

Lynd, Roberts S., Knowledge for What?, Princeton, 1939.

Wiener, Philip P., Evolution and the Founders of Pragmatism, Cambridge, 1949.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

ГЛАВА 2

СТРУКТУРА ОРГАНИЗОВАННЫХ ГРУПП

Хотя обычно мы склонны рассматривать природу как неорганизованные джунгли, в действительности все живое вплетено в единую ткань жизни. Растения поглощают из атмосферы углекислый газ и выделяют кислород; животные потребляют кислород и возвращают двуокись углерода в атмосферу. Живые существа зависят одно от другого значительно больше, чем мы это себе представляем. Если сокращается число шмелей, сокращаются также запасы красного клевера, ибо только эти насекомые могут достать нектар и осуществить необходимое оплодотворение. Излишек шмелей приводит к увеличению числа определенных видов птиц; последние погибают, однако, когда запасов пищи становится недостаточно. Каждый организм занимает надлежащее место в биологическом сообществе, и человек, подобно всем другим существам, находится в подобной зависимости.

Человеческие существа отличаются своей многосторонностью. Они всеядны и, будучи лишены одной пищи, переключаются на другую. Свободно передвигаясь, они легко покидают неблагоприятное окружение. Но главное, они могут изменять и в известной степени контролировать условия жизни, выращивая для себя пищу, домашних животных, изменяя температуру и развивая систему обмена излишними товарами. Все это оказывается возможным благодаря удивительной способности людей к сотрудничеству. Ученые считают, что

многие особенности человека — например, лингвистическая коммуникация, рефлексивное мышление и самодисциплина — являются результатом групповой жизни. Это значит, что люди зависят друг от друга в значительно большей степени, чем другие живые существа. Но если совместная жизнь в самом деле настолько важна для выживания, то тщательное изучение человеческих групп, безусловно, необходимо.

Изучение социологии начинается с признания того фундаментального факта, что всюду и всегда человеческие существа живут в ассоциации друг с другом. Универсальности коллективной жизни людей не приходится удивляться, поскольку это обусловлено биологической необходимостью: человеческий ребенок рождается настолько неразвитым и беспомощным, что, оставаясь один, он просто не мог бы выжить. Групповая жизнь неизбежна, и центральной задачей социологии является описание таких единиц, как системы совместных действий.

Группа как функциональная единица

Что такое социальная *группа*? В обыденном языке это слово используется, чтобы обозначить довольно устойчивую совокупность индивидов, и многие социальные психологи принимают эту концепцию здравого смысла. Общение человеческих существ дифференцировано: каждый человек связан с разным числом других людей, причем степень интимности тоже различна. Каждый принадлежит к тем или иным малым группам — таким, как семья, церковная конгрегация, школьный класс или общественный клуб. В таких группах легко идентифицируется членство, ясно определена центральная деятельность и члены связаны друг с другом хорошо установившимися взаимоотношениями. Несомненно, такие агрегаты являются социальными группами, вопрос только в том, единственный ли это тип коллективности, которым мы должны интересоваться.

Понимание социологического подхода к человеческому поведению вызывает некоторые трудности потому, что часто используется статическая концепция группы. Внимание в этих случаях сосредоточивается только на стабильных ассоциациях,

ударение делается на принадлежности к ним и на тех характерных установках, которые развиваются у человека благодаря членству. Предполагается, что у бизнесмена консервативные политические убеждения, тогда как член профсоюза более восприимчив к радикальным мыслям. Если человек принадлежит к группам с конфликтующими взглядами, ожидается, что он будет страдать от внутренних конфликтов, и, если он оставляет одну группу, чтобы присоединиться к другой, ждут, что у него выработаются новые установки. С этих позиций было проведено много исследований и получены ценные данные. Возможно, однако, что было бы достигнуто еще больше, если бы группы рассматривались скорее с точки зрения *действия*, чем с точки зрения структуры.

Хотя среди социологов нет полного согласия по этому вопросу, многие считают, что в работе необходимо придерживаться динамической концепции группы. Социальная группа может рассматриваться как состоящая *из людей*, действующих *совместно как единое целое*. При таком понимании обнаруживается много типов человеческих коллективов, располагающихся в ряд, от случайно собравшейся на улице толпы до крупной и хорошо организованной корпорации. Особенно важно, что эти объединения человеческих существ во времени и пространстве характеризуются общими стремлениями; именно это делает социальную группу чем-то большим, чем простой агрегат индивидов. Итак, группа может рассматриваться как любое собрание людей, которые включены в последовательную координированную деятельность — в деятельность, сознательно или бессознательно подчиненную какой-то общей цели, достижение которой принесет участникам какого-то рода удовлетворение[1]. Если мы определим группы как агрегаты, состоящие из людей, которые сотрудничают в каком-то общем предприятии, то сюда войдут как организованные, так и неорганизованные агрегаты, как стабильные, так и мимолетные объединения. Несколько переместив ударение, следовательно, мы получаем значительно более широкое понятие.

---

[1] См. Robert E. Park, Society, Everett C. Hughes et. al., eds., Glencoe, 1955, pp. 13 — 21.

В работе с динамической концепцией группы индивиды рассматриваются не столько как члены той или иной организации, сколько как активные *участники* какого-то рода действия. Нас интересуют лишь те аспекты поведения, которые составляют их вклад в общее предприятие. Например, наблюдая за футбольным матчем, мы можем хорошо изучить нападающего, хотя то, что он делает в игре, — это лишь незначительная часть его жизни, даже небольшая часть его деятельности в день соревнований. Он завтракал, беседовал с друзьями, заигрывал с привлекательной девушкой в автобусе, извинялся перед человеком, которого случайно толкнул. Поведение каждого человека может рассматриваться как совокупность отдельных фаз из ряда бóльших взаимодействий, в которых он играл определенные роли.

Если отличительной чертой социальной группы является вовлеченность участников в совместную деятельность, то ясно, что плодотворной отправной точкой при изучении групп будет анализ скорее *действия*, чем *структуры*. Следует отметить, однако, что эти альтернативные концепции суть только различные способы рассмотрения людей. Это не означает, будто один способ обязательно правильный, а другой неверный; может быть полезен каждый из них. Те, кто работает с динамической концепцией группы, более внимательно изучают, *как общество действует*, чем как подгоняются друг к другу составляющие его части. Такой подход, однако, не исключает возможности изучения стабильных и хорошо организованных групп.

Групповое действие может рассматриваться как нечто такое, что создается усилиями людей, каждый из которых руководствуется собственными, независимыми от других участников мотивами и которые все вместе продвигаются к какой-то общей цели. Для совместных действий характерны две существенные особенности: *разделение труда* и *гибкая координация*. Разделение труда — это распределение различных задач. Во всех групповых действиях различные участники выполняют разные функции, но их действия интегрируются в коллективном шаблоне. В футбольной игре человек, пасующий мяч, не обязан бежать по полю, чтобы самому его принять. Все групповые действия включают в себя поведение и переживания некоторого числа людей, отличающихся друг

от друга по тому кто что должен сделать. Это означает, что участники взаимозависимы; каждый человек должен внести свой вклад, иначе единство как целое разрушится.

Гибкая координация есть та высокая степень приспособляемости, которая только и позволяет справляться с особенностями момента и переменами, происходящими в каждой ситуации. Люди, которые вовлечены в совместные предприятия, — не просто марионетки, механически выполняющие свои функции; общее направление координированного действия постепенно складывается из последовательного ряда взаимных уступок участников. Блестящую иллюстрацию такой гибкости находим опять в футболе. Хотя в перехватывании паса нет ничего необычного, нельзя забывать, что расположение игроков на поле никогда не бывает дважды одним и тем же и обстоятельства изменяются чрезвычайно быстро. Каждый участник должен вынести свое собственное суждение и осуществить свое решение, но действия подгоняются одно к другому. В расчет принимаются требования каждой ситуации, и каждый человек по-своему содействует достижению коллективной цели.

Когда группы рассматриваются с точки зрения согласованного действия, обнаруживается много их разновидностей. Группы могут различаться по размеру: от двух любовников, страстно сжимающих друг друга в объятиях, до миллионов мужчин и женщин, мобилизованных на войну. Возможны значительные различия по распределению участников. Они могут состоять в тесном и постоянном контакте, как это бывает в клике; или могут быть рассеяны по всему свету, как представители министерства иностранных дел. По составу группы различаются по нескольким линиям. Участники могут быть относительно однородны, как во многих группах элиты, или разнородны, как в американских политических партиях. Сходство по возрасту, полу, этнической принадлежности или любой общий интерес участников составляют основу для объединения.

Группы могут различаться также по центральной задаче совместных действий и по способу, которым она решается. Каждое взаимодействие характеризуется неким шаблоном деятельности. Такие шаблоны различаются как по содержанию, так и по сложности — дуэльная схватка, выступление

симфонического оркестра, эвакуация находящейся в опасности зоны или выборы президента. Требуемые действия могут состоять из передвижения, восприятия, коммуникации, каких-то форм манипулирования или комбинации нескольких типов поведения.

Важно напомнить, что шаблон деятельности характеризует группу как целое. Конфигурация складывается из множества вкладов, вносимых различными участниками. Каждая группа обладает «безличной формой», в результате чего ее история не может отождествляться с биографией любого участвующего в ней частного индивида. Объединенное действие существует только в поведении людей, но оно представляет собой нечто целое, для которого поведение человека есть только средство. Несколько индивидов сотрудничают в решении задачи, какую ни один из них не может выполнить в одиночку. Именно в этом смысле социальные группы могут рассматриваться как функциональные единицы; в развитии совместного действия существует закономерность, которая отличается от закономерностей поведения участвующих индивидов[2].

Следует также отметить, что шаблоны деятельности не являются «причиной» поведения участников; напротив, эти шаблоны становятся различимы только в координированных действиях людей. Точно так же, как закон падения тел не заставляет объекты падать, эти шаблоны только описывают то, что происходит.

Представление о каждом из объединенных действий как о едином целом, имеющем начало и конец, позволяет различать их также по времени существования. Случайная толпа, собравшаяся у движущейся витрины, едва ли успеет оформиться до того, как распадется. Люди на мгновение останавливаются, смеются, обмениваются несколькими замечаниями и затем расходятся каждый своей дорогой. Линчующие толпы существуют несколько дольше, но и они также растворяются, как только дело сделано. Существуют другие совместные действия, такие, как война, которые тянутся очень долго. Учебные занятия в школе существуют столь

---

[2] См. Charles H. Cooley, Social Process, New York, 1918, pp. 19 — 29.

долгий период, что они продолжаются даже тогда, когда персонал полностью сменится много раз. Некоторые шаблоны деятельности продолжаются веками.

Группы различаются также по степени самосознания и преднамеренности действий, характеризующих их членов. В ритуальных церемониях люди действуют по привычке, и некоторые ухитряются выполнять соответствующие обязанности даже в полусонном состоянии. В ситуациях, где возникают конкурирующие стремления, человек тщательно и критически следит за каждым движением соперника и в то же время строго контролирует свое собственное поведение. Напротив, в толпе болельщиков на стадионе самосознание сведено к минимуму. Иногда они забываются настолько, что вопят так, как в нормальном состоянии никто бы себе этого не позволил. Итак, некоторые формы группового действия выполняются почти автоматически; другие осуществляются путем сознательного сотрудничества; иные предполагают взаимные уступки сторон, преследующих противоположные интересы; и есть формы, связанные со слепыми, импульсивными вспышками напряжения.

Всякий раз, когда действия повторяются, особенно теми же самыми людьми, появляется тенденция к стабилизации. Повторение закрепляет, фиксирует действия в привычках индивидов. Поскольку люди вновь и вновь вместе решают одни и те же задачи, они начинают полагаться друг на друга. У них развивается чувство взаимной общности (идентификация), и вскоре появляется ощущение, что они связаны определенными обязательствами. Границы группового членства становятся теперь более строгими. Когда все это происходит, разрозненные попытки и стремления участников складываются в систему взаимных ожиданий-требований (экспектаций); вскоре жестко устанавливаются (институционализируются) процедуры для приведения к порядку тех, кто отклоняется от норм. Если сформировались все эти шаблоны деятельности, можно сказать, что группа теперь формализована. Отсюда следует, что группы могут значительно различаться по *степени формализации*.

Организованная группа есть только один из многих видов человеческих коллективов. Ее состав достаточно стабилен для того, чтобы участники могли познакомиться друг с другом,

выработать определенные представления о том, что они делают, оценить каждого как сотрудника и выработать четкие взаимные экспектации. Шаблоны деятельности здесь достаточно формализованы, так что легко можно предвидеть направление главных усилий.

Как бы ни отличались одна от другой человеческие группы, в любой из них люди, которые преследуют свои собственные цели, вынуждены постоянно принимать в расчет интересы других людей. Какова бы ни была роль человека в любом из этих различных типов совместных действий, он заслуживает внимания исследователя.

Для систематического наблюдения за группами были разработаны специальные методы исследования. Антропологи долгое время полагались в основном на *информаторов*, получая подробные сведения от небольшого числа хорошо информированных и четко формулирующих сообщения людей, доверие которых они смогли завоевать. Многие социологи отстаивали метод *участвующего наблюдения*, при котором записи велись тем, кто являлся частью группы, подлежащей изучению, причем степень активного участия варьировалась от простого проживания исследователя в наблюдаемой общине до энергичного личного включения в группу. В последние годы специалисты обеих областей разработали различные методы *интервьюирования*, направляя относящиеся к делу вопросы наиболее значительным лицам, которые, вероятно, обладают желаемой информацией. Однако эти методы не гарантировали точности и репрезентативности. Предположение, будто все люди, предоставляющие информацию, честны, еще не дает уверенности в том, что частные взгляды единственного информатора, участвующего наблюдателя или же горсточки опрошенных лиц (респондентов) не исказят отчета до такой степени, что он перестанет соответствовать действительности.

Эти трудности вызывали большое беспокойство, и методика наблюдения постоянно совершенствовалась. Чтобы облегчить изучение взаимодействий большого масштаба и целых общин, включающих сотни, а иногда и тысячи людей, были разработаны различные процедуры выборки и измерения. В последние годы стали проводиться совместные исследования,

при которых материалы собирались несколькими различными, специально стратегически размещенными наблюдателями. Методика также была приспособлена к более детальному описанию, особенно при изучении малых групп[3]. И хотя есть еще много нерешенных — и, быть может, даже неразрешимых — проблем, все же в нашем распоряжении появляется все больше и больше достоверных данных.

Проблема социального контроля

Рассмотрение групп как форм объединенного действия людей приводит к одной из центральных проблем социологии. Каждой группе присущ некий шаблон деятельности, который проявляется в согласованных действиях участников. Но ведь каждый индивид физически отделен от других, у каждого есть свои собственные желания и устремления, и обычно нет физической или биологической необходимости, которая заставляла бы его кооперироваться с другими. Если не постулировать существования какого-то коллективного разума — а такой подход ныне отвергается почти всеми социологами, — становится очень трудно объяснить координацию. Как могут независимо мотивируемые индивиды организовать каждый свою линию поведения таким образом, чтобы их вклады соединялись вместе в единое целое?

Существует несколько гипотез. Самая распространенная из них связана с понятием «*согласие*». ***Независимо мотивируемые индивиды способны координировать друг с другом свои действия в той степени, в которой между ними существует согласие***. Это понятие относится к своего рода взаимопониманию, к наличию у людей общей им всем картины мира. Согласие, однако, не является ни абсолютным, ни статичным. Оно не абсолютно потому, что даже самый близкий из товарищей не в состоянии разделить все внутренние переживания другого, и оно не статично потому, что ориентация каждого

---

[3] Более глубокое рассмотрение различных методов исследования содержится в книгах: William J. Goode and Paul K. Hatt, Methods in Social Research, New York, 1952; Claire Selltiz et al., Research Methods in Social Relations, New York, 1959.

человека по отношению к его собственному мифу постоянно подвергается какой-то трансформации[4]. Однако, прежде чем установится взаимное приспособление, каждый участник должен что-то знать о других, чтобы с достаточной вероятностью предвидеть, что они будут делать.

В повторяющихся и хорошо организованных ситуациях люди в состоянии действовать совместно и сравнительно легко потому, что они более или менее одинаково представляют себе, как следует поступать каждому участнику. Кооперация облегчается, когда люди считают одно и то же само собой разумеющимся. Мы охотно ожидаем своей очереди в гастрономическом магазине, предполагая, что, когда наступит наш черед, другие не будут нам мешать и тоже подождут. Мы охотно получаем за свою работу листки бумаги, сами по себе не представляющие ценности, предполагая, что деньги впоследствии могут быть обменены на любые товары и услуги. Существуют тысячи таких разделяемых предположений, и общество оказывается возможным именно потому, что люди верят в готовность других людей действовать определенным образом. Согласие относится к тем общим предположениям, которые лежат в основе совместных усилий.

Повседневная жизнь студенческой группы дает хорошие примеры действий, основанных на согласии. Почему группа слушает курс социальной психологии? Одних студентов привел сюда теоретический интерес к предмету изучения; другие обеспокоены своими личными проблемами и надеются, что наука поможет им найти решение; третьим так поступить посоветовал профессор; четвертые пришли потому, что их друзья оказались записанными на этот курс; пятые — потому, что они слышали о веселых анекдотах, которые рассказывает преподаватель; и шестые — потому, что у них оказалось свободное между другими лекциями время. Совместное и целенаправленное действие осуществляется, несмотря на различие намерений, потому, что все участники разделяют определенный минимум общих представлений. Каждый понимает, когда и куда он должен явиться и что в принципе будет делать.

---

4 См. Mary P. Follett, The New State, New York, 1923, pp. 19 — 78; Louis Wirth, Community Life and Social Policy, E. W. Marvick and A. J. Reiss, eds. Chicago, 1956, pp. 192 — 205, 368 — 391.

Ему ясно к тому же, как в этом случае нужно вести себя по отношению к профессору и к окружающим. Поэтому большинство студентов прилагает некоторые усилия, чтобы прийти вовремя и подавлять свои агрессивные склонности или желание заснуть. Такие общие представления могут рассматриваться как групповые *нормы*.

Если студенты осознают, что находятся к конкурентной ситуации, где высокий балл получают только наиболее успевающие, появляются другие нормы, которые, правда, имеют очень небольшое отношение к образованию. В таком случае возникает большая озабоченность справедливым распределением баллов. Считается, что оценка должна быть пропорциональна усилиям, и, следовательно, те, кто слишком ленив в учении, не должны получать высоких оценок. Когда студенты уличают друг друга в пользовании шпаргалкой на экзаменах, некоторые из них выступают против обмана по моральным причинам. Наиболее энергичные упреки, однако, обычно основываются на том, что обманщики несправедливо получают преимущества перед своими товарищами. Аргументы преподавателей, что нечестные студенты причиняют ущерб только самим себе, кажутся крайне неубедительными. Все это показывает, что групповые нормы могут значительно отличаться от официально установленных идеалов. В некоторых ситуациях формально провозглашенные цели значат немногим больше, чем лозунги.

У. Томас давно заметил, что поступки человека зависят от его *определения ситуации*. Он подчеркивал, что поведение обычно не является реакцией на стимулы среды, но составляет ряд приспособлений к тому, как интерпретируется происходящее. Чтобы ориентировать себя в новой ситуации, человек сначала устанавливает, в чем состоят его собственные интересы, и затем делает все что может, чтобы овладеть обстоятельствами[5]. Когда существует согласие, участники определяют ситуацию весьма сходно, даже несмотря на то, что каждый из них имеет свою особую точку зрения. Хотя существует разделение труда, каждый индивид представляет

---

[5] См. William J. Thomas and Florian Znaniecki, The Polish Reasant in Europe and America, New York, 1927; Vol. II. pp. 1846 — 1849; Thomas, Primitive Behavior, New York, 1937, p. 8.

себе взаимодействие в целом и, следовательно, тот вклад, который должен быть сделан другими участниками группы. Когда люди разделяют общие представления, они все предъявляют каждому участнику достаточно определенные и сходные между собой экспектации. В результате групповые действия значительно облегчаются.

Насколько поведение может быть организовано посредством групповых норм, видно по тому, как проявляются эмоциональные состояния людей. Хотя эмоции считаются чем-то совершенно спонтанным, на самом деле они обусловливаются представлениями о стандартных ситуациях, в которых действуют определенные нормы эмоционального поведения. Когда встречаются близкие люди, предполагается, что каждый должен быть радостным, независимо от того, что он чувствует на самом деле. На похоронах все обязаны быть грустными, даже если кто-то из осиротевших с ликованием ожидает оглашения завещания. Когда профессор прилагает усилия поднять настроение аудитории, студентам предъявляются экспектации веселиться, и они, как правило, охотно их исполняют. Приспособление к этим нормам создает доминирующее настроение, которое, подобно атмосфере, окружает коллективы. Каждый участник вносит свой вклад в эту атмосферу в той степени, в какой он проявляет соответствующие эмоциональные реакции, и каждый заражается этим настроением в зависимости от того, насколько оно соответствует его состоянию.

Другая ситуация, где можно проверить утверждение, что совместные действия основываются на согласии, — это контакт различных этнических групп. Описывая расовые отношения в южных районах Соединенных Штатов, Дойль показывает, что в дни рабства, когда статус негров был зафиксирован обычаем и законом, кооперация между людьми двух групп оказывалась достаточно эффективной. Хотя многие негры были недовольны существующим устройством, вопрос об их обязанностях и правах почти не поднимался. Однако после гражданской войны, когда эти нормы были разрушены, возникло значительное напряжение не столько из-за конфликта интересов, сколько из-за неспособности людей понять друг друга. И негры и белые часто чувствовали себя оскорбленными в совершенно безобидных ситуациях. Затем,

когда практика дискриминации негров была восстановлена, отношения опять стали стабильными. Следовательно, — таково утверждение Дойля — недоброжелательство или насилие возрастают, когда система этнической стратификации находится в процессе формирования или ломки, в ситуациях, в которых обе стороны не совсем уверены, чего следует ожидать друг от друга. Когда же система господства и эксплуатации хорошо установлена, координированные действия протекают спокойно[6]. Эту точку зрения подтверждает тот факт, что с 1890 по 1940 год напряжения в отношениях между различными этническими группами были наиболее острыми не на Юге, а в северных городах, где статус негров не столь ясно определен[7]. Подобные проявления вражды не наблюдались на Юге до второй мировой войны. Будучи призванными на военную службу, многие негры обнаружили, что они не принуждаются более к подчиненному статусу[8]. Частный вывод из этих наблюдений состоит в том, что многие люди, особенно в обездоленных группах, могут публично поддерживать нормы, которые отвергаются ими в частном порядке. Пока они так поступают, координация продолжается относительно легко.

Некоторые приведенные выше иллюстрации могут навести на мысль, будто групповые нормы столь же определены, как прерогативы полисмена и законы, которые он проводит в жизнь. Иногда бывает и так, но во многих случаях понимание их только подразумевается. Люди постоянно взаимодействуют на основе неписаных правил и часто лишь интуитивно избирают подобающее поведение. Некоторые нормы укоренились так глубоко, что, будучи сформулированы, оказываются трудными для понимания. Дети

---

[6] Bertram W. Doyle, The Etiquette of Race Relations in the South, Chicago, 1937. Автор не пытается оправдывать такую эксплуатацию; он просто отмечает значение «согласия» даже тогда, когда оно связано со страданиями многих людей.

[7] См. St. Clair Drake and Horace R. Cayton, Black Metropolis, New York, 1945, pp. 58 — 76, 263 — 286; Charles S. Johnson, Patterns of Negro Segregation, New York, 1943.

[8] См. Howard W. Odum, Race and Rumors of Race, Chapel Hill, 1943.

легко пользуются родным языком, но, став взрослыми, испытывают трудности в изучении его грамматики, хотя последняя — всего лишь систематическое изложение норм лингвистического поведения.

Чем более установились нормы, тем менее вероятно, что люди их сознают. При высоком уровне согласия предположения разделяются до такой степени, что ни у кого и в мыслях не возникает вопросов. В любой группе важно именно то, что считается само собой разумеющимся, что молчаливо и бессознательно принимается всеми. И именно потому, что так много важных норм лишь подразумевается, посторонним часто трудно освоиться в новой для них группе. Европейские интеллигенты, которые переселились в Америку, чтобы избежать преследований нацистов, много читали о принимающей их стране и часто лучше, чем американцы, знали ее историю, законы и обычаи. Однако эти люди обладали «знанием» американской жизни, но не «знакомством» с нею. Они были не способны понять много такого, что любой ребенок, выросший в Соединенных Штатах, чувствует интуитивно. Чтобы познакомиться с такими нормами, необходимо длительное и личное участие в группе[9].

Большинство норм настолько вошло в жизнь, что мы не осознаем их до тех пор, пока не обнаружится какое-то нарушение или недопонимание. Когда же согласованное действие нарушается, те, кто нарушил нормы, пытаются оправдаться, а другие, напротив, выражают недовольство, настаивая на своих экспектациях. Это наводит на мысль, что иногда истоки обиды и возмущения кроются в том, что участники считают само собой разумеющимся. Лишь когда происходит нечто неожиданное, мы начинаем задумываться о тех предпосылках, которые лежат в основе наших отношений с другими.

Групповые нормы — это не просто способы действия, это подобающие способы. В знакомой обстановке каждый участник интуитивно выбирает соответствующую линию поведения. Всякий раз, когда кто-то поступает неподобающе,

---

[9] Alfred Schuetz, The Stranger: An Essay in Social Psyhology, «American Journal of Sociology», XLIX (1944), 499 — 507.

возникает ощущение неудобства, будто что-то не на месте Совокупность норм, лежащих в основе различных действий какого-либо коллектива, может рассматриваться как *культура* данной группы. В социальных науках это понятие используется по-разному. Следуя Редфилду, культуру можно определить как совокупность ***конвенциальных представлений, проявляющихся в действиях и артефактах, которые характеризуют определенные группы***[10]. Говоря о представлениях, проявляющихся в действиях, обычно указывают на те верования и предположения, которые лежат в основе устойчивого и повторяющегося поведения. Говоря о представлениях, проявляющихся в артефактах, указывают, что материальные объекты создаются и используются определенным образом и что их значение зависит не только от физической структуры, но и от того, какой способ их употребления считается подобающим. Любая группа, которая существует достаточно продолжительное время, вырабатывает определенную систему норм, и понятие «культура» будет использоваться для обозначения специфических представлений, разделяемых личностями в специфической группе.

Люди с общим культурным прошлым легко кооперируются между собой, ибо подходят друг к другу с одинаковыми предположениями. Каждый человек ограничивает свои эгоистические интересы и приспосабливается к экспектациям, которые он может без труда приписать другим по отношению к себе. Гибкая координация человеческих существ основывается, следовательно, на самоконтроле.

Социальная роль как функциональная единица

При изучении организованных групп иногда полезно выделить некоторые устойчивые фазы повторяющихся совместных действий. Там, где разделение труда четко определено, вклады, ожидаемые и требуемые от различных участников,

---

[10] Robert Redfield, The Folk Culture of Yucatan, Chicago, 1941, p. 132.

могут быть названы ***ролями***. Хотя это понятие стало центральным в социологии, им пользуются довольно-таки свободно[11]. Для наших целей будет достаточно рассмотреть ***конвенциальную роль*** как представление о предписанном шаблоне поведения, которое ожидается и требуется от человека в данной ситуации, если известна позиция, занимаемая им в совместном действии. Всякий раз, когда человек приходит в магазин как покупатель, он имеет право внимательно рассмотреть то, что намерен купить, и сделать замечания по поводу цены, но он не имеет права уйти, не уплатив за то, что он выбрал. Подобно этому человек, который серьезно заболел, не только находится в определенном органическом состоянии, но и исполняет роль; он освобождается от своих обычных обязанностей, не несет ответственности за то, что с ним произошло, и с ним обращаются особенно внимательно[12]. То, что делает человек, в значительной мере предписано его пониманием своей роли.

Поскольку здравый смысл оперирует статическим представлением о группе, не приходится удивляться, что под элементами, составляющими группу, обычно имеют в виду индивидов. Но если рассматривать группы динамически, с точки зрения объединенной деятельности, они состоят только из сегментов поведения. Групповое действие комплектуется из тех частных вкладов, которые в своей совокупности составляют совместное действие. Каждый человек играет какую-то роль; и роль, а не индивид, является единицей, подлежащей изучению.

Во всяком организованном действии роли находятся в обязательном взаимоотношении друг с другом, как в драме любая роль имеет смысл только тогда, когда она связана с поведением других действующих лиц. Следовательно, роли не могут быть определены в терминах поведения самого по себе, но только как шаблон взаимных прав и обязанностей. *Обязанность* — это то, что человек чувствует вынужденным делать, исходя из той роли, которую он играет; другие люди

---

[11] Lionel J. Neiman and Jaames W. Hughes, The Problem of the Concept of Role: A. Resurvey of the Literature, «Social Forces», XXX (1951), 141 — 149.

[12] См. Talcott Parsons, Illness and the Role of the Physician, «American Journal of Orthopsychiatry», XXI (1951), 452 — 460.

ожидают и требуют, чтобы он поступал определенным образом. Матери следует заботиться о благополучии своего ребенка независимо от того, любит она его на самом деле или нет. Она не обязана точно так же заботиться о соседском ребенке, даже если, может быть, очень его любит. Больной человек обязан стремиться сделать все для того, чтобы как можно скорее выйти из этой роли, и сотрудничать в этом с врачом. Во всех стандартизованных ситуациях согласованное действие облегчается благодаря тому, что конвенциальные роли связываются воедино установленным образом. Поэтому там, где каждый добросовестно исполняет свои обязанности, координация не вызывает осложнений.

Выступая в определенной роли, каждый человек обладает также правами по отношению к другим участникам. Его *право* образуют экспектации, обращенные к другим участникам и побуждающие их что-то делать ради него. Покупатель имеет право на то, чтобы продавец обращался с ним учтиво; учитель имеет право на то, чтобы его ученики прилагали достаточные старания в учебе. Поскольку роли взаимосвязаны, эти экспектации обязательно взаимодополнительны. То, что составляет право для одного партнера, является обязанностью для другого.

Играние роли заключается в том, чтобы исполнять обязанности, которые налагаются ролью, и осуществлять свои права по отношению к другим. Каждый человек имеет некоторое представление о том, что составляет подобающую линию поведения как для него самого, так и для других. Например, студент, которому хочется спать в аудитории, может ясно понимать, что профессор ничего не заметит. Тем не менее он делает все, чтобы только не уснуть, прежде всего потому, что старается жить в соответствии со своей концепцией данной роли. Более того, он ожидает поддержки от своих товарищей и сочтет предательством, если сосед не разбудит его, когда он начнет храпеть.

Сложное приспособление возможно благодаря тому, что, понимая роли других, человек может представить себе, как они будут реагировать на то, что он делает или собирается делать. Но чтобы понять это, участник должен представить самого себя в положении другого. Покупатель, например, может вообразить, как его просьба прозвучит для продавца,

и соответственно подобрать выражения. Таким образом, *принятие роли* является важной частью играния ролей. Эти два понятия не следует смешивать. Играние роли требует организации поведения в соответствии с групповыми нормами, принятие роли требует, чтобы действующее лицо вообразило, как оно само выглядит с точки зрения другого человека. Но чтобы сделать вывод о внутренних переживаниях другого человека, надо, оставаясь самим собой, стать на мгновение кем-то другим и, возможно, даже солидаризироваться с ним[13]. Когда участники группы не в состоянии предвидеть реакции друг друга таким образом, объединенная деятельность рушится.

Упорядоченность повседневной жизни в значительной мере обусловлена тем, что каждый человек последовательно исполняет то одну, то другую конвенциальную роль. Почти ежедневно медицинская сестра вступает в контакт с незнакомыми мужчинами, и, выполняя свой долг, она должна раздевать их, а иногда даже касается тех частей тела, которые считаются сугубо интимными. Она выполняет эти задачи, не смущаясь сама и не смущая пациента — до тех пор, пока на ней медицинская форма. Однако, сняв эту форму, та же самая женщина не может и помыслить о том, чтобы делать подобные вещи. Форма — это символ ее особого положения, внешний знак, указывающий на ту роль, которую она исполняет в медицинском учреждении. Экспектации, которые каждый из нас приписывает другим людям, изменяются, когда мы переходим от одной роли к следующим.

Большинство людей осознает роли, которые они играют, только в необычных обстоятельствах. Если знакомый намеренно уклонился от приветствия, человек возмущается нанесенным оскорблением. Мать начинает осознавать свои прерогативы, когда ребенок отказывается ей повиноваться и таким образом бросает вызов ее авторитету. Тот факт, что негодование возникает именно при подобных обстоятельствах, означает, что некоторые невыполненные обязанности принимались как нечто само собой разумеющееся.

Новые студенты на территории университетского городка часто чувствуют себя потерянными прежде всего потому, что

---

13 Walter Coutu, Role-Playing versus Role-Taking, «American Sociological Review», XVI (1951), 180 — 187.

они не способны определить свою новую роль с достаточной ясностью. Внешне они стараются подражать окружающим. Именно в процессе научения человек расчленяет свою задачу на то, чего ожидают и требуют от него другие, и на то, что он сам может ожидать и требовать от участников. Этим путем каждый вновь пришедший в группу вырабатывает свое понимание различных ролей.

Когда степень формализации согласованного действия высока, составляющие его роли безличны. Взаимные права и обязанности остаются теми же самыми независимо от того, кто, в частности, является действующим лицом. В каждой футбольной игре существуют вполне определенные роли для каждого из одиннадцати игроков. Состав команды взаимозаменяем: обязанности остаются теми же самыми, хотя люди могут меняться. Роль шофера автомобиля, гостя за обеденным столом или председателя собрания в клубе могут исполнять самые различные индивиды. Конечно, их исполнения ролей отличаются по стилю, но все они соответствуют основным шаблонам поведения. Определенные отношения предписаны для любого и каждого, кто играет данную роль. Стандартизация таких экспектаций — вот что делает кооперацию возможной даже среди незнакомых людей.

В стандартных обстоятельствах принятие ролей облегчается. Напротив, чем менее формализовано групповое действие, тем более важно принимать в расчет идиосинкразические реакции отдельных лиц. Это не составляет трудности, если участники хорошо знают друг друга лично (в семье, например). Среди незнакомых людей подобная кооперация затруднительна. Стандартизация облегчает самоконтроль потому, что каждый может формировать *Я*-образы (образы самого себя), принимая точку зрения, общую всем участникам. Так происходит в любой группе, состоит ли она из артистов симфонического оркестра, участников хоккейного матча или гостей, приглашенных на коктейль. Поскольку все разделяют общее определение ситуации, каждый участник может отчетливо представлять себе существо совместного действия и может определить свое место в нем; поскольку конвенциальные роли связаны друг с другом установленным образом, он может рассматривать себя в определенном отношении ко всем

остальным. Это позволяет ему регулировать свои действия и вносить свой вклад в больший шаблон. Люди могут кооперироваться, несмотря на личностные различия, постольку, поскольку существует общее видение мира; тогда каждый из них в состоянии рассматривать себя самого и всех вместе с общей точки зрения.

Конвенциальным ролям учатся благодаря участию в организованных группах. Модели подобающего поведения отличаются от группы к группе, от культуры к культуре. Координация усилий участников зависит от того, насколько одинаково они понимают роли друг друга. Где этого нет, там неизбежно непонимание и возможен конфликт. Поэтому люди, воспитанные в разных культурах, испытывают значительные трудности при совместной деятельности. Даже когда человек действует честно и добросовестно, он может обнаружить, что его усилия не совпадают с усилиями других. Поскольку другие не исполняют того, что он рассматривал как свои законные требования к ним, он станет раздражительным или подозрительным. Вскоре различные участники начнут приписывать один другому злобные намерения, и — если не удастся уладить разногласия путем коммуникации — согласованное действие станет невозможно. В таких сложных обществах, как наше, такое непонимание встречается очень часто. Назначая свидание, например, женщина может определить свою роль с точки зрения идиллических любовных отношений, нарисованных во многих кинофильмах. Она может быть уверена, что действительное счастье заключается в том, чтобы быть любимой в одном браке и только одним человеком. Но мужчина может понимать свою роль исключительно как поиски глубокого волнения и сексуального наслаждения. Он может быть заинтересован только в том, чтобы похвастаться перед приятелями числом одержанных побед. Если это так, отношения вряд ли сохранятся долее одной несчастной загородной прогулки. У иммигрантов и их детей, родившихся в США, представления о подобающем поведении при ухаживании и в браке могут быть даже еще более различны. Многие иммигранты относятся к браку как к средству сохранить и повысить престиж семьи; поэтому главные действующие лица рассматриваются исключительно как представители групп. Однако их дети, воспитанные в Америке, смотрят на брак

как на способ обрести личное счастье и возмущаются, видя расчетливые усилия родителей подобрать для них подходящую пару. Бесчисленные ссоры и даже самоубийства во всех этнических меньшинствах возникают, в сущности, из-за различного понимания ролей[14].

Поскольку, далее, каждый партнер вступает в брак, имея свое представление о роли мужа и жены, уместно предположить, что успех или неудача будут зависеть от совместимости таких экспектаций. Для проверки гипотезы о том, что разведенные супружеские пары будут проявлять большее несоответствие в своих представлениях о подобающем поведении, чем пары, состоящие в браке, Якобсон построил шкалу, по которой измерялась каждая личная точка зрения на каждую из ролей. Он опросил 100 разведенных и 100 супружеских пар, задавая вопросы каждому человеку в отсутствие настоящего или бывшего супруга. Хотя обнаружились значительные вариации, разница между средней оценкой разведенных пар более чем в четыре раза превосходила разницу между оценками пар, состоящих в браке. Те, кому удалось сохранить брак в целости, проявили значительно больше сходства в понимании семейных ролей, чем те, кто не добился в этом успеха[15].

По степени формализации различаются не только групповые действия, но и составляющие их роли. Некоторые из них определены очень ясно. Например, в военной организации не возникает никаких сомнений относительно линии власти, формы, в которой отдаются распоряжения, или того, как они должны выполняться. Для импровизаций тут слишком мало места, и личностные различия едва ли могут проявиться. Но в изменяющемся обществе есть много ролей, которые определены весьма туманно; права и обязанности связанных друг с

---

14 О первых исследованиях в этой области см. Thomas and Znaniecki, op. cit., Vol. II, pp. 1134 — 1170, 1800 — 1821. Их открытия подтвердились во многих более поздних исследованиях.

15 Alver H. Jacobson, Conflict of Attitude toward the Roles of the Husband and Wife in Marriage, «American Sociological Review», XVII (1952), 146 — 150. Ср. Clifford Kirkpatrick, The Measurement of Ethical Inconsistency in Marriage, «International Journal of Ethics», XLVI (1936), 444 — 460.

другом лиц установлены не жестко, и многое зависит от личных качеств тех, кто вступает в отношения. Недавнее исследование о положении директоров школ в Новой Англии обнаружило отсутствие согласия относительно обязанностей и подобающего поведения тех, кто занимает эту должность. Наибольшую ответственность стремились приписать себе как члены школьных советов, так и директора[16].

О трудностях, возникающих из-за низкого уровня согласия относительно ролей, сообщается также в исследовании Хьюлетта, основанном на ретроспективных отчетах детей, которые выросли в полигамных семьях мормонов. Энергично обращая людей в свою веру, секта приобрела много новых членов из внешнего мира. Многие из них рассматривали свою брачную роль с точки зрения повсеместно принятых норм. Таким образом, хотя практиковалась полигамия, превалировали экспектации моногамии. Между разными женами и детьми разных жен возникали в этой связи частые ссоры. Мужья уходили от конфликтов либо путем фактической изоляции, либо ссылаясь на нездоровье типа мигрени, ревматизма и т. п. Некоторые прибегали к разделению своих жен друг от друга, иногда используя как предлог судебное преследование федеральных властей, даже если они жили в изолированных сельских областях, населенных только мормонами[17].

Совместное действие облегчается тем фактом, что участники играют конвенциальные роли. Поскольку они пришли к согласию относительно прав и обязанностей, определивших участие каждого, взаимное принятие ролей и самоконтроль осуществляются сравнительно легко. Люди могут приспосабливаться друг к другу даже тогда, когда случаются неожиданные происшествия. Кооперация, следовательно, может протекать без помех в том случае, если ясно определены роли и эти определения в достаточной степени разделяются всеми участниками.

---

[16] Neal Gross, Ward S. Mason and Alexander W. McEachern. Explorations in Role Analysis, New York, 1958, pp 95 — 168. Ср. James C. Brown, An Experiment in Role-Taking, «American Sociological Review», XVII (1952), 587 — 597; Alvin Zander et al., Role Relations in the Mental Health Professions, Ann Arbor, 1957.

[17] J. E. Hulett, The Social Role of the Mormon Polygamous Male, «American Sociological Review», VIII (1943), 279 — 287.

Некоторые социальные психологи говорят, что поведение «детерминировано» ролями, словно бы последние существуют независимо от человеческого поведения и впрессовывают людей в какие-то внешние формы. Роли, однако, существуют только в поведении людей, и шаблоны становятся различимы только в их организованном взаимодействии. Роли суть модели поведения, которое составляет желаемый вклад данных участников в групповое действие. Но даже в стабильных обществах люди не являются автоматами, слепо выполняющими конвенциальные роли[18]. Именно тот факт, что отклонение оказывается возможным, показывает, что такие модели не являются причиной поведения.

Санкции и законная власть

Когда участники объединенного действия оказываются вовлеченными в устойчивую ассоциацию, формируется организованная группа. Когда совместное действие повторяется вновь и вновь теми же самыми лицами, шаблон действия фиксируется. Составляющие его роли становятся ясно определенными и связываются друг с другом установившимся образом. По мере того как упрочиваются общие представления, фиксируются обязанности. Однажды сформировавшись, такие группы имеют тенденцию к самовоспроизводству, ибо участники предпочитают делать то, что, по их мнению, от них ожидается, даже в тех случаях, когда у них не осталось никакой личной заинтересованности в этих поступках. Так, в изменяющихся обществах люди могут поддерживать друг друга в соблюдении обычаев, сохранение которых не отвечает интересам большинства участников.

Некоторые социологи склонны объяснять коллективные действия как преследование общих целей. Иногда утверждается, например, что семья существует для того, чтобы производить потомство, армия — для защиты национальной политики, а школа — для образования юношества. Но это обманчиво. Правда, некоторые добровольные ассоциации

---

[18] См. Bronislaw Malinowski, Crime and Custom in Savage Society, London, 1926, pp. 9 — 16.

действительно возникли для того, чтобы выполнять определенные, открыто признаваемые цели, но в большинстве групп главный интерес не был поначалу ясно сформулирован. Напротив, чаще всего общий интерес есть один из результатов совместного действия. Люди могут собраться вместе, преследуя разные личные интересы, но, поскольку они вместе, в процессе их взаимодействия друг с другом развиваются новые цели. Большинство групп принимает свою форму после бесконечных проб и ошибок. Они возникают в процессе поисков и борьбы, и лишь постепенно достигается какая-то ясность в открыто признаваемых целях. Немногие делали предложение, заявляя: «Я хочу, чтобы вы были матерью моих детей», — хотя произведение потомства может стать целью после того, как брак будет заключен. Следовательно, групповые нормы и роли могут рассматриваться как продукт коллективного приспособления к условиям жизни. Как таковые, они являются объектом дальнейших превращений, поскольку жизненные условия продолжают изменяться[19].

Поскольку люди, состоящие в устойчивой ассоциации, многое делают вместе, различные нормы обычно выступают во взаимосвязи, образуя систему. Существует некая программа разделения обязанностей и более или менее стандартизованные пути, которыми осуществляется центральная деятельность. Одни вещи оцениваются выше, чем другие, и часто существует общее понимание того, чтó хорошо и чтó плохо, чтó прекрасно и чтó безобразно, чтó желательно и чего следует избегать. В большинстве групп имеется также иерархия статусов: различные роли оцениваются с точки зрения их относительной важности и существуют правила о том, как обращаться к людям, занимающим различные позиции. Группы обычно располагают определенной процедурой для введения новых участников и обучения их своей культуре. Устанавливаются правила членства, и часто существует целый комплекс методов подготовки и введения поступающих. Когда группа поддерживает постоянный контакт с другими группами, развивается система мер,

---

[19] См. Morris Ginsberg, Association, Encyclopedia of the Social Sciences, Vol. II, pp. 284 — 286; Park, loc. cit.; Florian Znaniecki, Social Actions, New York, 1936.

обеспечивающих улучшение или сохранение ее позиций в отношении с посторонними. Так, хорошо организованные группы лиц свободных профессий обычно располагают кодексом этики, регулирующим взаимоотношения с клиентами, а также с соперничающими или родственными профессиями. Во многих группах существуют нормы, касающиеся исключения участников — добровольного или путем изгнания. Система таких конвенциальных представлений в целом может рассматриваться как ***социальная структура*** группы.

Социальная структура создает рамки, внутри которых совместная деятельность может выполняться с наименьшими трудностями. Следует отметить, однако, что конвенциальные нормы не детерминируют поведение, они только разрешают одни поступки и запрещают другие. Нормы являются лишь моделями, представлениями о подобающем поведении людей, исполняющих те или иные роли. Степень требуемого конформизма зависит от ситуации. В случае, например, норм половых отношений между не состоящими в браке студентами колледжа допускается определенная степень отклонения. В некоторых кругах могут даже подозревать в лицемерии тех, кто слишком непреклонно подчиняется пуританским стандартам. При смягчающих обстоятельствах человек может нарушать большинство норм без каких-либо последствий. Поскольку все конвенциальные нормы нарушаются, предусматривается принуждение, особенно если речь идет о тех нормах, которые считаются важными для выживания группы. Нормы принуждения к соблюдению других норм — это ***социальные санкции***. Во всех организованных группах существуют процедуры, с помощью которых поведение «грешных» (нарушающих нормы) индивидов приводится к норме.

Социальные санкции могут быть позитивными или негативными. Тем, кто исполняет экспектации группы (особенно если подобный конформизм связан с личными неудобствами), оказывается особое уважение, их осыпают похвалами и поощрениями или им воздаются всяческие почести. Однако социологи обычно значительно больше внимания уделяют негативным санкциям. Те, кто отклоняется от групповых стандартов, могут встретить насмешливое презрение, открытое осуждение, формальное изгнание из группы или даже смерть.

Социальные санкции различаются также по степени формализации. В наиболее стабильных ассоциациях существуют высокоформальные процедуры, такие, как церемонии почета для тех, чья служба считается способствующей общему благополучию, и наказание или изгнание для тех, чьи действия оцениваются как вредные. Некоторые социологи придают большое значение таким высокоформализованным санкциям и даже определяют организованную группу как такую, в которой социальная структура ограждается и укрепляется посредством формальных санкций. Такие нормы, без сомнения, сдерживают отклоняющееся поведение, но для большинства людей наиболее действенными оказываются менее формальные санкции, спонтанные проявления одобрения или неодобрения. Те, кто близок к нарушению какого-то правила, часто вдруг останавливаются, замечая неодобрение со стороны других. Особенно эффективны насмешка, сплетня, лишение соответствующих услуг, отказ окружающих уважать права роли нарушителя. Когда человек обращается к коллеге, он обычно имеет право на какое-то внимание с его стороны. Однако коллеги могут уклониться от долга вежливости, проявив тем самым свое неодобрение[20].

До какой степени поведение может быть ограничено строгими запрещениями, показывает практика табу. В Полинезии животные, которые считаются священными, не употребляются в пищу даже тогда, когда люди оказываются перед лицом голодной смерти. У некоторых индейских племен отношения мужа с матерью и бабушкой его жены строго регулируются; они не могут никогда ни разговаривать, ни смотреть друг на друга. Замечательна реакция тех, кто непреднамеренно нарушает табу. Индеец, случайно съевший запрещенную пищу, может считать это неумышленное преступление причиной своего заболевания тридцать лет спустя. Не так ли и в нашем обществе — одна только мысль о нечаянно съеденном насекомом может вызвать у человека рвоту?[21]

---

[20] A. R. Radcliffe-Brown, Social Sanctions, Encyclopedia of the Social Sciences, Vol. XIII, pp. 531 — 534. Ср. Richard T. Morris, A Typology of Norms, «American Sociological Review», XXI (1956), 610 — 613.

[21] См. Robert H. Lowie, Social Organization, New York, 1948, p. 163.

Поведение каждого человека постоянно подкрепляется окружающими   тому служат ободряющие кивки или неодобрительно нахмуренные брови. Кроме того, во всех организованных группах есть люди, на которых специально возложена обязанность принуждать непокорных соблюдать установленные нормы. Если они сами не в состоянии справиться, другие обычно оказывают им поддержку. Мать, например, может просить мужа наказать непослушного ребенка. Когда право проведения в жизнь групповых норм опирается на согласие, о человеке говорят, что он обладает ***признанной властью***, и такая власть может основываться на законе, традиции или личной преданности. Власть законна, когда общее понимание норм твердо установлено, кодифицировано законом и подкрепляется формальными регуляторными институтами — такими, как полиция, суд и тюрьма. Власть традиционна, когда общее понимание установленных правил настолько прочно укоренилось в народных представлениях, что принимается как само собой разумеющееся. За исключением случаев необычайной жестокости, никто не сомневается в праве матери наказывать своего ребенка. Власть может пользоваться признанием также благодаря личным качествам лидера. Повиновение и послушание могут быть порождены уважением к определенному человеку и восхищением им. Некоторые семьи удерживаются от распада потому, что все члены семьи очень привязаны к матери; точно так же пехотное подразделение может проявить небывалую стойкость благодаря доверию к взводному. В каждой группе существует разделяемое членами группы представление о том, кто несет основную ответственность за соблюдение норм, но причины выбора такого лица могут быть различны[22].

Поведение каждого участника социальной группы ограничено, оно находится под контролем общества. Категория «***социальный контроль***» часто неправильно понимается, так как обычно слово «контроль» ассоциируется с применением силы. Но физический контроль — это лишь небольшая часть картины. Люди рассматриваются как объекты социального

---

[22] См. Max Weber, The Theory of Social and Economic Organization, New York, 1947, pp. 124 — 132, 324 — 363.

контроля прежде всего потому, что они не свободны поступать так, как им хочется. Участвуя в коллективных действиях, каждый человек должен постоянно приспосабливаться к требованиям окружающих. Он вынужден подавлять некоторые свои импульсы или направлять их по другим каналам. Эти каналы обычно предопределены не биологической или физической необходимостью, но обязанностями, которые ощущают друг перед другом участники коллективных действий.

Из сотен поступков, совершаемых человеком в течение дня, громадное большинство соответствует требованиям конвенциальных ролей. Люди интуитивно чувствуют, что наиболее пристойно, и просто исполняют свои обязанности. Социальные санкции настоятельно необходимы только тогда, когда проходят обучение новички, или в критических ситуациях, где возникают необычные искушения. Однако даже в этих обстоятельствах санкции эффективны только тогда, когда существует согласие относительно правильности их применения и авторитета тех, кто уполномочен их осуществлять. Социальный контроль связан с сохранением поведения в рамках групповых экспектаций, и в конечном счете он основывается на согласии.

Подтекст социологического подхода к изучению человеческого поведения заключается в том, что люди редко бывают изолированны и редко действуют как независимые агенты. Дыхание — это, пожалуй, наименее детерминированный волей процесс, но даже оно оказывается объектом социального контроля. Человек умышленно сдерживает одышку, если не хочет показаться слабым, или намеренно вздыхает, чтобы выразить огорчение. Он часто делает то, чего ему вовсе не хочется делать. Человеческое поведение является чем-то таким, что складывается в процессе взаимодействия с другими людьми, и его направление зависит от склонностей других не менее, чем от склонностей самого действующего лица.

При рассмотрении социального контроля внимание, следовательно, должно быть обращено на тот факт, что люди, поскольку они объединяются для достижения коллективных целей, взаимодействуют друг с другом определенным, устойчивым образом. В организованных группах действия участников лимитируются предписанными им конвенциальными ролями. Но

контроль не ограничивается формализованными установлениями. Участники линчующей толпы не свободны делать то, что они хотят; тот, кто не разделяет преобладающее настроение, может быть разорван на куски, если он попытается отстаивать свою позицию. Даже если человек физически находится в одиночестве, он часто принимает в расчет то, какой, вероятно, будет реакция других людей, если они узнают, что он делает. Изучение социального контроля убеждает в том, *что человеческое поведение организуется в ответ на экспектации, которые приписываются другим людям*. Контроль не обязательно включает насилие; поскольку люди участвуют в группах, на их действия налагаются различные ограничения.

Итоги и выводы

Социология — это изучение групп. Существует много видов групп, и единственно содержательным способом их рассмотрения является рассмотрение их с точки зрения согласованной деятельности. Все объединенные действия предполагают какого-то рода социальную дифференциацию и интеграцию различных вкладов, и такая координация облегчается, когда есть согласие. Однако даже в хорошо знакомых ситуациях совместная деятельность осуществляется при постоянном изменении обстоятельств, и нет возможности предвидеть каждую деталь в кооперативном начинании. Отсюда необходимость постоянного приспособления участников друг к другу. Этот процесс значительно облегчается, если они играют конвенциальные роли, ибо коллективные цели могут быть реализованы тогда, когда каждый поступает в соответствии со своими обязанностями. Поскольку нормы могут быть нарушены, возникают другие нормы, навязывающие определенную степень конформизма, однако эти санкции эффективны лишь постольку, поскольку они опираются на согласие.

От рождения до смерти каждое человеческое существо является участником различных групп, и ни сам человек, ни то, что он делает или переживает, не может быть понято, если абстрагироваться от факта такого участия. Как красноречиво выразил это Джон Донн: «Нет человека, который был бы

как остров, сам по себе». Человеческое поведение постоянно является объектом социального контроля. Действия человека часто больше зависят от требований, которые он приписывает другим людям, чем от его собственных предпочтений. То, как человек прокладывает свой путь в лабиринте обязанностей, которыми он окружен, и строит свою жизнь, составляет предмет социальной психологии.

Библиографический указатель

Coyle, Grace L., Social Process in Organized Groups, New York, 1930.

Gross, Neal, Ward S. Mason, and Alexander W. McEachern, Explorations in Role Analysis, New York, 1958.

Hughes, Ewerett C., Social Institutions, in: «Principles of Sociology», Alfred M. Lee, ed., Part V, New York, 1955.

Maciver, Robert M., The Web of Government, Parts I & II, New York, 1947.

Park, Robert E. and Ernest W. Burgess, Introduction to the Science of Sociology, Chicago, 1924.

Parsons, Talcott, The Sociall System, Chaps. I — V, VII, X, Glencoe, 1951.

ГЛАВА 3

САМОСОЗНАНИЕ И УЧАСТИЕ В ГРУППАХ

Человеческие существа не единственные создания, живущие группами. Шимпанзе, например, тоже живут группами и объединяются для решения различных задач, проявляя иногда значительную изобретательность. Но гибкость их взаимодействия весьма ограниченна. «Социальные насекомые» — муравьи, пчелы, термиты и осы — живут в высокоорганизованных сообществах, и там существует сложное разделение труда. Однако их действия выполняются почти автоматически. Энтомологи установили, что структура сообществ у определенных видов муравьев не претерпела значительных изменений за прошедшие более чем 50 миллионов лет. Для человеческих же существ характерна именно исключительная способность к импровизации при изменении условий, к развитию новых форм кооперации.

Видимо, гибкая координация возможна благодаря тому, что каждый участник относительно независим: он принимает в расчет все, что вносят другие и что они ожидают взамен, но каждый раз принимает свои собственные решения. Однако, прежде чем приступить к анализу этого процесса, нужно ввести несколько понятий для обозначения различных приспособительных тенденций человека.

Акт как функциональная единица

Поведение человека может быть представлено как ряд функциональных единиц, каждая из которых *начинается с нарушения равновесия внутри организма и кончается восстановлением равновесия*. Такая единица называется *актом*. Акты весьма различаются между собой по сложности, располагаясь в ряд,

начиная от простого движения, необходимого, например, чтобы прогнать муху, до таких сложных действий, как назначение кому-то свидания. Поскольку любой акт состоит из тысяч нервно-мускульных движений, некоторые психологи предлагают сосредоточить внимание на изучении именно этих физиологических единиц. Однако такая тенденция не может быть плодотворной. Сегодня даже самое чувствительное оборудование не в состоянии обнаружить все мускульные, эндокринные или нервные процессы, участвующие, например, в рассказывании истории, но рассказывание истории как форма поведения может быть изучено и при отсутствии этой информации[1]. Важно, что акты и системы связанных актов имеют структуру, и все составляющие их физиологические фазы приобретают смысл только с точки зрения этой организации.

Когда один человек, чувствуя себя оскорбленным, нападает на другого, мы видим, что он разразился при этом бранью, и отсюда делаем вывод о том, каковы его чувства. Явное действие — нанесение удара — «не имеет смысла» вне связи с этими подразумеваемыми внутренними переживаниями. Удар — это заключительная фаза акта, началом которого было напряжение, возникшее под влиянием оскорбления. Каждый акт, следовательно, имеет свою историю. К сожалению, однако, ранние фазы недоступны непосредственному наблюдению. Джордж Мид предложил различать четыре фазы акты: импульс, перцепцию, манипуляцию и консуммацию[2]. Следует отметить, что Мид не считал, будто всякий акт обязательно проходит эти стадии. Он имел в виду только аналитические категории, которые могут быть полезны при исследовании организации поведения.

Импульсная фаза акта может рассматриваться как условие нарушения равновесия, что прежде всего приводит организм в движение. Возникает субъективное ощущение неудобства, и предпринимаются усилия, направленные на устранение этого

---

[1] Edward C. Tolman, Purposive Behavior in Animals and Men, New York, 1932, pp. 3 — 23. Исходя из этого Толмен развивал взгляды, совершенно отличные от излагаемых здесь.

[2] George H. Mead, The Philosophy of the Act, Chicago, 1938, pp. 3 — 25.

затруднения. Действие будет продолжаться до тех пор, пока снова не восстановится равновесие. Человеческое поведение часто кажется целенаправленным лишь потому, что оно состоит из ряда движений, направленных на ослабление напряженности.

Существует много видов импульсов. Наиболее очевидны те, которые порождаются нормальным функционированием организма — голодные спазмы, половое возбуждение, потребность в кислороде и в избавлении от отходов. Возможны разнообразные внешние раздражения. Наибольший интерес для социальной психологии представляют, однако, многочисленные неудобства, возникающие от действительных или возможных нарушений социальных взаимоотношений. Люди испытывают угрызения совести, если не смогли исполнить свой долг, беспокойство, если не в состоянии быть кому-то приятными, огорчаются, если не поняли намека. Часто физическое неудобство возникает даже при отсутствии физических стимуляций. Важно, что, каков бы ни был источник этих нарушений, они кладут начало линии действия.

Термин «импульс» часто вызывает мысль о какой-то силе, толкающей организм в определенном направлении. Но это неверно. Данное понятие относится лишь к состоянию неудобства, неудовлетворенности, и, хотя существуют рамки, внутри которых только и может быть достигнута консуммация, импульс не предопределяет какого-то единственного образа действий. Чтобы устранить острое чувство голода, могут быть использованы весьма разнообразные съедобные объекты и способы их употребления. Испуганный человек склонен действовать до тех пор, пока не сочтет себя в безопасности, но это может быть достигнуто с помощью таких действий, как нападение на угрожающий объект или бегство от него, призыв на помощь или убеждение самого себя в том, что угрозы не существует. Следовательно, человеческое поведение обладает высокой степенью гибкости. Большинство импульсов вначале вызывают лишь беспорядочную деятельность и повышенную чувствительность к определенным аспектам окружающей среды. Импульс, следовательно, есть лишь общее предрасположение к действию.

Говоря о *перцепции* (восприятии) как о фазе акта, имеют в виду, что поскольку организм приведен в движение, он становится повышенно чувствителен к тем частным аспектам среды, которые кажутся способными устранить испытываемое неудобство. *Всякое восприятие избирательно*. Это особенно верно для разумного осознания человеком его окружения[3]. Но есть основания считать, что даже подсознательные восприятия избирательны. Люди обращают внимание на то, что относится к уже начавшемуся действию.

Перцепция не есть механическая регистрация ощущений, поскольку объекты воспринимаются прежде всего с точки зрения их потенциальной полезности в завершении уже начавшегося действия. Физические объекты имеют относительно стабильные свойства, но то, как они воспринимаются, зависит от состояния организма и от направления его деятельности.

Обычно мы думаем о среде как о чем-то таком, что существует «вне нас» и оказывает на нас воздействие. В конечном счете это действительно так, но то, что мы испытываем, не есть копия нашего окружения. Эффективная среда — это нечто такое, что *конструируется* в последовательном ряде взаимодействий, составляющем процесс жизни. Люди — не пассивные существа, находящиеся во власти внешних стимулов; они в значительной мере создают мир, в котором сами живут и действуют.

Гибкость поведения объясняется тем, что, взаимодействуя с окружением, человек осуществляет последовательный ряд приспособлений, все более уточняя особенности ситуации. Джон Дьюи указывал еще в прошлом столетии, что так называемый «стимул» является стимулом лишь потому, что он предоставляет благоприятную возможность для завершения действия, которое уже началось. Неверно думать, будто стимулы и реакции существуют отдельно друг от друга и первые являются «причиной» вторых; и те и другие лишь фазы большого координированного акта и принимают участие как в поддержании, так и в перестройке этой координации. Стимул не есть

---

[3] Критический обзор экспериментального изучения восприятия содержится в книге: Charles E. Osgood, Method and Theory in Experimental Psychology, New York, 1953, pp. 261 — 297. Восприятие и сознание будут рассмотрены далее, в главах IV и IX.

начало действия; это стержень, точка опоры для уточнения направления, и его значение может быть понято лишь из этого большего контекста. Во время второй мировой войны эти умозрительные рассуждения Дьюи были подтверждены экспериментально[4].

Манипуляция как фаза акта связана с тем, что человек вступает в действенный контакт с определенными аспектами своего окружения и осуществляет все необходимое для того, чтобы восстановить равновесие. Манипулируя, человек может схватить объект, переложить его с места на место, приблизиться к нему, или отойти от него, или совершить любое другое движение; манипуляция, далее, может состоять из преобразований либо в среде, либо внутри организма, либо в обоих одновременно. Поскольку изменяются условия жизни, могут возникать новые формы деятельности; и если такие изменения кристаллизуются в привычках, можно говорить, что организм чему-то научается. Но приспособление не обязательно означает пассивную капитуляцию перед внешними обстоятельствами; люди часто активно приспосабливаются к среде, изменяя ее и создавая условия, в которых впоследствии они смогут более эффективно преследовать другие цели.

Консуммация (завершение, удовлетворение) как финальная фаза акта связана с восстановлением равновесия. Неудобство устранено, и организм успешно приходит к соглашению со средой. Это приносит ему немного отдыха, и чувство, которым обычно сопровождается такое ослабление напряжения, называют удовольствием. Консуммация — это своего рода площадка для отдыха, хотя далеко не всегда ее легко обнаружить. Проголодавшись, человек ест, пока не насытится, но неудобство, вызванное порочащим замечанием, может сохраняться столь долгий период, что за это время совершится немало промежуточных актов.

Не всякое человеческое поведение инструментально. Кое-что, видимо, делается просто потому, что это приятно делать. Однако большинство актов целенаправленно. Целью является

---

4 John Dewey, The Reflex Arc Concept in Psychology, «Psychological Review», III (1896), 357 — 370; Charles W. Slack, Feedback Theory and the Reflex Arc Concept, Ibid., LXII (1955), 263 — 267.

избавление от неудобства и восстановление равновесия, и для этой цели могут использоваться самые разнообразные движения и объекты. Инструментальный характер поведения обнаруживается в том упорстве, с каким организм продолжает движение в определенном направлении. Если встречаются препятствия, они преодолеваются или обходятся, но усилия настойчиво продолжаются до тех пор, пока наконец напряжение не будет снято.

Человеческое поведение имеет также кумулятивный характер. Его можно рассматривать как целый ряд приспособлений к постоянно изменяющимся условиям. Поведение редко бывает фиксированной реакцией, неким автоматическим рефлексом. Даже чтобы взять со стола карандаш, необходим комплекс последовательных движений, непрерывно контролируемых восприятием. Итак, каждый акт имеет свою линию развития; он строится из последовательного ряда реакций. Его компонентами могут быть привычки, рефлексы, защитные механизмы или образы; однако все они координируются в некое единство.

Человеческое поведение настолько сложно, что его адекватный анализ затруднителен независимо от того, какого рода концептуальную схему использовать. Ни в одной конкретной схеме нет ничего святого. Все они лишь инструменты анализа, и утилитарность является единственным критерием для принятия той или другой из них. Однако рассмотрение акта как функциональной единицы облегчает описание и объяснение разнообразия и гибкости человеческого поведения, подчеркивает активность живых организмов. Главное преимущество данной схемы в ее содержательности. Она не отрицает значения внутренних стремлений и внешних стимулов, но рассматривает эти явления в более широком контексте организации действия. Эта схема делает возможным объединение всех наблюдений в единую стройную систему.

Блокада и вторичное приспособление

Из тысячи актов, которые человек совершает в течение дня, подавляющее большинство выполняется почти бессознательно.

Каждое утро мы производим длинный ряд очень сложных движений — одеваемся, чистим зубы, умываемся, причесываемся, и значительная часть этого ритуала происходит, когда мы еще наполовину спим или думаем о чем-то постороннем. Но иногда возникает помеха и действие прерывается. Именно в таких случаях происходит специфически человеческое, так называемое вторичное, приспособление.

Любое вмешательство, создающее перерыв в уже начавшемся действии, называется *блокадой*. Могут произойти какие-то неожиданные события, или возникнуть препятствия, или появится альтернатива, требующая сознательного решения. Необходимость выбора галстука подходящего цвета может временно прервать акт одевания. Человек может вдруг осознать, что он не способен выполнить определенное действие; это потребует переоценки ситуации и формулирования нового плана действий. Особый интерес для социальных психологов представляют внутренние конфликты, которые возникают из столкновения противоположных тенденций внутри самого организма. Во всех обществах принято считать, что определенные импульсы «должны» обуздываться или по крайней мере оставаться под контролем разума, ибо свободное и неограниченное проявление сексуальных влечений, враждебности, жадности или неуважения к власти могли бы вскоре привести к серьезным потрясениям.

Блокада — это всегда некое замешательство, хотя ее интенсивность может варьировать от легкого затруднения до настоящего шока. В любом случае начальная реакция носит органический и непроизвольный характер: поведение становится эмоциональным. В повседневной жизни *эмоция* рассматривается как некий элемент или условие, которое бывает «причиной» дикого и иррационального поведения, однако более правильно было бы рассматривать ее как одно из свойств стрессового поведения. Эмоциональная реакция возникает, когда целеустремленное действие оказывается прерванным или задержанным, — с этим согласны даже те психологи, которые придерживаются разных мнений о природе эмоции. Были детально изучены сопутствующие эмоциональному поведению органические изменения: учащение сердцебиения, сужение кровеносных сосудов, изменение перистальтики желудочно-кишечного тракта, усиленное выделение сахара печенью,

усиленное потоотделение, изменение частоты и глубины дыхания. Кэннон, один из первых исследователей эмоции, предложил гипотезу, что эти изменения суть аварийные реакции, автоматическая мобилизация организма на экстраординарное усилие, необходимое, чтобы преодолеть препятствие[5]. Он утверждал, что большинство органических изменений связано с повышенным выделением адреналина. Открытие в 1948 году второго гормона, выделяемого мозговым веществом надпочечников, дало возможность дифференцировать реакции, направленные вовне, и те, которые направлены внутрь[6]. В настоящее время, однако, считается общепризнанным, что различие между аффективными состояниями зависит главным образом от характера цели и от природы блокированного действия, а также от того, насколько остро ощущается безотлагательность консуммации. Испуганный человек склонен бежать, тогда как разъяренный мобилизуется для нападения. Эмоциональные реакции всегда являются частью акта, направленного к завершению.

То, что называется «чувством», возникает тогда, когда образуется некоторое несоответствие между нервно-мускульной мобилизацией организма и его явной деятельностью. Поскольку линия акта началась, организм в целом подготовлен для доведения ее до конца. Но препятствие создает противоречие между установкой и действительным движением. Например, когда человек подготовил себя к тому, чтобы плакать, он чувствует огорчение. Начав плакать, однако, он уже меньше испытывает огорчение, а плач достаточно сильный часто вовсе снимает это чувство. В серии экспериментов Булль пыталась выделить конфликтующие тенденции для наиболее типичных переживаний. Гнев, например, возникает при столкновении импульсов к нападению с вторичными реакциями

---

[5] Walter B. Cannon, James-Lange Theory of Emotion: A. Critical Examination and an Alternative Theory, «American Journal of Psychology», XXXIX (1927), 106 — 124; Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage, New York, 1929.

[6] См. Daniel H. Funkenstein, Milton Greenblatt, and Harry C. Solomon, Nor-Epinephrene-Like and Epinephrine-Like Substances in Psychotic and Psychoneurotic Patients, «American Journal of Psychiatry». CVIII (1952), 652 — 662.

сдерживания[7]. Итак, чувства являются субъективным состоянием, сопутствующим блокированным моторным установкам.

Эмоциональные реакции непроизвольны и интегрированы биологически, но появление многих из них зависит от того, как социально определена ситуация. Военных не особенно смущает сквернословие сослуживцев, но употребление тех же слов в другом месте может их глубоко шокировать. Нагота, уместная в раздевалке гимнастического зала, может стать источником замешательства в классной комнате. Большинство американцев отказывается есть змеиное и лошадиное мясо, угрей, осьминогов и многое другое, что вполне пригодно для питания. Если человек услышит, что очень вкусный кусочек, который он только что проглотил, — угорь, у него может начаться рвота. Реакция эта биологическая, но возникла она из определения ситуации.

Другая реакция на блокирование начавшегося действия — создание *образов*. Их вызывают импульсы, не получающие немедленной консуммации. Когда человек полон решимости что-то сделать, но не достигает своей цели, акт завершается в его воображении. Студент, который упорно работает, представляет себе, как он получит на экзамене высокую оценку. Воображение позволяет человеку сравнительно легко создавать и изменять свое эффективное окружение. Человек представляет себе злодеяния, совершаемые другими людьми, и начинает злиться; затем он может вообразить справедливое возмездие и испытать удовлетворение. Такие образы могут рассматриваться как акты, которым не удалось вылиться в открытое поведение; это начальные движения, которые были иннервированы, но не смогли получить естественного завершения.

Действительно ли образы представляют собой зарождающиеся нервно-мышечные движения в тех частях тела, которые участвовали бы в реальном действии? Чтобы измерить движения, возникающие одновременно с субъективным переживанием различных образов, был использован специальный электрический прибор, регистрирующий незначительные сокращения

---

[7] Nina Bull, The Attitude Theory of Emotion, New York, 1951. Ср. John Dewey, The Theory of Emotion, «Psychological Review», I (1894), 553 — 569, II (1895), 13 — 32; Frédéric Paulham, The Laws of Feeling, New York, 1930, pp. 13 — 34.

мускулов. Испытуемые с закрепленными на них датчиками лежали расслабленные в темной комнате, а экспериментатор просил их представить себе исполнение того или иного акта. Когда человек воображал, что поднимает груз, нельзя было заметить никакого явного движения, но стрелка гальванометра значительно отклонялась, указывая на движение бицепсов. Когда человек с ампутированной левой рукой воображал, будто он что-то делает отсутствующей рукой, измерительный прибор фиксировал сокращение в культе его левой руки и в соответствующих мускулах правой. Когда испытуемым было предложено вообразить, что они смотрят на изгиб руки, оказалось, что приходят в движение мышцы не только руки, но и глазных яблок[8].

Как повседневные наблюдения, так и экспериментальные исследования свидетельствуют о том, что чем большее неудобство испытывают люди, тем более ими овладевают образы удовлетворения. Испытуемым, в течение суток воздерживавшимся от принятия пищи, через равные промежутки времени предлагался Тест Тематической Апперцепции (ТАТ): их спрашивали, что изображено на рисунках, выполненных так, что *существовала возможность множества толкований. В том*, что тут «видели» испытуемые, обнаруживались некоторые их личные интересы. Было установлено, что частота ответов, связанных с едой, возрастала пропорционально интервалу, отделявшему от последнего принятия пищи. Другие исследователи в аналогичной ситуации говорили испытуемым, что будет испытываться острота «подсознательного восприятия», и показывали им чистые стороны бланков. И здесь частота относящихся к пище ответов возрастала с продолжительностью голодания[9].

---

8 Edmund Jacobson, Electrophysiology of Mental Activities. «American Journal of Psychology», XLIV (1932), 677 — 694. Ср. Margaret F. Washburn, Movement and Mental Imagery, Boston 1916; Osgood, op. cit., pp. 648 — 655.

9 R. Nevitt Sanford, The Effect of Abstinence from Food upon Imaginal Processes, «Journal of Psychology», II (1936), 129 — 136; III (1937), 145 — 159; David C. McClelland and John W. Atkinson. The Projective Expression of Needs, ibid., XXV (1948), 205 — 222.

Существует, по-видимому, круговой процесс, когда образы усиливают первоначальные импульсы. Продолжительная блокада может привести к одержимости. Показательно исследование группы лиц, вынужденных влачить полуголодное существование в связи с отказом (по морально-религиозным причинам) служить в армии во время второй мировой войны. После нескольких дней постоянного недоедания пища становилась главной темой разговора, чтения и грез. Проявлялся повышенный интерес к кулинарным книгам и меню, люди собирали рецепты и даже покупали кухонную посуду, которая в тех условиях была бесполезной. Выражалось удивление по поводу того, что в кинофильмах так часто показывают пищу. Один человек был настолько поражен важностью пищи, что решил всю свою дальнейшую жизнь посвятить ее производству[10]. Итак, в условиях длительных лишений люди становятся одержимыми возможностью консуммации, а при сильных испытаниях некоторые могут даже страдать галлюцинациями.

Дьюи настойчиво утверждал, что *мышление* начинается только тогда, когда случается какого-то рода блокада, и оно способствует завершению прерванного действия. Когда действие протекает беспрепятственно, у человека нет оснований задумываться. Если же линия действия прерывается, возникает ряд образов, каждый из которых представляет возможный способ справиться с ситуацией. Человек, который обнаружил, что переправа залита рекой, рассматривает несколько альтернатив: разыскать бревно, чтобы перекинуть его через реку в самом узком месте, найти поблизости лодку, обратиться в ближайший дом за помощью, нащупать мелкое место, чтобы перейти реку вброд, раздеться и переплыть ее или сидеть и ждать, пока уровень воды спадет. Каждое представление содержит план действий, возможный путь к консуммации. Мышление может рассматриваться как решение задачи, осуществляющееся посредством манипулирования образами.

Рефлексивное мышление включает в себя сравнение, оценку и конечный выбор одного из образов. Каждый образ вызывает

---

[10] Ancel B. Keys et al., The Biology of Human Starvation, Minneapolis, 1950, Vol. II, pp. 833 — 839.

импульсы, которые облегчают или тормозят дальнейшее размышление. Например, человек у реки может вообразить себя плывущим и вдруг вспомнить, что он чуть не утонул, когда в последний раз был на воде, — он отшатнется в ужасе. Он может подумать о том, чтобы украсть лодку, но мысль о тюремном наказании заставит отказаться и от этого варианта. Люди имеют возможность прорепетировать, перепробовать в уме различные программы, прежде чем перейти к открытым действиям. Путь проб и ошибок, которым осуществляет приспособление большинство живых существ, у человека в основном перенесен в воображение. Итак, мышление — это форма поведения, в котором проблема решается посредством манипулирования образами, благодаря чему облегчается преодоление блокады и открывается путь к конечной консуммации акта. Мышление является результатом определенных потребностей и фрустраций и, если оно эффективно, создает некоторую возможность контроля. Оно является, следовательно, инструментом приспособления[11].

Когда выбор сделан, направление деятельности изменяется, и усилия прилагаются уже для того, чтобы завершить акт. Направляющий образ, следовательно, обеспечивает своего рода программу для оставшейся части акта. Поскольку цель определена, происходит дальнейшее повышение избирательности восприятия. Усилия становятся более концентрированными. Отчетливая цель помогает скоординировать движения и в известной степени открывает возможность для сознательного контроля. В этих условиях у человека возникает ощущение, что он руководствуется определенным намерением, что движение к цели происходит в соответствии с планом. То, что обычно именуется «мотивами» и рассматривается как «причины» поведения, есть в большинстве случаев лишь образы успешно завершенного акта. Тот факт, что люди верят, будто они делают нечто потому, что именно таковы были их намерения, не означает, что их поступки действительно вызываются такими образами. В этой книге понятие «*мотивы*» будет

---

[11] John Dewey, How we Think, New York, 1910. Критический обзор альтернативных теорий, рассматривающих мышление как решение проблем, а также оценку современных исследований, можно найти в кн: Osgood, op. cit., pp. 603 — 637.

относиться к сознательно поставленным целям, которые обусловливают направление, единство и организацию последовательного ряда движений.

Мотивы как осознанные намерения нельзя смешивать с импульсами, которые вызывают ощущение неудобства и приводят организм в действие. Мотивы образуют цели, но не «напор» позади действий. Мотивы не присутствуют в начале акта, но возникают *после* того, как появилось какое-то препятствие; они нужны, чтобы облегчить завершение уже начавшегося акта. Кроме того, цели человека редко сводятся к простому удовлетворению биологических импульсов — многие желания порождены цивилизацией[12].

Эффективность мышления зависит от прошлого опыта, реалистичности оценки образцов и логических способностей субъекта. Тот, кто встречался с подобными ситуациями в прошлом, при решении проблемы может действовать более успешно. Чем беспристрастнее человек, тем легче ему реалистично оценить возможные альтернативы. Он добьется большего успеха, чем тот, кто рассматривает последствия прежде всего с точки зрения своих страстей и желаний. Не менее важна и способность правильно видеть связь целей и средств. Законы правильного мышления, иногда называемые логикой, — это гарантия достижения максимума результатов в данных условиях. Интеллект, следовательно, может рассматриваться как способность решать возникающие в настоящем проблемы на основании прошлого опыта с точки зрения возможных будущих последствий.

Влияние эмоций на мышление зависит от их интенсивности. Стрэттон подчеркивал, что сильный страх или гнев дезорганизуют процесс рефлексивного мышления, но умеренное волнение может ему способствовать. В необычных ситуациях возникает предваряющая установка — рецептивная система настраивается, и внимание становится настороженным и фокусированным. Отсюда большая избирательность и острота восприятий. Благодаря освобождению от конкурирующих

---

[12] См. Kenneth Burke, Permanence and Change, Los Altos, 1954, pp. 19 — 36; Hans Gerth and G. Wright Mills, Character and Social Structure, New York, 1953, pp. 112 — 129; Weber, op cit., pp. 93 — 96

интересов усиливается концентрация мышления на ближайших задачах. Увеличивается точность движений, прибавляются силы, возрастает готовность к немедленным действиям[13]. Это показывает, что «аварийная» гипотеза Кэннона более применима к умеренным, а не к интенсивным волнениям.

Фрустрация и компенсаторные реакции

Если препятствие слишком велико или человек просто не способен преодолеть затруднение, вторичные приспособления могут не привести к успеху. Тогда напряжение и неудобство накапливаются и возрастает ощущение необходимости что-то предпринять. Это иногда доводит до отчаяния. Когда наступает такая *фрустрация*, люди используют некоторые типические приемы. Психоанализ выделил и описал закономерности поведения, проявляющегося в подобных ситуациях. Термины «регрессия», «рационализация», «сублимация» и т. п. стали сейчас распространенными выражениями. Они относятся к различным формам заместителей удовлетворения; когда первоначальный импульс не может быть утолен непосредственно, у организма еще остается возможность найти временное успокоение другим путем. Фрейд показал, как различные цели и шаблоны поведения могут замещать друг друга и как благодаря этому достигается известное облегчение. Заместитель становится символом первоначально наметившегося акта.

Психоаналитики пытались объяснять подобные реакции тем, что живые существа стремятся сохранять постоянный уровень возбуждения. Фрейд сравнивал организм с экономической единицей, с замкнутой системой производства и потребления. То, что произведено, обязательно должно быть потреблено путем какой-либо формы деятельности. Отсюда, если блокада оказывается слишком значительной, возникает непреодолимая потребность в какого-то рода замещающей

---

[13] George M. Stratton. Excitement as an Undifferentiated Emotion, Feelings and Emotions, «A Wittenberg Symposium», Martin L. Reyment, ed., Worcester, 1928, pp. 215 — 221.

деятельности. Такое поведение имеет направление, но цель его — ослабление напряжения, а не обязательно консуммация первоначального акта[14]. К. С. Лешли однажды охарактеризовал эту концептуальную схему как теорию «психогидравлики», поскольку подавленные тенденции рассматриваются здесь как жидкость под давлением, вызывающим равное во всех точках напряжение.

Реакции на фрустрацию, по-видимому, принимают два основных направления: *агрессия или отступление*. Каждый наблюдал, что в ответ на ситуацию, вызывающую фрустрацию, человек «отгрызается», набрасывается на источник затруднений. Отсюда предположение, что всякий раз, когда деятельность блокируется каким-то препятствием, организм вовлекается в агрессивные действия, направленные на препятствие или на соответствующий заместитель. Если в спешке человек споткнулся о стул, он может излить свой гнев, отшвырнув этот объект или обругав себя за неловкость, либо направить агрессию на другой (замещающий) объект, который попадется под руку. Так, человек, который весь день выполнял однообразную, утомительную работу, может найти замечания своей жены необычно дерзкими и вдруг взорваться в ответ. Однако фрустрация не всегда имеет своим результатом агрессию, и, хотя имеются значительные основания, чтобы поддержать гипотезу в общем виде, она все же требует еще дополнительных уточнений[15].

Другой основной класс приспособлений к ситуации фрустрации — это отступление, которое обычно сопровождается какой-либо компенсацией. Отступление может быть физическим, как ретировка перед лицом сильнейшего противника, или психологическим, как признание человека в том, что

---

[14] Sigmund Freud, Instincts and Their Vicissitudes, Collected Papers, London, 1925, Vol. IV, pp. 60 — 83; Otto Fenichel, The Psychoanalytic Theory of Neurosis, New York, 1945, pp. 11 — 22.

[15] Наиболее ясное изложение содержится в книге: John Dollard et al., Frustration and Aggression, New Haven, 1939. Последующие уточнения и обзоры других работ можно найти в: Theodore Newcomb and Eugene Hartley, eds., Readings in Social Psychology, New York, 1947, pp. 257 — 296.

он был неправ. Если отступление осознанно, оно называется *сдерживанием*. Так, женщина, которая обнаружила, что испытывает эротическое влечение к мужу своей лучшей подруги, обычно сдерживает свои импульсы и смиряется с судьбой. Но сдерживание импульсов не есть их аннулирование, и они могут дать знать о себе впоследствии, когда обстоятельства изменятся. Социально осуждаемые влечения (например, мастурбация) обычно сдерживаются в присутствии окружающих и удовлетворяются приватно. Но такой порядок вреден, ибо сам человек тоже оценивает себя с точки зрения групповых стандартов. Он чувствует стыд, и у него может развиться чувство неполноценности.

Когда между противоположными тенденциями возникает острый конфликт, отступление обычно неосознанно: оно называется *подавлением*. Особенно болезненные переживания вытесняются из области сознания и забываются. Но Фрейд был убежден, что такие тенденции продолжают сохранять активность, и требуются значительные усилия, чтобы предотвратить их проникновение в сознание. Однако эти подавленные импульсы появляются в замаскированном виде — так, запретные чувства зависти, страстных желаний или вражды могут ненамеренно выразиться в якобы невинных шутках, в оговорках или — в символической форме — в сновидениях. Люди иногда наслаждаются сплетнями, в которые сами не верят, потому что при этом они получают косвенное удовлетворение от нападок на репутацию тех, кто им лично неприятен. Итак, тайные, замаскированные каналы дают людям возможность изжить некоторые напряжения безвредно и даже сохраняя свою респектабельность.

Другой возможностью является *сублимация*. Блокированный импульс может быть скоординирован с другими интересами при выработке какой-то новой линии деятельности, которая санкционирована группой. Часто указывают, что подавленные эротические влечения находят частично удовлетворение в художественном творчестве, а агрессивные импульсы — в спортивных соревнованиях. Но существует много других типичных форм сублимации. Ребенок, растущий в бедности или принадлежащий к этническому меньшинству, может быть глубоко уязвлен пренебрежительным или презрительным к нему отношением. Его первоначальной реакцией

будет ненависть к тем, кто занимает привилегированное положение, но его агрессивность может превратиться в убеждения и поступки, направленные на устранение всякой социальной несправедливости. Так, человек способен косвенно удовлетворить свои подавленные импульсы и в то же время завоевать общественное одобрение и даже восторженное признание.

Фрейда особенно поражало свойство людей использовать свои интеллектуальные способности для оправдания действий, совершенных ими по причинам, о которых они сами не имели понятия. Он определил этот процесс как *рационализацию*. Человек, потерпевший неудачу, успокаивает свое больное самолюбие, снижая ценность объекта, к которому он стремился, — это такая же рационализация, как в известной басне о зеленом винограде. Или объект подвергается переоценке: отвергнутый поклонник может объявить, что девушка просто «не его круга». Термин «рационализация» получил широкое распространение, и следует сказать слово предостережения. Люди постоянно рассказывают о своих поступках. Если объяснение звучит правдоподобно, мы принимаем его как «причину» поведения, а если нет — отвергаем как «рационализацию». Это показывает, что применение термина «рационализация» зависит от системы взглядов человека, высказывающего суждение.

Одной из наиболее распространенных реакций на фрустрацию является *фантазия*, когда в качестве заместителей удовлетворения используются образы. Физически слабый мальчик может получать удовольствие, воображая, что он участвует в спортивном чемпионате мира, а человек, только что потерпевший поражение в споре, может про себя хихикать, воображая, как его противник проваливается в открывшийся люк. Фантазия отличается от рефлексивного мышления. Если в мышлении образы используются как инструменты, благодаря которым задержанный акт в конце завершается, то в фантазии образы являются заместителем самого завершения. Образ является скорее целью, чем средством.

Для мечтателя нет необходимости принимать в расчет вероятность неожиданных или нежелательных реакций со стороны

других: трудности, которые блокировали достижение цели, могут быть легко отброшены в сторону. Свойство фантазии — способность действующего лица управлять всеми существенными условиями действия — делает ее эффективным способом для завершения актов, которые иным способом завершить было бы трудно или невозможно. Хотя такая деятельность и осуждается иногда как ненормальность, она, по-видимому, универсальна и становится патологической только тогда, когда мечтатель не может более различать мир своих грез и мир, относительно которого существует согласие.

Некоторые мечты дают людям возможность кристаллизовать их устремления, и в этом отношении они сходны с инструментальными образами рефлексивного мышления. Когда студент медицинского института мечтает о героическом лечении людей в разгар эпидемии, его цели становятся более ясными.

Однако чаще всего мечтания выполняют функции компенсации. Они способствуют поддержанию слабых надежд, смягчению чувства неполноценности или уменьшению каких-то действительных обид. Дети, которых третируют, и взрослые, которые чувствуют несправедливое обращение, иногда воображают себя страдающими героями: они подвергаются гонениям и страданиям или умирают красивой смертью после свершения каких-то героических дел. Они испытывают большое удовлетворение, воображая, как горько будут плакать те, кто сейчас причиняет им страдания. Точно так же люди, занимающие низкое общественное положение, мечтают о месте, дающем власть, причем придают особое значение прибавлению престижа, возникающему благодаря широко распространенному признанию неравенства, против которого они выступали. Вообще говоря, мечты — это лекарство: подобно слабительному, завершение акта в воображении очищает почву для других действий; подобно успокаивающему, оно умиротворяет мечтателя и делает жизнь более сносной. Очень удобно, что люди обладают таким клапаном безопасности.

Фешбек, который хотел проверить, действительно ли с помощью фантазии ослабляются агрессивные импульсы, разделил испытуемых на три группы. Одну группу умышленно оскорбляли, и сразу же после этого участникам предлагался

Тест Тематической Апперцепции (ТАТ), дающий возможность выхода их чувствам. Другая группа не имела такой возможности, и сразу же после оскорбления ее занимали другими делами. Третья группа просто получила ТАТ, не подвергаясь оскорблению. В общем, результаты подтвердили гипотезу. Сравнение двух групп, получивших ТАТ, показало, что оскорбленные обнаружили бо́льшую агрессивность в своей фантазии. Была выявлена отрицательная корреляция между степенью агрессивности, проявившейся в фантазии, и действительной агрессивностью: те, кто после опыта получили ТАТ, впоследствии проявляли меньшую враждебность к оскорбителям, чем люди, которые сразу же приступили к другой работе[16]. Это показывает, что, по всей вероятности, между человеческими существами было бы значительно больше открытых конфликтов, если бы воображение не приносило временного облегчения.

Если даже после таких компенсаторных приспособлений человек все же испытывает фрустрацию, эмоциональные реакции могут совершенно дезорганизовать поведение. Чрезмерное возбуждение активности внутренних органов вызывает нарушения восприятия, моторной координации и мышления. Поскольку процессы восприятия дезинтегрируются, появляется необоснованное выделение отдельных черт и странные фиксации. Изучавшие судебную психологию знают, сколь ненадежны показания очень взволнованного человека[17]. Когда ярость или страх превосходят определенную степень интенсивности, они приводят в беспорядок вегетативную деятельность и парализуют произвольное поведение[18]. Испуганный

---

[16] Seymour Feshback, The Drive-Reducing Function of Fantasy Behavior, «Journal of Abnormal and Social Psychology», L (1955), 3 — 11.

[17] Leo Postman and Jerome S. Bruner, Perception under Stress, «Psychological Review», LV (1948), 314 — 323; ср. Hugo Munsterberg, On the Witness Stand, New York, 1908; L. William Stern, The Psychology of Testimony, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XXXIV (1939), 3 — 20.

[18] См. Lewis M. Hurxthal and Natalija Musulin, Clinical Endocrinology, Philadelphia, 1953. Vol. II, pp. 1357 — 1362, 1365 — 1369; Hans Selye, The Stress of Life, New York, 1956.

человек «застывает на месте», а разъяренный боксер может «потерять голову», оставляя себя незащищенным под градом ударов. Поскольку мышление предполагает манипулирование образами, что связано с нервно-мускульными движениями, любые условия, препятствующие сокращению мускулов, также будут нарушать ход мышления. Когда интенсивность эмоциональных реакций возрастает, в попытки приспособления включается все больше мускульных систем, и мышление становится все более затруднительным, ибо возбуждаются несовместимые моторные системы[19]. Конечно, разные люди имеют различные «точки сламывания» — одни сохраняют над собой контроль даже перед лицом серьезной опасности, а другие уже при легкой неприятности впадают в истерику. В целом облегчают ли эмоции приспособление или затрудняют его, зависит от их интенсивности.

Еще одним типом реакции на фрустрацию является *регрессия* — возврат к шаблону, который сформировался значительно раньше и когда-то приносил удовлетворение. В эмоциональном порыве взрослые люди плачут, как дети, и кричат «мама», если захлопывается ловушка опасной ситуации. Можно наблюдать, как при сильном волнении нормальная речь сменяется лепетом или неконтролируемой болтовней. Иногда человек принимает позу еще не родившегося ребенка или даже лает, как собака. Было проведено несколько систематических исследований регрессивного поведения, но результаты, к сожалению, неубедительны — главным образом вследствие различного употребления данного понятия[20].

Если фрустрации повторяются, могут появиться те или иные психосоматические симптомы — головная боль, заикание, язвы, мышечные боли, кожные болезни и различные аллергии, как астма или сенная лихорадка. Есть некоторые основания полагать, что во многих случаях подобные расстройства являются реакцией на хронические напряжения[21].

---

[19] См. Margaret F. Washburn, Emotion and Thought: A Motor Theory of Their Relations, в: Reymert, op. cit., pp. 104 — 115.

[20] Robert R. Sears, Survey of Objective Studies of Psychoanalytic Concepts, New York, 1943, pp. 76 — 104.

[21] См. Flanders Dunbar, Mind and Body: Psychosomatic Medicine, New York, 1955.

Каждый человек научается по-своему справляться с фрустрациями. Оборонительная стратегия, которая помогла однажды, может снова и снова использоваться в подобных и аналогичных ситуациях, все прочнее фиксируясь в личности. Некоторые люди продолжают защищать себя даже в такой обстановке, где этого вовсе не требуется. Для других характерно, что, встречая противодействие, они отступают в мир грез. Итак, каждая личность характеризуется индивидуальной комбинацией приемов, позволяющих справляться с затруднениями, и эти приемы могут рассматриваться как формы *адаптации* (adaptation). В отличие от понятия «приспособление» (adjustment), которое относится к тому, как организм приспосабливается к требованиям специфических ситуаций, адаптация относится к более стабильным решениям — хорошо организованным способам справляться с типическими проблемами, к приемам, которые кристаллизуются путем последовательного ряда приспособлений.

Самоконтроль и согласованное действие

Как отмечалось выше, согласованные действия человеческих существ отличаются высокой пластичностью и гибкостью. Хотя для всех повторяющихся ситуаций существует сеть конвенциальных норм, любая ситуация уникальна; даже ритуальные действия не застрахованы от случайности. Люди, однако, каждый раз остроумно справляются с подобными трудностями. Такая гибкая координация оказывается возможна потому, что *каждый участник действует независимо*, шаг за шагом приспосабливаясь к другим участникам по мере того, как они вместе продвигаются к общей цели. Социальные структуры обеспечивают общие рамки, внутри которых происходят кооперативные действия, но они не детерминируют вклад любого конкретного участника. В каждом случае человек принимает решение и действует в соответствии с собственной оценкой ситуации.

Каждый способен нарушить групповые нормы. Что это возможно, подтверждает тот факт, что повсюду устанавливается ответственность за такие нарушения. Какой мог бы быть

разговор о персональной ответственности, если бы человек не имел некоторого выбора?

Но если каждый действует сепаратно, как же достигается кооперация? Джордж Мид утверждал, что взаимные приспособления значительно облегчаются благодаря способности людей формировать представления о самих себе как о перцептуальных объектах; причем этот процесс обеспечивается путем принятия ролей других. Каждый человек способен сформировать *Я-образ* — иными словами, он может представить, как он выглядит в глазах других людей, включенных в данную ситуацию, и таким образом проверить, с точки зрения других участников, все, что он собирается делать. Личная ответственность фиксируется человеком в тот момент, когда он представляет себе, чего ждут от него другие участники. Линии действия отдельных индивидов взаимно подгоняются друг к другу, поскольку каждый может принимать роли других, формировать *я*-образ, с приписываемой им точки зрения, и осуществлять приспособление к приписываемым им намерениям и экспектациям[22].

Вопреки представлениям здравого смысла люди не всегда осознают себя как отличные друг от друга единицы; по крайней мере степень этого осознания может быть различной. Бывают моменты, когда самосознание очень остро. Молодой человек, представленный поразительно прекрасной женщине, может настолько сосредоточиться на мысли о том, какое он производит впечатление, что начнет неуклюже натыкаться на мебель. Тот, кто не привык к публичным выступлениям и вынужден обратиться к большой группе, может вдруг забыть все, что он хотел сказать. С другой стороны, бывают обстоятельства, когда самосознание почти полностью отсутствует. Если человек поглощен захватывающей картиной или рассказом, он не сознает ничего, кроме развития сюжета. Его замещающее участие настолько полно, что он осознает себя только тогда, когда кончится драма или произойдет что-либо необычное. В большинстве случаев люди находятся где-то между этими двумя крайностями.

---

[22] George H. Mead, The Philosophy of the Present, Arthur E. Murphy, ed., Chicago, 1932, pp. 176 — 195.

Поскольку в разных ситуациях степень самосознания неодинакова, уместно предположить, что могут быть определены условия, в которых возникают *Я*-образы.

Человек особенно ясно сознает себя в тех ситуациях, где люди очень зависимы друг от друга. Поскольку организмы чувствительны ко всему, что может обеспечить консуммацию акта, любой человек, который зависит от кооперации с другими, становится особенно восприимчив к их взглядам. Он должен тщательно предусмотреть такой способ поведения, который бы не оттолкнул их от него. Он не может себе позволить сделать нечто такое, что вызвало бы у других колебания, лишило бы его их поддержки или вызвало бы у них сопротивление его действиям. Формирование *Я*-образов есть, следовательно, распространение приспособительной тенденции, обнаруживаемой у всех живых существ. Она высоко развита у людей, поскольку они постоянно вступают в ассоциацию друг с другом.

Образы возникают, когда появляется какого-то рода препятствие в деятельности; этот же принцип справедлив и для *Я*-образов. Человек начинает сознавать самого себя как особый объект в таких ситуациях, когда он каким-то образом зависит от других, когда он является участником некоего совместного предприятия, где его успех требует помощи других, и когда существует опасность, что такая кооперация может разрушиться.

Могут возразить, что часто самосознание пробуждается у людей, даже если вокруг нет ни души. Возвращаясь домой с вечеринки, человек вдруг обнаруживает, что сделал ужасную глупость и краснеет от смущения. Физически он один, но другие присутствуют в его воображении. Он представляет себе, что другие присутствовавшие там люди могут о нем думать, и репетирует, что скажет им, если они встретятся на следую щий день. Таким образом, он все-таки действует в социальной ситуации.

По мнению Дж. Мида, самоконтроль возможен потому, что действия людей по отношению к самим себе в значительной мере того же порядка, как и их действия по отношению к другим людям или действия других по отношению к ним. Человек может ругать, хвалить, оправдывать или прощать самого себя точно так же, как и другого человека. Если некто делает то, что

обычно не одобряется, он ожидает, что его выругают, и часто люди сами ругают себя за собственные проступки даже прежде, чем о них узнают другие. Как отмечал Фрейд, чувство вины может рассматриваться как форма самонаказания. Итак, человек начинает осознавать себя как особую единицу в процессе принятия ролей. Он реагирует на свою собственную деятельность так, как если бы он был кем-то другим. Способность формировать *Я*-образы, следовательно, делает возможным самокритику и самоконтроль.

Самоконтроль невозможен без *Я*-образов. До тех пор, пока человек не способен относиться к себе как к перцептуальному объекту и ясно представить себе, как ему следует поступить, он не может реагировать на свои действия.

Когда же человек сформировал *Я*-образ, происходит воображаемая репетиция, в ходе которой оцениваются возможные реакции других на его поступок. Он может в таком случае манипулировать собой и другими, научаясь в какой-то мере контролировать ситуацию.

Самосознание служит защитой от импульсивного поведения. Оно позволяет людям изолировать себя от других и делать свое поведение более конвенциальным. Благодаря обдуманному планированию действия становятся менее спонтанными, а взаимное приспособление людей с различными интересами происходит гораздо более гладко.

Самоконтроль связан с таким поведением, которое изменяется в зависимости от того, как оно выглядит с точки зрения, приписываемой другим участникам совместной деятельности. Поскольку человек определил ситуацию и свое место в ней, исходя из конвенциальных ролей, он осознает экспектации относительно шаблонов поведения как для самого себя, так и для других участников. Люди, которые не любят алкоголя, скорее станут «пьяницами за компанию», чем разочаруют бестактного хозяина. Самоконтроль, следовательно, есть возвратная форма поведения, сложный процесс, посредством которого человек реагирует на образ самого себя и в связи с этим направляет свое поведение по тому или иному каналу. В этом смысле *Я*-образ человека может рассматриваться как часть его эффективного окружения, ибо человек реагирует на самого себя в принципе так же, как и на другие объекты.

Джэ Мид полагал, что именно способность рассматривать самого себя как перцептуальный объект является одним из специфических человеческих качеств. Другие животные могут реагировать непосредственно друг на друга; люди это делают тоже, но сверх того они реагируют и на то, что воспринимают как свою собственную деятельность. Только человек сознает тот факт, что он сам испытывает свои переживания.

Все сказанное выше наводит на мысль, что социальный контроль в значительной мере основывается на самоконтроле. Человеческое общество — это непрерывный процесс, в котором каждый участник постоянно сверяет свое поведение с реальными или предполагаемыми реакциями других людей. Согласованные действия зависят от добровольного вклада индивидуальных участников, но, поскольку каждый человек создает *Я*-образ с точки зрения картины мира, разделяемой группой, индивидуальные вклады объединяются в организованный социальный шаблон. Правда, существуют большие различия в том, как исполняются конвенциальные роли. Одни вносят свой вклад весьма неохотно, другие — с сознанием долга, третьи — с садистическим ликованием. Вероятно, некоторые люди, адекватно выполняющие свои обязанности, на самом деле предпочли бы делать что-либо иное. Это подводит к вопросу о «реальном» человеке, находящемся позади такого «фасада».

Итоги и выводы

Изучение поведения людей может быть значительно облегчено, если разбить человеческие действия на функциональные единицы, называемые актами, которые начинаются с нарушения равновесия и заканчиваются его восстановлением. Любое неудобство может привести к действию; импульсы завершаются путем восприятия и манипулирования некоторыми свойствами окружения. Если обычные шаблоны деятельности не приводят к успеху, происходит вторичное приспособление. Задержанный акт завершается в таком случае посредством рефлексивного мышления, которое включает в себя воображаемую репетицию возможных способов удовлетворения, и с помощью крайних усилий, которые оказываются

возможны благодаря эмоциональной мобилизации. Если эти приспособления не адекватны, возникает фрустрация, и существуют различные приемы, с помощью которых ослабляется напряжение даже тогда, когда первоначальный импульс не завершен. Если, однако, замещающее удовлетворение не наступает, происходит дезорганизация, эмоциональный взрыв, когда поведение становится совершенно неэффективным. Итак, действие упорно продолжается до тех пор, пока напряжение не будет уменьшено каким-либо способом. Любая концептуальная схема для изучения человеческого поведения должна обеспечивать анализ такой изменчивости и гибкости поведения.

Действия людей плодотворно рассматривать в терминах приспособительных тенденций, присущих всем живым существам. Все, что люди делают, может быть представлено как последовательный ряд приспособлений к постоянно изменяющимся условиям. Жизнь человека — это непрерывный процесс взаимообмена между беспрестанно развивающимся организмом и беспрестанно изменяющимся окружением. Следовательно, ни один из компонентов актов, образующих этот поступательный процесс, нельзя понять в связи с каким-то одним предшествующим событием — стимулом внешней среды или внутренним мотивом, — которое считается его «причиной». Чтобы понять действия людей, требуется не что иное, как исследование самого жизненного процесса, и социального психолога интересуют те особенности человеческой жизни, которые возникают вследствие ее групповой природы.

Поскольку люди, живущие в ассоциации друг с другом, взаимозависимы, каждый должен считаться с тем, как его поступки скажутся на других людях. Одной из особенностей человеческих существ является способность формировать Я-образы, с помощью которых каждый участник может оценивать то, что он собирается сделать, прежде чем осуществит открытое действие. Акты, которые, вероятно, вызовут враждебную реакцию, могут, следовательно, быть направлены на другое или задержаны. Когда у всех участников развит такой самоконтроль, согласованное действие протекает достаточно гладко.

Библиографический указатель

Bartlett, Frederick C., Remembering, Cambridge, 1932.
Bull, Nina, The Attitude Theory of Emotion, New York, 1951.
Dewey, John, Human Nature and Conduct, New York, 1930.
Goldstein, Kurt, The Organism, New York, 1939.
Hebb, Donald O., The Organization of Behavior, New York, 1949.
Varendonck, J., The Psychology of Daydreams, London, 1921.

ГЛАВА 4

КУЛЬТУРНАЯ МАТРИЦА ИГРАНИЯ РОЛЕЙ

Даже беглый взгляд на группу стенографисток, работающих в какой-нибудь крупной организации, обнаруживает удивительное разнообразие жизненных стандартов. Некоторые выполняют свою работу очень серьезно. Они пунктуальны, аккуратны в своих записях, мучаются по ночам по поводу допущенных ошибок, а в свободное время практикуются в стенографии. Другие прилагают некоторые усилия, чтобы сохранить необходимый темп, но время от времени отстают от остальных. Они не возражают против своей работы, но забывают о ней, как только покидают контору. Третьи смотрят на свое занятие как на неудобство, которое, к несчастью, надо терпеть, чтобы заработать на жизнь. Они легко отвлекаются, проводят много времени в туалетной комнате и проявляют усердие только тогда, когда за ними наблюдают. Хотя между сотрудницами обычно существует дружеская терпимость, не приходится удивляться, что временами женщины становятся подозрительными к намерениям друг друга. Тех, кто работает напряженно, подозревают, что они имеют какие-то скрытые мотивы, и их награждают нелестными эпитетами. Иногда о них говорят как о несчастных, не способных понять лучшей жизни. Труженицы в свою очередь смотрят с презрением на остальных как на людей, лишенных чувства ответственности. Они удивляются, почему женщины, которые думают только о «тряпках» или помешаны на мужчинах, не изберут занятия, которое более соответствовало бы их интересам.

В данном случае каждая женщина имеет какое-то свое определение ситуации, и оно зависит от некоторых исходных ее

предположений. Та, для которой работа — лишь удобный случай, чтобы дать мужу возможность закончить образование, относится к предъявляемым требованиям иначе, чем та, которая гордится своими способностями стенографистки. Многие напряжения в современных обществах возникают из-за того, что люди, находящиеся в повседневном общении, неодинаково воспринимают свое окружение. Каков же характер той среды, где живут и действуют человеческие существа? Как могут восприятия различных людей оказаться одинаковыми? И каковы те обстоятельства, в которых особенно трудно установить согласие?

Значение как функциональная единица

Многие социальные психологи изучают установки, привычки, чувства, понятия, фиксации, стереотипы, катексис и т. п. Все эти термины так или иначе относятся к сравнительно устойчивой ориентации определенного индивида на определенный аспект его окружения. Можно сказать, что у человека выработана положительная установка на рыжеголовых, или что для него рыжие волосы обладают специфической сигнификацией, или что люди с данным цветом волос «катектируют» его определенным образом. Все эти выражения указывают на устойчивую организацию поведения данного человека в каждом случае, когда он вступает в контакт с определенным объектом или классом объектов. В таком случае дело может быть упрощено, если для обозначения этой функциональной единицы будет принят единый термин. Вместо того чтобы использовать одно из хорошо известных понятий и вследствие этого оказаться в ловушке догматических споров, предложим более нейтральный термин — *значение*. Его дополнительное преимущество в том, что он соответствует общепринятому употреблению.

Эффективное окружение, в котором человек живет и действует, есть совокупность всяких значений — значений физических объектов, людей, цветов, эмоций, образов, действий. Обычно считается, что значение зависит от реальных свойств самих объектов. Однако люди, обладающие несколько различным опытом, часто спорят о том, каковы же «реально» те или

иные вещи. Крестьянин, работающий в условиях, где он может надеяться только на лошадей, рассматривает этих животных совсем не так, как городской житель, видевший лошадей разве что в кино.

С позиций бихевиоризма значение определяется в связи с тем, что люди *делают* с объектом. Подобный подход проявляется, кстати, в ранних дефинициях детей, которые определяют стул как то, на чем сидят, или автомобиль как то, на чем можно кататься. Это свидетельствует не только о том, что мы познаем значения путем действий, но и о том, что ***значения есть, во-первых, свойства поведения и, только во-вторых, свойства объектов***. Но если так, то нет ничего странного в том, что один и тот же объект может означать различные вещи для разных людей. Крест имеет очень большое значение для христиан, но там, где с ним не связывается специфических действий, он не имеет особого значения. Чарлз Пирс однажды заявил, что различия в значениях не могут содержать в себе ничего более того, что можно отличить на практике[1]. Физические свойства объектов важны только в том отношении, что они ставят границы тому, что может сделать человек с объектом.

Если бы значения зависели от свойств объектов, они должны были бы изменяться всякий раз, когда объект воспринимается несколько иначе. Но в действительности этого не происходит. Наручные часы мы видим каждый раз под новым углом зрения, при различном освещении и с различной степенью тревоги. Но несмотря на эти различия, деятельность, связанная с часами, остается вполне постоянной. Особенно поучительны в этом смысле эксперименты, проведенные Стрэттоном. В течение нескольких дней этот психолог носил специальные очки, переворачивающие изображение. Он отмечал с удивлением, что продолжает действовать так, как обычно, хотя его зрительные восприятия были совершенно необычными[2]. Это значит, что человек не реагирует непосредственно

---

[1] Charles S. Peirce, Chance, Love and Logie, New York, 1923, p. 44.

[2] George M. Stratton, Some Preliminary Experiments on Vision without Inversion of the Retinal Image, «Psychological Review», III (1896), 611 — 617; Vision without Inversion of the Retinal Image, ibid., IV (1897), 341 — 360, 463 — 481.

на стимулирующие предметы; в подходе к ним он руководствуется способом, который выкристаллизовался в прошлом опыте.

Что значение не может быть просто свойством объектов, доказывается также существованием обладающих значением фикций. В каждой культуре имеются фигуры типа Деда Мороза, отрицательные числа и т. п. Такие фикции часто бывают полезны, и даже люди, знающие, что данные представления ложны, все же их поддерживают и утверждают их своими поступками. Поскольку все действуют так, как будто эти вещи реально существуют, данные объекты остаются вполне значимыми[3].

Хотя значения лучше всего определяются в терминах бихевиоризма, их нельзя выделить просто указанием на какое-то из возможных специфических действий человека. Значение креста не исчерпывается тем, что кто-то преклоняет перед ним колена, или отворачивается в смущении, или начинает над ним глумиться. Значения — это *обобщенные* ориентации, которые невозможно определить тем, что делает человек в определенном месте в определенное время, поскольку в разных ситуациях реакции бывают различны. Некоторые психологи пытались, правда, найти что-то общее в этих различных реакциях, но их усилия не увенчались успехом. По-видимому, понять, что значит для людей тот или иной объект, оказывается возможным лишь благодаря тому, что различные реакции слагаются в один *шаблон* (pattern): имеется конфигурация, которая придает единство различным движениям.

Разные реакции в различных ситуациях составляют единство благодаря тому, что объект характеризуется так, как *если бы* он имел определенные устойчивые свойства. Благодаря прошлому опыту у каждого человека есть рабочая концепция о том, на что похож данный объект, и это дает ему возможность предвосхищать те ощущения, которые готовит встреча с объектом в различных обстоятельствах. Когда человек видит автомобиль, несущийся прямо на него, он делает одно; когда его собственный автомобиль становится грязным, он делает другое; и когда он вынужден куда-то спешить,

---

[3] См. Hans Vaihinger, The Philosophy of «As If», New York, 1925.

он поступает еще как-то иначе. Но во всех этих случаях остается представление, что автомобиль имеет определенные постоянные характеристики. Именно наблюдая такие комбинации реакций, мы делаем вывод о том, что некий объект должен означать для каждого человека. В то же время, наблюдая иные комбинации реакций, мы обнаруживаем, насколько различны одни и те же значения для разных индивидов. Если человек посвящает все свое свободное время заботам об автомобиле, крайне неохотно ездит на нем по плохим дорогам и сияет, не скрывая гордости, когда другие восхищаются видом его машины, мы заключаем, что собственный автомобиль означает для него совсем не то, что для того человека, который не замечает вмятины на крыле своей машины в течение целых шести месяцев. Итак, каждый человек вырабатывает устойчивые ориентации по отношению к определенным объектам. В зависимости от характера в различных обстоятельствах предпринимаются различные действия. Но несмотря на пестроту реакций, взаимоотношения между данным лицом и объектом остаются относительно постоянными.

Особую важность для человеческих существ представляют значения *категорий*, значения классов объектов и событий. Среда, в которой мы живем, слишком сложна и разнородна. Если бы люди изучали каждый объект, который они берут в руки, они бы не сдвинулись с места. Объекты и события группируются в категории, и к ним подходят так, как если бы во всех конкретных случаях имели место те же самые характеристики. В мире существуют миллионы лошадей, и каждая из них уникальна, однако мы относим их всех к одному классу и поступаем по отношению к каждой лошади стандартным образом. Мы считает само собой разумеющимся, что лошади бегают быстрее, чем люди, что они не способны летать и что они не сделают попыток нас съесть. Отсюда при встрече с лошадью мы не склонны бежать от нее в испуге, как если бы мы встретились с тигром. Какой-нибудь тигр может быть очень покорным и более мягким, чем большая часть лошадей, но мы будем действовать, исходя из нашей обычной характеристики тигров как хищных и опасных. Как только какая-нибудь категория определяется через систему свойств, наши ожидания фиксируются и мы готовимся действовать соответствующим образом.

Из этого следует, стало быть, что категоризация — это нечто значительно большее, чем просто классификация; каждая категория есть значение, шаблон организованных предрасположений к действию.

Поскольку люди способны воспринимать конкретные события как частные случаи общего класса, они могут подготовить себя к действию даже в том случае, если прежде не видели данного объекта. Впервые войдя в классную комнату, студент может подойти к стулу и сесть на него, не изучив предварительно, выдержит ли стул его вес. Это означает, что люди способны действовать в постоянно изменяющемся мире так, как если бы он был стабильным, упорядоченным и в значительной степени предсказуемым. Излишне говорить, что это существенно облегчает процесс приспособления.

Значения варьируют по степени их сложности. Определяющим здесь оказывается, однако, не свойство объекта, а прошлый опыт включенных в действие лиц. Муха, например, есть относительно простой объект для большинства людей: она вызывает досаду, ее стремятся выгнать прочь или убить. Но для специалиста-энтомолога она далеко не так проста, для него существуют буквально тысячи действий, которые могут иметь к ней отношение.

Значения различаются также по степени их стабильности. Большинство значений относительно устойчиво. Повторяющийся опыт подкрепляет стабильную систему предположений относительно характеристик сходных объектов; напротив, под влиянием нового опыта значения могут изменяться. Существуют, однако, значения, которые твердо установлены и не меняются даже перед лицом очевидных фактов. Такие негибкие значения могут быть названы ***фиксациями***. Некоторые объекты или события вызывают устойчивые реакции, которые сам человек не может ни понять, ни изменить. Человек может испытывать панический страх перед кошками, и в этом случае не имеет значения, как часто он говорит себе, что глупо бояться таких безобидных существ. Со временем он может научиться более тщательно скрывать свои явные реакции, но внутренне будет по-прежнему реагировать так, словно кошка очень опасна[4].

---

[4] См. Sigmund Freud, The Problem of Anxiety, New York, 1936; Maurice N. Richter, The Conceptual Mechanism of Stereotyping, «American Sociological Review», XXI (1956), 568 — 571.

Значения различаются также по степени их осознания. В большинстве случаев люди более или менее осознают свои ориентации по отношению к различным объектам, и последние часто даже отчетливо описываются в лингвистических терминах. Когда значения еще лишь постигаются, осознание особенно остро; как только они хорошо усваиваются, реакции обычно автоматизируются, но при необходимости значение легко появляется в сознании. Фрейд отмечал, однако, что существуют некоторые подавленные значения: человек не осознает их даже тогда, когда они очевидны для других. Так, женщина может считать своего брата опасным соперником и совершенно не осознавать этой своей ориентации. Ее чувства слишком мучительны, чтобы она могла себе их позволить, но ее поведение отличается странной последовательностью. Когда брат добьется успеха в любви, она забудет его поздравить и серьезно заболеет в день его бракосочетания. Она случайно теряет вещи, которые, как ей известно, представляют для него большую ценность, она нечаянно подвергнет его опасности и не сделает ничего, чтобы его защитить, просто потому, что не в состоянии осознать причину беспокойства. Сознательно она может говорить о своей любви к нему, но при каждой благоприятной возможности будет проявлять какого-то рода агрессивность. Она будет потрясена, если психиатр скажет ей об этих вещах, но то, что она со всей искренностью отрицает существование каких-либо преступных намерений, совершенно не исключает того факта, что по отношению к своему брату она ориентирована на замаскированные враждебные действия.

По ясности значения располагаются в ряд от еще смутных, фрагментарных впечатлений до отчетливо организованных шаблонов. Примером ясно понимаемого значения является семантический идеал науки, понятия которой определены операционально. Большинство значений далеко не настолько ясны, ибо людям обычно и не требуется такая точность, которая необходима ученому. Человек может молиться перед крестом, хотя отнюдь не каждый верующий понимает, что крест — это символ могущества и справедливости бога. Очень часто человек может обнаружить, что ему нравится что-то неизвестно почему, или он может неожиданно при каком-то замечании разразиться бранью с яростью, столь же неожиданной для него самого, как и для других. Многие

действия основываются на значениях, которые чувствуются только интуитивно[5].

Существует сравнительно немного объектов, которые эмоционально нейтральны, как дверная ручка, за которую берутся, не испытывая при этом никаких чувств. Значения сильно варьируют по тому, как оцениваются объекты, причем оценки каждого объекта разными людьми могут значительно отличаться друг от друга. Иногда определенные значения вызывают психосоматические реакции — чихание, боли в животе, аллергию и даже временную слепоту и т. п. Бихевиористски оценки рассматриваются как предпочтения — чего человек жаждет, желал бы избежать или стремится уничтожить. Можно сказать, что объект имеет *ценность*, когда человек испытывает к нему особый интерес[6].

Объекты оцениваются с точки зрения прямого или опосредствованного прошлого опыта, причем суждения делаются исходя из того, что ожидалось. В общем, что бы ни относилось к источнику удовлетворения, он является позитивной ценностью, тогда как все, что связано с разочарованием, неудачей или болью, — негативной. Люди стремятся сохранить или приобрести то, что они считают позитивными ценностями. Напротив, негативных ценностей они стараются избегать. Источники повторяющихся или хронических фрустраций могут стать ненавистными объектами, которые человек стремится уничтожить. Соприкосновение с отвратительными объектами переживается как унижение и деградация. Точно так же оцениваются не только физические объекты, но и люди.

Специфические эмоциональные реакции, вызываемые такими объектами, отличаются от ситуации к ситуации в зависимости от обстоятельств, но общие шаблоны — приближения, враждебности или избегания — легко различимы. Когда какой-нибудь привлекательный объект оказывается в чьей-то собственности, владельцу трудно скрыть удовольствие, так же как трудно скрыть ревность, когда им обладает соперник.

---

5 См. Kenneth Burke. The Philosophy of Literary Form, Louisiana, 1941, pp. 138 — 167, Percy W. Bridgman. Some General Principles of Operational Analysis, «Psychological Review», LII (1954), 246 — 249, 281 — 284.

6 См. Ralph B. Perry, General Theory of Values, New York, 1926, pp. 115 — 212, 306 — 368, 400 — 519.

Когда такой объект исчезает, человек испытывает тревогу, а когда обретает его вновь, чувствует облегчение. Когда появляется опасный объект, люди субъективно ощущают страх и занимают оборонительную позицию. Они пытаются избежать его, если имеют какой-нибудь выбор. Если же они вынуждены приблизиться к нему, то делают это с осторожностью, высматривая, нельзя ли получить какую-либо помощь или защиту. Когда он исчезает, напряжение спадает. Объект, который рассматривается как безобразный и отвратительный, иногда вызывает позывы к рвоте. Различные нейтральные объекты также могут вызывать подобную реакцию при контакте с ними; так, большинство людей не может есть из посуды, где были испражнения или мокрота, даже после того, как она чисто вымыта. Если случайно коснуться чего-то, что мыслится внушающим отвращение, возникает продолжительное чувство гадливости[7]. Как и в случае других значений, мера ценности, приписываемая человеком объекту, — это не то, что он говорит относительно его ценности, но усилия, предпринимаемые им, чтобы приобрести и использовать средства, без которых цель не может быть достигнута.

Хотя доказательства сторонников данной точки зрения нельзя считать достаточно обоснованными, они считают, что сильные эмоциональные реакции вызывают те объекты, значение которых определяется конфликтующими импульсами, например органической мобилизацией к действию и социально санкционированными нормами. Какой-то объект может восприниматься как опасный, но для всех, кроме маленьких детей, установившиеся нормы препятствуют открытому проявлению страха. Трудности могут возникнуть также из обусловленной характером работы постоянной близости с людьми, которые рассматриваются как недостойные объекты. В этих случаях блокада и конфликт включаются в значение объекта. Наиболее мучительные беспокойства вызывает амбивалентность[8].

Некоторые социологи настойчиво утверждают, что в их работах нет места для изучения ценностей. Это возражение

---

[7] См. Andrus Angyal, Disgust and Related Aversions, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XXXVI (1941), 393 — 412.

[8] См. Sigmund Freud, Group Psychology and the Analysis of the Ego, New York, 1949, pp. 18 — 19, 55 — 56, 60 — 70; Bull, op. cit.

возникает в значительной мере из-за смешения того факта, что человеческие существа действуют под влиянием ценностей, с тем, что для ученого, исследующего их поведение, есть опасность быть ослепленным оценочными суждениями. Но суждения относительно ценностей нужно отличать от суждений на основании ценностей; первые относятся к закономерностям поведения и могут быть установлены вполне доказательно[9].

Важность устойчивых ориентаций, которые люди вырабатывают по отношению к различным аспектам среды, давно осознана, и социальные психологи стремятся изучать их эмпирически. Наиболее широко используются шкалы для измерения установок. Терстон предложил шкалу, по которой можно определить, насколько человек «за» или «против» какого-то объекта, проведя опрос о том, что он будет делать (или как он будет себя чувствовать), сталкиваясь с этим объектом в различных обстоятельствах. Широко известны также шкалы Богардуса, Ликерта, Гуттмана и др.[10] Баллы на всех шкалах образуются путем прибавления или вычитания количественных оценок, присуждаемых ответам, указанным для каждой ситуации. Однако значения различаются по *конфигурации* ответов, а она не может быть описана путем суммирования составляющих элементов. Много лет назад Фейрис (Faris) указывал, что можно изучать установки более успешно, если просить опрашиваемых дать собственную характеристику объекту, о котором идет речь, но до сих пор этот вопрос игнорировался. Сейчас Осгуд и его коллеги предпринимают многообещающие попытки в этом направлении[11].

---

[9] John Dewey, Theory of Valuation, International Encyclopedia of Unified Science, Otto Neurath, ed., Chicago, 1939, Vol. II, № 4.

[10] Обзор первых методик и результатов их использования содержится в книге: Gardner Murphy, Lois B. Murphy and Theodore M. Newcomb, Experimental Social Psychology, New York, 1937, pp. 889 — 1046; более поздние процедуры описаны в книге: Samuel A. Stouffer et al., Measurement and Prediction, Princeton, 1950. Критическая оценка этих работ дана в статье: Quinn McNemar, Opinion-Attitude Methodology, «Psychological Bulletin», XLIII. 1946, 289 — 374.

[11] Ellsworth Faris, The Nature of Human Nature. New York, 1937, pp. 127 — 143. Ср. Charles E. Osgood, George J. Suci, and Percy H. Tannenbaum, The Measurement of Meaning, Urbana, 1957.

Социальная ратификация значений

Как только значения сформировались, они имеют тенденцию стабилизироваться. Несмотря на то что то и дело происходят новые события, каждый человек склонен считать свой мир достаточно постоянным. Люди игнорируют частные различия, чтобы классифицировать объекты и явления в категории и характеризовать каждый класс с точки зрения определенных свойств.

Относительная устойчивость ориентации людей по отношению к их миру обеспечивается самим характером человеческого восприятия.

Хотя обычно считается, будто то, что мы воспринимаем, есть зеркальное отображение существующей «вне нас» реальности, всякое восприятие избирательно. Восприятие также *кумулятивно* и *конструктивно*. Это не простая реакция на стимул, но ряд процессов, в ходе которых люди обращают внимание и реагируют на то, к чему они уже заранее чувствительны, формируют гипотезы относительно свойств объекта, с которым они столкнулись, и затем подкрепляют свои ожидания, осуществляя дальнейшие наблюдения.

У каждого человека, когда он имеет дело с хорошо знакомым объектом, есть рабочая концепция о его свойствах. Различные стимулы отбираются и организуются в сигналы, которые служат основой для вывода. Для человека, вышедшего на прогулку в конце дня, затуманившаяся голубизна неба означает не просто цвет, но сигнал, показывающий, сколько времени у него осталось, чтобы вернуться домой без затруднений. Что люди видят в какой-нибудь ситуации, зависит от того, что они ожидают, а что они ожидают, зависит от значений, с которыми они вступают в эту ситуацию.

Когда такие гипотезы возникают, люди становятся повышенно чувствительны к тем сигналам, которые позволяют им проверить свои ожидания. Область восприятия организована так, чтобы максимально замечать сигналы, относящиеся к гипотезам, и минимально реагировать на другие сигналы. Таким образом, воспринимаемое никогда не воспринимается полностью. Всегда имеет место различение

и отбор. Человек, идущий один ночью по кладбищу или по темной аллее, особенно бдителен к звукам, свидетельствующим об опасности. Считается, что в этих обстоятельствах может произойти нападение и грабеж, и возможность такого события является гипотезой, которая принимается всерьез. Все это показывает, что то, как человек воспринимает свое окружение, зависит от значений, которые имеют для субъекта различные объекты, а также от того, что он сейчас делает[12].

Поскольку люди, выросшие в различных культурах, придерживаются различных значений, они используют разные гипотезы; поэтому они повышенно чувствительны к различным сигналам и в той же самой ситуации будут конструировать различные перцептуальные объекты. Это продемонстрировал Бэгби с помощью изобретательного эксперимента. Он изготовил десять пар диапозитивов для просмотра через стереоскоп. С одной стороны диапозитива он помещал изображение объекта, хорошо знакомого большинству мексиканцев (бой быков, черноволосая девушка, пеон), а с другой стороны — подобное изображение объекта, хорошо знакомого большинству американцев (игра в бейсбол, девушка-блондинка, фермер). Соответствующие фотографии имели сходство по форме, контуру основных масс, структуре и распределению света и теней. И хотя некоторые испытуемые заметили, что перед ними две разные картины, в подавляющем большинстве случаев американцы видели сцены, характерные только для их собственной культуры. Это исследование подтвердило, что отбор и интерпретация сигналов зависят от ожиданий человека, которые в свою очередь приобретаются в процессе участия в организованном обществе[13].

До какой степени восприятие зависит от значений, особенно от ценностей, показали эксперименты Брунера и Гудмана.

---

[12] См. Leo Postman, Toward a General Theory of Cognition, в: «Social Psychology at the Crossroads», John H. Rohrer and Muzafer Sherif, eds., New York, 1951, pp. 242 — 272; Mead, The Philosophy of the Act., op. cit., pp. 103 — 173.

[13] James W. Bagby, A Cross-Cultural Study of Perceptual Predominance in Binocular Rivalry, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LIV (1957), 331 — 334.

Группе детей из зажиточных семей и другой группе, подобранной из трущоб, было предложено определить на глаз размер различных монет. Все дети преувеличивали размеры, но степень преувеличения постоянно возрастала с ростом денежной стоимости монеты, а не ее действительного размера. Так, дайм* меньше, чем пенни, но ценится выше, и отклонение между действительным и называемым размером для дайма было больше, чем для пенни. Сверх того, обнаружилось, что дети бедняков, которые, по-видимому, значительно больше озабочены мыслью о деньгах, преувеличивали размер монеты гораздо больше, чем дети богатых. Было сделано несколько попыток повторить это исследование, и не было случая, чтобы факты подтвердили мнение о том, что восприятие является непосредственной реакцией на стимуляцию[14].

Особые проблемы возникают, когда воспринимаются человеческие существа — отдельные индивиды или же категории людей. Сто лет назад немецкий философ Дильтей утверждал, что наблюдение за человеческими существами отличается от наблюдения за другими объектами, поскольку в первом случае наблюдатель может проникнуть в жизнь объекта путем сочувственной интроспекции. В этом смысле *персонификации* — то, что человеческие существа значат друг для друга, — отличаются от всех других значений. В самом деле, без некоторого понимания внутренних переживаний другого человека почти невозможно эффективно предвосхищать его намерения. Это означает, что гипотезы, используемые при восприятии людей, обычно включают в себя какое-то приписывание мотивов. Как правило, такое предположение покоится на частичной идентификации себя с другим: наблюдатель воображает, как бы он себя чувствовал, если бы был другим человеком. Таким образом, восприятие людей требует в какой-то мере принятия роли.

* Дайм — монета в 10 центов, пенни — монета в 1 цент.

14 Jerome S. Bruner and Cecile C. Goodman, Value and Need as Organizing Factors in Perception, ibid., XLII (1947), 33 — 44; Wayne R. Ashley, Robert S. Harper and Dale L. Runyon, The Perceived Size of Coins in Normal and Hypnotically Induced Economic States, «American Journal of Psychology», LXIV (1951), 564 — 572.

Но внутренние переживания других людей не могут наблюдаться непосредственно. О них можно лишь строить умозаключения, наблюдая за явным поведением. Однако люди значительно различаются по тому, как они проявляют свои чувства, и большинство взрослых для облегчения маскировки имеет в своем распоряжении отвлекающие жесты. Кроме того, одни и те же внешние движения иногда могут быть интерпретированы по-разному, но равно правдоподобно[15]. При таких обстоятельствах приходится только удивляться, что восприятие людей обычно оказывается настолько достоверным.

Характеризуя тех, кто нам лично знаком, мы можем учитывать их индивидуальные особенности. Однако большинство наших контактов, особенно в городе, осуществляется с незнакомыми. Посторонние обычно воспринимаются как примеры каких-то категорий. *Стереотип* — это популярное понятие, обозначающее приблизительную группировку людей с точки зрения какого-то легко различимого признака, поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей. Такие абстракции формируются путем комбинации выделяющихся форм поведения у части людей, классифицируемых определенным образом. К людям из этнических меньшинств обычно подходят так, словно все они одинаковы. Негры нередко характеризуются как ленивые, невежественные, ненадежные, обладающие хорошим чувством ритма и т. д. Есть и другие общие стереотипы, например «старая дева», у которой сексуальные интересы сублимировались в привязанность к кошкам и проявляется повышенная чувствительность к вниманию со стороны мужчин. Несмотря на многочисленные неточности, такие категории увековечиваются, потому что в существовании отдельных штрихов, на основе которых эти люди огульно объединяются, окружающие иногда убеждаются сами. Те, кто объединяется в один стереотип, часто сами себя идентифицируют друг с другом как существа одного рода.

---

[15] Patrick Gardner, ed., Theories of History, Glencoe, 1959, pp. 213 — 223; Ср. H. A. Hodges, Wilhelm Dilthey: An Introduction, London, 1944, pp. 11 — 35; Charles H. Cooley, Sociological Theory and Social Research, New York, 1930, pp. 289 — 309.

Даже когда такие представления совершенно неоправданны, они могут служить основой для оскорбительного выделения, ибо в них заключены определенные гипотезы, с которыми люди подходят к тем, о ком им ничего более не известно[16].

К какой категории отнесен человек, очень важно, так как от этого зависит, какие мотивы могут быть ему приписаны. Если предполагается, что люди данной категории обладают такими-то качествами, от них ожидаются действия определенного рода, и окружающие становятся повышенно чувствительны к сигналам, дающим знать о таком поведении. Если у человека «плохая» репутация, даже самые невинные его поступки истолковываются предвзято. Изучение политических кампаний показало, что приверженцы любой партии склонны расценивать позицию ее кандидата как свою собственную и приписывать ему самые лучшие намерения. Позиция же оппонента всегда представляется неблаговидной. Здесь не важно, что он будет говорить: если не найдется конкретных пунктов, по которым могут быть сделаны возражения, под вопросом окажется его искренность[17]. Таким образом, отношение к малознакомому человеку зависит от того, к какой категории его относят и как оценивается данная категория. Многие напряжения, характерные для современного общества, станут более понятны, когда мы осознаем некоторые из фатальных предположений, с которыми люди подходят друг к другу.

Если люди воспринимают окружающее, лишь проецируя на него свои ожидания, а затем настороженно воспринимая относящиеся к последним сигналы, возникает вопрос: как можно объяснить соответствие между воспринятым и тем, что

---

16 Walter Lippmann, Public Opinion, New York, 1922, pp. 79 — 156; ср. Louis Wirth, The Ghetto, Chicago, 1928, pp. 63 — 95; Paul F. Secord, Stereotyping and Favorableness in the Perception of Negro Faces, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LIX (1959), 309 — 314.

17 Bernard Berelson, Paul F. Lazarsfeld, and William N. McPhee, Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign, Chicago, 1954, pp. 215 — 233.

существует «вне нас»? В той мере, в какой гипотезы представляют собой основу поведения, большая часть их должна быть достаточно точной, чтобы эффективно обосновывать приспособление. Это значит, что все гипотезы подвергаются какого-то рода повторному подтверждению.

Наиболее общая форма подтверждения — это проверка реальностью. Значения устанавливают обобщенные взаимоотношения между живым организмом и объектом. Поскольку предполагается, что объект обладает определенными свойствами, к нему подходят на основе фиксированных установок, и эти взаимоотношения могут сохраняться лишь постольку, поскольку данные ожидания сбываются. Люди не могли бы продолжать относиться к тигру как к опасному объекту, если бы каждый встречный тигр улыбался и лизал им руки. Реальность подтверждает то, что человек ожидает; это усиливает значение и дает людям уверенность в правильности созданной ими картины мира. Когда же ожидания не подкрепляются, люди прилагают усилия, чтобы создать лучшие гипотезы. Итак, взгляды человека могут формироваться в связи с его интересами и социально определенными категориями, но их ратификация зависит, по крайней мере отчасти, от свойств реального мира. Именно в этом смысле можно говорить, что восприятие упорядочивается; оно состоит из ряда проб. Человек научается в действии, проверяя свои представления на практике.

Однако во многих случаях прямая проверка реальностью невозможна. В таких обстоятельствах значения иногда подтверждаются их согласованностью с другими представлениями. Если человек не уверен, что он правильно услышал слово, он проверяет весь контекст, в котором оно было использовано, чтобы узнать, могло ли оно здесь находиться. Когда в знаменитой сейчас передаче Орсона Уэллеса 30 октября 1938 года было объявлено о вторжении с Марса, многие слушатели, которые сомневались в этом сообщении, проверяли его по другим источникам. Кэнтрил, изучавший этот инцидент, обнаружил, что участники массовой паники, начавшейся в результате радиопередачи, состояли из людей, которые не провели такой проверки. Таким образом, подтверждение ожиданий облегчается

соответствующими гипотезами и затрудняется противоположными[18].

Подтверждение может достигаться также посредством согласия. Всякий раз, когда кто-то не уверен в своем восприятии, он обращается к другим, чтобы убедиться, испытывают ли они то же самое. Как может человек отличить галлюцинацию от реальности? Большей частью путем сравнения своего и чужого опыта. Если другие согласны с тем, что нечто произошло, хотя и явилось неожиданностью, он будет больше доверять своим ощущениям. Подтверждение приносят не только явные коммуникации с другими людьми, но и наблюдения их поступков. Когда человек слышит неуместную реплику, но видит, что никто другой не кажется оскорбленным, он заключает, что ослышался. Итак, люди не всегда «верят собственным глазам и ушам»; необходимо прямое и косвенное подтверждение со стороны тех людей, которым они доверяют. Если даже человек убежден в правильности своих впечатлений, но все другие заявляют, что он ошибается, у него могут появиться сомнения в своей нормальности. В последнем случае согласие может быть решающим критерием достоверности.

Иногда даже перед лицом противоречия со всеми другими источниками люди могут оставаться верны собственным гипотезам, особенно если они соответствуют их эмоциональным склонностям[19]. Наблюдая совершенно нейтральные сцены, набожный человек может сделать вывод о существовании бога, а человек с параноидальными тенденциями заключить, что слышит голоса, составляющие план его уничтожения. По-видимому, чем теснее связаны частные гипотезы с интересами какого-то человека, тем меньше сигналов нужно ему для их подтверждения.

Всякий раз, когда экспектации не подтверждаются, действие временно прерывается, пока рассматриваются новые

---

[18] Hadley Cantril, Hazel Gaudet and Herta Herzog, The Invasion from Mars, Princeton, 1947, pp. 91—95; Ср. Leo Postman and Jerome S. Bruner, Hypothesis and the Principle of Closure, «Journal of Psychology», XXXIII (1952), 113—124.

[19] Jerome S. Bruner, Jacqueline J. Goodnow and George A. Austin, A Study of Thinking, New York, 1956, pp. 17—21.

альтернативы. Перед лицом такого несоответствия человек остается в зависимости от забракованной гипотезы только в необычных обстоятельствах. Уместно напомнить, что эксперимент Бэгби основывался именно на двусмысленности сенсорных сигналов. Прочность гипотезы зависит также от частоты ее подтверждений в прошлом. Тот, кто никогда не слышал, как говорят стены, считает само собой разумеющимся, что это невозможно. Стоит ему услышать исходящую от стен членораздельную речь, он начнет искать спрятавшегося человека или громкоговоритель. Если такой правдоподобный источник найти не удастся, он, возможно, скорее заключит, что потерял рассудок, чем примет суждение, что стены действительно могут разговаривать[20].

Итак, значения постоянно подтверждаются в действии. Поскольку большинство поступков люди совершают в качестве участников каких-то коллективных действий, в известной мере все значения являются объектами социального контроля. Большинство значений социально потому, что действия человека по отношению к данному объекту в значительной степени предопределены групповыми нормами, касающимися подобающего использования этого объекта. На основе таких представлений определенные типы поведения признаются глупыми, опасными или благоразумными. Значения — это шаблоны потенциальной деятельности, и реакции, которые могут быть вызваны в различных ситуациях, ограничиваются социальными соображениями.

Конечно, сказанное справедливо не для всех значений. Последние различаются по тому, насколько они опираются на согласие, располагаясь в ряд от чисто личных значений, принадлежащих исключительно данному индивиду, до совершенно *конвенциальных*, как научные понятия, которые определяются операционально. Значение конвенциально, когда большинство людей в данной культуре разделяет общие представления относительно свойств объекта и когда существуют групповые нормы относительно его использования.

---

[20] См. Postman, op. cit., Экспериментальное доказательство см. в статье: Leo Poctman Jerome S. Bruner and Richard D. Walk, The Perception of Error, «British Journal of Psychology», XLII (1951), 1 — 10.

Как правило, существует ряд санкционированных вариантов поведения, но границы вариаций определены обычаем. Так, автомобиль может использоваться для различных целей, но если человек поместит его в реку, у окружающих возникнет вопрос о его психической нормальности. Поскольку каждый обладает единственным в своем роде опытом, он вырабатывает особые способы действия со многими конвенциально определенными объектами и таким образом формирует свои собственные значения. Такие значения являются личными не потому, что они недоступны другим, а потому, что организация тенденций поведения идиосинкразическая.

Если некое значение обладает высокой степенью согласия, ожидания, с которыми каждый подходит к данному объекту, включают и вероятные реакции других людей. Человек ожидает молчаливого одобрения, когда подчиняется обычаям, похвалы, если при этом он чем-то жертвует, и осуждения или негативных санкций другого рода, когда он поступает неподобающе. Эти экспектации являются частью его ориентации по отношению к объекту. В качестве иллюстрации возьмем человека, страдающего сильным насморком, у которого вдруг не оказалось носового платка. Если поблизости лежит национальный флаг, очень маловероятно, что он воспользуется им, чтобы вытереть нос, — хотя по своим физическим свойствам тот вполне соответствует данной цели. Субъект легко может представить себе потрясение и испуг, если не оскорбление, других, когда они увидят его совершающим такое святотатство. Национальный флаг имеет конвенциальное значение как символ, и это его особое значение предотвращает многие действия, которые физически вполне возможны. Многие человеческие поступки, следовательно, социальны не только потому, что они вызывают реакции других людей, но также потому, *что ожидаемые реакции других людей включены в действенную организацию поведения*.

Эти наблюдения показывают, что *человеческое представление о реальности есть в основном социальный процесс*. Это не означает, будто нет реального мира вне нас, но то, что знают о нем люди, есть продукт участия в группе. Хотя категории время от времени пересматриваются и неточные представления успешно корректируются, в любое данное время большинство

значений, по существу, таковы, какими люди согласились их считать. То, что люди обычно называют «реальностью», есть рабочая ориентация, относительно которой существует высокая степень согласия.

Символическая организация опыта

Поведение состоит из приспособлений к изменяющимся жизненным условиям, но среда, к которой люди приспосабливаются, — это, по существу, заместитель реальной среды, среда субституциональная. Люди не живут в мире непосредственных чувственных впечатлений — их эффективная среда имеет пространственное и временнóе протяжение. Как человек поступает, зависит от его определения ситуации. Многое из того, что есть в наличии, игнорируется; человек просто не в состоянии замечать все, что его окружает. Вместе с тем определение включает много такого, что физически не присутствует. Человек, который только что пропустил автобус, не бежит за ним вслед: он разумно заключает, что через некоторое время придет следующий, даже если он его не видит. Итак, мир, в котором люди живут и действуют, включает в себя настоящее, прошлое и будущее; в него входят воспоминания и ожидания, как возможное, так и действительное. Определение ситуации — это реконструкция чувственного опыта; оно возникает путем отбора из того, что существует в настоящее время, и того, что извлекается из воспоминаний о других соответствующих событиях.

Подход человека к определению ситуации зависит от того, какова его картина мира. Картина мира (perspective) — это упорядоченный взгляд на окружающий мир; это то, что принимается как само собой разумеющееся в различных физических объектах, в событиях и в человеческой природе. Окружение, в котором живут люди, — это не хаотическое нагромождение вещей, а упорядоченное единое целое. Субституциональный мир состоит из системы значений, и поведение основывается на совокупности представлений о свойствах различных категорий объектов. Чувственные сигналы вызывают к жизни гипотезы относительно свойств объекта, многие из которых в действительности восприняты быть не

могут. Мир организован с точки зрения предположений, которые делают люди о различных объектах и классах объектов, причем эта организация скорее навязывается чувственным данным, чем извлекается из них.

Чувственные данные организуются в системы значений, относящихся не только к вещам и их качествам, но также к порядку сосуществования вещей в пространстве и во времени[21]. Люди не ходят сквозь стены, и человек лучше видит при свете, чем в темноте. Картина мира, следовательно, состоит из предпосылок относительно того, что правдоподобно и что возможно. «Звание» — это ориентация по отношению к реальному или воображаемому порядку возможного, схема пространства и времени, отношений между объектами, порядка, управляемого правилами. Люди действуют именно на основе этого порядка и его правил. Без этого жизнь была бы хаосом; даже сомнения и вопросы возможны только внутри несомненной системы соотнесения. Как сказал Рицлер, человеческая картина мира — это контурная схема, которая опережает опыт, определяет его и управляет им[22].

Конструирование картины мира значительно облегчается благодаря способности людей пользоваться символами, особенно лингвистическими. Но что такое *символ*? Это некий объект, образ действия или слово, по отношению к которому люди действуют так, как если бы это было нечто другое. Флаг есть символ нации, и люди часто ведут себя по отношению к куску материи так, словно это сама нация, с которой они себя идентифицируют. Чувства тоже имеют свои символы, например поцелуй считается символом любви. Но наиболее важны лингвистические символы: комбинации артикулированных звуков или письменных знаков, используемых для этой цели, могут представлять почти любые значения.

---

[21] См. Ernst Cassirer, The Philosophy of Symbolic Forms, New Haven, 1957, Vol. III, pp. 107—190.

[22] Kurt Riezler, Man: Mutable and Immutable, Chicago, 1951, pp.62-72; Cp. Alfred R. Lindesmith and Anselm Strauss, Social Psychology, New York, 1956, pp. 46—80; Alfred Schuetz, Choosing among Projects of Action, «Philosophy and Phenomenological Research», XII (1951), 165 — 169.

Связь между символом и значением в большинстве случаев представляется условной; следовательно, значение символа не может быть выведено из изучения этого символа. Звуки, используемые в человеческой речи, сами по себе не более чем колебания воздуха, почти каждый может их легко воспроизвести. В некоторых обстоятельствах, однако, эти символы могут заставить людей вступить в священную войну, предпринять опасное паломничество, участвовать в отвратительном линчевании или погибнуть, героически защищая безнадежное дело. В таком поведении существует дополнительное значение, которое во много раз превосходит то, что присуще самому символу, как таковому.

Способность формировать абстракции и относиться к ним как к символам освобождает человеческие существа от диктата непосредственного окружения. Только дети, животные и некоторые психически больные ограничивают мир тем, что «здесь и сейчас». Люди же не зависят непосредственно от их чувственного опыта, ибо они живут в субституциональном мире.

Если картины мира организованы с помощью лингвистических символов, значит, люди, говорящие на разных языках, должны воспринимать мир несколько по-разному. Теория символической трансформации человеческого опыта наиболее четко сформулирована Сепиром и Уорфом[23]. Любой язык ограничивает восприятие; люди раскладывают то, что они воспринимают, по уже существующим заранее лингвистическим категориям. Различие в словаре, следовательно, влияет на содержание мысли. Уорф утверждал, что от языка зависит не только содержание, но и структура мысли.

Чтобы показать, что различные народы анализируют природу различным способом, Сепир и Уорф считали необходимым сравнительное изучение грамматики и ви́дения мира у разных народов. Такие исследования показали. что и язык и картина мира изменяются от группы к группе, но существование предполагаемой взаимосвязи между этими двумя аспектами культуры не было доказано. Кэрролл и Касагранде

---

[23] Edward Sapir, Selected Writings in Language, Culture and Personality, Berkeley, 1949, pp. 160—166; Benjamin L. Whorf, Language, Thought and Reality, New York, 1956, pp. 134—159. 207—219. Критическую оценку этого подхода можно найти в кн.: Language in Culture. Harry Hoijer, ed., Chicago, 1954.

предприняли две попытки установить более точный контроль над переменными. Основанием для первого эксперимента послужил тот факт, что английскому слову «разламывание» на языке индейцев хопи соответствуют два слова: одно из них используется, когда происходит простое деление, и другое — когда объект раскалывается на много кусков. С учетом этих различий были приготовлены три ряда рисунков из множества линий, и испытуемым предлагалось классифицировать их в различных комбинациях. Когда сравнили отчеты лиц, говорящих на хопи и по-английски, результаты в основном подтвердили гипотезу. Другой эксперимент был проведен среди индейцев навахо. В их языке сообщение о том, что человек делает что-то руками, сразу же связывается с формой объекта манипуляции; следовательно, от тех, кто говорит на языке навахо, можно ожидать большего внимания к форме. Экспериментаторы приготовили десять пар объектов, которые различались по форме, размеру и цвету, и предложили трем группам испытуемых их классифицировать. Результаты показали, что дети, говорящие на языке навахо, обращают больше внимания на форму, чем дети навахо, говорящие по-английски. Но выполнение задачи третьей группой — американскими детьми, живущими в Бостоне, — было сходно с тем, что делали испытуемые, говорящие на языке навахо. Однако, когда сравнения были сделаны по возрасту, оказалось, что дети, говорящие на языке навахо, превзошли других в чувствительности к форме в самом раннем возрасте, хотя с возрастом различия уменьшались[24]. Хотя гипотезу нельзя считать доказанной, большинство фактов ее подтверждает.

Есть основания полагать, что память основана, по крайней мере частично, на лингвистических механизмах. Числа и календари организуют распределение событий по времени, и каждый легко представит себе, как трудно было бы без таких символических рамок разобраться в прошлых событиях. Но как мог бы человек вспомнить цвет дома своего детства, если бы

---

[24] John B. Carroll and Joseph B. Casagrande, The Function of Language Classifications in Behavior, в: Readings in Social Psychology, Eleanor E. Maccoby, Theodore M. Newcomb and Eugene L. Hartley, eds., New York, 1958, pp. 18—31.

он не имел слов для обозначения цвета? Один из социальных психологов утверждал, что человек, который ассимилировался в новой группе с существенно отличной картиной мира, будет испытывать трудности в сохранении своих прежних воспоминаний, ибо он усвоит новую схему обозначений. Более того, вспоминающиеся события будут выглядеть в новом свете[25].

Особенно показательны переживания человека, страдающего каким-нибудь физическим недостатком, таким, как глухота или слепота. Хотя Элен Келлер с детства была лишена зрения и слуха, она написала несколько книг, в которых описывает яркие краски и делает замечания о прекрасной музыке. Когда ее попросили это объяснить, мисс Келлер ответила, что она может понимать значение этих слов по аналогии. Можно с уверенностью сказать, что ее взгляд на мир связан не столько с чувственным миром других людей, сколько с их символическим окружением. Другие люди тоже постоянно разговаривают о вещах, которых они никогда не видели. Исторические события, например, не могут быть восприняты непосредственно, они могут переживаться только в воображении. Таким образом, картина мира является скорее продуктом коммуникации, чем непосредственно опыта[26].

Хотя лингвистическим символам принадлежит решающая роль в организации опыта, другие символы также используются с этой целью. Ряды музыкальных нот, цветовых комбинаций и различных движений представляют собой некие значения. Для поддержания устойчивых представлений об обществе, пожалуй, наиболее важными являются символы различных статусов, которые постоянно подкрепляют предположения относительно соответствующей классификации людей. Различные знаки — такие, как одежда, значки, форма, физические особенности или ритуальные формы обращения, — служат показателем положения каждого человека в обществе. Существует множество действий, которые прежде всего символичны. Многие отказываются пожать руку негру не потому, что они считают негров грязными и боятся

---

[25] Maurice Halbwachs, Les cadres sociaux de la mémoire, Paris, 1925, pp. 113—154.

[26] Helen Keller, The World I Live In, New York, 1908, pp. 84—112, 134—182.

инфекции. Действие само по себе незначительное, но оно символизирует признание социального равенства. Курение, хулиганство и даже половая распущенность могут существовать и не ради удовольствия самого по себе, но как символ полного пренебрежения конвенциальными нормами. Итак, люди, не задумываясь, делают многое для того, чтобы указать другим их место. Такие действия служат для сохранения упорядоченной картины мира, подтверждающей существующую классификацию людей.

Принятие ролей и самоконтроль, без которых невозможны согласованные действия, значительно облегчаются благодаря тому факту, что люди живут в общей символической среде. Такая разделяемая всеми картина мира составляет культуру группы. Поскольку нормы, лежащие в основе этой картины, являются предпосылкой действий, не приходится удивляться тому, что для людей, воспитанных в одной и той же культуре, характерны сходные способы действий. Все культуры являются продуктом коммуникации. Картины мира организуются с помощью символов, и те, кто овладевает этими символами, приходят к общим взглядам на мир, которые служат основой для согласованных действий.

Различные ассоциации и плюрализм

Люди, составляющие одно сообщество, одинаково подходят к окружающему их миру. Они легко понимают друг друга, а посторонних находят странными и непонятными. Отличия усиливаются к тому же их изоляцией и чувством солидарности. Каждая культура имеет территориальную основу, и антропологи по праву могут говорить о «культурных ареалах», отмечая существенное сходство в культурах живущих по соседству народов.

Но общую картину мира создает не физическая близость, а коммуникация. Развитие эффективной коммуникации в последнее время открыло возможность взаимодействия между людьми, которые географически отдалены друг от друга. *У тех, кто использует одни и те же каналы коммуникации, вырабатываются общие взгляды на мир*. Поскольку сети коммуникации не ограничиваются более территориальными границами, культурные ареалы заходят один за другой и теряют свою экологическую основу. Для нашего общества характерно

разнообразие картин мира среди людей, живущих в одном месте. Эти различия находят отражение даже в повседневном языке, и мы говорим о людях, живущих в различных социальных мирах — в мире науки, в мире спорта, в театральном мире.

Это приводит к очень важному вопросу: что такое *каналы коммуникации*? Во всех группах существуют различные контакты и ассоциации. Каждый человек избирательно восприимчив к определенным источникам информации и обращает мало внимания на другие. Те, кто принадлежит к группам элиты, обычно игнорируют болтовню своих подчиненных, и в военном соединении рядовые редко свободно говорят с офицерами. Информацию определенного рода все группы держат в секрете от других слоев населения, особенно от юношества. Доверие, которое вызывает полученное сообщение, зависит от компетентности, приписываемой источнику, и в каждом сообществе есть конвенциальные нормы, определяющие достоверность различных источников. Люди прислушиваются к советам фабрикантов о том, как лучше использовать выпускаемую ими продукцию, но не принимают безоговорочно их суждений по политическим вопросам[27]. Каналы коммуникации, следовательно, не просто точки контакта — это продукты социального контроля за коммуникативным поведением. Они возникают на основе общих представлений о том, кто, кому, о чем и с какой степенью доверия может передать сообщение. Барьеры свободному обмену составляют часть структуры организованных групп, и только в кризисных ситуациях они оказываются временно разрушенными.

В каждой бюрократической организации — военной, коммерческой, правительственной или педагогической — имеются свои постоянные каналы коммуникации. Собирать и распространять информацию по определенным каналам связи призваны определенные должностные лица, и попытки обойти эти каналы часто ведут к большим затруднениям. Хотя обычно особое внимание обращается на письменные формальные коммуникации, следует подчеркнуть, что конвенциально

---

[27] См. Carl J. Hovland, Irving, L. Janis and Harold H. Kelley, Communication and Persuasion, New Haven, 1953, pp. 19—55; Elihu Katz and Paul F. Lazarsfeld, Personal Influence, Glencoe, 1955.

установившиеся каналы не обязательно связаны с письменными сообщениями. В областях, где уровень грамотности низок, нет другого выхода, кроме устной передачи информации[28]. Многие из формальных коммуникаций в нашем обществе также устные; в воинском соединении, например, многие приказы просто выкрикиваются сержантами.

Независимо от того, как складываются формальные каналы коммуникации, они почти всегда дополняются неформальными сетями «доверительных сообщений». Местная парикмахерская, уборная воинского соединения или буфет в большом учреждении становятся главным местом контактов. Случайная точка соприкосновения приобретает необычайную важность; мастер, который помолвлен с секретаршей управляющего, или же рядовой, который был классным товарищем старшины батальона, становятся основным источником новостей. Итак, на базе социальных взаимоотношений, которые формируются на личной основе, создаются неформальные каналы коммуникации, и доверие, которым наделяются эти источники, основано на распространенном среди участников мнении относительно их честности и надежности. Такие каналы являются обычно вспомогательными, ибо когда «доверительная» информация противоречит официальным сообщениям, от нее обычно отмахиваются как от «слухов». В некоторых обстоятельствах, однако, такие незаконные новости могут даже вытеснять официальные сообщения, особенно если есть причины думать, что что-то утаивается[29].

Поскольку общие картины мира суть продукты коммуникации, каждый канал ведет к возникновению особой культуры. Современные массовые общества состоят из множества социальных миров. Хотя некоторые любят торжественно говорить об «американской культуре», в действительности в США существует немало соприкасающихся между собою различных картин мира. Эта пестрота отразилась в американской литературе — сумеречный мир Ринга Ларднера, исчезающие американцы ирландского происхождения Джемса

[28] J. Mayone Stycos, Patterns of Communication in a Rural Greek Village, «Public Opinion Quarterly», XVI (1952), 59 — 70.

[29] Oscar E. Millard, Underground News, New York, 1938.

Феррелла, маленький городок Среднего Запада Синклера Льюиса, истощенный аграрный Юг Эрскина Колдуэлла, современные городские трущобы Нельсона Олгрина и благопристойные бостонцы Джона Маркенда. Каждый социальный мир — это мир упорядоченных взаимных реакций, это область, структура которой позволяет ожидать определенных реакций со стороны окружающих и где человек может преследовать свои интересы с разумной уверенностью в себе. ***Следовательно, каждый социальный мир — это культурная область, границы которой определяются не территорией и не формальным членством в группе, а пределами эффективных коммуникаций.***

Из всех социальных миров наибольшее чувство взаимной идентификации и солидарности может быть, вероятно, обнаружено в различных подобществах. Люди из национальных меньшинств, если их достаточно в данной области, обычно образуют колонию. Они считают себя подобными друг другу, поскольку реально или в воображении происходят от общих предков. Социальная элита почти во всех обществах отделяет себя от других. В Европе недавнего прошлого существовал grand monde* титулованной аристократии и богачей со своим особым кодексом чести. Даже в нашем демократическом обществе семьи, занимающие определенное социальное положение, обычно отделяют себя от рядовых людей. Некоторые религиозные культы, особенно в первое время, также замыкались в изолированных общинах. Здесь мало заботились о взглядах людей из внешнего мира, чьи души считались потерянными в любом случае[30]. Одна из особенностей такой общины, по мнению Мак-Ивера, состоит в том, что внутри нее может пройти вся жизнь человека. Многие люди из этих социальных миров ограничивают себя контактами

---

* Высший свет (*франц.*).

[30] Существует ряд социологических исследований таких общин, например: E. Digby Baltzell, Philadelphia, Gentleman, Glencoe, 1957; Paul G. Cressey, The Taxi-Dance Hall, Chicago, 1932; Drake and Cayton, op. cit., John R. Seeley, R. Alexander Sim, and Elizabeth W. Looseley, Crestwood Heights, New York, 1956; Pauline V. Young, Pilgrims of Russian Town, Chicago, 1932.

почти исключительно с членами своей группы. Люди из внешнего мира кажутся странными, часто они фактически не считаются людьми.

Нередко такие подобщества отделены также и географически, что усиливает их изоляцию от остальных, в то время как специальные связи типа доверительных сообщений облегчают установление внутренних контактов. Иногда изоляция усиливается враждебностью людей из внешнего мира по отношению, например, к национальному меньшинству или преступному миру. В других случаях (социальная элита и некоторые религиозные секты) изоляция является следствием собственного стремления к сепарации. Как бы она ни возникала, изоляция имеет очень большое значение, ибо она умножает внутренние контакты и усиливает барьеры, отделяющие от внешнего мира. Люди, которые считают себя существами одного рода, обращаются преимущественно с теми, с кем они себя идентифицируют; контакты с посторонними преходящи, и к ним подходят как к представителям категорий[31].

Другой тип социального мира представляет собой сеть взаимосвязанных произвольных ассоциаций — например, мир организованного труда, различные религиозные секты, тайные общества или любая из свободных профессий. Участники в большинстве случаев географически распылены и связаны только участием в общей деятельности и членством в соответствующих группах. Они обслуживаются специальными изданиями вроде «Журнал американского легиона», «Новости конгресса производственных профсоюзов» и т. п., а также многочисленными высокоспециализированными изданиями, каждое из которых рассчитано на читателей определенной сферы. Среди этих миров наиболее организованным является мир профессиональный. Поскольку для вступления в него обычно требуется длительное обучение, получив однажды ту или иную специальность, человек редко ее оставляет; иногда у него развивается чувство гордости за свое призвание. Стандарты поведения данных групп часто более строгие, чем те, которые требуются законом. Общие ценности поддерживаются

---

[31] См. Wirth, The Ghetto, op. cit.

специальной системой социального контроля — профессиональной этикой[32].

Наконец, существуют слабо связанные между собой миры специфических интересов — такие, как мир хоккея, мир коллекционеров, мир женских мод, мир охотников и рыболовов и даже мир радио- или телефоновладельцев. Поскольку в данном случае люди объединяются на основе общих интересов, существует много степеней включенности, начиная от фанатического увлечения и кончая почти безразличием. Эти миры часто включают миллионы людей, что открывает возможности их коммерческой эксплуатации. Дальнейшее развитие спорта, женских мод и различных областей развлечения обеспечивается развитием средств массовых коммуникаций, легкодоступных каждому.

Так же как существует много каналов коммуникации, не одинаковых по стабильности, объему и эффективности, социальные миры различаются по строению, по размеру и по территориальному распределению их участников. Одни, как местные культы, невелики и концентрированны; другие, как мир спорта, громадны, и их участники разбросаны. Иные, как некоторые этнические меньшинства, состоят из относительно гомогенной популяции; другие чрезвычайно смешаны. Социальные миры различаются по широте и четкости их границ; каждый характеризуется особого рода горизонтом, но последний может быть широким или узким, ясным или смутным. Хотя люди считают свои собственные представления о мире абсолютными, часто отмечается тот факт, что эти представления не совпадают; преступники, например, хорошо сознают, что другие люди не разделяют их ценностей. Социальные миры различаются также по их замкнутости и по тому, в какой степени они требуют лояльности от своих членов. Человек не может войти в корпорацию администраторов, знатных людей или гангстеров, просто заявив о своем намерении, но любой может стать болельщиком бейсбола. Некоторые миры открыты только для тех, кто им отдается полностью: человек не может быть монахом по совместительству. Но существуют другие миры, где большинство участников — только случайные зрители.

---

[32] William J. Goode, Community within a Community: The Professions, «American Sociological Review», XXII (1957), 194—200.

Внутри каждого социального мира вырабатывается особый согласованный мир; переживания категоризируются особым образом, и для обозначения таких значений используется специальная система символов. Жаргон солдат, проституток и наркоманов, так же как диалекты этнических меньшинств, отличается от обычного языка. Словарь любой группы, если он отличается от общего словаря, является прекрасным показателем ее интересов и занятий. Особые символы относятся к особым различиям, которые необходимы для выполнения действий, характеризующих группу. Солдаты и наркоманы испытывают специфические переживания, и они вырабатывают специальные термины, чтобы их выразить. Развитие таких особых языков создает в дальнейшем барьеры, отделяющие группу от посторонних, ибо последние часто совершенно не в состоянии понять, что было сказано. Каждый социальный мир есть схема жизни: способ действия, разговора, мышления. Это область, внутри которой разделяются специфические значения. Человек, являющийся ее частью, здесь чувствует себя «дома».

В каждом социальном мире существуют характерные системы действий, а также нормы, руководящие ими. Вор не украдет у товарища-вора, хотя он и жулик; игрок уплатит свой карточный долг, даже если он должен еще и своим родственникам. В каждом из этих миров развита несколько отличная историческая ориентация, избирательно выделяющая особенно интересные прошлые события. В постоянном общении такие общие воспоминания восстанавливаются и подкрепляются. Ценности людей каждого социального мира становятся понятными, когда они рассматриваются внутри такого исторического контекста.

В плюралистическом обществе трудно понять устремления человека без некоторого знания того социального мира, в каком он собирается сделать свою карьеру. Кое-что в мечтах людей представляет собой слепок с их героев, и существуют различные герои в каждой сфере. Ученые, которых их коллеги считают величайшими людьми современности, не известны большинству болельщиков бейсбола. В каждом социальном мире существуют различные лестницы престижа и типичные линии карьеры. Вертикальная мобильность и успех в каждом случае измеряются с точки зрения ценностей, разделяемых

внутри данной области, и посторонним трудно понять, как можно приносить такие жертвы ради достижения того, что они считают весьма тривиальным или даже бессмысленным. То, что высоко оценивается в одном социальном мире, может вовсе не цениться в других.

Каждый человек формирует о себе представление, определяя свое место в различных областях, где он играет роль. Большинство социальных миров имеет названия, и люди способны словом обозначить свое участие. Существуют представления относительно состава мира: кто включается в «мы» и кто — нет. Короче говоря, существует некоторое осознание рода. Те, кто к нему принадлежит, принимают обязанности по поддержанию традиций группы и считают себя ответственными; участники спектакля чувствуют, что он «должен продолжаться». Они ждут друг от друга понимания, что не относятся к посторонним, и остро осознают те специфические требования, которые внутри данного круга предъявляют к ним другие. В классовом обществе, например, знатный человек откликается на призыв о помощи со стороны другого знатного человека, хотя бы его собственные слуги и могли пострадать от этого. В каждом социальном мире существуют господствующие идеи относительно природы Вселенной и места человека в ней, и именно с этой точки зрения человек определяет самого себя.

Человеческое поведение становится понятным только тогда, когда наблюдатель имеет некоторое представление об аудитории действующего лица и об общей системе соотнесения, которую он использует для ориентировки в мире. Такие картины мира формируются благодаря участию в группах. Однако в современном массовом обществе каждый человек часто оказывается участником самых различных групп, а люди, имеющие неодинаковые картины мира, по-разному определяют идентичные ситуации. Как ни парадоксально это может показаться, многие трудности в установлении согласия возникают из-за развития слишком эффективных каналов коммуникации.

Итоги и выводы

Греческому философу Протагору приписывается утверждение, что человек есть мера всех вещей, и этот же вывод,

по-видимому, вытекает из настоящего исследования. Эффективное окружение, в котором живут люди, может рассматриваться как система значений, упорядочивающих способы действий; эта система выработалась в прошлом опыте и постоянно подтверждается новым. Хотя мы обычно думаем о значениях как о свойствах различных объектов, с которыми вступаем в контакт, на самом деле это только характеристики способов подхода к различным аспектам окружения. Значение объекта — это организованная ориентация, которую можно определить как совокупность тенденций поведения, основанных на предположении об определенных характеристиках объекта. Знакомые объекты воспринимаются в связи с ожиданиями индивида, и каждое его представление об этих объектах подкрепляется, если данные гипотезы подтверждаются. Для человеческого поведения характерно, что как экспектации, так и подтверждения обычно включают реакции других людей.

Человеческие существа живут одновременно в двух средах — в естественном окружении, состоящем из реально существующих вещей, и в окружении символическом. Вирусы являются частью естественной среды человека, и они оказывают влияние на жизненные процессы независимо от того, знают их жертвы о них или нет. Но вирусы не являются частью символической среды многих людей, и, когда один из них умирает, его кончину объясняют в других терминах, например рассерженностью злого духа, нарушением какого-то табу или болезнью крови. Символическая среда — это не простая репродукция внешнего мира; благодаря способности пользоваться символами люди в состоянии видоизменять свое окружение. Мимолетные ощущения, которые почти незаметно переходят друг в друга, распределяются по категориям и снабжаются ярлыками, так что при необходимости они могут быть восстановлены в памяти и использованы для сравнения. Хотя ничто не случается дважды совершенно одинаково, каждый человек в состоянии сформировать упорядоченный взгляд на мир, и у тех, кто пользуется одними и теми же символами, развивается общая ориентация. Поскольку они подходят к миру со сходными установками, они могут понимать и поддерживать друг друга. Люди, следовательно, живут в субституциональном окружении, которое является в основном продуктом коммуникаций.

Хотя социальные психологи обычно пишут с точки зрения незаинтересованного наблюдателя, как будто они представители вошедших в пословицу марсиан, никуда не уйти, разумеется, от того факта, что они тоже человеческие существа, живущие в организованном обществе. Используемые понятия, в известной степени отличающиеся от общего словаря, относятся к специальным различиям, на которые не всегда обращается внимание в обыденной жизни. Каждая теоретическая схема, следовательно, есть символическая среда, особый способ рассмотрения человеческого поведения, который, как можно надеяться, окажется более эффективным, чем точка зрения здравого смысла. Изучение социальной психологии было бы нелепо, если бы ее развитие не позволило понять многие явления, прежде считавшиеся непостижимыми.

Библиографический указатель

Bridgman, Percy W., The Intelligent Individual and Society, New York, 1938, pp. 1 — 174.

Hallowell, A. Irving, Culture and Experience, Parts I — III, Philadelphia, 1955.

Langer, Susanne K., Philosophy in a New Key, New York, 1948.

Mannheim, Karl, Ideology and Utopia, New York, 1936.

Pepper, Stephen C., The Sources of Value, Berkeley, 1958.

Whorf, Benjamin L., Language, Thought, and Reality New York, 1956, pp. 57 — 159, 207 — 270.

ГЛАВА 5

КОММУНИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Много изумленных и недоверчивых взглядов вызывает фокусник, «угадывающий» дату на обручальном кольце, которое держит отстоящий от него на полсотни шагов помощник. Поскольку «читающий мысли» часто действует с завязанными глазами, это трудно отнести на счет сверхъестественной остроты зрения, а поскольку кольцо снято с пальца женщины, часто хорошо известной в местном обществе и выбранной наобум из аудитории, вряд ли уместно подозрение, будто все это заранее подготовлено. Люди изумляются такому искусству и ломают голову над тем, как же удался этот трюк. Но в повседневной жизни каждый человек совершает подвиги, только на первый взгляд менее удивительные, ибо в основе своей всякая коммуникация включает в себя подобные серии взаимных наблюдений и выводов. Если бы люди не имели соответствующих способностей, человеческое общество, каким мы его знаем, было невозможно.

Общество существует лишь как согласованная деятельность, и если людям, способным к независимому поведению, удается действовать как единое целое, остается предположить, что каждый каким-то образом может предвидеть, что намерены делать другие. Как же достигается такое взаимопонимание? Прямое «чтение мыслей», видимо, невозможно; значит, люди должны основываться на более доступных заместителях — «читать» внешние жесты и по ним судить о внутренних переживаниях. Несмотря на возможность многих ошибок, на этом процессе основываются все согласованные действия.

Согласие как взаимное принятие ролей

С точки зрения «здравого смысла» коммуникация рассматривается механистично». Разговор двух собеседников представляется так: один из них подает сигналы, затем органы чувств второго улавливают акустические колебания и он интерпретирует данное сообщение. Такое представление нашло свое отражение в знаменитой формуле Лассвелла: «Кто и что передал, по какому каналу, кому, с каким эффектом?» В соответствии с данной схемой изучение коммуникации обычно разбивается на анализ источника, содержания, канала, мишени (приемника) и эффекта[1]. Такая процедура позволяет собрать много полезной информации, но в целом эта концепция вводит в заблуждение. Конечно, такое механическое взаимодействие имеет место, но оно составляет лишь небольшую часть процесса коммуникации. Существует другое понимание этого процесса. С точки зрения интеракционизма, все, что люди делают и говорят, исследуется не как нечто изолированное, но как части большей системы деятельности.

Результат коммуникации — это не просто изменение установок или поведения слушателя под влиянием внешних стимулов, но достижение определенной степени согласия. *Согласие* есть установление общей картины мира у тех, кто объединен в совместном действии; это непрерывный процесс, который состоит из последовательного ряда взаимодействий. Согласие редко бывает полным даже среди участников относительно простого предприятия. Оно сегментарно: почти неизбежно существуют участки неопределенности, хотя с каждым жестом неопределенность все более сокращается или устраняется, давая возможность каждому делать свое дело и быть более уверенным в реакциях окружающих. Понятие *коммуникации* относится к такому взаимному обмену жестами,

---

[1] Harold D. Lasswell, The Structure and Function of Communication in Society, в: Mass Communication, Wilbur Schramm, ed., Urbana, 1949, pp. 102 — 115. Более полно исследования по данному вопросу представлены в кн.: Bernard Berelson and Morris Janowitz, eds., Reader in Public Opinion and Communication, Glencoe, 1953.

благодаря которому согласие развивается, поддерживается или разрушается.

Координация требует, чтобы каждый участник был в состоянии предвидеть действия других. Именно с этой целью люди, кооперируясь, внимательно присматриваются друг к другу. В большинстве случаев реакции человека невозможно предсказать на основании простого знакомства с окружающими стимулами, ибо в сходных обстоятельствах могут возникать самые разнообразные действия. Человеческие существа способны делать выбор, и иногда они поступают вовсе не так, как, казалось бы, требуют их интересы. Многое зависит от того, какое значение придается основным объектам ситуации, а это зависит от прошлого опыта участников. Следовательно, чтобы предвидеть, как склонен поступить другой человек, требуется проникнуть «в его душу», как-то учесть его субъективные переживания, его собственное определение ситуации и своего места в ней. Другими словами, предвидение поведения другого человека может быть достигнуто только путем эффективного принятия его роли.

Согласие устанавливается путем взаимного принятия ролей. Когда возникает согласие, происходит взаимопроникновение картин мира, что позволяет каждому участнику согласованного действия понимать точки зрения других участников. Человек может принять в расчет особые трудности или преимущества своего партнера, понять, как может быть им воспринято то или иное частное требование. Сделав выводы относительно интересов других, человек может приписать им определенные мотивы. Понимание направления, в котором склонны действовать другие, делает возможным приспособление к ним.

Согласие означает, что в какое-то время у разных людей существует одно и то же определение ситуации. До какой степени участники совместного действия могут испытывать общие переживания, обнаружилось при исследовании состава крови (возрастания уровня циркуляции эозинофилов) в условиях физической нагрузки. У одной шлюпочной команды — рулевого, тренера и членов экипажа — через различные интервалы времени брались образцы крови как в период подготовки к гонкам, так и в решающий момент состязаний. Хотя выявились некоторые индивидуальные различия, были

найдены образцы, характерные для гребцов как в период подготовки, так и во время состязаний. Но во время гонок, которые проходили очень напряженно, как у рулевого, так и у тренера были обнаружены те же самые, что и у гребцов, образцы, хотя явная мускульная деятельность первых ни в какой мере не сравнима с мускульными усилиями вторых[2].

Успешное принятие ролей требует развитого понимания чужого субъективного состояния. Но оно недоступно прямому наблюдению, поскольку никто не может читать чужие мысли, выводы делаются благодаря «чтению» жестов. *Жестом* называется любой воспринимаемый звук или движение, которое служит показателем внутреннего переживания человека. Жесты не могут быть определены через какой-то частный вид действий; любой акт может стать жестом, если другая сторона реагирует на него и использует его как основу для суждений. Таким образом, жест всегда является фазой более широкого совместного действия. Человек, который высовывает язык вслед своему сопернику, не находится в коммуникации, хотя удовлетворение таким экспрессивным движением и может быть достигнуто; жестом оно становится только в том случае, если другому человеку случится увидеть его отраженным в зеркале. Движения и звуки становятся жестами только в социальном контексте, когда они служат показателями намерений человека и таким образом предоставляют другим какую-то основу для соответствующих реакций.

Наиболее многосторонние и достоверные коммуникации осуществляются посредством вокальных жестов — артикуляции звуков. Наряду со словами существуют другие эффективные жесты, такие, например, как крик испуганной женщины или пение любовной песни. Но в коммуникацию включены и все другие органы чувств. Заключения относительно внутренних переживаний могут основываться на физическом контакте, как при ударе или поцелуе. Изменения мускулатуры лица часто служат показателем чувств. Существует ряд общепринятых телодвижений — так, достаточно поднять большой

---

[2] Albert E. Renold et al., Reaction of the Adrenal Cortex to Physical and Emotional Stress in College Oarsmen, «New England Journal of Medicine», CCXLIV (1951), 754 — 757.

палец, чтобы остановить автомобиль. Хотя мы редко думаем о коммуникациях с помощью запахов, парфюмерия иногда используется умышленно, чтобы произвести определенное впечатление.

Значение жестов не заложено в их структуре. Что данный жест может символизировать, в значительной степени зависит от контекста. Каждое действие может стать жестом, если оно служит для координации поступков людей, которые действуют совместно как единое целое.

Принятие роли — сложный процесс, включающий в себя восприятие жестов, замещающую идентификацию с другим человеком и проекцию на него своих собственных тенденций поведения. Идентификация неразрывно связана с коммуникацией, ибо, только вообразив себя на месте другого, человек может догадаться о его внутреннем состоянии. Вспоминая свои собственные унижения, триумфы и утраты, он может сочувствовать ближним в аналогичных обстоятельствах. Итак, выводы о чужих внутренних переживаниях — это проекции своих собственных, не выраженных вовне актов. Слушая речь собеседника, каждый может участвовать в потоке его мыслей. Люди в состоянии понимать действия друг друга путем соучастия[3].

Это значит, что способность человека эффективного участвовать в согласованных действиях зависит от его способности становиться в воображении различными людьми. Интересно, что, когда субъектам, находящимся в гипнотическом трансе, давалось задание стать кем-то другим, они часто принимали роли своих конкретных знакомых. Одна женщина, например, играла роль приятельницы, которой она очень завидовала. Когда испытуемым давалось задание показать свои «хорошие» и «плохие» стороны, всплывали уже организованные шаблоны поведения, часто моделирующие поведение одобряемых и неодобряемых людей, которых они знали[4]. Роли, исполняемые другими людьми, существуют, по-видимому, в

---

[3] См. Alfred Schuetz, Scheler's Theory of Inter-Subjectivity and the General Thesis of the Alter Ego, «Philosophy and Phenomenological Research», II (1942), 323 — 347; Richard H. Williams, The Method of Understanding as Applied to the Problem of Sufferihg, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XXXV (1940), 367 — 385.

[4] Philip L. Harriman, A New Approach to Multiple Personality, «American Journal of Orthopsychiatry», XIII (1943), 638 — 643.

организованных формах в нервно-мускульном гриме каждого человека.

Как жесты будут интерпретироваться, зависит скорее от картины мира воспринимающего, чем от того, кто их делает. Очень часто несколько альтернативных мотивов поведения другого человека кажутся одинаково правдоподобными.

Способность человека постигать поведение других ограничена его культурой и личным опытом. Люди, которые не развили в себе вкуса к классической музыке, уверяют, что, если некоторые увлекаются ею, это лишь проявление снобизма, ибо сами они не могут представить себе, как можно без притворства ею наслаждаться. Может ли здоровый доктор понять страдания пациента, жалующегося на хроническое заболевание? Человек в состоянии постигнуть коварные замыслы других людей, только если он сам способен в подобных обстоятельствах к действиям такого же рода.

До какой степени интерпретация жестов зависит от картины мира воспринимающего, показывает практика психотерапии. Такие акты, как навязчивое мытье рук, тик, подергивания, боязнь определенных цветов, сильная неприязнь к старым женщинам, бессмысленны или просто «странны» для большинства людей. Для психиатра, однако, они служат основой для заключения об определенных бессознательных тенденциях. Беседуя с врачом, пациент непреднамеренно обнаруживает склонности, которых он сам не осознает. Психиатр в состоянии «прочитать» эти жесты только благодаря своей специальной подготовке.

Но психотерапевты также являются человеческими существами, которые значительно различаются между собой как личности. По-видимому, сам терапевт обнаруживает повышенную восприимчивость к одного рода признакам и слеп к другим. В одном исследовании Вейнгартен классифицировала заканчивающих обучение студентов-психологов по материалам их автобиографий. Затем она сравнила оценки, сделанные этими практикантами относительно их пациентов. Хотя многие коэффициенты корреляции оказались низкими, они были постоянны и положительны, подтверждая гипотезу, что каждый терапевт более восприимчив к показателям того рода затруднений, с которыми он сам сталкивался в прошлом[5].

---

[5] Erica M. Weingarten, A Study of Selective Perception in Clinical Judgment, «Journal of Personality», XVII (1949), 369 — 406.

Согласие возникает и укрепляется только благодаря непрерывному взаимообмену. Каждый человек сознательно или бессознательно обнаруживает некоторые из своих намерений различными жестами, которые служат другим участникам основой для суждений. Однако принятие роли редко ограничивается просто актами восприятия и суждения. Делая предположения относительно возможной ориентации другого, индивид становится более восприимчивым к тем его жестам, которые должны подтвердить или изменить суждение. Если человек казался трусливым, но ведет себя спокойно, даже когда ситуация становится еще более серьезной, данная ему оценка будет пересмотрена. Если же он проявляет повышенную чувствительность и становится крайне осторожным, суждение подтверждается. Именно таким образом — путем постоянной проверки, пересмотра и подтверждения — люди в состоянии предугадать, как склонны действовать окружающие. Коммуникация является обычно бесконечным процессом.

Поскольку эффективность коммуникации зависит от способности участников принимать роли друг друга, уместно говорить о той или иной степени согласия. Насколько трудно бывает порой установить взаимопонимание, показывают ежедневные жертвы на дорогах Америки. Интересно отметить, что, по оценке экспертов безопасности, девять из десяти пешеходов, погибших в результате автомобильной катастрофы, умирают не по вине водителей. Тот, кто никогда не сидел за рулем, вряд ли способен представить себе все трудности, которые возникают перед шофером при встрече с пешеходами. Успешное принятие ролей, далее, может быть односторонним: возможно, что человек понимает точку зрения другого, но использует это понимание в своих корыстных целях[6].

Будет ли достигнуто согласие, зависит не только от способности участников к принятию ролей, но — и в значительно большей степени — от интересов каждого из них. Если интересы противоположны, коммуникация приобретает манипуляторный характер: люди пытаются влиять друг на друга пу-

---

[6] См. Ralph H. Turner, Role-Taking, Role Standpoint, and Reference Group Behavior, «American Journal of Sociology», LXI (1956), 316—328; Max Scheler, The Nature of Sympathy, New Haven, 1954, pp. 8—36.

тем нарочито производимых жестов, чтобы создать желаемое впечатление. Умение людей читать чужие жесты заставляет каждого вырабатывать различные маскировочные средства, чтобы уберечь свою тайну от слишком внимательных глаз. Поскольку такие отвлекающие жесты очень распространены, люди учатся делать поправку на притворство. Иногда социальное взаимодействие в значительной мере состоит из взаимного маневрирования и догадок. Однако большинство коммуникаций между человеческими существами не относится к этому типу.

Итак, коммуникация — это прежде всего способ деятельности, который облегчает взаимное приспособление поведения людей. Различные движения и звуки становятся коммуникативными, когда они используются в ситуациях взаимодействия. Суть коммуникативной деятельности, следовательно, не в выражении предшествующих мыслей и чувств, но в установлении такой кооперации, когда поведение каждого изменяется и в известной степени регулируется фактом участия других индивидов[7]. Коммуникация — это такой обмен, который обеспечивает кооперативную взаимопомощь, делая возможной координацию действий большой сложности.

Конвенциальный аспект коммуникации

Согласие создается преимущественно посредством *символической коммуникации* — взаимодействия, которое осуществляется с помощью тщательно разработанной системы конвенциальных символов, представляющих известные всем значения. Наиболее важной формой символической коммуникации является *язык* — система фонетических и письменных символов. Каждое конвенциальное значение — каждая из многочисленных категорий переживаний, событий или ситуаций, различаемых группой, — обозначается каким-либо символом, например звуком. Поскольку звуки можно комбинировать и манипулировать ими значительно легче, чем комплексами систем поведения, которые они представляют, легко понять,

---

[7] См. John Dewey, Experience and Nature, Chicago, 1926, pp. 166 — 207.

до какой степени развития языкового искусства облегчает согласованное действие.

Хотя многие думают, что язык первобытных людей был очень прост, лингвистические исследования доказывают обратное. Некоторые из бесписьменных языков относятся к наиболее сложным и не уступают «развитым». Не приходится и говорить, что способ, которым категоризируется опыт, лингвистические символы, стоящие за категориями, и правила, устанавливающие связь последних в предложениях, отличаются от группы к группе. Но повсюду речь используется как наиболее важное средство, благодаря которому достигается кооперация. Лингвистические коммуникации, следовательно, есть форма человеческого поведения, которая делает возможными другие формы согласованных действий.

Разговаривать на родном языке кажется настолько естественным, что человек редко понимает, что *язык — это поведение, которое является объектом социального контроля*. В самом деле, речь обычно даже не рассматривается как форма поведения, хотя совершенно ясно, что, когда человек разговаривает, он тем самым что-то делает. Звуки, образующие язык, — это способы поведения, подобные движению, схватыванию или кусанию. Вокальная деятельность обусловливается различными групповыми нормами, определяющими, как нужно произносить звуки, в каком порядке они должны следовать и какое значение имеет каждая комбинация звуков. Эти конвенциальные представления так прочно установлены, что они принимаются как нечто само собой разумеющееся. Большинство взрослых не планирует заранее произнесение каждого слога, и автоматическое исполнение речевого действия кажется легким и спонтанным. Только когда человек видит, с каким трудом овладевают языком дети или иностранцы, он начинает понимать, как сложно организовано лингвистическое поведение.

Разнообразие звуков, которые могут быть произнесены человеческими голосовыми органами, изумительно, но существует ограниченное количество комбинаций, которые реально употребляются данной группой. Вокальные жесты, составляющие язык, стандартизированы. Каждое слово представляет по крайней мере одно конвенциальное значение и, следовательно, является символом. Конечно, существуют индивидуальные вариации и предпочтения, но каждый должен более

или менее научиться стандартным образцам, или он рискует остаться непонятым.

Слушая произносимые слова, человеческие существа, как правило, реагируют скорее на значения, представленные ими, чем на звуки, как таковые. Это замещение происходит настолько легко и незаметно, что люди обычно не могут представить себе, что связь звуков и значений произвольна. Однако спорить относительно «реального» значения слов бесполезно, ибо необходимой связи между вокальным жестом и значением, им символизируемым, не существует. Взаимоотношения между словом и тем, что оно представляет, есть объект конвенции. Отсутствие необходимой связи между символом и его референтом очень важно. Если бы люди были лимитированы естественными знаками-заместителями, состоящими в необходимой связи с объектами, которые они представляют — как дым представляет огонь или сжатый кулак борьбу, — возможности речи и мышления были бы весьма ограничены. Но люди способны вести себя лингвистически, во многом уподобляясь математику, который заявляет: «Допустим, что *X* равен...» — и замещает его каким угодно значением. Следовательно, человеческая речь и мышление свободны от ограничений, налагаемых физическими свойствами жестов. Поскольку существует согласие о том, что́ чем обозначается, становится возможной эффективная коммуникация.

Хотя языки в основном состоят из произвольных символов, можно допустить, что некоторые из этих жестов первоначально были частью значимого поведения, которое они теперь лишь символизируют. Сепир отмечал, что, когда человек действует, его движения не ограничиваются манипуляцией органами, участвующими в выполнении задачи, — в любом случае мобилизован весь организм. Если по какой-то причине деятельность органов тормозится, энергия, мобилизованная для выполнения акта, реализуется посредством других частей тела. Человек, встретившийся с опасностью, но лишенный возможности убежать прочь, может закричать от ужаса. Более социализированная личность, вероятно, будет сдерживать многие из своих импульсов и направлять их по более приемлемому пути. Показать кому-то язык, может быть, физически не эффективно, но символически это удовлетворяет, потому что помогает ослабить напряжение. Артикуляция

звуков может стать альтернативным каналом для реализации импульсов, которые в другом случае требовали бы более сложных телодвижений. Возможно, речь развилась путем формализации экспрессивных движений, потерявших первоначальные связи. Спонтанные восклицания могли стать усовершенствованными и конвенциальными благодаря повторным употреблениям[8].

Вокальная жестикуляция особенно удобна как инструмент коммуникации благодаря двум ее особенностям. Во-первых, почти бесконечное число звуковых комбинаций может производиться ограниченной системой мышц, и в результате появляется возможность обеспечить символами огромное количество значений. Во-вторых, говорящий может слышать свои собственные замечания почти так же, как и его слушатели. Поскольку он, следовательно, способен понимать свои собственные жесты с точки зрения других, это значительно облегчает принятие ролей и установление согласия[9].

Конвенциальные нормы определяют не только то, как должны произноситься слова, но и когда, в каких обстоятельствах те или иные выражения могут употребляться. В своих лекциях профессора тщательно избегают определенных слов, хотя и они и студенты прекрасно знают, что означают эти слова, и при случае пользуются ими весьма успешно. В пуританскую эпоху женщин глубоко оскорбляли такие «грубые» слова, как «грудь» и «нога». Большинство людей старается не нарушать норм лингвистического поведения. Отклонение от этих норм вызывает почти такие же негативные социальные санкции, как и нарушение других обычаев. Люди теряют уважение к тем, кто не может говорить как следует, и они часто проникаются уважением к другим, кто манипулирует словами с необычайной легкостью. Неправильное произношение слов — это прежде всего общее оскорбление, и, если оно не вызывает более сурового наказания, обидчик часто становится объектом насмешек. Когда хорошо образованный человек употребляет

---

8 Edward Sapir, Language as a Form of Human Behavior, «English Journal», XVI (1927), 421 — 433.

9 Cp. George H. Mead, Mind, Self and Society, Chicago, 1934, pp. 61 — 68.

грамматически неверные обороты, он вызывает открытое презрение. В общем, использование языка неконвенциальным путем оставляет у слушателей такое чувство, будто что-то не на месте; и такие нарушения обычно приводят к тем же самым реакциям, как и другие формы отклоняющегося поведения[10].

Кроме слов, в каждой группе широко используются другие вокальные жесты. Эти звуки не являются частью формального языка, но тем не менее они символизируют установленные значения. Смех обычно обозначает веселье, но, когда он звучит нарочито, означает скуку. Покашливание, чтобы привлечь внимание, или презрительное фырканье столь натуральны, что они иногда смешиваются с инстинктивными экспрессивными движениями; человек понимает, что такие жесты конвенциальны только тогда, когда производится перекрестно-культурное сравнение. В некоторых частях Африки смех — это показатель удивления, изумления и даже замешательства, а не обязательно признак веселья. То, что иногда называется «черным смехом», поражает многих европейцев только потому, что последние предполагают, будто одни и те же жесты имеют повсюду идентичное значение. В некоторых странах Азии от гостя ждут отрыжки после еды в знак того, что он вполне удовлетворен; тот же самый жест в американском доме вряд ли повлечет за собой повторное приглашение в гости.

Одним из наиболее важных жестов, имеющих конвенциальное значение, является выражение лица. Человек может мигнуть, сощурить глаза от неожиданности или поднять брови в знак недоумения. Улыбка — это символ дружеских чувств и согласия, и некоторые люди часами простаивают перед зеркалом, практикуясь в этом. Что подобные жесты являются объектом социального контроля, становится ясно, когда встречаются люди, выросшие в различных культурах. Китайцы привыкли выражать свое неудовольствие, широко раскрывая глаза, и некоторые из них не могут понять, почему это европейцы постоянно сердиты. Подмигивание почти не имеет значения вне западной культуры; там люди удивляются, когда

---

[10] См. Erving Goffman, Alienation from Interaction, «Human Relations», X (1957), 47 — 60.

человек вдруг закрывает один глаз, и могут даже предложить помощь для удаления соринки, которая, видимо, его беспокоит. Путешественники часто жалуются, что все туземцы выглядят «на одно лицо», и экспериментальные исследования показывают, что люди, обнаруживающие большую точность в распознавании выражений лица внутри собственной группы, оказавшись в иной культуре, многих жестов даже не заметят[11].

Разнообразные телодвижения тоже служат как конвенциальные символы. Прекрасной иллюстрацией могут быть ужимки третьесортного тренера в хорошо организованной бейсбольной команде. Как только участники состязания вышли на поле, он начинает тереть нос, вскакивать, садиться, хлопать в ладоши, разводить руками, поправлять шляпу или стряхивать с пиджака пыль. Ясно, что он подает сигналы игрокам, но произвольный характер связи между этими движениями и значениями, которые они представляют, очевиден. Поскольку тренер полностью на виду у команды противника, который пытается перехватить знаки, чтобы предусмотреть последующую игру, он делает ряд отвлекающих жестов. Таким образом, он владеет коммуникацией с членами своей команды, предоставляя противникам строить догадки.

До какой степени такие жесты основаны на обычае, показывает опять-таки перекрестное сравнение культур. В нашем обществе плюнуть на кого-то — это символ презрения; у представителей же племени масаи это выражение любви и благословения, а у американских индейцев плевок на пациента рассматривается как знак благоволения доктора. Жест рукой, означающий у американцев «уходи прочь», в ресторане Буэнос-Айреса будет вызовом официанта, ибо там это означает «пойди сюда», однако движение, выражающее у американцев «иди сюда», — это жест, означающий «до свидания» во многих частях Южной Европы. Поглаживание щеки в Италии означает, что беседа настолько затянулась, что начинает расти борода, но

[11] См. Delwin Dusenbury and Franklin H. Knower, Experimental Studies of the Symbolism of Action and Voice, «Quarterly Journal of Speech», XXIV (1938), 424 — 435.

болтливые американские туристы часто не хотят понимать намека[12].

Пытаясь выяснить, насколько стандартизованы телодвижения в различных культурах, Эфрон провел сравнительное изучение еврейских эмигрантов из Литвы и Польши и из Южной Италии и их детей, получивших образование в Америке. Он установил, что каждая из эмигрантских групп характеризовалась отчетливыми традиционными образцами жестикуляции. Однако у второго поколения этих групп никаких традиционных шаблонов не обнаружилось. В отношении жестов молодые люди имели значительно большее сходство друг с другом, чем со своими родителями[13].

Среди туземцев Канарских островов коммуникация осуществляется через системы свиста так же хорошо, как и при помощи слов; у слепых часто используется шрифт Бройля, общение глухонемых связано с жестами руки и пальцев. Символические коммуникации характеризуются, следовательно, намеренно производимыми жестами, которым по общему согласию придаются определенные значения.

Поведение, связанное с символической коммуникацией, значительно различается по степени формализации. Поскольку нелингвистические жесты менее стандартизованы, в этом случае существует большая вероятность непонимания. Мимике и жестикуляции учатся не так, как правильному произношению слов; большинство людей интуитивно овладевает ими после продолжительного участия в групповых действиях.

Символическая коммуникация — это конвенциальная форма социального взаимодействия, которая развивалась, по-видимому, от менее формальных типов взаимообмена ко все более легко координируемым действиям. Успешное сотрудничество требует взаимной ориентации участников в отношении намерений друг друга, и жесты используются как инструменты для достижения такого согласия. Постепенно индивидуальные вариации сокращаются и жесты превращаются во все более

---

[12] См. Weston Labarre, The Cultural Basis of Emotions and Gestures, «Journal of Personality», XVI (1947), 49 — 68; John B. Carroll, The Analysis of Verbal Behavior, «Psychological Review», LI, 1944, 102 — 119.

[13] David Efron, Gesture and Environment, New York, 1941.

формальные и эффективные инструменты. Даже совершенно посторонние люди в состоянии взаимодействовать с помощью формального языка. Следовательно, когда говорится о символической коммуникации, имеется в виду система обмена жестами, которая в известной мере стала объектом социального контроля.

Одним из важнейших вкладов бихевиористской психологии в современную социальную мысль является утверждение, что сознание — это форма поведения, а мышление в значительной мере представляет собой лингвистическую коммуникацию[14]. Каждый, наверно, не раз разговаривал с самим собою, когда пытался решить сложную проблему. Человек, который дает какому-либо явлению сознательную интерпретацию, объясняет это явление самому себе; по крайней мере в отношении манипулирования лингвистическими символами он обучен как участник социальной группы. Такая коммуникативная деятельность обычно осуществляется незаметно для других, но этот процесс весьма напоминает тот, который происходит при обмене жестами между людьми. Более того, эта процедура облегчает формирование согласия. Человек, участвующий в принятии роли, интерпретирует жесты другого; если и он и партнер, чья роль принимается, категоризируют свои восприятия сходным образом и используют идентичные символы для обозначения каждой категории, то проблема достижения общих определений ситуации значительно упрощается.

Личный аспект коммуникации

Важность символической коммуникации иногда затмевает личностный аспект социального взаимодействия. Однако, когда происходит обмен мнениями, каждый человек фактически делает две, по существу различные вещи. С одной стороны, он пользуется словами как символами для категорий, к которым хочет отослать слушателя; с другой стороны, дает понять о своем собственном отношении к тому, о чем идет

---

[14] См. Harrel and Harrison, op. cit. Эта гипотеза тщательно разработана, и некоторые подтверждающие её доказательства приводятся в главе 9.

речь. Что он намерен сказать, показывает *содержание* его высказываний, а то, какие чувства вызывает у него предмет разговора, проявляется в *стиле* его речи. Необходимо, следовательно, проводить различие между тем, *что* человек говорит и *как* он это говорит.

За исключением тех случаев, когда участники выведены из душевного равновесия, коммуникация осуществляется в соответствии с установившимся обычаем; то, что каждый человек говорит в данной ситуации, в значительной мере обусловлено той конвенциальной ролью, какую он играет. Личные же предпочтения, которые не всегда содержатся в конвенциальных обязанностях, обнаруживаются во всякого рода *экспрессивных движениях*, обычно им самим не осознаваемых. Экспрессивные движения большей частью непроизвольны и всегда сопровождают сознательно осуществляемые действия. Может быть, точнее было бы говорить об экспрессивном компоненте поведения. Чем интенсивнее усилия человека, чем больше его напряжение, тем более вероятно, что экспрессивный компонент его поведения будет заметным[15].

Речь всегда связана с экспрессивными движениями, которые обычно не принимаются в расчет при формальном обозначении лингвистического процесса. Но люди, которые вовлечены в совместное предприятие, внимательно изучают друг друга, улавливая тонкие нюансы постоянно изменяющихся чувств. Взгляд человека, характер движения его губ, челюстей или бровей, так же как цвет и влажность его кожи, служат основой для суждений. Если голос у человека чрезмерно высокий, пронзительный, громкий или дрожащий, это часто расценивается как признак беспокойства. Неожиданные спазмы, изменение скорости и ритма речи, утрата пауз, разрыв слов, пробалтывание, форсирование звука или несоответствующий хохот, быстрое или поверхностное дыхание и постоянное прерывание других также рассматриваются как

---

[15] Maslow, op. cit., pp. 179 — 198. См. также Gordon W. Allport and Philip E. Vernon, Studies in Expressive Movement, New York, 1933; Herbert Blumer, Social Attitudes and Nonsymbolic Interaction, «Journal of Educational Sociology», IX (1936), 515 — 523; Werner Wolff, The Expression of Personality, New York, 1943.

симптомы напряжения[16]. Большинство жестов и инструментально и экспрессивно.

Эксперессивные движения суть инстинктивные реакции, и они не должны смешиваться с конвенциальными мимикой и жестами. Слезы, гримасы и различные непроизвольные звуки не являются сами по себе «выражениями» чувств, которые якобы по отношению к ним первичны; это лишь составные части большего органического шаблона. Такие движения не только непроизвольны, но с трудом поддаются контролю. Поскольку большинство взрослых сознает тот факт, что другие «читают» их экспрессивные движения, прилагаются усилия, чтобы скрыть свои чувства путем подавления или преувеличения. Хотя искусные актеры могут научиться в значительной мере себя контролировать, даже они не достигают успеха, когда чувства особенно интенсивны. Кляйнберг, изучавший описания жестов в китайской литературе, обнаружил, что экспрессивные движения китайцев подобны движениям американцев; в книгах рассказывалось о дрожи, о том, как «волосы вставали дыбом», о холодном поте, оцепенении, непроизвольном мочеиспускании, приливе крови к лицу. Но было описано много других жестов, которые покажутся странными большинству американцев: высовывание языка при удивлении, расширение глаз в гневе, царапанье ушей и щек при радости и хлопанье руками от горя или разочарования. Эти жесты являются конвенциальными и заучены благодаря длительному участию в жизни китайского общества[17].

Хотя экспрессивные движения инстинктивны, они различны у каждого человека. Следовательно, правильно понять их могут только те, кто хорошо знает данного субъекта. Хебб обнаружил, что даже у высших обезьян внешние проявления, по которым можно судить об эмоциях, высокоиндивидуализированны. Служители, хорошо знавшие этих животных,

---

[16] См. Jurgen Ruesch and A. Rodney Prestwood, Anxiety: Its Initiation, Communication and Interpersonal Management, «Archives of Neurology and Psychiatry», LXII (1949), 527 — 550.

[17] Otto Klineberg, Emotional Expression in Chinese Literature, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XXXIII (1938), 517—520.

точно определяли их состояние и уверенно входили в клетку, хотя далеко не всегда могли объяснить, что именно позволяло им быть уверенными в безопасности. Новые люди, однако, сколь тщательно бы ни наблюдали за шимпанзе, часто допускали ошибки и подвергались атаке[18]. До какой степени такие жесты могут различаться у человеческих существ, показано в экспериментальном исследовании изменения речевых шаблонов в условиях стресса. Все испытуемые обнаруживали какие-то изменения в вокальном поведении, но характер изменений был различен в каждом случае[19]. В наше время массовой рекламы и конкурсов красоты некоторые люди специально научаются ослепительно улыбаться. Посторонние часто не могут сказать, действительно ли искренни такие люди, но близкие друзья в состоянии определять их настроение очень точно, улавливая различия между заученным шаблоном реакции и спонтанным проявлением радости.

Поскольку экспрессивные движения суть внешние проявления эмоциональных реакций, они наиболее легко различимы у тех, кто страдает психическим расстройством. В сравнительном исследовании Лоренц установила, что маньяки говорят так, что скорее выявляются склонности говорящего, чем сообщение, служащее предлогом для вступления в коммуникацию. Не только в экспрессивных движениях, но также и в выборе слов такие люди обнаруживают беспокойство и страстные желания. Они резко отличаются от депрессивных пациентов, чей безразличный голос, невнятное произношение и скудная модуляция звука делают трудным установление индивидуальных различий[20]. Точно так же, хотя в

---

[18] D. O. Hebb, Emotion in Man and Animal: An Analysis of the Intuitive Processes of Recognition, «Psychological Review», LIII (1946), 88 — 106.

[19] Miriam R. Bonner, Changes in the Speech Pattern under Emotional Tension, «American Journal of Psychology», LXI (1943), 262—273.

[20] Maria Lorenz. Expressive Behavior and Language Patterns, «Psychiatry», XVIII (1955), 353 — 366; См. также Charles E. Osgood and Evelyn G. Walker, Motivation and Language Behavior, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LIX (1959), 58—69.

значительно меньшей степени, каждый нормальный человек характеризуется особым стилем участия в коммуникативных взаимоотношениях.

Между психологами существуют значительные расхождения по вопросу о том, как происходит восприятие и интерпретация экспрессивных движений. Одни из них считают, что наблюдатель вспоминает чувства, испытанные им в прошлом, которые ассоциировались с данными жестами, другие полагают, что он проецирует на других собственные чувства, и третьи утверждают, что значение экспрессивных движений непосредственно схватывается по внешнему виду другого человека[21]. В любом случае определение аффективного состояния обычно интуитивно, суждение выносится на основе того, чему наблюдатель не может дать объяснения. Он просто «чувствует», что другой человек испуган, счастлив или угнетен, но не в состоянии уточнить, что же именно заставило так определить его состояние. Таким образом, информация, имеющая отношение к состоянию говорящего, часто передается помимо сознания.

Даже существа, не способные к сознательной интерпретации, отвечают на эмоциональные реакции. Ребенок, который еще не научился языку, обращает мало внимания на равнодушную ругань матери, но становится необычайно послушным, когда она действительно расстроена. Домашние животные также могут различать человеческие чувства. Мулы прекрасно отличают людей, которые их боятся, от тех, кто их не боится, и собаки понимают различие между шуткой и гневом. Наблюдения подтверждают мысль, что человек не обязательно должен быть способен к символической коммуникации, чтобы определять эмоциональное состояние других. Такое узнавание есть, по-видимому, примитивный приспособительный процесс, который хорошо развит у многих млекопитающих[22].

Экспрессивные движения обычно подкрепляют символическую коммуникацию. В исследовании Крима жесты шести испытуемых, интервьюируемых социальным работником, тайком

[21] См. Rudolf Arnheim, The Gestalt Theory of Expression, «Psychological Review», LVI (1949), 156 — 171.

[22] См. Murphy, Murphy, and Newcomb, op. cit., pp. 138—154, 231—237.

наблюдались через односторонне прозрачное стекло. Хотя обнаружились некоторые расхождения, в основном чувства, о которых заключал скрытый наблюдатель по экспрессивным движениям, совпадали с фиксируемыми интервьюером результатами[23]. Такое совпадение наблюдается, однако, не всегда и не обязательно, поскольку денотативные и экспрессивные аспекты речи могут не соответствовать друг другу. Лицемерие часто обнаруживается интуитивно, и важная роль здесь принадлежит экспрессивным движениям. Хотя наблюдатель может не осознавать, что заметил обман, в своем поведении он примет это в расчет.

При знакомстве у людей часто возникает «первое впечатление»: человек нравится или не нравится без всякого реального основания для суждения. Поскольку приветствия носят в основном ритуальный характер, этот обмен символами вряд ли может определить впечатление. Зиммель предложил гипотезу, согласно которой такое впечатление создается выражением лица, свидетельствующим о внутреннем состоянии человека[24]. Это относится и к эротическому влечению. Существуют красивые мужчины и прекрасные женщины, которые не вызывают влечения, и обнаженное тело вовсе не обязательно возбуждает эротические импульсы. Хотя в этом отношении существует широкий диапазон индивидуальных различий, есть основания считать, что на человека действуют не столько физические свойства, сколько экспрессивные движения — высота и резонанс голоса, ритм телодвижений, манера смотреть или улыбаться. Одна голливудская актриса, которая во многих картинах играет «дурных женщин», сказала так: «Вы не должны раздеваться, чтобы быть сексуальной. Секс в ваших манерах. Говорить должны ваши глаза».

Действительно ли ориентация личности обнаруживается прежде всего в экспрессивных движениях, может быть проверено, если изучить случаи, когда такие жесты отсутствуют или

---

[23] Alaine Krim, A Study in Non-Verbal Communications: Expressive Movements during Interviews, «Smith College Studies in Social Work», XXIV (1953), 41 — 80.

[24] Georg Simmel. Sociology of the Senses: Visnal Interaction, in: Robert E. Park and Ernest W. Burgess, Introduction to the Science of Sociology, Chicago, 1924, pp. 356 — 361.

не могут быть восприняты. Одним из симптомов болезни Паркинсона является масковидное лицо, у больных отсутствует способность к голосовым модуляциям во время речи. Поскольку, однако, познавательные процессы не затронуты, больные могут разговаривать и легко вступать в коммуникации. Но госпитальный персонал часто сообщает о чувстве неуверенности; хотя сообщения могут быть понятными, нет способа проверить индивидуальные предпочтения собеседника. Эти больные могут быть противопоставлены тем, кто страдает *афазией* — расстройством, при котором ухудшается способность пользоваться лингвистическими символами. Оказывается, легче установить личные взаимоотношения с теми, для кого символическая коммуникация затруднена или вовсе невозможна, чем с теми, кто страдает болезнью Паркинсона[25]. Важность этих утонченных жестов проявляется также и в том, что люди предпочитают избрать для обсуждения темы, которой они стыдятся, темноту, и не хотят решать важные вопросы при недостаточном освещении.

Почему же люди так внимательны к экспрессивным движениям друг друга и почему им важно знать, каковы реальные установки каждого? В стандартных ситуациях человек играет конвенциальные роли, но его выбор ролей, отбор допускаемых ситуацией альтернатив и энтузиазм, с которым он исполняет различные обязанности, зависят от того, чтó он в действительности предпочитает. К тому же чем ниже степень формализации совместного действия, тем в большей мере поведение участника зависит от его индивидуальных интересов. Знание особенностей личности важно, следовательно, потому, что оно облегчает принятие роли другого и предвосхищение того, чтó он, вероятно, будет делать. Если люди принимают в расчет действительные чувства, которые как-то маскировались, и делают на них поправку, совместная деятельность протекает более гладко. Обиженный человек может не обнаруживать открыто своего недовольства, но он почувствует облегчение, если другие помогут ему отступить с достоинством. Внешне каждый продолжает играть конвенциальную роль, но могут быть сделаны незначительные уступки, чтобы облегчить смягчение напряженности.

---

[25] George Frankl. Language and Affective Contact, «The Nervous Child», II (1943), 251 — 262.

Люди значительно отличаются друг от друга по их способности понимать аффективные ориентации других. Способность проникать в психику другого человека, сочувствовать ему и принимать его чувства в расчет обозначается как *эмпатия* (empathy). Это не то же самое, что принятие роли. Вор может принять роль своей жертвы, и черствый человек может понять символическую коммуникацию своего партнера. Некоторые же интуитивно откликаются на любое проявление чувств со стороны других и немедленно отождествляют себя с ними, они «сочувствуют» другому человеку и сдерживают себя, согласуя свои собственные интересы с интересами других. О таких людях иногда говорят, что в них есть какая-то «теплота». Факт существования различий в этом отношении установлен, и предпринимались попытки построить шкалу количественных показателей эмпатии[26]. Возможно, что это свойство не изменяется по одномерной шкале, — оно более сложно. Однако создание шкалы — это, несомненно, важный шаг вперед. Итак, анализ символов, очень полезный при изучении определенных аспектов коммуникации, в целом недостаточен. Хотя существует определенное согласие относительно значений, представляемых многими жестами, их точный смысл может быть понят только в конкретной ситуации. В каждом выражении проявляются те чувства говорящего, которые он испытывал в данный момент. Более того, необходимо принимать в расчет молчащих участников общего действия, ибо одно их присутствие часто определяет, будет или не будет что-то сказано; следовательно, соответствующей единицей для изучения коммуникации является социальная ситуация, в которой происходит общение[27].

---

[26] Leonard S. Cottrell and Rosalind F. Dymond, The Empathic Responses: A Neglected Field for Research, «Psychiatry», XII (1949), 355—359. См. также: Jan Ehrenwald, Patterns of Neurotic Interaction, «American Journal of Psychotherapy», VII (1953), 24—40; H. L. Raush and E. S. Bordin, Warmth in Personality Development and in Psychotherapy, «Psychiatry», XX (1957), 351—363.

[27] Ср. Bronislaw Malinowski, The Problem of Meaning in Primitive Languages, in: C. K. Ogden and J. A. Richards, The Meaning of Meaning, New York, 1946, pp. 296—336.

Общество как коммуникативный процесс

Джон Дьюи популяризировал мысль, что общество существует в коммуникации и через коммуникацию. В некоторых случаях, однако, отношение к этому утверждению напоминает повторение лозунга. Что людям трудно сотрудничать, пока они не понимают друг друга, ясно каждому, но, по-видимому, лишь немногие полностью понимают позицию Дьюи. Ведь он говорил, что общество *и есть* коммуникация. Реальность, наблюдаемая при изучении социальных групп, есть взаимодействие между людьми, и устойчивый порядок, различимый в их взаимоотношениях, и составляет социальную структуру.

Сепир отмечал, что, хотя общество может казаться состоящим из серии устойчивых структур, в действительности оно состоит из множества ареалов частичного и полного взаимопонимания, которые поддерживаются и творчески подкрепляются день ото дня во многих отдельных актах коммуникативной природы[28]. Сказанное им означает, что групповые шаблоны складываются лишь постольку, поскольку люди приспосабливаются к экспектациям, предъявляемым ими друг другу. Поскольку каждый человек действует так, как он должен, по мнению других, действовать, другие легко могут приспособиться к нему, и тогда их экспектации сами собой подкрепляются. Выполняя экспектации группы, каждый человек — без всякого осознания этого, в качестве побочного продукта своего собственного приспособления — укрепляет социальную структуру. Социальная структура состоит из непрерывного потока координированных действий, в которых участники оказывают друг другу взаимную поддержку.

Согласие вовсе не означает гармонии интересов. Даже в конфликте противники подтверждают экспектации друг друга, реагируя на агрессивные жесты соответствующим образом. Когда человек негодует по поводу нанесенного ему оскорбления, его поведение соответствует ожиданиям его противника, и тем самым он подтверждает его картину мира. Что было бы, если бы оскорбленный партнер не пришел в ярость? Если бы он просто «подставил другую щеку» и добродушно улыбнулся? Первым впечатлением было бы, что

[28] Sapir, Selected Writtings, op. cit., p. 104.

он не расслышал сказанного, и оскорбление было бы повторено. Если же и после этого он все еще продолжал бы улыбаться, оставалось предположить, что это душевнобольной. Если же известно, что он нормален, агрессор вынужден будет сделать вывод, что что-то неладно с ним самим. Его ориентация в мире окажется серьезно поколебленной, и он отступит, чтобы понять, что же произошло. Именно в таком смысле и говорят, что каждый человек — агент социального контроля. Реагируя на жесты других людей так, как ожидает его группа, каждый человек вносит свой вклад в укрепление ее структуры.

Картина мира всегда гипотетична, и она подкрепляется каждый раз, когда ожидаемое событие действительно осуществляется. Значения различных объектов подтверждаются повторяющимися реакциями других людей; социальные нормы укрепляются благодаря конформизму участников, и представление человека о самом себе точно так же подтверждается последовательными реакциями окружающих. Всякий раз, когда ожидания подтверждаются, человек испытывает чувство удовлетворения, и он может продолжать действовать уверенно. Каждое представление человека о мире, следовательно, постоянно подкрепляется путем коммуникации.

Эта общая теория может быть подвергнута грубой проверке: если общество — это в самом деле коммуникативный процесс, любое нарушение коммуникации будет иметь результатом соответствующее нарушение кооперации. Хотя это и не бесспорно, представляется, что должна быть зависимость между изоляцией человека от других и разрушением конвенциальных образцов поведения.

Если по какой-то причине человек отрывается от группы, он рискует утратить контакт с ее концепцией реальности. Ему становится труднее проверять свои гипотезы, и значения теряют опору, которую они получали в другом случае. Поневоле ему придется действовать, руководствуясь своими частными значениями. Последние могут внутренне согласовываться друг с другом, но быть бессмысленными для других людей. Отсутствие взаимопонимания может привести к тому, что человек будет вынужден отходить от группы все дальше и дальше, пока наконец не обрубятся все каналы коммуникации, как при умопомешательстве.

Если «реальность» есть социальный процесс, отсюда следует, что любой человек, который лишится социальных контактов, при вступлении в коллективную деятельность столкнется со значительными трудностями. Существует обширная литература, рассказывающая о переживаниях людей, которые добровольно или вынужденно провели в изоляции долгий период времени, — об отшельниках, узниках одиночного тюремного заключения, исследователях, которые отстали от партии и затерялись, или жертвах кораблекрушения, оставшихся один на один с океаном. В этих описаниях неоднократно упоминаются такие явления, как галлюцинации, развитие апатии, приводящей иногда к чисто растительному существованию, психические расстройства и попытки самоубийства. Особый интерес представляют свидетельства о том, как нарушались прежде хорошо выработанные привычки — такие, как соблюдение этикета в еде, элементарной личной гигиены и опрятности. Некоторые конвенциальные значения также теряли смысл. Однако эти свидетельства нельзя считать доказательствами, потому что бывали случаи, когда многие люди подолгу жили в одиночестве без болезненных последствий[29].

Психиатры называют психотиками тех людей, которые «утратили связь с реальностью». При этом некоторые врачи наивно полагают, будто реальность — это и есть то, что воспринимают они сами. Поэтому все, что отличается от их личного восприятия, объявляется нереальным. Многие психиатры, однако, понимают, что дело не так просто. Если реальность — это социальный процесс, то человек оказывается психотиком просто потому, что он не в состоянии разделять представления о мире, свойственные другим — «нормальным» — людям. Взгляд большинства психиатров «реалистичен» постольку, поскольку они разделяют картину мира, принятую большинством других людей, а их пациенты живут в «нереальном» мире постольку, поскольку их ориентации содержат много неконвенциальных значений.

---

[29] Park and Burgess, op. cit., pp. 226 — 277; Maurice H. Small, On Some Psychical Relations of Society and Solitude, «Pedagogical Seminary», VII (1900), 39 — 53; Negley K. Teeters and John D. Shearer, The Prison at Philadelphia: Gherry Hill, New York, 1957.

Особый интерес представляет собой тип психозов, называемый шизофренией. *Шизофрения* — это общий термин, используемый довольно широко для обозначения различных расстройств личности. Заболевание характеризуется такими симптомами, как неспособность поступать в соответствии с групповыми экспектациями, неадекватные эмоциональные реакции, необычайный тип мышления, кажущийся нелогичным, ослабление самоконтроля и во многих случаях распад хорошо установившихся привычек.

Часто можно заметить, что большинство больных шизофренией «ушло в себя». Кажется, что коммуникация с другими людьми требует от них невероятных усилий, и, по-видимому, они предрасположены превращать явные действия, требующиеся при выполнении конвенциальных ролей, в воображаемые эпизоды. Больные часто сидят в одиночку, иногда разговаривают сами с собой и, видимо, живут в воображаемом мире. Однако ретроспективные отчеты бывших пациентов, подтверждающиеся свидетельствами людей, присутствовавших в описанных ситуациях, показывают, что то, что обычно принимается за кататоническое оцепенение, есть просто отказ или неспособность проявить открытую реакцию. Пациенты, которых обслуживающий персонал считал утратившими контакт с действительностью, на самом деле хорошо сознавали, что происходит, но открыто этого не показывали[30]. Шизофреник — это человек, испытывающий серьезные затруднения, не имеющий никого, с кем он мог бы поговорить откровенно. Такая невозможность осмысленной коммуникации с людьми, физически присутствующими рядом, может привести к самым крайним формам социальной изоляции.

Каждый пациент, по-видимому, создает свой особый мир со значениями, которые не являются объектом социальной ратификации. Переживания своеобразно категоризируются и интерпретируются. Следовательно, пациент может прийти в ужас от чего-то, что другим трудно будет заметить,

---

[30] См. Maxwell Boverman, A Factor in «Spontaneous» Recovery, «Bulletin of the Menninger Clinic», XIX (1955), 129 — 134; Marguerite Sechenaye, ed., Autobiography of a Schizophrenic Girl, New York, 1951, pp. 3—106.

ибо объект имеет для него особое значение. Большинство этих людей не участвуют ни в каком мире, относительно которого существует согласие. В некоторых случаях наблюдается потеря способности пользоваться даже своим особым языком, и пациент становится немым и невосприимчивым. Временами такие люди напоминают несоциализированных животных[31].

Примитивизация поведения часто рассматривается как форма регрессии, хотя на этот счет есть различные точки зрения. Ретроспективные отчеты показывают, что пациенты испытывали самые причудливые, странные переживания. Люди иногда казались им металлическими и безжизненными, словно роботы, и даже членов собственной семьи узнать было невозможно. Если субъект видит человеческое лицо состоящим из нескольких кусков, причем различные части движутся одна относительно другой, не удивительно, что он придет в ужас. Между пациентами существуют большие различия в том, насколько дезинтегрируются конвенциальные шаблоны, и интересно отметить, что степень регрессии может быть связана со степенью изоляции[32].

Чтобы проверить гипотезу о том, что согласованные действия основываются на эффективной коммуникации, Слоткин провел эксперимент среди больных, чья речь была насыщена частными символами. В продолжение почти семь недель 15 пациентов ежедневно приводились в одну и ту же комнату и оставались там на длительный период. Наблюдение показало, однако, что единственные согласованные действия, которые развились в этой обстановке, были самого рудиментарного вида. Когда один из испытуемых начинал смеяться, возможно и без причины, к нему присоединялись

---

[31] См. Donald L. Burnham, Some Problems in Communication with Schizophrenic Patients, «Journal of the American Psychoanalytic Association», III (1955), 67 — 81; Jacob S. Kasanin, ed., Language and Thought in Schizophrenia, Berkeley, 1951.

[32] См. Silvano Arieti, Interpretation of Schizophrenia, New York, 1955, pp. 183 — 318; Norman Cameron, The Psychology of Behavior Disorders, Boston, 1947, pp. 388 — 494; Harry S. Sullivan, Clinical Studies in Psychiatry, New York, 1956, pp. 3 — 190.

другие. Проявления страха были столь же заразительны. Когда кто-нибудь начинал громко разговаривать, другие также повышали голос. Но многие из этих речей в действительности не были коммуникативными. Каждый больной говорил как участник собственного фантастического мира, и замечания не адресовались ни к кому из находящихся в комнате. Никаких устойчивых взаимоотношений не устанавливалось и не возникало никакой социальной иерархии, однако было заметно, что большинство пациентов имеют некоторые представления о различиях в статусах, ибо, что бы им ни понадобилось, они обращались к членам госпитального штата. Игры, требующие совместной деятельности, такие, как карты или шашки, иногда случайно оказывались у них под рукой, но попытки кооперации всегда кончались провалом: у каждого больного были свои собственные правила и своя индивидуальная версия о том, как должна проходить игра. Единственный шаблон, который установился, — это определенный порядок мест при рассаживании: каждый пациент ежедневно занимал одно и то же место. Из этого можно сделать вывод, что сложился определенный вид структуры, но это было единственное кооперативное достижение за период, равный почти двум месяцам[33].

Важность взаимной поддержки становится особенно очевидной в кризисных ситуациях. Когда установившиеся социальные взаимоотношения нарушаются неожиданными изменениями в условиях жизни и конвенциальные нормы оказываются неадекватными, наступает переходный период, в течение которого люди не знают, чего можно ожидать друг от друга. Они не знают, что следует делать и чего ожидают от них другие. В таких обстоятельствах человеческие существа становятся особенно внимательны друг к другу. Они постоянно спрашивают один другого о мнении, сопоставляют свои переживания, дают советы, однако не настаивают на том, чтобы последние были выполнены. Те, кто действует, делают это с осторожностью, поступая методом проб и ошибок.

---

[33] James S. Slotkin, The Nature and Effects of Social Interaction in Schizophrenia, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XXXVII (1942), 342—368.

Вырабатывая шаблоны деятельности, они тщательно наблюдают друг за другом и улавливают любой намек на новое. Некоторые наблюдатели отмечают, что одиночество становится невыносимым в таких чрезвычайных случаях. Люди хотят быть с другими, даже с теми, кто не особенно им нравится. Будучи не уверены в самих себе, они жаждут какого-то рода убежденности от других человеческих существ. Такие наблюдения подтверждают мысль, что социальные структуры постоянно развиваются, ибо люди приспосабливаются к постоянно изменяющимся жизненным обстоятельствам. Они осуществляют свое приспособление совместно, создавая через коммуникацию новые схемы кооперации.

Все это показывает, что человеческое общество нужно рассматривать скорее как непрерывный процесс — *становление*, — чем как *бытие*. Плодотворнее всего рассматривать общество как последовательный ряд событий, как поток жестокого взаимообмена между людьми.

Итоги и выводы

Основной признак общества — то, что отличает социальную группу от простого агрегата индивидов, — это способность участников включаться в согласованные действия. В повторяющихся ситуациях совместная деятельность организуется путем взаимных приспособлений участников, и координация значительно облегчается установлением согласия. Но последнее не статично. Мир непрерывно изменяется, и каждое действие само по себе вносит в ситуацию изменения, как бы незначительны они ни были. Чтобы оставаться полезными, картины мира также должны изменяться. Взгляды каждого участника тоже непрерывно претерпевают изменения, и показателем этих изменений служат разнообразные жесты. Общие представления возникают и постоянно подкрепляются в последовательном коммуникативном взаимодействии. Участвующие здесь жесты могут быть преднамеренны или составляют побочный продукт других действий человека, они могут тщательно интерпретироваться или отмечаться только интуитивно. Но именно через

коммуникации, преднамеренные или случайные, участники в состоянии проверять намерения друг друга. Поскольку они взаимодействуют между собой, понимание ролей, которые они играют, как и отношение к людям во взаимосвязанных ролях, подтверждается, изменяется или заменяется другим. В известном смысле можно сказать, что общество существует только благодаря взаимным уступкам человеческих существ.

Некоторые социальные ученые говорят, что поведение «детерминировано» культурой или социальной структурой. Хотя эти выражения могут употребляться лишь для того, чтобы подчеркнуть, что в поведении самое главное — научение, а не инстинкты, такие механистические объяснения вводят в заблуждение. Некоторые авторы пишут так, будто различные групповые шаблоны существуют независимо от человеческих существ, будто они могут изучаться в своем историческом развитии и географическом распределении независимо от людей. Кое-кто даже утверждает, будто эти шаблоны представляют собой некое средство, обеспечивающее формирование индивидов. Нужно сказать для ясности, что такие понятия, как «культура» и «социальная структура», являются абстракциями; абстракции только описывают то, что делают люди, в общем виде, но не принуждают никого ничего делать. Социологи и антропологи абстрагируют какие-то фиктивные шаблоны из наблюдаемых фактов повседневной жизни и порой оказываются настолько поглощены этими моделями, что часто теряют из виду индивидов, чьи действия только и позволяют говорить о каких-то шаблонах. Тот факт, что люди взаимодействуют определенным образом, дает возможность наблюдателям создавать эти абстракции; перевернуть все вверх ногами и заявить, что модели являются «причиной» поведения — значит, совершить логическую ошибку: поставить софизм на место конкретности. Групповые шаблоны складываются в координированном действии, и такая координация возможна только благодаря определенным типам поведения, пользующимся взаимной поддержкой. Понятия, относящиеся к этим шаблонам, полезны до тех пор, пока они не превращаются в магические «силы», которые вытесняют людей.

Dewey, John, Experience and Nature, Chicago, 1926, Ch. V.

Malinowski, Bronislaw, Coral Gardens and Their Magic, New York, 1935, Vol. II, Part IV.

Morris, Charles W., Sighs, Language and Behavior, New York, 1946.

Ruesch, Jurgen, Disturbed Communication, New York, 1957.

Sapir, Edward, Selected Writings in Language, Culture and Personality, Berkeley, 1949, pp. 7 — 166, 308 — 331, 357 — 372, 533 — 559, 564 — 568.

Scheler, Max, The Nature of Sympathy, New Haven, 1954, Parts I and III.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
МОТИВАЦИЯ

ГЛАВА 6

СОЗНАНИЕ И СОЗНАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Даже после того, как личность убийцы установлена, прокурор, следователь и полицейские прилагают немало усилий, чтобы восстановить ход событий, который привел к преступлению. Но ведь эти люди не впервые встретились со случаем насильственной смерти — зачем, спрашивается, столько хлопот? Объяснение может быть только одно: как бы ни был похож такой поступок на другие подобные акты, он имеет свою особую историю. Нужно установить, как и почему убийца совершил преступление.

В этом случае детектив ставит ряд вопросов как социальный психолог, который интересуется мотивацией. Правда, его ответы редко даются в таких терминах, как «стимулы», «инстинкты» и т. п. Он составляет перечень событий, приведших к фатальному исходу; он обращает внимание на прошлые инциденты, которые проливают свет на личности тех, кто замешан в деле; он принимает в расчет смягчающие обстоятельства и случайности. И очень часто выясняется, что просто невозможно указать «причину» того, что произошло. Проблема мотивации — одна из тех, что поражает своей сложностью, и, хотя все социальные психологи единодушно признают ее значение, между ними очень мало согласия в том, как подойти к решению этой проблемы.

Очень часто в качестве «причины» того или иного поступка называют некое предшествующее событие. Если вор похитил браслет с бриллиантами, утверждается, что он был пленен его блеском или что он собирался подарить его женщине в обмен на ее благосклонность. Причина рассматривается либо как внешняя по отношению к организму — красота драгоценностей, например, или сексуальные достоинства женщины, либо как внутренняя — например, деятельность желез, стимулирующая сексуальные влечения. Другими словами, человеческое поведение обычно объясняется либо как реакция на стимулы внешней среды, либо в связи с потребностями, которые рассматриваются как формы внутренней стимуляции. На первый взгляд такая схема кажется достаточно разумной, но при ближайшем рассмотрении в ней обнаруживаются грубые изъяны.

В самом деле, человек, испытывающий сексуальные влечения, может избрать различные способы действия. Указание на какую-то одну «потребность», например секс, не объясняет, почему человек выбрал тот или иной способ. Человеческое поведение в основном целенаправленно и удивительно гибко. Оно редко бывает автоматизированным и стереотипным: данная система стимулов, внутренних или внешних, не вызывает с необходимостью строго определенную реакцию. Многое из того, что человек делает, зависит от особенностей обстоятельств, в которых он оказывается. Направление действия, связанного с воровством, например, зависит от изменений ситуации — от глубины сна сторожа, от шума, внезапно поднятого компанией в квартире над магазином, или от возможности появления прохожих. Целенаправленное поведение продолжает осуществляться вопреки временным затруднениям и барьерам, однако оно видоизменяется под влиянием особенностей момента. Некоторые психологи полагают, будто проблема мотивации состоит в том, чтобы объяснить активность организма — словно бы он был инертным до тех пор, пока некий стимул не вывел его из равновесия. Но все живые существа активны. Проблема заключается в том, чтобы объяснить ***выбор шаблона, времени и***

направления поведения, особенно для движения, упорно продолжающегося по направлению к цели[1].

Из сотни вещей, которые человек может, казалось бы, совершить в данной ситуации, почему он совершает именно вот эти действия?

Исследователи, наблюдавшие поведение крыс, имели возможность проследить действие таких основных стимулов, как секс и голод, и даже измерить их интенсивность. Несомненно, что подобные органические потребности испытывают и человеческие существа. Но господствующее значение такие внутренние потребности приобретают только в очень немногих обстоятельствах — в случае крайних лишений. Человек, почти умирающий от голода, может безрассудно броситься на пищу, игнорируя все другие соображения. Вожделение также может достигнуть такой степени, когда не существует ничего другого. Но обычно — и это очень характерно — человек отказывается от немедленного удовлетворения своих потребностей, особенно если вероятна неблагоприятная реакция со стороны других людей. Человек смотрит вперед; он способен планировать свои действия. Следовательно, любая схема мотивации должна не только учитывать те органические потребности, которые важны как отправные пункты актов, но и объяснять также, как такие импульсы подавляются и направляются по иному пути. Кроме того, объяснительная модель должна сделать возможным включение сознательных намерений.

Психоаналитики подчеркивают решающую роль «бессознательных мотивов». У людей вырабатывается ориентация на те или иные объекты, которые имеют для них специфическое значение. Многие из значений, составляющих мир каждого человека, не осознанны, и вызываемые ими импульсы обусловливают поведение, непонятное ни для самого субъекта, ни для окружающих. Такая деятельность является целенаправленной лишь в том смысле, что снижение напряжения происходит только после того, как достигается определенная цель. Человек может испытывать странное облегчение после

---

[1] См. Donald O. Hebb, The Organization of Behavior, New York, 1949, pp. 171 — 173; David C. McClelland et al; The Achievement Motive, New York, 1953, pp. 6 — 96.

того, как случается неприятность у коллеги, которым он всегда восхищался; больной ребенок может вдруг выздороветь, как только его разлучат с матерью, которой он признавался в любви. Для того чтобы объяснить, почему столь многие действия людей противоречат их искренним заверениям, Фрейд нашел необходимым постулировать бессознательные влечения. Что такие влечения существуют, достаточно очевидно, но бесспорно и то, что они составляют только одну часть человеческой жизни. Их важность нельзя недооценивать, особенно в случаях психических расстройств, — это хорошо понимают психиатры. Однако было бы ошибкой объяснить *все* человеческое поведение исключительно этими влечениями.

Другой способ регуляции человеческого поведения — это сознательные намерения человека. Цель, часто как воображаемое удовлетворение, играет важную роль в выполнении действия. Когда человек знает, что он хочет сделать, он может исключить лишние движения и сконцентрировать свои усилия. Конечно, намерения человека не всегда ясны даже ему самому; иногда это только вывод, основанный на наблюдении за поведением. В этом смысле Вебер говорил, что «мотив» — это то, что представляется самому действующему лицу и наблюдателю как адекватное основание для определенного поведения. Намерение является инструментом, который служит для того, чтобы сделать поведение понятным как для самого себя, так и для других[2]. То, что обычно именуют «мотивами», есть лингвистическое обозначение намерений, но отнюдь не «причина» поведения.

В каждой культуре существуют свои представления о вероятных основаниях каждой категории действий. Другими словами, в каждой группе существует определенный словарь мотивов. В настоящее время в Соединенных Штатах индивидуалистические, гедонистические и денежные мотивы рассматриваются как правдоподобные пружины поведения, и трудно представить себе, что эти стремления не универсальны. Если кто-нибудь объясняет, что он сделал что-то с целью получить деньги, обычно принимают это заявление за правду (даже те, кто не одобряет того, что он

---

[2] Weber, op. cit., pp. 98 — 99. Ср. Prescott Lecky, Self-Consistency: A Theory of Personality, New York, 1951, pp. 103 — 104.

сделал). Но существует тенденция сомневаться в искренности тех, кто ссылается на религиозные мотивы. В средние века монах, подобравший больную женщину у монастырских ворот и ухаживавший за ней до ее выздоровления, мог утверждать, что он только выполнил волю бога. Его объяснение, вероятно, могло быть принято многими людьми. Сегодня, однако, мы заподозрили бы, что в действительности он был покорен красотой женщины, но, будучи набожным, подавил и сублимировал свои эротические импульсы. Второе объяснение звучит ныне более правдоподобно, но какова уверенность в том, что привычные нам мотивы являются более достоверными, чем те, которые свойственны другому миру? Разве это не этноцентризм, если мы утверждаем, будто наш словарь мотивов универсален? Мотивы, которые могут приниматься как правдоподобные, суть предмет конвенциального использования в каждой социальной группе[3].

Возникает вопрос: являются ли открыто признаваемые людьми намерения «реальными» мотивами их поведения? Конечно, между публично провозглашаемыми и осознаваемыми самим субъектом объяснениями иногда существует различие, но нас интересует другое: является ли объяснение причин того, что люди делают, адекватным толкованием их поведения? Поскольку многие их поступки являются непроизвольными и неосознанными, ответ, очевидно, должен быть отрицательным. Создавая теорию мотивации, нельзя, однако, игнорировать тот факт, что люди настойчиво прилагают много усилий для достижения целей, которые они провозгласили желаемыми. Психиатры иногда отклоняют открыто провозглашаемые намерения как «рационализацию» и противопоставляют им «реальные» мотивы. Но действительно ли они обладают достоверным знанием истинных «причин» поведения или же они просто наблюдают своих пациентов, пользуясь другим словарем мотивов?

Социальных психологов интересуют не всякие целенаправленные человеческие действия; их интересы ограничены

---

[3] C. Wright Mills, Situated Actions and Vocabularies of Motive, «American Sociological Review», V (1940), 904 — 913.

поведением людей, которые участвуют в каких-нибудь объединенных совместных предприятиях. Психоаналитик может подвергнуть сомнению адекватность той или иной интерпретации; но совместное действие основывается на взаимном понимании, на том, что люди, в частности, используют один и тот же словарь мотивов. Согласованное действие может нарушиться, если некоторые из участников будут делать вещи, которые покажутся остальным странными и неожиданными, если люди будут не в состоянии определить поведение друг друга в сходных терминах.

В совместных действиях важнейшую роль играют сознательные волевые акты. Участники делают выбор, косясь одним глазом на других, желая уловить их отношение к этому. Они не только сознают свои собственные желания, но также делают выводы относительно возможных намерений соучастников. Это постоянное оценивание как самого себя, так и других значительно облегчается тем фактом, что люди в состоянии располагать по категориям и обозначать символами как свои действия, так и ту основу, на которой они предположительно возникают. Гибкая координация основывается главным образом на самоконтроле участников; следовательно, внимание должно быть направлено прежде всего на изучение сознательного поведения людей.

Сознание как внутренняя коммуникация

Не будет открытием, если сказать, что мышление может быть объектом всяческих спекуляций как в философии, так и в повседневной жизни. Дух часто представляется как нечто, не имеющее субстанции и противоположное телу с его физическими свойствами. Нередко разум рассматривается как что-то такое, что при случае борется с инстинктами за контроль над поведением. В прошлом столетии было сделано немало попыток локализовать рассудок в нервной системе, в мозгу или в другой части тела. Одной из многих точек зрения на природу человеческого духа является позиция психологов-бихевиористов, которые утверждают, что сознание и мышление являются формами деятельности. Очевидно, что

человек, который думает, что-то делает, но весь вопрос в том, что же это такое, что́ он делает. Утверждается, что *сознание есть форма коммуникации*, что человек, который что-то осознает, по существу, дает самому себе показания — примерно так же, как он мог бы это делать, общаясь с кем-либо другим. Человеческое сознание рассматривается не столько как субстанция, сколько как форма поведения — прежде всего как форма неслышного лингвистического поведения. Осознание есть коммуникативный процесс, который отличается от простого восприятия. Люди могут воспринимать всякого рода чувственные сигналы, не осознавая их. В таком случае говорится о *бессознательном восприятии*. Управление автомобилем, например, требует последовательного ряда сложных движений. Их координация предполагает восприятие; опытный шофер, однако, эти движения обычно не осознает.

Как бы неправдоподобно это ни казалось, иногда воспринимается даже то, что сознательно распознать невозможно. Это продемонстрировано в ряде остроумных экспериментов. Мак-Клири и Лазарус по нескольку раз показывали испытуемым бессмысленные сочетания из пяти букв. Половина сочетаний всегда сопровождалась разрядами электрического тока. После того как рефлекс закрепляется, экспериментаторы пропускали по экрану в случайном порядке быстро мелькающие сочетания со скоростью, намного превышающей возможности узнавания, и измеряли кожно-гальванические реакции (КГР). Когда испытуемых просили опознать сочетания, они могли только строить догадки и делали много ошибок, но КГР постоянно отмечались на ассоциированных с током сочетаниях[4]. Экспериментальное изучение гипноза также показало, до какой степени осознание связано с лингвистической коммуникацией. Было установлено, что многие люди могли выдерживать значительную боль, не осознавая ее. Однако в то же время имели место автоматические аварийные реакции:

---

[4] Robert A. McCleary and Richard S. Lazarus, Autonomic Discrimination without Awareness, «Journal of Personality», XVIII (1949), 171 — 179. Ср. N. F. Dixon. The Effect of Subliminal Stimulation upon Autonomic and Verbal Behavior, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LVII (1958), 29 — 36.

изменение частоты пульса, дыхания и КГР. Но конвенциальные реакции на боль — гримасы, словесный протест и осознание боли — могли исчезать по команде гипнотизера[5]. Следовательно, защищаясь от болезненных стимулов, тело реагирует, но осознание реакций отсутствует. Люди воспринимают все виды сигналов, но начинают осознавать их только тогда, когда получают от самих себя на этот счет специальные указания.

Сознание распространяется на широкую область переживаний, и рассмотрение его как формы коммуникации позволяет ввести некоторые координаты, в системе которых прослеживаются изменения. Ясность переживания, например, изменяется вместе с его коммуникабельностью. Человек многое может объяснить вполне понятно с помощью лингвистических символов, но есть такие вещи, которые он чувствует только интуитивно: суждения основываются на том, что он сам только смутно осознает. Даже когда его ориентация определенно структурирована, у него может недоставать слов, чтобы ее описать адекватно. В таком случае ему не удается объяснить свои поступки ни себе, ни другим людям. У каждого человека существуют некоторые хорошо установившиеся шаблоны поведения, которые могут быть поняты окружающими, особенно психиатрами, но которых он сам совершенно не осознает. Это — значения, относительно которых он вообще не способен к коммуникации. Люди значительно различаются по тому, насколько каждый способен вербализовать свои переживания. В значительной мере это зависит от адекватности словаря данного человека, но есть и другие барьеры для коммуникации.

Целенаправленное действие возникает благодаря предвидению. Позднейшая фаза акта — образ консуммации — может обусловливать организацию предшествующих фаз. Рефлексивное мышление есть одно из вторичных приспособлений, которое сопутствует блокаде протекающего действия. Оно позволяет людям сравнивать различные возможности и предвосхищать их в своем воображении, прежде чем переходить к открытому действию. Процесс сравнения и

---

[5] Clark L. Hull, Hypnosis and Suggestibility, New York, 1933, pp. 250 — 270.

отбора значительно упрощается, когда значения и образы могут быть заменены символами, ибо словами манипулировать гораздо легче. Некоторые образы обычно включаются в рефлексивное мышление, но люди могут думать и без них, как, например, при решении математических задач. Мышление может иметь место и без лингвистических символов, но способность людей создавать такие суррогаты придает совершенно новый характер человеческой жизни.

Когда человек о чем-то думает, он делает примерно то же самое, как если бы он говорил с кем-нибудь другим, с той лишь разницей, что другой не присутствует и не слышит, что он говорит. Только он сам извлекает пользу из своих замечаний. Существуют два других различия: внутренняя коммуникация характеризуется неслышимостью и краткостью[6].

Мышление индивидуально в том смысле, что другие не имеют доступа к мыслям субъекта, но оно социально потому, что протекает на языке конвенциальных символов, установленных для значений, относительно которых существует высокая степень согласия. Это те самые символы, которые люди используют для коммуникации друг с другом. Поскольку символическая коммуникация конвенциальна, из этого следует, что сознание и мышление — интериоризация социального процесса.

Мышление происходит столь естественно и спонтанно, что нам трудно оценить, до какой степени оно зависит от разделяемых в группе представлений. Экспектации, приписываемые аудитории, накладывают ограничения на то, что говорящий может высказать с уверенностью. Даже когда человек беседует сам с собой, он должен говорить вещи, которые «имеют смысл». Человеческое мышление может рассматриваться как интериоризация речевого процесса, который организуется в основном под влиянием конвенциальных норм[7]. Это означает, что различные умственные действия в известной степени ограничены культурой группы, в которой человек принимает участие.

Хотя некоторые философы считали, будто логика — это нечто такое, что присуще взаимоотношениям вещей в природе,

---

6 См. L. S. Vigotsky, Thought and Speech, «Psychiatry», II (1939), 29 — 52.

7 См. Mead, Mind, Self, and Society, op. cit., pp. 186 — 192.

другие утверждали, что процессы логического мышления развиваются посредством участия в социальных группах. Логика порождена необходимостью влиять на других людей и убеждать их в споре, она не содержит ничего, кроме правил, устанавливающих соответствующие процедуры для достижения рациональных выводов. Это система правил, которые делают мышление более эффективным инструментом приспособления. Человек не может убедить ни других, ни себя самого до тех пор, пока он не использует этих стандартов. Логические процедуры формируются путем одобрения или неодобрения со стороны аудитории, когда некто пытается обосновать свои рассуждения. Сознательное мышление обычно рационально именно потому, что оно социально[8].

Поскольку утверждение, что мышление представляет собой беззвучное лингвистическое поведение, противоречит точке зрения здравого смысла, потребовались доказательства. Попытки измерить движения речевой мускулатуры в тот момент, когда испытуемые выполняли различные интеллектуальные действия, давали все еще недостаточно убедительный материал. Наконец Л. Макс нашел блестящее решение. Поскольку у глухонемых жестовая коммуникация осуществляется с помощью мускулов пальцев и руки, на эти мускулы были помещены электроды, чтобы замерить зачаточные движения, когда эти люди думают. Контрольная группа состояла из людей с нормальным слухом. Задачи на абстрактное мышление вызвали токи действия в руке у 84% глухонемых и лишь у 31% испытуемых в контрольной группе. Когда глухонемые спали, сновидения также нередко отмечались появлением этих токов в мускулах рук и пальцев. Исследователь обнаружил, что самые простые арифметические задачи решались без сопровождения токами действия и что у более интеллигентных и лучше образованных людей электромиограф фиксировал меньше реакций[9]. Это показывает, что мышление может быть

8 См. C. Wright Mills, Language, Logic, and Culture, «American Sociological Review», IV (1939), 670 — 680; Jean Piaget, Judgment and Reasoning in the Child, New York, 1928, pp. 199 — 256.

9 Louis W. Max, Experimental Study of the Motor Theory of Consiousness, «Journal of Comparative and Physiological Psychology», XXIV (1937), 301 — 344.

более лапидарным. Чем больше человек знает, тем меньше ему приходится разговаривать с самим собою. Хотя это доказательство тоже еще не окончательное, оно показывает, что бихевиористская точка зрения не беспочвенна.

Эти выводы согласуются с данными других исследований. Фримен и Уильямс описали случай с женщиной, ослепшей в 13 лет, у которой возникали галлюцинации — иногда визуальные и иногда по Бройлю. Хотя после мозговой операции галлюцинации исчезли, мысли у нее продолжали формироваться по Бройлю[10].

Весьма распространено представление, что мышление локализовано в голове и различные умственные процессы тесно связаны с мозгом и нервной системой. Однако клинические отчеты о мозговых повреждениях и о мозговой хирургии иногда, по-видимому, дают основания для сомнений. Хебб обнаружил много случаев, когда интеллект как способность выполнить интеллектуальные тесты не уменьшался у пациента даже после того, как большая часть его мозга была удалена. Хебб сделал вывод, что почти нет доказательств, будто интеллектуальные дефекты зависят от мозговых повреждений, *за исключением* тех случаев, когда повреждена часть мозга, контролирующая речь. Тогда неизбежно происходит нарушение мышления[11].

Термин «афазия» обычно используется для обозначения расстройств, связанных с повреждениями именно этих участков мозга. Исследования таких случаев показали, в частности, что люди, которые не в состоянии манипулировать лингвистическими символами, не могут представить себе ничего, что не присутствует непосредственно перед ними. Пациент, прицеливающийся в сетку мячиком из бумаги, способен попадать в цель со значительной ловкостью до тех пор, пока сетка не будет скрыта за ширмой, откуда она

---

[10] Walter Freeman and Jonathan M. Williams, Hallucinations in Braille, «Archives of Neurology and Psychiatry», LXX (1853), 630—634.

[11] Donald O. Hebb, The Effect of Early and Late Brain Injury upon Test Scores, «Proceedings of the American Philosophical Society», LXXXV (1942), 275—292; Man's Frontal Lobes: A Critical Review, «Archives of Neurology and Psychiatry», LIV (1945), 10—24.

более не видна ему; как только это сделано, он оказывается неспособным отгадать место мишени. Он не в состоянии чиркнуть воображаемой спичкой, не может ударить по воображаемому гвоздю воображаемым молотком, хотя способен выполнить обе эти задачи, когда имеет в руках данные объекты[12]. Поскольку предвидение и планирование, столь существенные в рефлексивном мышлении, невозможны без воображения, становятся понятны те трудности, которые возникают у жертв афазии.

В итоге многих исследований Гольдштейн сделал вывод, что наибольшие трудности при афазии возникают не столько из-за недостатка слов, сколько из-за неспособности больных категоризировать опыт. Даже те, кто еще может пользоваться словами, не способны использовать их как символы категорий. Будучи не в состоянии формировать абстракции, больные вынуждены осуществлять заново ряд специфических приспособлений во многом подобно тому, как это происходит у животных и младенцев[13].

Л. С. Выготский и некоторые другие ученые утверждали, что шизофрения, подобно афазии, связана с утратой способности формировать категории. Но исследования оставляют этот вопрос открытым. Ганфман и Казанин попытались проверить это эмпирически. Они предлагали испытуемым разделить на 4 группы 22 деревянных бруска — 5 цветов, 6 форм, 2 веса и 2 размера. (Предполагалось, что, если человек способен формировать понятия, он найдет принцип классификации.) Тест был предложен 62 пациентам, страдающим шизофренией, 50 выпускникам колледжа, 45 лицам обслуживающего персонала госпиталя и 24 пациентам с поврежденной мозговой тканью. Группа больных шизофренией в целом показала худшие результаты, чем все другие, причем наиболее образованные лица в каждой группе дали более высокие результаты. Одиннадцать субъектов, классифицируемых как

---

[12] Henry Head, Aphasia and Kindred Disorders of Speech, New York, 1926, Vol. I, pp. 349 — 380, Vol. II, pp. 513 — 532.

[13] Kurt Goldstein, The Problem of the Meaning of Words Based upon Observations of Aphasic Patients, «Journal of Psychology», II (1937), 301 — 316; Human Nature in the Light of Psychopathology, Cambridge, 1940, pp. 69 — 84.

шизофреники, оказались среди тех, кто получил высшие оценки благодаря уровню своего образования[14]. Если учесть, как много различных расстройств скрывается за термином «шизофрения», результаты не покажутся настолько удивительными. Однако бесспорно, что многие люди с таким диагнозом испытывают трудности в формировании и использовании категорий.

Во многих случаях при шизофрении нарушаются способности к логическому рассуждению — происходит именно то, что говорилось о людях, изолированных от человеческого общества. Камерон предлагал испытуемым серию незавершенных предложений, оканчивающихся на «потому что», требуя их закончить. Шизофреники были не способны уловить связь между «причиной» и «следствием». Ветер дует, «потому что пришло время дуть». Когда спрашивалось, что вызывает это дуновение, пациент отвечал, что это «воздух». Когда тот же вопрос задавался относительно воздуха, испытуемый ссылался на «небо». Если спрашивали, как же небо может дуть, он объяснял: «Потому что небо выше воздуха». Большинство людей охарактеризовало бы этот способ рассуждений как абсурдный. Но то, что большинство рассматривает как «причинную» связь, часто является лишь последовательностью событий, считающейся «реалистической» в определенной группе. Поскольку, однако, данные пациенты оторваны от согласованного мира, нет ничего странного в том, что они не следуют конвенциальным нормам. Выводы последующих исследований менее категоричны, но, по-видимому, они не противоречат приведенным данным[15]. Гипотеза о том, что логика развивается и поддерживается в

---

[14] Eugenia Hanfmann and Jacob Kasanin, Conceptual Thinking in Schizophrenia, New York, 1942. Ср. L. S. Vigotsky, Thought in Schizophrenia, «Archives of Neurology and Psychiatry», XXXI (1934), 1063 — 1077.

[15] Norman Cameron, Reasoning Regression, and Communication in Schizophrenics, «Psychological Monographs», L (1938), 221; Schizophrenic Thinking in a Problem-Solving Situation, «Journal of Mental Science», LXXXV (1939), 1012 — 1035. Ср. Martin Whiteman, The Performance of Schizophrenics on Social Concepts, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLIX (1954), 266 — 271.

процессе социального взаимодействия, находит много подтверждений.

Итак, некоторые отличительные особенности людей связаны с тем, что они умеют думать. Вступая сами с собой в коммуникацию, они в состоянии выделять себя из непосредственной ситуации. Способность человека сдерживать свои импульсы и приостанавливать внешние действия на тот срок, пока осуществляется манипуляция образами и символическими представлениями, — это то, что составляет его внутреннюю жизнь, его интеллект. Поскольку человек свободен от власти непосредственного окружения, он может рассматривать альтернативы в своем воображении и ставить перед собой отдаленные цели. Именно благодаря этому поведение становится произвольным.

Самоконтроль как последовательный процесс

Время от времени в нашем обществе происходят невероятные события. Наследница, которая, казалось бы, имеет «все» — красоту, много красивых поклонников, великолепный дом, заботливых родителей, новый спортивный автомобиль, широкий круг интересов — и при этом не лишена способностей, вдруг совершает самоубийство. Или человек неожиданно убивает мальчика-разносчика с почты; в полиции он заявляет, что на него готовилось покушение, что жена и разносчик тайно сговорились от него избавиться, — это обвинение совершенно ошарашивает ничего не подозревавшую женщину. Такое поведение трудно объяснить с точки зрения органических потребностей; эти примеры показывают важность определения ситуации. То, что делает человек, есть реакция не столько на естественное окружение, сколько на его собственную интерпретацию одной из сторон последнего.

При использовании понятия «определение ситуации» часто подразумевается, что интерпретация ситуации статична, а реакция на нее однозначна. Это серьезное заблуждение. Сцена, на которой действуют люди, постоянно подвергается изменениям. Всякое новое событие должно найти свое место в системе категорий. У каждого человека поле восприятия

постоянно изменяется. Чтобы понять чьи-либо поступки, наблюдатель, следовательно, должен составить себе какое-то представление о том, как возникают частные определения ситуации. Каким образом наследница определила свою ситуацию как «безнадежную?» Почему человек, на мгновение потерявший рассудок, интерпретировал различные чувственные сигналы так, что подтвердились и усилились его подозрения? *Сознательное поведение является конструктивным и творческим; это нечто такое, что складывается в результате ряда приспособлений к постоянно изменяющемуся полю восприятия.*

Поскольку большинство действий происходит в социальном контексте, развитие сознательного поведения основывается на *Я*-образах, которые человек формирует с точки зрения, приписываемой другим, включенным в совместную деятельность. Поскольку индивид может реагировать на каждый из своих *Я*-образов так же, как другие, он способен предвосхищать действия, которые они склонны предпринять, и приспособиться к ним заранее. Это не означает, что люди всегда подчиняются групповым экспектациям; они только принимают их в расчет. Человек может очень хорошо понять взгляды людей, которые ему не нравятся, и затем умышленно поступить наперекор этому, чтобы позлить их. Все это показывает, что процесс самоконтроля есть весьма сложная форма поведения. Он включает (1) принятие роли аудитории, (2) формирование ряда *Я*-образов и (3) уточнение собственных планов в соответствии с предвосхищаемыми реакциями других.

Люди не всегда могут контролировать свои импульсы. Редкий человек подчинится требованиям зубного врача быть спокойным в тот момент, когда сверло бормашины опускается на больной зуб. Но многие импульсы успешно сдерживаются и не находят выхода в открытом поведении. Человек может быть не в состоянии справиться со «зверем», сидящим в нем, но он может сделать жизнь более терпимой для окружающих, поступая так, как если бы этого «зверя» не существовало. Хорошие манеры приобретаются ценой фрустрации. Различие между внутренними переживаниями и внешним поведением позволяет судить об эффективности самоконтроля.

Сознание и воля обнаруживаются только в блокированном действии, и прерванные акты часто характеризуются внутренней борьбой противоречивых тенденций. Не находя немедленного завершения, импульсы вызывают образы; и, хотя некоторые из них усиливают неудобство, другие вызывают тормозящие реакции. Образ пищи может толкнуть голодного человека на кражу, но он представит себе заточение в тюрьму и откажется от этой возможности. Самоконтроль — это такой процесс, когда один импульс возникает, чтобы блокировать другой.

Импульсы — это спонтанные реакции человека на те ситуации, в которых он оказывается. Поскольку значения ключевых объектов окружения отличаются от человека к человеку, различные индивиды склонны определять одну и ту же ситуацию несколько по-разному. Даже когда определения ситуации сходны, импульсы, возникающие у разных участников, могут быть совершенно различны. Например, просматривая программу коммерческого телевидения о каком-то алкогольном напитке, один может вдруг вскочить и отправиться за бутылкой; другой, сторонник запрещения продажи спиртных напитков, оскорбится и сядет писать протест; третий будет тщательно анализировать передачу и пересмотрит план собственной компании по продвижению товара; и, наконец, какой-нибудь ребенок может найти что-то смешное в жестах выступающего и разразиться хохотом. Поскольку каждый входит в ситуацию со своим особым прошлым опытом, он реагирует по-своему. Импульсы могут рассматриваться как проявления данной личности.

Поскольку каждый человек разделяет картину мира, признаваемую в его группе, он может определить и оценить то, что собирается сделать, с точки зрения коллектива прежде, чем совершит открытое действие. Размышление по поводу действия, которое решительно осуждается в группе, вызывает негативные реакции, он осуждает себя так же, как это сделали бы другие, если бы они только знали о его мыслях. Внутри человека как бы существует некая аудитория, которая реагирует на его импульсы. Если предполагаемое действие слишком отвратительно, человек не примирится с тем, чтобы себя с ним идентифицировать, – скорее, он попытается спроецировать свои планы на других, обвинив их в омерзительных мотивах, и даже потребует наказания. Хотя трудно

предсказать импульсы данного человека, его явное поведение обычно можно предвидеть достаточно точно, ибо он охотно подчиняется групповым стандартам. Таким образом, *самоконтроль — это, в сущности, социальный контроль*. Каждый человек пытается поддержать уважение к себе в своих собственных глазах, но он рассматривает себя с точки зрения своей группы.

Развитие сознательного поведения — это последовательный процесс, в котором человек реагирует на ряд *Я*-образов. Если прохожий очень голоден, он повышенно чувствителен ко всему, что способно устранить эти муки. Когда он видит фрукты в саду фермы, окруженной проволочным забором, у него может возникнуть побуждение перепрыгнуть через забор и сорвать несколько плодов. Он воображает, как он ест фрукты, и это усиливает его импульсы. Вдруг он замечает знак «Опасно! Проволока под высоким напряжением!» Линия действия прерывается. Он отскакивает, он содрогается, когда осознает, что могло бы случиться, если бы он вовремя не заметил знака. Поведение складывается постепенно, по мере того как он реагирует на каждый образ. Планирование и направление явного поведения становится возможным, поскольку люди способны реагировать на самих себя в своем воображении; линию поведения они могут выработать в своем воображении, репетируя и проверяя возможные варианты будущего действия[16].

Символами манипулировать значительно легче, и, когда для того, чтобы представить различные импульсы, прошлый опыт, групповые нормы и все прочее, что входит в организацию действия, используются символы, внутренняя процедура значительно упрощается. Борьба между личными предпочтениями и моральными обязанностями может тогда приобретать разговорный характер. В затруднительном положении человек часто обсуждает с самим собой относительные преимущества различных линий поведения. Особенно отчетливо эта тенденция наблюдается у детей, пока у них не произошла еще интериоризация данного процесса.

---

[16] См. George H. Mead, The Social Self, «Journal of Philosophy», X (1913), 374 — 380; а также George H. Mead, Mind, Self and Society, op. cit., pp. 173 — 178, 186 — 200, 209 — 222.

Ребенок приближается к какому-то запрещенному объекту, но затем говорит, используя интонации и жесты своей матери: «Нет-нет, не трогай!» У ребенка процесс протекает в принципе так же, как и у взрослого; единственное отличие состоит в том, что он еще не научился делать замечания самому себе неслышно для других. Он формирует *Я*-образ, принимая роль старших, и затем реагирует на него. Приказы типа «не трогай!» образуют символы, представляющие групповые нормы. У взрослых тот же самый коммуникативный процесс протекает неслышно для окружающих и значительно сокращен.

Если согласованное действие прерывается неожиданным событием, ситуация должна быть определена заново, и это достигается путем манипулирования символами. То же самое происходит, если во взаимопонимании возникло какое-то недоразумение: делаются попытки восстановить согласие путем приписывания мотивов. Когда красивая женщина выходит замуж за невзрачного мужчину, чье общественное положение ниже ее собственного, у людей в недоумении поднимаются брови и начинаются поиски скрытых мотивов. Следует отметить, что вопросы о мотивах возникают лишь в ситуациях, где имеется возможность выбора. Если есть только одна дорога между двумя городами, никто не спрашивает, почему путник избрал именно ее. Вопросы возникают там, где существует некоторая неопределенность. Каждый понимает, что другие действуют произвольно и не исключено, что они откажутся исполнять свои обязанности. Кооперация требует, чтобы человек мог предвидеть, в каком направлении склонны действовать другие участники. Именно в таких обстоятельствах встают вопросы относительно мотивов[17].

Взаимное приспособление осуществляется путем признания и приписывания мотивов. Когда студент приближается к студентке и начинает говорить о погоде, она строит несколько гипотез: он пытается назначить свидание; он лишен воображения и не может сказать ничего другого; он изучает метеорологию и действительно интересуется погодой. Каждая гипотеза содержит ожидания последующих действий, и девушка

---

[17] Mills, Situated Actions and Vocabularies of Motive, op. cit.

становится особенно восприимчивой к тем аспектам его поведения, которые подтвердят ее предположения. Когда он воспользуется первой возможностью, чтобы спросить, что она делает сегодня вечером, одна из ее версий значительно укрепится. Студентка приписывает ему мотивы и соответственно им реагирует. Любое согласованное действие включает ряд последовательных приспособлений участников к намерениям друг друга. Приписывание мотивов делает возможным продолжение координации. Каждый может предвидеть будущие действия других и приготовиться к ответу на эти ожидаемые события.

Мотивы являются удобным способом символизации намерения, фикциями, которые облегчают социальную связь. Приписывание мотивов позволяет каждому человеку понимать свое собственное поведение так же хорошо, как поведение других. Он открыто признает определенные намерения, и это дает ему возможность помещать свои действия в осмысленный контекст. Другие одновременно приписывают намерения ему; и в той степени, в какой приписываемые и признаваемые мотивы совпадают друг с другом, кооперация продолжается гладко.

В случае конфликта между импульсами и конвенциальными нормами существует несколько возможных путей. Один заключается в том, чтобы сдерживать импульсы и контролировать свое поведение в соответствии с установившимся обычаем; другой — в том, чтобы ослабить напряжение, изменив в какой-то части свое окружение; и третий — в том, чтобы быть снисходительным к себе, потворствуя этим импульсам. Большинство людей следует каждой из этих альтернатив в различное время, в зависимости от обстоятельств, но у каждого человека какой-то один тип решений преобладает. Типичный способ отношения к своим импульсам является важной характеристикой человеческой личности. Некоторые люди справляются со своими внутренними конфликтами, отрицая существование импульсов. Они подавляют склонности, которые доставляют им неудобство, и проявляют удивительный самоконтроль. Отрицая собственные желания как нереальные или неважные, они ведут себя наиболее дисциплинированно. Такие люди обычно достаточно самостоятельны. В данном типе адаптации особо развита перцептуальная фаза акта. Человек обособлен и сдержан. Полного включения организма не происходит.

Другие преодолевают такие конфликты, пытаясь манипулировать беспокоящими их объектами. Если выясняется, что человек ненавидит того, кого ему следует любить, он постарается изменить круг знакомств и таким образом устранить это несоответствие. Делается попытка изменить мир и поставить его на службу своим интересам. Этот тип адаптации особенно связан с манипуляторной фазой акта. Человек стремится овладеть сценой; он действует на объекты и вызывает в них перемены.

Для третьих характерно находить выход в самооправдании и снисхождении к своим импульсам. Они сдерживают себя, пока давление не слишком велико, но, когда возникает серьезный конфликт, они просто дают волю чувствам. В этих случаях они проявляют агрессивность или влюбленность даже тогда, когда это неразумно. Такой тип адаптации делает ударение на консумматорной фазе акта. В данном случае организм восприимчив, позволяя объекту действовать на него. Это, в сущности, пассивная ориентация: человек становится зависимым от своего окружения[18].

Сознательное поведение есть сложный процесс, включающий ряд приспособлений к изменяющемуся полю восприятия. Организация этого поля создается в процессе воображаемой репетиции, когда действующее лицо манипулирует перцептуальными объектами, образами (включая *Я*-образы) и различными символами. Некоторые из компонентов приспособления инстинктивны или бессознательны, но многие фазы этих процессов проходят через сознание. Хотя люди значительно различаются между собой по тому, как и до какой степени они контролируют самих себя, почти для каждого предвидимые реакции других составляют существенную часть эффективного окружения.

Нарушение и воспитание самоконтроля

Самоконтроль — это сложная форма поведения, которая связана со способностью взглянуть на себя «со стороны»,

---

[18] См. Charles W. Morris, Paths of Life, New York, 1956, pp. 13 — 113; см. также Varieties of Human Value, op. cit., pp. 192 — 193.

сформировать, с точки зрения других, *Я*-образ и приспособиться к их предвосхищаемым действиям. Эта процедура основывается на способности людей воспринимать и думать, и любое ухудшение процессов восприятия и мышления будет сильно сказываться на способности человека к сознательным действиям. Для эффективного контроля очень существенно восприятие собственной деятельности. Кляйн и его коллеги провели сравнительное исследование людей органически глухих, тех, кто был временно превращен в глухих методом гипноза, и тех, кто был в нормальном состоянии. Используя прибор, позволяющий субъекту слышать самого себя лишь через четверть секунды после того, как он произносил звук, они наблюдали последствия такой отсрочки обратной связи. Люди действительно глухие не обнаружили никаких изменений в их обычных речевых шаблонах, но другие столкнулись со многими трудностями. Речь бодрствующих субъектов характеризовалась необычными ударениями, невнятным произношением, заиканием. В меньшей степени то же самое наблюдалось у тех, кто был гипнотически глухим. Исследование показало, что даже в действиях, столь прочно укоренившихся, как речь, контроль основывается на способности слышать самого себя; оно также подтвердило гипотезу, что гипнотическая анестезия включает искусственное ограничение сознания и что человек фактически реагирует на сенсорные сигналы[19]. В другом эксперименте Хебб и его коллеги наблюдали за людьми, чьи уши в течение трех дней были заложены ватой, пропитанной вазелином. Обнаружилось, что все испытуемые стали говорить или слишком громко, или слишком тихо. Эти люди могли слышать, что они говорили, но не имели сигналов о громкости своего голоса; следовательно, они не могли его контролировать[20].

Хорошо известно, что в состоянии опьянения люди с трудом следят за собой. Социальная дистанция, обычно сохраняющаяся с помощью различных формальностей, исчезает, и

---

[19] Milton V. Kline, Henry Guze and Arthur D. Haggerty, An Experimental Study of the Nature of Hypnotic Deafness, «Journal of Clinical and Experimental Hypnosis», II (1954), 145 — 156.

[20] D. O. Hebb, E. S. Heath and E. A. Stuart. Experimental Deafness, «Canadian Journal of Psychology», VIII (1954), 152 — 156.

нередко они выдают свои самые интимные секреты совершенно посторонним. Ослабление торможения приводит к высокой степени внушаемости. Критическое суждение требует сравнения образов; без способности рассуждать и сдерживать социально осуждаемые альтернативы поведение развивается по линии наименьшего сопротивления. В состоянии опьянения люди действуют скорее под влиянием своих личных склонностей — особенно если они встречают одобрение со стороны окружающих. Алкоголь притупляет деятельность нервно-мускульных систем, лежащих в основе рефлексивного мышления, и тем самым снижает самоконтроль[21]. Еще более поразительные изменения вызывает амитал-натрий, известный в обиходе как «правдивая сыворотка». Этот удивительный наркотик используется психиатрами и полицией, чтобы вынудить человека сказать то, что он утаивал.

Некоторые наркотики ухудшают сенсорные способности до такой степени, что становится крайне трудно, если не невозможно, сохранять осмысленную ориентацию по отношению к миру. Опыты с мескалином и лизергиковой кислотой показали, что испытуемые воспринимали свое окружение совершенно не похожим на социально организованную картину мира. Очевидно, они испытывали трудности в использовании конвенциальных категорий; поле их восприятия было сведено до непосредственного окружения. Мир, каким они его видели, постоянно изменялся, но существовало полное безразличие ко всему, что обычно воспринимается через социальные понятия, — например, течение времени. Хаксли сообщает, что он воспринимал мебель не с точки зрения использования той или иной вещи, но только с точки зрения эстетической формы. Многие вспоминали, что им трудно было выделить себя как определенную единицу из окружения; они были не способны сформировать *Я*-образ[22].

Самый общий источник нарушений самоконтроля — чрезмерное возбуждение и напряжение. Ошибки при машинописи

---

[21] См. Ernest H. Starling, The Action of Alcohol on Man, New York, 1923, p. 77.

[22] См. Aldous Huxley, The Doors of Perception, New York, 1954; Robert S. de Ropp, Drugs and the Mind, New York, 1957, pp. 167 — 201.

следуют одна за другой, если человека беспокоит первая из них, поскольку он становится все более недоволен самим собой. В условиях очень сильного напряжения человек может полностью утратить способность контролировать свое поведение. При сильном гневе, страхе или энтузиазме у некоторых людей появляются спазмы, пена на губах или теряется контроль за мочевым пузырем и анальным отверстием. Образы самого себя обычно не включены в такие реакции, и человек не помнит, что делал, когда был «не в себе». Он часто удивляется, видя измазанную одежду, и, перепуганный, спрашивает, что же произошло.

Некоторые из наиболее ужасных преступлений люди совершают в условиях коллективного возбуждения — в линчующей толпе, в бунте или в массовой панике. Эмоциональные реакции, по-видимому, здесь более интенсивны, потому что, обмениваясь экспрессивными движениями, участники подкрепляют и усиливают чувства друг друга. В конце концов, не в состоянии далее сдерживать напряжение, они взрываются в импульсивном действии. Во многих исследованиях отмечается, что участники толпы настолько поглощены друг другом и центральным объектом внимания — каким-нибудь источником ненависти или экстаза, — что теряют чувство личной определенности. Способность к критике понижается, и усиливается внушаемость. В этих условиях любой агитатор, которому удастся дать подходящее выражение возбужденным чувствам, может добиться успеха. Тогда люди вовлекаются в действия, от которых в других случаях они бы воздержались[23].

Бросается в глаза, что человек, который «потерял голову», впоследствии непременно стыдится себя самого. Поток объяснений, который обрушивают на своих друзей те, кто поддался панике или коллективному безумию, показывает, что люди чувствуют необходимость как-то оправдать свое поведение. После того как снимается напряжение, человек снова обретает свою обычную картину мира. Зачем следует ретроспективная оценка случившегося, и формирующийся образ самого себя становится источником беспокойства.

---

[23] См. Herbert Blumer, Collective Behavior, в: Principles of Sociology; Alfred M. Lee, ed, New York, 1955, pp. 174—185; Gustave Le Bon, The Crowd, London, 1896.

Еще одна группа трудностей в осуществлении самоконтроля связана с нарушением способности пользоваться символами. Особенно поучительно изучение жертв афазии с помощью «зеркального теста». Врач касался рукой различных частей своего тела и просил пациента делать то же самое. Если оба они стояли перед зеркалом, пациент не испытывал трудностей, ибо все, что он делал, было простым подражанием. Но когда доктор становился лицом к пациенту, последний не мог выполнить даже такой простой задачи, как коснуться правого плеча левой рукой[24]. Понятно, что вторая задача труднее потому, что здесь необходима транспозиция — человек должен вообразить себя в положении другого и указывать себе, какая рука должна двигаться к какой части тела. Это трудно осуществить, не пользуясь символами. Для тех, кто не способен использовать язык, даже такой рудиментарный уровень принятия ролей затруднен, если не невозможен.

Другим показательным явлением служит гипноз, когда поведение одного человека в значительной степени контролируется другим, с кем установлен раппорт. Раппорт, по-видимому, является формой избирательной восприимчивости, при которой внимание гипнотика почти исключительно сосредоточено на командах гипнотизера. Хотя многие фазы этого процесса еще не понятны, гипноз представляется как символическое манипулирование образами и переживаниями. С помощью слов гипнотизер определяет ситуацию и дает указания другому человеку примерно так же, как тот мог бы сделать это сам для себя. В самом деле, в ряде блестящих экспериментов Халл показал, что процессы самовнушения и гипнотического внушения в основном подобны[25]. Таким образом, гипноз может рассматриваться как установление необычных социальных взаимоотношений, когда лингвистический контроль над собственным восприятием, мышлением и поведением частично передан кому-то другому. Но самоконтроль никогда не передается другому полностью. Большинство людей не будут делать в гипнотическом трансе

---

[24] Head, op. cit., Vol. I, pp. 356—359. Cp. Kurt Goldstein and Martin Scheerer, Abstract and Concrete Behavior, «Psychological Monographs», LIII (1941), 239, 1 — 31.

[25] Hull, op. cit., pp. 41 — 63.

то, чему они сильно противятся в бодрствующем состоянии. Они могут уклониться от внушения, впасть с истерию или выйти из транса. Людей можно склонить делать что-то противоположное их обычным стандартам только в тех случаях, когда ситуация определяется так, что они верят, будто не делают ничего предосудительного. Человек может вытащить бумажник, если его убедят, что это его собственный, но он не станет вором даже в трансе, если считает, что воровство аморально[26].

В способности осуществлять самоконтроль наблюдаются индивидуальные различия. Некоторые люди расстраиваются так легко, что коллеги отзываются о них как об «истериках». Другие же могут сохранять самоконтроль даже в крайне напряженной ситуации. «Матерый волк» действует даже более эффективно, если положение опасно. Когда самоконтроль ослабевает, некоторые ведут себя стереотипно, другие действуют импульсивно, а третьи оказываются чрезвычайно внушаемыми, следуя указаниям любого, кому случится их дать.

Ухудшение самоконтроля может слишком дорого стоить человеку, и иногда люди преднамеренно стараются его усилить. Некоторые прибегают к самообману: склонный к расточительству человек умышленно носит с собой ограниченную сумму денег и хранит остальные на сберегательном счете для того, чтобы труднее было уступить искушению. Может быть и формальная программа усиления самоконтроля. В группах элиты иногда устанавливается особый кодекс чести. С раннего детства представителям привилегированного класса внушается, что они высшие существа и поэтому не должны поддаваться низменным инстинктам. Они начинают относиться к себе как к немногим избранным, чей долг — утверждать моральные стандарты всего общества. Noblesse oblige* означает особую ответственность, которая постоянно подчеркивается не только представителями элиты, но и теми, кто ей служит.

---

[26] Albert Moll, Hypnotism, London, 1890, pp. 171 — 172; M. N. Erickson, An Experimental Investigation of the Possible Anti-Social Uses of Hypnosis, «Psychiatry», II (1939), 391 — 414.

* Положение обязывает (*франц.*).

Большинство попыток воспитать самоконтроль включает процедуры, призванные свести к минимуму эмоциональные реакции. Атлетам, бизнесменам и солдатам внушают, что они скорее достигнут цели, если научатся расслабляться[27]. Парадоксально, что ряд сложных задач, требующих наибольшей точности и мускульной координации — балетные танцы, бокс, меткая стрельба и быстрое печатание на машинке, — наиболее эффективно выполняются тогда, когда *Я*-образы не возникают. Хотя действия сами по себе могут протекать с минимумом самосознания, автоматизм исполнения должен сознательно воспитываться долгий период времени.

Крайний случай утонченного самоконтроля обнаружен в дзен-буддизме, который в Японии является составной частью обучения стрельбе из лука, каллиграфии, составлению букетов и чайной церемонии — все эти искусства требуют высокой степени концентрации. Необходимые навыки развиваются путем постоянного повторения до тех пор, пока исполнение не станет автоматическим; человек овладевает умением сводить к минимуму самосознание и внутренне концентрироваться на самой задаче. Деятельность оказывается освобожденной от помех, вызываемых личными огорчениями или чувством гордости. Чтобы облегчить развитие этого состояния ума, вводятся многочисленные предварительные церемонии, которые кажутся бессмысленными постороннему. Однако в результате человек учится побеждать, «уступая природе»; он чувствует себя так, словно его телодвижения управляются внешней силой, ибо он сам, по-видимому, не определяет их направления[28].

Сознательное поведение конструируется как серия процессов, в которых человек реагирует на ряд определений, включая то, что он переживает как свое *Я*. Эта процедура значительно упрощается благодаря введению лингвистических символов, которые позволяют планировать и выполнять все более сложные действия. Когда на каком-то этапе этого процесса возникает препятствие — оно может порождаться эмоциональным расстройством, опьянением, внушаемостью или неспособностью манипулировать символами, — немедленно

[27] См. Joseph A. Kennedy, Relax and Live, New York, 1953.

[28] См. Eugen Herrigel, Zen in the Art of Archery, New York, 1953.

начинаются затруднения. Намеренные попытки воспитания самоконтроля сводятся в значительной мере к усилиям устранить или нейтрализовать такие возможности. Некоторые программы включают такие крайние меры, как подавление *Я*-образов, но это имеет место только после того, как они были использованы для установления желаемых привычек.

Итоги и выводы

Человеческое поведение — это ряд приспособлений к изменяющемуся пониманию ситуаций. Сознание следует отличать от простого восприятия; человек, который сознает нечто, обычно коммуницирует сам с собой, хотя другие также могут случайно услышать, что он говорит. Мышление представляет собой воображаемые репетиции возможного поведения в необычной ситуации. Когда лингвистические символы замещают образы, манипулирование альтернативами настолько облегчается, что становится возможным решение задач большой сложности. Именно способность пользоваться символами — это то, что отличает человека от большинства живых существ. Колоссальные достижения в искусстве, литературе, философии и науке были бы невозможны без направленного воображения. Но этот великий дар приводит также к рабской зависимости от духов мертвых предков и делает возможными многие умственные расстройства. Поскольку способность к символической коммуникации возникает благодаря участию в организованных группах, не приходится удивляться, что сознание и рефлексивное мышление — это такие формы поведения, которые являются объектом социального контроля. Итак, сознательное поведение формируется в коммуникативном процессе, предполагающем манипулирование символами, которые представляют самого субъекта и различные аспекты его окружения.

Согласованное действие в устойчивых ситуациях зависит от каждого участника, сохраняющего свою личную автономию и контролирующего себя с точки зрения групповых экспектаций. Наибольшим самосознанием обладает тот человек, который следит за *Я*-образами и проявляет меньше спонтанности в своих поступках. Он действует пристойно, подавляя импульсы,

являющиеся запрещенными или неодобряемыми. Мало кто из людей, не переставая уважать себя, примет участие в крайних формах поведения толпы, и многие нуждаются в алкоголе, чтобы почувствовать себя непринужденно. Иногда самосознание может быть и чрезмерным. Существуют некоторые задачи, выполнимые только при величайшей концентрации внимания, и тогда намеренное торможение самосознания помогает сократить ошибки.

Сознание и рефлексивное мышление являются инструментами приспособления. Некоторые философы утверждают, что логика и научный метод не что иное, как усовершенствование поведения, типичного для непредвиденных случаев, когда действие прерывается и возникают трудности. Они отмечают, что научное изучение следует во многом тем же самым путем, что и человек, решающий практическую проблему, однако при значительно большей формализации метода. Научное исследование начинается в ситуации неопределенности и заканчивается временным решением вопроса. Применяемые нами правила логики возникли в попытках людей контролировать такие исследования, чтобы увеличить их пользу.

Библиографический указатель

Alexander, F. Matthias, The Uses of the Self, New York, 1932.

Gerth, Hans and C. Wright Mills, Character and Social Structure, New York, 1953. pp. 37 — 129.

Kasanin, Jacob S., ed., Language and Thought in Schizophrenia, Berkeley, 1944.

Morris, Charles W., Six Theories of Mind, Chicago, 1932.

Perls, Frederick S., Ralph F. Hefferline, and Paul Goodman, Gestalt Therapy, New York, 1951.

Snygg, Donald and Arthur W. Combs, Individual Psychology, New York, 1949, Chaps. II — VI.

ГЛАВА 7

СТРУКТУРА ЛИЧНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Среди «Назидательных новелл» Сервантеса есть прелестный рассказ о человеке, который был убежден, что сделан из стекла. Когда к нему приближались люди, он пронзительно кричал и умолял их держаться подальше, чтобы нечаянно его не разбить. Он ходил по самой середине улицы, с опасением глядя на крыши — не сорвется ли черепица, которая вдруг упадет на него. Однажды, когда оса села к нему на шею, он не осмеливался ни ударить, ни стряхнуть ее из страха, как бы не разбить самого себя. Он отказывался есть что-либо жесткое вроде мяса или рыбы, а ложась спать, заворачивался в солому. Поскольку стекло не только более хрупкое, но и прозрачнее, чем телесная ткань, он утверждал, что особенности его конструкции позволяют душе лучше видеть мир. Своими поразительно проницательными наблюдениями он снискал славу. Люди следовали за ним повсюду, прислушиваясь к его советам. Когда озорные мальчишки бросались камнями, он кричал так отчаянно и громко, что взрослые бежали к нему на помощь, а один богатый патрон даже нанял телохранителей, которые сопровождали его и защищали от хулиганов.

За пределами психиатрической клиники немногие верят, что они сделаны из стекла. Но есть люди, которые считают себя существами особенно хрупкими, слабыми или необыкновенно восприимчивыми к сквознякам. Они скорее откажутся от начатого дела, чем будут подвергать себя риску. Многие сознательные поступки людей зависят от того, как они представляют себе самих себя; Сервантес просто указал на ненормально преувеличенный случай общего явления.

Личная определенность и социальный статус

Я-образы специфичны и изменяются от одной ситуации к другой; человек представляет себя увлеченным игрой, беседой с друзьями или отвечающим урок в классной комнате. Несмотря на то что *Я*-образы постоянно меняются и никогда тот же образ не возникает дважды, он без труда узнает в них самого себя.

Каждый может определить самого себя как особое человеческое существо, характеризуемое отличительным набором качеств; он рассматривает себя, как неповторимого индивида. Каждый человек, следовательно, обладает относительно устойчивой *Я-концепцией* (Self-conception). Он знает, что существуют другие люди, чем-то похожие на него, особенно если он считает себя существом «средним», но в нашем обществе само собой разумеется, что никогда не существовало никого точно такого, как он, в прошлом и никогда не появится в будущем.

Редкий человек имел случай спросить себя, кто он есть. *Каждый считает свою личную определенность настолько естественной*, что даже не представляет себе, до какой степени то, что он делает (сознательно и в некоторых случаях даже бессознательно), обусловлено рабочей концепцией, которую он создал о себе самом. Очень многие люди, если они потеряются в незнакомом городе и проголодаются, вряд ли станут искать пищу среди кухонных отбросов — они предпочтут скорее остаться голодными, чем сделать нечто такое, что, по их мнению, ниже человеческого достоинства. Адекватная теория мотивации, следовательно, требует понимания того, как человек определяет самого себя[1].

Итак, если гибкость координации основана на способности людей формировать *Я*-образы, то относительное постоянство человека, определенность его линии поведения обеспечивается благодаря устойчивой *Я*-концепции. Некоторые психологи неохотно изучают эти явления потому, что последние не поддаются объективному наблюдению. Но в своей

---

[1] См. Nelson N. Foote, Identification as the Basis for a Theory of Motivation, «American Sociological Review», XVI (1951), 14—21.

повседневной жизни они никогда не бывают столь наивны. Если психолог оказался лицом к лицу с пьяным верзилой, который кричит, что «плюет на все законы», он, вероятно, не станет задумываться над тем, поддается ли доказательству существование *Я*-образов. Если он придет домой и увидит свою жену в объятиях незнакомого человека, который заявит, что является ее мужем, вряд ли он пожмет плечами и скажет, что важность личностной определенности еще не доказана.

Каждый человек способен вообразить, что он делал, делает и предполагает сделать, и он может реагировать на свое собственное воображение. Понятия «*Я*-образ» и «*Я*-концепция» относятся, следовательно, не к каким-то частям человеческого тела, а к неким закономерностям в человеческом поведении.

Мир каждого индивида сконцентрирован вокруг него самого. В вынесении суждений и осуществлении решений, в разговоре о пространстве и времени даже самый неэгоистичный человек принимает себя за центральную точку отсчета. Каждый способен узнавать свои собственные устремления, разочарования и страхи и может отличать их от подобных переживаний других людей. Точнее говоря, человек может испытывать только свои собственные ощущения, но существует биполяризация, раздвоение этих переживаний на то, что он относит к самому себе и что приписывает внешнему миру.

Самоконтроль связан с тем, что формируется перцептуальной объект *Я*, и этому объекту приписываются определенные обязанности. Эта процедура значительно облегчается, когда люди представляются себе как отдельные, независимые существа. В действительности же границы организма не являются столь отчетливыми. Является ли воздух в наших легких или пища в желудке частью нас самих или же это просто нечто преходящее? Физиологи утверждают, что каждая клетка человеческого тела в течение десяти или менее лет заменяется другой. Но даже если границы расплывчаты, тот факт, что тела являются чем-то органически единым, делает возможным выделение и определение ответственности.

Ощущение человеком своей определенности создается также непрерывностью его переживаний во времени. Существуют

воспоминания о прошлом, от которых нельзя избавиться, а также и надежды на будущее. Непрерывность таких переживаний дает возможность каждому человеку интегрировать их в единое целое; в большинстве случаев эта целостность разрушается только смертью.

Каждый человек верит, что он может в какой-то мере осуществлять контроль над своей жизнью — принимать решения и выбирать линию поведения. Поскольку допускается, что люди способны делать выбор, считается, что они ответственны за свои поступки. Однако они обычно отказываются нести ответственность за поступки, которые они совершили когда были «не в себе», — за то, что сделали под влиянием алкоголя или наркотиков, в состоянии сильного потрясения или шока, в гипнотическом трансе или под влиянием некоего «злого духа». Это показывает, что представление человека о самом себе часто ограничивается областью, где он уверен, что может осуществлять контроль[2].

Я-концепция подкрепляется повторяющимися социальными взаимоотношениями. Исходя из того, кто он есть, человек соответствующим образом относится к каждому знакомому человеку и к различным категориям людей. Женщина ожидает, что ее муж будет относиться к ней с особым вниманием и порой признаваться ей в чувствах, но она была бы обеспокоена, если бы он проявлял себя подобным же образом по отношению к другим женщинам. Вообразите удивление человека, который пришел к себе домой и обнаружил, что на него смотрят так, словно он совершенно посторонний! Когда в серии экспериментов посредством гипноза успешно изменялась личная определенность испытуемого, он был более не в состоянии определять своих взаимоотношений с экспериментатором и приходил в замешательство[3]. Только воспринимаемый как определенное человеческое существо, каждый индивид получает статус внутри сообщества людей.

Во всех обществах существует своего рода дифференциация участников по рангу. Хотя понятие «***социальный статус***»

---

[2] См. Thomas D. Elliot, The Use of Psychoanalytic Classification in Analysis of Social Behavior: Identification, «Joural of Abnormal and Social Psychology», XXII (1927), 67—81.

[3] Harriman, op. cit., p. 640.

по-разному применяется в различных случаях, здесь оно может быть использовано, чтобы обозначить положение личности в сообществе, устанавливаемое в терминах прав, обязанностей, привилегий и свобод, которые она получает благодаря своему положению[4]. Статус — это социальный процесс; человек может иметь статус только в отношении к другим, которые признают его место и обращаются с ним определенным образом. Статус, как бы он ни был низок, важен, ибо без него человек не имеет прав в отношении других. Обладание статусом позволяет человеку ожидать и требовать определенного отношения со стороны других людей.

Даже в демократических обществах люди занимают относительно более высокие или низкие позиции. Существует много критериев оценки — род занятий главы семейства, размер дохода, происхождение, этническая принадлежность, уровень интеллектуальных достижений и т. д. В Соединенных Штатах людей различают главным образом с точки зрения профессии и дохода; в других местах могут преобладать другие критерии. Следует отметить, что отношение к человеку часто определяется положением, которое он занимает, совершенно независимо от его личных качеств; ко многим армейским офицерам обращаются с уважением даже те рядовые, которые имеют все основания их презирать.

Системы социальной дифференциации различаются по степени их стабильности. В относительно устойчивых обществах статус не только ясно определен, но может быть приобретен лишь путем наследования или прохождения хорошо установленного ряда процедур. В изменяющемся обществе меньше согласия относительно прав и обязанностей людей различного положения и пути продвижения обозначены менее ясно[5].

Понятие «социальный статус», которое относится к положению человека в обществе, не следует смешивать с понятием «конвенциальная роль», которое относится к тому вкладу,

---

4 См. Max Weber, Essays in Sociology, New York, 1946, pp. 186—194.

5 См. Everett C. Hughes, Men and Their Work, Glencoe, 1958, pp. 102—115. Типичные затруднения, с которыми сталкиваются люди в таких ситуациях, будут рассмотрены в главе 17.

который вносит участник в организованное предприятие[6]. Статус, будучи однажды установлен, остается относительно постоянным. Он может повышаться, но медленно и понижается только в связи с поступками, расцениваемыми как деградация. Но каждый человек ежедневно исполняет много ролей. С определенным положением в обществе соотнесен ограниченный набор взаимосвязанных ролей. Врач, например, осматривает пациентов, инструктирует медсестер, консультируется с коллегами, обсуждает ряд вопросов с госпитальной администрацией и т. п. Чем дальше он отходит от ситуаций, связанных с медицинским обслуживанием, тем менее ясными становятся его обязанности. Но поскольку общество высоко оценивает его услуги, врач обладает значительным престижем. Даже в совершенно неофициальной обстановке к нему обращаются так, как того, видимо, заслуживают люди данной профессии.

Определенность личности является основой организованной социальной жизни. Только когда человек определен и помещен на соответствующее место, может быть установлена его ответственность. Первое, что люди делают при знакомстве, — они выясняют определенность и статус друг друга. Это естественно, потому что нет другого пути, чтобы узнать, чего можно ожидать от каждого. Личная определенность человека устанавливается только в связи с остальным обществом. Именно отсюда вытекает его определенное отношение к различным физическим объектам. Не существует необходимой физической или биологической связи между человеком и различными вещами, которыми он владеет. Он может разрушить или отдать принадлежащее ему только вследствие конвенциальных норм, предоставляющих собственнику относительную свободу распоряжаться своим имуществом. Но человек в состоянии пользоваться своими правами собственника только тогда, когда он способен определить себя как отличное от всех других человеческое существо. Если бы люди не могли определять себя и других с известным постоянством, наша социальная и экономическая система оказалась бы в опасности.

---

[6] См. Albert Pierce, On the Concept of Role and Status, «Sociologus», VI (1956), 29—34; Robert K. Merton, Social Theory and Social Structure, Glencoe, 1957, pp. 368—384.

Важность личной определенности демонстрируется случаями избирательной амнезии. Человек в изумлении подходит к полицейскому и сообщает, что он забыл, кто он такой. Жертвы этого расстройства забывают не все на свете. Тот, кто подошел к полицейскому, использовал конвенциальные лингвистические символы и, по-видимому, помнил, что обязанность людей в таких мундирах — помогать тем, у кого случилось несчастье. Бывает, что человек не способен вспомнить только те пункты, которые раскрывают его индивидуальность: свое имя, местожительство, место работы, друзей и т. д.[7] Этого, однако, достаточно, чтобы перестать быть членом общества. У него нет никаких прав, которые имеет любое человеческое существо, нет дома, куда бы он мог вернуться, учреждения, где он мог бы иметь твердое занятие, никого, с кем он мог бы отдохнуть; его жизнь не соответствует никакому организованному порядку, ибо без личной определенности не существует общества, где он имел бы определенный статус.

Каждый человек, обладающий устойчивым представлением о себе, легко находит свое место в действиях группы, членом которой он является. Поскольку он встречает со стороны других соответствующее отношение, это усиливает его чувство определенности и дает возможность продолжать исполнение своих обязанностей. Согласованное действие приобретает тогда обычный характер, даже если оно складывается из произвольных складов автономных личностей.

Органические основы Я-концепции

Каждый человек осуществляет биполяризацию своих переживаний: какую-то долю он рассматривает как часть самого

---

[7] См. Milton Abeles and Paul Schilder, Psychogenic Loss of Personal Identity: Amnesia, «Archives of Neurology and Psychiatry», XXXIV (1935), 587—604. Сообщение о некоторых проблемах, с которыми сталкивается человек, который не знает, кто он такой, можно найти в: Shepherd J. Franz, Persons One and Three, New York, 1933.

себя, а другую относит к тому, что существует вне его, однако обязательного пространственного или временнóго совпадения между границами его представления о самом себе и действительными границами его тела не существует[8]. *Каждый человек помещает самого себя как объект внутри своего символического окружения*. Важно понять, чтó же человек считает самим собою, ибо многое из того, что он делает, логически вытекает из такого определения.

Поскольку каждое человеческое существо есть органическое целое, существует неоспоримая связь между его телом и его ощущением индивидуальности.

Все переживания связаны с органическими процессами внутри тела, и все они оканчиваются со смертью. Сверх того, поведение само по себе складывается из движений данного организма; отсюда ответственность за действие падает на конкретное тело. Чтобы опознать преступника, детективы пытаются установить связь между данным человеческим телом и преступлением. В 1882 г. французский антрополог Бертильон доказал возможность использования антропометрической техники для этих целей. Такой путь — лишь усовершенствование того, что происходит в повседневной жизни.

Хотя представление человека о самом себе, бесспорно, ассоциируется с его телом, оно не является прямым отражением того, что он есть, или того, что он делает. *Я*-концепция, как и все прочее в символическом окружении, конструируется путем избирательного восприятия и воображения. Ни один человек не может воспринять все, что происходит внутри его тела. Он избирательно реагирует на различные сигналы в различное время в зависимости от того, что он делает. Психиатры отмечали, что люди не всегда хотят знать правду о собственных тенденциях поведения, что, в частности, некоторые свои импульсы они даже проецируют на других людей.

Так же как и в случае с другими значениями, человек постигает самого себя с помощью лингвистических категорий и общих предпосылок своей культуры. Если он живет в

---

8 См. Kurt Koffka, Principles of Gestalt Psychology, New York, 1935, pp. 319—321.

обществе, где всерьез допускается существование привидений и духов, он может верить, что сновидения создаются приключениями души, которая по ночам отделяется от его тела. В нашем обществе признается неразрывная связь между комплексом переживаний и данным телом. Это может казаться нам очень естественным, однако такое предположение ни в коем случае не универсально. *Я*-концепции, следовательно, формируются в процессе участия в социальных группах.

Поскольку отношение к человеку в известной мере зависит от его физических качеств, последние оказываются важной основой для формирования *Я*-концепции. Заметное уродство становится иногда поводом для оскорбительного выделения. Цвет кожи и другие наследуемые признаки являются очень важными символами, ибо они часто накладывают ограничения на карьеру. Все люди чувствительны к своей внешности, и американцы, видимо, больше других. Иногда пластическая хирургия может осчастливить человека путем совсем небольшой операции. Следует отметить, однако, что отношение человека к своему телу зависит от избирательности восприятия.

Хотя тело человека и его представления о себе самом связываются различными способами, свидетельства из разных источников убедительно показывают, что они раздельны и различны. Большинство специалистов по детской психологии согласны в том, что у младенца нет *Я*-концепции, хотя факт существования его тела не вызывает сомнений. Такая персонификация развивается постепенно, по мере того как ребенок вовлекается в деятельность организованных групп. Известно, далее, явление «иллюзорных конечностей» — после ампутации люди чувствуют себя так, как будто они еще имеют руку или ногу, которой фактически уже нет. В случае мескалинового отравления исчезает обычное разделение между *Я* и окружающим миром, и человек чувствует себя слившимся с окружением. Те, у кого развивается «множественная личность», имеют две или более *Я*-концепции, но только одно тело[9].

---

[9] См. Erich Guttmann, Artificial Psychoses Produced by Mescalin, «Journal of Mental Science», LXXXII (1936), 211; Paul Schilder, The Image and Appearance of the Human Body, New York, 1950, pp. 63—70.

Развитие *Я*-концепции, раз оно началось, идет, по-видимому, независимо от роста тела.

Относительная независимость *Я*-концепции от тела обнаруживается особенно при «*включении в Я*» — при установлении идентификаций, благодаря которым объекты, существующие, безусловно, вне тела, начинают ощущаться как часть самого себя. Человек, который только что приобрел новый автомобиль, вздрагивает, когда на крыле появляется выбоинка, как если бы ударили его самого. Мать, которая видит, что ее ребенок плохо ведет себя на людях, обычно испытывает острое чувство стыда. Поскольку она идентифицирует себя с ребенком, она реагирует так, как если бы обнаружилось, что она сама делает что-то отвратительное.

Формируя *Я*-концепции, люди определяют себя с помощью таких конвенциальных категорий, как возрастная группа, пол, род занятий, этическая группа и социальный класс. Всякий раз, когда задеваются категории, с которыми человек себя идентифицирует, он реагирует так, словно затронут лично он. Женщина начинает остро сознавать то, что она женщина, когда видит, как к какой-то представительнице ее пола относятся пренебрежительно; она может прийти в ярость, даже если ничего не было сделано против нее лично. Людям всех этнических меньшинств доставляют большое удовлетворение достижения тех, с кем они себя идентифицируют. Когда американец, путешествующий за границей, замечает до неприличия пьяного соотечественника. на которого устремлены презрительные взгляды местных жителей, повторяющих: «Янки, убирайтесь домой!» — он начинает остро осознавать свою национальность, и ему становится стыдно.

Я-концепция имеет также временны́е характеристики. Поскольку люди живут во времени и способны обозревать свое поведение ретроспективно и перспективно, они могут организовывать и планировать серию действий, которая охватывает длительный период времени. Каждый приносит жертвы, чтобы достигнуть в будущем то, что он считает желательным. Человеческая жизнь имеет характер ряда эпизодов и событий, и они интегрируются в общую схему жизни — карьеру[10]. Чтобы понять кого-либо, человек должен знать кое-что из его

---

[10] См. Park, op. cit., pp. 274—276.

прошлого и учитывать его представления о будущем, которые, безусловно, влияют на поведение в настоящем. Именно с такой точки зрения каждый человек рассматривает самого себя.

Что *Я*-концепция расширяется далеко за пределы тела, ясно показывает тот факт, что люди интересуются событиями, которые имели место до их рождения или могут случиться после их смерти. Люди идентифицируют себя со своими предками и их славной историей; оскорбление прародителей вызывает отмщение, даже несмотря на то, что мертвые предки не могли почувствовать оскорбления. Человек, по-видимому, ничего не способен чувствовать после своей кончины, но многие люди отказывают себе во всякого рода удовольствиях, чтобы скопить достаточно денег на свои собственные похороны. Другие без устали трудятся, чтобы создать гигантские индустриальные империи и обеспечить доход для своих потомков. Третьих так пугает перспектива иметь праправнуков со смешанными физическими чертами, что они отчаянно борются против мирных междуэтнических контактов.

Особенно показательны заявления людей, которые полагают, что они близки к смерти. Даже те, кто не был религиозным, иногда задумываются о возможности жизни после смерти или перевоплощения. Многие не боятся смерти как уничтожения плоти, но часто обеспокоены тем, что же оставят после себя, что связано с ними самими: памятники, мемуары, последователей. Такие вопросы предполагают заботу о чем-то таком, что может быть определено и названо, но существует отдельно от обреченного на распад тела[11].

Поскольку карьера строится внутри символического окружения, то в различных культурах люди определяют себя во времени по-разному. В западном обществе существует тенденция ориентировать собственную жизнь на будущее; люди озабочены развитием их дела и совершают поступки, которые бы с благодарностью вспоминало потомство. Но в Китае — до коммунистической революции — ориентация была скорее на прошлое. Считалось, что человек несет в себе прошлое — существовал культ предков, — а наличие потомков

---

[11] См. Mary Austin, Experiences Facing Death, London, 1931; Helmut Gollwitzer, Kathe Kuhn, and Reinhold Schneider, eds., Dying We Live, New York, 1956.

рассматривалось как гарантия своего собственного будущего. У айвиликских эскимосов каждый человек рассматривается как проявление его тангника (tungnik), чего-то близкого «душе». Считается, что тангник способен оставлять тело, особенно по ночам, и пускаться в многочисленные приключения. Когда человек умирает, тангник оказывается навсегда отделенным от его тела. Впоследствии, однако, он проникает в тело новорожденного ребенка по приглашению членов семьи. Ребенок называется именем того, чье тело прежде было домом тангника. Два ребенка, родившиеся почти одновременно и получившие то же самое прославленное имя, могут быть вынуждены соревноваться, чтобы доказать, кто из них *на самом деле* является этим человеком. Смерть тела не считается неизбежным концом жизни; внешне по крайней мере смерть встречается со спокойной покорностью. У религиозных индусов личная определенность бесконечно расширяется во времени; поскольку душа подвергается постоянным перевоплощениям, перед каждым человеком целая вечность, а не какое-то ограниченное время жизни, чтобы определить свою судьбу[12]. Многие особенности человеческого поведения объясняются тем, что люди не просто удовлетворяют инстинктивные органические потребности, но пытаются также осуществлять или усиливать то, что связано с их *Я*-концепциями. Возвышенные идеалы, продолжительная ненависть, планы отмщения или страстное желание достигнуть высшего социального статуса — все это становится возможным только вследствие того, что люди не удовлетворяются своим представлением о себе.

Несоответствие между значением тела человека и его личной определенностью ярко показано Ференцем Молнаром в его знаменитой пьесе «Гвардеец». После 6 месяцев бурной семейной жизни венгерский актер начинает подозревать, что его жена становится неравнодушной к другим мужчинам. Чтобы испытать ее верность, он переодевается

---

[12] См. Edmund S. Carpenter, Etermal Life and Self-Definition among the Aivilik Eskimos, «American Journal of Psychiatry», CX (1954), 840—843; Marian W. Smith. Different Cultural Concepts of Past, Present, and Future: A Study of Ego Extension, «Psychiatry», XV (1952), 395—400.

в лихого офицера австрийской гвардии и пытается ее соблазнить. Многое вызывает у него двойные реакции — и радость и огорчение — всякий раз, когда она то уступает, то становится непреклонной. Как актер он гордится своим исполнением, но чем большего достигает как артист, тем сильнее страдает как муж. Почему, однако, возникает такое противоречие, хотя жена встречается только с одним и тем же телом? Случись в реальной жизни что-либо подобное, участники были бы равно несчастны. Если человек узнает, например, что кто-то другой был по ошибке принят за него и подвергся нападению, он теряет душевное равновесие, хотя тело его невредимо. Идентификация, следовательно, играет чрезвычайно важную роль в человеческой жизни.

Я-концепция как персонификация

Если *Я*-концепция развиваются более или менее независимо от тела, так что же они такое? Может быть, они утратили физическую субстанцию, как душа? Или они представляют собой картины, которые люди создают, оглядываясь на себя самих? Бихевиористский подход состоит в том, чтобы рассматривать *Я*-концепцию точно так же, как и другие значения. *Я*-концепция не есть ни организм, ни слепок с него, но система действий, направленных на самого себя. Другими словами. *Я-концепция — это способ поведения*, такой же, как речь или кашель, плавание или мышление. Все эти действия предполагают наличие живого организма, но не должны с ним отождествляться.

Значения суть системы поведения, способы, которыми человек действует в отношении к какому-то объекту. Значения — это прежде всего свойства поведения и только во-вторых свойства связанных с ним объектов. Однако, если речь идет о *Я*-концепциях, понятно, что человек является одновременно и субъектом и объектом своей собственной деятельности. Это и делает такую персонификацию значением особого рода. Поскольку один и тот же организм является и действующим лицом и объектом действия, любое

изменение в его склонности действовать вызывает изменение в субъекте, который тут же воспринимает себя как изменившийся объект. *Я*-концепция может рассматриваться как устойчивое взаимоотношение между человеком как действующим агентом и тем, как он постоянно ощущает самого себя. Концепция самого себя проявляется у человека в характерных способах, которыми он расположен действовать по отношению к самому себе.

Люди способны действовать в отношении самих себя точно так же, как они действуют по отношению к другим или как другие действуют по отношению с ним. *Я*-концепция может быть обнаружена путем изучения устойчивой ориентации человека к действиям в отношении самого себя. Точно так же, как некоторые люди агрессивны и подозрительны в столкновениях с другими, человек может быть враждебным и жестоким по отношению к самому себе. Его постоянно тревожит чувство виновности за действия и мысли, по общему мнению, вполне законные. Такие люди часто ощущают потребность в искуплении своих грехов, нередко пугая этим близких. Подобно тому как люди постоянно уступают требованиям других, человек может покоряться своим собственным импульсам и постоянно заниматься отпущением грехов самому себе. Он может ругать себя за недостаток «силы воли», но по-прежнему капитулировать перед каждой прихотью и капризом. Некоторые люди придают особое значение приспособлению к конвенциальным нормам и не способны принимать во внимание смягчающих обстоятельств. Они могут быть столь же непреклонны к себе, принуждая себя всегда делать то, что правильно. Характерный способ, которым каждый контролирует свои импульсы, зависит от таких устойчивых стилей действия по отношению к тому, что он определяет как свое *Я*.

Я-концепция человека есть, следовательно, то, ***что он значит для самого себя***. Как и другие значения, *Я*-концепция не может быть определена в связи с какой-либо частной реакцией. Последняя зависит прежде всего от требований данной конкретной ситуации. Значения же обнаруживаются лишь в ***шаблоне*** реакций, ибо, хотя каждая из них не похожа на другие, все они основываются на одних и тех же предположениях относительно устойчивых свойств объекта — самого себя.

В каждой ситуации человек формирует несколько отличный *Я*-образ и реагирует на него в соответствии с требованиями данной ситуации. Но постоянство в его поведении сохраняется потому, что все реакции основаны на одних и тех же предпосылках относительно того, какого рода человеческим существом он является. Он действует, *как если бы* он был определенным типом человека, характеризующимся определенным комплексом черт. Он действует на основе предпосылок, связанных с его физическими качествами, его социальным статусом и его идиосинкратическими чертами. Если человек думает, что он слабый, но утонченный, он избегает ситуаций, где, возможно, потребуется принять вызов, и предпочитает беседы в более тесном кругу, где может произвести наиболее благоприятное впечатление. Другой челочек, обладающий большей физической силой, может избегать как раз ситуаций второго типа, боясь унижения. Единая персонификация *Я* возникает посредством организации определенных реакций; благодаря существованию постоянного шаблона различные склонности складываются в единую систему. Связывание в единое целое переживаний индивида, возникновение чувства определенности происходит не за счет какой-то субстанции, а благодаря координированной структуре деятельности[13].

Когда *Я*-концепции закрепляются в привычку, возникает тенденция к самоподкреплению. Если человек считает себя очень сильным, он принимает такие вызовы, которых охотно избегают другие, и с каждым успехом персонификация усиливается. Напротив, человек, который считает себя слабым, болезненным, повышенно чувствителен к усталости. Однако приведись ему оказаться в ситуации, требующей больших напряжений, и он будет очень удивлен, убедившись, сколько сил в нем таится. Таким образом, персонификация не есть прямая копия реальности. Предположения, которые человек делает относительно себя самого, не обязательно должны быть точными; если они последовательны, его поведение будет также в значительной мере последовательным. Выбор альтернативных линий поведения, следовательно, имеет в своей основе организацию личности

---

[13] R i s i e r i F r o n d i z i , The Nature of the Self, New Haven, 1953, pp. 145—157, 173—188.

индивида; объективная ситуация просто дает возможность осуществить выбор.

Я-концепция каждого человека по необходимости уникальна, ибо каждый наделен различными физическими качествами и обладает особым прошлым опытом. Однако, несмотря на это разнообразие в содержании, есть некоторая система в том, как люди действуют по отношению к самим себе. Хотя может быть предложено много критериев, по которым отмечались бы различия, социальные психологи обычно выделяют пять основных измерений: степень интеграции, уровень осознания, стабильность, самооценка и степень согласия относительно данной персонификации.

Индивиды значительно различаются по тому, насколько их поведение организовано в устойчивые схемы. В нашем обществе каждый ведет более или менее сегментарную жизнь. Избитые примеры: человек, который на службе отличается крутым нравом, но послушен и кроток дома, или же атлет, который известен своей жестокостью на поле боя, но очень мягок и уступчив в отношениях со своей невестой. Такие люди в каждой ситуации формируют различные *Я*-образы, но обычно они не испытывают затруднений, интегрируя эти переживания в единую персонификацию: опытный промышленный магнат, который не понят дома, но стремится сохранить семью, или атлет, который является джентльменом. В плюралистическом обществе фрагментарность, видимо, в какой-то мере неизбежна, но люди значительно различаются по тому, насколько каждый может интегрировать свои действия. На одном полюсе стоит необычайно высокоинтегрированная личность, чьи роли настолько упорядочены в отношении к устойчивой системе ценностей, что она не способна поступать вопреки своему характеру. Ее жизнь характеризуется целеустремленностью, и поступки укладываются в единый шаблон. Но такой человек не способен понять того, что не укладывается в уже существующую схему, и часто оказывается плохо приспособленным, несчастным человеком. На другом полюсе находится диссоциированная личность, которой не только не удается интегрировать составляющие роли в общие рамки, но в каждой ситуации она выглядит почти совершенно другой. В данном случае отсутствует внутренняя последовательность поступков, и каждый сегмент сам по

себе может быть кристаллизован как целое. В известном смысле такой человек ведет несколько различных жизней. В некоторых случаях роли, которые не играются, могут даже выпадать из памяти, и возникают серьезные сомнения относительно личной определенности.

Другой критерий, по которому различаются *Я*-концепции, — это уровень осознания. Каждый нормальный человек более или менее сознает свои реакции по отношению к самому себе; однако существуют большие различия в легкости, с какой это происходит. Значения не обязательно должны быть осознаны; многое принимается как само собой разумеющееся. Кроме того, каждый человек подчас совершает действия, которые могут быть осознаны только с большим трудом. Юноша, который «проводит время» с девушкой, не очень ему симпатичной, может быть, в тайне опасается, что никакая другая не ответит взаимностью на его чувства. Человек из национального меньшинства, избегающий контактов с людьми других национальностей, может быть, боится, что его будут третировать как нижестоящего. Такие тенденции последовательны, но обычно они не осознаются: подобно многим другим болезненным склонностям, они подавляются. Человек может постоянно бросать себе вызов, пытаясь осуществить невыполнимое. Он может сохранять высокое мнение о себе самом и даже казаться самодовольным, но только после длительного лечения он осознает тот факт, что сам постоянно возводил перед собой барьеры.

Экспериментально доказано, что человеческие существа могут действовать по отношению к самим себе определенным образом, не осознавая этого. Хантли просил каждого из испытуемых написать собственный вариант воображаемой истории, причем учел почерк и другие особенности каждого. Спустя шесть месяцев этих же самых людей попросили оценить сочинения, причем они не знали, что сюда включены и их собственные. Материал преподносился так, чтобы постепенно возрастала возможность опознать собственное сочинение. Выяснилось, что пока авторство точно определить было невозможно, суждения были весьма пристрастны: каждый оценивал свою работу выше, чем другие. Суждения были наиболее благоприятны, когда происходило частичное узнавание: когда субъект догадывался о

собственном авторстве, но еще не был в этом уверен. Когда же такая уверенность возникала, по-видимому, пересиливало чувство скромности, и оценки становились менее пристрастными[14]. Таким образом, различные реакции на то, что отождествлялось с самим собою, могли происходить даже без сознательного узнавания.

Люди значительно отличаются друг от друга по способности замечать собственные недостатки. Одни совершенно искренне признают свои ошибки, другие, видимо, к этому не способны. Есть и такие, у кого сознательные оценки и замечания прямо противоречат тому, что они в действительности делают. Психоаналитики утверждают, что такое поведение представляет собой «реактивное образование» против импульсов, которые слишком болезненны, чтобы можно было примириться с ними. Существуют администраторы, которые делают все возможное, чтобы создать впечатление своей «демократичности», но постоянно манипулируют людьми и принуждают их к подчинению путем косвенного давления. Некоторые утверждают, что у них нет личного честолюбия, и в то же время делают все, чтобы занять более высокое положение *даже за счет других. Такие люди обычно не являются нечес*тными. Они действительно верят в то, что говорят, но на деле не способны заметить непоследовательности, которая очевидна даже для самых неискушенных. Просто некоторым людям крайне трудно следовать совету Полония о том, что человек должен быть всегда правдивым с самим собой.

Осознание состоит в том, что человек дает самому себе ряд определений. Поскольку в коммуникативном поведении существуют стилистические различия, уместно поставить вопрос: наблюдаются ли подобные стилистические вариации в том, как люди себя осознают? Исследователи, изучавшие речь и экспрессивные движения душевнобольных, утверждают, что то, как человек склонен воспринимать самого себя, отчасти зависит от его аффективной ориентации в отношении к окружению. Анализ речи истериков позволил обнаружить отчетливое выражение их эмоциональных склонностей и незначительный интерес

---

14 C. W. Huntly, Judgments of Self Based upon Records of Expressive Behavior, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XXXV (1940), 398—427. Ср. Wolff, op. cit., pp. 61—189.

к фактическим деталям. Они, по-видимому, воспринимают себя непосредственно, без помощи символов. Преследуемые навязчивой идеей говорят вяло и бесцветно, и кажется, что они рассматривают себя, как бы подвергая осмотру некий инородный объект, а параноики склонны относиться к себе как к пассивным исполнителям чужой воли[15]. Поскольку такие исследования только еще начались, не может быть и речи об окончательных выводах, но инициатива порождает надежды.

Люди также значительно различаются между собой по подвижности и гибкости их *Я*-концепций. Одни настолько не уверены в том, что они собой представляют, во что им следует верить, каковы их права и т. п., что они охотно изменяются каждый раз, подчиняясь требованиям любой ситуации, в которой окажутся. Другую крайность представляют люди, которые настолько косны, что не могут измениться даже тогда, когда совершенно очевидна неуместность их поведения. При необходимости они могут внешне приспособиться, но продолжают рассматривать себя в прежнем свете[16]. Большинство людей находятся где-то между этими крайностями, пересматривая свои *Я*-концепции, когда это необходимо, но сохраняя достаточное постоянство.

Поскольку все объекты, с которыми человек продолжительное время имеет дело, раньше или позже оцениваются, нет ничего удивительного в том, что каждый человек дает своего рода оценку и самому себе. Для большинства людей то, что персонифицировано как *Я*, становится объектом значительной ценности. Сохранение и повышение ценности своего *Я* оказывается одной из основных жизненных потребностей. Но есть люди, которые относятся к себе пренебрежительно. То, как человек оценивает самого себя, может быть определено как его ***уровень собственного достоинства***. Считается, что это свойство варьирует по одномерной шкале. Это, конечно, грубое упрощение, и данная точка зрения принимается лишь из-за отсутствия более определенного знания. Есть люди, которых постоянно мучает чувство собственной неполноценности, иногда настолько острое, что оно их демобилизует. Если человек считает себя недостойным, вряд

---

15 Lorenz, op. cit.

16 См. T. W. Adorno, et al., The Authoritarian Personality, New York, 1950, pp. 461—464.

ли он приложит какие-то усилия, чтобы чего-то достигнуть; скорее он будет склонен к самооправдыванию. На другом полюсе находятся те, кто вполне доволен собою. Что бы они ни делали, они уверены, что все это хорошо. Они не выражают сомнений в своей ценности и, видимо, считают, что другие согласны с их восторженной самооценкой.

Как и другие значения, *Я*-концепции в разной степени могут поддерживаться взглядами других людей. Крайности располагаются от высшей степени согласия, которое достигается в отношении тех, чья позиция в обществе хорошо определена и кто эффективно исполняет свои роли (например, уважаемый в общине священник), до фактического отсутствия поддержки (пациент у психиатра, утверждающий, что он Иисус Христос). Обычно существует значительное согласие в отношении одних аспектов и разногласия относительно других. Если женщина утверждает, что она женского пола, найдутся немногие, кто будет это оспаривать, однако ее заявление, будто она настолько внимательна к другим, что всегда ставит их благополучие выше своего собственного, может вызвать сомнения. Большинство людей лелеет по крайней мере несколько представлений о самих себе, которые не разделяются окружающими, но существующая область согласия обычно обеспечивает беспрепятственную координацию совместной деятельности.

Итак, некоторые представления относительно самого себя, которые человек — сознает он их или нет — принимает как нечто само собой разумеющееся, организуются в систему. Это единство делает его поведение последовательным. В результате знакомые люди без большого труда предвидят его реакции, и именно благодаря этому открывается возможность координации действий. Концепция человека относительно самого себя — это шаблон поведения, которому принадлежит важная роль в построении многих других сложных форм деятельности.

Как и в случае с другими значениями, *Я*-концепция представляется символами, и наиболее важным из этих символов является имя человека. Символ, которым человек себя определяет, так тесно ассоциируется с его Я-концепцией, что люди нередко смешивают имя с его обладателем: они реагируют на него так, словно это сам живой человек. Когда чье-то имя неправильно произносится, забывается или смешивается с другим, обладатель его чувствует себя оскорбленным. Исследования

показали, что даже те, кто скрывается от полиции, обычно не порывают полностью со своим настоящим именем. В большинстве случаев сохраняется или основа фамилии, или те же самые инициалы, или и то и другое. Обнаружилось даже значительное совпадение в долготе слогов[17]. По-видимому, у человека возникает конфликт между желанием избежать узнавания и боязнью утратить чувство определенности.

Многие человеческие «странности» станут понятны, если учесть, что лицо человека и некоторые из его физических особенностей также служат символами его *Я*-концепции. Высокоиндивидуализированные черты лица делают его легким для узнавания. Всякий раз, когда человек совершает что-то особенное и хочет запомнить этот случай, он делает фотографию, на которой хорошо видна его физиономия. Даже когда молодая женщина побеждает на конкурсе красоты благодаря форме ее ног и торса, она будет обеспокоена, если в кадр, который появился на следующий день в газете, не попадает ее лицо. Задержанный преступник старается отвернуться, когда на него нацеливается корреспондент кинохроники. Итак, части тела, которые играют роль в формировании *Я*-концепции, могут быть ее символами.

Понимание важности *Я*-концепций в организации поведения вызвало к жизни многие методики для их обнаружения и измерения. Ширер одна из первых построила шкалу, которая позволяет различать людей в зависимости от того, кому (себе или другим) они приписывают ответственность за собственную судьбу, как оценивают они себя и других людей и как это связано с их философией жизни. Были сделаны попытки упростить шкалу Ширер и предложены различные другие методы[18]. Особое место среди таких процедур

---

[17] A. A. Hartman, Criminal Aliases: A Psychological Study, «Journal of Psychology», XXXII (1951), 49—56.

[18] Elizabeth T. Sheerer, An Analysis of the Relationship between Acceptance of and Respect for Selff and Acceptance of and Respect for Others, «Journal of Consulting Psychology», XIII (1949), 169—175, Cp. John J. Brownfain, Stability of the Self-Concept as a Dimension of Personality, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLVII (1952), 597—606; Manford H. Kuhn and Thomas S. McPartlahd, An Empirical Investigation of Self-Attitudes, «American Sociological Review», XIX (1954), 68—76.

занимает Q-методика[19] и различные прожективные тесты, особенно Тест Тематической Апперцепции[20]. Как очевидно, однако, главная трудность состоит в том, что *Я*-концепцию нельзя наблюдать непосредственно, о ней можно лишь умозаключить, наблюдая поведение человека в различных ситуациях. Кроме того, исследователь не может просто принять то, что ему рассказывает испытуемый, даже когда последний честен и охотно сотрудничает с экспериментатором, ибо он сам часто не понимает, как относится к самому себе. Однако, поскольку на все эти проблемы направлено так много внимания, следует в ближайшем будущем ожидать развития более эффективных инструментов исследования.

Социальная матрица идентификации

У каждого человека создается представление о себе самом на основе двух типов сенсорных сигналов. Первый тип связан с тем, что он может воспринимать непосредственно, — свою речь, движения, мускульные сокращения, удовольствие или боль, которыми сопровождаются эти движения. Но не все такие переживания приписываются самому себе — многие проецируются на других людей. Это значит, что осязательные, тепловые, болевые и другие ощущения могут быть организованы в единое целое только после того, как человек в состоянии определить себя как отличное от других существо. Второй ряд сигналов — последовательные реакции людей — играет важную роль в создании такого единства.

Я-концепции, как и большинство других значений, формируются, уточняются и укрепляются день ото дня во взаимодействии людей друг с другом. По тому, как относятся к нему другие, человек может судить, к какому типу людей он принадлежит. Мнение каждого о своих способностях и физических данных, о том, каких поступков от него ожидают и т. д., возникает в процессе его участия в организованных

---

[19] William Stephenson, The Study of Behavior, Chicago, 1953.
[20] Adorno, et. al, op. cit., pp. 405—441, 489—600.

группах. Именно это позволило Ч. Кули описать человеческое чувство личной определенности как «зеркальное *Я*» (looking glass self). Концепция самого себя — это, по существу, отражение свойств человека такими, как они воспринимаются в обществе, членом которого он является. Он конструирует персонификацию на основании реакций, приписываемых другим людям. Если с человеком постоянно обращаются так, как будто он представляет собой нечто особенное, он начинает чувствовать себя необычным и отличающимся от других[21]. Что бы ни делали люди, все они очень чувствительны к реакциям других людей; они реагируют на любой сигнал, который мог бы послужить им ориентиром. Итак, *Я*-концепция развивается в социальном взаимодействии.

Дж. Мид утверждал, что каждый человек формирует *Я*-концепцию, оценивая свои субъективные переживания с коллективной точки зрения. Следовательно, то, как человек рассматривает самого себя, должно быть отражением того, что, ***по его мнению***, думают о нем другие, хотя совершенно не обязательно, чтобы они действительно так думали. Данное утверждение было подвергнуто проверке. Миямото и Дорнбуш разделили 195 людей на 10 групп и каждому испытуемому предложили: а) оценить себя самого, б) оценить каждого из других членов экспериментальной группы, в) определить, как его будут оценивать другие члены группы, г) определить, как люди в целом оценивают его. Оценка производилась по четырем критериям: умственные способности, самоуверенность, физическая привлекательность, обаятельность. Выяснилось, что средняя оценка личности другими (б), так же как средняя оценка, приписываемая другим (в), были выше у тех, у кого высокая самооценка (а). Особенно интересно, однако, что оценка, приписываемая другим (в), была ближе к самооценке (а), чем действительная оценка другими (б). Другой результат заключался в том, что обобщенная оценка (г) приблизительно равнялась самооценке (а) и была к ней ближе, чем оценки, приписываемые экспериментальной группе (в). Эти данные, безусловно, подтвердили теорию Мида. То, как человек оценивает самого себя, соответствует тому, как,

---

[21] Charles H. Cooley, Human Nature and the Social Order, New York, 1922, pp. 183—185.

по его мнению, о нем думают люди вообще, а также люди во временной группе, участником которой он является. То, что в действительности люди думают о нем, оказывается несколько отличным[22].

Мид утверждал далее, что люди могут формировать определенные представления о себе прежде всего благодаря символической коммуникации. Все ощущения переплетаются друг с другом, и человек может биполяризовать свое поле восприятия только тогда, когда он способен расчленить свои переживания на отдельные единицы. Манипулирование такими единицами в воображении значительно облегчается подстановкой лингвистических символов. Это значит, что персонификация значительно ограничивается символами, которые позволяют человеку описывать и упорядочивать свой опыт. Ряд трудностей в описании *Я*-концепций возникает из-за того, что многие нюансы человеческих переживаний не могут быть описаны и определены адекватным образом. *Я*-концепции создаются, следовательно, путем реконструкции опыта на основе лингвистических категорий, имеющихся в распоряжении группы.

Это предположение частично может быть проверено изучением лиц, не способных адекватно пользоваться символами. Исследование показало, что люди, страдающие афазией, испытывают большие затруднения в выделении себя из окружающего мира. Ретроспективные отчеты пациентов, которые выздоровели после шизофрении, также говорят о том, что, когда утрачивается способность пользоваться символами, границы между человеком и его окружением стираются или вовсе исчезают[23]. Что восприятие собственного тела зависит от лингвистических определений, показывают эксперименты по гипнотической возрастной регрессии. Взрослые люди, которым гипнотизер внушил, что они еще маленькие дети, воспринимают свое тело очень небольшим по размеру. Когда же, однако, субъекту, находящемуся в этом состоянии,

---

[22] S. Frank Miyamoto and Sanford Dornbush, A Test of Interactionist Hypotheses of Self-Conception, «American Journal of Sociology», LXI (1956), 399—403. Cp. Mead, Mind, Self, and Society, op. cit., pp. 144—164.

[23] Goldstein and Scheerer, op. cit.; Sechehaye, op. cit.

приказывают оттолкнуть в сторону своего отца, он обнаруживает, что такая задача требует иной схемы тела и большей силы, и тогда тело воспринимается вдруг как увеличившееся[24]. Итак, то, что воспринимается как сам человек, не только организуется посредством лингвистических символов, но может даже изменяться благодаря им.

Я-концепция является частью символической среды человека. Так же как существуют различные представления о природе Вселенной, в разных культурах существуют различные представления и о человеческой природе. Индейцы винту в Калифорнии, например, рассматривают себя не как четко ограниченные и вполне определенные тела, но как сгущения, которые постепенно исчезают и переходят в другие объекты. Неодинаковы и предположения относительно мотивации. В нашем обществе считается, что люди гедонистичны и эгоцентричны, причем даже альтруизм понимается как просвещенный эгоизм; но существуют религиозные группы, в которых такие взгляды рассматриваются как нереалистические. Представления такого рода особенно важны, поскольку именно от них зависит многое из того, что делают люди[25].

Развитие *Я*-концепций значительно облегчается в тех социальных мирах, где хорошо установлена система статусов: здесь каждый знает, каких шаблонов поведения и личностных черт требует то или иное положение. Доктору или священнику подобает оставаться в охваченном эпидемией городе, и солдату не пристало убегать с поля боя. Честь человека — это модель, которой он придерживается, поскольку занимает данное положение. Требования, которые он предъявляет к себе, подкрепляются экспектациями других людей. Проинтервьюировав свыше ста служащих в различных бюрократических организациях, Коутс и Пеллегрин обнаружили, что большинство администраторов представляли самих себя именно так, как обычно харак-

---

[24] Edith Klemperer, Changes of the Body Image in Hypnoanalysis, «Journal of Clinical and Experimental Hypnosis», II (1954), 157—162.

[25] Dorothy Lee, Freedom and Culture, Englewood Cliffs, N. J., 1959, pp. 131—140; Ср. A. Irving Hallowell, Culture and Experience, Philadelphia, 1955, pp. 75—110.

теризуется эта категория. Они описывали себя как людей, которые заинтересованы в достижениях предприятия и горячо их желают, сочувствуют взглядам руководства, решительны, обладают организаторскими способностями и реалистической ориентацией. Инспектора также приписывали эти черты своим начальникам и считали их основанием, в силу которого администраторы пользовались властью[26].

Каждый человек включен в сеть социальных взаимоотношений. Благодаря тому, что он есть тот, кто он есть, человек ожидает, что другие будут обращаться с ним определенным образом. Когда негр посещает запретное для него место, он ожидает враждебных реакций со стороны по крайней мере некоторых из присутствующих; если же его встречают радушно, он удивляется и может даже заподозрить что-то неладное. Точно так же, приближаясь к незнакомой женщине, чтобы спросить дорогу, мужчина готов к весьма холодному обращению, но он ожидает какого-то рода взаимности, когда обнимает собственную жену. Следовательно, чувство определенности каждого человека подвергается постоянным испытаниям в социальном взаимодействии. *Я*-концепция подтверждается, если другие люди поступают согласно его ожиданиям.

Если с человеком обращаются как с нижестоящим, он часто приходит к представлению о себе как о низшем существе и его поведение может стать инфантильным. Нередко в воинских соединениях офицеры жалуются, что их подчиненные совершенно беспомощны и не способны принять на себя никакой ответственности; но ведь во многих армиях унтер-офицеры и рядовые с первых дней службы подвергаются такому обращению, как будто они совершенно не способны к инициативе и разумным суждениям. Подобно этому, в некоторых колледжах, где за студентами постоянно следят и регламентируют их так, как если бы они были малолетними преступниками, руководители удивляются, что система чести и ответственного самоуправления не действует. Во времена инквизиции и в другие периоды, когда подо-

---

[26] Charles H. Coates and Roland J. Pellegrin, Executives and Supervisors: Contrasting Self-Conceptions and Conceptions of Each Other, «American Sociological Review», XXII (1957), 217—220.

зреваемые в религиозных ересях преследовались и подвергались гонениям, некоторые из обвиняемых сами признавались в том, что они были колдунами. Они начинали искренне верить в свою виновность и соглашались со смертным приговором, выносимым судом. Стремясь искупить свои греховные поступки, они впутывали в дело некоторых своих друзей, которые были совершенно невиновны. Не приходится удивляться, следовательно, что и в более близкое к нам время политические узники, оказавшись перед лицом столь же нелепых обвинений, добровольно признавали свою вину. Поскольку некоторые из этих людей настаивали на своих признаниях даже тогда, когда появлялась благоприятная возможность отречься от них, может быть сделан вывод, что они действительно были убеждены в своей вине. Некоторые исследователи техники «промывания мозгов» отмечали, что такие люди пересматривали свое определение самих себя в ответ на последовательное обращение, которое они видели со стороны всех, с кем вступали в контакт после ареста. Даже собратья по заключению участвовали, по-видимому, в изменении картины мира обвиняемого[27]

Взаимоотношение между *Я*-концепций и социальным статусом обнаруживается в чувствительности некоторых людей к символам статуса. Так, молодой врач старается, чтобы стетоскоп торчал из его кармана, подчеркивая тем самым свое отличие от лаборанта или техника. В нашем обществе статус определяется в основном тем, каков род занятий главы семейства. Когда обслуживающий путешественников моряк заявляет, что он занимается «посреднической работой», или когда уборщик называет себя «хранителем», такое увиливание от явного ярлыка показывает, что люди весьма чувствительны к тому, как их оценят в связи с их работой[28].

Всякий раз, когда меняется статус человека, реакции на него других людей, шаблоны его собственного поведения, его *Я*-концепция — все подвергается изменению. Блестящей

---

[27] См. Robert J. Lifton, Thought Reform of Western Civilians in Chinese Communist Prisons, «Psychiatry», XIX (1956), 173—195; Charles Mackay, Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds, Boston, 1932, pp. 462—564.

[28] См. Hughes,, op. cit., pp. 42—55.

иллюстрацией может служить рассказ Лауры Гобсон «Джентльменское соглашение». Писатель не еврей сообщает своим коллегам, что он еврей, и поражается, как меняется к нему отношение. Хотя он всю жизнь имел друзей евреев, он впервые начинает понимать, что значит на самом деле быть евреем. Когда человек получает новую работу, которая рангом выше прежней, он может быть вначале ошеломлен тем, как изменилось к нему отношение окружающих; вскоре, однако, он начинает к этому привыкать, и наконец у него выкристаллизовываются новые методы обращения с самим собой. Различие между теми, кто приобрел определенный статус, и теми, кто этого не достиг, обнаружилось в исследовании Блау. Каждому из 468 лиц старше шестидесяти лет было предложено охарактеризовать самого себя. 60 процентов ответили, что они «люди среднего возраста», и 38 процентов заявили, что они «пожилые» или «старики». Анализ показал, что более молодыми определяли себя те, кто поддерживал устойчивый контакт с людьми своего возраста. Когда же человек принимает статус «отставника», он изменяет свое поведение и персонифицирует себя как вступивший в заключительную фазу жизни[29].

В процессе своей жизни каждый человек играет несколько конвенциальных ролей, а в плюралистических обществах, таких, как наше, на его долю могут выпасть и внутренне несовместимые роли. До известной степени, следовательно, каждый человек действует как-то иначе в каждой ситуации, и всякий раз у него возникают различные *Я*-образы. Как же, спрашивается, в таких случаях формируется единая *Я*-концепция? Предпосылками служит отчасти непрерывность его опыта, а отчасти тот факт, что он смотрит на себя, выходя за пределы частных точек зрения всех групп, в которые он был вовлечен. Большинство людей имеет более или менее интегрированную систему взглядов, в которой объединяются различные усвоенные ранее значения. Такая система взглядов становится все более и более содержательной по мере того, как человек участвует во все большем числе групп. Оценки

---

[29] Zena S. Blau, Changes in Status and Age Identification, «American Sociological Review», XXI (1956), 198—203.

самого себя с точки зрения тех, с кем встречается человек дома, в школе, по соседству и на работе, постепенно интегрируются в единое целое.

Хотя, по-видимому, здесь действуют и другие переменные, степень интеграции *Я*-концепции человека в значительной мере зависит от интеграции социальной системы, в которой он участвует. *Я*-концепции — это значения, в которых соединились ожидаемые реакции других людей. В обществе, где нормы составляющих его групп взаимно не согласуются, любому участнику трудно интегрировать свои различные *Я*-образы в единое целое. Когда различия слишком велики, человек может страдать от внутренних конфликтов, и иногда это страдание оказывается столь сильно, что оно может привести к распаду личности.

Когда социологи утверждают, что человеческие существа не имеют определенности вне своих социальных групп, они не подразумевают, будто человек есть только субъективная копия социальной системы. Каждый индивид обладает своим личным опытом, воспринимает свой мир по-своему и развивается в своеобразную личность. Но его чувства не могут быть ни тонко дифференцированы, ни устойчивы без лингвистических символов, которые он усваивает как член определенного общества. Более того, социальная структура групп, в которые он оказывается вовлечен, позволяет ему определить себя и свое положение. Именно благодаря устойчивым реакциям других людей у него вырабатывается чувство своей определенности и его *Я*-концепция поддерживается и подкрепляется постоянством этих ожидаемых реакций.

Итоги и выводы

С каждым годом растет число исследователей человеческого поведения, признающих важность личной определенности. Все то, что делает или не делает человек, в очень большой степени обусловлено его концепцией самого себя. Каждый оказывается привязан к тому или иному шаблону коллективной жизни в зависимости от того, как он сам себя определяет. Поскольку он есть тот, кто он есть, он принимает соответствующие права и обязанности, получает определенный

статус в группе. Он знает свое место и узнается другими, и его взаимоотношения с каждым из этих других благодаря этому определенны. Свои импульсы люди обычно сдерживают во имя того, чтобы жить в соответствии со стандартами поведения, которые они сами для себя установили. Они постоянно реагируют на то, чем, как они полагают, они являются.

На первый взгляд может показаться, что основой концепции самого себя у человека является тело или же как он это тело воспринимает. Более тщательный анализ показывает, однако, что человек реагирует на различные объекты, далеко выходящие за границы собственного тела, как если бы они были частью его самого. Персонификация связана со свойствами организма, но она не должна с ним отождествляться. Говоря о *Я*-концепции, имеют в виду не некую субстанцию, ограниченную кожей, а комплекс форм поведения — систему организованных действий человека по отношению к самому себе. *Я*-концепции, следовательно, — это значения, которые формируются в процессе участия в совместных действиях. Сознательное поведение является не столько проявлением того, каков человек на самом деле, сколько результатом представлений человека о себе самом, сложившихся на основе последовательного обращения с ним окружающих.

Многие отличительные черты человеческого поведения обусловлены тем, что люди действуют в символическом окружении и стараются быть такими, какими, по их представлению, они должны быть. Люди с готовностью отдают свои жизни во имя множества достойных дел; они отказываются от многих радостей ради того, чтобы создать гигантские политические или экономические империи; они создают социальные барьеры, чтобы защитить свое потомство от браков с людьми иной расы; они вынашивают планы отмщения за обиду, давно нанесенную их предкам; они воздвигают монументы в честь самих себя; они торопят детей «создать себе имя»; влюбленные идут на самоубийство, когда им не разрешают вступить в брак; художники счастливы, работая для потомков, и совершенно безразличны к тому, что современники считают их сумасшедшими. Хотя люди принимают все эти действия как само собой разумеющуюся часть человеческой

жизни, ни одно другое животное не знает такого поведения. Невероятно, чтобы какое-либо существо, не обладающее *Я*-концепцией, делало подобные вещи. Человеческое поведение складывается из ряда приспособлений к жизненным условиям, но каждый человек должен прийти к соглашению с самим собой точно так же, как и с другими особенностями своего мира. Понять, что делают люди, мы сможем только тогда, когда узнаем, что значит для себя самого каждый человек.

Библиографический указатель

Angyal, Andrus, Foundations for a Science of Personality, New York, 1941.

Fisher, Seymour and Sidney E. Cleveland, Body Image and Personality, Princeton, 1958.

James, William, The Principles of Psychology, New York, 1890, Vol. I, pp. 291 — 401.

Mead, George H., Mind, Self, and Society, Chicago, 1934, pp. 135 — 273.

Sherif, Muzafer and Hadley Cantril, The Psychology of Ego-Involvements, New York, 1947.

Strauss, Anselm L., Nirrors and Masks, The Search for Identity, Glencoe, 1959.

ГЛАВА 8

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС В ЭТАЛОННЫХ ГРУППАХ

Некоторые шаблоны поведения, характерные для тех, кто достиг успеха в бизнесе, часто ставят людей из других социальных миров в тупик. Трудно понять, например, почему обладатели больших состояний идут на такие хитрости, чтобы избежать уплаты подоходного налога, если подчас они выбрасывают на ветер денег гораздо больше, чем должны внести в налоговое управление. Многими из бизнесменов движет вовсе не жадность; напротив, некоторые из них очень щедры. Более того, иногда они признают, что в действительности им и не нужны те деньги, за которые они ведут ежегодную борьбу с правительством. При этом они не чувствуют ни вины, ни угрызений совести. С их точки зрения, они действуют совершенно правильно, совершают вполне приличные и разумные поступки, и их коллеги признают это. Между собой бизнесмены жадно обсуждают различную тактику, используемую для того, чтобы уклониться от дополнительного налогообложения, и выражают горечь по поводу «вползающего социализма».

Эта иллюстрация говорит о том, что люди, живущие в одном и том же обществе, не только по-разному воспринимают свое окружение, но даже действуют перед различными аудиториями. При изучении мотивации, стало быть, следует учитывать этот факт.

Эталонные группы как картины мира

Каждый человек действует, исходя из своего собственного определения ситуации. Автомобилист, задержанный полицейским за чрезмерно высокую скорость, раздражен остановкой,

он «дуется» совсем как капризный ребенок, уличенный в дурном поведении. Если полицейский разговаривает грубо, он обижается и заявляет, что такой тон — совершенно не обязательное проявление власти. Ему не приходит в голову, что только полчаса назад тот же самый полицейский помогал грузить на машину тело мертвого ребенка — жертву аварии двух превысивших скорость автомобилей. Взаимное непонимание часто возникает потому, что, хотя ключевые объекты ситуации и обозначаются одними и теми же символами, они имеют различные для разных людей значения.

Вступая в совместное действие, человек с помощью категорий определяет его характер, свое место в нем и только затем делает вывод о своих обязанностях. Постоянство в определении различных ситуаций обеспечивается благодаря тому, что он обычно исходит из одной и той же системы взглядов, именно той, которую используют его коллеги. Раз он принял данную точку зрения, она становится его рабочей моделью мира, и он употребляет эту систему соотнесения для каждой ситуации, в которую вступает независимо от того, присутствует здесь или нет еще кто-либо из его группы.

Зависимость определения ситуации от принятой картины мира была доказана рядом экспериментов. Один из них связан со знаменитым футбольным матчем между Принстоном и Дартмутом 23 ноября 1951 г. Это была очень острая борьба, и на долю обеих команд выпало немало штрафных ударов. В конце первого тайма принстонская звезда, провозглашенная ранее гордостью Америки, вышла из игры со сломанным носом и сотрясением мозга, а в следующем тайме дартмутский игрок оставил поле из-за перелома ноги. Сразу же после игры пресса подняла шум о «грязном» футболе. Неделей позже выпускникам обоих университетов был роздан вопросник относительно игры. Все принстонцы оценили ее как «грубую и грязную»; десятая часть дартмутцев думала о ней как о «чистой и справедливой», треть судила как о «грубой, но справедливой», и остальные признали ее «грубой и грязной». Девять из десяти принстонских болельщиков утверждали, что дартмутские игроки применили нечестную тактику, но среди дартмутских болельщиков только одна треть признала свою собственную команду виновной. Когда перед

студентами продемонстрировали эту игру заснятой на кинопленку и попросили отметить нарушения правил, принстонские студенты отметили вдвое больше нарушений[1].

На первый взгляд кажется, что вряд ли возможно различное восприятие времени — оно движется неумолимо, возрастая в таких единицах, как часы и дни. Но в различных культурах время имеет разное значение. Точность в измерении времени относительно неважна для крестьянина, ибо он начинает работу вскоре после восхода и продолжает ее вплоть до захода солнца. Он собирает урожай, когда тот поспевает, и отдыхает, когда условия погоды делают работу невозможной. На другом полюсе находятся те, кто трудится на железных дорогах, где почти все измеряется на языке точного времени[2]. Такой контраст в несформулированных посылках о течении времени иногда приводит людей к заключению, что другие ленивы или без надобности суетливы.

К серьезному непониманию могут привести различия в значении такой категории, как «успех». На тех, кто не добился успеха, часто смотрят как на неудачников и жалеют несчастных. Но существует много различных представлений о том, каких целей стоит добиваться. В некоторых социальных мирах считается, что «победа прежде всего», а соображения приличий и честности в игре рассматриваются как роскошь для «идеалистов». В соревнованиях между колледжами, например, тренеры могут прибегнуть к допингу, вводя некоторым спортсменам амфетамин, чтобы обеспечить результаты, значительно превышающие обычные. Те, кто знает, какому большому давлению подвергаются тренеры и спортсмены, смотрят на такую практику с сожалением, но с пониманием. А другие ужасаются и отказываются понять, как можно ради выигрыша в соревновании рисковать здоровьем молодых людей. Точно так же в некоторых университетах люди приносят самих себя и свои семьи в жертву науке, всецело отдаваясь работе все 365 дней в году; однако

---

[1] Albert H., Hastorf and Hadley Cantril, They Saw a Game: A Case Study, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLIX (1954), 129—134.

[2] См. W. Fred Cottrell, The Railroader, Stanford, 1940; Hallowell, op. cit., pp. 216—235.

некоторые из их коллег спрашивают себя, действительно ли достижения, которых эти люди добьются, стоят той неупорядоченной жизни, какую они ведут[3].

Много серьезных недоразумений возникает из-за различий в определении некоторых ценностей, особенно критериев благопристойности, чистоплотности и поведения с лицами другого пола. В некоторых социальных мирах обнажение тела, отрыжка и т. п. принимаются просто как естественные стороны человеческой жизни, в других же такие поступки считаются непростительными и скрываются любой ценой. Человек может смеяться над теми, кто только и делает, что моется; последние, однако, в праве удивляться, как их сосед может выносить свое собственное зловоние. Во всех группах существуют нормы, касающиеся установленных правил полового поведения; это справедливо даже для таких групп, которые, как думают непосвященные, лишены всяких стандартов[4].

Поскольку каждая группа считает само собой разумеющимся, что ее собственные обычаи правильны и естественны, люди легко приходят к убеждению, что другие или непристойны, или неестественно сдержанны. Взаимоотношения полов, обычно принятые большинством американцев и европейцев, в Полинезии рассматриваются как комические, но те, кто исполнял там обязанности торговца или администратора, часто развлекали своих друзей, карикатурно имитируя туземные процедуры спаривания[5].

Люди различного культурного происхождения часто имеют разные представления о человеческой природе. В каждом согласованном мире объяснение человеческих поступков ограничено имеющимся в распоряжении словарем мотивов. Существует ограниченное число слов, которые используются, чтобы отнести к какой-то категории естественные склонности

---

3 См. Alvin W. Gouldner, Cosmopolitans and Locals: Toward an Analysis of Latent Social Roles, «Adminictrative Science Quarterly», II (1957—1958), 182—306, 444—480.

4 William F. Whyte, Slum Sex Code, «American Journal of Sociology», XLIX (1943), 24—31.

5 Bronislaw Malinowski, The Sexual Life of Savages, New York, 1941, pp. 337—339.

человека. Мотивы, которые не могут быть обозначены, очевидно, не могут быть приписаны другому или же открыто признаны самим собой. Кроме того, в каждом социальном мире существуют разделяемые всеми представления о том, какие намерения развиваются в каждой стандартизованной ситуации.

Когда мы сравниваем людей из различных социальных миров, становится ясно, что он придерживаются различных картин мира. Поскольку те, кто исходит из различных предпосылок, проектируют несходные гипотезы и избирательно реагируют на различные чувственные сигналы, идентичные ситуации воспринимаются по-разному. Выяснение этих расхождений весьма затруднительно, ибо в их основе лежат представления, которые считаются само собой разумеющимися и не обсуждаются. Каждое значение переплетается с тысячью других в одной организованной схеме. Опровержение любой основной предпосылки может привести к тому, что возникнут сомнения относительно всех других. Оспаривать такие основные представления — значит оспаривать человеческую ориентацию в жизни. Если человек принимал их всерьез, он может быть ошеломлен и сбит с толку, так и не узнав, что истинно и что ложно.

Поскольку восприятие избирательно, у тех, кто придерживается одной и той же картины мира, часто развивается то, что Веблен назвал «выдрессированной неспособностью» (trained incapacity) понять даже самые элементарные черты другой культуры. Много желчи и фарисейского негодования в речах политических деятелей всего мира возникает из-за того, что, воспитанные в различных системах предпосылок, противники просто не в состоянии понять друг друга. Это положение может быть проиллюстрировано еще лучше, если вспомнить полную сарказма полемику социальных психологов различных направлений. Большинство психиатров обучались в медицинских учебных заведениях, где предостерегают от всяких попыток объяснять поведение, не опираясь на биологию; для многих из них работы социологов и психологов не содержат ничего, кроме спекулятивной бессмыслицы. Некоторые психологи пугаются, когда социологи утверждают, что знание социальной структуры существенно для понимания человеческого поведения. Они утверждают, что группа является не чем иным, как агрегатом индивидов и что там

нечего изучать, кроме личностных компонентов индивидов. Антропологи и социологи рассматривают то, что люди делают, как проявление культурной или социальной системы в действии, и, хотя они вынуждены признать, что существуют индивидуальные различия в исполнении, они работают так, как если бы таких вариаций не было. Они поражаются, слушая психологов и психиатров, объясняющих поведение с точки зрения структуры личности без ссылки на социальную milieu*. Большинство ученых считает, что гораздо легче разговаривать с неспециалистом, чем с тем, кто прошел обучение в конкурирующей школе. После междисциплинарных конференций каждый уезжает, исполненный сожаления о других, «шоры на глазах» которых мешают им замечать столь очевидные вещи.

Утверждение о том, что человек думает, чувствует и видит мир с точки зрения специфической для группы, в которой он участвует, не ново; но для изучения современных массовых обществ в этой гипотезе важно то, что люди могут принимать картины тех групп, в которых они *не* признаются членами, иногда групп, в которых они никогда непосредственно не участвовали, и иногда даже таких групп, которых вообще не существует. Те, например, кто ищет возможности повысить свой статус, более чувствительны к мнению вышестоящей социальной группы, чем той, к которой сами принадлежат. Слуги и рабы иногда принимают стандарты своих господ, а подростки из района трущоб порой усваивают кодекс преступного мира, каким они узнали его из кинофильмов.

В обществах, для которых характерен культурный плюрализм, каждый может участвовать одновременно в нескольких социальных мирах. Поскольку культура есть продукт коммуникации, от каждого канала коммуникации, под воздействием которого он обычно находится, человек получает несколько иную картину мира. Именно это позволило Зиммелю утверждать, что каждый человек находится в том месте, которое образуется пересечением уникальной комбинации социальных кругов, частью каждого из которых он является[6]. Эта геометрическая аналогия весьма удачна, поскольку

---

* Среда (*франц.*).

[6] Georg Simmel, Conflict and the Web of Group-Affiliations, Glencoe, 1955, pp. 127—195.

она позволяет так же хорошо представить почти бесконечные перестановки, как и различные степени участия в каждой сфере. Чтобы понять любого конкретного человека, нужно, следовательно, составить картину его особого взгляда на мир.

Поскольку любая ситуация может быть определена с нескольких точек зрения, чтобы понять, что делает человек, следует установить предпосылки, с которых он начинает. Прежде всего нужно знать, что он считает само собой разумеющимся. Чтобы принять его роль и предвидеть, как он, вероятно, поступит, необходимо определить картину мира, на которую он опирается, социальный мир, участником которого он выступает в настоящем акте. Понятие *эталонной группы* (*reference group*) служит для обозначения ***такой группы, реальной или воображаемой, чья система взглядов используется действующим лицом как система эталонов***. Это создает какое-то представление о значениях, которые он проецирует на сцену. Не только различные люди могут подходить к одной и той же ситуации с различных точек зрения, но даже один и тот же человек в различных взаимодействиях может использовать разные картины мира. На хоккейном поле у него одна ориентация, а в классной комнате он участвует в совершенно ином социальном мире. Каждый человек действует перед определенной *аудиторией*, и весьма важно знать, что эта аудитория собой представляет и какого рода экспектации ей приписываются.

Эталонная группа придерживается ценностей, соотнесением с которыми человек оценивает свои собственные поступки; его линия действия, следовательно, зависит от реальных или от предполагаемых реакций других людей, перед которыми он выступает. Люди неодинаково реагируют на мнение каждого из присутствующих: закоренелые преступники хорошо сознают неодобрительное отношение большинства людей, но это их не особенно огорчает.

Для каждого человека существует столь же много эталонных групп, как и каналов коммуникации, в которых он принимает участие, но по степени участия индивиды значительно отличаются друг от друга. Каждый живет в окружении, центром которого является он сам, и размеры его эффективного окружения определяются направлением и дистанцией, с которой к нему поступают новости. Каждый раз,

когда человек входит в новый канал коммуникации — подписываясь на новое периодическое издание, входя в новый круг друзей или начиная регулярно слушать новую радиопрограмму, — он вступает в новый социальный мир. У людей, которые состоят в коммуникации, вырабатывается понимание вкусов, интересов и взглядов друг друга, и по мере того, как человек приобретает новые стандарты поведения, он прибавляет все больше людей к своей аудитории. Система взглядов каждого человека одновременно и формируется и ограничивается сетями коммуникаций, в которые он оказался включенным.

Люди обычно наиболее чувствительны к взглядам, приписываемым тем, с кем они состоят в прямом и постоянном общении, но эталонная группа может быть также и воображаемой. Художник, родившийся «раньше своего времени», ученый, работающий для «человечества», или филантроп, жертвующий для «будущих поколений», не рассчитывают на немедленное вознаграждение и иногда приносят невероятные жертвы, предполагая, что будут оценены какой-то будущей аудиторией, которая, вероятно, должна быть более разумной, чем современная. Они оценивают свои старания с точки зрения, приписываемой людям, которые еще не родились и, быть может, никогда не родятся. Другие же постоянно критикуют текущие события с точки зрения, приписываемой людям, давно умершим. Третьи отказываются от удовольствий в настоящей жизни, предполагая, что они будут вознаграждены после смерти. Тот факт, что для подобных эталонных групп нет материального основания, вовсе не делает их менее важными.

Иногда человек идентифицирует себя с такой категорией людей, которая настолько аморфна, что ее можно рассматривать почти как воображаемую группу. Примерами такой неясно определяемой аудитории, играющей важную роль в нашем обществе, могут служить общественное мнение и социальный класс. Политики, администраторы, рабочие лидеры, работники рекламы и даже диктаторы постоянно интересуются тем, что они называют «общественным мнением». Иногда даже бродяга может удержаться от какого-либо поступка на том основании, что «люди этого не простят». Но кто эти «люди»? Как человек устанавливает, чего же хотят эти «люди»?

Хотя обследования и голосование дают некоторый материал, определенного знания нельзя получить до тех пор, пока не возникли массовые реакции. Общественное мнение есть источник такого большого интереса именно потому, что ошибки в предположениях о том, что люди согласны вытерпеть, могут привести к гибельным последствиям — к демонстрациям и другим событиям, которые создадут угрозу для тех, кто занимает привилегированное положение, или же к заметному спаду в торговле определенным продуктом. Обычно те, кто заинтересован в общественном мнении, могут лишь строить догадки, и их предположения основываются на весьма ограниченных контактах. То же самое верно применительно к социальному классу. При изучении социальной стратификации в Англии, где классовые границы выражены более отчетливо, чем в США, Э. Ботт обнаружила, что люди сознают классовые различия, обладают классовым сознанием и действуют с точки зрения своего понимания собственных классовых интересов. Но их представления о классовой структуре часто смутны и развиваются в зависимости от того, как каждый из них лично воспринимает престиж и власть в своей повседневной жизни. Ботт сделала вывод, что социальный класс — это сконструированная эталонная группа, аудитория, на которую люди проецируют собственные экспектации и относительно которой они фактически не могут обладать точным знанием[7].

Действительно, люди начинают остро сознавать существование различий преимущественно тогда, когда ситуация уже предъявила им конфликтные требования. Эти противоречия иногда заставляют человека сделать выбор между двумя социальными мирами. Такой внутренний конфликт по существу оказывается борьбой между альтернативными способами определения данной ситуации, связанными с каждой из двух или более картин мира. Пример такой дилеммы был предложен Уильямом Джемсом: «Как человек, я жалею Вас, но, как должностное лицо, я не должен проявлять милосердия; как политик, я считаю его союзником, но, как моралист, я питаю

---

[7] Elizabeth Bott, The Concept of Class as a Reference Group, «Human Relations», VII (1954), 259—285. Ср. Kurt Riezler, What is Public Opinion?, «Social Research», XI (1944), 397—427.

к нему отвращение». При исполнении ролей в различных социальных мирах конкурирующим аудиториям приписываются противоположные экспектации, и иногда эти различия не позволяют достигнуть компромисса. Проблема лояльности возникает именно в таких ситуациях, где требуется альтернативное определение.

Существуют индивидуальные различия в том, насколько легко человек переходит от одной эталонной группы к другой. У некоторых людей доминирует единственная картина мира, и они настаивают на определении фактически всех ситуаций с данной точки зрения. Такие люди иногда не желают даже признавать существование иных точек зрения и утверждают, что каждый, кто с ними не согласен, неправ. Большинство людей обладают ограниченным числом картин мира, но, хотя испытывают неудобство в обществе тех, кто придерживается совсем иных взглядов, могут терпеть некоторые расхождения. Иные же держат «нос по ветру», то и дело изменяя свои взгляды, так что даже их близкие не уверены в их точке зрения. Некоторые могут разграничивать свою жизнь на независимые друг от друга единицы; другие, по-видимому, затрудняются это делать.

Последовательность сознательного поведения

Требования, которые приходится выполнять любому человеку, различаются от ситуации к ситуации; все же в большинстве случаев он действует достаточно последовательно. Нет двух ситуаций, которые были бы совершенно одинаковы, и все же существуют повторяющиеся черты, которые придают его поведению определенный характер. Отчасти эти устойчивые шаблоны являются проявлением его особого соматического склада и тех спонтанных склонностей, которые составляют его личность. Но в значительной степени последовательность сознательного поведения обусловлена тем, что у каждого человека сохраняется достаточно постоянная концепция самого себя.

Хотя *Я*-концепция формируется только благодаря участию в организованных группах, однако, после того как у человека

выкристаллизовалось чувство личной определенности, он в состоянии определять ситуации независимо от других. Тот, кто считает себя честным, уважающим законы гражданином, в любой ситуации устоит против соблазна взять чужое: он рассматривает воровство как нечто такое, что ниже его достоинства. Профессиональный вор ту же самую ситуацию определяет совершенно иначе. Для него объект составляет законную добычу; более того, если ценная вещь успешно украдена, его престиж среди других воров возрастает. Вор имеет иную *Я*-концепцию и выступает перед другой аудиторией.

В каждой ситуации, где имеется возможность сделать выбор, человек предварительно рассматривает альтернативы с той точки зрения, которая усвоена им благодаря участию в определенной группе. Вообще возможность сделать что-то такое, что запрещается, не всегда даже рассматривается. Стоит человеку, однако, поддаться соблазну, и он немедленно почувствует вину. Вина представляет собою обвинение себя самого с точки зрения своей эталонной группы. Постоянство в сознательном поведении возникает, следовательно, отчасти из-за того, что проектируемые линии действия обычно проверяются с одной и той же точки зрения.

Но отчасти постоянство возникает благодаря относительно устойчивой ориентации человека по отношению к самому себе. Многие люди, как бы ни были они озадачены, отказываются задать вопрос на большом собрании; они боятся показаться другим смешными. То, как человек склонен реагировать на самого себя, составляет один из краеугольных камней его личности. Если какой-нибудь человек привык к подчинению и склонен к самоунижению, он не только не задаст вопроса, но, возможно, не решится назначить девушке свидание даже тогда, когда она ясно намекнула на такую возможность. Он не сможет постоять за себя, если его вытолкнут из очереди в переполненном магазине. Таким образом, исключение, подавление или разобщение импульсов, которые не соответствуют выдвинутой индивидом *Я*-концепции, представляют собой другую основу для постоянства явного поведения.

Поведение человеческих существ, так же как и других живых организмов, — это последовательный ряд приспособлений к условиям жизни. Но человек воспринимает свое

окружение, так же как и самого себя, с точки зрения группы, в которой он участвует. Сверх того, каждый человек приносит много жертв, чтобы жить в соответствии с собственной оценкой самого себя. Итак, *приспособление включает в себя согласие с самим собою*. Люди обычно живут в соответствии с групповым стандартом, ибо последний является критерием, который они сами для себя установили.

У тех, кто не может приемлемо относиться к самому себе, возникают серьезные расстройства личности. Таковы так называемые «пискуны» в преступном мире, которые теряют душевное равновесие или даже совершают самоубийство, когда возникает небольшая опасность возмездия. Преступления, которые никогда не были бы разгаданы, иногда раскрываются потому, что преступник неожиданно признается. Почти всегда такие люди испытывают чувство облегчения после длительного периода внутреннего беспокойства. Они не могут больше хранить секрет, обманывая окружающих и выдавая себя за кого-то иного.

Что поведение базируется скорее на том, как человек себя персонифицирует, чем на соматической основе, подтверждается многими наблюдениями. В Соединенных Штатах есть негры, которые имеют так много сходства с кавказоидами, что легко могли бы сойти за общую популяцию. Но пока такие люди сами считают себя неграми, они живут в соответствии с обязанностями национального меньшинства, даже когда посторонние не могут уловить различий. Биологически они не являются негроидами, но они испытывают чувство вины всякий раз, когда получают преимущества в результате «ошибочного» определения. Точно так же, если человек, который всегда считал себя белым, обнаруживает, что он произошел от смешанных предков, он начинает очень огорчаться по поводу своей негритянской крови и иногда даже чувствует необходимость изменить поведение. Такие внутренние конфликты обусловлены не генетикой, а ложными представлениями о наследственности[8].

Особый интерес представляют исследования эротических интересов личностей, пол которых трудно установить.

---

[8] См. Georgene Seward, ed., Clinical Studies in Culture Conflict, NewYork, 1958.

Изучение гермафродитов показало, что у 87% из тех, кто был воспитан как мужчина, устанавливаются гетеросексуальные влечения к женщинам; остальные, по-видимому, не интересуются эротическими объектами. Из тех, кто воспитан как женщина, 73% испытывали влечение к мужчинам, 11% — к женщинам, 7% — бисексуальны и 9%, видимо, не испытывали сексуальных влечений вообще. Люди включались в исполнение ролей того пола, в котором они были воспитаны родителями. Те, кто воспитывались как мужчины, научились думать на языке мужчин, приобрели характерные мужские интересы и навыки и в качестве эротических объектов выбирали женщин[9].

Взаимоотношения между шаблонами поведения и *Я*-концепциями выявились также при изучении поведения шестиклассников в районе со сравнительно высокой преступностью. Учителям было предложено выбрать мальчиков, у которых в будущем, видимо, не будет неприятностей с полицией, и тех, кто, по их мнению, в будущем, вероятно, попадает в беду. Короче говоря, 125 мальчиков были обозначены, как «хорошие» и 108 как «плохие». Детям предлагались 4 теста, и, кроме того, сведения о поведении каждого собирались из других источников. Контраст оказался поразительным[10]. Что произойдет с этими мальчиками, покажет будущее, но ясно, что их *Я*-концепции уже кристаллизовались и их поведение дома, в школе и на глазах гражданской администрации было весьма последовательным.

Поскольку символы столь часто смешиваются со значениями, которые они представляют, не приходится удивляться, что некоторые люди чувствуют себя обязанными придерживаться тех образцов поведения, которые подсказываются их именем. Девочка, которую назвали Ginger*, может чувствовать себя вынужденной проявлять радость и энергию

---

[9] Albert Ellis, The Sexual Psychology of Human Hermaphrodites, «Psychosomatic Medicine», VII (1945), 108—125.

[10] Walter C. Reckless et. al., Self Concept as an Insulator against Delinquency, «American Sociological Review», XXI (1956), 744—746; The Self Component in Potential Delinquency and Potential non-Delinquency, ibid, XXII (1957), 566—570.

* Огонек, воодушевление (*англ.*).

даже тогда, когда этого не испытывает в действительности. Среди племени ашанти в Западной Африке широко распространено мнение, будто тот или иной тип личности определяется тем, в какой день недели человек родился. Поскольку ребенок получает имя в зависимости от дня своего рождения, должна быть известная связь между его именем и поведением. Мальчики, появившиеся на свет в понедельник, именуются Квадо (Kwadwo), и ожидается, что они будут тихими, замкнутыми и мирными. Те же, которые родились в среду, называются Кваку (Kwaku), и ожидается, что они будут живого темперамента, агрессивные и беспокойные. Что преступники рождаются по средам, является традиционным убеждением. Проверка полицейских отчетов с 1948 по 1951 год показала, что уровень преступности очень низок среди мальчиков, родившихся в понедельник. Когда все формы преступности рассматривались вместе, показатели для тех, кто родился в среду, были не настолько высоки, как ожидалось. Когда же было проведено уточнение и учитывались только насилия и преступления против личности, различия оказались чрезвычайно высокими[11]. Эти факты свидетельствуют о том, что имена могут символизировать типы поведения и что некоторые люди прилагают усилия, чтобы жить в соответствии с такими экспектациями.

Взаимоотношение между *Я*-концепцией и поведением становится особенно рельефным в жизни людей, которые оказываются в совершенно иной культуре. Некоторые могут прожить в чужой стране полстолетия без какого-либо изменения шаблонов поведения. Они, по-видимому, никогда не прекращают рассматривать себя с точки зрения их родной общины[12]. Это справедливо для большинства миссионеров, антропологов и торговцев, которые покинули свою страну главным образом ради работы. С другой стороны, те, кто приехал с намерением начать новую жизнь, нередко отказываются от привычек, которые они высоко ценили в прошлом, чтобы лучше приспособиться к обычаям новой родины. Ни

[11] G. Jahoda, A Note on Ashanti Names and Their Relations to Personality, «British Journal of Psychology», XLV (1954), 192—195.

[12] См. Paul C. P. Siu, The Sojourner, «American Journal of Sociology», LVIII (1952), 34—44.

в одном случае не происходит резких изменений в органическом складе человека; возникнут или нет новые шаблоны поведения, зависит от того, в какой степени изменятся *Я*-концепции.

Существуют другие ситуации, где шаблоны поведения трансформируются вслед за изменениями *Я*-концепции. Человек, страдающий от чувства неполноценности, может получить руку прекрасной девушки или добиться выдающихся успехов в работе. Поскольку изменится отношение к нему окружающих, могут измениться и некоторые из его привычек. Случаи поразительных превращений обнаружены при изучении чукчей: некоторые шаманы убедили себя в том, что они — существа противоположного пола. Когда в ответ на «призыв духов» юноша начинает превращаться в «нежное существо», первоначально он подражает женщине только в манере заплетать и укладывать волосы. Затем он осваивает женскую одежду. В конце концов он отказывается от всех мужских занятий и манер и, соответственно, принимает женские. Он начинает легко пользоваться иглой и скребком для шкур, поскольку «духи» помогают ему. Трансформируется даже его речь. И хотя внешне тело его не изменяется, он теряет свою силу, ловкость и выносливость и приобретает вместо этого традиционную беспомощность женщины. Он утрачивает прежнюю храбрость и боевой дух, становится стеснительным при посторонних и нежно баюкает маленьких детей[13].

Изучая более систематически взаимоотношения между *Я*-концепцией и поведением, Бенжаменс просил каждого испытуемого из группы студентов высшей школы оценить самого себя по умственным способностям и четырем другим критериям, а затем провел тест на интеллектуальность. Потом он объявил заведомо неверные результаты испытания и снова просил каждого оценить себя. После этого он провел тот же самый тест в другой форме, добавив вопросы, позволяющие выяснить, принял ли испытуемый неверную или сохранил прежнюю оценку своих способностей. Основываясь на факте изменения самооценки, он попытался предсказать для каждого, будет ли второй результат лучше, чем первая попытка, и

[13] Vladimir G. Bogoras, The Chuckchee, «Memoirs of the American Museum of Natural History», XI (1907), 448—457.

оказался прав в 74% случаев[14]. Изменение результатов отражает изменения в том, что человек значил для самого себя.

Даже появление новых шаблонов поведения, явившееся на первый взгляд результатом мозговой операции, оказывается связанным с изменением *Я*-концепции. Префронтальная лоботомия представляет собой хирургическое разрушение нервных путей, связывающих таламус с лобными долями. Операция эта резко осуждается, поскольку неудача превращает иногда пациента в беспомощное «растение». Если операция успешна, пациенты испытывают облегчение, однако во многих случаях наблюдалось резкое изменение поведения. После выздоровления пациенты не проявляли уважения к самим себе и становились безразличными к возможным неудачам. По-видимому, у них почти вовсе исчезало представление о времени; перенесшие операцию, казалось, жили в «бесконечном настоящем». Некоторые даже отрицали, что у них была операция, и настойчиво утверждали, что с ними не произошло никаких изменений. Многие не проявляли никакого интереса к самим себе как к особым людям; они казались отрешенными от самих себя. Было высказано предположение, что ощущение облегчения возникало от того, что пациенты освобождались от своих прошлых мучительных представлений о самих себе и поэтому находили настоящее более приемлемым. Чтобы проверить эту гипотезу, Робинсон попыталась измерить различия в ощущении собственной цельности у пациентов, подвергшихся лоботомии, в сравнении с группой людей, которые выздоровели от подобного психического расстройства без операции. В общем ее исследования подтвердили гипотезу; в самом деле, чем радикальнее операция, тем больше ослабляется ощущение цельности [15].

Столь же поучительно изучение последствий пластической хирургии. Внешний вид человека и особенно его лицо — это одно из оснований для самооценки. Люди с явными физичес-

---

[14] James Benjamins, Changes in Performance in Relation to Influences upon Self-Conceptualization, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLV (1950), 473—480.

[15] Mary F., Robinson and Walter Freeman, Psychosurgery and the Self, New York, 1954.

кими изъянами нередко считают себя уродами, ибо, куда бы они ни пошли, с ними обращаются не так, как со всеми другими; они постоянно ожидают негативных реакций — удивления, сожаления, смеха, отвержения и т. п. Считается, что такие люди становятся преступниками именно потому, что не могут примириться со своим уродством или физическими недостатками. В обществе, которое дошло до того, что выдает премию за внешность, как это делается в США, такое мнение кажется довольно обоснованным. Первое, что после пластической операции отмечают пациенты, — это изменение реакции окружающих, которые больше не останавливаются в испуге. Скоро излечившиеся перестают бояться встречных. Они узнают новые радости, начинают наряжаться и иногда становятся совершенно иными людьми. Но бывают и другие случаи. Видимо, успешная пластическая операция не ведет к изменению шаблонов поведения до тех пор, пока не наступит соответствующее изменение в *Я*-концепции [16].

Каждый человек способен к более или менее независимым действиям. И это делает поведение достаточно постоянным вопреки непрерывным изменениям внешних ситуаций. Человек ведет себя последовательно, пока остается относительно постоянной его *Я*-концепция. Конечно, независимое поведение иногда вызывает недовольство окружающих, и индивиды значительно различаются по тому, насколько они могут продолжать действовать так, как считают нужным, даже перед лицом оппозиции.

Сохранение социального статуса

Большинство значений, которые служат основой для объединенных действий, в известной мере опирается на согласие. То же самое можно сказать и о *Я*-концепции. Хотя представление человека о себе самом не является копией того, что он есть в действительности, оно не является также простым

[16] Frances C. MacGregor, et. al., Facial Deformities and Plastic Surgery, Springfield, 1953. Ср. Adolph A. Apton, Your Mind and Appearance, New York, 1951; Maxwell Maltz, Doctor Pygmalion, New York, 1953.

плодом его воображения. Подобно другим значениям, эти персонификации подвергаются проверке реальностью, становясь все более адекватными благодаря корректирующим реакциям других людей.

Каждый человек безнадежно запутан в сложной паутине социальных взаимоотношений, и его положение внутри социальной системы составляет его статус. Он определяет свое место внутри более крупного сообщества, относя себя к определенной категории, принимая связанные с этой позицией обязанности и ожидая, что другие признают его права. Таким образом, ***многое в поведении человека в некотором смысле направлено на то, чтобы сохранить или повысить свой социальный статус***. Независимо от того, как высоко положение человека в обществе, существуют обязанности, которые он должен выполнять, и права, которые он может предъявлять. Обязанности, в связи с которыми определяется данная позиция, могут рассматриваться как личные обязательства, и человек испытывает чувство персональной ответственности за выполнение этих требований.

Люди приносят большие жертвы, чтобы жить в соответствии с тем, что они считают обязанностями, вытекающими из их положения в жизни. Многие века — до тех пор, пока этот обычай не был уничтожен англичанами, — когда в Индии умирал мужчина, его жена присоединялась к нему на погребальном костре. Даже если женщина ненавидела своего мужа, она считала своим долгом умереть вместе с ним. Такое же чувство ответственности особенно свойственно тем представителям хорошо установившихся групп элиты, которых учили с детства, что они должны воздерживаться от слепых увлечений, подавлять свои вульгарные склонности, быть сдержанными в присутствии посторонних, строго соблюдать субординацию, уделять внимание общественным делам и делать щедрые вклады на благотворительные цели — и все это, чтобы подавлять других своим превосходством. Формула «Noblesse oblige» в более умеренной форме действует даже в обществах, которые не столь жестко стратифицированы. Изучение участия в различных добровольных ассоциациях показало, что лица свободных профессий, бизнесмены и служащие с высоким доходом

более активны, чем прочие. Эти люди в действительности желали участвовать в этих ассоциациях не сильнее, чем остальные, но многие из них считали своей обязанностью поступать таким образом [17].

Поскольку статус есть социальный процесс, позиция данного индивида в обществе может быть определена только на основе хорошо установленных взаимоотношений между ним и теми, кто занимает другие позиции. Отсюда следует, что для сохранения статуса нужно вести себя так, чтобы обеспечивать продолжение уже сложившихся взаимоотношений. Тогда человек и в будущем может ожидать того же самого обращения, которым пользовался в прошлом. Именно в этом смысле социологи говорят, что общество представляет собой совокупность взаимных прав и обязанностей [18].

Даже те, кому не удается построить жизнь в соответствии со своими обязанностями, предпринимают значительные усилия, чтобы избежать неблагоприятных реакций. Салливен подчеркивал, что тип беспокойства, называемый anxiety, возникает, когда существует опасность потерять поддержку других людей[19]. Вымогательство является доходным предприятием именно потому, что человек, который тайно занимался какими-то запрещенными делами, предпочитает уплатить большую сумму денег или принести другие жертвы ради того, чтобы сохранить свое положение в обществе. Предполагая, что уважение, которое ему обычно оказывали, прекратится, когда тот или иной проступок станет известен, виновный предпринимает шаги, чтобы гарантировать продолжение желаемого отношения. Самосохранение, следовательно, предполагает сохранение собственной репутации в глазах окружающих.

Хотя все люди приносят жертвы, чтобы сохранить свой статус, для большинства людей существует лишь ограниченное

---

[17] Emory J. Brown, The Self as Rellated to Formal Participation in Three Pennsylvania Rural Communities, «Rural Sociology», XVIII (1953), 313—320.

[18] См. Erving Goffman, The Nature of Deference and Demeanor, «American Anthropoligist», LVIII (1956), 473—502.

[19] Harry S. Sullivan, The Meaning of Anxiety in Psychiatry and in Life, «Psychiatry», XI (1948), 1—13; The Interpersonal Theory of Psychiatry, New York, 1953, pp. 8—12, 113—114, 300—304.

число других, чьи мнения считаются важными. В современном индустриальном обществе особенно важно установить в каждом случае, *чьи* реакции следует принимать в расчет. Те, кто принадлежит к группе элиты, не очень обеспокоены, если «крестьяне» не согласны с ними. Представители национальных меньшинств иногда нарушают свои групповые стандарты до тех пор, пока те, с кем они себя идентифицируют на основе общности предков, не появятся на сцене; тогда они внезапно ощущают настоятельную необходимость приспособиться. Люди избирательно восприимчивы преимущественно к реакциям тех, кто включается в их эталонную группу, ибо именно в их глазах они ищут поддержки своей позиции. *Я*-концепция постоянно подвергается проверке реальностью, и подкрепляющие реакции других обеспечивают ей необходимую поддержку.

Иерархия статусов в каждом социальном мире различна, и в обществах, подобных нашему, человеческое поведение становится особенно трудным для понимания. Именно потому, что существует так много эталонных групп и столько же различных линий карьеры, человек, достигший вершины успеха в одном социальном мире, может быть даже неизвестен в другом. Коллекционер может обладать экземплярами каждой марки, когда-либо изданной в данной стране, но его достижения будут оценены только другими филателистами. Область, внутри которой индивид имеет статус и внутри которой он пытается сделать карьеру, ограничена пределами эффективной коммуникации. Люди в каждом социальном мире стремятся к целям, какие трудно понять посторонним. Они годами отказываются от комфорта ради того, чтобы добиться целей, которые даже их друзья иногда не считают стоящими. Однако такой человек знает, что достаточно ему добиться успеха, как участники его социального мира оценят его усилия.

Символы достижений, которых люди добиваются и иногда гордо выставляют напоказ, также различаются от группы к группе. В определенных кругах очень важно посещать премьеры в опере, и даже те, кто не разбирается в музыке, жадно следят за событиями в музыкальном мире. В некоторых кругах молодежи решающее значение приобретает число свиданий, которые имела девушка с юношами желаемого

социального положения; личные качества этих юношей тут считаются второстепенными. Обладание немецким фотоаппаратом, швейцарскими часами, английским велосипедом или американской авторучкой имеет важное значение как признак вертикальной мобильности там, где как раз переживается индустриализация. Такие вещи стремятся покупать даже те, у кого не представляется случая их использовать. Для людей, чуждых этим социальным мирам, подобные символы бессмысленны. Многие удивляются, как может человек прилагать столько усилий, чтобы приобрести бесполезную вещь, носить неудобную одежду или встречаться с неприятными людьми.

Человек прежде всего чувствителен к суждениям тех, кто составляет его эталонную группу, кто разделяет его картину мира. Для подтверждения *Я*-концепции принимаются в расчет именно реакции тех, с кем человек сам себя идентифицирует. Каждый ищет признания в *своем* мире; он пытается поддержать приемлемую концепцию себя самого в глазах тех, с чьим мнением он считается. Польский крестьянин прошлого века, например, жил в мире, ограниченном околицей, — в общине, где индивид был достаточно хорошо известен, чтобы стать объектом пересудов, если он будет дурно себя вести[20]. В современном массовом обществе, разумеется, многие эталонные группы расширились в пространстве и времени и могут включать в себя большое число лиц совершенно незнакомых.

Все это не означает, будто люди совсем безразличны к публике вне их эталонных групп. Существует как бы градуированная шкала респонсивности. Одно присутствие другого человеческого существа, даже совершенно незнакомого, в какой-то мере вызывает изменение поведения. Кроме того, в большинстве случаев оказывается несколько категорий людей, которые могут по ходу действия включиться в него и чьи возможные реакции приходится принимать в расчет. Это не только непосредственные участники, но и публика, состоящая из людей, которым могут быть небезразличны последствия начавшихся действий и которые достаточно заинтересованы в результатах. Наблюдатели иногда вмешиваются, если ход

---

[20] Robert E. Park and Herbert A. Miller, Old World Traits Transplanted, New York, 1921, p. 145.

событий развивается в направлении, которое кажется им нежелательным[21]. Люди из непривилегированных групп обычно очень чувствительны к реакциям тех, кто занимает влиятельные позиции, ибо один поступок, производящий неблагоприятное впечатление, может плохо отразиться на целой группе. Поскольку судьбы людей в некоторых национальных меньшинствах тесно связаны между собой, каждый сознает тот факт, что другие члены группы наблюдают за ним, чтобы быть уверенными, что он не навлечет каким-либо образом беду на всех.

Картина становится еще более сложной, если учесть, что в плюралистических обществах обычно люди участвуют не только в одной эталонной группе. Человек, которого соседи считают большим специалистом, может быть незаметен среди сослуживцев. Жизнь, следовательно, имеет тенденцию разбиваться на какие-то отдельные отсеки, и играние ролей происходит в серии организованных ситуаций. Как только линия действия переносится в новую сферу, человек становится особо чувствительным к тем из других участников, с которыми он объединен в настоящее время. Происходит, следовательно, ряд перемещений аудитории.

Это вызывает дальнейшие трудности, с которыми приходится сталкиваться при анализе человеческого поведения, особенно в современных индустриальных обществах. Структура данного шаблона поведения может развиться в самых разнообразных ситуациях и иметь различное значение для разных действующих лиц. Поступки, которые внешне сходны, могут иметь под собой совершенно различную основу. Чтобы понять поступки человека, важно увидеть мир таким, как он сам его воспринимает.

Утверждение, что многое из того, что делают люди, они делают в стремлении поддержать или повысить свой статус, может быть в известной степени проверено наблюдением за изменениями в их поведении, когда меняется их статус в эталонной группе либо когда меняются сами эталонные группы. Особенно когда человек отказывается от одной группы и присоединяется к другой, которая требует его полной преданности — как в случае вступления в религиозную или

---

[21] См. John Dewey, The Public and Its Problems, New York, 1927.

политическую организацию, — он становится участником иного социального мира, рассматривает свое поведение в другом свете и формирует концепцию самого себя с новой точки зрения. Его явное поведение может измениться настолько резко, что даже родители и друзья с трудом будут его понимать.

Каждый человек действует перед какого-то рода аудиторией. Он пытается упрочить или повысить свой статус в какой-то эталонной группе, и его сознательное поведение трудно понять без определения этой группы. Каждый рассматривает свое окружение с особой точки зрения, обычно отражающей неповторимую комбинацию его эталонных групп; следовательно, его определение ситуации может существенно отличаться от определения другого человека, находящегося рядом с ним. Каждый должен чувствовать, что он делает что-то стоящее, но то, что рассматривается как имеющее смысл, изменяется в соответствии со стандартами суждений, которые он использует. Его эталонная группа может быть кликой или кружком интимных друзей; ее может составлять община; она может включать целый мир или даже все человечество, простираясь через тысячелетия и распространяясь на потомков. Таким образом, многое в сознательном поведении человека зависит от его концепции своего социального статуса, как он представляется с точки зрения его аудитории.

Интериоризация социального контроля

Нормальный взрослый человек может быть представлен как общество в миниатюре. Его личные взгляды на мир в значительной мере совпадают с картинами мира, принимаемыми другими в его эталонной группе; себя самого и то, что он склонен делать, он рассматривает с общей точки зрения. Таким образом, самоконтроль есть, в сущности, социальный контроль, которым каждый индивид ограничивает самого себя, оценивая свою намечающуюся линию поведения с точки зрения групповых норм, которые он принимает как свои собственные.

В отличие от многих других живых существ человек относительно свободен от своего непосредственного окружения. Благодаря воображению он не является рабом внешней стимуляции; он способен создавать субституциальный, замещающий мир, который существует во времени и в пространстве. Каждый человек обладает особой ориентацией в своей среде, но она организуется большей частью с помощью лингвистических символов, которым он научился в своей группе. Он воспринимает большинство объектов в терминах социальных категорий и не может постичь те чувственные сигналы, для восприятия которых не созданы предпосылки его эталонной группой. Даже его чувства классифицируются и обозначаются ярлыками, несмотря на тот факт, что эмоциональные реакции часто трудно дифференцировать. Воспоминания и предчувствия носят личный характер в том смысле, что они недоступны другим людям, но эти умственные процессы происходят в основном на языке общественных символов. Конечно, существуют индивидуальные различия в том, до какой степени взгляды человека социализированы; психотики, например, живут в совершенно особом мире.

Социальный процесс состоит из координированных деятельностей множества саморегулирующихся личностей, которые разделяют общую концепцию реальности. Самоконтроль может рассматриваться как интериоризация этого процесса, как появление в личном переживании каждого человека той части социальной структуры, в которой он участвует, — его конвенциальной роли. Контролирование самого себя есть часть непрерывного социального потока, ибо, поскольку каждый индивид заранее приспосабливается к ситуации, в которую он включен, и реагирует на нее, он делает возможными более сложные формы кооперации. Именно потому, что каждый участник включает в свою собственную картину мира экспектации других, он в состоянии предвидеть их реакции и приспосабливаться к ним заранее. Осуществление таких реакций на *Я*-образы со стороны всех участников в совместном действии — вот что создает человеческое общество[22].

---

[22] Mead, Mind, Self, and Society, op. cit., pp. 178—192.

Поскольку право индивидов преследовать свои личные интересы без препятствий со стороны властей есть ценность, которую заботливо лелеют в Соединенных Штатах, вполне понятно, что любой намек на «контроль» вызывает беспокойство. Однако, когда социологи говорят о социальном контроле, они никоим образом не выступают против свободы. В самом деле, отрицание социального контроля есть не свобода, а анархия. Свобода всегда связана с ответственностью. Люди могут быть свободны лишь постольку, поскольку каждый принимает обязанность поддерживать минимум стандартов равноправной ассоциации. Если бы каждый человек преследовал свои личные интересы без ограничений, вряд ли получилась бы кооперация, скорее любое общество превратилось бы в джунгли. Каждый человек контролирует свои импульсы в соответствии с групповыми нормами; и именно потому, что существует организованное общество, он обладает определенными возможностями, которыми и пользуется, чтобы сделать выбор.

Хотя общество часто рассматривается как сдерживающее начало и иногда даже как зло, ответственное за психические расстройства, чем более социализированным становится человек, тем больше возможностей открывается перед ним, чтобы произвести выбор. Любой импульс, не контролируемый каким-либо образом, — будь то жажда знаний, престижа, власти, любви или здоровья — может стать тираном. В той степени, в какой человек порабощается любым из своих импульсов, он утрачивает свободу. Не зная каких-либо ограничений, он не имеет возможности произвести выбор. Те, кто постоянно оправдывает и прощает себя, часто становятся беспомощными, как если бы они были жертвой каких-то внешних сил.

Как ни парадоксально это звучит, человек полнее всего ощущает свободу, когда его внутренняя дисциплина наиболее развита. Тогда он убежден, что он ответственный субъект, что он решает собственным умом и делает то, что хочет[23]. Раз индивид принял ценности, разделяемые в его группе, они больше не противостоят ему как некие ограничители.

---

[23] См. Emile Durkheim, Sociology and Philosophy; Glencoe, 1953.

В некоторых авангардистских кругах модно критиковать «приспособленчество» средних классов, утверждая, что творчество может иметь место только в обстановке, когда поощряется индивидуализм. Хотя верно, что самобытным людям порой трудно бывает завоевать признание, такие жалобы часто исходят от людей, которые лишь добиваются статуса в особой эталонной группе. Те, кто очень гордится своей «необычностью», как правило, сами не представляют себе, до какой степени они живут в согласии с экспектациями окружающих. Они одеваются нарочито небрежно, изо всех сил стараются быть au courant* событий литературы и искусства и выражают враждебность к организованной религии с таким усердием, которое показывает, что нападки на конформизм — это всего лишь частный случай конформизма. Каждый человек — от самого крайнего индивидуалиста до самого крайнего конформиста — оказывается и в тех ситуациях, где он должен подчиняться групповым нормам, и в тех, где все зависит от его собственных возможностей.

Итоги и выводы

В драме жизни, как и в театре, каждый выступает для какой-то аудитории. Найти зрителей в небольших сообществах достаточно легко, но в нашем сложном плюралистическом обществе аудитория, в глазах которой действующее лицо пытается сохранить или повысить свой статус, не столь очевидна. Многое зависит от каналов коммуникации, в которых оно постоянно участвует. Сознательное поведение приобретает свое направление в результате усилий людей сформировать концепции самих себя как определенных человеческих существ; они стараются не делать того, чего бы им пришлось стыдиться. Они ищут подтверждения для таких персонификаций у тех, чьи взгляды считают важными. Это подтверждение заключается в том, что с ними продолжают обращаться соответствующим образом. Имея дело с проблемой мотивации, следовательно, необходимо учитывать тот факт, что люди должны справляться с собою так же, как и со

* В курсе (*франц.*).

своим окружением. Чтобы понять, что делает человек, требуется учесть: 1) его определение ситуации, 2) к какому роду созданий он себя причисляет и 3) аудиторию, перед которой он пытается утвердить свое достоинство.

Но стандарты поведения, так же как категории, с помощью которых объясняется поведение, отличаются от группы к группе, и в сообществах, где объединяются и взаимодействуют люди с различными эталонными группами, обязательно возникает непонимание. В мире бизнеса престиж человека зависит от величины его доходов. Действительно ли эти люди нуждаются в деньгах или нет — это уже второй вопрос, деньги впоследствии могут быть выброшены на ветер. Нежелание платить налоги — это только часть сложной идеологии, в которой любое неугодное правительственное предписание критикуется как шаг к социализму. Посторонние, не осознающие определенных ценностей, разделяемых внутри таких эталонных групп, могут неверно истолковать поступки людей, которые действуют в соответствии со своей совестью, не щадя усилий, чтобы совладать с миром, каким они его себе представляют.

Библиографический указатель

Cohen, Albert K., Delinquent Boys: The Culture of the Gang, Glencoe, 1955.

Durkheim, Emile, Sociology and Philosophy, Glencoe, 1953.

Goffman, Erving, The Presentation of Self in Everyday Life, New York, 1959.

Lynd, Helen M. On Shame and the Search for Identity, New York, 1958.

MacGregor, Frances C., Theodora M. Abel, Albert Bryt, Edith Lauer, and Serena Weissmann, Facial Deformities and Plastic Surgery, Springfield, 1953.

Merton, Robert K., Social Theory and Social Structure, Glencoe, 1957, pp. 225 — 386, 439 — 508.

ГЛАВА 9

ЛИЧНАЯ АВТОНОМИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Широко распространенная практика чаевых является формой взимания налога, которую не устанавливала никакая законодательная власть. В свое время чаевые возникли как подачка, бросаемая рабу хозяином, и они кажутся абсолютно неуместными в демократическом обществе. Рабочие лидеры, такие, как Самуэль Гомперс, заявляют, что получение чаевых похоже на взятки за услуги, которые должны оказываться любезно и достаточно хорошо оплачиваться. Но предприниматели, повысившие зарплату и потребовавшие отказаться от чаевых, обнаружили, что их указания часто нарушаются. Клиенты тоже жаловались, но практика чаевых продолжала существовать. Не только официанты, посыльные, шоферы такси, но и обслуживающий персонал стоянок автомобилей, грузчики мебели, рабочие по установке телевизоров, разносчики в поездах и даже обслуживающий персонал в больницах ожидают чаевых как чего-то само собой разумеющегося. Принимая во внимание широко распространенное осуждение этой практики, как же объяснить ее рост? Утверждение, будто она предполагает лучшее обслуживание, неубедительно, так как чаевые даются уже после того, как услуги оказаны, и часто это происходит в таких ситуациях, когда клиент, вероятно, больше не придет в это учреждение. Не существует закона, который требовал бы от человека давать чаевые, часто он даже не будет иметь от этого никакой выгоды, а во многих случаях, напротив, это составляет для него значительный расход. Тем не менее он чувствует, что ему следует оставить чаевые, и почти всегда он их оставляет. Это хороший пример того, что понимается под социальным контролем.

Немногие люди рассматривают себя как пассивных агентов, управляемых извне. Напротив, предполагается, что каждый способен действовать самостоятельно, и политические институты даже гарантируют право человека при определенных обстоятельствах принимать свои собственные решения. В некоторых государствах мужчина, который женится под влиянием опьянения, может затеять тяжбу об аннулировании брака на том основании, что он был лишен возможности произвести свободный выбор. Как бы ужасно ни было расследуемое преступление, детектор лжи может быть применен полицией только с согласия допрашиваемых. Автономия личности высоко ценится, и опасность утратить такой контроль вызывает страх и протест. Оппозиция к технике «промывания мозгов», якобы применяемой китайскими коммунистами, возникает частично из страха при мысли о том, что человеческое существо становится марионеткой. Независимо от своих религиозных, политических или философских взглядов в повседневной жизни люди стремятся действовать так, как если бы они были автономными существами, способными контролировать свои собственные поступки. Но тот факт, что люди находятся под впечатлением, будто они свободны поступать так, как им хочется, не обязательно означает, что в действительности так оно и есть. Фактически их действия обусловлены различными социальными обязанностями, как в случае с чаевыми. И все же в какой-то мере каждый человек способен к независимому действию. Какова же эта мера?

Личность как функциональная единица

Рано или поздно почти каждый задается вопросом о том, что он реально собой представляет. Тем ли я занимаюсь, для чего я создан? нашел ли в браке я свою половину? живу ли я в таком месте, которое наиболее соответствует моей натуре? Иногда подобные вопросы задаются относительно людей, которых мы знаем. Такие вопросы подразумевают, что каждый индивид обладает своего рода неотъемлемой натурой —

чем-то таким, что отличает его от других. Человек не робот, смиренно повинующийся диктату общества. Если бы каждый индивид был просто отражением культуры своей группы, тогда все члены каждой группы были бы одинаковы. Очевидно, это не так. Личность и социальную группу лучше всего рассматривать как отдельные функциональные единицы. Смерть одного человека не приводит к обязательному разрушению социального шаблона, так же как дезинтеграция группы не означает обязательно смерти всех ее участников. Социальная группа — это система координированных действий, аспекты которой образуются вкладами разных людей; и каждый человек есть отдельная система, содержащая различные значения, которые образуют его личность. Все люди живут в ассоциации с другими людьми, действуя и реагируя один на другого, но в некоторых отношениях каждый человек остается самим по себе. Как сказал Олдос Хаксли, по арене мученики могут идти рука об руку, но каждый умирает в одиночку.

Когда говорят о человеке как о единице, возникает естественное желание думать о некоем ограниченном кожей органическом единстве, которое относительно легко определяется. Однако наш интерес сосредоточивается не на организмах, а на единицах деятельности. Каждый человек определяется как *личность* через *характерные для него тенденции действия*. Даже о Буратино люди говорят как о личности, ибо любой знакомый с шалостями этой деревянной куклы может легко понять типичный набор ее интересов и шаблонов поведения. И наоборот, когда в необычных случаях один и тот же организм по очереди проявляет различные, часто противоположные способы подхода к миру, констатируют множественность личности[1]. Когда говорят, что человек сегодня «сам не свой» или «вышел из себя», никто не подразумевает при этом, что он приобрел новое тело, — предполагается лишь, что он действует не так, как это для него типично.

Каждый человек уникален, незаменим и неповторим. Некоторые социальные психологи задаются вопросом, может ли столь уникальное явление изучаться с помощью абстрактных

---

[1] См. Corbett H. Thigpen and Hervey M. Cleckley, The Three Faces of Eve, New York, 1957.

понятий и могут ли, далее, быть сформулированы обобщения. Но индивидуальность не означает, что человек недоступен анализу; это значит лишь, что человеческой личности присущи сложные и неожиданно проявляющиеся свойства, в структуре и композиции которых вследствие их сложности и разнообразия невероятна повторяемость. Все в природе своеобразно, но в других областях это не препятствует развитию научного познания.

Поведение каждого человека последовательно, ибо каждый характеризуется определенными склонностями. Одни люди могут спокойно встретить опасность, другие же становятся настолько истеричны, что любого выведут из равновесия. Некоторые постоянно порицают окружающих за все, что получилось неудачно, иные же, как правило, для выявления ошибок анализируют свои собственные поступки. Каждый человек, следовательно, — это не случайная комбинация элементов, но ***организованная система значений***. Поскольку значения имеют тенденцию стабилизироваться, каждый человек постоянно стремится двигаться в определенном направлении. Хотя большинство значений, которые составляют ориентацию человека по отношению к его миру, конвенциальны, это не значит, что они обязательно одинаковы. Значения являются продуктами опыта, а поскольку прошлое у каждого человека различно, неизбежно, что его система взглядов на мир неповторима.

Наши восприятия многих событий непосредственны, а то, что непосредственно воспринято, не может быть передано другим во всех деталях. Все лингвистические символы относятся к категориям, и то, что не может быть описано ясно с помощью символов, не может быть точно передано. Для того, чтобы абстрагировать общие свойства, обозначаемые символами, человек должен отойти от непосредственного восприятия, игнорируя те черты своего опыта, которые не входят в конвенциальное значение. Но в жизни много такого, что нелегко может быть категоризировано. Прекрасный закат солнца может быть воспринят во всем его поразительном великолепии и приобрести значение, которое невозможно зафиксировать в символических терминах. Поэты по необходимости пользуются метафорами и аналогиями. В известной степени каждый человек живет в личном мире, в котором специфические

качества его восприятия, вероятно, неповторимы — по крайней мере со всеми теми нюансами, с которыми это у него связано[2].

Даже когда дело связано с конвенциальными значениями, по поводу которых существует высокая степень согласия, сохраняются индивидуальные особенности в подходе. Стилистические вариации иногда возникают из-за различий в личных оценках общих объектов. Существуют люди, которые резко отрицательно относятся к тем, кто ездит на кадиллаке, или не одобряют определенный стиль одежды. Покачивание бедрами при ходьбе является предметом самого настоящего обучения в школах живых моделей и артистических студиях. Некоторые люди находят эту стандартизированную походку возбуждающей; другим она кажется грациозной; третьи рассматривают ее как оскорбительную и отвратительную; четвертым она кажется комической. Нет ничего странного, следовательно, что разных мужчин привлекают различные женщины.

В добавление к этим стилистическим вариациям есть, по-видимому, некоторое количество чисто идиосинкразических значений. Психиатры считают, что существуют значения, вероятно, иррационально связанные с чувством вины или страха, которое человек испытал в детстве, столкнувшись впервые с некоторыми странными, непонятными объектами или событиями. Когда в последующей жизни подобные ситуации повторяются или что-нибудь их напоминает, ужасное переживание возвращается и человек испытывает необъяснимое желание убежать или закричать от ужаса. Такими необычными значениями некоторые психиатры объясняют и такие личностные проблемы, как навязчивое обжорство, причинение самому себе страданий, истязание беззащитных животных и людей или кража вещей, которые вовсе не необходимы. Сообщается много случаев о людях, которые оставались импотентами до тех пор, пока не находили соприкосновения с каким-то из специфических объектов, неизвестно почему ассоциируемых с эротической деятельностью. Именно

---

2 См. David Smillie, Truth and Reality from Two Points of View, в: «The Self: Explorations in Personal Growth», New York, 1956, pp. 98—108.

в подобных значениях может заключаться разгадка безрассудной страсти[3].

Тот факт, что относительно многих значений не существует согласия, не означает, однако, будто в этом случае поведение не является объектом социального контроля. На людях импульсы, связанные с личными значениями, сдерживаются, ибо никто не хочет прослыть «человеком со странностями». Если человек будет кричать в ужасе всякий раз, как только он увидит зеленую шляпу, его вскоре запрут в сумасшедший дом. Поэтому он приучается скрывать свой страх, он может даже пытаться социализировать это особое для него значение, изобретая правдоподобные причины, почему зеленые шляпы вызывают у него чувство неудобства и должны быть уничтожены.

Каждый человек ориентирован на определенную систему ценностей — значений, особенно для него важных. Постоянство, обнаруживаемое в его поведении, возникает не из-за многократного повторения одних и тех же движений, ибо каждая частная ситуация требует несколько иных действий. Постоянство возникает из-за устойчивости целей. Например, человек, который высшей ценностью считает успех, не только много работает и приносит большие жертвы в стремлении вырваться вперед, но также восхищается другими людьми, добившимися успеха, даже если он не любит их лично, и склонен относиться с презрением к тем, кто не желает работать. Особые шаблоны мыслей и действий, которыми один индивид отличается от другого, обусловлены тем, что каждый из них считает наиболее важным[4].

Поведение может рассматриваться как попытка человека утвердить свое единство и целостность. Действие начинается, когда возникает некоторое нарушение равновесия, но что именно выводит из равновесия, в значительной мере зависит от самого человека. Попытки объяснить человеческое поведение с точки зрения универсальных импульсов, таких, как

---

3 Medard Boss, Meaning and Content of Sexual Perversions, Liese L. Abell, trans., New York, 1949, pp. 39—55, 61—71. Ср. Vernon W. Grant, A Fetishistic Theory of Amorous Fixation, «Journal of Social Psychology», XXX (1949), 17—37.

4 См. Lecky, op. cit., ch. V.

секс или голод, оказались неплодотворными; в идентичных ситуациях разные люди ведут себя весьма различно. Каждый проявляет повышенную чувствительность к каким-то особым аспектам ситуации, каждый имеет различные склонности и антипатии, различные стандарты приемлемого и неприемлемого. Один, например, может судить о людях преимущественно с точки зрения их социального положения, для другого важны прежде всего их внешние данные, для третьего — личные качества. Люди по-разному чувствительны к различным чертам своего окружения, и устойчивый характер этой избирательности создает видимость определенного стиля жизни.

Особый интерес для социальных психологов представляют спонтанные проявления отношения к другим человеческим существам. Одни люди послушны и охотно подчиняются требованиям других; вторые склонны к отдалению — они делают все, чтобы выполнить свои обязанности и затем вернуться к одиночеству; третьи агрессивны и стараются господствовать в любом положении. У каждого человека есть также типичный шаблон для подхода к различным категориям людей. Некоторые чувствительны к статусу: ко всем авторитетным фигурам они относятся одинаково — с почтением или, может быть, с возмущением. Если такой человек занимает руководящий пост, он точно так же относится к подчиненным — с пониманием, снисхождением или презрением. Другие люди придают особое значение различию между полами: существуют мужчины, которые испытывают неловкость в присутствии любой женщины. Большинство людей подходит к каждому из своих близких индивидуально, поскольку они воспринимаются как уникальные объекты.

Некоторые шаблоны отношения к другим людям облегчают участие в большинстве групп. Так, человек может быть застенчивым и скромным, легко подчиняться долгу и приказам других и в случае недоразумений с готовностью признавать свою вину. Или же он может представлять себя зависимым от других, обращаться к ним за помощью и полагаться на тех, кто ее оказывает. Или может быть покладистым и, охотно внося каждый раз свою долю, стремиться к миру и постоянно искать взаимности. Еще один способ — быть полезным людям, быстро приходить им на помощь в затруднительных

обстоятельствах и брать на себя тяготы и ответственность. Любой человек пользуется каждым из этих шаблонов в отношениях с разными людьми в определенных ситуациях; но у некоторых людей формируется преимущественно один какой-нибудь из этих шаблонов в отношении к большинству окружающих.

Существуют также такие типы отношений к людям, которые осложняют сотрудничество. Человек может относиться к людям с недоверием, гордиться своим «реализмом», скептически отзываться о добрых намерениях друзей и становиться безжалостным, когда испытывает затруднения. Или же человек может относиться к людям садистически, быть мстительным, саркастическим и агрессивным, рассматривая мир как джунгли, в которых другие постоянно ищут возможности жить за чужой счет. Или человек может быть поглощен почти исключительно своими личными интересами, постоянно конкурируя с другими в стремлении самоутвердиться, отклоняя сотрудничество и не колеблясь используя других в собственных целях. Наконец, человек может лихорадочно добиваться власти и уважения, стремиться господствовать над всеми, с кем он вступает в контакт, управлять ими, контролировать их. Любой из этих шаблонов также может стать преобладающим у данного человека, создавая у него особый стиль обращения со всеми людьми[5].

Такие спонтанные типы отношений к другим людям зависят от вида персонификаций. Тот, кто убежден, что все люди эгоистичны по природе, всегда готов к самозащите; напротив, тот, кто считает, что люди, в сущности, добры, встречает каждую неприятность с решимостью исправить собственные ошибки. Реакции на отдельных индивидов, а также и на категории людей зависят от того, как такие персонификации *оцениваются*. Человеческие существа, рассматриваемые как источник большой радости, становятся объектами, к которым стремятся и которыми дорожат. Те же, кто воспринимается как источник постоянных огорчений, становятся объектами досады, их избегают или атакуют. Те, кем легко можно манипулировать, не заботясь об их интересах, рассматриваются скорее как нижестоящие и безвредные. Пока они остаются в

---

[5] См. Timothy Leary, Interpersonal Diagnosis of Personality, New York, 1957, pp. 3—87, 265—350.

подчиненном положении, их терпят и даже награждают. Однако слишком тесный контакт с такими неполноценными людьми иногда вызывает внезапные изменения чувства, и, стоит таким людям попытаться улучшить свою судьбу, такие «претензии» могут вызвать агрессивные импульсы. Таким образом, ориентация человека к другим людям зависит от того, что они для него означают.

Поведение человека в группе зависит также от того, как он ориентирован по отношению к самому себе. Каждый человек создает какого-то рода персонификацию, относящуюся к самому себе (точно так же, как он создает персонификации других людей), и связывает с нею определенную оценку. Этот показатель — наиболее важное измерение личности. Если человек расценивает себя как желаемый объект, он действует с уверенностью и открыто принимает любой вызов. С другой стороны, тот, кто рассматривает себя как недостойный объект, начинает подозревать скрытые мотивы, если кто-нибудь вздумает относиться к нему с уважением. Взаимоотношения различных участников во многих ситуациях зависят от соотносительных оценок, которые дает каждый самому себе в сравнении с другими.

Каждый человек по-своему относится к окружающему миру. Характеризующий его подход основывается на том, как он оценивает различные объекты — физические и человеческие. То, что он постоянно придерживается одной и той же системы ценностей, придает его поведению — несмотря на его вариабельность — видимость постоянства. Если принять во внимание, что люди, различные по темпераменту, со дня рождения непрерывно накапливают самый разнообразный личный опыт, не приходится удивляться, что существует широкий диапазон индивидуальных различий. Что действительно удивительно — так это то, как различным людям удается совместно действовать в группах.

Аттестация личности представляет собой задачу невероятной трудности, и, хотя разработаны многие процедуры, до сих пор ни одна из них не является вполне удовлетворительной. Существует множество разных тестов «карандаша и бумаги», в которых испытуемым предлагается ответить на вопросы об их честолюбии, опасениях, реакциях в обычных ситуациях и предпочтениях тех или иных объектов. Полученные ответы

затем оцениваются с точки зрения какой-либо теории, и результаты опроса каждого человека обозначаются каким-то количественным индексом. Один из наиболее широко используемых и детальных тестов — Миннесотское многофазное исследование личности (ММРГ). Другой распространенный метод заключается в использовании шкал для оценки данных клинических интервью и отчетов наблюдателей, иногда полученных путем наблюдения через односторонне-прозрачное стекло. О человеке судят, например, по тому, направлена ли его агрессивность на других или на самого себя, принимает ли он лидерство или ждет, пока другие примут решение, и предпочитает ли он общество старших людей или своих сверстников. В последние годы все чаще применяются прожективные тесты, требующие самовыражения испытуемых, которым предлагается воспринять двусмысленные сигналы. В добавление к ТАТ существуют тесты, в которых анализируются реакции испытуемых на чернильные кляксы, на незавершенные предложения, на изображения облаков и фотографии лиц. Преимущества этих методов в том, что испытуемых часто захватывают врасплох, ибо психолог не надеется на реакции, которые у большинства людей умышленно замаскированы. В тесте Роршаха, например, исследователя интересует скорее стиль ответов на различные чернильные кляксы, чем содержание этих ответов[6]. Несмотря на некоторые недостатки, многие из этих методов наблюдения и анализа очень остроумны и полезны для многих целей.

Шаблоны бессознательного поведения

Большинство людей находится под впечатлением, что они вполне эффективно осуществляют самоконтроль; им кажется, что, за исключением временных ошибок, они хорошо понимают все, что делают. Но существуют веские доказательства, что такой взгляд не обоснован. Строго говоря, *любое поведение, относительное которого действующее лицо не вступает само с*

---

[6] John E. Bell, Projective Techniques, New York, 1948. Cp. U. S. Office of Strategic Services, The Assessment of Men, New York, 1948; Adorno, et al., op. cit., Paris I—III.

собою в коммуникацию, есть поведение бессознательное. В действительности сознание весьма избирательно, и люди не сознают большую часть того, что они делают. Поскольку же тенденции, которые человек не сознает, вряд ли могут быть подавлены или направлены как-то по-иному, шаблоны бессознательного поведения упорно продолжают существовать. Не приходится удивляться, следовательно, что изучающие личность обращают на это так много внимания. По-видимому, существует несколько типов бессознательного поведения[7].

«Чтение» экспрессивных движений на лицах других людей происходит большей частью бессознательно. Всякого рода тонкие нюансы воспринимаются и воздействуют на человека, но не осознаются как таковые. Это говорит о том, что в каждой группе создаются тысячи значений, для которых не существует лингвистических символов. Поскольку нет способа, которым они могли бы быть обозначены, они воспринимаются интуитивно, но о них невозможно сообщить ни другим людям, ни самому себе.

Шаблоны бессознательного поведения могут возникнуть потому, что нечто болезненное преднамеренно не замечается. Такое намеренное сдерживание есть сложный процесс, в начальной стадии которого человек говорит себе, что то, что он подозревает, реально не существует. Он направляет свое внимание на что-то другое, чтобы не замечать совершенно очевидных вещей. Этот вид магии — утверждать, что ничего не существует, отказываясь на него смотреть, — ни в коем случае не ограничивается детством. Сначала человек закрывает глаза и отрицает то, что нежелательно или неприятно, но, поскольку он привыкает к такой ориентации, он может действительно забыть болезненные сигналы и постоянно действовать так, как если бы их не существовало.

Многим шаблонам бессознательного поведения, однако, не предшествует такое умышленное сдерживание. Администратор, глубоко погруженный в свою работу и особенно гордящийся сплоченностью и единством, которые он создал, не способен увидеть трещин и раздоров внутри штата сотрудников, даже когда никто другой уже не питает на этот счет никаких иллюзий. Стоит привлечь его внимание к трудностям,

---

[7] См. James G. Miller, Unconsciousness, New York, 1942.

он может даже стать подозрительным к мотивам тех, кто пытается помочь ему избежать серьезного кризиса. Многие жестокости, которые причиняют люди друг другу, не являются преднамеренными. Салливен приводит случай, когда человек очень не любил своего коллегу, сам того не подозревая. В его присутствии он становился усталым или больным. Однако всякий раз, когда этого коллегу унижали, его болезнь чудодейственно и неизъяснимо проходила. В данном случае не было преднамеренной злобы. Этот человек упорно отрицал, что состояние его здоровья как-либо связано с его коллегой, и психиатры не могли не заметить, что такая устойчивая связь существовала[8]. Все восприятия избирательны, но в некоторых случаях эта избирательность настолько сильна, что человек не воспринимает того, что совершенно очевидно окружающим.

Примером сложных действий, которые могут выполняться без участия сознания, служит сомнамбулизм. Прекрасная нервно-мускульная координация основывается на точных восприятиях, но сознание здесь отсутствует. Хотя это не единодушно принятое объяснение сомнамбулизма, многие психиатры считают, что импульсы, в существовании которых человек не способен признаться, получают в этом случае символическое удовлетворение.

Фрейд особенно интересовался бессознательным поведением и выразил уверенность, что оно предполагает нечто большее, чем простое отсутствие внимания. Когда переживание подавляется, против его осознания воздвигаются мощные барьеры. Именно по этой причине то, что особенно важно для человека, проходит мимо его внимания. Кроме того, он не осознает факта сопротивления, так что не способен определить для себя, что существует нечто такое, чего он не хочет видеть. Именно упорно сохраняющееся неудобство делает эти бессознательные импульсы столь важными. Давление, требующее ослабления напряжения, продолжается, и тот факт, что человек не сознает происходящего, лишь запутывает дело. Когда его личное поведение вызывает недоумение, ему

---

[8] Harry S. Sullivan, Psychiatry: Introduction to the Study of Interpersonal Relations, в: «A Study of Interpersonal Relations», New York, 1949, p. 103.

приходится объяснять свои поступки как себе самому, так и другим. Но любая рационализация лишь усиливает путаницу[9].

Взгляды Фрейда немедленно встретили возражения. Утверждалось, что нельзя доказать существование таких тенденций поведения, если сам человек ничего не может знать о них, даже когда искренне стремится к этому. Но экспериментальные исследования подтвердили позицию Фрейда. Испытуемым, например, предлагалось читать фразы, описывающие их агрессивные или эротические влечения, направленные на собственных родителей. Так, женщина могла прочитать, что она желала смерти своей матери и дурно с ней обращалась потому, что завидовала родителям, находящимся в одной постели, и сама желала спать с родителем противоположного пола. Было предложено также равное число нейтральных фраз для контроля. Материал предъявлялся в темной комнате, причем специальное устройство, контролировавшее степень освещенности, позволяло менять трудность восприятия. Каждому испытуемому предлагалось записать то, что он увидел. Оказалось, что фразы, где речь шла о том, что в нашем обществе обычно подавляется, представлялись более трудными для восприятия и требовали значительно более яркого освещения для того, чтобы их распознать. Более того, ошибки в записи этих фраз появлялись значительно чаще, чем в случаях с нейтральными фразами[10].

Фрейд считал, что развитие таких бессознательных значений позволяет человеку примириться с болезненными сторонами его окружения — он может пытаться делать то, что склонен делать, не теряя в то же время ощущения безопасности и уважения к самому себе. Открытое наслаждение несчастьем других могло бы вызвать возмездие. Особенно важно, что, поскольку люди сопоставляют свои желания с принятыми в их группе моральными принципами, всякий раз,

---

[9] См. Freud, Repression, Collected Papers, op. cit., Vol. IV, pp. 84—97.

[10] Irwin M. Rosenstock, Perceptual Aspects of Repression, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLVI (1951), 304—315; Ср. Ruth A. Bobbitt, The Repression Hypothesis Studied in a Situation of Hypnotically Induced Conflict, ibid., LVI (1958), 204—212; Sears, op. cit., pp. 105—120; Irwin Stalheiser, Repression in the Laboratory, «Complex», VI, 1951, pp. 47—55.

когда возникают запретные влечения, переживается сильное чувство вины. Поэтому человек, застигнутый врасплох, не вызывает у нас необузданной радости, которую проявили бы несоциализированные наблюдатели; в таких случаях большинство взрослых сочувственно смущаются или по крайней мере создают такое впечатление при помощи отвлекающих жестов. Само существование импульсов, которые обладают тенденцией вызывать такие болезненные переживания, как чувство вины, отрицается.

Фрейд утверждал, что бессознательные значения имеют особые свойства, которые в корне отличают их от других значений. Поскольку человек с трудом реагирует на свои импульсы, если он не осознал их и не может определить их как свои собственные, бессознательные тенденции не могут быть объектом намеренного сдерживания. Такие склонности невозможно сопоставить с картиной мира эталонной группы; короче говоря, ***бессознательное поведение не является объектом социального контроля***. Поскольку бессознательные импульсы могут сформироваться как реакции на групповые нормы, раз возникнув, такие фиксации становятся навязчивыми. По этой причине они являются более надежными характеристиками личности.

Множество клинических данных указывает на то, что бессознательное поведение часто отличается нелогичностью. Ассоциации по смежности или внешнее сходство часто заменяют знание необходимых взаимосвязей. С этим связаны такие психоаналитические понятия, как смещение, сгущение и символизация. Вопиющие несообразности встречаются сплошь и рядом. Пространственные отношения иногда извращаются до невероятной степени, представление о времени может совершенно отсутствовать. Поэтому Фрейд утверждал, что бессознательное поведение скорее катарсическое, чем инструментальное, — оно не направлено на решение проблем в реальном мире.

Как бы ни отрицал человек существование запретных влечений, они продолжают существовать и требуют консуммации. Поскольку открытое преследование запретных интересов опасно, они часто удовлетворяются в замаскированной форме. В качестве заместителей могут выступать оговорки, шутки, неумышленная забывчивость и другие

относительно невинные «случайности». Так, импульсы получают символическое удовлетворение, особенно в сновидениях, когда ослабление напряжения достигается путем некоторой ассоциативной деятельности, хотя связь между символами и их референтами ясна далеко не всегда. Некоторые «бессмысленные» сновидения часто порождаются эротическими влечениями. Или же наяву женщина, склонная к эксгибиционизму, но не решающаяся выставлять себя напоказ, может превратить свой дом в выставку. Она не терпит никакого беспорядка и постоянно придирается к мужу и к детям. Дом становится не местом, удобным для жизни, но символом привлекательной женщины, которой она страстно желает быть, — объектом, которым любуются. Отсюда ее величайшее удовлетворение от восторженного шума посетителей и зависти подруг.

Если такие действия могут рассматриваться как замаскированное удовлетворение запретных импульсов, то понятен, в частности, интерес к перекрестно-культурному сравнению типичных сновидений. Известен отчет о жизни в Лезу, деревне на восточном побережье Новой Ирландии. Вступление в брак и развод там несложны и внебрачные связи общеприняты; в некоторых случаях любовник просто платит мужу за особые привилегии. Однако можно вступать в брак и иметь сексуальные отношения с каждым, но только не с людьми своего клана. Поскольку в деревне существует только два клана, для каждого человека половина людей противоположного пола оказывается недосягаемой. Нарушение этих норм наказывается смертью. В этих обстоятельствах очень часто человеку снится, что он соблазняет свою сестру или другую женщину из своего же клана. Такие сведения сообщались этнографам с большой неохотой и явным стыдом[11]. Поскольку нет способа измерения относительной частоты таких сновидений в Лезу и в нашем обществе, эти факты нельзя считать доказательством, но они согласуются с рассматриваемой теорией.

Психоаналитическая терапия основывается на предположении, что, раз человек осознает существование таких импульсов, у него появится возможность подчинить их в какой-то

---

[11] Hortense Powdermaker, Life in Lesu, New York, 1933, pp. 266—271.

мере контролю. Следует подчеркнуть, однако, что такое осознание и контроль могут быть установлены только с большим трудом.

Множество действий человек совершает, не отдавая себе в этом отчета, и игнорировать такое поведение — значит иметь очень неполное представление о человеческих существах. Контраст между произвольным и бессознательным поведением говорит о том, что последнее более естественно. Вначале люди действовали, как импульсивные существа, ограниченные только средой и органической структурой, и лишь постепенно выработали способности к логическому мышлению и самоконтролю, как инструментам приспособления. Эти инструменты развились, поскольку люди участвовали в группах и научились разделять друг с другом общие представления о свойствах вещей, последовательности событий и необходимых связях. Когда по какой-либо причине человек не участвует в мире, относительно которого существует согласие, его поведение снова подвергается трансформации. Там, где отсутствует самосознание, не может быть самоконтроля; следовательно, такое поведение не может более регулироваться в свете групповых экспектаций. Не удивительно, что бессознательное поведение людей часто напоминает поведение животных.

Личное уравнение в группах

Полтора столетия назад астрономы обнаружили, что существует некоторое различие между отчетами двух наблюдателей, отмечавших время прохождения звезды через меридиан. Такие вариации, рассматриваемые как важный источник ошибок, породили выражение «личное уравнение». Это понятие может быть использовано более широко, обозначая индивидуальные различия в решении любой стандартизованной задачи. Нет двух людей, способных действовать совершенно одинаково, даже если бы они этого хотели, и такие различия явно узаконены конвенциальными ролями. Человек и социальная группа — это две разные функциональные единицы. Но когда линия действия зависит от структуры группы и когда ее можно рассматривать как проявление личных

качеств участвующих индивидов? Иначе говоря, в каких условиях присутствие определенных людей значительно меняет ход событий и в каких — нет?

Можно попытаться решить эту проблему, сравнив пять приблизительно намеченных типов ситуаций, в которых варьируется степень личного вмешательства в процесс действия. Наиболее благоприятные возможности для индивидуального влияния возникают в *критических ситуациях*. Ситуация может рассматриваться как критическая всякий раз, когда конвенциальные нормы не обеспечивают адекватного разрешения возникающих требований. Критические ситуации можно расположить в ряд, начиная от таких катастроф, как землетрясения и войны, и кончая такими незначительными событиями, как неожиданное появление кинокумира во дворе колледжа. Когда рутина повседневной жизни нарушается, установившиеся нормы временно отбрасываются и присутствующим приходится импровизировать какую-то иную форму кооперации. Все кризисы, следовательно, имеют одну общую черту: люди становятся восприимчивы к новым линиям действия. Поскольку не существует конвенциального способа удовлетворительно встретить такую ситуацию, участникам остается лишь обратиться к своим собственным ресурсам. Критические ситуации, следовательно, представляют благоприятные возможности для индивидуального выражения. Но для одних это может означать выдвижение, а для других, кто слишком полагался на свою социальную позицию, кризис может означать падение.

Когда нарушается установившееся течение жизни, дальнейшее развитие событий в значительной мере зависит от личностей присутствующих. При встрече с такими неожиданными обстоятельствами возрастает значение лидера. Появление человека, наделенного творческой фантазией и исключительным талантом, может облегчить выход из опасного положения, в то время как неуравновешенный, упрямый или беспринципный человек может поставить в невыгодное положение целую группу. Ценности тех, кто принимает командование, кто может воздействовать на других так, чтобы последние следовали за ними и проводили в жизнь их решения, предопределяют направление, в котором движется группа при такой неадекватно определенной ситуации.

Хотя мы склонны думать о лидере как о человеке с какими-то особыми качествами, такими, как смелость, сила, интеллект, следует помнить, что лидерство — это, в сущности, процесс социальный. Лидер — это человек, который имеет последователей. Каким бы блестящим человеком он ни был, он не сможет изменить ход истории до тех пор, пока другие не откажутся от некоторых из своих прерогатив. Лидеры — это люди, способные выразить интересы своих последователей. Разные люди имеют тенденцию доминировать в различного типа ситуациях. В конфликтных ситуациях необходимы бойцы и тактики, и когда возникает задача, требующая решения, призываются люди, обладающие особым организаторским талантом. Историки и философы вели большие дебаты по вопросу о том, являются ли герои продуктом своего времени или же творцами исторических событий. Вероятно, некоторые становятся героями потому, что попадают в такие ситуации, где находится применение их отличительным способностям; с другой стороны, существуют, по-видимому, другие, которые создают кризис, в ходе которого они выдвигаются[12].

Повторение критических ситуаций приводит к развитию новых способов организации совместной деятельности. Периодические наводнения, вспышки войн и неопределенность поведения противников на атлетических соревнованиях часто имеют своим результатом установление специальных ролей — таких, как командир спасательной дружины, военный министр и капитан спортивной команды. Второй тип ситуаций тоже требует быстрых решений, но внутри организованной структуры. Те, кто занимает ключевые должности, облечены ответственностью принимать решения о том, как должны вести себя остальные. В таких ситуациях результат обусловлен в основном личными качествами формально назначенных лидеров. Личная подпись высокого должностного лица в организации типа Комиссии по атомной энергии, пожалуй, может изменить ход человеческой истории, а возможно, даже привести к уничтожению человеческого рода. Но такие люди редко вольны делать то, что они пожелают; их усилия обычно ограничены многими инструкциями и соглашениями.

---

[12] См. Sidney Hook, The Hero in History, Boston, 1955.

Сверх того, те, кто занимает такие должности, понимают, что их работа оценивается не в сравнении с людьми вообще, но с теми людьми, кто занимал подобную должность в прошлом. Моделями служат герои прошлого, благодаря чему формируются специфические экспектации[13].

К третьему типу относятся наиболее общие, повторяющиеся ситуации, когда люди взаимодействуют друг с другом на основе конвенциальных норм. Таково, например, взаимодействие покупателя и продавца в бакалейном магазине. В таких ситуациях у участников имеется некоторая возможность выбора, ибо большинство конвенциальных ролей не предопределяет линии действия во всех деталях и допускает небольшие отклонения. Хотя некоторые вариации могут вызвать недовольство или презрение, они не приводят к серьезным негативным санкциям. Поведение каждого человека может принимать характер мелочного исполнения своих обязанностей или же щедрого, приносимого от всего сердца дара.

Сверх того, широкое разнообразие конвенциальных ролей в современных обществах оставляет благоприятные возможности для выбора. По крайней мере человек может избежать ролей, которые требуют действий, для него не выполнимых. Даже когда возможности вертикальной мобильности урезаны, те, кто страстно желает власти, находят способы господствовать над другими. В то же время люди, обладающие значительными способностями, иногда отказываются от продвижения. Даже в конвенциальных ситуациях, следовательно, существует много благоприятных возможностей для проявления личных склонностей.

Четвертый тип ситуации, все чаще встречающийся в новейших индустриальных обществах, — бюрократическая организация крупных масштабов. Существует формально обозначенное разделение труда с набором подробных инструкций, определяющих обязанности каждой единицы. Имеются формальные каналы коммуникаций, и ясно определены линии подчинения. Подбор персонала на различные роли осуществляется в основном с точки зрения технической квалификации, которая определяется путем формальных экзаменов или других беспристрастных процедур. Усилия направляются на

---

[13] См. Hughes, op. cit., pp. 5^—67.

то, чтобы культивировать безличные взаимоотношения. Возможности выбора у участников этой системы весьма ограничены. Каждое событие заранее категоризировано, и решение проблемы заключается в том, чтобы отнести ее к какой-то категории и подобрать одну из фиксированных альтернатив. Заявления от посторонних принимаются или отвергаются на основе ограниченного набора мотивов[14]. Чтобы достичь успеха в таких организациях, человек должен подавить себя и приспособить свою личность к нуждам целого. Даже в бюрократической организации, однако, личность может вести себя по-разному. Отдел, порученный робкому, лишенному воображения человеку, вряд ли сможет функционировать так же, как другой отдел, руководитель которого отменяет идущие сверху приказания, когда уверен, что они неправильны. Но второй тип администраторов редко удерживается на своем месте продолжительное время. Итак, хотя возможности личного выбора и существуют, они весьма ограничены.

Пятый тип ситуации — это соблюдение групповых ритуалов, в которых действия настолько ясно предопределены, что для участника не существует альтернатив. Исполнение происходит почти автоматически, требуется только минимальное приспособление. Когда в США два человека знакомятся, они пожимают друг другу руки и говорят: «How do you do?» На этот вопрос ответа не требуется. Королева, участвуя в официальных церемониях, улыбается и делает все, что принято, даже если у нее очень болит голова. Но и в ритуалах обнаруживается индивидуальность, проявляясь в различных стилях. Стиль — это нечто такое, что не поддается контролю. Солдатам может быть приказано маршировать браво, но существует разница между искренним сотрудничеством энтузиастов и внешним приспособлением под страхом наказания. При соблюдении ритуалов, следовательно, участники не имеют большого выбора в отношении того, что следует делать, но они различаются по качеству исполнения.

Из сравнения пяти типов ситуаций становится очевидно, что, по мере того как возрастает степень формализации группы, диапазон выбора сужается, ибо участники сковываются все более четко определенными экспектациями своих коллег. Эти

[14] См. Merton, op. cit., pp. 195—206.

наблюдения могут быть суммированы в несколько более формальном утверждении: *в любом совместном предприятии степень, в которой индивидуальный участник может безнаказанно преследовать свои личные интересы, обратно пропорциональна степени формализации этого предприятия*. Выраженное в бихевиористских терминах, это утверждение превращается в тавтологию, но здесь оно приводится затем, чтобы показать тщетность споров по поводу относительной важности индивида или группы.

Если в большинстве случаев человек играет стандартную конвенциальную роль, как же тогда может быть обнаружена его личность? Она проявляется в спонтанных влечениях, во внутренних склонностях, многие из которых сдерживаются и не открываются другим людям. Например, в группе солдат, наказываемых офицером, каждый будет принимать положение «смирно» и говорить «так точно». Однако каждый из этих людей может испытывать самые разные чувства. Внутренние склонности, которые часто не проявляются в явном поведении, и определяют, какого рода существо представляет собой этот человек. Личность может рассматриваться как состоящая из потенциальных действий. Это совсем не то, что люди действительно делают; это направление, в котором они будут стремиться действовать, когда возможности позволят им это сделать.

Люди обычно приспосабливаются к групповым нормам, но они делают это, понимая, что иначе сейчас поступить нельзя. Когда опасность быть пойманным с поличным устраняется, некоторые намеренно нарушают правила и могут даже испытывать дополнительное удовольствие от факта прегрешения. В ситуациях, когда нормы отсутствуют, индивиды часто действуют в соответствии с их личными ценностями. Например, смелая молодая женщина может быть крайне осторожной у себя на службе, где она не может позволить себе рисковать, но, сев за руль автомобиля, она пугает до безумия своих пассажиров. Или же весьма честолюбивый человек, который считается честнейшим, может воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы возвыситься за счет своих коллег; при этом он не заметит даже, что делает что-то нечестное. Итак, сознательно или бессознательно, люди стремятся реализовать те возможности, которые соответствуют их основным ценностям.

Когда человек переходит от одной конвенциальной роли к другой, шаблоны его явного поведения изменяются, но личность остается во многом той же самой. Тот, кто был стеснительным и робким ребенком, вероятно, будет во многом таким же и сорок лет спустя. Внешне он может стать общительным и даже властным, но его внутреннее предрасположение останется тем же самым. Если в юности он был склонен считать виновным во всех своих неудачах других, но воздерживался от высказывания этих взглядов вслух, став преуспевающим финансистом, он может уже не бояться предъявлять обвинения открыто. Это не означает, конечно, что человеческая личность обязательно фиксирована на все время. Она возникает путем адаптации, кристаллизации последовательных приспособлений к условиям жизни. В некоторых отношениях она напоминает средство для защиты от внешней опасности и для подавления импульсов[15]. Она относительно устойчива и благодаря этому оказывается ценным показателем возможного в различных обстоятельствах поведения.

Выражение собственной индивидуальности — сохранение тех привычек думать и действовать, которые характеризуют данного человека и отличают его от всех других, — может быть ценностью само по себе. Но люди значительно различаются по тому, насколько они дорожат этой ценностью. Когда не считаются с их особенностями, некоторые уступают, если вынуждены это делать, но под сдержанностью скрывают обиду и раздражение. Такие люди горько жалуются, оказавшись «только винтиком» в безличной системе большого предприятия, учреждения или воинского соединения. В «первоклассном» магазине продавцы заучивают имена всех покупателей; «персонифицируя» сервис, фирма вынуждает клиентов уплачивать дополнительные суммы за то, что с ними обращаются как с индивидуальностями. С другой стороны, есть люди, которые прилагают всяческие усилия, чтобы скрыть свои внутренние склонности. Они охотно приспосабливаются к групповым нормам, предпочитают быть «средними» и не выносят чрезмерной ответственности. Некоторые настолько уступчивы, что даже не уверены в том,

---

[15] См. Wilhelm Reich, Character Analysis, New York, 1949, pp. 143—157.

чего они хотят, и постоянно спрашивают других, что им следует делать. Такие личностные различия объясняют, в частности, тот факт, что не все охотно работают в бюрократических организациях.

Личностные различия в автономии

Люди значительно различаются по тому, в какой степени они сохраняют свою независимость. Некоторые способны делать то, что они считают правильным, даже при явном неодобрении окружающих. Но как это возможно, если сознательное поведение основывается на *Я*-концепции, а последняя держится на подтверждающих реакциях окружающих?

Хотя существует некоторое соответствие между тем, как человек представляется самому себе и как его представляют другие, это ни в коем случае не одно и то же. Не существует прямого соответствия даже в отношении таких очевидных вещей, как внешний вид человека. Многие очень удивляются, когда впервые видят свое изображение на экране. В кинематографе человек видит себя именно так, как его видят другие, и в большинстве случаев это чем-то отличается от его *Я*-образа. Подобное удивление возникает также тогда, когда человек пытается быть веселым в компании и вдруг, случайно бросив взгляд на зеркало, убеждается, что он выглядит вовсе не так, как хотел бы.

При изучении проявлений внутреннего беспокойства была проведена магнитофонная запись бесед психиатров с пациентами. Затем психиатров просили прослушать все высказывания, включая и их собственные, и прийти к какой-то оценке проявившегося в них беспокойства. Каждый психиатр был очень удивлен, обнаружив, как много внутреннего беспокойства проявляет он сам. Выяснилось, что в сравнении с оценкой коллег на основании записи каждый переоценивал тревожность пациента и недооценивал свою собственную. При повторном прослушивании, однако, каждый доктор привыкал слушать самого себя; защитные реакции постепенно ослабевали, и каждый становился более способным беспристрастно оценить собственное поведение. Постепенно оценки

собственного поведения каждым психиатром сближались с суждениями его коллег[16]. Итак, даже психиатры, чья работа требует значительного самопонимания и почти невероятного самоконтроля, имеют относительно устойчивые *Я*-концепции и формируют *Я*-образы, не совпадающие с тем, как их воспринимают другие люди.

Сформировавшиеся *Я*-концепции обладают тенденцией стабилизироваться. Люди иногда не соглашаются с оценками, которые дают им окружающие, и требуют обращаться с ними так, каковы они в «действительности». Когда человек оценивает себя выше, чем другие, он считает, что они не полностью оценили его способности, и прилагает усилия, чтобы доказать несправедливость их оценки. С другой стороны, некоторые протестуют против того внимания, которое им оказывают, не только из скромности, но из чувства, что на самом деле они не таковы, какими их считают. Они могут даже страдать, беспокоясь, как бы другие не потребовали от них исполнения этих неразумных экспектаций. Итак, человеческие существа не принимают пассивно оценку их обществом; они могут отвергать и действительно отвергают суждения окружающих.

Даже когда обращение с человеком основывается на такой персонификации, которой он не признает, избирательность восприятия позволяет ему укрепить свою собственную *Я*-концепцию. Каждый человек особенно чувствителен к жестам, позволяющим подтвердить то представление, которое он уже составил о себе самом. Если женщина считает себя очень красивой, она ожидает некоторой враждебности от других женщин, и, стоит какой-то из них сделать ей замечание, она отклонит его как проявление зависти. Те, у кого уровень собственного достоинства низок, могут даже малейшее несогласие с ними интерпретировать как новое подтверждение их неполноценности. Некоторые люди из непопулярных меньшинств держатся вызывающе. Если в ресторане их просят подождать несколько секунд, они могут уйти в гневе, громко протестуя против дискриминации, хотя фактически в этот момент просто не было свободных мест. Все *Я*-концепции — кроме тех, которые принадлежат психически ненормальным

---

16 Ruesch and Prestwood, Anxiety: Its Initiation, Communication and Interpersonal Management, op. cit.

людям, — пользуются с какой-то мере поддержкой, хотя поддерживающие жесты могут не всегда представлять те же самые значения для других людей.

Когда между групповыми нормами и тем, что человек рассматривает как его законные прерогативы, возникает расхождение, наблюдаются значительные различия в поведении, начиная от безусловной уступчивости и кончая непреклонной автономией. Одна крайность — это люди, которые делают все, что бы от них ни потребовали те, кому случится присутствовать в данной ситуации. Другая крайность — люди, которые никому никогда не уступают; некоторые негативисты находят особое удовольствие в том, чтобы шокировать людей. В психиатрических больницах те, кто считает себя Наполеоном, чрезвычайно автономны; они живут в своем особом, индивидуальном мире, совершенно игнорируя противоположные взгляды окружающих. Большинство людей, конечно, находится где-то между этими крайностями. Человеческие существа весьма различаются между собой по тому, насколько они могут быть самостоятельными, но обычно способны к независимым суждениям даже тогда, когда испытывают недостаток мужества и внешне уступают другим. Таким образом, одним из измерений различий в людях является ***степень автономии личности***[17].

Человек приближается к автономному полюсу этого континуума, если он делает все, что считает правильным, независимо от того, нравится ли это окружающим. Примером может служить студент, который придерживается моральных стандартов, принятых у него дома, даже когда большинство товарищей по колледжу совершенно распущены. Они могут насмехаться над ним, называть его «святошей», но он идет своей дорогой, уважая себя сам, если нет уважения со стороны соучеников. Такие люди вообще нелегко начинают колебаться в чем-либо. Ясно, что подобные действия требуют готовности возразить, принести жертву, пойти на риск и потерпеть поражение; не каждый захочет расплачиваться такой ценой.

---

[17] В несколько ином контексте доходчивое объяснение проблемы автономии можно найти в: D a v i d R i e s m a n , The Lonely Crowd, New Haven, 1950.

Поскольку в нашем обществе очень поощряется уверенность в своих силах, социальные психологи и психиатры иногда полагают, будто такая автономия всегда желательна. Некоторые писатели, особенно те, которые пытаются создавать образ «нормальной» личности, говорят об автономном поведении как об идеале. Но это оценочное суждение мешает некоторым исследователям заметить тот факт, что степень гибкости может быть различной и что люди на *обоих* концах континуума должны, очевидно, быть признаны ненормальными. Независимое мышление не обязательно является результатом удовлетворительного приспособления. Изучение солдат, дезертировавших во время второй мировой войны, показало, что виновные отличались от тех, кто остался верным долгу, только в одном отношении. Они не идентифицировали себя с какой-либо военной организацией и, следовательно, не считались со взглядами своих товарищей-военнослужащих. Они продолжали рассматривать себя в цивильной картине мира; понятно, что армейская жизнь казалась им гораздо более невыносимой. Будучи безразличны к мнению других солдат, они, по-видимому, не считали дезертирство особенно серьезным преступлением[18].

Люди, характеризующиеся высокой степенью автономии, склонны сохранять вежливую дистанцию между собой и другими[19]. Они весьма осмотрительны в том, что делают. Самосознание — это способ защиты от импульсивности; оно облегчает подавление естественных реакций. Поведение, таким образом, становится менее спонтанным, но оно всегда прилично. Однако чем более разъединенными остаются люди, тем меньше обязанностей имеют они по отношению друг к другу. Иногда, особенно в критических ситуациях, автономные личности могут казаться холодными и расчетливыми.

Когда люди сохраняют свою независимость перед лицом окружающих, они могут находить поддержку у воображаемых персонификаций. Это не обязательно люди, которых не существует: во многих случаях это лишь аудитория, которая не присутствует при данной сцене. Солдат на службе за

---

[18] Martin H. Stein, Neurosis' and Group Motivation, «American Journal of Psychiatry», CII (1946), 658—665.

[19] Maslow, op. cit., pp. 228—230; M. H. Small, op. cit., 26—34.

границей может отказаться от попойки с друзьями и подкрепить свое решение, мечтая о доме, о своей возлюбленной или о жене. Точно так же девушка, столкнувшись с беспутной компанией и отклоняя соблазнительные предложения, может отчетливо представить себе одобрение своей матери. Иногда, однако, персонификации могут быть совершенно вымышленными. Человек, который живет в маленьком городке и увлекается сочинительством, возможно, знает, что все вокруг считают его чудаковатым, но он может идти своим путем, мечтая о встречах с людьми, которые оценят его интересы. В некоторых случаях, связанных с тяжелыми потерями, человек может так безрассудно свыкнуться с воображаемым миром, что утратит способность различать эти два мира. Он может настойчиво продолжать вести себя так, как будто люди вокруг него даже не существуют. Таким образом, он становится психотиком.

Чем ближе человек к полюсу уступчивости нашего континуума, тем больше он покоряется требованиям непосредственно присутствующих лиц, даже если их экспектации противоречат его внутренним стандартам. Он не способен выразить несогласие или неодобрение и может рационализировать свое поведение, провозглашая: «Когда ты в Риме, поступай, как римляне». В плюралистическом обществе существует, конечно, много ситуаций, в которых требуется внешнее подчинение, но в таких случаях одни нервничают и становятся раздражительными, другие же даже не замечают стеснения. Некоторые люди, по-видимому, способны принимать роли только тех, кого они могут видеть перед собой. Так. например, шофер останавливает длинную колонну автомобилей, чтобы дать пройти одному-единственному пешеходу, который находится перед глазами. Некоторые люди настолько беспокоятся о том, чтобы быть приятными, что поступают скорее в соответствии с желаниями, которые приписывают другим, чем в своих собственных интересах. Они постоянно интересуются мнением других и в крайних случаях могут действительно чувствовать, что их поведение управляется извне. Стоит такому человеку поступить в чем-то неправильно, и он начинает отрицать свою личную ответственность; он отказывается принять на себя вину, настойчиво утверждая, что всего лишь исполнял желания других. Такие личности иногда характеризуются как «пассивно

зависимые», ибо они охотно вступают в отношения зависимости и иногда отчаянно цепляются за людей, которые к ним не испытывают ничего, кроме презрения.

Люди, особенно склонные соглашаться с окружающими, очень общительны и легко устанавливают взаимоотношения. Для них характерна высокая степень эмпатии, способность относиться с пониманием и сочувствием к своеобразным реакциям каждого человека. С помощью ряда тестов было установлено, что те, кто обнаружил высокий уровень эмпатии, были щедры, оптимистичны, сердечны, эмоциональны и проявляли живой интерес к другим людям. Они отличались также большей гибкостью. И наоборот, те, кто показал низкий уровень эмпатии, были непреклонны, сосредоточены на самих себе, эгоистичны, требовательны, подвержены неожиданным вспышкам и склонны к интеллектуальному и абстрактному подходу к жизни[20]. Каждый способен так или иначе принимать роль другого, но существуют различия в способности к сопереживанию, к идентификации с другими.

Итак, люди значительно различаются по тому, насколько они респонсивны друг к другу. Одни, «направляемые изнутри», склонны к самостоятельности и действуют, чаще всего исходя из собственных представлений о подобающем поведении. Они менее внимательны к чувствам других людей и, если возникает конфликт, могут внезапно прервать отношения. Вторые, скорее «направляемые другими», охотнее подчиняются экспектациям окружающих и иногда настолько поддаются влиянию, что могут рассматриваться как внушаемые. Отсюда вытекает общая гипотеза: ***автономность или уступчивость человека отчасти зависит от величины социальной дистанции, на которой он обычно держится от других людей***. Как правило, каждый сохраняет некоторую дистанцию, но одни воздвигают вокруг себя стены, и, хотя эти люди могут считаться разумными и дружественными, почти невозможно установить с ними доверительных отношений. Другие же охотно устанавливают теплые и дружественные отношения с каждым, кто проявил отзывчивость. Чем более отдален и

---

[20] Rosalind F. Dymond. Personality and Empathy. «Journal of Consulting Psychology», XIV (1950), 343—350. Ср. Richard S. Crutchfield. Conformity and Characier, «American Psychologist», X (1955), 191—198.

сдержан человек, тем более он способен поступать по-своему; чем ближе человек к другим, тем больше чувствует он потребность приспособиться к их взглядам.

Итак, в какой мере человек способен жить в соответствии с собственным представлением о своих обязанностях, зависит от его чувствительности к взглядам окружающих. Но взаимосвязь здесь не простая. Каким-то образом уровень самооценки тоже входит в эту картину. Эксперимент Коуха показал, что те, кто чувствует себя в желаемой социальной группе достаточно надежно, меньше интересовались взглядами других испытуемых. В другом исследовании Джейнис выяснил, что личности, характеризуемые как «пассивно зависимые», испытывают недостаток самоуверенности и часто страдают от чувства неполноценности[21]. Высказывалось мнение, что такие люди являются продуктом чрезмерной опеки слишком снисходительных родителей. Но столь же вероятно, что крайне независимые вопреки их внешне самоуверенному виду могут также иметь низкий уровень самооценки. Те, кто проявляет самообладание и даже высокомерие, часто боятся людей. Вполне возможно, стало быть, что люди, помещающиеся на обоих полюсах континуума, низко оценивают самих себя.

Гипотеза относительно социальной дистанции может быть подкреплена результатами изучения психических заболеваний. Человек, страдающий параноидной шизофренией, живет в псевдообществе. Людей, действительно существующих, он может наделить свойствами, с которыми они вряд ли согласятся. Иногда такой пациент очень важничает, так как считает, что известная кинозвезда влюблена в него. Для человека, который воображает, что он гениален, в этом нет ничего неправдоподобного. Существует также тенденция проецировать свои собственные агрессивные склонности на других; поскольку они персонифицируются как существа враждебные, он постоянно подозрителен к их мотивам. Он приписывает подлые, низкие намерения людям, которых не

[21] Carl J. Couch, Self-Attitudes and Degree of Agreement with Immediate Others, «American Journal of Sociology», LXIII (1958), 491—496; Irving L. Janis, Personality Correlates of Susceptibility to Persuasion, «Journal of Personality», XXII (1954), 504—518.

любит, и в воображаемом взаимодействии с ними приходит в такую ярость, что может в отчаянии прибегнуть к насилию. Анализируя психические расстройства, Камерон сравнивает параноика с женщиной, которая покупает шляпку, немножко опережающую моду. Сначала она не знает, стоит ли делать эту покупку, прикидывает, не будут ли над ней смеяться люди. Наконец она решается и, надев шляпку, выходит на улицу. Идущий навстречу мужчина улыбается, когда она проходит мимо. Уверенная, что его насмешила обновка, покупательница бросается назад, чтобы ее обменять. В действительности же прохожий улыбался по поводу шутки, которую сыграл с приятелем накануне вечером, а женщину он вовсе и не заметил. Точно так же, увидев смеющихся людей, психически ненормальный человек может заключить, что они смеются над ним. Если кто-то стоит на углу, ожидая назначенного свидания, у больного может окрепнуть подозрение, что его окружают вражеские агенты. Различие между модницей и пациентом заключается в том, что женщина может обсудить эту проблему со своими друзьями; успокоенная их увещеваниями, она сможет снова выйти в новой шляпке, на этот раз уже без неприятностей. Человек же психически ненормальный не способен к коммуникации. Он сам себя изолировал, отвергая каждого, кто оспаривает его бредовые идеи. Изоляция делает проверку реальностью невозможной; его *Я*-концепция остается той же самой, ибо все противоречащие доказательства игнорируются[22]. Возможно, что те, кто стал параноиком, ранее пережили разочарование в межличностных отношениях и порвали с человеческим обществом. Поэтому они не могут корректировать свои *Я*-концепции и вынуждены действовать автономно.

Другой феномен, проливающий свет на вопрос о личностной автономии, связан с так называемой «психопатической личностью». Этот термин часто используется для обозначения

---

[22] Norman Cameron. The Development of Paranoic Thinking, «Psychological Review», L (1943), 219—233; The Paranoid Pseudo-Community, «American Journal of Sociology», XLIX (1943), 32—38; The Paranoid Pseudo-Community Revisited, ibid., LXV (1959), 52—58.

особой категории преступников, которые словно бы «не сознают», что делают. Они совершают такие жестокие преступления, перед которыми отшатнется в ужасе даже большинство других правонарушителей. Такие типы, не задумываясь, нарушают строжайшие табу. О них нельзя сказать, будто они не способны к принятию ролей, ибо для успешного исполнения преступного замысла необходимо предвосхищать движения жертвы. Они способны отчужденно наблюдать за жертвой, иногда весьма проницательно, но без сочувственной идентификации. Такие преступники представляют собой крайние случаи безразличия к другим людям, и их поведение является, безусловно, «направляемым изнутри»[23]. Несколько менее ужасный тип независимого человека являют собой лица, одиноко живущие в трущобах. При изучении тех, кто неоднократно арестовывался за пьянство, безработицу или бродяжничество, обнаружилось, что большинство из них также были отдалены от людей. Даже те, кто вместе пил и вместе сидел в тюрьме, были не друзьями, а только знакомыми[24].

В ситуациях, где возникает конфликт между групповыми нормами и личными стандартами поведения, люди могут действовать по-своему в силу различных причин. Человек может выступать против общественного мнения потому, что он не сомневается в своем собственном суждении и уверен, что все другие ошибаются; другой может делать то же самое потому, что он вообще негативист и враждебность — неотъемлемая черта его характера; а третий может так поступать потому, что он изолирован от других людей и безразличен к их реакциям. Чтобы понять человека, его нужно наблюдать в различных ситуациях. В разных культурах преобладают, конечно, различные оценки независимого действия. В некоторых обществах постоянно поощряется конформизм, в других — уверенность в

---

[23] См. Harrison G. Gough, A Sociological Theory of Psychopathy, ibid., LIII (1948), 359—366; Paul W. Preu, The Concept of Psychopathic Personality; «Personality and Behavior Disorders», John M. Hunt, ed., New York, 1944, Vol. II, pp. 922—937.

[24] Irwin Deutscher, The Petty Offender: A Sociological Alien, «Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science», XLIV (1954), 592—595.

себе и личное достоинство. Несмотря на эти вариации, однако, каждый — кроме, быть может, психотиков — в какой-то степени небезразличен к суждениям окружающих.

Итоги и выводы

Каждый человек, даже вполне социализированный, — совершенно автономная единица. Никто не является роботом, автоматически действующим по заданным культурой шаблонам; всегда существует какой-то простор для вариаций и оригинальности, так же как всегда остается возможность открытого мятежа. Каждый характеризуется индивидуальной системой тенденций поведения. Постоянство его склонностей обусловлено во многом тем, что он ориентирован на определенную систему ценностей. Многие из этих значений суть системы поведения, которых он не сознает, но тот факт, что по поводу них он не вступает в коммуникацию с самим собой, не делает их менее важной частью его личности. Это говорит о том, что, вероятно, бесполезно заниматься поисками универсальных мотивов, ибо каждый человек особым образом ориентирован по отношению к своему миру.

При изучении мотивации проблема заключается в том, чтобы объяснить направление, которое приняло поведение человека. Спонтанные склонности, характеризующие данного индивида, служат адекватным объяснением только в ограниченных случаях, ибо эти импульсы очень часто сдерживаются или направляются по другому пути. Каждый человек — это функциональное единство, стремящееся сохранить свою целостность, но степень, до которой он волен поступать так, как ему хочется, обратно пропорциональна степени формализации группового действия, в которое он вовлечен. В соблюдении ритуалов очень немного возможностей для проявления индивидуальности, но личное уравнение существенно в кризисных ситуациях. Человеческое поведение может рассматриваться как фаза согласованного действия ассоциированных индивидов. Каждый участник — это личность, продукт своей особой истории. Структуры групп существуют только в поведении объединившихся людей, но у

каждой есть история, не зависимая ни от одного отдельного человека; шаблоны существовали в поведении других людей гораздо раньше, чем очередной исполнитель появился на сцене. Следовательно, чтобы понять, что происходит в любой ситуации, нужно знать кое-что относительно закономерностей функционирования как группы, так и личности.

Есть что-то ироническое в том, что термин «личность» (personality) стал обозначать спонтанные тенденции, характеризующие того или иного индивида. В древнегреческом языке слово «persona» обозначало маску, используемую актером для того, чтобы скрыть свою индивидуальность. Она представляла роль, исполняемую по ходу пьесы. Но сейчас понятие «личность» относится к тому, что скрывается за маской, к тому, что человек стал бы делать, если бы открылись благоприятные возможности. Однако до тех пор, пока такие возможности не возникают, каждый человек продолжает носить маску респектабельности — что бы это ни означало с точки зрения его эталонной группы.

Библиографический указатель

Adorno, T. W., Else Frenkel-Brunswik, Daniel J. Levinson and R. Nevitt Sanford, The Authoritarian Personality, New York, 1950.

Allport, Gordon W., Personality: A Psychological Interpretation, New York, 1937.

Cameron, Norman and Ann Magaret, Behavior Pathology, Boston, 1951, Ch. II, IV, VII, XIII — XVII.

Freud, Sigmund, The Basic Writings of Sigmund Freud, New York, 1938, Books, I, II, IV.

Lecky, Prescott, Self-Consistency: A Theory of Personality, New York, 1951, Ch. V — IX.

Thomas, William I. and Florian Znaniecki, The Polish Peasant in Europe and America, New York, 1927, Vol. II, Part IV.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ГЛАВА 10

ЧУВСТВА И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ РОЛИ

Часто отмечалось, что литераторы дают более убедительное описание человеческой жизни, чем социальные психологи. Ученые нередко оказываются бессильны понять то, что делает людей человечными. Даже в самых лучших из их работ, кажется, чего-то не хватает. Писателей же интересует прежде всего любовь, дружба, страсть, героизм, ненависть, жажда отмщения, ревность и другие чувства. Литераторы сосредоточивают внимание на описании аффективных связей, устанавливающихся между характерами, их развития и трансформации, а также радостей, печали и острых конфликтов, которые возникают между людьми. Хотя эти явления, бесспорно, являются центральной частью жизненной драмы, до последнего времени социальные психологи уклонялись от их изучения.

Более 200 лет назад группа философов из Шотландии — среди них Адам Фергюсон, Давид Юм и Адам Смит — утверждала, что именно различные чувства, формирующиеся и воспитываемые в ассоциациях близких друг другу людей, отличают человека от других животных. Несмотря на большое влияние этих авторов на своих современников, а также развитие их идей романтиками в следующее столетие, до совсем недавнего времени это утверждение игнорировалось социальными учеными. Редкие исключения, такие, как Кули и МакДауголл, напоминали глас вопиющего в пустыне. В течение

нескольких последних десятилетий, однако, интересы сосредоточены на изучении тесных контактов между людьми. На психиатров, которых всегда интересовали человеческие взаимоотношения, оказал влияние Салливен, заявив, что развитие личности обусловлено сетями межличностных отношений. Морено первый попытался создать процедуры для описания и измерения этих сетей и вместе со своими коллегами разработал различные социометрические методы. Некоторые психологи, отмечая, что восприятие человеческих существ гораздо сложнее, чем восприятие неодушевленных объектов, стали рассматривать этот процесс как особую область изучения. Развитие интереса к малым группам, так же как и растущая популярность экзистенциализма, еще больше привлекли внимание к межличностным отношениям[1]. Хотя уровень знаний в этой области еще недостаточен, предмет ее один из наиболее важных.

Проблема межличностных отношений

Фактически при всех групповых действиях участники выступают одновременно в двух качествах: как исполнители конвенциальных ролей и как неповторимые человеческие личности. Когда играются конвенциальные роли, люди действуют как единицы социальной структуры. Существует согласие относительно вклада, который должен внести каждый исполнитель роли, и поведение каждого участника ограничено экспектациями, обусловленными культурными нормами. Однако, включаясь в такие предприятия, люди остаются уникальными живыми существами. Реакции каждого из них оказываются зависимыми от определенных качеств тех, с кем им случится вступить в контакт. Поэтому характер взаимного притяжения или отталкивания в каждом

[1] См. Jerome S. Bruner and Renato Tagiuri, The Perception of People, в Lindzey, op. cit., Vol. II, pp. 634—654; Gladys Bryson, Man and Society, Princeton, 1945; Edward A. Shils, The Study of the Primary Group, в: «The Policy Sciences», Daniel Lerner and Harold D. Lasswell, eds., Stanford, 1951, pp. 44—69.

случае различен. Начальные реакции могут различаться от любви с первого взгляда до внезапной ненависти к другому человеку. Производится своего рода оценка, ибо совершенно неправдоподобно, чтобы двое или более людей могли взаимодействовать, оставаясь безразличными друг к другу. Если контакт поддерживается, участники могут стать друзьями или соперниками, зависимыми или независимыми друг от друга, они могут любить, ненавидеть или обижаться один на другого. То, как каждый человек реагирует на связанных с ним людей, образует вторую систему прав и обязанностей. ***Шаблон межличностных отношений, развивающихся между людьми, включенными в совместное действие, создает еще одну матрицу, которая накладывает дальнейшие ограничения на то, что каждый человек может или не может делать.***

Даже в самых мимолетных взаимодействиях, по-видимому, имеют место своего рода межличностные реакции. Когда встречаются мужчина и женщина, часто происходит взаимная оценка в эротических терминах. Однако воспитанные люди в таких случаях обычно не обнаруживают своих внутренних переживаний. Замечания относительно персоны противоположного пола чаще оставляют для одного из своих самых близких друзей. В большинстве происходящих контактов такие реакции не имеют большого значения и скоро забываются.

Когда люди продолжают общаться друг с другом, возникают более устойчивые ориентации. Хотя выражение «*межличностные отношения*» по-разному употребляется в психиатрии и в социальной психологии, здесь оно будет использоваться для обозначения взаимных ориентаций, которые развиваются и кристаллизуются у индивидов, находящихся в длительном контакте. Характер этих взаимоотношений в каждом случае будет зависеть от личностных черт включенных во взаимодействие индивидов.

Поскольку человек ожидает особого внимания от своих ближайших друзей и не склонен ждать хорошего отношения от тех, кого он не любит, каждая сторона в системе межличностных отношений оказывается связана рядом особых прав и обязанностей. Каждый играет роль, но такие *межличностные роли* нельзя смешивать с конвенциальными ролями. Хотя оба типа

ролей могут определяться на основе групповых экспектаций, между ними существуют важные различия. Конвенциальные роли стандартизованы и безличны; права и обязанности остаются теми же самыми независимо от того, кто эти роли исполняет. Но права и обязанности, которые устанавливаются в межличностных ролях, целиком зависят от индивидуальных особенностей участников, их чувств и предпочтений. В отличие от конвенциальных ролей большинству межличностных ролей не обучаются специально. Каждый развивает свой собственный тип обращения с партнером, приспосабливаясь к требованиям, какие предъявляют ему конкретные индивиды, с которыми он вступает в контакт.

Хотя нет двух совершенно одинаковых систем межличностных отношений, бывают повторяющиеся ситуации, и сходные личности реагируют одинаково на один и тот же вид обращения. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что наблюдаются типичные шаблоны межличностных взаимоотношений и что могут быть названы и определены типичные межличностные роли. Так, в ситуациях сотрудничества могут быть коллега, партнер, поставщик, клиент, поклонник, объект любви и т. д. Среди межличностных ролей, возникающих, когда люди конкурируют из-за сходных интересов, могут быть соперник, враг, заговорщик и союзник. Если человек пытается посредничать между теми, кто расходится во взглядах, он становится арбитром. Еще одна повторяющаяся ситуация может быть описана как власть одной стороны над другой. Если такая зависимость поддерживается путем соглашения, устанавливается законная власть, и те, кто занимает господствующее положение, принимают роль фигуры, облеченной властью. Но действительная способность направлять поведение других не всегда в руках тех, чья конвенциальная роль наделена властью. Ребенок, например, который знает, как воспользоваться минутной вспышкой своих беспокойных родителей, может управлять их поведением. Среди межличностных ролей, возникающих при неравномерном распределении власти, есть лидер, герой, последователь, марионетка и покровитель. Хотя в каждой группе вырабатываются шаблоны исполнения этих ролей, последние аналитически отличаются от конвенциальных ролей потому, что в данном случае каждый

человек принимает определенную роль благодаря своим личным качествам.

В каждой организованной группе существует общее понимание того, какие чувства участникам полагается испытывать друг к другу. В семье, например, конвенциально определены отношения между матерью и сыновьями. Однако внутри этих культурных рамок существует множество вариантов действительных взаимоотношений. Не являются необычными случаи, когда матери ненавидят своих детей или завидуют им. Некоторые сыновья обожают своих матерей, но другие им открыто не повинуются и постоянно противоречат. Три сына одной матери могут быть ориентированы по отношению к ней поразному, и, несмотря на все усилия быть беспристрастной, она может обнаружить, что постоянно предпочитает одного всем другим. Те чувства, которые, как предполагается, должны возникнуть, часто действительно возникают, но во многих случаях, сколько бы ни старались люди, они не могут чувствовать так, как требуется. Внешне они приспосабливаются к групповым нормам, но внутренне каждый знает, что поддерживаемая видимость является лишь фасадом.

Независимость межличностных ролей от конвенциальных проявляется, далее, в том, что сходные межличностные отношения могут быть обнаружены в весьма различных конвенциальных состояниях. Конвенциальные роли, подходящие для классной комнаты и для места работы, весьма различны, но в связях, которые устанавливаются у учительницы с учениками и у главы фирмы со служащими, много сходного. Руководитель может подавлять всякую индивидуальность, рассматривая деятельность служащих как продолжение своих собственных усилий. Точно так же «железной рукой» может управлять учениками учительница. В некоторых конторах царит дух веселого панибратства, и даже конторский мальчик зовет своего хозяина по имени. Подобно этому, некоторые классные комнаты характеризуются атмосферой веселости, и к учителю, который похож на понимающего приятеля, обращаются без конвенциального почтения. Глава фирмы может быть влюблен в свою стенографистку, и счетовод, который также влюблен в нее, может негодовать как соперник. Подобно этому, у учительницы может быть любимый ученик, к которому она благоволит, и тогда его

близкие друзья будут соперничать с ней, добиваясь его привязанности. Несмотря на различия в культурах, во всех обществах одни индивиды доминируют над другими в силу особенностей их личностей, хотя черты, которые внушают благоговение, могут быть весьма различны. Мужчины и женщины повсюду влюбляются друг в друга, везде почитаются герои, и повсеместно сдерживается и прорывается борьба родственников за любовь старших. Моральные кодексы, требующие подобающих чувств, различаются от группы к группе, но нарушение таких кодексов случается повсюду. Эти наблюдения показывают, что разного рода межличностные взаимоотношения могут развиваться в любых конвенциально-упорядоченных ситуациях.

Различия выявляются очень ясно, когда права и обязанности, образующие конвенциальную роль, приходят в столкновение с теми правами и обязанностями, которые создают межличностную роль. Затруднения возникают, например, когда начинают дружить люди, между которыми предполагается значительная социальная дистанция. Проблема становится еще более трудной, когда речь идет о выборе объекта любви. Влюбленность не всегда возникает внутри санкционированных пределов. Один из самых мучительных конфликтов — если человек испытывает непреодолимое влечение к кому-то из тех, с кем запрещены контакты, — к врагу во время войны, к человеку другого социального класса или презираемого национального меньшинства или к члену своей собственной семьи.

Итак, участвующие в согласованном действии люди одновременно взаимодействуют на языке двух систем жестов. Как исполнители конвенциальных ролей, они пользуются конвенциальными символами, являющимися объектом социального контроля. В то же время, однако, особая личностная ориентация каждого действующего лица проявляется в стиле его исполнения, а также в том, что он делает, когда ситуация недостаточно определена и он имеет некоторую свободу выбора. Проявление личностных черт в свою очередь вызывает ответные реакции, часто бессознательные. Если человек чувствует, что его партнеры вносят свой вклад как-то не вполне чистосердечно и искренне, он может обидеться, или разочароваться, или даже начать презирать их — в зависимости от

особенностей его характера. У него может возникнуть желание забастовать или воздействовать на коллегу лаской, поинтересоваться, в чем дело, или в ярости накричать на него. Хотя такие импульсы обычно сдерживаются, они часто прорываются в различных выразительных движениях, которые замечаются другими участниками. Среди тех, кто вовлечен в общее предприятие, следовательно, существует постоянный обмен жестами, благодаря чему осуществляется взаимное приспособление. Одна сторона этого обмена является сознательной и в значительной степени символической, другая более спонтанна и непосредственна.

Эти две формы взаимодействия почти незаметно переходят одна в другую. Но различия тут немаловажны, и неспособность их замечать может привести к большой путанице — например, при изучении лидерства. Есть люди, которые занимают ответственное положение благодаря наследованию или же в силу других конвенциальных установлений. К ним относятся почтительно, по крайней мере на людях, но далеко не всех их уважают как индивидов. Этим персонажам можно противопоставить «естественных лидеров», которые появляются в критических ситуациях — в стихийных восстаниях или в пехотных сражениях. Такие харизматические* лидеры находят последователей благодаря своим необыкновенным личным качествам и с трудом могут быть заменены; те же, кто достигает высокого положения благодаря институциональным процедурам, обычно замещаются без больших трудностей[2]. Подобно этому, непонимание может возникнуть, когда антропологи, описывая бесчисленные патриархальные обычаи, демонстрируют зависимое положение женщины, не принимая в расчет индивидуальных различий. У читателя создается впечатление, что все мужчины в такой стране, как Япония, доминируют над женщинами. Однако в Японии, по-видимому, столько же мужей находится под башмаком у жены, как и где-нибудь в другом месте. В конкретной семье отношения зависят от личностей членов семьи, но этого не замечают

---

* Харизматический — от харизма — богом данный (греч.).

[2] См. David G. Mandelbaum, Soldier Groups and Negro Soldiers, Berkeley, 1952, pp. 15—39; Fritz Redl, Group Emotional Leadership, «Psychiatry», V (1942), 573—596.

те, кто наблюдал только традиционно смиренное поведение японских женщин в присутствии посторонних[3]. Личные документы особенно ценны потому, что раскрывают различия между внешним согласием с групповыми нормами и тем, что случается в частной жизни.

Итак, наши интересы концентрируются на более или менее длительных связях, которые устанавливаются между отдельными индивидами. Какая бы ни была ассоциация, люди вступают в высоко персонализированные взаимоотношения, которые налагают на них особые права и обязанности независимо от их конвенциальных ролей. Когда человек любит кого-то, он становится внимательным к любимому, смотрит сквозь пальцы на его недостатки и бросается на помощь, когда это необходимо. Но он не чувствует себя обязанным поступать так же по отношению к тому, кого он не любит. Напротив, он будет чувствовать себя даже лучше, если свернет в сторону, чтобы доставить ему неприятность. В той степени, в которой установились такие тенденции, система межличностных отношений может рассматриваться как еще одно средство социального контроля. Задача, стоящая перед социальными психологами, заключается в том, чтобы построить адекватную концептуальную схему для изучения этих явлений.

Чувства как системы поведения

Основной аналитической единицей для изучения межличностных отношений является *чувство*. В повседневной жизни мы говорим о любви, ненависти, зависти, гордости или возмущении как о «чувствах», возникающих время от времени у кого-нибудь «в сердце». Словарь здравого смысла не отличается определенностью, и такие выражения используются для обозначения как скоропреходящих, субъективных состояний, так и устойчивых ориентаций по отношению к определенным человеческим существам. Ниже термин «чувства» будет использоваться именно в этом последнем смысле

---

[3] См. Oskar Lewis, Husbands and Wives in a Mexican Village, «American Anthropologist», LI (1949), 602—610.

Когда человек говорит, что он влюблен в женщину, он указывает на отношение, которое глубоко и относительно постоянно. Это значительно больше, чем мимолетное переживание; это ориентация, которая продолжает существовать в самых различных ситуациях. С точки зрения бихевиоризма, это чувство может рассматриваться как то, что один человек *значит* для другого. Следует напомнить, что значение не есть некая смутная «идея», проносящаяся в голове; это сложная форма поведения: организованное предрасположение действовать определенным образом по отношению к некоторому объекту. Чувство есть один из типов значения — организованное предрасположение действовать по отношению к персонификации, которой приписывается некоторая ценность. Ненавидеть кого-то — значит быть готовым действовать по отношению к нему агрессивно или защищаться от него.

Как и все другие значения, чувства должны определяться не в связи с любой частной линией действия, но через шаблон реакций. В прошлом веке английский психолог Шанд описал некоторые из основных шаблонов, ссылаясь на четыре эмоциональные реакции, которые регулярно возникают в специфических обстоятельствах. Он отмечал, что, когда мужчина влюблен в женщину, он испытывает радость в ее присутствии, грусть, если она отсутствует, страх, когда появляется опасность ее потерять, и ярость, если она подвергается нападению. Он, далее, заметил, что, когда человек ненавидит кого-то, те же самые реакции вызываются противоположными обстоятельствами[4].

Итак, с позиций бихевиоризма чувства определяются не столько в терминах каких-то частных действий, сколько через их организацию. Поведение целенаправленно, но средства для достижения цели избираются в зависимости от обстоятельств. Так, при ненависти цель состоит в том, чтобы защититься или погубить противника, и человек, который

---

[4] Alexander F. Shand, The Foundations of Character, London, 1920, pp. 35—38. Ср. William McDougall, An Introduction to Social Psychology, Boston, 1918, pp. 125—163; Alexander H. Leighton, My Name is Legion, New York, 1959, pp. 226—275, 395—420.

ненавидит кого-то, становится повышенно чувствительным как к опасности, так и к благоприятной возможности для атаки. Образы, направленность восприятия и моторные процессы — все избирательно ориентировано на действия в едином направлении. Как и в случае с другими значениями, различные ситуационные реакции основываются на определенных устойчивых свойствах, которые приписываются объекту.

Кроме того, чувства включают оценку персонификаций. Если человек является источником какого-то рода удовлетворения, он становится желанным объектом и его любят; если он источник фрустрации, он вызывает опасение или раздражение и его не любят. По-видимому, Фрейд думал примерно так же, когда говорил об «объектном катексисе».

Люди в состоянии определять чувства именно благодаря шаблону реакций. Например, как может человек сказать, что его сестра влюблена, если она постоянно это отрицает? Не делается ли этот вывод из наблюдений за ее реакциями? Она краснеет от смущения, если случайно сталкивается с определенным юношей. Она становится раздражительной, если другая девушка овладевает его вниманием. Она сияет, когда бы он с нею ни заговорил. Она, в сущности, игнорирует других юношей. О том, какую ценность придает человек определенному объекту, можно судить не по тому, что он говорит о его ценности, но по усилиям, которые он затрачивает, чтобы добиться его и чтобы сохранить его в целости.

Как уже давно отметил Адам Смит, чувства отличаются от других значений тем, что они основаны на эмпатии. Возникает сочувственная идентификация с другой персоной: она признается человеческим существом, созданием, способным делать выбор, испытывать страдание, наслаждаться радостью, иметь надежды и мечты и в общем реагировать примерно так же, как я сам мог бы реагировать в сходных обстоятельствах. Как указал Бубер, признание другого человека как «вы», а не как «это» предполагает представление о нем как о существе, одаренном качествами, во многом подобными моим собственным[5]. Итак, чувства основываются на приписывании свойств, которые человек находит в себе самом. Человек возмущается

---

[5] Martin Buber, I and Thou, New York, 1958.

действиями вышестоящего, если приписывает ему садистские склонности. Но он сочувствует подобным поступкам другого человека, если считает, что тот не мог поступить иначе. Следовательно, чувства основаны на способности принять роль определенного человека, идентифицировать себя с ним и определить ситуацию с его особой точки зрения. Поскольку люди значительно отличаются друг от друга по способности к эмпатии, существуют индивидуальные различия в способности испытывать чувства.

Когда эмпатия отсутствует, даже человеческие существа рассматриваются как физические объекты. Многие специальные контакты, которые имеют место в большом городе, лишены сантиментов. К шоферу автобуса, например, часто относятся так, словно это лишь придаток рулевого колеса. Даже в сексуальных отношениях — одной из наиболее личностных форм взаимодействия индивидов — возможно восприятие другого человека либо как «вы», либо как «это». Исследователи отмечают, что проститутки обычно воспринимают посетителей как неодушевленные объекты, лишь как источник средств к существованию. В противоположность таким отношениям многие из этих женщин имеют возлюбленных. Психологически тут совершенно разные типы взаимодействия, и только второй приносит удовлетворение[6]. Здесь существенно, что на объект проецируются определенные качества, позволяющие установить какого-то рода сочувственную идентификацию. Отсюда следует, что некоторые конвенциальные роли — как, например, палач или солдат в бою — могут быть исполнены более эффективно, если чувства отсутствуют.

Поскольку нет двух людей, совершенно одинаковых, существует, вероятно, бесконечное число чувств. Подобно другим значениям, чувства допускают несколько измерений, и один из важных показателей — насколько внутренне согласуются составляющие их тенденции[7]. Почти непреклонной

---

6 См. C. H. Rolph, ed., Women of the Streets, London, 1955, pp. 85—88; Harold Greenwald, The Call Girl, New York, 1958.

7 Подробное рассмотрение систем измерений см. в: Vera V. French, The Structure of Sentiments, «Journal of Personality», XV (1947), 270—275.

последовательностью отличаются ориентации на идеализированные персонификации. Некто помещается на пьедестал, ему поклоняются, причем все несоответствующие импульсы сдерживаются или подавляются. Другая крайность — если с одним и тем же индивидом связывается несколько различных персонификаций, в результате чего основанные на них действия оказываются противоречивыми. Большинство чувств, по-видимому, располагается где-то между этими полюсами. Фрейд отмечал, что в интимных контактах многие люди проявляют амбивалентность чувств. Точно так же, как ребенок видит свою мать то «хорошей», то «плохой», взрослые часто создают более чем одну персонификацию тех, кого они знают. Например, успешно делающая карьеру женщина может представлять себя альтруистически посвятившей свою жизнь очень важному делу и рассматривать своего мужа как доброго, но ленивого человека. Она находит его полезным как слугу, как партнера в любви и как приятного компаньона, когда она не работает. Но в мечтах об успехе она видит себя разделяющей славу с каким-то другим человеком. Время от времени, однако, она понимает, что в действительности работает ради своего собственного возвеличивания. В этих случаях она видит мужа простым человеком, который любит ее, и хотя не может понять, почему она так много работает, но принимает на веру ее утверждения и делает все, что может, чтобы справиться с рядом затруднительных ситуаций. Когда она сознает, сколь многим он в действительности пожертвовал ради нее, она персонифицирует его как преданного, милого человека. Если одновременно существуют различные концепции относительно одного и того же индивида, обращение с ним часто бывает очень переменчивым.

Чувства также значительно различаются по интенсивности. Последняя зависит, по крайней мере частично, от того, насколько противоречивы ориентации одного человека по отношению к другому. Например, влюбленность достигает наивысшей интенсивности в ситуациях, где существует конфликт между эротическими импульсами и необходимостью сдерживать себя из уважения к объекту любви. Вероятно, и ненависть достигает наибольшей интенсивности, когда существует некоторая амбивалентность. Это подтверждается тем,

что человек значительно более мстителен по отношению к предателю, чем к врагу[8].

Подобно другим значениям, чувства, раз они возникли, имеют тенденцию стабилизироваться. Устойчивость таких ориентаций обнаруживается особенно в случае смерти близкого существа. Разумом человек принимает факт этой смерти, но некоторое время он может заменять недостающее общение взаимодействием с персонификацией[9]. Относительно устойчивые персонификации постоянно подкрепляются благодаря избирательности восприятия. Каждый человек охотно оправдывает тех, кого любит: заметив неблаговидный поступок приятеля, он заключает, что либо это ему показалось, либо для этого имелись какие-то извиняющие обстоятельства. Но тот же самый человек вовсе не столь же великодушен к людям, которых не любит: к ним он подходит, приготовившись к худшему. Даже совершенно невинное замечание с их стороны может быть интерпретировано как враждебный выпад. Поэтому большинство людей ухитряется сохранить ту же самую оценку каждого из своих знакомых почти независимо от того, что те в действительности делают. Конечно, если человек постоянно поступает вопреки ожиданиям, люди рано или поздно пересматривают свои оценки. Но существуют значительные индивидуальные различия в способности изменять отношение к людям. Некоторые настолько негибки, что не способны замечать сигналы, решительно противоречащие их гипотезам. Несмотря на повторные неудачи, они продолжают поступать так, как прежде, — до тех пор, пока катастрофа не заставит их осуществить «мучительную переоценку» взаимоотношений.

Хотя большинство людей считает, что они сознают все свои чувства, психиатры постоянно отмечают, что это не так. Когда чувства еще только формируются, существует высокая степень осознания: различные черты новых товарищей или соперников замечаются и обдумываются. Но по мере того, как

---

[8] См. Karen Horney, On Feeling Abused, «American Journal of Psychoanalysis», XI (1951), 5—12; Harold F. Searles, The Psychodynamics of Vengefulness, «Psychiatry», XIX (1956), 31—39.

[9] Henry H. Brewster, Grief: A Disrupted Human Relationship, «Human Organization», IX (1950), 19—22.

взаимоотношения устанавливаются, осознание соответственно уменьшается, пока все не начинает восприниматься как само собой разумеющееся. Это не означает, что чувства исчезают; хорошо организованные шаблоны поведения остаются, но люди их более не сознают. Так, многие родители очень любят своих детей, но они редко думают об этом. Они просто считают это само собой разумеющимся и внешне могут казаться даже несколько суровыми. Их ориентация становится очевидной лишь в критических ситуациях: спонтанно они стремятся прежде всего защитить детей. Когда существуют такие взаимоотношения, постоянное напоминание о любви и различные символы чувства становятся излишними. К ним прибегают только тогда, когда случается что-то неожиданное и характер взаимоотношений временно оказывается под сомнением. Люди сами дают себе указания о том, как следует действовать по отношению к другим, но они делают это только тогда, когда имеется некоторая неопределенность.

Всякий раз, когда людей спрашивают об их отношениях к окружающим, они обычно называют чувства, которые конвенциально санкционированы. Если конфликт между организованными предрасположениями к действию и конвенциальными нормами достигает высокой степени, чувства могут быть вытеснены из сознания. Иногда те самые родители, которые постоянно демонстрируют свои чувства — поцелуями, объятиями или же заверениями в любви — могут в кризисной ситуации безрассудно броситься в бегство, пытаясь себя спасти, и оставить своих детей на произвол судьбы. Или, когда существует серьезное соперничество внутри семьи, различные агрессивные тенденции могут проявляться лишь в случайных обмолвках, забывании важных фактов или в поступках, которые могут показаться просто странными, но отнюдь не враждебными. Не любить собственных детей неправдоподобно.

Шанд, видимо, не осознавал до конца тот факт, что чувства развивают свою структуру и постоянно усиливаются как составные части межличностных отношений взаимозависимых участников. Чувства не существуют изолированно; как элементы более содержательных взаимоотношений, они не могли бы сохраниться без какого-то рода поддержки со стороны других людей.

Репертуар чувств у каждого человека формируется в процессе его общения с ограниченным числом людей, которых ему довелось узнать как единственных в своем роде индивидов. Реакции таких людей очень важны для создания и укрепления его *Я*-концепции, и те, от кого зависит подтверждение такой персонификации, могут быть обозначены как *значимые другие*. Каждый весьма чувствителен к требованиям таких лиц, поскольку он не может себе позволить потерять поддержку этой аудитории. Значимые другие — это все, с кем человек близко знаком, но высокая степень интимности не является необходимой. Учитель или священник, например, могут оказывать очень большое влияние, даже если человек не знаком с ними в личной жизни. Значимая аудитория может также включать воображаемые персонификации, такие, как популярные герои или авторы любимых книжек. Следует подчеркнуть, что взаимоотношения не обязательно должны быть дружескими. Иногда человек, который ненавидит каких-то людей, действует им назло, поддерживая уважение к себе тем, что вынуждает их огорчаться и сердиться. Итак, чувства, характеризующие отдельного человека, зависят от свойств тех конкретных людей, с кем он вступает в тесный контакт в процессе своей жизни.

Однако, как только чувства выкристаллизовались, такие ориентации могут распространяться на другие объекты. Различные категории человеческих существ могут оцениваться как плохие, опасные или желаемые, и тогда к ним будет применен подход, развитый первоначально во взаимодействии с единичными индивидами. Ребенок может уронить любимую куклу и заботливо спрашивать, не больно ли ей, или приписывать человеческие переживания собаке и распространять на нее шаблоны поведения, выработанные в общении с людьми. В некоторых культурах фактически все значения наделяются человеческими характеристиками. Естественные явления рассматриваются, как если бы они были человеческими существами: им приписываются мотивы и к ним могут обращаться с просьбой о помощи или с угрозой[10]. Важнее всего то, что такие ориентации направляются и на самого себя. В большинстве случаев человеческая *Я*-концепция является чувством.

---

[10] См. Henri Frankfurt et al., The Intellectual Adventure of Ancient Man, Chicago, 1946.

Человек может уважать или презирать самого себя. Тогда он относится к себе так же, как он готов действовать по отношению к другим, кого он уважает или презирает.

Поскольку изучение чувств только сейчас выходит на широкую дорогу, не приходится удивляться, что для наблюдения за ними выработаны лишь немногие методики. Материалы о том, как люди относятся друг к другу, собираются путем интенсивных интервью, путем наблюдения в заранее подготовленной ситуации и путем разнообразных тестов[11]. Особенно многообещающей оказалась стандартная процедура ТАТ: вынужденный интерпретировать двусмысленные рисунки, субъект почти неизменно обнаруживает свои характерные ориентации по отношению к межличностным ролям. Это позволяет установить, как понимает человек свое место в системе межличностных отношений.

Структура типических чувств

Каждое чувство — это значение, которое развивается в последовательном ряде приспособлений к требованиям жизни с определенным индивидом. Поскольку как субъект, так и объект неповторимы, не может быть двух чувств совершенно тождественных; и все же мы без труда распознаем типические чувства. Типические чувства являются составной частью повторяющихся шаблонов межличностных отношений, и они могут рассматриваться как способы играния общих межличностных ролей. В какое-то время каждый человек оказывается во власти другого или, наоборот, имеет другого в своей власти. Часто он обнаруживает, что вынужден с кем-то конкурировать. В таких ситуациях складываются типические интересы, конструируются типические персонификации и возникают типические оценки других людей. Это значит, что многие чувства достаточно сходны, чтобы можно было сформулировать какие-то обобщения.

Систематическое изучение чувств затрудняют оценочные суждения. В Соединенных Штатах, где романтическое влечение рассматривается как необходимая основа для брака,

---

[11] См. French, op. cit.; Leary, op. cit.; Osgood et al., op. cit.

широко распространено представление, что в жизни любого индивида может быть только одна истинная любовь. Когда при встрече с привлекательной особой противоположного пола наступают различные метаболические трансформации, многие молодые люди проводят мучительные часы, желая узнать, действительно ли пришло это мистическое переживание. Любви придается очень высокая ценность: существует тенденция ассоциировать ее с богом, отечеством или какими-то благородными идеалами[12]. Точно так же почти универсально осуждается ненависть и насилие. Все это затрудняет беспристрастное изучение различных чувств. Нередко фактическое положение дел смешивается с конвенциальными нормами. Люди склонны не замечать или отрицать склонности, которых они не одобряют.

Приступая к более объективному исследованию, следует начать с рассмотрения того, *как люди оценивают друг друга*, и отказаться оценивать чувства, как таковые. Чтобы описать несколько чувств, которые рельефно выступают в распространенных психиатрических теориях, лучше всего, по-видимому, начать с ограниченного числа наиболее очевидных типов ориентации.

Всякого рода объединяющие, конъюнктивные, чувства обычно возникают тогда, когда люди преследуют общие интересы, и достижение коллективных целей приносит каждому какое-то удовлетворение. Участники в таких ситуациях взаимно зависимы, ибо консуммация импульсов одного зависит от вкладов, внесенных другими. В таких обстоятельствах другая сторона рассматривается как *желаемый объект*. Каждый постоянный источник удовлетворения приобретает высокую ценность. Возлюбленным или товарищем дорожат, о таком человеке заботятся, его вознаграждают, защищают и в некоторых случаях даже способствуют максимальному развитию его способностей[13]. Такие чувства варьируют по интенсивности от слабого предпочтения до глубокой преданности — как у влюбленного, всецело поглощенного другим человеком, у матери, отдающей жизнь своему единственному ребенку, или

---

[12] См. Hugo G. Beigel, Romantic Love, «American Sociological Review», XVI (1951), 326—334.

[13] Nelson Foote, Love, «Psychiatry», XVI (1953), 245—251.

у верующего, забывающего себя ради благочестивой любви к богу. Даже эгоист оказывается заинтересованным в объекте любви. Поскольку его интересы не могут быть удовлетворены без сотрудничества с другими, он становится чутким и внимательным. Он может даже принести жертву, чтобы гарантировать продолжение таких связей. Такие чувства могут развиваться в различных обстоятельствах, и распределение межличностных ролей зависит от ситуации. Объединяющие чувства возникают внутри спортивной команды, среди солдат одного подразделения или между товарищами по работе. В подобных обстоятельствах возможны такие межличностные роли, как друг, партнер, коллега, помощник. Еще одна ситуация — когда человек просто одинок. Он испытывает беспокойство относительно ценности своей личности и ищет доказательств своей желательности. В таких обстоятельствах не исключено, что ему придется исполнять роль компаньона и марионетки. Часто конъюнктивные чувства имеют эротическую основу. Следует подчеркнуть, однако, что связь между любовью и сексом вовсе не обязательна: могут быть сексуальные отношения без любви и продолжительное влечение без эротического контакта.

В западной интеллектуальной традиции издавна проводится различие между двумя типами любви. Любовь к другому из-за его полезности греки называли Eros, а любовь ради самого человека — Agape. Основываясь на этом различии, в средние века теологи противопоставляли человеческой любви — которая обычно рассматривалась как имеющая эротическую основу — божественную любовь. Ударение делалось на различии между ориентацией, при которой объект любви является инструментом, и ориентацией, когда он сам по себе цель. Любящий может быть заинтересован преимущественно в своем собственном удовлетворении или в удовлетворении объекта. Это различение недавно возрождено психиатрией, чтобы не называть два различных чувства одним и тем же словом[14].

---

[14] См. Martin C. D'Arcy, The Mind and Heart of Love, New York, 1956; Pitirim A. Sorokin, ed., Explorations in Altruistic Love and Behavior, Boston, 1950.

Собственническая любовь основывается на интуитивном или осознанном понимании того факта, что собственное удовлетворение зависит от кооперации с другим человеком. Этот другой персонифицируется как *объект, ценный в силу его полезности*. С ним нянчатся, ибо в собственных интересах заботиться о его благополучии. Этот тип чувства характеризуется специфическим шаблоном поведения. Человек обычно радуется, если находится рядом с объектом любви, и грустит, когда тот отсутствует. Если объект подвергается каким-нибудь нападкам, человек проявляет ярость по отношению к нападающему; он защищает объект от опасности, хотя степень, до которой он будет рисковать собой, не беспредельна. Если объект привлекает других, человек испытывает ревность. Однако, поскольку интерес концентрируется на своем собственном удовлетворении, он может даже не замечать разочарования и боли у объекта. Такая любовь не безусловна: объект высоко ценится лишь постольку, поскольку он продолжает приносить желаемое удовлетворение. Когда любящий пресыщается, он может даже отвергнуть эту любовь. Если в объекте нет больше необходимости, им пренебрегают или его игнорируют, а иногда даже забывают. Целью такого поведения является полное подчинение и порабощение объекта любви — как если бы это было нечто такое, что можно превратить в свою собственность.

Этот тип чувства может быть обнаружен во многих различных ситуациях. Иногда женщины интуитивно занимают оборонительную позицию, опасаясь, что мужчины, которые проявляют к ним интерес, намерены только эксплуатировать их тело. Другим примером могут служить родители, которые умудряются до конца своей жизни контролировать поступки детей. Те, кто приносит чрезмерные жертвы для того, чтобы одаренный ребенок мог стать великой балериной или ученым с мировой известностью, фактически порабощают тех, кого они осыпают благодеяниями. Последние настолько чувствуют себя в долгу перед ними, что не могут уклониться от исполнения малейшей прихоти родителей, не испытывая при этом глубокого чувства вины. Насколько один человек любит другого, выявляется, когда у объекта любви возникает возможность найти счастье без любящего. Многие матери, которые торжественно заявляют, что им не надо ничего,

кроме счастья их сыновей, создают всевозможные препятствия, если те хотят жениться. Точно так же отечески настроенный предприниматель, который утверждает, что заботится о будущем своей секретарши, может препятствовать ее браку, обнаруживая у каждого поклонника какие-то недостатки, и она пожизненно остается привилегированным клерком в его конторе. С объектом любви часто хорошо обращаются и могут даже его лелеять, но никогда не отпускают на волю.

Бескорыстная любовь, напротив, предполагает, что персонификация приобретает высшую ценность безотносительно к любящему, как в случае, который обычно называют материнской любовью. Главный интерес сосредоточен здесь на благополучии объекта любви. Соответственно отличается шаблон поведения: радость при виде какого-то удовлетворения со стороны объекта любви и огорчение, когда он обижен или болен. Если кто-либо причиняет вред объекту любви или унижает его, возникает ярость против агрессора. При виде опасности для объекта человек испытывает страх и может принять удар на себя. Спасая его, он может даже пожертвовать самим собой. Следовательно, как отмечает Шанд, различие между собственнической и бескорыстной любовью заключается в том, что последняя не эгоцентрична; радость, горе, страх или гнев возникают в зависимости от того, в каких обстоятельствах оказывается не столько сам любящий, сколько объект любви[15]. Оба типа чувств называются «любовью», ибо объекту приписывается высокая ценность, но во втором случае любящий более заинтересован в объекте, чем в самом себе. Общая тенденция проявляется в стремлении идентификации с объектом, и некоторые психиатры полагают, что цель в этом типе взаимоотношений заключается в полном слиянии с объектом.

Среди христиан бескорыстная любовь идеализируется, а собственническая осуждается. Обычно люди утверждают, что их любовь альтруистична. Поскольку использование других в собственных целях вызывает острое чувство вины, перцептуальная защита не дает заметить истинного положения. Это говорит о том, что словесные заявления о любви не всегда можно принимать за чистую монету; только наблюдая, как

---

[15] Shand, op. cit., pp. 43—50.

человек ведет себя в различных ситуациях, можно понять, чьи интересы — свои собственные или объекта любви — стоят у него на первом месте.

Разделяющие людей, дизъюнктивные, чувства чаще всего возникают в тех случаях, когда успех одного человека влечет за собой какую-то неудачу для другого. В таком соперничестве противоположная сторона оценивается как *фрустрирующий объект*. Но фрустрация может различаться по степени от слабого неудобства до блокирования жизнедеятельности человека; отсюда понятно, что с ростом отчаяния агрессивность резко увеличивается. Конфликты возникают там, где интересы противоположны, где для успеха одной стороны необходимо вывести из строя или уничтожить другую. Здесь противник персонифицируется как *опасный объект*, и возникают автоматические защитные реакции. Они становятся необходимы, чтобы защитить самого себя. Когда только возможно, врагов избегают, а если контакт абсолютно необходим, к ним подходят с оборонительной позиции — с высокой степенью самосознания, чтобы свести к минимуму возможность попасть к ним в руки. Права и обязанности, которые создают межличностные роли в таких взаимоотношениях, двойные: различные агрессивные действия против оппонента — от прямого физического нападения до опосредствованной символической атаки — и лояльность к собственным союзникам.

Дизъюнктивные чувства могут возникать во многих различных обстоятельствах, в том числе и в таких, где они запрещены. Типы конвенциальных норм, которые при этом возникают, степень, до которой они усиливаются, и то, как называются межличностные роли, зависят от этих обстоятельств. Конкуренция может быть обнаружена в таких различных ситуациях, как поиски благосклонности привлекательной женщины, или соперничество коллег по профессии, или борьба за популярность в общественном клубе. Конкуренция может возникать также внутри семьи, когда и мать и дети добиваются внимания отца. В большинстве ситуаций допустимы некоторые формы умеренной агрессивности, но существуют строгие правила, устанавливающие пределы, за которые соперники не должны выходить. Даже когда нормы явно не сформулированы, существуют неформальные представления о порядочности и «чистой игре». Во многих

случаях победа, одержанная недостойными средствами, оказывается напрасной, ибо победителя покидают и презирают даже собственные друзья. Когда же конкуренция выливается в открытый конфликт, оппоненты превращаются во врагов. Тогда становится особенно трудно соблюдать правила честной игры; как гласит пословица — «в любви и на войне все средства хороши».

Ненависть — это чувство, известное, видимо, всем. Человек огорчается, если объект ненависти здоров и процветает, он испытывает ярость и отвращение в его присутствии, он ликует, когда того постигают неудачи, и испытывает беспокойство, когда тот преуспевает. Поскольку эти импульсы обычно осуждаются, они часто сдерживаются. Но они обнаруживаются в экспрессивных движениях — в быстро мелькнувшей улыбке, когда ненавистный человек споткнется, гримасе отвращения, когда он добьется успеха, или индифферентном пожимании плечами, когда он окажется в опасности. Иногда говорят, будто человек не может ненавидеть тех, кого он близко знает. В действительности это не так. Если социальная дистанция сокращается, для развития ненависти возникает значительно больше возможностей[16]. В самом деле, видимо, самая интенсивная форма ненависти — мстительность, которая развивается, когда человек обращает свой гнев против того, кого прежде любил и кому доверял.

Люди, состоящие в отношениях взаимной зависимости, не всегда равны; о том, кто может заставить других подчиняться своим требованиям, говорят, что он обладает властью. *Взаимоотношения власти* двусторонни: человек обладает властью лишь постольку, поскольку другие продолжают покоряться. Межличностные роли здесь легко определяются. Один человек господствует, и к нему подходят как к *высшему объекту*; другой подчиняется, и с ним обращаются как с *низшим объектом*. Те, кто доминирует, не только принимают решения, но и во многих случаях берут на себя также защиту своих последователей. Кроме того, обычно господствующая сторона может наказывать тех, кто не способен кооперироваться. При этом она, как правило, опирается на институциональный

---

[16] См. Henry V. Dicks, Clinical Studies in Marriage and the Family, «British Journal of Medical Psychology», XXVI (1953), 181—196.

механизм — предприниматель, например, может уволить рабочего и удалить его из помещения с помощью полиции. Отношения власти существуют, следовательно, повсюду, где люди исполняют решения других, опасаясь того, что может случиться, если они этого не сделают[17].

Взаимоотношения власти (power relationships) не следует смешивать с законной властью (legitimate authority) — конвенциальными ролями, которые определены обычаем как господствующие. Оба типа часто совпадают, однако это вовсе не обязательно. Рабочий может шантажировать предпринимателя, если он обладает сведениями, которые могут вызвать скандал. Взаимоотношения власти, следовательно, могут развиваться в любых ситуациях, если одной из сторон удастся навязать другой свое влияние, либо опираясь на собственные силы, либо умело используя конвенциальные механизмы.

Если человек занимает господствующее положение, его конъюнктивные чувства по отношению к подчиненным могут быть обозначены как *снисходительность*. Объект является явно низшим существом, однако он источник удовлетворения — как в случае с лояльным слугой, послушным ребенком или преданным подхалимом. Можно встретить женщину, которая называет своего мужа «вторым ребенком», и часто мужья относятся к своим женам во многом так же, как помещик — к крепостным. Шаблон поведения, характеризующий эту ориентацию, патерналистский. Шеф дарует благосклонность объекту любви — он уделяет ему внимание, обучает его, дает советы, хвалит за хорошо выполненную работу, и если наказывает, то «для его же пользы». Объект часто персонифицируется как существо, подобное ребенку: не очень умный, эмоциональный и неустойчивый, еще не способный нести ответственность. К нему относятся с любовью и вниманием, как к ребенку, но всегда молчаливо предполагается неполноценность объекта: с ним обращаются снисходительно и без того уважения, которое оказывают равным, его право принимать решения часто узурпируется. Крайний случай такой персонификации — дурак, от которого ничего серьезного нельзя требовать. Поскольку он

[17] См. Harold D. Lasswell, Power and Personality, New York, 1948, pp. 10—19.

считается некомпетентным, он обладает привилегиями, которые иногда граничат с вольностью. Несмотря на его «неполноценность», его ценят и он популярен[18].

Если зависимый человек относится к своему шефу как к желаемому объекту, создается персонификация, близкая к идеалу. В особом случае господствующая сторона становится объектом *героепочитания* (hero-worship). «Hero» по-гречески означает — совершенный человек, совершенное выражение группового идеала. Объектами такого почитания могут стать отец, старший брат или ловкий спортсмен для мальчика, смелый предводитель — для группы воинов, святой или мученик — для религиозной секты и т. п. Соответствующий шаблон поведения предписывает радость, когда человека заметит герой, и злость на тех, кто посмел обличить его слабости; сильное желание выказать герою предпочтение и отдать ему должное; беспокойство, когда герой в опасности или если субъект может быть отвергнут героем. Биография героя вызывает сильное любопытство. Поклонники жадно передают слухи о своем идоле и пытаются усвоить некоторые его привычки. Герой часто используется как модель, по которой человек пытается строить свою жизнь[19].

Если партнеры обладают неравной властью, дизъюнктивные чувства также приобретают специфические особенности. Ориентация доминирующей персоны по отношению к зависимым, которые не удовлетворяют ее, может быть лучше всего обозначена как *презрение*. Такой человек обычно настаивает на сохранении социальной дистанции, обрушивая на нижестоящего поток критических, циничных и скептических замечаний по поводу его способностей. Ироническое, совершенно беззастенчивое презрение иногда обнаруживают люди,

---

18 См. Orrin E. Klapp, The Fool as a Social Type, «American Journal of Sociology», LV (1949), 157—162.

19 Paul Meadows, Some Notes on the Social Psychology of the Hero, «Southwestern Social Science Quarterly», XXVI (1945), 239—247; см. также Orrin E. Klapp, The Creation of Popular Heroes, «American Journal of Sociology», LIV (1948), 135—141; Hero Worship in America, «American Sociological Review», XIV (1949), 53—62; Gottfried Salomon, Hero Worship, Encyclopedia of the Social Sciences, Vol. VII, pp. 336—338.

которые сами являются объектами поклонения. Окруженные чрезмерной заботой дети часто смотрят на родителей сверху вниз, словно идолы «рабов любви», готовых принести им любую жертву. Они находят удовольствие в том, чтобы предъявлять неразумные требования и затем наблюдать, как мучаются их обожатели, пытаясь исполнить каждое требование повелителей. Господство любого рода подразумевает недостаточное уважение; но, когда подчиненная сторона рассматривается как низменный объект,неуважение иногда переходит в садизм.

Не все люди, которые подчиняются господству, верят, что данное устройство справедливо. Некоторые подчиняются только потому, что не имеют другого выхода. Для таких людей доминирующая сторона становится фрустрирующим объектом и вызывает такие чувства, как *обида* и *возмущение*. Шаблон возмущения редко выражается открыто, но обиженный персонифицирует другого как человека, реально не заслуживающего уважения. Он охотно отмечает все его промахи и ошибки, а если чувствует, что может выйти сухим из воды, переходит к открытому неповиновению. Однажды сформировавшись, такие чувства могут сохраняться даже после того, как неприятным взаимоотношениям придет конец. Став взрослыми, дети, которые возмущались родительской властью, иногда неприязненно относятся к авторитетам любого рода.

Избирательность восприятия обеспечивает самоподкрепление любого чувства. Персонификации создаются путем приписывания мотивов, причем приписываются только самые желательные намерения. Как только сформировалась персонификация, шаблоны чувств фиксируются. Тот факт, что персонификация основывается скорее на гипотезах любящего, чем на объективных качествах объекта любви, можно продемонстрировать на поведении влюбленного. Он приписывает своей возлюбленной самые возвышенные мотивы, во всем ее оправдывает, упорно не замечает недостатков и вообще наделяет ее именно теми качествами, которыми привык восхищаться. Его друзья бывают очень удивлены, не обнаружив добродетелей, о которых они так много слышали.

Дизъюнктивные чувства поддерживаются с помощью *контрастных концепций*. Противник часто представляется

воплощением дьявола, в его поведении замечается только то, что в собственной культуре считается отвратительным. Поскольку почти каждый поступок человека может получить несколько толкований, контрастная концепция усиливается почти независимо от того, как действительно ведет себя оппонент. Если он держится мужественно, его называют фанатиком, если перед лицом внушительной оппозиции он отступает, его называют трусом. Создавая неблагоприятную персонификацию своего недруга, каждый может представлять себя как борца против зла и защитника человеческих добродетелей. В результате контраст усиливается еще больше[20]. Установление таких контрастов делает возможным принятие двойственной морали. Поскольку враги расцениваются как нечто низшее, по отношению к ним конвенциальные нормы не соблюдаются. Здесь цель оправдывает средства: предательство, обман, взяточничество — все, что никогда не было бы дозволено внутри своей собственной группы[21]. Противники создают контрастные концепции, приписывая друг другу нереалистические мотивы и затем эмоционально реагируют на персонификацию, которую они сами сконструировали. Этим объясняется тот факт, что соперники и враги не могут понять друг друга. Часто противнику приписываются черты, которые человек не любит в самом себе. Возможно, что люди с низким уровнем собственного достоинства способны к более сильной ненависти, поскольку они склонны проецировать на других более злобные мотивы.

Шаблоны реакций, в связи с которыми определяются различные чувства, основываются на предположениях относительно объекта. Поскольку персонификации изменяются, шаблоны поведения также модифицируются. Даже бескорыстной любви, при которой так мало требуется от объекта любви, может прийти конец, если последний постоянно отказывается поступать в соответствии с разумными ожиданиями.

---

[20] Eric Voegelin, The Growth of the Race Idea, «Review of Politics», II (1940), 283—317; Lewis C. Copeland, The Negro as a Contrast Conception, Race Relations and the Race Problem, E. T. Thompson, ed., Durham, 1939, pp. 152—179.

[21] См. William G. Sumner, Folkways, Boston, 1906, pp. 12—15.

В памяти человек может сохранить свои чувства к воображаемой персонификации, но он не чувствует более особых обязанностей перед данным объектом. Если героепочитание основывается на идеализированной персонификации, не приходится удивляться, что так много мальчиков разочаровывается, обнаружив, что их отец — всего лишь обыкновенное человеческое существо. Ревность, ненависть и другие чувства могут стать менее интенсивными и даже вовсе исчезнуть, если в процессе взаимодействия произойдут значительные изменения, и участники определят друг друга по-новому.

Отношение к различным чувствам, установившееся в повседневной жизни, можно легко понять. Конъюнктивные чувства благоприятны для оптимального развития участников и облегчают исполнение различных совместных начинаний. Общее одобрение этих чувств не является неожиданным. Напротив, развитие дизъюнктивных чувств почти всегда оказывается помехой в жизни группы, и их общепринятое осуждение столь же понятно. Продолжительное участие человека в конфликтных ситуациях может привести к развитию у него новой обобщенной ориентации к людям и к значительным изменениям в личности. Чувство благопристойности и честной игры притупляется. Стремление выиграть во что бы то ни стало настолько поглощает человека, что он начинает все оценивать лишь с точки зрения такой победы. Люди, которые ненавидят слишком долго и слишком сильно, обрекают сами себя на муки, создавая контрастные концепции в своем воображении. Временами они могут становиться неспособными к жалости и благодарности. Те, кто привык опираться на грубую силу, будут это делать даже в тех ситуациях, где такая тактика совершенно неэффективна[22]. Поэтому реформаторы обычно призывают к устранению конфликтов и большинство утопических обществ рисуется как совершенно гармоничные. Однако такие соображения иногда мешают заметить, что групповая солидарность часто усиливается благодаря оппозиции[23].

---

[22] См. Sidney Hook, Violence, Encyclopedia of the Social Sciences, Vol. XV, pp. 264—267.

[23] См. Lewis Coser, The Functions of Social Conflict, Glencoe, 1956, pp. 87—110.

Личностные различия в чувствах

Индивиды значительно различаются по тому, насколько они способны исполнять межличностные роли, и у каждого выработан свой характерный способ включаться в сеть межличностных отношений. Одни любят людей, находят удовольствие в общении с ними и вполне искренне вступают в совместное предприятие. Другие вносят свою долю с оглядкой: они прилагают усилия лишь тогда, когда и партнеры выполняют свои обязанности. Третьи исполняют свой долг только в том случае, если кто-нибудь наблюдает за ними или когда ясно, что это способствует их прямой выгоде. Они считают, что только тупые и глупые люди могут с энтузиазмом работать ради кого-то другого. Наконец, есть и такие, кто вообще не способен справляться ни с какими обязанностями.

Конфликты того или иного рода неизбежны в жизни любого человека, и каждый вырабатывает характерный способ обращения с противником. Одни откровенны; они прямо заявляют о своих требованиях и, если необходимо, вступают в физическую борьбу. Другие любой ценой избегают разрыва, сосредоточиваясь на закулисном маневрировании. Искусство политика включает манипулирование людьми, и некоторые весьма склонны использовать соответствующую тактику: организовывать сговоры, до предела использовать случайно возникающие преимущества, заключать выгодные соглашения и менять правила игры при изменении ситуации. Некоторые легко втираются в доверие к власть имущим, чтобы заручиться их протекцией; другие предпочитают отступить, если трудности слишком серьезны. Любой тип маневрирования вызывает определенные реакции окружающих, и не приходится удивляться, что некоторых людей повсюду не любят.

Поскольку чувства — это то, что значит один индивид для другого, каждое из них по определению индивидуально. Но чувства данного человека к нескольким различным лицам могут иметь много общего, придавая его отношению к людям в целом определенный стиль. В самом деле, некоторые, по-видимому, не способны испытывать определенных чувств.

Например, поскольку дружба требует довериться без всяких гарантий и человек остается открытым для возможной эксплуатации, некоторые предпочитают совсем не вступать в такие взаимоотношения. Иные не способны участвовать в дизъюнктивных взаимоотношениях. Если на них нападают, они «подставляют другую щеку» и терпеливо ожидают, пока их мучители не придут в чувство. Сверх того, есть люди, которые не способны понять определенных чувств со стороны других. Даже когда они наблюдают соответствующие поступки, они не могут поверить, что другие *действительно* так ориентированы.

Чувства — это ориентации, основанные на персонификациях, которые конструируются главным образом путем приписывания мотивов. Приписать мотив — это значит сделать заключение о внутренних переживаниях другого человека. Мы можем только предполагать, что другие достаточно похожи на нас самих, и пытаться понять их поведение, проецируя на них собственные переживания. Но человек не может проецировать переживания, которых он никогда не испытывал. Если он никогда не испытывал чувства личной безопасности, может ли он реально понять доверчивые поступки другого? Скорее он будет выискивать какие-то скрытые мотивы. И напротив, тем, кто уверен, что все люди в основном «хорошие», очень трудно понять поступки человека, который в войне со всем миром. Это показывает, что тип межличностных отношений, в которые может быть вовлечен данный индивид, определяется его личностью.

Поскольку всякое восприятие избирательно, не приходится удивляться, что, наблюдая жесты одного и того же человека, различные индивиды могут приписывать ему различные мотивы. Агрессивная личность чувствительна к попыткам ее эксплуатировать и иногда резко реагирует на «угрозы», которых ни один из других людей не мог увидеть. Глазу деликатного человека часто открываются затруднения других людей, не заметные окружающим. Какие приписываются мотивы, зависит от того, что воспринято, а последнее зависит от картины мира воспринимающего и от его интересов. Если человек верит, что мир — это джунгли, совершенно естественно, что он предпринимает шаги, чтобы себя обезопасить.

Есть люди, которые все отношения сводят к взаимоотношениям власти. Они постоянно поглощены вопросом о соотношении рангов. Знакомясь с кем-либо, они первым делом выясняют, кто кого выше. Оказавшись в подчиненном положении, они успешно справляются со своей ролью — втираются в доверие, заискивают, соблюдают все символы уважительного отношения. Те, кто получает высокий балл по калифорнийской Ф-шкале — так называемые «авторитарные личности», — имеют тенденцию рассматривать окружение в терминах власти, оценивать лидеров более позитивно и предпочитать автократический контроль демократическому[24]. Обычно они уверены, что человеческие существа по природе своей агрессивны и своекорыстны. Авторитарные личности не отличаются гибкостью и не склонны учитывать личностных особенностей[25]. Любовь для них — скорее восхищение, чем привязанность. Считая себя реалистами, они расценивают тех, кто не добивается власти, как «слабых» и «наивных», презирают их или относятся к ним с недоверием, но боятся и уважают тех, кто ориентирован на власть.

Поскольку персонификации — это в значительной степени проекция собственных склонностей, способность испытывать те или иные чувства также ограничена представлениями человека о самом себе. Особенно важно, какую оценку он дает самому себе — его уровень собственного достоинства. Давно подмечено, что тот, кто не любит самого себя, не может любить других. Если человек не считает себя существом, достойным любви, его преследуют мысли о том, чтó другие чувствуют по отношению к нему; его внимание остается сосредоточенным на самом себе. Если он не чувствует себя в безопасности, он не в состоянии любить других. Он должен быть подозрителен к каждому, кто признается в таком чувстве, ибо это признание будет звучать

---

[24] Edward E. Jones, Authoritarianism as a Determinant of First Impression Formation, «Journal of Personality», XXIII (1954), 107—127.

[25] Alvin Scodel and Paul Mussen, Social Perceptions of Authoritarians and Non-Authoritarians, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLVIII (1953), 181—184.

неправдоподобно. Если другой что-то делает для него, он считает само собой разумеющимся, что тот хочет получить нечто в обмен; поэтому он не ослабляет своей настороженности. Интересоваться благополучием других даже тогда, когда они не являются источником удовлетворения, — это способность, которая, по-видимому, у некоторых людей так никогда и не развивается. Применяя этот принцип к психотерапии, Роджерс утверждает, что пациент становится все более способным уважать и ценить других людей по мере того, как у него развивается способность уважать самого себя[26].

Некоторые психологи-клиницисты, используя различные шкалы ранжирования и тест Роршаха, пытались подвергнуть гипотезу Роджерса эмпирической проверке. Обнаружилось, что существует прямая связь между уважением к самому себе и интересом к другим людям[27]. С помощью ТАТ было установлено, что учителя с низким уровнем собственного достоинства относятся к детям с меньшей любовью[28]. Выяснилось также, что отношение между одобрением самого себя и благосклонностью к другим людям остается постоянным независимо от популярности субъекта[29]. Фей исследовал исключения, причем обнаружилось, что те, кто изображает высокий уровень самооценки, но придерживается низкого мнения о других, проецируют свои собственные недостатки на

---

[26] Carl R. Rogers, Client-Centered Therapy, Boston, 1951, p. 520. Ср. Erich Fromm, Man for Himself, New York, 1947, pp. 118—141.

[27] Sheerer, op. cit. Ср. Dorothy Stock, An Investigation into the Interrelations between the Self-Concept and Feelings Directed toward Other Persons and Groups, «Journal of Consulting Psychology», XIII (1949), 176—180; Fred E. La Fon, Behavior on the Rorschach Test and a Measure of Self-Acceptance, «Psychological Monographs», LXVIII (1954), № 381.

[28] Theron Alexander, Certain Characteristics of the Self as Related to Affection, «Child Development», XXII (1951), 285—290.

[29] Charles J. McIntyre, Acceptance by Others and Its Relations to Acceptance of Self and Others, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLVIII (1952), 624—625.

других людей[30]. Эта работа показала также, что в некоторых современных исследованиях персонификаций упускаются из виду бессознательные значения, что приводит к недостоверным результатам. У одних людей ненависть гораздо более сильна и устойчива, чем у других; это значит, что интенсивность чувств зависит скорее от характера человека, который ненавидит, чем от поступков объекта ненависти. Стремление господствовать над другими и ненависть к ним, по-видимому, более присущи человеку с низким уровнем собственного достоинства. Тот, кто не любит самого себя, может бессознательно проецировать свои отрицательные свойства на других и затем агрессивно на них реагировать.

Индивидуальные особенности в способности исполнять межличностные роли основываются также на различиях в эмпатии — способности сочувственно идентифицировать себя с другими людьми. Для некоторых людей характерно сохранять социальную дистанцию; они всегда кажутся холодными и рациональными. Другие очень непосредственно воспринимают окружающих, спонтанно реагируя на их затруднения и радости. Попытка построить шкалу для измерения эмпатии была предпринята Даймонд[31].

Существует немало спекуляций относительно основ дружбы; были проведены некоторые исследования о формировании клик, но полученные до сих пор данные не убедительны. Было показано, например, что развитие общих интересов, особенно выходящих за пределы необходимого взаимодействия, облегчает установление дружественных связей[32]. Но может быть предложена иная гипотеза: ***формирование любой частной сети межличностных взаимоотношений, а также ее***

---

[30] William F. Fey, Acceptance of Self and Others and Its Relation to Therapy-Readiness, «Journal of Clinical Psychology», X (1954), 269—271; Acceptance of Others and Its Relation to Acceptance of Self and Others, «Journal of Abnormal and Social Psychology», L (1955), 274—276.

[31] Rosalind F. Dymond, A Scale for the Measurement of Empathic Ability, «Journal of Consulting Psychology», XIII (1949), 127—133.

[32] См. Paul F. Lazarsfeld and Robert K. Merton, Friendship as Social Process, в: Freedom and Control in Modern Society, Morroe Berger et al., eds., New York, 1954, pp. 18—66.

устойчивость зависят от того, насколько включенные в нее личности в каком-то отношении взаимно дополняют друг друга. Два агрессивных и властолюбивых человека вряд ли будут испытывать взаимную привязанность: каждый нуждается в своей собственной группе зависимых последователей. Иногда такие люди оказываются связанными конвенциальными нормами — тогда они устанавливают modus vivendi, но продолжают конкурировать друг с другом. Взаимоотношения дизъюнктивны, и это с самого начала ограничивает благоприятные возможности. Когда же снисходительная персона становится объектом героепочитания со стороны тех, кто послушен и зависим, устанавливаются весьма удовлетворительные отношения. Иногда люди составляют самые невероятные комбинации и отчаянно цепляются один за другого. Чувствительный, но не очень проницательный человек может посвятить всего себя объекту любви, который не очень-то респонсивен — как в случае привязанности родителей к ребенку, хозяина к собаке или служащего психиатрической больницы к пациенту-кататонику[33]. Иногда люди, которые презирают друг друга, остаются вместе, чтобы сохранить собственное достоинство. Человек, у которого есть серьезные сомнения относительно своей привлекательности, может крепко держаться за оскорбляющего его партнера — так, женщина, которая не уверена в себе, может покоряться ненавистному мужу, чтобы утвердить свое положение среди коллег по работе. В таких случаях взаимоотношения поддерживаются благодаря взаимной выгоде.

Маловероятно, чтобы чувства могли сохраняться без поддержки со стороны партнера. Однако такое подкрепление вовсе не обязательно должно иметь форму взаимности. В самом деле, бескорыстная любовь требует только, чтобы объект любви реализовал какие-то свои собственные возможности, и, хотя некоторые люди презирают тех, кто им потворствует, благодетели продолжают «баловать» их. В случае собственнической любви, однако, требуется значительное подкрепление. Исполнение желаемых услуг должно продолжаться, хотя некоторое время взаимоотношения

---

[33] См. Howard Rowland, Friendship Patterns in the State Mental Hospital, «Psychiatry», II (1939), 366.

могут сохраняться и несмотря на отказ. Когда существует неопределенность, требуются различные символы чувства — такие, как признания в любви, подарки, откровенность или половые отношения. Снисходительность — это ориентация, которая может сохраняться только до тех пор, пока объект любви продолжает раболепствовать; так, многие люди на юге «любят» негров лишь постольку, поскольку те «знают свое место» и не «наглеют». Хотя некоторые способны ненавидеть в течение весьма продолжительного времени даже без провокаций с другой стороны, большинство людей вряд ли будет сохранять раздражение, если другая сторона не станет покушаться на их интересы. Во многих случаях дизъюнктивные чувства усиливаются негативными реакциями противников.

Тип поддержки, которая требуется для сохранения взаимоотношений, варьирует, кроме того, от человека к человеку. Хотя каждый тип подхода к людям имеет тенденцию вызывать определенные реакции, фактически последние зависят от личности реагирующего. Застенчивость и робость человека, который предлагает свою любовь, может вызвать надменность со стороны одних и ответную любовь у других. Агрессивные действия обычно вызывают враждебность, но есть люди, которые отвечают на них смирением и послушанием. Общительность, деликатность и отзывчивость , как правило, вызывают благоприятный отклик со стороны большинства людей, но некоторые рассматривают доброту как признак слабости и становятся высокомерны[34]. Более того, будут ли реакции другой стороны достаточны для продолжения взаимоотношений, в свою очередь зависит от личности первой. Многое определяется тем, какое удовлетворение от данной связи получает каждый человек.

Некоторые чувства, подобные воображаемой рыцарской любви к кинозвездам, односторонни. Их структура развивается в фантазии, где мечтатель может контролировать все условия действия. Человек создает такие объекты любви, соединяя воедино все желаемые качества, в том числе и взаимность. Эти идеализированные персонификации иногда становятся объектом самой сильной неэгоистической привязанности.

---

[34] См. Leary, op. cit., pp. 91—131.

Организованные таким образом чувства могут быть впоследствии перенесены на реальные человеческие существа — часто к их ужасу, ибо реальные люди не могут жить в соответствии с экспектациями, вызванными расстроенным воображением. Это неизбежно приводит к разочарованию. Некоторые люди, по-видимому, всю жизнь ищут идеального партнера для брака, соответствующего созданным в мечтах персонификациям.

Наблюдения этого рода привели Винча к созданию теории выбора супругов с точки зрения «дополняющих потребностей» («complementary needs»). Он полагал, что хотя область выбора партнера для брака ограничена конвенциальными барьерами и обычно партнеры принадлежат к одной и той же культуре, но внутри этой области каждый человек стремится к тем, чьи личностные черты облегчают консуммацию импульсов, присущих ему как уникальной личности. Винч интересовался, конечно, только обществами, в которых молодые люди сами избирают себе супругов. В предварительном исследовании двадцати пяти супружеских пар он обнаружил значительное подтверждение своей теории. Действительно, ему удалось выделить четыре часто повторяющиеся комбинации: а) семьи, имеющие сходство с конвенциальными взаимоотношениями матери и сына, где сильная и способная женщина заботится о муже, который нуждается в ком-то, на кого можно опереться; б) семьи, где сильный, способный муж опекает пассивную и уступчивую жену, во многом похожую на маленькую куклу, которая нуждается в том, чтобы ее нянчили; в) семьи, имеющие сходство с конвенциальными взаимоотношениями хозяина и служанки, в которых снисходительный муж обслуживается способной женой; и г) семьи, в которых деятельная женщина господствует над запуганным и разочарованным мужем. Степень корреляции, обнаруженная статистическим анализом, достаточна, хотя и невысока; в этом нет ничего удивительного, поскольку при выборе супруга принимаются в расчет многие другие соображения[35]. Возможно, что результаты были бы более удовлетворительными, если бы Винч сосредоточил внимание на браках, которые сохраняются, в отличие от тех, которые распадались.

---

[35] Robert F. Winch, Mate-Selection: A Study of Complementary Needs, New York, 1958.

Итак, чувства, создающие какие-то частные сети межличностных отношений, могут быть односторонними, двусторонними или взаимными. В большинстве случаев чувства двусторонни; каждая сторона подходит к другой несколько по-иному. Например, в какой-нибудь семье мать может быть альтруистически ориентирована по отношению к своему мужу и детям; напротив, ее муж может испытывать собственнические чувства по отношению к дочерям и не любить своего сына, относясь к нему как к сопернику, конкурирующему с ним за внимание жены. Одна из их дочерей может любить свою сестру, которая, однако, будет относиться к ней с презрением. Мальчик может подходить к сестрам как к полезным орудиям для достижения его целей, относиться к матери с глубоким чувством и смотреть на отца как на героя, который время от времени бывает суровым и неприятным. Это не такая уже необычная картина. Продолжительность таких связей зависит, по-видимому, от механизмов, обеспечивающих какого-то рода взаимное удовлетворение для тех, кто вовлечен в данную сеть отношений.

Итоги и выводы

По существу, все распространенные подходы к социальной психологии объясняют человеческое поведение почти исключительно с точки зрения биологических свойств людей, какими они отлились в культурной матрице. Ребенок появляется на свет в организованном обществе и, взаимодействуя с другими, усваивает различные модели подобающего поведения. То, что человек делает, часто рассматривается как реакция на потребности, одни из которых унаследованы органически, а другие приобретены в процессе участия в какой-то группе. Но может возникнуть серьезный вопрос о том, адекватны ли такие концептуальные схемы. Вступая в устойчивые ассоциации, люди часто оказываются вовлеченными в сети межличностных отношений, которые налагают на них особые обязанности по отношению друг к другу. Чувства — это системы поведения, которые не наследуются биологически и которым не научаются. Они принимают форму и кристаллизуются в ходе приспособлений друг к другу, осуществляемых индивидуальными человеческими существами.

Каждое чувство неповторимо, ибо это своеобразное отношение одного человеческого индивида к другому. Но среди людей, находящихся в устойчивой ассоциации, неизбежно возникают одни и те же проблемы. По мере того как человек научается взаимодействовать с окружающими, развиваются типические персонификации, и специфические значения — любовь, ненависть, героепочитание, ревность — оказываются достаточно определенными, чтобы сделать возможным рассмотрение типических чувств. Каждый участник совместного действия симпатичен некоторым из окружающих и вызывает неприязнь у других. Была предпринята попытка описать некоторые конъюнктивные и дизъюнктивные чувства. Этот шаблон влечений и отвержений образует сеть личностных обязанностей, которая в значительной мере определяет поведение вовлеченных в нее лиц. Устойчивость любой такой сети межличностных взаимоотношений зависит от непрерывного потока удовлетворения для большинства участников.

Поскольку люди, занимающиеся изучением интимных контактов, обладают различной интеллектуальной подготовкой, не приходится удивляться, что в этой области царит большая путаница. Быстро накапливается обширная литература, но не существует согласия ни в чем, кроме того, что предмет, о котором идет речь, заслуживает серьезного исследования. Одно из главных препятствий для систематического изучения чувств — отсутствие адекватной системы категорий. Кроме того, терминология здравого смысла с его не относящимися к делу и вносящими путаницу ассоциациями и оценочными суждениями делает это изучение еще более затруднительным. Описывать межличностные отношения в таких терминах, как «любовь», «ненависть» и «ревность», во многом подобно тому, как если бы химик стал говорить «вода», «огонь» и «воздух» вместо «кислород», «водород» и т. п. Однако область эта настолько важна для понимания человеческого поведения, что, несмотря на все трудности, следует приложить все усилия для ее изучения. Нет недостатка ни в наблюдениях, ни в теориях. Однако, чтобы попытка не оказалась преждевременной, нужно постараться организовать материал, полученный из различных источников, в достаточно связную схему. Быть может, в течение

некоторого времени изучение чувств останется непрофессиональным и спекулятивным, но даже робкое начало может пролить некоторый свет на сложные проблемы, которые представляют собой столь серьезные трудности даже для построения гипотез.

Библиографический указатель

Buber, Martin, I and Thou, New York, 1958.

D' Arcy, Martin C., The Mind and Heart of Love, New York, 1956.

Heider, Fritz, The Psychology of Interpersonal Relations, New York, 1958.

Leary, Timothy, Interpersonal Diagnosis of Personality, New York, 1957.

Shand, Alexander F., The Foundations of Character, London, 1920.

Smitn, Adam, The Theory of Moral Sentiments, London, 1880, Parts I, III, V.

ГЛАВА 11

КОНВЕНЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ЧУВСТВА

Хотя часть провозглашается, что человек — существо разумное, своим поведением люди далеко не всегда оправдывают эту характеристику. Разумность обычно предполагает понимание того, как данные средства относятся к желаемым целям, и осуществление такого выбора, который позволит человеку преследовать осознаваемые им интересы. Но люди нередко действуют явно вопреки своим интересам, и такие поступки оказываются предметом гордости и даже восхищения. Обиженный рабочий может оскорбить своего эксплуататора и гордо отказаться от места. Такой поступок повлечет за собой значительные лишения для всей семьи, но человек будет гордиться тем, что нашел в себе мужество отстаивать свои права. Иногда к людям, чьи поступки полностью соответствуют заранее провозглашенным намерениям, относятся с презрением. Если отец отказывается благословить брак своей дочери с красивым и веселым человеком, которого он считает ненадежным, его могут осудить как неразумного и старомодного. Если он станет чинить препятствия молодой паре, его могут даже обвинить в «бесчеловечности». В каждом из этих случаев одобряется именно такое действие, которое не утилитарно.

Многие подобные действия люди совершают импульсивно, в состоянии эмоционального возбуждения. Однако даже в более спокойных обстоятельствах поведение часто регулируется соображениями чувств. Хотя некоторые социальные психологи считают, что было бы значительно легче понять человеческое поведение, если бы эти существа не были столь иррациональны, именно такое поведение и позволяет людям оставаться тем, что они есть.

«Соображения чувств» в поведении

Обычно люди сообразуют свое поведение с конвенциальными нормами. Однако иногда в отношение к окружающим вмешиваются чувства, и исполнение конвенциальной роли становится очень болезненным или, напротив, доставляет наслаждение. Наказывать того, кто неприятен, становится настолько легко, что существует опасность увлечься и перейти границы необходимой жестокости. С другой стороны, чувства препятствуют действиям, которые с ними не согласуются. Чиновник может «пойти навстречу» симпатичному ему человеку и отклонить точно такую же просьбу клиента, который произвел на него неблагоприятное впечатление. Хотя поступки чиновника не выходят за институциональные рамки, в инструкциях всегда остается лазейка, которая позволяет ему вынести то или иное — в зависимости от личных чувств — решение. Точно так же можно заметить, что, несмотря на стремления какого-то офицера быть справедливым, он неохотно посылает людей женатых и имеющих детей в опасные операции, даже если эти люди наиболее квалифицированны. Итак, ***соображения чувств вторгаются в организацию поведения, облегчая одни действия и препятствуя другим.***

Поскольку чувства развиваются независимо от культурных норм, они не обязательно подкрепляют структуру организованных групп. Зависть и чувство обиды часто препятствуют успешному завершению коллективных действий. Люди часто дружески работают вместе до тех пор, пока не возникает опасность, что один человек может вырваться вперед и обогнать остальных; если это замечено, они могут образовать временный союз, чтобы сдержать его прыть. Впрочем, враждебность среди коллег может не иметь никакого отношения к их работе. Человек может затаить злобу на другого потому, что тот вежлив, красив и, видимо, нравится женщинам. Или может невзлюбить коллегу за то, что тот напряженно работает, заставляя его испытывать угрызения совести по поводу собственной лени. Это значит, что некоторые реакции первоначально направлены против собственных недостатков и впоследствии переносятся на других

людей. Негативные социальные санкции часто препятствуют проявлению внутренних распрей, но подспудно неприязнь иногда переходит в ненависть, и тогда предприятие оказывается перед угрозой развала.

Чувства, основанные на эротических влечениях, — вечный источник затруднений. В каждом обществе обычаем или законом предписана область, на которой могут быть избраны партнеры; она обычно ограничена людьми противоположного пола, одного и того же социального статуса и приблизительно одинакового возраста[1]. Но выбор эротического объекта не всегда следует линиям обычая. Значения, составляющие эротическую привлекательность, очень тонки и редко вербализуемы. Многие сюжеты мировой литературы посвящены любовникам, которые вынуждены сохранять свою любовь в тайне, любовникам, которые покоряются групповым нормам, но потом тоскуют до конца своих дней, или, напротив, любовникам, которые бросают вызов условностям и терпят поражение, подвергаясь остракизму или совершая самоубийство.

Всякий раз, когда вступают в брак люди, взаимное эротическое влечение которых кажется невероятным, возникает непонимание или подозрительность. Если красивая женщина выходит замуж за богатого старика, представителя этнического меньшинства или низшего класса, ее подозревают в скрытых мотивах. Некоторые психиатры говорят в таком случае о неразрешенном комплексе Электры, но немногие люди поверят заверениям этой женщины в том, что она искренне любит своего мужа. Подобные же подозрения возникают, если красивый молодой человек сочетается браком с женщиной средних лет. Кажется невероятным, чтобы он испытывал к ней нежные чувства. Даже сами участники не всегда убеждены в ложности таких опасений. Старый богатый мужчина может задумываться, действительно ли прекрасная невеста любит его или просто терпит из-за любви к комфорту и в надежде получить богатое наследство. Такой человек становится особенно чувствителен к любому проявлению возникающего соперничества.

---

[1] См. William J. Goode, The Theoretical Importance of Love, «American Sociological Review», XXIV (1959), 38—47.

Чувства занимают определенное место в структуре акта, вторгаясь в воображаемые репетиции, которые предшествуют явному действию. Когда акт блокируется, человек мысленно взаимодействует не с реальными лицами, а с замещающими их персонификациями. Пытаясь решить, за кого ей выйти замуж, девушка воображает реакцию родителей и реакции каждого из кандидатов, когда они узнают о ее выборе. Страдание или удовлетворение, приписываемое таким персонификациям, создает образы, от которых нелегко отделаться. Девушка, очень любящая свою мать, вряд ли решится выйти замуж за человека, внушающего матери отвращение. Она будет упорно сопротивляться решению, которое может причинить боль дорогим ей людям. Возможно, она постарается найти другую девушку для отвергаемого поклонника, чтобы смягчить удар его самолюбию. Человек получает удовольствие, воображая огорчения тех, кого он не любит, затруднения тех, на кого он обижен, и ликование тех, кого любит. Действуя в соответствии со своими чувствами, он испытывает внутреннее удовлетворение; стоит ему поступить иначе, его начинает мучить совесть.

В критических ситуациях, когда конвенциальные нормы не эффективны, чувства приобретают особенно большое значение. Когда ситуация вполне определенна, чувства остаются на втором плане. В обстановке экзаменов большинство профессоров стараются рационально преодолевать свои антипатии и не отсеивать студентов без оснований. Торговые служащие обращаются с клиентами точно так же; но когда они крайне заняты или уж очень устали, они могут разговаривать резко и быть грубыми с теми, кто им несимпатичен. В случае катастрофы любящая мать пожертвует жизнью, чтобы спасти ребенка, но другая может настолько сосредоточиться на собственном спасении, что даже не подумает о ребенке до тех пор, пока не окажется в безопасности. Участники толпы обычно действуют, руководствуясь чувствами. Они оскорбляются, узнавая об оскорблении, нанесенном тому, с кем себя идентифицируют, или они могут давить друг друга в экстазе поклонения общему идолу. Поведение толпы, которое обычно возникает только в неопределенных, неустановившихся ситуациях, эмоционально и импульсивно.

Если чувства доминируют настолько, что конвенциальные обязанности отходят на задний план или игнорируются, человек временно теряет контроль над собой и действует импульсивно. Рискуя подвергнуться смертной казни, оскорбленный муж убивает любовника своей жены. Солдат открывает огонь по приближающимся людям, не замечая, что это — подразделение своей же армии. Муж бросает жену и детей только ради того, чтобы хоть несколько лет пробыть с красивой женщиной, даже зная, что она не очень к нему привязана. Во многих случаях такие идущие от страсти поступки являются продуктом весьма длительного периода вызревания. Пока навязчивая идея развивается, происходит прогрессирующее сужение поля восприятия и концентрация воображения. Рациональные соображения отметаются в сторону, и советы обеспокоенных друзей не принимаются в расчет. Внимание настолько фокусируется на ограниченной зоне возможностей, что человек живет это время в особом мире; не приходится удивляться поэтому, что он может показаться сумасшедшим. Напряжение возрастает с каждым воображаемым событием до тех пор, пока какое-то открытое действие не становится императивным. Однажды начавшись, такой процесс часто кончается взрывом.

Страсть обычно влечет за собой пагубные последствия и особенно осуждается теми, кто не может ее понять. Но способен ли понять поступки влюбленного тот, кто никогда не испытывал подобного чувства? Человеку, который никогда не переживал опасности потерять любимое существо, ревность представляется просто безумством. Но те, у кого были подобные переживания, могут понять это без труда, и, даже если они не прощают таких поступков, они часто сопротивляются наложению негативных социальных санкций. Терпимость часто приходит с годами. Конечно, существуют некоторые особенно негибкие люди, которых опыт ничему не учит.

Люди значительно различаются между собой по способности сдерживать эмоции и оставаться в рамках конвенциальных норм. Одну крайность представляет собой индивид, который со страстью относится ко всякому начинанию и к каждому человеку. Другая крайность — индивид, похожий на идеальную модель рационального человека: всегда

любезен, всегда поступает так, как нужно, и никогда не обнаруживает свои личные склонности. Хотя рациональность давно превозносится философами (и вслед за ними профанами), такие люди если и могут быть обнаружены, то лишь среди тех, кто считается психически ненормальным. Желательно, разумеется, чтобы большинство решений принималось скорее рационально, чем на основе чувств. Но судья, который настаивает на соблюдении буквы закона и отказывается принять в расчет смягчающие обстоятельства, кажется бесчеловечным.

Итак, каждый из нас несет в себе особую, индивидуальную комбинацию чувств по отношению к различным людям, и эти значения удерживают нас от чрезмерной утилитарности. Хотя соображения чувств часто подавляются, они придают конвенциальным действиям специфическую окраску. В стиле поведения человек обнаруживает свои природные склонности и тем самым дает возможность другим людям определить свое к нему отношение.

Вариации в социальной дистанции

Социологи часто проводят различие между первичными и вторичными отношениями. Первичными они называют те интимные, «лицом к лицу», контакты, которыми характеризуется, например, взаимодействие в большинстве семей, среди соседей, в кружке близких друзей или в компании подростков. Вторичные отношения, по-видимому, включают все остальные. Трудности, возникающие, когда делается попытка точного различения, говорят о том, что первичные и вторичные отношения следует рассматривать не как раздельные категории, а как полярные типы в континууме, где связи изменяются от очень интимных к совершенно формальным. Интерес сосредоточивается здесь на *степени социальной дистанции* между участниками. Уже отмечалось, что социальная дистанция не то же самое, что географическая. Иногда (особенно в городах) люди живут совсем рядом и часто встречаются, но остаются чужими друг другу. Итак, говоря о социальной дистанции, мы интересуемся степенью психологической

близости, которая способствует легкости, спонтанности взаимодействия.

Социальное взаимодействие — это скорее взаимодействие персонификаций, чем реальных личностей. Создание персонификаций основывается на том, что известно относительно данного индивида. Всякое взаимодействие строится на предположениях, которые делает один участник относительного другого. Без этого ни один человек не в состоянии принять роль другого и контролировать собственное поведение. Даже в простой экономической сделке возникнут трудности, если нет достаточной уверенности в том, что каждая сторона выполнит ожидаемые действия. С другой стороны, ни один человек (даже психиатр) никогда не понимает полностью другое человеческое существо. Он может лишь наблюдать различные сенсорные сигналы — жесты и действия — и делать на их основе выводы относительно внутренних переживаний. В близких контактах партнер иногда подтверждает гипотезы, доверяя некоторые из своих секретов, но каждый человек сохраняет кое-что только для себя. Кроме того, во многих взаимоотношениях люди намеренно скрывают свои действительные склонности за отвлекающими жестами. Люди узнают друг друга разными способами, и социальная дистанция может измеряться по этим линиям[2].

Если социальная дистанция значительна, человек видит в другом лишь частный случай определенной социальной категории. Из предполагаемых свойств каждой категории вытекают соответствующие экспектации. Большинство американцев, например, склонно поступать учтиво по отношению ко всем докторам, не обращая внимания на индивидуальные различия между ними. Мужчина, сидящий за рулем автомобиля, становится особенно осторожным всякий раз, когда он встречает машину, управляемую женщиной, хотя он может признать, что некоторые женщины весьма искусные шоферы. Во вторичных отношениях, следовательно, особенности личности партнера или не относятся к делу, или имеют второстепенное значение. Если у продавца случилось несчастье, его печаль не сможет значительно изменить взаимодействия с

---

2 Georg Simmel, The Sociology of Georg Simmel, Kurt H. Wolff, trans, Glencoe, 1950, pp. 307—344.

покупателем. Поскольку люди живут в символической среде, где объекты классифицированы и снабжены этикетками, они в состоянии эффективно взаимодействовать даже с совершенно незнакомым человеком — просто помещая его в соответствующую категорию. Характеристики других людей часто не точны, но тем не менее они позволяют осуществляться кооперации.

Если сведения, которые имеют участники друг о друге, безличны, согласованные действия могут происходить лишь в ситуациях, где социальная структура хорошо установлена. Незнакомые люди могут активно взаимодействовать только тогда, когда ясно определены конвенциальные роли. Именно такова природа большинства экономических сделок. Объединение людей, мало знакомых друг друга, будет непрочно, если нет сети конвенциальных норм.

Социальная дистанция достигает максимума в ситуациях, где каждый человек держится «себе на уме». Вежливость — это способ скрывать собственную личность. Люди выставляют напоказ только «фасад», скрывая свои радости, огорчения и надежды за маской. Коммуникации в таких обстоятельствах большей частью символичны и формальны; экспрессивные движения часто не спонтанны — как заученная улыбка у продавца. Бывают, конечно, случаи, когда человек на мгновение теряет сдержанность, и другие получают возможность увидеть его истинное лицо. Но обычно такие импульсы сдерживаются. Изучение браков на Гавайях во время войны показало, что жены-европейки чаще, чем японки, расценивали свой брак с японо-американскими мужьями как удовлетворительный. Чтобы объяснить это неожиданное обстоятельство, Кимура предложила гипотезу, что общая культурная основа невестки и ее новых родственников направляла взаимоотношения по конвенциальному шаблону ограничивая, таким образом, спонтанность и мешая людям понять друг друга как личности[3].

[3] Yukiko Kimura, War Brides in Hawaii and Their In-Laws, «American Journal of Sociology», LXIII (1957), 70—79. Ср. также E. J. Murray and M. Cohen, Mental Illness Milieu Therapy and Social Organization in Ward Groups, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LVIII (1959), 48—54.

Поскольку люди чаще всего испытывают чувство безопасности в социальных ситуациях, характеризующихся первичными отношениями, и поскольку вторичные контакты иногда делают возможным сохранение несправедливости, некоторые социологи осуждают последние как нежелательные. Это оценочное суждение вводит, однако, в заблуждение. Большинство вторичных отношений не являются недружественными. К тому же в городе просто немыслимо, чтобы индивид лично знал каждого, с кем он должен иметь дело. Что может человек знать об обслуживающем его официанте? О его личном честолюбии, о его отношениях с женой или детьми? Что известно ему об официанте как о человеческом существе? Однако даже без такого знания неоднократные взаимодействия протекают ровно, приятно и без затруднений. Именно такова природа подавляющего большинства социальных контактов в современных массовых обществах.

Во взаимоотношениях, где социальная дистанция минимальна, представление о другом человеке высоко индивидуализировано, и при контактах с ним принимаются в расчет его идиосинкратические черты. В таких случаях создаются уникальные персонификации. В компании близких товарищей уменьшается скрытность, и большинство людей действуют более спонтанно, нередко выдавая скрытые мысли и допуская запретные реакции. Кроме того, некоторые экспрессивные движения, будучи индивидуализированы, могут быть точно прочитаны только теми, с кем человек находится в постоянной связи. Когда люди, которые хорошо знакомы, вовлекаются в совместное действие, каждый принимает во внимание предубеждения и слабости других. Поэтому результат зависит скорее от личностей участников, чем от конвенциальных норм.

Кроме того, если во вторичных отношениях о человеке становится известно только то, что существенно для выполнения определенного действия (разноска почты или ремонт автомобилей), то в первичных отношениях каждый знаком со взглядами и реакциями другого во многих различных ситуациях. Близкие друзья обычно знают о прошлом друг друга и часто поверяют друг другу мечты о будущем. Наиболее всесторонняя персонификация другого позволяет лучше предугадывать его действия — даже в новых ситуациях.

При сходных обстоятельствах различия в проведении обычно обусловлены различиями в определении ситуаций. Например, стоит мужчине придержать дверь открытой, пропуская впереди себя женщину-японку, она воспримет это как показатель глубокого влечения; американка же в подобных обстоятельствах отметит только, что человек хорошо воспитан. Их последующее отношение к этому человеку будет соответственно отличаться. Но по мере того, как люди ближе узнают друг друга, они в состоянии говорить более искренне и благодаря этому лучше понимают «картину мира» каждого. При большей откровенности близкие друг другу люди начинают понимать, что вопреки различию «фасадов» они, в сущности, очень похожи[4]. Каждый человек реагирует несколько иначе, чем любой другой; однако его особенности становятся более понятными, когда выясняется *его* определение ситуации. Как это ни парадоксально, чем полнее один человек понимает своеобразие другого индивида, тем легче ему себя с ним идентифицировать.

Именно вследствие такой идентификации соображения чувств приобретают в первичных отношениях особую важность. Те, кто состоит в близком контакте, часто закрывают глаза на конвенциальные обязанности, особенно если последние чему-то мешают. Те, кто в состоянии идентифицировать себя с другим человеком, могут понимать происходящее с его точки зрения даже тогда, когда они с ним не согласны. Не приходится удивляться поэтому, что поведение людей в интимных кругах зависит скорее от их межличностных ролей, чем от ролей конвенциальных.

При вторичных контактах взаимоотношения людей часто основываются на взаимной полезности. Партнеры рассматриваются только как «вещи», которыми манипулируют, преследуя свои собственные интересы. Однако если по какой-либо причине социальная дистанция неожиданно сокращается, происходит значительная трансформация. У человека, который случайно заглянул в глаза нищему, вдруг всколыхнулось что-то в душе, и неожиданно для самого себя он сделал щедрое

---

[4] См. James Brieri, Changes in Interpersonal Perceptions following Social Interaction, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLVIII (1953), 61—66.

подаяние. Прохожий, которого захватил экстаз радующегося ребенка, внезапно расплывается в улыбке и предлагает ему конфеты; шофер, заметивший разочарованное лицо человека, пытавшегося остановить машину, осуждает себя за то, что проехал мимо. На мгновение «это» становится «вы» — человеческим существом, с кем существует сочувственная идентификация. На мгновение человек проецирует самого себя на место другого и реагирует как человеческое существо, понимающее затруднительное положение или радость другого человека. Хотя нацисты истребили миллионы евреев, совершенно очевидно, что некоторые немцы находили крайне трудным исполнение своих обязанностей всякий раз, когда устанавливалась такая идентификация[5].

Поскольку конвенциальные нормы обычно устанавливают, что люди, находящиеся в тесных контактах, должны любить друг друга, часто полагают, что все первичные взаимоотношения дружественны и желательны. Однако это не так. В самом деле, по-видимому, наиболее ожесточенная ненависть, на которую, кажется, способны люди, направлена именно против тех, с кем они состоят в близком общении. Такие отрицательные чувства обычно сдерживаются или даже подавляются, но они проявляют себя всякий раз, когда появляется благоприятная возможность. Точнее было бы сказать, что люди в продолжительных контактах не могут оставаться безразличными друг к другу и что чувства, которые развиваются, могут быть как конъюнктивными, так и дизъюнктивными.

Если взаимоотношения продолжаются достаточно долго, в большинстве случаев наступает некоторое сокращение социальной дистанции. Раз установлена хоть минимальная идентификация, развиваются особые обязательства личного характера, которые в свою очередь облегчают дальнейшие контакты. Персонификации периодически пересматриваются. Этот кумулятивный процесс может принимать также противоположное направление. Два друга, которые утратили иллюзии один в отношении другого, психологически расходятся. Они делаются все более скрытными и тактичными по отношению друг к другу и в конце концов станут снова почти чужими.

---

[5] См. Emmanuel Ringelblum, Notes from thhe Warsaw Ghetto, New York, 1958.

Поскольку интимность основывается на взаимном понимании внутренних переживаний, ее развитие зависит от ослабления сдержанности со стороны обоих партнеров. Сокращение социальной дистанции вызывает больше спонтанности, самосознание ослабевает, и увеличивается легкость общения. Но существуют личностные различия: некоторые устанавливают взаимоотношения легко; другие настороженны и занимают оборонительную позицию. Одни люди за всю свою жизнь устанавливают лишь несколько дружеских связей; другие заводят новых друзей почти каждый месяц. Разумеется, существуют культурные различия в степени, до которой допустима непринужденность.

Если люди постоянно общаются и добросовестно исполняют конвенциальные роли, это еще не обязательно ведет к сокращению социальной дистанции. Есть много ситуаций, где начиная с определенного пункта конвенциальные барьеры затрудняют откровенность. Хозяин и слуга, а также великий артист и его ученики получают возможность узнать друг друга очень хорошо, но, если хозяин предпочитает не переходить границы, вежливая дистанция сохраняется даже после многих лет ассоциации. Узники и охранники постоянно находятся в обществе друг друга и даже взаимозависимы, но существуют барьеры, которые удерживают их на расстоянии; их каналы коммуникаций совершенно отделены друг от друга, и это заставляет охрану полагаться на осведомителей.

Тем не менее многие социологи вслед на Кули подчеркивали важность контактов «лицом к лицу». Такие контакты, по-видимому, способствуют сокращению социальной дистанции, поскольку облегчают «чтение» выразительных движений. Символические коммуникации создаются намеренно и контролируются сознанием; они предназначены для того, чтобы произвести определенное впечатление — обычно то, которое предписано конвенциальными нормами. Но экспрессивные движения не поддаются контролю. Посредством этих непроизвольных реакций, часто проявляющихся в сокращении мышц лица, каждый человек передает свои переживания и показывает, как долго другие могут испытывать его терпение[6]. Находящиеся вблизи люди получают сенсорные

[6] См. Schilder, op. cit., p. 234—243.

сигналы, на основе которых можно довольно точно судить относительно импульсов, которые подавляются или в других случаях утаиваются.

Сказанное означает, что ***степень, в которой чувства влияют на результаты взаимодействия более, чем конвенциальные нормы, обратно пропорциональна социальной дистанции между участниками.*** Соображения чувств оказываются на первом месте в тех взаимоотношениях, в которых социальная дистанция минимальна.

Социальный контроль над чувствами

Поскольку результаты взаимодействия могут зависеть скорее от чувств, чем от конвенциальных норм, в любой организованной группе прилагаются некоторые усилия для того, чтобы контролировать межличностные отношения. В каждой культуре существуют неписаные законы о том, какие чувства подобает проявлять по отношению к каждому из других участников в стандартизированных действиях. Предполагается, что мать любит своих детей и приносит любые разумные жертвы, чтобы создать для них приличную жизнь. Матери не могут слишком явно пренебрегать этими нормами, не навлекая на себя неприятностей со стороны соседей и даже официальных лиц. В учреждениях существуют правила, исключающие семейственность, правила продвижения сотрудников и кодекс поведения с клиентами и коллегами. Ни при каких обстоятельствах внутреннее соперничество не должно препятствовать достижению главных целей группы. В войне, революции или классовом конфликте предполагается взаимная ненависть между противниками. Если враги обнаруживают, что они уважают и любят друг друга больше, чем многих своих товарищей, они чувствуют себя неловко; стоит их дружбе стать слишком явной, они могут быть наказаны за братание.

Многие из этих норм так глубоко укоренились, что люди не могут позволить их нарушать даже самим себе. Человека, который не любит своих родителей или ненавидит своего соседа, часто преследует чувство вины. Поскольку развитие

чувств происходит, однако, независимо от конвенциальных норм, могут развиваться весьма стеснительные взаимоотношения даже тогда, когда прилагаются очень искренние усилия, чтобы их избежать. Несмотря на заповедь «ты не должен», человек иногда не может ничего поделать, влюбившись в жену своего друга, возненавидев коллегу или завидуя одному из своих детей. Открытые проявления таких чувств обычно сдерживаются. Соперничающие коллеги избегают открытых столкновений, ограничивая свою агрессивность сплетнями, оскорбительными сравнениями, отрицательными оценками или жестокими шутками. Когда агрессивность не находит выражения, чувство обиды может стать интенсивнее; и при случае, особенно в критических ситуациях, некоторые из этих блокированных импульсов могут прорваться. Поэтому в тех областях, где возникают периодические затруднения, нормы особенно строго проводятся в жизнь.

Нарушения таких норм, по-видимому, происходят только в уже дезорганизованных группах. В исследовании 203 случаев кровосмешения в Чикаго Вейнберг описал, как установление запрещенных связей разрушало семейную жизнь. Если развиваются неподобающие межличностные отношения, то установленные конвенциальными ролями участников права и обязанности трудно поддерживать. Семейная жизнь в Голливуде может служить тому примером[7]. Некоторые виды конвенциального контроля, следовательно, служат, по существу, для сохранения упорядоченной групповой жизни.

Поскольку соображения чувств выдвигаются на первое место среди тех, кто знает друг друга достаточно близко, попытки контроля обычно сводятся к регулированию социальной дистанции. Прилагаются усилия, чтобы сократить до минимума возможность возникновения сочувственной идентификации. Чем значительнее социальная дистанция, тем больше вероятность, что поведение останется объектом социального контроля. Когда люди узнают друг друга на неформальной основе, возникают личные обязательства и

---

[7] S. Kirson Weinberg, Incest Behavior, New York, 1955, pp. 157—171. Ср. Hortense Powdermaker, Hollywood: The Dream Factory, Boston, 1950.

делаются поблажки, которые препятствуют строгому соблюдению конвенциальных норм. Интуитивное понимание этого принципа угадывается во многих формальных предписаниях и в моральных кодексах.

Пространственное отделение сторон, между которыми могут возникнуть нежелательные связи, — широко распространенная процедура. Люди различных классов и этнических групп обычно живут в разных частях поселения, благодаря чему снижается вероятность излишних встреч. Офицеры также расквартировываются отдельно от рядовых и сержантов[8]. В некоторых странах мальчики и девочки воспитываются и обучаются раздельно почти до тех пор, пока не придет время вступления в брак.

Когда отношения требуют тесных и частых контактов, социальная дистанция может поддерживаться также благодаря намеренной формализации и ритуалу — в форме этикета. Это, по существу, способ сохранения сдержанности, несмотря на близость. В этом случае все формализовано и нет проявлений индивидуальности. Если человек нечаянно обнаружит некоторые личные склонности, другие тактично сделают вид, что они ничего не заметили. Таким образом, сокращается основа для развития интенсивных чувств. Особенности там, где имеются различия в статусах — например, между преподавателями и студентами, офицерами и рядовыми, — интервал постоянно подкрепляется с помощью различных ритуалов, таких, как приветствие или различные почести. Большинство преподавателей состоят в дружеском контакте со своими студентами, но романтических привязанностей почти не возникает. Они, вероятно, развивались бы чаще, если бы во многих учебных заведениях не было бы неписаных законов, запрещающих такие отношения[9].

Примером тщательно разработанной системы этикета может служить система, существовавшая на Юге накануне гражданской войны. В этом жестко стратифицированном обществе не возникало возражений, если конъюнктивные чувства

---

[8] См. Fred E. Fiedler, A Note on Leadership Theory: The Effect of Social Barriers between Leaders and Followers, «Sociometry», XX (1957), 87—94.

[9] См. Goffman, op. cit., pp. 481—485, Thomas, op. cit., pp. 210—239.

формировались через «границу цвета», но проявлялась повышенная забота о сохранении неравенства между двумя этническими группами. Многие господа снисходили до любви к своим рабам, и многие рабы восхищались хозяевами как высшими существами. Однако существовали строгие правила общения. От рабов всегда требовалось обращаться к каждому из правящей группы, добавляя вежливое «мистер», «сэр», «мадам». К ним же обращались: «бой» или только по имени; старые рабы назывались «мэмми» или «дядя». От рабов требовалось стоять со шляпой в руке всякий раз, когда к ним обращался кто-нибудь из господствующей группы. Когда их вызывали в дом, они должны были пользоваться черным ходом — им запрещалось входить через парадную дверь. Следует отметить, что не было норм совершенно односторонних. Этот ритуал соблюдался с обеих сторон: рабы сами были высокомерны с тем «янки», который, приветствуя их, добавлял титул, ибо это означало, что человек не умеет себя вести. Этот ритуал являлся символом статуса. Даже сейчас, спустя много лет после отмены рабства, многие из таких символов продолжают поддерживать оскорбительные различия между двумя этническими группами[10]. Достаточно обратить внимание на то, как трудно соблюдать различия в статусах среди близких друзей, чтобы понять важность этикета в сохранении системы социальной стратификации.

Другая общепринятая процедура, предотвращающая развитие осложняющих межличностных отношений, — социальный контроль над формированием персонификаций. Объект может определяться так, что тесный контакт с ним становится невероятным. Большинство значений социальны; способы организации действий по отношению к различным классам объектов, включая категорию человеческих существ, развиваются в процессе нашего взаимодействия с другими людьми. Чем согласованнее реакции других людей, тем ограниченнее становятся наши собственные реакции.

У католиков принято, что к священнику или к монахине обращаются по сану, а не как к личности. Теоретически человеческий элемент отсутствует, и личные реакции по отношению

---

[10] См. Doyle, op. cit.; Johnson, op. cit.

к конкретным должностным лицам не принимаются в расчет. Исповедь не может быть отложена просто потому, что прихожанам не нравится священник. Если случится, что женщина влюбится в своего духовника, она должна подавить влечение. Ни священники, ни монахини сами по себе не бесстрастны. Но для эффективного исполнения многих обязанностей обе стороны должны отрицать возможность чувств.

Традиционно враждебные и подчиненные группы часто определяются так, что близкие отношения с ними представляются омерзительными. Социальная дистанция между этническими группами сохраняется путем создания стереотипов. Группы меньшинств могут характеризоваться как ленивые, невежественные, грязные, аморальные и не поддающиеся совершенствованию. Так же зачастую относятся помещики к крестьянам. Обычно подобные значения не устанавливаются посредством точных инструкций. Ребенок усваивает их, наблюдая поведение взрослых. Он замечает усмешку, с которой упоминаются такие люди, и вырастает с чувством, что они заслуживают презрения. Он отмечает агрессивность, направленную против человека, который «забыл свое место», и заключает, что тот действительно занимает самое низкое положение. Негритянская персонификация «фанатичных белых людей» и еврейская персонификация «антисемита» не более лестны: они представляют собой контрастные концепции.

Эротическое влечение возникает спонтанно, и, чтобы свести к минимуму возможности осложнений в ситуациях, где контакт неизбежен, потенциальные объекты любви определяются как нейтральные. Иллюстрацией могут служить отношения доктора и пациента противоположного пола. В таких случаях оба партнера делают все возможное, чтобы забыть, что они люди. Этому способствует то обстоятельство, что доктора привыкли смотреть на всех пациентов как на «случай». В некоторых клиниках установлены правила, что, когда доктор-мужчина осматривает пациентку, в комнате должна присутствовать ее родственница или медицинская сестра. Это делается не из недоверия к врачу; это просто ритуал, создающий спокойную обстановку для обеих сторон. Но тот факт, что такие правила — так же как и кодекс профессиональной этики — существуют, говорит о возможности влечения и вытекающей отсюда опасности.

Важность таких значений, а также их непрочность обнаруживаются в замешательстве, наступающем, когда притворщики на мгновение теряют самообладание. Обнаженная женщина может невозмутимо позировать художнику, пока она смотрит на себя как на модель. Но если художник взглядом или каким-нибудь другим жестом даст понять, что внимание направлено на нее как на индивида, она испытывает чувство стыда и спешит прикрыться[11]. Взаимодействие прерывается до тех пор, пока стороны не будут в состоянии через ряд отвлекающих жестов снова обрести хладнокровие.

Из всех предписанных значений, вероятно, наиболее жестко поддерживаются те, которые отрицают эротические влечения в семье. Табу кровосмешения не только универсально, но и, возможно, самое сильное из всех табу[12]. Нарушение этих норм строго наказывается. Исследование взаимоотношений в тюрьмах показало, что заключенные презирают тех, кто осужден за совращение малолетних или изнасилование пожилых женщин. Но еще ниже этих людей считаются те, кто осужден за кровосмешение[13]. Даже если человек не пойман, он испытывает сильное чувство вины. Эти факты позволяют определить те условия, при которых люди осознают свои чувства. Напомним, что сознание связано с блокадой и конфликтом. Когда возникает противоречие между собственными импульсами и конвенциальными нормами, человек начинает остро осознавать и те и другие. Но если внутренний конфликт слишком интенсивен, чувства могут быть подавлены. Когда человек не в силах «взглянуть в лицо фактам» — импульсам, вызывающим острую боль, например «чувство вины», — он не способен определить их для самого себя. Тогда эти тенденции поведения продолжают существовать неосознанно.

Формирование дизъюнктивных чувств среди тех, кто должен жить и работать вместе, столь же нежелательно, как и конъюнктивных чувств у тех, кому запрещено становиться партнерами. Положение корпорации в обществе

---

[11] См. Williams, op. cit., pp. 354—355.

[12] См. Talcott Parsons, The Incest Taboo in Relation to Social Structure and the Socialization of the Child, «British Journal of Sociology», V (1954), 101—117; Thomas, op. cit., pp. 178—197.

[13] Weinberg, op. cit., pp. 153—154.

может подвергнуться опасности, если несколько людей, занимающих важные позиции, начнут между собой борьбу. Поэтому инструкции часто составляются так, чтобы установить пределы конкуренции честолюбцев. В некоторых профессиях сделаны попытки ограничить соперничество кодексом этики. Хотя такие нормы постоянно нарушаются, они представляют собой попытку свести к минимуму пагубные последствия отрицательных чувств[14].

Обслуживание клиентов в некоторых профессиях требует не только установления межличностных отношений, но и манипулирования чувствами. Искусство психотерапии требует от доктора сделать все возможное, чтобы пациент перенес на него чувства, возникшие в прошлых взаимоотношениях со значимыми другими. Откровения пациентов относительно самых интимных подробностей их жизни создают дополнительное напряжение. Поскольку психиатры тоже люди, они также формируют определенную ориентацию по отношению к каждому из пациентов. Они часто озабочены личными проблемами, и в их профессиональных обществах постоянно предлагаются адекватные процедуры обращения с пациентами. Однако, когда дело доходит до реальной работы, многие практики, встречаясь с клиентом, подходят к нему так же, как художник к новому сюжету.

С необычайно трудными межличностными проблемами сталкиваются медицинские сестры. Чтобы эффективно справиться со своими обязанностями, они должны входить в тесный контакт с пациентами, многие из которых мужчины. Они должны заботиться о своих почти беспомощных подопечных, как о детях. Не приходится удивляться, что многие благодарные пациенты испытывают конъюнктивные чувства. Внутри этой профессии существуют две противоположные философии. Одна из них заключается в том, что сестра должна знать каждого из своих пациентов как индивида и учитывать особенности каждого. Другой взгляд состоит в том, что сестра должна обращаться со всеми пациентами одинаково, быть справедливой и приветливой со всеми независимо от их личных качеств и избегать установления слишком личных отношений.

---

[14] См. Carl F. Taeusch, Professional and Business Ethics, New York, 1926.

В большинстве госпитальных палат сестра настолько занята, что у нее очень мало возможностей близко познакомиться со всеми больными. Однако изучение палаты хроников показало, что обращение с пациентами не свободно от чувств. Хотя всем больным были назначены одни и те же процедуры, сестры почти вдвое чаще обращались к пациентам, которые им нравились, и проводили с ними почти в шесть раз больше времени[15]. Сверх того, среди медицинских сестер существует неформальное соглашение относительно пациентов, которые делают им предложение. Изредка сестры выходят замуж за них, но это обычно случается через много времени после их выздоровления. Такая практика, как правило, не одобряется, а некоторые сестры даже считают ее отвратительной[16].

Почти во всех группах существуют определенные нормы, управляющие межличностными отношениями. Кули говорит о них как о «первичных идеалах», поскольку обычно они обнаруживаются у людей, которые состоят во взаимоотношениях первичного типа. Лояльность, видимо, высоко ценится повсюду. Изменников почти всегда презирают — их презирают даже те, кто извлекает пользу из их предательства. Благопристойность и «чистая игра» также высоко ценится в большинстве групп. По-видимому, это объясняется способностью до известной степени сочувствовать собственным врагам и быть умеренным в отношениях с теми, кто временно оказался в неблагоприятном положении. Искренность высоко ценится даже среди циников, которые уверены, что в мире осталось немного искренних людей. Нарушение таких первичных идеалов обычно пробуждает агрессивные тенденции. Человек, который украл у слепого, обидел беспомощного ребенка или донес на своего товарища, рассматривается как существо, недостойное имени человека. Легко понять, почему эти нормы так широко распространены: выживание группы зависит от того, насколько участники могут полагаться друг на друга.

---

[15] Francoise R. Morimoto, Favoritism in Personnel-Patient Interaction, «Nursing Research», III (1955), 109—112.

[16] См. Hildegard E. Peplau, Interpersonal Relations in Nursing, New York, 1952; Isidor Thorner, Nursing: The Functional Significance of an Institutional Pattern, «American Sociological Review», XX (1955), 531—538.

Человеческая природа и культурные различия

Что такое человеческая природа? До сих пор никто не смог сформулировать ответ, приемлемый для социального ученого. Самые громкие возражения поступают от тех, кто подчеркивает важность культуры. Распространено представление, что люди родятся пластичными и становятся такими, как они есть, в процессе социализации. Биологически унаследованные тенденции могут быть направлены по разным путям, и в каждой группе они устремляются в русла конвенциальных шаблонов. Сравнительное изучение культур обнаруживает существенные различия в человеческом поведении, и это приводит некоторых антропологов к выводу, что не существует такой вещи, как общечеловеческая природа. И все же в поведении самых эзотерических групп можно найти много знакомого — матери лелеят своих детей, мужчины гордятся своими достижениями, братьев преследует чувство вины, если ради какого-то выигрыша они вступают в конкуренцию. Странные обычаи оказываются только масками, и выясняется, что во многих отношениях все люди похожи независимо от их культурного наследия[17]. Некоторые антропологи утверждают, что человеческая природа сама является продуктом культуры, но этот взгляд не может объяснить, почему люди, имеющие различное происхождение, обладают общим набором качеств.

Изучение человеческой природы осложнено тем фактом, что в основе любого социального порядка лежат определенные представления о человеке. В одном обществе люди считаются рациональными, в другом — порабощенными страстями, в третьем — созданными по образу и подобию бога. Почти в каждую эпоху те, кто пытался оправдывать существующий порядок, заявляли, что человеческая природа неизменна, а те, кто хотел изменений, утверждали, что человек формируется и может быть изменен благодаря образованию. Защитники laissez-faire капитализма, например, утверждают, что экономическая конкуренция неизбежна, поскольку люди по

---

[17] Robert Redfield, The Universally Human and the Cultural Variable, «Journal of General Education», X (1957), 150—160.

натуре своей жадны; социалисты же, возражая им, доказывают, что конкуренция вызывается искусственно, что люди могут быть воспитаны неэгоистами и что они неумолимо вовлекаются в историческое движение по направлению к утопии[18]. Поскольку во времена быстрых социальных изменений или массовых миграций одни и те же индивиды в разные периоды своей жизни живут в различных типах социальных систем, становится очевидным, что утверждение, будто какая-то единственная система соответствует человеческой природе, выдумано теми, кто заинтересован в ее увековечении. Распространенные представления о человеческой природе в каждой культуре являются частью мировоззрения. Подобно идеологии, они не обязательно должны быть точными, чтобы быть полезными. Важно, однако, различать между тем, что думают о себе люди, и тем, что действительно лежит в основе их поведения.

Если бы люди были всецело продуктом культуры, те из них, чьи культуры в корне различны, были бы не в состоянии понять друг друга. Но история показывает, что это только вопрос времени. Каждая этническая группа — это не что иное, как временно устойчивый тип, который может сохранять свои отличительные особенности лишь до тех пор, пока он остается изолированным. Как только устанавливаются контакты с другой группой, социальная дистанция сокращается и происходит аккультурация. Принятие ролей все более облегчается, и рано или поздно культурные различия исчезают. Этот процесс происходит значительно быстрее среди образованных людей, которые почти ежедневно читают книги, написанные очень давно и принадлежащие часто к совершенно иной культуре. Сообщение Плиния о последних днях Помпеи показывает, что поведение людей в то время не очень отличалось от того, которое наблюдается при подобных несчастьях в нашем обществе. Те, кто видел кинофильмы, заснятые в Индии или в Китае и изображающие какой-то ранний период истории, без большого труда понимают характеры и сюжет, несмотря

[18] John Dewey, Human Nature, Encyclopedia of the Social Sciences, Vol. VII, pp. 531—536. Cp. Raymond A. Bauer, The New Man in Soviet Psychology, Cambridge, 1952.

на различия в физическом облике, одежде, языке и обычаях. Те, кто читал автобиографии лиц, живших в далеком прошлом или в чужеземных странах, находят обычаи странными, но личную жизнь автора вполне понятной. Итак, культурные различия не создают барьера для принятия ролей и взаимного понимания, хотя они делают начальное приспособление более затруднительным.

Это говорит о том, что все человеческие существа обладают определенными, общими им всем свойствами. Причем речь идет не о том, что, несмотря на различия во внешнем облике, биологически все люди принадлежат к одному и тому же виду. Общее свойство заключается в высокой гибкости поведения, обусловленной способностью включаться в символическую коммуникацию. Повсюду люди имеют какой-то язык и способны к рефлексивному мышлению; поэтому их поведению свойственно предвидение и планирование. Но в добавление к этому, по мнению Кули, все люди характеризуются определенными типическими чувствами, и наличие сходных чувств способствует принятию ролей вопреки культурным границам. Рицлер и Шелер занимают весьма сходную позицию[19].

Типические чувства, согласно этим авторам, составляют универсальную основу человеческого общества. Различия в конвенциальных нормах заставляют людей в различных культурах действовать по-разному, но типы межличностных отношений, по-видимому, устанавливаются одни и те же. Вражду вызывают различные поводы, но типы ориентации сражающихся к своим союзникам, врагам и предателям соответственно те же самые. Точно так же принятые процедуры ухаживания и основы выбора объекта любви отличаются от общества к обществу, но взаимоотношения между любящим и объектом любви достаточно сходны. Хотя конвенциальные роли различны, межличностные роли одни и те же.

Этот факт не так легко обнаружить прежде всего потому, что сходные чувства проявляются весьма различным образом. В Соединенных Штатах тщеславие выражается открыто

---

[19] Cooley, Human Nature and the Social Order, op. cit.: Riezler, Man: Mutable and Immutable, op. cit., pp. 111—276: Schuetz, Scheler's Theory of Intersubjectivity and the General Thesis of the Alter Ego, op. cit., pp. 323—325.

в различных формах самолюбования; тщеславные люди выставляют себя напоказ в наиболее благоприятном виде и наслаждаются вниманием других. Во многих восточных обществах, однако, такое поведение расценивалось бы как признак дурного тона — там тщеславные люди остаются в стороне и получают наслаждение, воображая восхищение других. Но несмотря на различия в явном поведении, тщеславного человека можно безошибочно определить по его внешней самоуверенности, сочетающейся с внутренними сомнениями в своей ценности, и повышенной чувствительности к критике.

Несмотря на различие культур, типические чувства понятны вследствие сходства прав и обязанностей, составляющих те или иные межличностные роли. Во всех обществах матери интересуются судьбой их отпрысков; соперников огорчают доблести противников; любящие страдают, если утрачивают объект любви. Как однажды отметил Кули, везде и всегда люди ищут уважения, боятся стать смешными, считаются с общественным мнением, восхищаются мужеством и презирают трусость.

Кули утверждал далее,что чувства,которые дают возможность людям различного происхождения идентифицировать себя друг с другом, развиваются в сугубо личных контактах. Он считал, что чувства универсальны, поскольку такие интимные круги существуют повсюду. Клики, семьи, кружки соседей и юношеские группы могут быть обнаружены во всех обществах. Безотносительно к той культурной матрице, где происходит социализация, проблемы, с которыми сталкивается человеческое существо в приспособлении к себе подобным, во многом те же самые. Повсюду люди проявляют сходное любопытство к другим — к их эмоциональным реакциям, секретам, эротическим предпочтениям, особенностям их морального характера. Существуют сходные напряжения и разрядки, столкновения интересов, сотрудничество для достижения трудных целей, верность, сохраняющаяся вопреки любым испытаниям. Каждый сталкивается с фигурами, обладающими властью, и должен научиться иметь с ними дело. Хотя Фрейд пользовался иной терминологией, он также понимал значение этих фактов и объединил их в своей теории социализации, которая весьма сходна со взглядами Кули.

Даже при беглом взгляде на фольклор и мировую литературу обнаруживается значительное сходство сюжетов, несмотря на различие языков, обычаев и обстановки. Переживания индивидов, хотя и бесконечно различных, часто дублируются; действия происходят в ситуациях, хорошо понятных большинству людей[20]. Красавица вынуждает влюбленного в нее мужчину опорочить себя, чтобы доказать свою любовь, а затем отвергает его как опозоренного. Жадный и злой человек добивается успеха какой-то ужасной ценой, осознавая всю тщетность своих усилий лишь тогда, когда уже слишком поздно. Ясно, что, поскольку подобные события случаются повсюду, такие новеллы могут быть переведены с одного языка на другой и оставаться понятными. Классики одной культуры обычно находят читателей в другой. Бальзак, Достоевский, Паскаль, Ларошфуко, Шекспир повсюду ценятся за великую «правду», которую они открыли. Хотя за японцами закрепилась репутация неэмоциональных людей, которые согласны вступать в брак с теми, кто выбран для них родителями или маклерами, трудно найти более волнующий рассказ о романтической любви, чем всегда популярный «Золотой дьявол», написанный Койо Одзаки. Итак, несмотря на колоссальные различия по времени, месту, культуре, существует, видимо, ограниченная система универсальных переживаний.

Фантастические произведения переносят своих читателей в неизвестные страны, древнейшие времена и даже в иное пространство. Беллетристы заселяют свои рассказы персонификациями столь же различными, как чудовище Франкенштейна, Мики Маус или электронные роботы. При чтении этих рассказов обнаруживается, однако, что создания из другого пространства испытывают те же чувства, что и реальные люди: страсть, почтение, величие, любовь. Именно поэтому такие рассказы и кажутся нам достоверными.

Время от времени возникают ситуации, когда людей обвиняют в бесчеловечности. После второй мировой войны обнаружились злодеяния, совершенные в германских концентрационных лагерях, и было заявлено, что нацисты — это звери.

---

[20] См. Helen M. Hughes, News and the Human Interest Story, Chicago, 1940, p. 184—216.

То же самое обвинение выдвигается против отцов, нещадно избивающих своих детей, и против управляющих, которые ставят эффективность производства выше всех других соображений, обращаясь с подчиненными как с «винтиками». Иногда убийца не может привести никаких мотивов своего преступления и признается, что испытывал значительное удовлетворение, наблюдая агонию своей жертвы. Поскольку этот человек сообщает ужасные подробности без всяких признаков раскаяния, наблюдателю становится жутко и он заключает, что перед ним нечто совершенно отличное от него самого. Некоторые люди действуют так, что сочувственная идентификация с ними невозможна. В таком случае кажется, что люди утратили чувства, и их называют «бесчеловечными».

Итак, очевидно, не все то, что делают люди, является специфически человеческим. Поцелуй — чисто человеческий акт. Но что придает поцелую его значение? Объективно он может быть описан как движение двух тел навстречу друг другу с вытянутыми губами, сопровождающееся различными внутренними изменениями — такими, как повышение кровяного давления и температуры, — для установления контакта. Такое физиологическое описание этого антигигиенического действия может быть весьма точным, но анализ его покажется холодным и безжизненным. Какой же отсутствующий элемент придает жизнь поцелую? Может ли быть проведено различие между человеческим *поведением* и *человеческим* поведением? Многие ученые утверждают, что такое различие существует и что социальные науки не уделяют ему достаточного внимания.

Итоги и выводы

Среди людей, которые близко знают друг друга, соображения чувств оказывают влияние на разумное преследование ими своих интересов и на приспособление к групповым нормам. Чем больше люди знают особенности друг друга, тем более они склонны к снисходительности. Личные обязательства, которые они чувствуют по отношению друг к другу, иногда мешают им в выполнении долга. Не приходится

удивляться, следовательно, что во всех организованных группах существуют особые нормы, поощряющие возникновение одних чувств и препятствующие другим. Поскольку соображения чувств вытесняют обычаи и законы чаще всего тогда, когда сокращается социальная дистанция, большинство попыток социального контроля сводится к установлению тактичных барьеров между теми, кто мог бы без этого попасть в беду. В той степени, в которой такие усилия оказываются успешными, поведение остается в основном конвенциальным и люди, происходящие из различных культур, кажутся различными.

Тот факт, что эти регулирующие установления существуют повсюду — обычно в форме неписаных законов, — отнюдь не означает, будто они легко проводятся в жизнь. В самом деле, часто именно нарушения этих норм придают групповой жизни ее специфически «человеческое» качество. Повсюду бывают случаи запретной любви, скрытой ненависти, отказа от действия из гордости или со злости. Когда импульсы, исходящие от чувств, наталкиваются на препятствия, люди испытывают замешательство, стыд, гнев или ревность. Иногда давление оказывается слишком сильным, и человек действует под влиянием страсти — порой даже уничтожая самого себя. Хотя человеческое поведение не обязательно иррационально, человека вряд ли можно рассматривать как создание исключительно рациональное. Именно внутренние конфликты и взрывы страстей позволяют людям из разных культур понять друг друга как существа одного и того же рода.

Многие ученые утверждают, что человеческие существа всего мира в сущности одинаковы. Правдоподобное объяснение этого единства человечества не сводится к тому факту, что все люди биологически принадлежат к одному и тому же виду, но также имеет в виду, что существуют определенные повторяющиеся шаблоны межличностных отношений. Общечеловеческая природа обнаруживается в типических чувствах, которые формируются, поскольку каждый человек вырабатывает устойчивую ориентацию по отношению к его ближайшему окружению. Это важное утверждение отнюдь не доказано, но данная теория вполне заслуживает серьезного рассмотрения.

Cooley Charles H., Human Nature and the Social Order, New York, 1922.

Doyle, Bertram W., The Etiquette of Race Relations in the South, Chicago, 1937.

Lea, Henry C., Historical Sketch of Sacredotal Celibacy in the Christian Church, Philadelphia, 1867.

Riezler, Kurt, Man: Mutable and Immutable, Chicago, 1950, Parts IV — VII.

Simmel, Georg, The Sociology of Georg Simmel, Glencoe, 1950, pp. 40 — 57, 87 — 177, 307 — 329, 379 — 408.

Weinberg, S. Kirson, Incest Behavior, New York, 1955.

ГЛАВА 12

ЛИЧНЫЙ СТАТУС В ПЕРВИЧНЫХ ГРУППАХ

В одном из «Диалогов» Платона Глаукон спрашивает Сократа, не будут ли люди поступать эгоистически всякий раз, когда они уверены, что, достигнув цели, смогут выйти сухими из воды. Он рассказывает историю про пастуха, который, найдя кольцо, делавшее его невидимым, обольстил королеву, убил короля и провозгласил себя правителем. Случись возможным для других людей стать столь же невидимыми, спрашивает он, смогли ли бы они устоять против подобных искушений? А если такой человек и найдется, не будут ли окружающие втайне считать его дураком?

Переходя из области догадок к реальности, заметим, что в достаточно похожих обстоятельствах шаблоны поведения некоторых людей подвергаются значительным изменениям. Некоторые солдаты, когда они служат на чужой земле, или некоторые бизнесмены, когда они приезжают по делам в большой город, делают то, о чем они и не помышляют дома. Неожиданное появление кого-нибудь из домашних или знакомых сразу восстанавливает прежние стандарты поведения.

Человек, который затерялся в большом городе или на чужой земле, во многом похож на невидимку: он анонимен. Его никто не знает, и этот факт влечет за собой устранение многих ограничений. Таким образом, простое присутствие других, лично знакомых людей вносит изменение в поведение. Но почему это происходит? Какая разница между аудиторией, состоящей из посторонних, и той, которую образуют знакомые и друзья?

Первичная группа состоит из людей, чьи отношения друг с другом приближаются к первичному полюсу на континууме социальной дистанции. Это ассоциация людей, которые лично знают друг друга. Все первичные группы невелики, ибо при большом числе людей невозможно было бы знать и учитывать идиосинкразические черты и особые интересы каждого. Такие ассоциации обычно существуют достаточно продолжительный период времени, и именно благодаря повторным контактам участники могут накопить запас знаний относительно каждого. Для первичной группы характерна интимность: существуют общие секреты, так что устанавливается система специальных значений и особых взглядов на мир. Увеличивается откровенность, и в большинстве случаев существует чувство сопринадлежности. Понимание различных взаимных интересов позволяет компаньонам действовать более спонтанно на пользу друг другу.

В первичной группе взаимодействие участников не специализировано: ее члены имеют возможность наблюдать друг друга во многих различных ситуациях. Обычно они отмечают вместе юбилеи друг друга, свадьбы и присутствуют на похоронах. Иногда они встречаются, чтобы поделиться своими надеждами, разочарованиями или огорчениями. Именно таким способом каждый человек оказывается в состоянии создать уникальную персонификацию любого другого; близкие друзья не воспринимаются как примеры категорий, как частные случаи общих типов. Хорошо осведомленные о слабостях и достоинствах друг друга, они знают, когда можно пошутить и когда нужно быть серьезным. Они знают также, каких тем нужно избегать в присутствии тех или иных индивидов.

Хотя первичные группы относительно устойчивы, в большинстве случаев четких границ между ними не существует. Каждая группировка реально состоит из совокупности небольших клик, которые частично совпадают. Например, в какой-нибудь семье сын может быть членом юношеской группы, только немногие из членов которой известны его родителям. Те сослуживцы отца, которые вместе с ним ездят на рыбалку, хорошо знакомы со всеми членами семьи, но они не знают всех

друзей каждого. Таким образом, окружение большинства американских семей составляет несколько кружков друзей, которые соединяются с семьей через одного из ее членов. Видимо, точнее было бы говорить о частично совпадающих созвездиях первичных отношений, но социологи в целях удобства предпочитают пользоваться выражением «первичная группа».

Поскольку социальная дистанция изменяется по континууму, различные первичные группы характеризуются различной степенью интимности. В одних группах члены очень близки друг другу, в других вполне дружественны, но сохраняют известную дистанцию. Существует много видов первичных групп, и наиболее спонтанны клики или замкнутые кружки близких по духу друзей. Возникновение таких групп — процесс избирательный, причем несоответствующие члены либо добровольно уходят, либо их изгоняют. Рост этих групп происходит спонтанно: другие родственные по духу люди могут быть введены в этот круг любым из участников. Это не формальная структура; но, раз возникнув, такие группы могут стать очень устойчивыми; многие из них сохраняются до тех пор, пока живы участники.

Как пример первичной группы социологи обычно называют семью. Однако существует много видов семей, и некоторые из них отнюдь не являются первичными группами. В обществах, где супруги подбираются с помощью брачных маклеров или родственников, муж и жена могут оставаться вежливыми, но чужими людьми во всех вопросах, касающихся внутренней жизни друг друга. В большинстве американских семей их члены очень близки между собою; в других они просто сознают свои конвенциальные обязанности и не делают секрета из того, что они предпочитают кого-то другого.

В современных массовых обществах многие первичные группы формируются непроизвольно. Люди в рабочей бригаде первоначально сходятся вместе случайно, преследуя интересы, не имеющие отношения к общению, но затем между ними устанавливаются тесные связи. Точно так же в военной организации люди просто сводятся вместе требованиями высшей организации и вынуждены мириться с образовавшейся компанией. Это справедливо и в отношении детей, которые не любят свои семьи: они не просили родителей,

чтобы те произвели их на свет. Так же и узников, помещенных в одну камеру, не спрашивают о том, кого они предпочитают иметь своими соседями. Такие первичные группы отличаются от других тем, что вклад, ожидаемый от каждого участника, в большей степени предопределен формальной социальной структурой. Шаблоны власти устанавливаются извне: сержантов и бригадиров редко избирают люди, которые им подчиняются. Поскольку не существует широких возможностей выбора, связи в этих первичных группах часто менее интимны, чем в более спонтанно сформировавшихся группировках. Тем не менее важность этих групп не следует недооценивать. Восприятие человека и то, как он интерпретирует события, в значительной степени зависят от взглядов тех, кто его окружает. Каждая локальная единица вырабатывает картину мира и систему норм, причем частные стандарты могут отличаться от тех, которые проводятся в жизнь официальными предписаниями. Такие первичные группы, даже когда участники их не очень близки друг другу, в значительной степени осуществляют контроль над поведением большинства своих членов[1].

Каждый участник первичной группы оценивает других и оценивается ими. Со временем возникают предпочтения и устанавливается шаблон влечений и отвержений. Различные комбинации межличностных ролей развиваются из реакций отдельных личностей друг на друга. Изучение показывает, что шаблоны доминирования не обязательно принимают порядок рангов, как в «порядке клевания» среди цыплят. *А* доминирует над *В*, который доминирует над *С* и *D*; но *С* и *D* доминируют над *А*[2]. Чем продолжительнее период контакта, тем отчетливее оформляются такие шаблоны. В каждом случае возникает уникальная сеть взаимоотношений.

Попытка систематизировать основные межличностные роли на основании изучения 100 больших американских семей показала, что чаще других повторялись такие типы

---

[1] См. Donald Clemmer, The Prison Community, New York, 1958, pp. 83—148; Mandelbaum, op. cit.

[2] Eugenia Hanfmann, Social Structure of a Group of Kindergarten Children, «American Journal of Orthopsychiatry», V (1935), 407—410.

ролей: ответственный и разумный глава, который наблюдал за остальными, принимал решения и пользовался уважением; привлекательный, пользующийся любовью, общительный; честолюбивый, заинтересованный в улучшении судьбы, как своей собственной, так и всей семьи; спокойный, трудолюбивый, усердный, со склонностью к замкнутости; безответственный и своекорыстный; ипохондрик, который вечно жалуется на болезни; капризный ребенок, которого балуют окружающие. В числе других ролей выступали также «козел отпущения», «белая ворона», «мастер на все руки»[3].

Эта иллюстрация свидетельствует о том, что мы изучаем явления большой сложности, и социальные психологи только начинают изобретать соответствующие процедуры для их анализа. Морено первый провел эмпирическое исследование межличностных отношений. Его методика сравнительно проста. Он опрашивает каждого человека относительно каждого другого в группе, задавая вопросы о предпочитаемых и нелюбимых, и устанавливает некий показатель интенсивности чувства. Полученную информацию он переносит на диаграмму. Между участниками группы может возникнуть взаимное притяжение или взаимное отталкивание; возможно, что человек привлекателен для одних и неприятен для других; он может быть привлекателен или неприятен для одних и безразличен для других; возможно также взаимное безразличие. Диады (группки из двух человек) возникают всякий раз, когда существует обоюдный выбор. Триады (группки из трех человек) могут возникнуть, когда все три человека нравятся друг другу, или когда один привлекает двух других, которые не особенно интересуются друг другом, или когда два человека зависят от третьего, который эксплуатирует их. Морено говорит также об образованиях звезд, состоящих из естественного лидера и круга его последователей. Устанавливая взаимоотношения каждого участника с каждым другим, он оказывался в состоянии характеризовать группу в целом[4].

---

3 James H. S. Bossard and Eleanor S. Boll, Personality Roles in the Large Family, «Child Development», XXVI (1955), 71—78.

4 Jacob L. Moreno, Who Shall Surevive? New York, 1953; ср. Helen H. Jennings, Leadership and Isolation, New York, 1950.

Сам Морено интересовался только влечением и отвержением. Это грубое упрощение, ибо разнообразные оттенки в особенностях различных чувств — например, различие между бескорыстной и собственнической любовью, — при этом пропадают. Поскольку схема и так уже очень сложна, добавление новых измерений может привести к тому, что понадобится сложнейший математический аппарат. Социометрические шкалы Морено — это только начало, но его работы дают некоторое представление о трудностях и о том, что еще предстоит сделать.

В каждой первичной группе существует превалирующая «эмоциональная атмосфера», от которой часто зависит самочувствие человека и его поступки. Может быть атмосфера сочувствия или ненависти, она может быть мрачной, серьезной и т. д. — в зависимости от сложившихся межличностных отношений. Действия, которые согласуются с превалирующим настроением, облегчаются, а те, которые с ним не согласуются, сдерживаются. Сети межличностных отношений являются, следовательно, агентами социального контроля — они представляют собой матрицу, внутри которой проходит жизнь.

Каждый человек участвует в различных комбинациях созвездий первичных отношений. В каждом кругу он играет несколько отличные межличностные роли. Для индивида эти круги представляют собой «значимых других», чьи суждения оказываются решающими для формирования его самооценки. Уровень собственного достоинства человека в большой степени зависит от реакций людей, связанных с ним лично, и человек не может позволить себе их разочаровывать.

Культура первичных групп

Культура — это продукт коммуникации. Люди сдержанны перед посторонними, но между собой члены первичных групп легко вступают в коммуникацию. Это ведет к развитию особой культуры. Возникает множество значений, которые разделяются только внутри данного круга. Многие из этих норм связаны с индивидуальными особенностями членов группы: каждый кричит, обращаясь к бабушке, зная, что

она немножко глуховата. Особые события, празднование их, общие воспоминания, прозвища, щекотливые темы, которых следует избегать, — все это существенно только для тех, кто входит в данную группу. Существуют специальные выражения и жесты, а общие символы используются особым образом. Естественно, что внутри таких групп значительно облегчается принятие ролей.

В каждой первичной группе развивается внутренняя организация, состоящая из системы разделяемых всеми представлений, стандартов поведения и средств, обеспечивающих конформизацию. Такие нормы часто рассматриваются как ***неформальная социальная структура***, ибо кодекс, предписывающий подобающие формы поведения, по существу, не вытекает из формальной организации общества. Такие неписаные законы редко сформулированы и в большинстве случаев угадываются только интуитивно. Эти неформальные представления не обязательно состоят в конфликте с конвенциальными нормами или законами, хотя между ними бывает значительное расхождение. Многие обычаи соблюдаются только на людях, но не дома. Официальная идеология не всегда популярна. Например, американцы провозглашают философию равноправия, но тот факт, что классовая и этническая стратификация продолжает существовать, не вызывает сомнений. Многие законы затруднительны для проведения в жизнь, и даже при тоталитарной диктатуре популярные представления развиваются независимо от официальных взглядов. На людей часто не производят впечатления формальные заявления, они презрительно смеются над ними среди своих друзей и предпочитают получать информацию из неофициальных источников. Мало энтузиазма вызывают выборы, которые не ведут ни к каким переменам[5]. Это подтверждает, что спонтанно формирующиеся картины мира могут значительно отличаться от положений, утверждаемых законными властями.

Хотя большинство семей, живущих в однородном обществе, имеют более или менее сходные взгляды на мир, каждая

---

[5] См. Bauer and Gleicher, op. cit. Saville R. Davis, Morale in Fascist Italy in Wartime, «American Journal of Sociology», XLVII (1941), 434—438.

обладает особой культурой. Показательно сравнительное исследование трех семей одной из деревень племени навахо, связанных не только соседством, но и браком. Тщательный анализ показал, что между ними существуют значительные различия, причем не только в материальных объектах собственности, но также и в принятых процедурах выполнения различных задач. Конкретная форма их в каждом случае была уникальной[6].

Любая корпоративная организация — коммерческая, педагогическая, правительственная, индустриальная или военная — разделяется на несколько меньших единиц, каждая из которых обладает отличной от других культурой. Эти неписаные законы возникают в спонтанном взаимодействии участников, и они обычно не санкционированы официально. Как правило, ***такие неформальные нормы развиваются там, где формальная социальная структура оказывается неадекватной***, обычно в «пустых местах», образующихся между формальными предписаниями. Они возникают, когда формальные предписания настолько негибки, что не позволяют эффективно действовать в конкретных ситуациях. Такие кодексы не обязательно неэтичны и незаконны, но иногда они отклоняются от официальных позиций.

На некоторых заводах полагают, что если работа оплачивается сдельно и люди работают ради денег, то это будет побуждать их трудиться с максимальным напряжением. Но исследования показали, что в каждой группе существует общее представление об определенной дневной норме, и тех, кто делает слишком много, осуждают, награждая ироническим прозвищем «чудо скорости». В то же время группа подстегивает отстающих. Люди напряженно работают до тех пор, пока не выполняется дневная норма, а затем расслабляются[7].

---

6 J. M. Roberts, Three Navaho Households: A Comparative Study in Small Group Culture, «Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology», XL (1951), № 3. Ср. Robert D. Hess and Gerald Handel, Family Worlds, Chicago, 1959.

7 Fritz Roethlisberger and William J. Dickson, Management and the Worker, Cambridge, 1939, pp. 379—548; Ср. Donald Roy, Quota Restriction and Goldbricking in a Machine Shop, «American Journal of Sociology», LVII (1952), 427—442.

Подобные же наблюдения были сделаны при изучении военных подразделений во время второй мировой войны. Между солдатами существовало молчаливое соглашение, что, когда поручается обычная задача, ее не следует выполнять слишком старательно, но в ситуациях, где ставятся на карту человеческие жизни или особые привилегии группы, каждый должен приложить максимум усилий. Люди, которые ведут ссбя в соответствии с уставом, иногда заслуживают похвалу офицеров, но товарищи обвиняют их в том, что они «мылятся»[8].

В неформальных контактах среди лиц свободных профессий устанавливается и укрепляется специальный кодекс поведения. В медицинской профессии, например, недостаточно, чтобы молодой доктор имел соответствующее классовое и этническое происхождение. Он должен также проявлять подобающее уважение к старшим, никогда не обнаруживать перед больным своих сомнений в диагнозе и не лечить пациентов других докторов без согласия последних. Частью рабочего кодекса любой профессии является благоразумие: доверительные высказывания — циничные замечания о «миссии» профессии и разговоры по поводу слабостей некоторых врачей или пациентов — не должны предаваться огласке. Рекомендации даются только тем, кто способен к сотрудничеству и приноравливается к соответствующему шаблону. В результате тип медицинского обслуживания в данной местности зависит не только от компетенции работающих здесь докторов, но также от неформальной системы взглядов, установившейся между ними[9].

Районы трущоб, где процветают юношеские шайки, иногда называют джунглями, поскольку там сравнительно мало законности и порядка в конвенциальном смысле. Совершенно очевидно, однако, что внутри каждой шайки строго проводится в жизнь определенный кодекс поведения. Понятно

---

[8] См. Samuel Stouffer et al., The American Soldier, Princeton, 1949, Vol. I, pp. 410—429.

[9] См. Oswald Hall, The Stages in a Medical Career, «American Journal of Sociology», LIII (1948), 327—336; Eliot Freidson, Client Control and Medical Practice, ibid., LXV (1960), 374—382; E. C. Hughes, op. cit., pp. 102—115.

также, что мальчик может совершить противозаконный акт, чтобы приспособиться к групповым экспектациям, ибо для него не может быть ничего хуже, чем прослыть «цыпленком» или «молокососом»[10].

Нормы первичной группы иногда препятствуют выполнению ее формальных целей. В некоторых обстоятельствах они могут даже вытеснять институциональные нормы. Воинские подразделения укомплектованы и организованы одинаково во всей армии, но некоторые роты отличаются своей отвагой; другие — стойкостью; на третьи же совсем нельзя положиться. Такие различия вряд ли могут быть объяснены с точки зрения формальной структуры; они, видимо, зависят от того, какие нормы сложились в первичных группах и насколько строго эти нормы проводятся в жизнь. В некоторых подразделениях цели войны принимаются всерьез; в других эти же слова воспринимаются как пустая болтовня. В одних подразделениях существует абсолютное доверие к руководству, в других же его нет совсем. Некоторые взводы состоят из тесно скооперировавшихся групп друзей, в иных же люди с трудом терпят один другого. В каждой первичной группе ситуация боя может быть определена по-своему, и в зависимости от этого будут строиться экспектации[11].

Неформальные нормы часто возникают среди людей, которые постоянно работают вместе, даже если их главные интересы противоречат друг другу. Иногда местные представители профсоюза и управляющий предприятием обходят формальные трудовые соглашения, заключенные между компанией и профсоюзом в целом, условливаясь о частных взаимовыгодных сделках. Благодаря этому рабочие получают лучший заработок, отпуска в желаемое время и другие льготы, а управляющий — более эффективную работу. Иногда договаривающиеся стороны могут даже использовать личные связи, чтобы сделать жизнь более легкой для обеих сторон, и бывали

---

[10] См. Albert K. Cohen, Delinquent Boys, Glencoe, 1955; Frederick M. Thrasher, The Gang, Chicago, 1927; William F. Whyte, Street Corner Society, Chicago, 1943.

[11] См. Roy R. Grinker and John P. Spiegel, Men Under Stress, Philadelphia, 1945, pp. 21—49; Stouffer et al., op. cit., Vol. II, pp. 105—191.

случаи, когда местное отделение выражало готовность без разрешения профсоюза начать забастовку в поддержку управляющего. Люди, которые проявляют хитрость и ловкость в заключении таких сделок, постоянно переизбираются в комитеты по жалобам. Из этого видно, что рядовые рабочие, хотя не противостоят политике общего профсоюза, часто более заинтересованы в непосредственных преимуществах, чем в детальном соблюдении контракта в целом[12]. Точно так же адвокаты преступника часто работают в тесном контакте с теми официальными лицами, против которых они должны выступать в суде. Встречи с клиентом в тюрьме, получение дополнительной информации, подбор поручителей, назначение времени и места судебного процесса — все это адвокат сделает эффективнее, если у него будет дружеский контакт с должностными лицами, от которых зависит решение. Поскольку противостоящие деятели юстиции обычно желают избежать публичных баталий, иногда они до суда приходят к решению, устраивающему обе стороны[13].

Многих политических обозревателей часто преследует призрак миллионов граждан, которых дурачат беспринципные люди, контролирующие средства массовой коммуникации. Однако доказано, что в реакциях на данную радио- или телевизионную программу существуют значительные вариации в зависимости от локальной обстановки. Изучение голосования показало, что интерпретация политических призывов аудиторией в значительной степени зависит от взаимодействия, которое там происходит. В каждой местности призывы истолковываются наиболее влиятельными людьми[14]. Даже реакции детей на карикатуры зависят от группового окружения, и изучение отношения молодежи Чикаго к популярной музыке выявило значительные совпадения в выборе песен

---

[12] Melville Dalton, Unofficial Union-Management Relations, «American Sociological Review», XV (1950), 611—619.

[13] Arthur L. Wood, Informal Relations in the Practice of Criminal Law, «American Journal of Sociology», LXII (1956), pp. 48—55.

[14] Paul F. Lazarsfeld, Bernard Berelson, and Hazel Gaudet, The People's Choice, New York, 1948, pp. 150—158; Berelson, Lazarsfeld, and McPhee, op. cit.

теми, кто был членами одного и того же клуба[15]. Не принижая важности средств массовой коммуникации, следует напомнить, что все восприятия избирательны и что многие гипотезы, которые высказывают те, кто читает газеты или смотрит телевизор, исходят от людей, с кем они состоят в непосредственном контакте.

Хотя значительная часть норм первичных групп подкрепляется нормами большого общества, существуют некоторые установления, которые представляют собой явное нарушение обычаев и законов. Если законы о разводе слишком суровы, люди объединяются, чтобы обойти требования, которые они считают неразумными. Если валютные ограничения вызывают сильные трудности, спонтанно возникает «черная биржа», где деньги обмениваются по ценам, более соответствующим спросу и предложению. Строгие постановления против легальной торговли наркотиками не смогли остановить поток опиума и марихуаны. Карательные законы только вызывают фантастический рост цен до уровня, компенсирующего риск, и в результате наркоманы вынуждаются совершать преступления, чтобы финансировать свою «привычку».

Даже среди полицейских, чей долг заключается в проведении законов в жизнь, существуют неформальные соглашения, которые не являются законными. При опросе полицейских в одном из городов Среднего Запада их спрашивали, подадут ли они рапорт о партнере, который похитил 500 долларов у подобранного пьяного. Их спрашивали также, будут ли они давать показания против партнера, если арестованный впоследствии принесет формальную жалобу, что он был ограблен. Только один человек ответил «да» на оба вопроса, и он был новичок. Все другие сознавали, что лжесвидетельство незаконно и наказывается временной или полной отставкой. Но они также понимали, что каждый, отнесенный к категории «стукачей», будет подвергнут остракизму

[15] John Johnstone and Elihu Katz. Youth and Popular Music, «American Journal of Sociology», LXII (1957), pp. 563—568; ср. Matilda W. Riley and Samuel H. Flowerman, Group Relations as a Variable in Communications Research, «American Sociological Review», XVI (1951), 174—180.

даже со стороны тех, кто осуждает кражи. Полицейская работа требует тесного сотрудничества, ибо существует много опасных заданий и ни один полицейский не может ничего сделать в одиночку. Более того, любой полицейский может стать жертвой судебного преследования; по роду службы многие из них должны вступать в контакт с преступным миром и при случае прибегать к незаконному применению силы. При таких обстоятельствах люди должны защищать друг друга от постоянных обвинений во взяточничестве и нечестности[16].

Появляется все больше доказательств, что выздоровление или ухудшение состояния пациентов в клиниках для душевнобольных зависит не только от применяемых терапевтических средств, но также от межличностных отношений, спонтанно складывающихся в палате. Так, усиление возбуждения пациента часто может быть отнесено за счет скрытых несогласий среди медицинского персонала относительно этого «случая». Напротив, когда такие разногласия открыто обсуждаются и разрешаются, здоровье пациента быстро улучшается[17].

Те, кто помещен в психиатрическую больницу, не лишены общества; их просто перевели в новое, отличное от прежнего общество. Несмотря на трудности в коммуникации, пациенты в каждой палате развивают свою собственную культуру. В большинстве случаев формируется иерархия статусов, причем наибольший престиж получают те, кто ближе к выписке. Повторные и старые пациенты, которые «знают все ходы и выходы», помогают вновь прибывшим. Только тех, кто подчиняется этому кодексу, принимают и оказывают им товарищескую помощь. Те, кто продолжает нарушать неформальные нормы, в конце концов изолируются[18].

---

[16] William A. Westley, Secrecy and the Police, «Social Forces», XXXIV (1956), 254—257.

[17] Alfred H. Stanton and Morris S. Schwartz, The Mental Hospital, New York, 1954, pp. 342—365.

[18] William Caudill et al., Social Structure and Interaction Processes on a Psychiatric Ward, «American Journal of Orthopsychiatry», XXII (1952), 314—334; Rowland, op. cit.

Понимание значения социальной среды для психического здоровья пациентов привело к попыткам манипулировать этим обстоятельством. Первая работа в этом направлении была выполнена Джонсом и его сотрудниками в Англии, когда они попытались применить эту методику в процессе лечения раненых во второй мировой войне. Планировались различные коллективные действия, в которых пациенты получали возможность видеть себя так, как их видели другие, подходить к пониманию своих симптомов более объективно и таким образом участвовать в собственном излечении[19].

Неформальные кодексы, возникающие в различных конвенциальных окружениях, оказываются весьма сходными. Это позволяет формулировать обобщения о том, как они возникают, об их отношении к формальной социальной структуре и об условиях, в которых они наиболее эффективны. Следует подчеркнуть, однако, что специфические культуры, которые возникают в каждой первичной группе, различны. Общая система взглядов в каждом случае зависит от особого исторического прошлого группы и от особенностей развивающихся сетей межличностных отношений.

Сохранение личного статуса

Неформальные кодексы эффективны потому, что действия большинства людей направлены на сохранение или повышение своего *личного статуса* в первичной группе. Люди весьма чувствительны к требованиям тех, кого они знают как индивидов, и, чтобы сохранить их доверие, они приносят значительные жертвы, иногда рискуя навлечь на себя возмущение официальных лиц и даже смерть.

Отличие личного статуса от статуса социального соответствует различию, которое китайцы проводили между двумя способами сохранить «лицо». Социальный статус относится к позиции человека в обществе: уважение, которым он

---

[19] См. Maxwell Jones et. al., The Therapeutic Community, New York, 1953; William Caudill, The Psychiatric Hospital as a Small Society, Cambridge, 1958.

пользуется, и его престиж основываются на том, к какой категории он относится и как оценивается эта категория в преобладающей системе социальной стратификации. Человек сохраняет свой социальный статус, если живет в соответствии с конвенциальными нормами, управляющими поведением людей этой категории. Когда китайцы говорят о сохранении «мянь» (mien), они имеют в виду сохранение репутации, которая закрепилась за человеком благодаря его успехам или знатному происхождению. Чем выше положение человека в обществе и чем больше он на глазах у публики, тем более существенным для него становится исполнение обычных экспектаций. От преуспевающего коммерсанта ожидается, что он обеспечит свою дочь прекрасным приданым, хотя бы ему пришлось ради этого лезть в долги. Бедный человек не потеряет своего «лица», если в подобной ситуации он не сделает то же самое, ибо этого от него и не ждут. Тот, кто не обладает высоким социальным статусом, может не беспокоиться о сохранении «мянь».

Китайцы также говорят о сохранении «лянь» (lien). Оно более важно, чем «мянь», ибо означает репутацию человека, который выполнит свои обязательства, как бы трудно ему ни было это сделать. Человек потеряет «лянь», если будет изобличен в нечестности или если события обнаружат непростительную скудность его ума. Человек не может жить без «лянь», ибо он окажется в изоляции. Потеря «лица» в этом смысле серьезнее потери социального положения. Для того чтобы сохранить уважение своих друзей, даже беднейший чернорабочий или бандит, которые не имеют «мянь», будут защищаться и приносить жертвы. Конечно, «лянь» не независит от социального статуса; чем выше положение человека, тем больше достоинства и самоконтроля ожидается от него и тем более он уязвим. Но это разные вещи. Близкие коллеги и семья могут презирать даже очень важного человека, точно так же, как рядовой гражданин может высоко цениться своими друзьями[20]. Личный статус — это положение, которое человек занимает в первичной группе в зависимости от того, как он оценивается в качестве человеческого существа.

[20] Hsien Chin Hu, The Chinese Concept of «Face», «American Anthropologist», XLVI (1944), 45—64. Ср. Clemmer, op. cit., pp. 149—180.

Личный статус, как и положение человека в обществе, есть социальный процесс, и он может быть определен только в связи с взаимоотношениями, которые устанавливаются между людьми в первичных группах. Отношение жены к мужу основывается на индивидуальной персонификации, и муж был бы совершенно расстроен, если бы обнаружил, что жена точно так же относится к кому-то другому. Индивид может ругать своего брата и шутить со своим отцом, и он может делать это, поскольку он есть именно это неповторимое человеческое существо. Сохранение личного статуса, следовательно, состоит в том, чтобы действовать так, чтобы обеспечить продолжение этих взаимоотношений. Человек не имеет права сделать ничего такого, что не соответствовало бы персонификации, которую создали о нем другие, ибо любое нарушение вызовет изменение этих связей.

Представление каждого человека о самом себе поддерживается преимущественно реакциями людей, которых он знает лично. То, как человек оценивает себя — его чувство гордости, скромности или неполноценности, — отчасти зависит от социального статуса, но еще более от оценок, которые он получает от значимых других. Каждое переживание человека каким-то образом связано с другими людьми, и его *Я*-концепция вплетена в эту ткань взаимоотношений. Некоторые супруги не представляют себе, в какой мере они зависят друг от друга, до тех пор, пока не расстанутся. Обычно у каждого есть один или два человека, чьи суждения для него особенно важны. Такими людьми могут быть мать, старший брат, жена или любимый учитель. Взгляды этих людей часто становятся для него стандартами поведения, в соответствии с которыми он строит свою жизнь[21].

В интимном кругу, особенно если там преобладают конъюнктивные чувства, человек наиболее полно ощущает безопасность. Он может рассчитывать на поддержку других, даже когда они не вполне с ним согласны. Для большинства людей существует несколько первичных групп, которые обеспечивают им поддержку, сочувствие и понимание. Безопасная позиция в такой группе часто становится важнее, чем

---

[21] См. Trigant Burrow, Social Images versus Reality, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XIX (1924), 230—235.

успех в более широком мире. Если положение человека в какой-то первичной группе недостаточно прочно, он может оставаться одиноким и отчужденным, несмотря на шумные приветствия публики и высокий социальный статус.

Чтобы жить в соответствии с экспектациями близко знакомых людей, человек способен сдерживать многие импульсы. Гангстер может просидеть много лет в тюрьме, но не выдать своих сообщников. Это не только страх перед мщением, но и дело личной чести. Когда срок наказания истечет, он сможет вернуться к своим друзьям из преступного мира. Он знает, что слабых там презирают.

Встречает ли человек опасность мужественно или в панике спасается бегством, зависит, видимо, от его гордости. Воинские подразделения, где развиты конъюнктивные межличностные взаимоотношения, проявляют большую стойкость под огнем потому, что каждый солдат предпочитает рисковать жизнью, но не стать трусом в глазах товарищей. Келланд приводит показательный пример, как однажды присутствие сына заставило его подавить стремление к бегству. Он повторял себе, что мальчик на всю жизнь сохранит воспоминание об отце как о трусе, и этой мысли было достаточно, чтобы удержаться от животной борьбы за существование[22]. Есть, конечно, культурные различия в том, какое значение придается чести, но почти всюду презирают тех, кто не способен ее отстоять. Как бы ни был скромен его социальный статус, человек борется за то, чтобы поддержать свой личный статус, свою репутацию среди товарищей.

Иногда, чтобы выполнить экспектации своей первичной группы, приходится жертвовать своими личными интересами. Доброжелательные родители и друзья, толкающие человека на брак, в некоторых случаях могут вынудить его доставить им это удовольствие. Юноше трудно продолжать свой роман, если его ближайшие товарищи не одобряют невесту. Некоторые люди в состоянии игнорировать насмешки и идти своим путем, но существует много случаев, когда молодой человек скорее оставит девушку, которую он по-настоящему

---

[22] Clarence B. Kelland, Panic: How Men and Women Act When Facing Terror, «American Magazine», CIX, March, 1930, 44—45, 92—95; ср. Samuel L.A. Marchall, Men Against Fire,New York, 1947.

любит, чем примирится с пренебрежительным отношением своих друзей.

Многие студенты, особенно в крупных учебных центрах, удивляются, что здесь качество обучения ниже, чем было в приготовительных школах. Им следует помнить, однако, что поведение профессоров следует рассматривать в свете того давления, с которым они сталкиваются со стороны коллег. В некоторых случаях профессор, который слишком много времени и сил тратит на работу со студентами, вызывает негодование, и с ним обращаются во многом так же, как и с «чудом скорости» на предприятии[23].

Некоторые люди предпринимают отчаянные усилия, чтобы добиться большей физической привлекательности, или усовершенствовать свои личные качества, или повысить свое социальное положение в обществе. Почему? Одна из правдоподобных гипотез заключается в том, что они хотят поднять свою ценность в глазах людей, которых любят сами. Если они станут достаточно привлекательными, они могут, по-видимому, обеспечить себе и другие радости. Люди взаимозависимы, и те, кто становится объектом любви, имеют значительно больше шансов на кооперацию.

При изучении моральных проблем Турнер попросил 120 студентов вообразить себя замешанными в краже 500 долларов, оценить вероятную реакцию своих друзей на такой поступок и указать возможные последствия для дружбы. Те, кто ожидал, что будут отвергнуты или переведены во второй разряд дружбы, говорили, что они прекратят общение даже прежде, чем друзья выяснят, что же произошло. Те, кто думал, что их друзья останутся с ними, хотя и осудят то, что они сделали, говорили, что они признаются в совершенном, предоставят компенсацию и докажут, что они заслуживают хорошего отношения. Те, кто считал, что друзья не допустят, чтобы этот проступок повлиял на их

---

[23] См. Theodore Caplow and Reece J. McGee, The Academic Marketplace, New York, 1958, pp. 81—93, 158—163; Lewis A. Coser, Georg Simmel's Style of Work: A Contribution to the Sociology of the Sociologist, «American Journal of Sociology», LXIII (1958), 635—641; Logan Wilson, The Academic Man, London, 1942, pp. 175—214.

взаимоотношения, утверждали, что они будут продолжать дружбу так, как и прежде. Эти наблюдения говорят о том, что многие скорее предпочтут отойти от группы, чем согласятся на позор, связанный с потерей личного статуса[24].

Бывает, что люди скорее по собственной воле расстанутся с жизнью, чем рискнут потерять личный статус. Как известно, солдаты бросались на готовые взорваться гранаты, чтобы спасти своих товарищей. Иногда доктора чувствуют себя в тупике, имея дело с пациентами, которые медленно чахнут и даже умирают потому, что совершили поступок, которого очень стыдятся. Уверенные, что друзья их отвергнут, они, по-видимому, не дорожат больше жизнью.

Конечно, существуют значительные различия в том, насколько люди способны к жертвам в ответ на экспектации первичной группы, особенно если неформальный кодекс противоречит обычаям или законам. Вероятно, это зависит, по крайней мере отчасти, от эмпатии. Некоторые люди внешне весьма дружественны и конгениальны, но безразличны к взглядам окружающих и вряд ли ради них пойдут на риск подвергнуться аресту или иному наказанию. Другие же настолько зависят от своих близких товарищей, что не могут и помыслить о том, чтобы не оправдать их доверия. Степень, до которой ощущается связанность нормами первичной группы, зависит также от положения человека в сетях межличностных отношений. Тот, кто признается лидером, не только старается поддержать стандарты своего круга, но и сам соблюдает их даже более строго[25]. Поскольку он несет главную ответственность за их проведение в жизнь, едва ли он может попирать эти кодексы, не теряя при этом уважения своих сторонников.

Неформальные санкции в первичных группах

Те, кто желает одобрения первичной группы, должны приспособиться к ее локальным установлениям, а это иног-

---

[24] Ralch H. Turner, Self and Other in Moral Judgment, «American Sociological Review», XIX (1954), 249—259.

[25] Jennings, op. cit., p. 200.

требует нарушения норм большого общества. Новички порой простодушно нарушают неформальный кодекс и поражаются гневу своих товарищей. «Салаги» на кораблях, как и люди, недавно принятые на полицейскую службу или заключенные впервые в тюрьму, часто твердо придерживаются официальных правил и именно поэтому попадают в беду. К молодым специалистам иногда плохо относятся в коллективе, и они могут даже оказаться объектами интриг; это происходит до тех пор, пока они не поймут, что нарушали неписаные правила. В большинстве случаев кто-то из тех, кто «в курсе дела», берет новичка под опеку и разъясняет ему «смысл жизни». Нормы первичной группы нарушаются также неуживчивыми людьми, которые то и дело стараются выразить свое недовольство или обиду.

Если нарушается неформальный кодекс, обращение к официальной власти возможно далеко не всегда. Об оскорблении, подобном кровосмешению, можно заявить в полицию, но юношеская шайка вряд ли дождется, чтобы полиция защищала ее территориальные права или арестовала доносчика. Не приходится ожидать, чтобы администрация предприятия наказывала тех, кто значительно перевыполняет задание. Следовательно, проводить в жизнь свои нормы должна сама первичная группа. *Неформальные социальные санкции* представляют собой приемы, посредством которых люди, которые знают друг друга лично, выражают уважение тем, чье поведение соответствует их экспектациям, и проявляют недовольство теми, кто с ними не считается. Естественно, что в наградах и наказаниях, распределяемых внутри первичных групп, не существует единообразия.

Наиболее распространенные неформальные санкции связаны с коммуникативной деятельностью. Нарушителя изводят «шпильками», прозвищами, пренебрежительным отношением. Подмигивания, иронические взгляды, усмешки и холодность — вот жесты, выражающие неодобрение. Постоянное насмешливое внимание со стороны других заставляет человека пересмотреть определение самого себя. К тому же в этих случаях очень трудно защищаться. Дальнейшие аргументы вызывают дополнительный смех и выставляют человека в еще более смешном свете.

Другая эффективная негативная санкция — эти переопределение личности нарушителя с помощью сплетни. Сплетни касаются обычно частных и интимных деталей поведения индивида. Личный статус человека оказывается под угрозой, ибо обязательства, которые ранее связывали его с другими, могут измениться. Хотя постороннему такие разговоры могут показаться тривиальными, они представляют собой важную часть воссоздания межличностных отношений в первичной группе[26].

Иногда в качестве санкции применяется сила, причем в формах, недопустимых в большом обществе. Отшлепать ребенка простительно, но избить заключенного, который вступил в сговор с охраной, явно незаконно. Стоит слишком старательному рабочему не обратить внимания на предостережения, у него могут вдруг «исчезнуть» инструменты или же люди, стоящие впереди на конвейере, могут сделать его работу напрасной, подсовывая ему недоброкачественные детали. Если он и после этого будет упорствовать, на него может «случайно» свалиться клеть. В среде интеллигентных профессий санкции не столь интенсивны, но тем, кто не склонен к конформизму, причиняют различные неприятности. В критической ситуации им может быть отказано в помощи, вполне заслуженное продвижение вдруг будет отложено или фонды, необходимые человеку для важной работы, «случайно» окажутся отвлечены на что-нибудь другое.

В крайних случаях нарушитель может быть изгнан из первичной группы. Остракизм — это эквивалент изоляции. Человек может физически присутствовать, но он не является больше участником группы. Вокруг него устанавливается все возрастающая социальная дистанция. Давление распространяется и на тех, кто с ним близок, чтобы заставить и их отойти от него. Требования, которые он еще предъявляет другим членам группы, больше не выполняются. Он становится одиноким, возрастает внутреннее беспокойство, тревожность, и может произойти некоторая дезинтеграция, ибо все значения поддерживаются только в социальном взаимодействии.

---

[26] См. Albert Blumenthal, The Nature of Gossip, «Sociology and Social Research», XXII (1937), 31—37; William J. Thomas, The Unadjusted Girl, Boston, 1923, pp. 41—69.

В первичной группе личная определенность никогда не берется под сомнение. В отличие от законов, которые предположительно применяются одинаково к каждому и, следовательно, безличны, нормы первичной группы применяются дифференцированно к каждому человеку. Тех, кто считается слабым и неспособным вынести боль или фрустрацию, прощают охотнее, чем других. Если известно, что у человека бурный темперамент, считается само собой разумеющимся, что он может взорваться даже при слабой провокации. Интеллигентного ребенка не награждают за хорошую успеваемость с тем же самым энтузиазмом, как того, кому это стоило больших усилий. Неформальные социальные санкции обычно регулируются такими особыми соображениями.

Если нормы первичной группы сталкиваются с нормами большого общества, понятно, что посторонние, особенно должностные лица, ожидают проведения в жизнь формальных предписаний. В присутствии посторонних большинство людей остается верными правилам; предполагается, что в таком случае альтернатив не существует. В ситуациях, где могло бы быть обнаружено нарушение, требования верности групповому кодексу ослабляются. Однако, когда, видимо, нет опасности быть обнаруженным, ожидается, что «славный парень» будет нарушать формальные предписания. Стоит кому-то попасться должностному лицу за незаконным занятием, все понимают, что виновный не выдаст никого другого и его друзья сделают все возможное, чтобы облегчить его положение и при случае компенсировать ему потери. Оказание помощи обвинению запрещается, и, когда это необходимо, члены первичной группы могут даже лжесвидетельствовать, чтобы помочь жертве.

Эффективность, с которой неформальный кодекс проводится в жизнь, зависит от того, как первичная группа оценивается своими членами. Если человек высоко ценит группу, идентифицирует себя с ней и гордится своей принадлежностью к ней, его чувство ответственности должно быть очень сильным. Он, вероятно, будет склонен также резко реагировать на проступки других. Но если он низко оценивает группу, как, например, многие интеллигенты, призванные в вооруженные силы, он не будет настолько заинтересован в соблюдении ее норм. Многочисленные исследования обнаруживают, что чем

привлекательнее группа для ее участников, тем выше давление, обеспечивающее единообразие поступков и мнений[27].

Каждая первичная группа вырабатывает особую, ограниченную картину мира, исходя из которой только и может быть определена ситуация. За немногими исключениями каждый человек рассматривает мир с точки зрения, которая разделяется людьми, непосредственно его окружающими. Стандарты первичной группы ощущаются сильнее, если благодаря конъюнктивным чувствам социальная дистанция сокращается. Трудно нарушить экспектации тех, с кем человек легко себя идентифицирует, ибо понимание их огорчения вызывает острое чувство вины. В какой степени неформальный кодекс может быть проведен в жизнь, зависит, следовательно, также от тех чувств, которые испытывают участники друг к другу.

Итоги и выводы

Поскольку люди в первичных группах общаются друг с другом иначе, чем с посторонними, устанавливается особая коммуникация и в каждом кругу развивается особая культура. Хотя такие неформальные представления обычно совпадают с культурой большого общества, это не во всех случаях обязательно. Когда существуют различия, каждая первичная группа вынуждена навязывать свои собственные нормы с помощью неформальных социальных санкций. Для неформального социального контроля характерно своеобразие принудительных норм, низкая степень формализации санкций и учет идиосинкразических черт взаимодействующих личностей. Неформальные санкции эффективны, поскольку ясно установлена личностная определенность каждого человека и его обязанности, а отклонения от кодекса приводят к изменениям в межличностных отношениях, к понижению личного статуса и в некоторых случаях даже к изгнанию из группы. Только поддержка значимых других позволяет человеку сохранять

---

27 См. Leon Festinger et. al., The Influence Process in the Presence of Extreme Deviates, «Human Relations», V (1952), 327—346; James E. Dittes, Attractiveness of Group as Function of Self-Esteem and Acceptance by Group, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LIX (1959), 77—82.

адекватный уровень собственного достоинства, и большинство людей приносит значительные жертвы ради сохранения своих позиций.

Как утверждал Кули, всегда и всюду люди живут в каких-то первичных группах, и именно участие в таких интимных ассоциациях дает им возможность развить человеческие качества. В продолжительных повседневных контактах, которые устанавливаются в таких кругах, люди научаются понимать и ценить друг друга и приспосабливаться к особенностям каждого как неповторимой индивидуальности. Такие группировки особенно важны потому, что чувства, которые в них возникают, часто влияют на поведение сильнее, чем конвенциальные экспектации. Права и обязанности, связанные с межличностными ролями человека, часто более важны для него, чем те, которые установлены конвенциальной ролью. Следовательно, ход событий иногда зависит больше от сети межличностных отношений, чем от обычаев и законов.

Наблюдателю, который недостаточно близко знает людей, принимающих решения, последние могут казаться бессмысленными. Неформальный социальный контроль иногда приобретает непропорциональную важность, поскольку усилия сохранить личный статус могут иметь последствия, далеко превосходящие ранг первичной группы. Например, многие действия рабочих лидеров и представителей администрации на заседании по урегулированию конфликта нельзя понять исключительно с точки зрения экономических интересов соответствующих организаций. Лица, ведущие с каждой стороны переговоры, являются участники разных первичных групп, и иногда они не могут себе позволить даже полезную в тактическом отношении уступку, ибо в результате потеряют свое «лицо» перед «своими». Многие решения в международной политике принимаются государственными деятелями, чьи личные связи ограничены небольшим кругом с определенными идеологическими обязательствами. Учитывая взгляды личных друзей, официальное лицо может видоизменять решения, отвечающие национальным интересам, и беспечно рисковать жизнями миллионов других людей, которые для него совершенно чужие. Касаясь бурных дискуссий по поводу установления контроля над атомной

энергией, следует помнить, что связанные с этим делом ученые, генералы, конгрессмены и бизнесмены все являются участниками первичных групп, в которых преобладают различные ценности. Если промышленный магнат предпочтет войну депрессии, это вовсе не значит, что он очень жадный. Все его друзья занимают сходное место в экономической системе, и каждый из них потеряет престиж, если корпорации потерпят убыток. Эти люди не нуждаются в деньгах, но они заинтересованы в сохранении уважения своего круга. До тех пор, пока человек не поймет, что картина мира, разделяемая в каждой первичной группе, составляет фильтр, через который проходит определение ситуации, многие человеческие поступки будут вызывать у него недоумение.

Библиографический указатель

Barnard, Chester J., The Functions of the Executive, Cambridge, 1938.

Blumenthal, Albert, Small Town Stuff, Chicago, 1932.

Homans, George C., The Human Group, New York, 1950.

Mandelbaum, David G., Soldier Groups and Negro Soldiers, Berkeley, 1952.

Roethlisberger, Fritz J. and William J. Dickson, Management and the Worker, Cambridge, 1939, Part IV.

Stanton, Alfred H. and Morris S. Schwartz, The Mental Hospital, New York, 1954.

ГЛАВА 13

ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

В прошлом столетии Альфред Адлер, несколько отойдя от учения Фрейда, попытался объяснить развитие личности и некоторые душевные расстройства как компенсаторные реакции на чувство неполноценности. Его сочинения вызвали большой интерес не только среди ученых, и вскоре упрощенная версия его взглядов, ставшая популярной, сделала термин «комплекс неполноценности» ходячим выражением. В последовавших затем дискуссиях Адлер подвергся резким нападкам психиатров, придерживающихся иных взглядов; но, когда пыл оппозиции поостыл, многие признали, что он заметил нечто важное, даже если в целом концепция и страдала незавершенностью и односторонностью. В последнее время психиатры — особенно те из них, кто испытал на себе влияние Хорни и Салливена, — снова обратили внимание на этот вопрос. Изучение шизофрении показало, что многие пациенты считают себя недостойными, презренными человеческими существами. Доктора все чаще стали задумываться над тем, не лежит ли в основе большинства личностных расстройств чувство неполноценности.

Даже поверхностное наблюдение показывает, что человек, который презирает самого себя, склонен действовать иначе, чем тот, кто гордится собой. Точно так же как люди формируют персонификации и оценивают других, они формируют *Я*-концепцию и оценивают самих себя. Хотя Мак-Дауголл давно отметил важность того, что он назвал «чувством самоуважения», в Соединенных Штатах на его работы долго не

обращали внимания[1]. Данная глава представляет собой попытку систематизировать разнообразные наблюдения над тем, как люди оценивают самих себя, какие характерные методы они используют, чтобы компенсировать свою неполноценность, и каковы некоторые из личностных расстройств, которые могут развиться у тех, кто не способен принять самого себя.

Сохранение чувства собственного достоинства

Оценить самого себя — это значит рассмотреть себя внутри некой иерархической системы. Люди весьма различаются по их чувству собственного достоинства, и многие из этих различий обнаруживаются в повседневной жизни. Когда человек отказывается сделать то, что, как он считает, несовместимо с его моральной ценностью, о нем говорят, что он гордый. Когда человек старается изо всех сил убедить других в своей значительности, его обвиняют в тщеславии. Когда человек отказывается дать самому себе высокую оценку, которую, по мнению других, он заслуживает, его называют скромным. Если личность — это организация ценностей, то ядром такого функционального единства является самооценка[2].

Многое из того, что человек делает или отказывается делать, зависит от его уровня собственного достоинства. Те, кто сам не считает себя особенно талантливым, не стремятся к очень высоким целям и не проявляют огорчения, когда им не удается что-нибудь хорошо сделать. Люди, считающие себя не способными противостоять искушению, избегают ситуаций, в которых они могли бы поддаться соблазну. Человек, который думает о себе как о никчемном, ничего не стоящем объекте, часто неохотно прилагает усилия, чтобы улучшить свою судьбу. С другой стороны, те кто высоко себя ценит, часто склонны работать с большим напряжением. Они считают ниже

---

[1] McDougall, op. cit., pp. 125—214.
[2] См. Lecky, op. cit., pp. 152—155.

своего достоинства работать недостаточно хорошо. Каждый индивид обладает какой-то *Я*-концепцией, которую он стремится укрепить и повысить, но существуют значительные различия в том, в какой степени он способен к жертвам ради себя самого.

Психиатры часто говорят о том, адекватно или не адекватно чувство собственного достоинства человека, но всегда возникает вопрос о границах этой адекватности. Считается, что уровень собственного достоинства изменяется по континууму, по одномерной шкале от высокого к низкому. В действительности вопрос этот гораздо сложнее, ибо собственное достоинство человека складывается из чувств, которые он испытывает к самому себе. Любая ориентация, возможная в отношении других людей, может быть обращена на самого себя. Точно так же как другой человек может быть объектом бескорыстной любви, человек может подходить к самому себе как к объекту безусловно ценному. Он относится к самому себе с уважением, подобно тому как опытный спортсмен никогда не предъявит неразумных требований к своему телу. Так же как другой может быть объектом собственнической любви, человек может относиться к себе как к утилитарному объекту. Психоаналитики часто говорят о «нарциссизме»; в крайних случаях люди могут даже «прожигать» себя в поисках удовольствия. Точно так же, как на других можно обижаться или их ненавидеть, человек может относиться к себе как к опасному объекту. Сэр Томас Браун однажды написал: «Во мне живет человек — человек, который ненавидит меня», изображая личность, отчужденную от самой себя. Тщеславие может рассматриваться как форма героепочитания, когда сам субъект выступает в качестве героя. Точно так же, как к другим людям можно подходить с презрением, человек может унижать самого себя. Каждый человек подходит к самому себе каким-то образом. Наши знания об этом явлении, однако, еще столь незначительны, что мы можем лишь различать конъюнктивные и дизъюнктивные чувства. В таких обстоятельствах упрощенная одномерная процедура кажется оправданной.

Подобно другим значениям, чувства к самому себе формируются и подкрепляются благодаря упорядоченным реакциям других людей. Если другие постоянно относятся к

человеку с уважением, он начинает считать само собой разумеющимся, что он заслуживает такого отношения. С другой стороны, если кем-то постоянно пренебрегают и насмехаются над ним, ему ничего не остается, как заключить, что он достоин презрения. По мере того как выкристаллизовываются такие оценки, они становятся все более независимыми от реакций других людей. Человека, у которого образовался комплекс неполноценности, вряд ли успокоят уговоры его друзей. И точно так же гордец отмахнется от любого человека, как от не имеющего значения, если тот обратится к нему без должного почтения. Как только сформировался определенный уровень собственного достоинства, оно, подобно другим чувствам, имеет тенденцию к самоподкреплению.

На чувство собственной ценности до некоторой степени влияет социальный статус человека: как с ним обращаются другие — это зависит от его ранга в обществе. Те, чей род занятий не пользуется престижем — например, старьевщик, сторож, мусорщик, — иногда стыдятся самих себя, даже если они не совершают ничего аморального.

Однако совершенно независимо от социального статуса большинство людей оценивает себя как неповторимое человеческое существо. Социальный статус может быть изменен, но то, чем субъект является как человеческое существо, остается относительно постоянным. Каждый обладает индивидуальным набором физических черт, которые он может находить привлекательными или непривлекательными. Он характеризуется также определенной системой шаблонов поведения — его личностью, которую может находить замечательной или скверной. Существуют черты, по которым он оценивается как другими, так и самим собой. Человек может достигнуть высокого социального статуса, сознавать престиж, которым обладает, но смотреть на себя как на презренное человеческое существо, не заслуживающее уважения и внимания окружающих. Он может испытывать хроническую боль от сознания своей неполноценности потому, что некрасив; он может страдать потому, что физически слаб и труслив, или из-за своей этнической принадлежности считать себя проклятым от рождения. Так же как межличностные отношения изменяются

независимо от конвенциальных норм, чувства, направленные на самого себя, большей частью независимы от принятых в данной культуре определений достижений. Для большинства людей важнее всего отношение значимых других, особенно тех, кого они сами любят и уважают. Личный статус человека в первичной группе, следовательно, в большинстве случаев важнее, чем его социальная позиция в обществе.

Поскольку картина мира создается в процессе коммуникации, критерии, по которым люди оценивают друг друга, зависят от культуры. В социальных мирах, составляющих американское общество, существует удивительное разнообразие качеств, которыми люди гордятся или которых стыдятся: произношение, твердость зубов, предки, мускульная сила, умение драться, число прочитанных книг, количество знакомых знаменитостей, честность, терпение, память, умение делать деньги, манеры, способность манипулировать другими людьми, арматура автомобиля или знакомство с экзотической пищей. Каждый человек рассматривает себя с точки зрения группы, в которой он участвует, и все, что, по его мнению, произведет впечатление на его аудиторию, представляет для него источник гордости. Эти критерии суждений служат также оправданием уже установившегося уровня собственного достоинства. Они усиливают и обосновывают оценки, которые уже были сделаны, и человек приходит к убеждению, что такие отношения с людьми сложились у него в результате наличия или отсутствия данных черт.

Хотя таким стандартам научаются, участвуя в жизни эталонных групп, при оценке самого себя каждый человек придает особое значение разным критериям. Человек может ощущать неполноценность, поскольку у него кривые зубы, хилая комплекция или он беден; он не представляет себе, какую зависть вызывает его пышная шевелюра у стройного и блестящего друга, который преждевременно полысел. Женщина может быть недовольна собой, поскольку у нее плохая фигура, но красавицы могут восхищаться ее интеллектом и чувством юмора. Несмотря на многие проповеди, люди часто «не ценят того, что имеют».

Среди наиболее общих стандартов суждения о самом себе — идеалы мужественности и женственности. Люди чувствуют

неполноценность, когда они считают, что не соответствуют этим идеалам[3].

Хотя люди обычно применяют один и тот же критерий при оценке себя и других, они часто более строги к самим себе. В формировании самооценки каждый человек принимает в расчет внутренние переживания, которые недоступны другим. Считает ли он себя хорошим человеком или плохим, мужественным или трусливым, честным или нечестным, зависит скорее от того, что он сам о себе знает, чем от его престижа в обществе. Человек может испытывать агрессивные влечения, давать себе волю в эротических фантазиях, осуществлять на практике то, что он расценивает как извращение, или обладать детскими желаниями, которых он слишком стыдится, чтобы поведать о них даже самым близким друзьям. Поскольку другие не обнаруживают своих внутренних склонностей, у каждого создается впечатление, что только он и еще некоторые неприспособленные индивиды виновны в таких предосудительных мыслях и поступках. Он не понимает того, что такие импульсы в действительности весьма широко распространены.

Следует проводить различие между уровнем собственного достоинства человека и его сознательной самооценкой, ибо они могут быть прямо противоположны. В минуту трезвого самоанализа большинство людей может взглянуть на себя с достаточной честностью, но сознательное оценивание нередко вводит в заблуждение. Каждый человек формирует о себе весьма устойчивую персонификацию, но он часто не сознает многих составных тенденций поведения, особенно тех, которых он стыдится. Некоторые люди прилагают серьезные усилия, чтобы жить в соответствии со своими идеалами, и верят, что им это удается лучше, чем это есть на самом деле. Сознательные оценки часто не более как рационализации, создаваемые, чтобы оправдать компенсаторные реакции на глубоко укоренившееся чувство неполноценности. Это говорит о том, что многие различия между сознательными оценками (тем, что человек говорит самому себе) и уровнем

---

[3] См. Sidney M. Jourard and Paul F. Secord, Body-Cathexis and the Ideal Female Figure, «Journal of Abnormal and Social Psychology», L (1955), 243—246.

собственного достоинства (предпосылками, которые действительно лежат в основе его поведения) являются защитными реакциями[4].

Все, что истолковывается как угроза оценке, которой придерживается человек, вызывает сильные реакции. Всякий раз, когда по жестам окружающих он замечает, что их чувства не такие, какими, по его мнению, они должны были бы быть, он расстраивается. Чтобы восстановить уважение, обычно прилагаются большие усилия. Когда такие попытки не достигают цели, автоматически активизируются некоторые типические шаблоны поведения. Поскольку считается, что они служат для защиты, они обозначаются как ***защитные механизмы***. Хотя это понятие введено в обиход психоаналитиками, не все они понимают, что защищается в этом случае не столько биологический организм, сколько собственное представление о самом себе. Все защитные механизмы имеют отношение к *Я*. Они позволяют человеку сохранять чувство личной ценности в своих собственных глазах[5].

Защитные механизмы связаны в основном с процессами восприятия и символизации. Эта гипотеза была подробно разработана Салливеном, который утверждал, что ***пределы осознания — то, что человек способен обсуждать с самим собой, — устанавливаются защитными операциями***. Если человек может не замечать свои явные неудачи и сохраняет уважение к самому себе, его болезненные переживания подавляются: жизнь идет дальше, как будто этих событий и не происходило. Все восприятия избирательны, и то, что Салливен называл «избирательной невнимательностью», — это всего лишь усиление определенного направления чувствительности[6]. Поскольку *Я*-концепции суть отражение того, как с нами обращаются другие, внимание тех, кто не чувствует себя в безопасности, часто поглощено вопросом о том, какое впечатление

---

[4] См. Ezra Stotland and Alvin Zander, Effects of Public and Private Failure on Self-Evaluation, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LVI (1958), 223—229.

[5] См. Anna Freud, The Ego and the Mechanisms of Defence, New York, 1946; Ernest R. Hilgart, Human Motives and the Concept of the Self, «American Psychologist», IV (1949), 374—382.

[6] Sullivan, Clinical Studies in Psychiatry, op. cit., pp. 38—76.

на других они производят. Мы часто не замечаем жестов неодобрения или интерпретируем их просто как проявление неприятного характера. Перцептуальная защита — это, по-видимому, спонтанные реакции, которые охраняют человека от понимания определенных фактов, касающихся его личности.

Экспериментальные исследования дали любопытные результаты. Применив тест словесной ассоциации, Брунер и Постмэн устанавливали время реакции своих испытуемых на различные слова. Затем для каждого из них было отобрано восемнадцать слов, включая шесть таких, на которые реакция была быстрая, и шесть таких, на которые реакция была замедленная, — последние, по-видимому, представляли собой значения, вызывающие беспокойство. Две недели спустя эти слова были предъявлены в случайном порядке через тахистоскоп — прибор, благодаря которому экспериментатор мог контролировать экспозицию. Время предъявления каждого слова увеличивалось до тех пор, пока субъект не оказывался в состоянии правильно его узнать. Выяснилось, что существует высокая корреляция между замедленной реакцией и возрастанием экспозиции, необходимой для узнавания. Эти явления были истолкованы как защитный процесс; порог узнавания повышался при тревоге испытуемого. Но некоторые узнавали слова, на которые у них было продолжительное время реакции, при экспозиции значительно меньшей, чем средний порог узнавания. Эти случаи были истолкованы как пример особой настороженности к опасности. Экспериментаторы сделали вывод, что для некоторых людей существует критический уровень эмоциональной реакции, ниже которого перцептуальная защита не действует[7]. Другие исследователи повторили этот эксперимент, взяв в качестве испытуемых негров и включив слова, которые должны были бы быть особенно болезненными для людей из этого меньшинства. Выяснилось, что действительно критические слова требовали более высокого порога узнавания. Однако было предложено новое объяснение:

---

[7] Jerome S. Bruner and Leo Postman, Emotional Selectivity in Perception and Reaction, «Journal of Personality», XVI (1947), 69—77.

когда предъявлялись неприятные слова, испытуемые просто сдерживали свои реакции до тех пор, пока существовала неопределенность, не желая угадывать еще недостаточно ясные сигналы[8]. Теория перцептуальной защиты подверглась критике также со стороны Хови по той причине, что эта теория объявляет перцепцию процессом как познания, так и ухода от познания. Он утверждал, что описанные явления могут быть объяснены с точки зрения относительного доминирования значений. Если кому-то свойствен особый подход к своему миру, несоответствующие реакции тормозятся, но это не обязательно носит защитный характер[9]. Хотя явления, о которых идет речь, обнаружены во многих исследованиях, их истолкование еще вызывает сомнения.

Человек с низким уровнем собственного достоинства может не только не замечать своих слабостей, но иногда формирует идеализированную *Я*-концепцию, рассматривая себя как совершенство или почти совершенство. Создание такой персонификации облегчается тем, что одни и те же человеческие свойства могут интерпретироваться по-разному. Пассивная уступчивость может рассматриваться как деликатность и внимание к другим, агрессивность — как сила, а равнодушие — как самостоятельность и независимость. Фрейд отмечал, что люди, которые не уверены в себе, иногда пытаются развить в себе качества, противоположные их естественным склонностям, и обозначил это как «реактивное образование». Мелочный человек может утверждать, что он щедрый, и скрытный — что он откровенен. Идеализированные персонификации могут поддерживаться фантазиями о достижениях и о восторженных приветствиях окружающих. Когда предпринимаются серьезные попытки жить в соответствии с этими идеалами, возникают трудности, поскольку человек перенапрягает свои силы. Особенно когда на основе этих раздутых *Я*-концепций предъявляются требования к

---

8 Edna Whittaker, J. C. Gilchrist and Joan W. Fischer, Perceptual Defence or Responce Suppression, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLVII (1952), 732—733.

9 Duncan Howie, Perceptual Defense, «Psychological Review», LIX (1952), 308—315, Ср. Beckner, op. cit., pp. 119—128.

другим людям, возникают нарушения в межличностных отношениях[10].

В одном из исследований каждый из испытуемых должен был описать черты своей личности и указать ведущие принципы жизни. Ответы были сопоставлены с оценками группы судей, которые хорошо знали каждого испытуемого, и тут обнаружились удивительные расхождения. Люди не сознавали многие свои недостатки, которые, однако, были настолько очевидны, что среди судей существовала высокая степень согласия. Обычно испытуемые утверждали, что они обладают чертами, совершенно противоположными тем, которые бросались в глаза наблюдателям. Человек, последовательно характеризуемый близко знавшими его людьми как «неискренний», утверждал, что он очень искренний. Какая-нибудь нежелательная черта могла совершенно выпасть из самохарактеристики. В некоторых случаях человек мог осознавать поведение, наблюдаемое другими, но описывал его таким образом, что оно выступало в ином свете; например человек, определяемый как «агрессивный», отмечал, что он не позволяет другим людям себя запугивать. Другая общая тенденция заключалась в использовании эвфемизмов: человек, обычно оцениваемый как «беспутный», обозначал себя как «увлекающийся». Обнаружилось также изменение порядка важности различных качеств: то, что рассматривалось другими как характерное, в глазах субъекта выглядело как нечто незначительное. Статистический анализ оценок наблюдателей и самооценок по ведущим принципам жизни показал резкие контрасты: по «искренности» коэффициент корреляции был — 0,58[11]. Это подтверждает мысль, что заявления о своих руководящих принципах часто представляют собой реакции на *Я*-концепцию, принять которую человек не может.

Другим общим защитным механизмом является ***проецирование***, смещение границ между собственной *Я*-концепцией и другими персонификациями. Это понятие используется

---

[10] См. Karen Horney, Neurosis and Human Growth, New York, 1950.

[11] Else Frenkel-Brunswik, Mechanisms of Self-Deception, «Journal of Social Psychology», X (1939), 409—420.

психиатрами, когда человек переносит свои собственные нежелательные черты или мотивы на других людей. Например, раздраженный человек подавляет свои человеконенавистнические импульсы и заявляет, что противник хочет его убить. Проецирование есть форма принятия роли, при которой происходит избирательное приписывание другим тех черт, которые человек не может признать в себе самом, причем предусматривает оправдание собственных защитных мер и агрессивности на этой основе. Салливен объяснял формирование параноидального расстройства так: все, что человек презирает в себе самом — особенно агрессивные тенденции, которые ему трудно контролировать, — выделяется в отдельную персонификацию — «не-*Я*». Эта персонификация становится затем объектом сильной ненависти. Поскольку впоследствии она переносится на реальных людей, человек становится запуганным, ибо он считает себя окруженным людьми, которым присущи все самые отвратительные склонности. Не удивительно, следовательно, что он боится преследований и начинает подозревать каждого[12].

Чтобы проверить, действительно ли черты, считающиеся предосудительными, проецируются на других людей, Сирс просил каждого из членов трех дружественных семейств охарактеризовать самого себя и каждого другого по степени скупости, упрямства и распущенности. Выяснилось, что некоторые не замечали за собой этих черт, хотя для других эти их качества были очевидны. Такие «непроницательные» люди были склонны утверждать, что именно отсутствие этих черт более всего отличает их от других опрошенных. Коэффициенты корреляции, к сожалению, оказались невысоки, однако они были устойчивы. Это исследование в какой-то мере подкрепило утверждения психоаналитиков о том, что люди, не способные понять свои собственные недостатки, склонны приписывать их окружающим[13].

---

[12] Sullivan, Clinical Studies in Psychiatry, op. cit., pp. 86—90, 145—165; The Interpersonal Theory of Psychiatry, op. cit., pp. 344—363.

[13] Robert R. Sears, Experimental Studies of Projection, «Journal of Social Psychology», VII (1936), 151—163.

Использование различных защитных механизмов облегчается благодаря способности людей к рационализации: нелепые или неуместные поступки истолковываются так, чтобы они казались пристойными. При изучении растратчиков Кресси обнаружил, что они определяют свой поступок как форму «одалживания». Особый словарь мотивов позволяет им рассматривать себя в приемлемом свете, несмотря на тот факт, что их действия совершенно беззаконны[14]. Другой исследователь, Торренс, просил студентов, сдававших вступительные экзамены, оценить свои собственные способности и нашел, что 62% из тех, кто принадлежал к низшей четверти класса, утверждали, что принадлежат к высшей четверти. Когда их спрашивали впоследствии, почему же они так плохо сдали экзамены, 75% сказали, что они «нервничали», и 90% заявили, что у них болела голова[15]. Рационализируя, люди способны создавать сложные интеллектуальные системы, оправдывающие их поведение.

Некоторые философские и религиозные космологические схемы, которые могут рассматриваться как большое благо для человечества, иногда создавались людьми, мучительно ищущими решения личных проблем. Пациенты психиатрических клиник тоже иногда выдвигают свои концепции Вселенной, центром которой нередко оказываются они сами, и огорчаются, что люди не могут понять их важности. Для тех, кто строит такие концептуальные схемы, очень характерно, что они — в отличие от ученых — не обращают никакого внимания на противоречащие их представлениям факты. Человек науки откажется даже от самой любимой своей теории, если она не выдерживает эмпирической проверки, но тот, кто использует свои интеллектуальные изобретения для оправдания собственного образа жизни, попытается объяснить негативные данные или категорически откажется обсуждать факты, на которые ссылается оппонент.

Уровень собственного достоинства человека определяется не тем, что он заявляет публично, и не тем, что он искренне

---

[14] Donald R. Cressey, Other People's Money, Glencoe, 1953.

[15] Paul Torrance, Rationalizations about Test Performance as a Function of Self-Concepts, «Journal of Social Psychology», XXXIX (1954), 211—217.

думает о себе самом, но тем, как он постоянно действует по отношению к самому себе. Если человек особенно чувствителен к невниманию, если он отчаянно избегает ситуаций, в которых могут обнаружиться его слабости, если он так предается мечтам, что ухудшается его дееспособность, есть основания заключить, что он серьезно в себе не уверен. И напротив, существуют критерии, позволяющие судить о достаточном уровне собственного достоинства, даже если человек кажется очень скромным: он руководствуется своими собственными стандартами, стараясь в то же время не оскорблять окружающих; он не очень разочаровывается, когда другие с ним не согласны; он не ищет оправданий и не занимается самобичеванием, если терпит неудачу; он обращается с другими людьми уважительно и как с равными, независимо от их социального статуса; он не сомневается в своей способности помочь окружающим и старается это делать; он не предполагает, что другие будут его автоматически отвергать, он не робок, не чрезмерно застенчив; он не отвергает похвалы, которую явно заслуживает[16]. Такой человек подходит к самому себе, предполагая, что он заслуживает понимания и уважения.

Уже давно подозревали, что те, кто очень самодоволен и властен, лишь компенсируют укоренившееся чувство неполноценности. Если человек говорит весьма уверенно, но избегает ситуаций, где его способности могут быть беспристрастно проверены, то каждый начнет в нем сомневаться. Сознательная самооценка оказывается лишь защитной броней, способом помешать взглянуть на себя слишком внимательно.

Была выдвинута гипотеза, что негибкость и недостаток проницательности в отношении самого себя непосредственно связаны с низким уровнем собственного достоинства. Когда человек не может принимать самого себя таким, каков он есть на самом деле, основные усилия направляются скорее на самозащиту, чем на самопознание. Иногда, согласно Фрейду, на это требуется столько сил, что их уже не хватает на какие-либо конструктивные действия. Тэйлор и Камбс попытались проверить это утверждение на школьниках,

---

[16] См. Sheerer, op. cit., 170—171.

используя стандартный тест личности. После тестирования испытуемые были разделены на хорошо приспособленных и недостаточно приспособленных. Затем каждому школьнику было предъявлено 20 утверждений унизительного характера, по-видимому, справедливых в отношении всех детей, и от него требовалось указать, какие пункты относятся к нему лично. Те, кто были отнесены к категории наиболее приспособленных, признавали большее количество дефектов, и мальчик с самым высоким показателем отметил каждый пункт, кроме одного[17]. Те же, кто обладает низким уровнем собственного достоинства, настолько отчуждены от самих себя, что становятся негибкими, отчаянно цепляясь за свои идеализированные *Я*-концепции.

Характерные способы, которыми человек защищает свое *Я*, составляют важную часть его личности. Такие шаблоны реакций — как бы отстой, продукт его прошлого опыта. Психиатры особенно интересовались такими защитными методами: некоторые из них устойчиво проявляются как составные части невротического и психотического шаблонов.

Как же изучать такие чувства эмпирически? Прямые вопросы относительно чувства собственного достоинства вряд ли принесут удовлетворительные результаты. Исследования показали, что субъекты последовательно переоценивают себя в отношении желательных черт и имеют тенденцию смотреть сквозь пальцы на нежелаемые качества. Это приводит некоторых психологов к раздумьям о том, может ли шкала самооценки иметь вообще какую-либо ценность[18]. Кроме того, уровень собственного достоинства, вероятно, может быть измерен только с помощью процедур, при которых намерения исследователя замаскированы и представляют субъекту слабый повод для защиты. Другая возможность заключается в наблюдении поведения в самых различных

---

[17] Charles Taylor and Arthur W. Combs, Self-Acceptance and Adjustment, «Journal of Consulting Psychology», XVI (1952), 89—91.

[18] E. B. Hurlock, A Study of Self-Ratings by Children, «Journal of Applied Psychology», XI (1927), 490—502; Ср. Kurt Lewin et al., Level of Aspiration, in Hunt, op. cit., Vol. I, pp. 333—378.

обстоятельствах. Люди интуитивно выносят суждения друг о друге, и задачи, встающие перед социальным психологом, заключаются в том, чтобы сделать эту общую процедуру определенной и допускающей повторение. Развитие более адекватных методик для оценки собственного достоинства — задача чрезвычайной важности, поскольку ни одно из обобщений не может быть проверено без достоверных измерений.

Борьба за признание и власть

Есть много способов, с помощью которых люди стараются уравновесить низкий уровень собственного достоинства. Каждый человек более или менее успешно пытается не признать за собой или отделить себя от тех качеств, которые он считает несовместимыми с желаемой *Я*-концепцией. Некоторые люди уверены, что в основе их затруднений лежит несоответствующий социальный статус, и они больше всего озабочены ***социальной мобильностью***. Они посвящают значительную часть жизни улучшению своего положения в обществе. Они стремятся достигнуть такой позиции, которая принесла бы им уважение окружающих; они хотели бы быть уверенными, что их во что-то ставят, чувствовать, что их присутствие и их деятельность приводят к изменениям в жизни тех, с кем они вступают в контакт. Не все добившиеся успеха люди движимы чувством неполноценности, но все же слишком часто те, кто характеризуется крайней решимостью, имеют продолжительную историю нарушений в межличностных отношениях.

Даже неуверенные в себе люди не все в равной степени озабочены вертикальной мобильностью; для некоторых экстремистов это становится открытой борьбой за власть.

Ориентированные на власть люди обычно обладают идеализированной *Я*-концепцией; они хотели бы выделяться во всем и расстраиваются всякий раз, когда их талантов оказывается недостаточно. Они пытаются господствовать над другими; оказавшись в подчиненном положении, они становятся повышенно чувствительными к ошибкам вышестоящих и извлекают из этого большое удовольствие. Они чувствительны

к неуважению и невниманию, проявляют большой интерес к символам статуса, внешним признакам успеха и постоянно озабочены тем, какое впечатление они производят на окружающих. Следует также отметить, что такие люди обычно страдают различными психосоматическими расстройствами.

Ориентированные на власть люди часто производят впечатление сильных, независимых и самоуверенных. Однако как непрофессионалы, так и психиатры нередко высказывают подозрение, что *чрезмерная амбиция — это способ компенсации низкого уровня собственного достоинства.* Власть рассматривается как страхование от подспудного чувства неполноценности. Коэн исследовал устремления людей и их отношение к самим себе, определяемые по тесту Роршаха. Он пришел к выводу, что как очень высокие, так и очень низкие цели имеют прямую связь с неприятием самого себя[19]. Кажущиеся решительными люди часто мучаются, сомневаясь в отношении к ним окружающих. Многие из них очень чувствительны к лести, крепко цепляются за все, что для них символизирует достоинство, и старательно избегают действий, которые могли бы напомнить им об их недостатках. Широко распространено представление, что чувство неполноценности развивается в раннем детстве, если ребенок лишен тепла и любви. Чтобы проверить эту гипотезу, Эллис изучала шестьдесят незамужних служащих-женщин, причем преуспевающие на службе сравнивались с теми, кто не достиг успеха. Привязанность к родителям была оценена как «менее чем средняя» у 36% преуспевающих и только у 6% тех, кто не отличался успехами. Она оценивалась как «более чем средняя» у 36% первых и 61% вторых. Наиболее преуспевающие женщины показали, что они чувствуют себя отвергнутыми как родителями, так и обществом[20].

---

[19] Louis D. Cohen, Level of Aspiration Behavior and Feelings of Adequacy and Self-Acceptance, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLIX (1954), 84—86.

Подробное изложение теории можно найти в: Lasswell, op. cit., pp. 39—58. Ср. Adorno et al., op. cit.; Horney, Neurosis and Human Growth, op. cit.

[20] Evelyn Ellis, Social Psychological Correlates of Upward Social Mobility among Unmarried Career Women, «American Sociological Review», XVII (1952), 558—563.

Ориентированные на власть люди очень эгоцентричны. Они так поглощены собой, что часто утрачивают интерес к другим. Они часто слепы к взаимоотношениям, которые очевидны для окружающих, ибо все их значения формируются с крайне индивидуалистической точки зрения. Эти люди обращаются хорошо с теми, кто полезен им; тех же, от кого пользы ждать не приходится, они покидают без колебаний. Чем более адекватен уровень собственного достоинства, тем больше может человек позволить себе заботиться о других; в самом деле, изучение показало что естественные лидеры обычно не настолько поглощены собой и могут заниматься тем, что волнует других[21].

Люди значительно различаются по тому, насколько отчаянно ищут они признания и власти. Некоторые делают явные усилия в этом направлении только тогда, когда возникают благоприятные возможности; другие же настолько озабочены продвижением, что становятся безразличными ко всему другому. Они стремятся любой ценой достигнуть вершины. Можно предположить, что степень отчаяния, с которой люди добиваются власти, имеет прямое отношение к степени лишений, испытанных в прежней жизни.

Во многих случаях борьба за признание сублимируется. Вместо того чтобы просто искать славы, человек может идентифицировать себя с достойным делом и посвятить ему всю жизнь. Многие программы социальных реформ осуществлялись благодаря самоотверженным усилиям людей, готовых к унижениям, лишениям и несправедливости. Популярность трех крупных социальных движений среди американских индейцев после покорения последних поселенцами — великая миссия ирокезов на северо-востоке, шейкеризм на северо-западе и пиотизм на плоскогорье — отчасти объясняется тем, что они давали участникам возможность восстановить уважение к самим себе. Первоначально индейцы могли повышать свой личный и социальный статус на охоте и войне, но эти каналы были закрыты завоеванием.

---

[21] Jennings, op. cit.; ср. Robert R. Holt, Effects of Ego-Involvement upon Levels of Aspiration, «Psychiatry», VIII (1945), 299—317; Max Wertheimer, Productive Thinking, New York, 1945, pp. 136—147.

Ни одно из этих движений не пыталось вернуть прошлое; они подчеркивали взаимную полезность и обеспечивали новые линии достижения статуса[22].

Религиозные движения насчитывают многих мучеников, отдавших жизнь за веру, и политические движения также имеют героев, которые провели большую часть своей жизни в тюрьме, но вышли несломленными и более непреклонными. Это привело Хоффера к предположению, что фанатики — это люди, которые отчуждены от самих себя. Правоверные, как он их называет, способны чувствовать себя достойными только тогда, когда они могут идентифицироваться с великим делом. Борьба за него становится борьбой за достижение самоуважения[23]. Они проявляют слепую веру и остаются верными делу даже в условиях, крайне неблагоприятных. Если движение достигло успеха, его лидеры персонифицируются как праведные люди, которые отдали свою жизнь за других. Интересно отметить, однако, что многие из этих героев были людьми, которых совершенно не любили и которым не доверяли их товарищи. Как это ни парадоксально, фанатическая преданность гуманному делу очень часто уживалась с полным безразличием к близким, например к членам собственной семьи. Сейчас считают, что корни фанатизма возникают в детстве. Те же, у кого было счастливое детство, часто поддерживают достойные начинания, но, как только обстоятельства складываются неблагоприятно, начинается отступничество. Без «ядра», на которое всегда можно рассчитывать, большинство социальных движений, бросающих вызов законному порядку, вероятно, не может выжить.

Сублимация может принимать и другие формы, такие, как попытки внести крупный вклад в искусство, науку или даже спорт. В сущности, во всех областях деятельности есть люди, которые настолько отдаются своей работе, что не позволяют ничему другому мешать им в этом. Значительные достижения часто являются результатом готовности вести себя гораздо

---

[22] Fred W. Voget, The American Indian in Transition, «American Journal of Sociology», LXII (1957), 369—378.

[23] Eric Hoffer, The True Believer, New York, 1951; ср. Burke, Permanence and Change, op. cit., pp. 69—163.

более непреклонно, чем соперники. Хотя вслух они говорят о целях, которые часто выглядят весьма гуманными, такие люди необычайно озабочены тем, чтобы их достижения вызывали одобрение окружающих.

Стремления ориентированных на власть людей компульсивны. Им не свойственна спонтанность или гибкость. Они равнодушны к тому, что, казалось бы, должно составлять их главные интересы, даже к своему здоровью. Они не позволяют себе сойти с дороги даже ради того, чтобы не повредить другим людям. Они оправдывают свои поступки, указывая на важность деятельности самой по себе. Когда они терпят неудачу в своих усилиях, они работают еще упорнее, чем прежде. Такие люди обычно устанавливают во всем свои собственные стандарты и непреклонно им следуют. Они безразличны к отрицательным оценкам критиков, отмахиваясь от них как от людей некомпетентных. Они создают некий идеал и служат ему, не принимая во внимание никаких смягчающих обстоятельств, даже недостатка способностей. Они предъявляют такие чрезмерные и неразумные требования к самим себе, что многие из них терпят неудачу в попытках что-нибудь сделать. Только немногие, обладающие необыкновенными талантами или счастливой судьбой, создают великие произведения.

Успех не ослабляет их необычайного честолюбия. В группах элиты постоянно происходят столкновения между упрямыми, ориентированными на власть людьми. Добившиеся успеха революционеры часто наносят ущерб делу внутренними раздорами; после многолетней совместной работы, направленной на ниспровержение старого порядка, они часто ссорятся между собой после того, как достигнута победа. Поскольку ориентированные на власть люди постоянно манипулируют другими, они сами беспрестанно остерегаются такой эксплуатации. Каждый считает себя более ловким, чем все остальные, но взаимная подозрительность всеобща.

Рвение ориентированных на власть людей часто питается стремлением к мстительному триумфу. Они подолгу мечтают о том, как придет их час и будут огорчены те, кто противодействовал им или смеялся над ними. Если стремления человека не находят поддержки у окружающих, он призывает на помощь воображение. Такой человек питает свое честолюбие

фантазиями об унижении других и о том, как они будут трепетать перед ним. Все это необходимо как месть за лишения, пережитые в раннем детстве.

Ориентированные на власть люди никогда не довольны своей судьбой независимо от того, насколько благосклонна к ним фортуна. Жажда власти кажется ненасытной. Тот факт, что высокий социальный статус не умиротворяет их, показывает, что в действительности они не довольны собой как человеческие существа. Их личный статус и уровень собственного достоинства часто остаются во многом такими же, как и раньше. Внешне они могут стать более уравновешенными, но большинство успешно делающих карьеру лиц мучаются чувством неполноценности.

В ранее упомянутом исследовании Эллис обнаружила, что те, кто добился успеха, кажутся утратившими способность иметь друзей. Они вынуждены искать способ преодолеть свое одиночество и нередко заводят любимое животное как отдушину для своего чувства. Часто возникают психосоматические расстройства, и многие открыто признаются, что они несчастны[24].

Итак, люди с низким уровнем собственного достоинства часто пытаются повысить свой социальный статус путем чрезмерного усердия. Но не раньше чем придет успех, они поймут, что чувство неполноценности, которое преследовало их всю жизнь, не может быть устранено. Пожалуй, они испытают еще большую неудовлетворенность, поскольку в своей отчаянной борьбе за высокое положение они отталкивали почти каждого, с кем вступали в контакт. Эти наблюдения подкрепляют позицию психоаналитиков, которые подчеркивают значение удовлетворительного личного статуса в первичной группе.

Расстройства, затрагивающие личностную определенность

Другие способы примириться с низким уровнем собственного достоинства связаны с бегством от самого себя. Такое отступление может представлять собой просто отказ замечать что-либо угрожающее: человек может намеренно игнорировать

---

[24] E. Ellis, op. cit.

сплетни, которые о нем ходят. Или же он может заняться какой-либо отвлекающей деятельностью. Профессор, который боится, что не внесет крупный вклад в науку, обнаруживает, что погряз в административных обязанностях. Он жалуется на это, настойчиво утверждая, что очень стремится проводить исследования, но он выдает себя, когда уменьшается это бремя и он в отчаянии ищет новых объяснений. Или же человек может избегать ситуаций, обнажающих его чувство неполноценности. Некоторые сами себя изолируют, цинично высмеивая тех, кто еще продолжает бороться. Другие прибегают к алкоголю или наркотикам, находя временное облегчение в опьянении. Более мятежные могут отступить в отклоняющиеся от нормы группы: это позволяет избегать конвенциальных стандартов и к тому же найти товарищей среди людей со сходной судьбой.

В крайних случаях человек может в своем отступлении дойти до того, что обретет убежище в психическом расстройстве. Оставаясь живым биологически, но отказавшись участвовать в обществе, он освобождает себя от ответственности. Эти расстройства часто связаны с частичным или полным отрывом от «реальности», относительно которой существует согласие, и делают коммуникацию с другими людьми затруднительной, если не невозможной.

Одним из наиболее показательных с точки зрения социологии умственных расстройств является *деперсонализация*, утрата личной определенности. Индивид чувствует, что он не является самим собой, есть ощущение отчужденности — будто он скорее наблюдатель, чем участник того, что делает его тело. Слабые деперсонализации происходят в какое-то время у большинства людей, когда они испытывают необычные или травматические переживания. Человек, подвергающийся ограблению, на мгновение задумывается: «действительно ли это происходит со мной?» В других случаях человек может испытывать зрительную галлюцинацию, как если бы он глядел на своего двойника в зеркало. В отличие от других галлюцинаций он чувствует себя связанным с образом, поскольку последний говорит, думает и действует во многом так же, как он сам[25]. Рассказывая о своих переживаниях при отравлении мескалином, Хаксли описывает

---

[25] Jean Lhermitte, Visual Hallucinations of the Self, «British Medical Journal», № 4704 (Narch 3, 1951), 431—435.

подобное отделение своего тела от собственного представления о самом себе. Руки и ноги он воспринимал как существующие «снаружи». Во время еды он наблюдал, что некто прожорливо ел, тогда как сам он смотрел на него со стороны без большого интереса[26]. Эти примеры показывают, что в различных обстоятельствах человек может отделять себя от *Я*-концепции.

Хроническая деперсонализация,или амнезия, представляет особый интерес. Бек сообщает случай, когда пациент постепенно восстановил все свои воспоминания, кроме одного, касавшегося, как оказалось, периода жизни, которого он больше всего стыдился; Альбес и Шилдер также утверждают, что большинство случаев амнезии вызвано травмирующими переживаниями, какими-то жестокими конфликтами в прошлом и связано с глубоким чувством вины[27]. Одна из возможных гипотез заключается в том, что амнезия — это форма адаптации, способ примирения с самим собой путем вытеснения воспоминаний, которые слишком болезненны. Человек, который не может больше сохранять приемлемую *Я*-концепцию, становится кем-то другим и живет новой жизнью.

Федерн наиболее ясно показал, что деперсонализация происходит, когда человек не способен сформировать чувства, направленные на самого себя. Чувства основываются на эмпатии. Это значения, которые принимают свои отличительные черты посредством идентификации с объектом и приписывания ему различных эмоциональных реакций. Эмпатия находится в обратно пропорциональной зависимости от социальной дистанции; посторонние обычно воспринимаются как вещи. Подобно этому чем больше человек отделяется от самого себя, тем меньше он может воспринимать себя с точки зрения человеческих качеств. Поскольку каждый индивид есть органическое единство, он не в состоянии совершенно освободиться от своих внутренних переживаний, но они могут быть отделены как принадлежащие кому-то другому[28].

---

[26] Huxley, op. cit., pp. 35—60.

[27] Abeles and Schilder, op. cit.; Beck, op. cit.; cp. Hilgard, op. cit.

[28] См. Sidney Bockner, The Depersonalization Syndrome, «Journal of Mental Science», XCV (1949), 968—971; Paul Federn, Ego Psychology and the Psychoses, New York, 1952.

Другое умственное расстройство, связанное с *Я*-концепцией, — это множественная личность: в едином организме развиваются две или более организованные системы поведения, каждая из которых интегрирована как отдельное обособленное единство. В некоторых случаях та личность, которая не активна, находится в состоянии полной амнезии; в других человек может сознавать поведение другой своей личности. Авторы книги «Три лица Евы» Фигпен и Клекли тщательно изучили женщину, обладавшую тремя личностями. Жертва, по-видимому, имела две или более *Я*-концепции и пыталась по очереди жить в соответствии с обязанностями, предполагаемыми каждой из них. Каждая личность заключала в себе несколько иные системы значений, поэтому господствующие интересы, знания и стандарты поведения драматически чередовались. Известны случаи, когда чередовались даже эротические интересы — от гомосексуальных до гетеросексуальных[29].

Было предпринято несколько попыток воспроизвести это явление экспериментально, с помощью гипноза. У контуженного солдата по имени Дик врачу удалось создать вторичную личность, названную Франком, и третичную личность, названную Лео. Контраст между этими тремя был поразителен. Как Франк, солдат был вежливый, предупредительный и стремился нравиться. Как Лео, он разваливался в кресле со скучающим видом, был необщителен и раздражителен. Когда каждой из трех его личностей задавали идентичные вопросы относительно готовности совершить убийство, изнасилование и воровство, он каждый раз отвечал, что он откажется. Однако Франк возражал по моральным мотивам, рассматривая такие действия как грубое нарушение закона. Лео возражал по прагматическим соображениям: он не считал, что цель стоит риска попасть в тюрьму. Реакция Дика была комбинацией двух первых. Показатели прожективных тестов — тест Роршаха и ТАТ — также обнаружили существенные различия между тремя этими личностями[30].

---

[29] См. Morton Prince, The Dissociation of a Personality, New York, 1906; W. S. Taylor and Mabel F. Martin, Multiple Personality, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XXXIX (1944), 281—300; Thigpen and Cleckley, op. cit.

[30] Harry C. Leavitt, A Case of Hypnotically Produced Secondary and Tertiary Personalities, «Psychoanalytic Review», XXXIV (1947), 274—295.

Общепринятой теории, объясняющей развитие таких чередующихся личностей, не существует. Однако одна из возможных гипотез заключается в том, что вторичная и последующие личности составляют мобилизацию, организацию и возможный аварийный выход собранных в единый блок значений, которые были подавлены в сознательной жизни. Еще Жане подчеркивал, что диссоциация не беспорядочный процесс; это отделение систем, которые уже были интегрированы. Иными словами, для каждого человека существуют системы значений, которые организовались в различные роли; до некоторой степени жизнь каждого разделена на такие отсеки. Фрагментарность особенно заметна у людей, исполняющих несовместимые роли. Бизнесмен, который в финансовых делах внушает несомненное доверие, может содержать любовницу и постоянно лгать своей жене. Ливитт предлагает психоаналитическое объяснение случая с контуженным солдатом; однако факты показывают, что Дик играл контрастные роли в различных эталонных группах. Пуританские стандарты, подчеркивавшиеся его матерью, столкнулись со стандартами юношеской шайки, в которой он был активным участником. Когда в гипнотическом трансе наступает подавление *Я*-концепции субъекта, гипнотизер получает возможность, манипулируя символами, выявить другие роли[31].

Поскольку термин «шизофрения» используется для обозначения многих расстройств, тут трудно делать обобщения. Однако возможно, что некоторые формы шизофрении суть реакции на низкий уровень собственного достоинства. Многие ее жертвы описываются как существа, утратившие контакт с реальностью. Именно посредством манипуляции символами человек вырабатывает ориентацию к своей среде; он может разрушить ее тем же самым способом. Он может даже отрицать свое собственное существование. Если человек помещен во враждебную обстановку, где он не находит удовлетворения, он может создать замещающий, субституциональный мир, где его судьба будет легче. Такая схема становится единственной гарантией его безопасности; если так, ее сохранение является само по себе ценностью.

---

[31] Harriman, op. cit.: cp. Robert W. White and Benjamin J. Shevach, Hypnosis and the Concept of Dissociation, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XXXVII (1942), 309—328.

Поскольку реальность есть социальный процесс, утрата контакта с нею означает, что произошло разрушение коммуникаций. Психотики изолированы не физически. Была предложена гипотеза, что решающий разрыв в социальных контактах является результатом нарушения способности формировать чувства по отношению к другим и к самому себе. Сначала наблюдается потеря интереса к среде, особенно к людям, затем аутистические фантазии занимают место окружения и наступает дезорганизация личности; наконец, происходит психотическая реорганизация, интеграция частных значений, часто эксцентричных или болезненных, в последовательную, внутренне согласованную схему. Пациент утрачивает способность к эмпатии; другое человеческое существо воспринимается не как «вы», но как некое «это»[32]. Психиатры различных направлений отмечали такие явления, но эмпирические исследования до сих пор не были убедительны. Многие трудности возникали из операционального определения эмпатии как способности точно предсказывать, что кто-то другой будет делать; в этом отношении результаты многих пациентов оказывались значительно лучше, чем результаты контрольной группы[33].

Можно принять гипотезу о том, что утрата способности к эмпатии связана с крайне низким уровнем собственного достоинства. Психиатры неоднократно отмечали, что некоторые пациенты считают себя абсолютно никчемными. Самоосуждение и упреки в адрес самого себя являются общими симптомами, и многие мании связаны с преследованием или самонаказанием. Сверх того, сообщения о наиболее успешной психотерапии показывают, в какой степени доктор должен подчеркивать свою любовь к пациентам. После бесчисленных любезностей, комплиментов, подарков — всех символических

---

[32] См. Leslie H. Farber, Martin Buber and Psychiatry, «Psychiatry», XIX (1956), 109—120; Richard L. Jenkins, The Shizophrenic Sequence: Withdrawal, Disorganization, Psychotic Reorganization, «American Journal of Orthopsychiatry», XXII (1952), 738—748; Lyman C. Wynne et al., Pseudo-Mutuality in the Family Relations of Schizophrenics, «Psychiatry», XXI (1958), 205—220.

[33] См. William Jackson and Arthur C. Carr, Empathic Ability in Normals and Schizophrenics, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LI (1955), 79—82.

доказательств отношения к больному как к весьма ценному человеку — у некоторых пациентов постепенно развивалось уважение и любовь к самому себе[34].

В социальном контакте всегда происходит какого-то рода эмоциональный взаимообмен, и другие люди воспринимаются как живые только тогда, когда мы можем проецировать на них определенные, хорошо знакомые способности и переживания. С ухудшением эмпатии все значения лишаются жизни. Больные шизофренией узнают людей и взаимодействуют с ними, но объекты теряют человеческие качества. Одна пациентка, например, относилась к людям только как к носителям социальных статусов и конвенциальных ролей. Для нее люди не обладали личностными различиями[35].

Когда человек не способен принять самого себя, многие тенденции поведения оказываются спроецированными на что-то другое. Пациенты порой утверждают, что ими управляют внешние силы. Расстройства осязательных и кинестетических ощущений, иногда называемые соматическими галлюцинациями, также, по-видимому, являются результатом деперсонализации[36]. Чтобы проверить гипотезу, будто галлюцинации являются лингвистическими действиями, спроецированными на внешний источник, были предприняты попытки измерить зарождающиеся мускульные движения в органах речи пациентов, подверженных галлюцинациям[37].

---

[34] См. Marguerite Sechehaye, Symbolic Realization, New York, 1951, pp. 78—82.

[35] Ibid., pp. 31—32.

[36] См. Andrus Angyal, The Perceptual Basis of Somatic Delusions in a Case of Schizophrenia, «Archives of Neurology and Psychiatry», XXXIV (1935), 270—279; The Experience of the Body Self in Schizophrenia, ibid, XXXV (1936), 1029—1053.

[37] Lewis N. Gould, Verbal Hallucinations and Activity of Vocal Musculature, «American Journal of Psychiatry», CV (1948), 367—372; Verbal Hallucinations as Automatic Speech, ibid., CVII (1950), 110—119; Cp. Bertram Roberts et al., Movements of the Vocal Apparatus during Auditory Hallucinations, ibid, CVIII (1952), 912—914, Jerome M. Schneck, An Experimental Study of Hypnotically Induced Auditory Hallucinations, «Journal of Clinical and Experimental Hypnosis», II (1954), 163—170.

Гипотеза получила достаточно подтверждений, чтобы заслужить дальнейшие исследования, но пока что она не может быть принята без оговорок.

Многие психиатры рассматривают шизофрению как форму регрессии: в неблагоприятных условиях человек отступает к типам приспособления, которые он находил приемлемыми в прошлом. Но шизофрения может также рассматриваться как форма адаптации, как способ выживания в невыносимом мире, где могущественные импульсы не получают консуммации. Душевные расстройства показывают, в какой степени люди ищут примирения с самим собой. Они также выявляют важность символических процессов. Когда человек не в состоянии сформировать удовлетворительной *Я*-концепции, он может отрицать или забывать то, что его унижает, манипулируя символами. В крайних случаях он может даже отрицать существование мира или самого себя.

Человеческое общество как моральный порядок

Человеческое общество существует в согласованном действии, которое основано на самоконтроле участников, разделяющих общую картину мира. Хотя люди физически отделены друг от друга и в какой-то степени способны к независимым действиям, они могут координировать свои действия лишь постольку, поскольку каждый в состоянии подавлять свои импульсы и изменять поведение в соответствии с групповыми экспектациями.

Большинство норм легковыполнимы, но иногда возникают ситуации, в которых соблюдение норм требует значительных жертв или мучений. Что происходит в таких обстоятельствах? По-видимому, ***насколько выполняются обязанности, зависит от сформировавшихся чувств***. Трудно действовать наперекор желаниям любимого человека — его укоризненный взгляд может причинить не меньшую боль, чем физические лишения. Напротив, игнорировать экспектации тех, по отношению к кому сформированы дизъюнктивные чувства, легко и даже приятно. Устойчивость социальных структур всякого рода основывается на готовности участников

жить в соответствии со своими обязанностями. В конечном счете человеческое общество основано на личной ответственности, которую люди чувствуют друг перед другом.

В каждой группе существуют как формальные, так и неформальные социальные санкции. Но ни за одним человеком нельзя наблюдать постоянно: каждый оказывается в ситуациях, когда почти нет риска быть пойманным. Групповые шаблоны сохраняются потому, что большинство людей морально. *Моральное поведение* — это поведение , которое не имеет санкций, иных, чем собственное чувство порядочности. Конечно, не все люди поступают в соответствии со своими обязанностями. Некоторые преследуют свои корыстные интересы всякий раз, когда чувствуют, что они могут это делать безнаказанно. С другой стороны, некоторые компульсивно корректны и упорно не поддаются никаким искушениям. Давно подозревали, что такие люди противодействуют своим внутренним импульсам; энергично осуждают половую распущенность часто именно те, кто тайно предается порокам. Несмотря на такие личностные различия, однако, большинство людей морально в значительно большей степени, чем сами они это подозревают.

Каждый исполняет роль перед какой-то аудиторией. Значимые другие не обязательно должны присутствовать и даже не обязательно должны знать о поступке. Человек может без труда вообразить их реакции, стоит им узнать правду. Те, кому не удается жить в соответствии с их моральными обязанностями, первые осуждают и наказывают себя сами. Даже те, кто неразборчив в средствах, стараются как-то оправдать свое поведение. К кому реально адресуются такие оправдания? Уровень собственного достоинства у каждого человека зависит от того, что он знает о самом себе.

Конечно, сознательное чувство вины может быть подавлено. Некоторые рационализируют свое поведение, провозглашая, что честны только простофили. Но сама их чрезмерная оборонительность выдает низкий уровень собственного достоинства. Хотя они могут добиваться частных успехов, они не в силах уверить самих себя в том, будто действительно заслуживают хорошей судьбы. Многие страдают психосоматическими расстройствами, и некоторые оказываются настолько подавленными, что неожиданно совершают самоубийство.

Неодобрение самого себя как-то обязательно проявляется. Однажды Катц предложил 35 студентам нечто подобное тесту на интеллектуальность, а затем сообщил им, что они провалились. Некоторые из студентов отрицали, что они огорчены, но другие были явно расстроены. Потом всем испытуемым было предложено рисовать лица. Судьи единодушно пришли к выводу, что рисунки тех, кто верил, будто потерпел неудачу, независимо от того, признавали они свое огорчение или нет, значительно отличались от рисунков контрольной группы[38]. Это говорит о том, что даже люди, которые кажутся циничными и невозмутимыми, постоянно реагируют на самих себя.

Границы любого общества устанавливаются пределами, внутри которых участники чувствуют себя вынужденными жить в соответствии со своими обязанностями. Это в свою очередь зависит от того, насколько они могут идентифицироваться друг с другом как существа одного рода. Исторические свидетельства о британских поселенцах в Тасмании, голландских поселенцах в Южной Африке и распространении на запад американских поселенцев показывают, что на туземцев иногда охотились, как на диких животных. Нацисты учили, что евреи являются особой расой, биологически отличающейся от них самих. Некоторые из самых невероятных насилий осуществлялись над людьми, идентичность с которыми отрицалась. Но как только индивиды противоположных групп узнают друг друга как человеческие существа, насилие смягчается и со временем подавляется. Посторонние первоначально воспринимаются как примеры категорий, но с сокращением социальной дистанции люди все более начинают принимать их как в основном подобных себе индивидуальностей. Поскольку устанавливается такая идентификация, становится возможным принятие ролей, и дурное обращение оказывается маловероятным. Мучить человека, чьи болезненные реакции могут быть прочувствованы как свои собственные, становится затруднительно.

---

[38] Irwin Katz, Emotional Expression in Failure, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLV (1950), 329—349; ср. Karl Menninger, Man Against Himself, New York, 1938; Elwin H. Powell, Occupation, Status, and Suicide, «American Sociological Review», XXIII (1958), 131—139.

Значение морального поведения доказывает неустойчивость групп, в которых оно сведено к минимуму. В некоторых кругах считается, что только слабые зависят от морального кодекса, а сильные и интеллигентные якобы не должны связывать себя подобными ограничениями. Там глумятся над идеалами, провозглашая, что все люди в основе своей эгоисты, и лишь лицемеры утверждают обратное. В группах, где приняты такие взгляды, участники постоянно настроены друг против друга. Они редко принимают за чистую монету замечания своих коллег, всегда выискивая в них какой-то скрытый смысл. Сами себе и друг другу они приписывают только эгоистические мотивы. Каждый считает себя более ловким, замечает отвлекающие жесты своих коллег и полагают, что только он один успешно скрывает свои мотивы. Но еще Ларошфуко говорил: «Верный способ быть обманутым — считать себя хитрее других». Такие группы быстро распадаются, если создается неблагоприятная обстановка, поскольку от людей, которые не доверяли друг другу, трудно ожидать сотрудничества в опасной ситуации.

Моральные кодексы и религиозные верования разных народов, несмотря на их различия в других отношениях, с заметным постоянством подчеркивают такие ценности, как верность, честность и прямота. Человеческие группы дорожат этими ценностями потому, что проверили их на практике; народная мудрость развивается благодаря избирательному сохранению тех идей, которые оказались полезными. Аккумуляция опыта бесчисленных поколений показала, что группа не может долго существовать, если она не признает и не поддерживает эти ценности. Если это так, мораль не является исключительно проявлением фарисейства и респектабельности. Она становится существенной частью человеческой жизни.

Итоги и выводы

Каждый человек дает какую-то оценку самому себе как человеческому существу и сознательно или бессознательно борется за сохранение адекватного уровня собственного достоинства. Всякий раз, когда оно оказывается под угрозой,

активизируются различные защитные механизмы. Это объясняет тот факт, что оценка, которой действительно заслуживает поступок, имеющий отношение к самому себе, может значительно отличаться от сознательной самооценки. Люди часто не видят в самих себе качеств, которые они считают нежелательными, и не всегда замечают негативные жесты других людей, которые могли бы подкрепить их опасения. Некоторые люди были глубоко несчастны в детстве и всю дальнейшую жизнь посвящают улучшению своей сути. Но даже если впоследствии они достигнут успеха, они обнаружат, что острое чувство вины и неполноценности все еще их не покинуло. В особых случаях человек с очень низким уровнем собственного достоинства может даже отрицать, что он существует как личность, настойчиво утверждая, что он является кем-то другим.

Самосохранение считается основным законом жизни, и это, безусловно, справедливо для человеческих существ. У людей, однако, самосохранение означает значительно больше, нежели выживание организма. Каждый человек защищает прежде всего концепцию самого себя. Поскольку *Я*-концепция возникает и поддерживается в социальном взаимодействии, самосохранение требует благожелательных реакций со стороны других людей, особенно тех, по отношению к кому у человека сформировались конъюнктивные чувства. Многое из того, что делают люди, может быть объяснено с точки зрения приспособительных тенденций, свойственных всем живым организмам, однако ими нельзя объяснить много такого, что делается для поддержания желаемых персонификаций. Люди борются за социальный статус, чтобы быть уверенными, что в их обществе к ним будут относиться с достаточным уважением; они борются за личный статус, чтобы поддержать репутацию честного и прямого человека; они также борются за уважение к самому себе. В некоторых случаях, следовательно, самоубийство можно рассматривать как самосохранение, уничтожение организма — ради поддержания собственной репутации или собственного достоинства. Именно в этом смысле, в сущности, Сократ ответил на вопросы Главкона относительно несправедливости, которая остается ненаказанной. Глубочайшее удовлетворение человек получает от жизни, вполне соответствующей его собственным стандартам,

которые в большинстве случаев являются стандартами общества, где он живет. Человек должен делать то, что делает его приемлемым для самого себя. В действительности большинство людей моральны и живут в соответствии с собственными экспектациями; это делает возможным продолжение упорядоченной социальной жизни.

Конечно, не каждому человеку удается жить в согласии с самим собой, и существуют люди, которые ведут ужасную жизнь. Удачным людям легко презирать малоприспособленных. Многие из них умирают покинутыми и неизвестными, но следует помнить, что некоторые из величайших вкладов в искусство, науку и правосудие были внесены дезорганизованными личностями. Многие из величайших в мире религиозных и политических движений возглавлялись людьми, фанатически боровшимися за идеалы гуманизма, с которыми они себя идентифицировали, мучимые презрением к самим себе. Конечно, не все гении страдали душевным расстройством, но тот вид самоотверженности, который имеет результатом нечеловеческую работоспособность, часто является защитным и негибким. Великие достижения в каждой области требуют большой работы, а те, кто живет слишком легко, часто не умеют приносить жертвы. Замечательный вклад был сделан теми, кто был относительно независим от господствующих мнений и имел возможность развивать свои умения путем непрерывных усилий. Независимость часто свойственна тем, кто презирает авторитетные фигуры и нелегко меняет свои взгляды; самоотверженность может развиваться многими путями, но она чаще всего отмечалась у тех, кто компенсировал ею недостаточный уровень собственного достоинства. Гении часто инфантильны, распутны и несчастны; многих из них близкие люди считали чудаками, а некоторых даже расценивали как психотиков. Благодаря своим невероятным жертвам и настойчивости такие люди вносят много нового в жизнь остальных, даже если сами они живут в нищете.

Библиографический указатель

Adler, Alfred, The Individual Psychology of Alfred Adler, New York, 1956.

Freud, Anna, The Ego and the Mechanisms of Defence, New York, 1946.

Horney, Karen, Neurosis and Human Growth, New York, 1950.

Lasswell, Harold D., Power and Personality, New York, 1948.

Thigpen, Corbett H. and Hervey M. Clekley, The Three Faces of Eve, New York, 1957.

West, Ranyard, Conscience and Society, London, 1942.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
СОЦИАЛИЗАЦИЯ

ГЛАВА 14

СОЦИАЛЬНАЯ МАТРИЦА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Среди удивительных рассказов Жана Анри Фабра о жизни насекомых есть великолепное описание хирургической операции, которую выполняет оса-отшельник, чтобы обеспечить пищей своих личинок. После выкапывания норы оса охотится за кузнечиком и частично парализует его ядовитым жалом. Вслед за тем она нащупывает под кожей место, где расположен главный нервный центр, и сдавливает его до тех пор, пока не прекратится сопротивление. Изучив эту технологию, Фабр повторил операцию осы с очевидным успехом, но все его кузнечики погибали на четвертый или на пятый день, тогда как те, что были прооперированы осами, оставались свежими много дней, обеспечивая постоянный запас пищи для личинок. Вторая операция, очень тонкая, совершалась осой так, как если бы она владела тайнами неврологии столь же хорошо, как и принципами хирургии. Но сложные процедуры исполнялись насекомыми без всякого обучения, даже без наблюдения за тем, как делают операцию другие. Это только одно из бесчисленных чудес природы — поразительная способность различных существ включаться в сложный жизненный цикл без каких бы то ни было инструкций со стороны старших.

При сравнении с беспомощностью человеческого ребенка все это кажется совершенно неправдоподобным. Ребенок

просто не сможет остаться в живых, если лишится постоянной заботы взрослых. Люди развивают свои отличительные свойства — чувства, навыки лингвистической коммуникации, мышление и способность исполнять различные социальные роли — не в результате биологического созревания, а в процессе социального взаимодействия. Именно в результате него человеческое существо превращается из беспомощного животного в более или менее независимого индивида, который стремится к определенным ценностям в символическом окружении. При изучении социализации мы попытаемся выяснить закономерности этой фантастической трансформации.

Проблема социализация

Каждый нормальный взрослый человек способен предвидеть реакции окружающих и контролировать свои собственные действия в соответствии с экспектациями, которые он им приписывает. Но младенцы не обладают этой способностью, они импульсивные создания. Как же ребенок развивается в личность, ориентированную на определенные ценности, которая, хотя и отличается от всех других, способна действовать в согласии с ними? *Социализация* относится к тем процессам, посредством которых люди научаются эффективно участвовать в социальных группах. Даже в житейском обиходе приобретение таких навыков связывается с детством. Взрослый, который ведет себя не так, как требуют экспектации, оценивается как «незрелый»; человек считается «зрелым» не тогда, когда он вполне оформится биологически, но лишь после того, как он будет способен принимать на себя ответственность и контролировать собственные поступки. Личность социализирована, следовательно, когда она способна участвовать в согласованных действиях на основе конвенциальных норм.

Человеческие существа обладают многочисленными рефлексами, которые позволяют им продолжать жизнь в различных условиях. Вегетативные процессы — такие, как пищеварение, дыхание, кровообращение — протекают автоматически и обычно не требуют ни внимания, ни тренировки. Но, в

сущности, всем другим шаблонам поведения научаются. Существует много теорий научения; возможно, наиболее утонченной из них является теория Халла, базирующаяся в основном на серии тщательно проведенных экспериментов с крысами. Были сделаны попытки применить его схему к человеческому научению, но психологи не пришли к согласию в отношении ее адекватности. Сомнения вызывает не тот факт, что множество моторных навыков образуется именно так, как описано Халлом; вопрос в том, можно ли объяснить на этой основе формирование тех качеств, которые считаются специфически человеческими. Некоторые психологи утверждают, что эти принципы применимы скорее к младенцам, слабоумным и животным[1].

Научение часто мыслится как непрерывное прибавление: считается, что новые шаблоны поведения постепенно добавляются к ранее заученным. Возможно, было бы более плодотворным рассматривать социализацию не как ряд частных приспособлений, но как процесс развития, продолжающийся на протяжении всей жизни человека. Приобретение нового умения — это нечто большее, чем прибавление какого-то элемента: оно предполагает реорганизацию всего организма. Достижения в частной ситуации являются фазой непрерывного развития новых, унифицированных ориентаций. Наиболее заметные изменения происходят тогда, когда ранее установившиеся шаблоны поведения оказываются неадекватными. Когда же новый шаблон поведения для таких обстоятельств установлен, внимание ослабляется, эмоциональные реакции убывают и исполнение требует меньших усилий. Кристаллизовавшись в привычку, действие может осуществляться подобно врожденному рефлексу. Хорошо установившиеся шаблоны

---

[1] Применение принципов Халла к человеческим существам содержится в: Neal E. Miller and John Dollard, Social Learning and Imitation, New Haven, 1941; John W. M. Whiting, Becoming a Kwoma, New Haven, 1941.

Критику этих взглядов см. в: Gordon W. Allport, Effect: A Secondary Principle of Learning, «Psychological Review», LIII (1946), 335—347; Alfred R. Lindesmith and Anselm Strauss, Comparative Psychology and Social Psychology, «American Journal of Sociology», LVIII (1952), 272—279.

поведения являются, таким образом, решениями прошлых проблем. Поскольку каждый человек встречается с единственным в своем роде рядом проблем и решает их тоже по-своему, у каждого формируется особенная, не похожая на других личность. Развитие личности можно, следовательно, рассматривать как прогрессивное преобразование данного организма по мере того, как он справляется с новыми ситуациями[2].

В любой сложной ситуации обычно возможно несколько альтернативных решений и *новые шаблоны поведения развиваются в процессе естественного отбора*. Какое-нибудь решение избирается, повторяется и в конечном счете закрепляется в привычке. Отбор осуществляется, по-видимому, на основе целесообразности. Люди продолжают делать то, что они делают, если это приносит им какие-то удовлетворение. Хотя в научных кругах стремятся избегать грубого гедонизма как вышедшего из моды, в действительности все существующие теории социализации так или иначе исходят из этих предпосылок. Научение заключается в сохранении шаблонов поведения, которые приносят удовольствие, и в угасании тех, результатом которых бывает боль[3]. Поскольку действия повторяются, они исполняются с большей скоростью и точностью координации; бесполезные движения устраняются. Когда шаблоны поведения хорошо устанавливаются, они становятся более сокращенными, автоматическими и бессознательными; социализация является формой адаптации.

Экспериментальные исследования научения часто проводились так, как если бы организм приобретал свои привычки в социальной изоляции. Но человеческие существа должны приспособиться прежде всего к такому важному условию существования, как другие люди, которые в процессе социализации выступают как инструкторы, как модели для подражания и как источники подкрепления. Наказаниями и наградами они ограничивают пути, по которым идет развитие личности. Научение не является накоплением отдельных навыков изолированным индивидом; это непрерывный коммуникативный процесс, в котором люди совместно

---

[2] См. Lecky, op. cit., pp. 114—143.

[3] См. Allport, op. cit.: Dorrian Apple, Learning Theory and Socialization, «American Sociological Review», XVI (1951), 23—27.

встречают трудности и, приспосабливаясь друг к другу, вырабатывают новые способы подхода к различным аспектам окружения.

О роли других людей в процессе социализации свидетельствует судьба детей, которые оказались в изоляции и как-то смогли выжить. Среди многочисленных сообщений о человеческих детях, воспитанных дикими зверями, существует несколько таких, которые выдержали тщательную проверку. Наиболее документировано и детально сообщение о том, как в Индии были найдены две девочки — Камала, чей возраст был определен в 8 лет, и Амала, которой было полтора года. Их нашел миссионер в логове волков и доставил в приют для сирот, где каждый день делались записи об их поведении[4]. Заслуживает доверия и сообщение об Анне, пятилетней девочке, обнаруженной в 1938 году на Пенсильванской ферме. Анна была незаконнорожденным ребенком запуганной женщины, которая оставила ее в живых, но впоследствии избегала всякого контакта с нею[5]. Все три девочки были вполне развиты биологически, но совершенно не социализированы.

Поскольку Анна не смогла овладеть социальными навыками даже при самой нежной заботе, Дэвис заключил, что ребенок, который лишен тесных социальных контактов в ранние годы детства, не способен к дальнейшей социализации. Ему возражали, однако, что данный ребенок мог страдать врожденными умственными дефектами и вследствие этого быть не способным к научению вообще. После того как Дэвису представилась возможность исследовать другую девочку, которая была найдена при сходных обстоятельствах, но впоследствии развивалась вполне удовлетворительно, он отказался от своей прежней гипотезы[6]. Пожалуй, наиболее резкая критика содержалась в выступлениях Бэтлхейма. Указывая на значительное сходство детей, выросших в изоляции, и тех, у

---

[4] J. A. L. Singh and Robert M. Zingg, Wolf-Children and Feral Men, New York, 1939, pp. 3—113.

[5] Kingsley Davis, Extreme Social Isolation of a Child, «American Journal of Sociology», XLV (1940), 554—565.

[6] Wayne Dennis, The Significance of Feral Men, «American Journal of Sociology», LII (1947), 432—437.

кого были определенные умственные расстройства, он утверждал, что *все* сообщения о диких детях не соответствуют истине. Он зашел так далеко, что настаивал, будто индийский миссионер, в чьей честности он не сомневался, просто ошибся, когда думал, что видел детей в стае волков[7]. Хотя многие социальные психологи неохотно используют эти факты, следует коротко изложить содержание сообщений Сайна и Зинга.

Когда в 1920 году были найдены эти девочки, они обладали физическими качествами человеческих существ, но вели себя во многом подобно волкам. Они обнаруживали значительную приспособленность к передвижению на четырех ногах, могли есть только молоко и мясо и, прежде чем взять в рот пищу, тщательно ее обнюхивали. Испытывая жажду, они облизывали губы. Их сенсорные органы были необычайно хорошо развиты; они, по-видимому, могли хорошо видеть в темноте и чуяли запах свежего мяса на расстоянии около 70 метров. Дети обнаруживали сильный страх перед огнем; они не любили солнечного света и убегали в угол всякий раз, когда оказывались на виду. Однако темноты они не боялись, и их часто приходилось удерживать от попыток выйти наружу в ночное время.

Единственным звуком, который дети могли издавать, был громкий вой. Они никогда не смеялись. У Камалы было улыбающееся лицо, но улыбка не была жестом, обозначающим радость. Удовлетворение проявлялось иначе: в возне и прыжках друг на друга. Когда в 1921 году умерла Амала, Камала, казалось, пролила немного слез, но значительных изменений в выражении ее лица не замечалось. Однако в течение нескольких следующих дней она отказывалась есть и пить. В 1922 году Камала начала произносить звук «буу» («bhoo»), называя так воду; в 1923 году «хуу» («hoo»), что означало холод. В 1924 году она слышала, как обиженный ребенок выкрикивал звук «на» («na»), и в следующий раз, поранившись, она произнесла подобный звук. Она также говорила «на», когда вода для ее купания была слишком горячая, и со временем этот жест утвердился в качестве «нет» («no»). В 1926 году стало

---

[7] Bruno Bettelheim, Feral Children and Autistic Children, ibid., LXIV (1959), 455—467.

очевидно, что Камала может понимать простые команды и отвечать «да» или «нет». Более того, она знала других детей по именам и по требованию могла их указать. К тому времени, когда ее предполагаемый возраст равнялся 14 годам, ее словарь насчитывал около 30 слов. Он медленно увеличивался вплоть до ее смерти, наступившей в 1929 году.

Способность Камалы принимать участие в совместных действиях была очень ограничена. Она позволяла нянчить себя только миссис Сайн, к которой они с Амалой убегали всякий раз, когда были испуганы. Вместе с другими детьми девочки могли делать немногое; они играли друг с другом, со щенками, с молодой гиеной и с цыплятами. К 1927 году, однако, Камала общалась с людьми довольно свободно и даже настаивала на том, чтобы быть одетой так же, как и другие. Примечателен инцидент, который произошел в декабре 1927 года. Камала пришла в столовую в то время, как женщины накрывали стол к чаю, и взяла бисквит. Когда же она заметила, что другие дети так не делали, она вернула бисквит на стол. Позднее, за чаем, когда каждый получил два бисквита, Камала взяла только один и затем разыскала тот, который прежде положила на стол. Этот инцидент, который произошел после семи лет пребывания в приюте, был таким редким случаем поведения, явно ориентированного на групповые нормы, что о нем подробно рассказывается в отчете. Камала была вынуждена приспособиться к обычаям приюта, но она, по-видимому, делала это неосознанно, во многом так же, как любимая собака приспосабливается к обычаям жизни семьи[8].

Может быть, действительно эти дети были умственно неполноценны и социализация не могла бы осуществиться даже в идеальных условиях. Но факты указывают на удивительную гибкость человеческого организма — способность приспосабливаться к требованиям жизни с людьми или с другими существами. Они также говорят о решающей роли, которая принадлежит окружающим в формировании шаблонов поведения.

Хотя научение объясняется часто с точки зрения грубого гедонизма, следует помнить, что удовольствие и страдание для

---

[8] Singh and Zingg, loc. cit.

человеческих существ никак не сводятся к физическим лишениям и удовлетворению животных импульсов. Беспокойство, связанное с возможностью потерять привязанность, чувство вины и весьма разнообразные символические удовлетворения усложняют картину.

Тот факт, что физические лишения занимают в социализации не первое по важности место, драматически проявляется в случаях с людьми, которые от рождения не способны испытывать боль[9]. Несмотря на их нечувствительность к боли, эти люди успешно социализируются; они способны участвовать в согласованных действиях. Они даже научаются симулировать болевые реакции, чтобы не шокировать других. Это показывает, что физическая боль — это только один из многочисленных факторов, участвующих в социализации.

Большинство исследований социализации концентрируется на детском возрасте, когда научение, по общему признанию, производит наиболее глубокое впечатление. Это годы, когда устанавливается стиль жизни, когда закладываются основы для всей последующей социализации. Но обучение новым навыкам происходит на протяжении всей жизни каждого человека. Новые шаблоны поведения развиваются, когда человек вступает в религиозную секту, мигрирует в другое общество, уходит из дому, поступает в колледж, вступает в юношескую шайку или переходит на новую работу. Человек не должен отставать от других, и для этого он развивает новые типы поведения, наиболее соответствующие новым обстоятельствам.

Формирование конвенциальных значений

Система взглядов каждого человека, относящаяся к его окружению, состоит из значений. Значения суть определен-

---

[9] См. Gordon A. McMurray, Experimental Study of a Case of Insensitivity to Pain, «Archives of Neurology and Psyhiatry», LXIV (1950), 650—667; Congenital Insensitivity to Pain and Its Implications for Motivational Theory, «Canadian Journal of Psychology», IX (1955), 121—131.

ные ориентации на объекты и классы объектов, и согласованные действия облегчаются, когда участники разделяют общие значения. Но поскольку прошлый опыт каждого человека неизбежно уникален, как же могут разные люди иметь общие значения?

Формирование общих значений оказывается возможным отчасти потому, что все человеческие существа обладают сходными биологическими качествами. Физический мир знаком нам преимущественно благодаря воздействию на него, и согласие относительно свойств физических объектов достигается потому, что, манипулируя ими, все люди приобретают сходный опыт. Каждый согласится, что крышка стола твердая, ибо никто не может просунуть сквозь нее свою руку. Вскоре после второй мировой войны Организация ветеранов сообщила об успешных экспериментах с искусственной рукой, которая внешне была похожа на человеческую, отличаясь от нее по силе хватательных движений. Если очень сильный человек может поддерживать сжатие с давлением 30 фунтов только несколько секунд, то владелец этого искусственного органа может оказывать давление в 43 фунта в течение неопределенного времени. Это может позволить ему раздробить крышку стола с легкостью стальных тисков. Благодаря своей памяти этот человек будет все еще считать крышку стола твердым объектом, но если бы индивид родился с такой силой, у него возникли бы затруднения в понимании ориентаций других людей. Несмотря на вариации в размерах и силе, конструкция человеческих существ в значительной степени одинакова; поэтому согласие относительно свойств физических объектов достигается сравнительно легко.

Общие представления о реальности основываются отчасти на правильном функционировании сенсорных органов. Недавно группа канадских психологов провела серию экспериментов, в ходе которых они на долгое время отключали сенсорные сигналы. Добровольцы ложились на несколько дней в комфортабельные постели в камере, где не было слышно ничего, кроме гудения вентилятора. Их глаза закрывались полупрозрачной маской, которая не позволяла видеть, и они надевали перчатки с картонными манжетами, чтоб предохранить себя от касания чего бы то ни

было. Испытание прерывалось только для туалета и принятия пищи, и через регулярные интервалы у них брали интервью. Все испытуемые отмечали галлюцинации, многие из которых имели сходство с теми, что наблюдаются при отравлении мескалином[10]. Любые нарушения в протекании сенсорных процессов делают восприятия каждого человека более идиосинкратическими, и возможности достижения согласия ослабляются.

Сходство биологических характеристик, однако, вряд ли достаточно для объяснения согласия в тех случаях, когда речь идет о значениях чего-то такого, что не может быть непосредственно воспринято или чем нельзя манипулировать. Большинство конвенциальных значений человек усваивает благодаря тому, что другие люди реагируют на его поведение стандартным образом. Как, например, ребенок постигает значение креста? Он подвергается наказанию всякий раз, как делает с ним что-то неподобающее. Прежде чем он получит какое-то идеологическое объяснение, он научится многим ритуалам. Даже если впоследствии он никогда не станет христианином, почему-то богохульство перед крестом будет казаться ему неуместным. Значение большинства категорий ясно устанавливается благодаря тому, что реакции других людей институционализируются. Каждое приспособление человека, участвующего в организованных группах, фиксируется в привычку и подкрепляется посредством социальных санкций[11].

Приобретение конвенциальных значений представляет собой научение соответствующим способам опознавания и классификации объектов и развития по отношению к ним принятых способов действия. Многие из категорий весьма условны. Среди индейцев ойибва (ojibwa) в Канаде, например,

---

[10] W. H. Bexton, Woodburn Heron, and T. H. Scott, Effects of Decreased Variation in the Sensory Environment, «Canadian Journal of Psychology», VIII (1954), 70—76; W. Heron, B. K. Doane, and T. H. Scott, Visual Disturbances after Prolonged Perceptual Isolation, ibid., X (1956), 13—18; Philip Solomon et. al., Sensory Deprivation, «American Journal of Psychiatry», CXIV (1957), 357—363.

[11] См. Mead, The Philosophy of the Present, op. cit., pp. 106—139, 161—175.

распространен термин «змеиные ягоды». Это слово относится к ягодам, которые в ботанической классификации принадлежат разным видам; их объединяет то, что они считаются несъедобными. Хотя в действительности плоды безвредны, большинство индейцев никогда не имеют возможности проверить это представление. Как только ребенок протянет руку к такой ягоде, он получает шлепок от матери, которая восклицает: «Змеиная ягода!» Таким образом, ребенок научается определять эту разнородную категорию как целое и вырабатывает по отношению к ней определенную ориентацию не только как к чему-то такому, чего не следует употреблять в пищу, но также как к чему-то запретному[12].

Даже после того, как человек усваивает используемые группой категории, критерии, на основании которых производится различение, еще некоторое время могут оставаться поверхностными. При изучении способности детей проводить различие между полами Конн и Каннер опросили в порядке игры в куклы 200 детей в возрасте от 4 до 12 лет. Обнаружилось, что самые младшие склонны отличать мальчика от девочки по одежде, средние (восьмилетние) учитывали также силу и телосложение, а старшие обращали внимание на различия в походке. Из 200 изученных детей 116 сознавали генитальные различия, но для них это не было главным критерием[13].

Раз объекты классифицированы, человек может научиться действовать с ними надлежащим образом. Иногда существует преднамеренное обучение, но многие конвенциальные значения усваиваются по ходу других действий. Так, на юге США прямое инструктирование белых детей относительно этнических различий происходит сравнительно редко, обычно только в связи с каким-либо инцидентом, когда ребенок нарушил «границу цвета» — ел бок о бок с негром за одним столом или назвал негритянку «леди». Объяснения обычно не даются; от детей просто требуют, чтобы они слушались

[12] A. Irving Hallowell, Cultural Factors in the Structuralization of Perception, in Rohrer and Sherif, op. cit., pp. 164—195.

[13] Jacob H. Conn and Leo Kanner, Children's Awareness of Sex Differences, «Journal of Child Psychology», I (1947), 3—57.

старших. Иногда используются косвенные приемы обучения: детям разрешается слушать разговоры взрослых о безнравственном поведении некоторых негров, в то время как подобное поведение белых не обсуждается в их присутствии. Негры сами помогают стабилизации значений, приспосабливаясь к экспектациям, которые превалируют в обществе. Няньки и слуги из негров обращаются к подопечным детям с почтением и могут даже учить их подобающим действиям по отношению к тем, у кого статус ниже[14].

Чаще всего те или иные ценности усваиваются благодаря устойчивым эмоциональным реакциям других людей. Детям в нашем обществе неоднократно приходится слышать, что их ждет несчастье, если дорогу перебежит черная кошка, но значение этого предрассудка усваивается тогда, когда ребенок видит, с какой яростью взрослые набрасываются на заблудившееся животное. Профессия гробовщика, высокодоходная и, безусловно, необходимая в любом обществе, не может привлечь многих молодых людей не в силу каких-то рациональных соображений, но из-за смутного чувства отвращения, вызываемого образами ухода за мертвыми телами. Такие значения редко передаются с сознательной целью. Образование каждого человека, следовательно, является в значительной мере неформальным.

Когда новый человек включается в группу, его поведение постепенно приближается к принятым стандартам — начиная с грубого подражания и мало-помалу развиваясь в конвенциальные процедуры. Это показал, например, опрос учащихся одной из школ в штате Виргиния. Белых детей просили сравнить их собственную группу с группой негров по шести признакам. Среди младших учащихся было значительно меньше согласия в описании каждой категории, но с возрастом представления становились все более сходными. В общем, младшие ученики не были склонны приписывать неграм ни одного хорошего качества, но старшие использовали распространенный среди взрослых стереотип, который

---

[14] Olive W. Quinn, The Transmission of Racial Attitudes Among White Southerners, «Social Forces», XXXIII (1954), 41—47; ср. Mary E. Goodman, Race Awareness in Young Children, Cambridge, 1952.

наряду с отрицательными включал и такие черты, как бодрость, добродушие, веселость и религиозность[15]. Другое исследование выясняло, как дети от 4 до 11 лет научаются понимать значение денег. Хотя младшие могли проводить различие между деньгами и другими объектами, их представление об использовании монет было весьма смутным. Большинство пятилетних детей знали, что деньги — это нечто такое, что тратится, и имели некоторое представление об элементарных правилах обмена. Те, кто был несколько старше, сознавали математический характер сделок и начинали осознавать смысл выражения «получить сдачу». Самые старшие дети понимали более сложные термины, такие, как кредит или производство прибыли, и знали, что деньги могут быть источником еще больших денег[16].

Установившиеся ориентации воспроизводятся в социальном взаимодействии. Ошибочное представление, будто негры являются низшими существами, ненамеренно подкрепляется шутками типа «последнее дело, если у тебя родится негритенок». В исследовании около 200 рассказов, появившихся в популярных американских журналах в 1937 и в 1943 годах, Берельсон и Солтер нашли, что различные этнические меньшинства были представлены в основном стереотипными персонификациями. Примерно из 900 характеров в этих рассказах 84% составлял «американец». Фактически все 9% из непопулярных меньшинств выполняли второстепенные роли; их род занятий всегда был лакейский, и они никогда не выступали как герои или героини[17]. Это вовсе не значит, будто авторы и издатели тайно договаривались унижать определенные группы меньшинств; многие писатели, вероятно, предполагали, что более благоприятные характеристики читатели не сочтут правдоподобными. Этнические стереотипы усиливаются

---

[15] Robert Blake and Wayne Dennis, The Development of Stereotypes Concerning the Negro, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XXXVIII (1943), 525—531.

[16] Anselm L. Strauss, The Development and Transformation of Monetary Meanings in the Child, «American Sociological Review», XVII (1952), 275—286.

[17] Bernard Berelson and Patricia J. Salter. Majority and Minority Americans, «Public Opinion Quarterly», X (1946), 168—190.

в значительной части людьми, не питающими злых намерений; они увековечиваются не умышленно, а как побочный продукт других действий. Это столь же справедливо для других конвенциальных значений.

Дети усваивают значения, общепринятые в группах, где они воспитываются. Поскольку одни и те же объекты характеризуются по-своему в каждой группе, это может привести к недоразумениям. Для ребенка, выросшего в среднем классе, полисмен является авторитетной фигурой, но для тех, кто вырос в трущобах, это «фараон», и контакт с полицией становится предосудительным поступком. Различия в значениях наиболее знакомых объектов были показаны в сравнительном исследовании американских, ливанских и суданских детей. Собака рассматривалась 49% американцев как комнатное животное, но для 66% ливанцев и 62% суданцев это был сторож; 41% американцев назвали песок материалом для игры, 58% ливанцев видели в нем материал для строительства[18]. Как человек ориентирован по отношению к его миру, зависит от групп, в которых он участвует.

Вступление в символическое окружение

Поскольку совместное действие значительно облегчается, если существует согласие, для эффективного участия в организованной группе необходимо понимание ее символического окружения. Новичку нужно усвоить не только принятые категории и их символы, но также невысказанные предпосылки относительно того, как эти единицы взаимосвязаны. Понимание принятой в группе картины мира требует овладения языком: после этого конвенциальные значения могут формироваться посредством лингвистической коммуникации. Когда впервые нарушитель сталкивается с преступным миром в тюрьме или когда искатель острых ощущений становится наркоманом, он должен научиться жаргону новой

---

[18] Wayne Dennis, Uses of Common Objects as Indicators of Cultural Orientations, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LV (1957), 21—28.

группы. Тогда манипулирование значениями упрощается. Принятие ролей также облегчается по мере того, как человек усваивает словарь мотивов данной группы. Поскольку столь много конвенциальных значений приобретается путем коммуникации, важно установить, как новый человек научается пользоваться символами.

Точному воспроизведению вокальных жестов научаются путем естественного отбора, и реакции других людей играют решающую роль в этом процессе. Дети всего мира в возрасте между тремя месяцами и одним годом способны произносить значительно больше звуков, чем используется любым из языков, на которых говорят их родители. Поэтому некоторые лингвисты называют период «лепетания» «каменоломней драгоценных вокальных россыпей» всех языков. По мере того как ребенок становится старше, это удивительное богатство звуков все больше ограничивается, пока со временем человек не научится говорить так же, как другие люди его группы. Это происходит частично путем подражания их вокализации, иногда в играх, где с помощью взрослых ребенок учится правильно координировать свою вокальную мускулатуру. Существенно, что человек вынужден формировать жесты, сходные с конвенциальными символами, ради того, чтобы другие реагировали на его звуки желаемым образом[19]. Прочие конвенциальные жесты вырабатываются во многом точно таким же образом. Жесты приобретают форму, соответствующую конвенциальным шаблонам, под влиянием реакций других людей. О решающем значении этих реакций говорят случаи со слепым или глухим ребенком, который отключен от одного из каналов проверки и корректирования. Чтобы научиться говорить, очень важно слышать свою собственную речь. У тех, кто лишен этой возможности, голос безжизненный, артикуляция вымученная и нюансы значений не передаются интонацией. Те, кто никогда не слышал речь других, не имеет моделей для создания своих собственных жестов[20]. Точно так же

---

[19] Morris M. Lewis, Infant Speech, New York, 1936, pp. 55—102.

[20] Clarence V. Hudgins, Problems of Speech Comprehension in Deaf Children, «The Nervous Child», IX (1951), 57—63; Helton McAndrew, Rigidity and Isolation: A Study of the Deaf and the Blind, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLIII (1948), 476—494.

значительно отличается выражение лица у тех, кто ослеп в раннем детстве. Поскольку они не могут видеть выражение лица ни у других людей, ни у самих себя с помощью зеркала, они не имеют адекватного представления о конфигурации, которую должна производить мускулатура их лиц[21].

Жесты используются как символы конвенциальных значений. Научаясь формировать жесты, человек должен также усвоить, какие значения они представляют. В исследовании развития согласия Латиф утверждал, что именно реакции старших на различные жесты ребенка являются основой согласованных значений. Проголодавшись, младенец проявляет беспокойство и тянется к рожку. По этим движениям окружающие судят о желаниях ребенка и протягивают ему бутылочку. Поскольку эта процедура повторяется, разнообразные движения сводятся к простому жесту, указывающему на бутылочку, или произнесению звука. Всякий раз, когда производится такой жест, он заменяет собой целое действие. Жест становится его символом. Он используется как инструмент, как одно из средств консуммации некоего импульса. Чем больше жест приближается к конвенциальному символу, тем вероятнее, что он вызовет желаемые реакции с минимальной задержкой. Даже на этом весьма элементарном уровне значения возникают в социальной матрице; совместная жизнь и действие являются предпосылками для развития символической коммуникации[22].

В одном из своих ранних исследований Пиаже показал, что большая часть вокализации ребенка в раннем возрасте не представляет собой обращенной к другим людям речи. Он отметил, что в «эгоцентрической речи» дети часто повторяют фразы просто из удовольствия говорить, что они часто говорят сами с собой, не обращаясь ни к кому в частности, и что в

---

[21] John S. Fulcher, Voluntary' Facial Expression in Blind and Seeing Children, «Archives of Psychology», XXXVIII (1942), № 272; Jane Thompson, Development of Facial Expression of Emotion in Blind and Seeing Children, ibid, XXVII (1941), № 264.

[22] Israil Latif, The Physiological Basis of Linguistic Development and of the Ontogeny of Meaning, «Psychological Review», XLI (1934), 55—85, 153—176, 246—264; ср. Lindesmich and Strauss, Social Psychology, op. cit., pp. 159—196.

группах они часто вступают в коллективные монологи, когда каждый говорит, не обращая внимания на то, что говорят другие. Он показал, что многие из трудностей в коммуникации между детьми возникают из-за того, что говорящий не заботится о том, чтобы сообщить другим то, что он сам уже знает; это значит, что его картина мира полностью индивидуальна. Со временем ребенок начинает более четко отличать себя от других людей и проявляет некоторое понимание того факта, что картины мира других отличаются от его собственной. Тогда он становится способен принимать роли других и приспосабливать свои высказывания к цели кооперации с ними. Этот тип вокальной деятельности Пиаже назвал «социализированной речью», речью, произносимой ради других. Он утверждал, что отношение эгоцентрической речи к социализированной уменьшается по мере того, как дети становятся старше; с возрастом большая доля их общей вокальной деятельности обращается к другим людям[23]. Поскольку в социальных ситуациях жесты используются как инструменты, дети все более ограничивают себя символами, на которые реагируют другие. Те жесты, которые оказываются целесообразными, используются повторно и затем фиксируются в привычку.

По мере того как развивается способность ребенка участвовать в согласованном действии, он становится все более чувствительным к взглядам других, и его эгоцентрическая речь ограничивается. Выготский предложил любопытную гипотезу, согласно которой она в действительности не исчезает, но интериоризуется, становясь мышлением — субвокальной коммуникацией с самим собой. Приняв исследование Пиаже за отправную точку, Выготский отмечал, что отличительной особенностью внутренней речи является ее сокращенный характер. Когда мы думаем, нам совершенно не обязательно определять уже известные термины или сопровождать каждый логический шаг аргументами, как мы вынуждены это делать, общаясь с кем-то другим. В своих экспериментах Выготский показал, что эгоцентрическая речь обладает таким же сокращенным характером. Хотя кажется, что с возрастом эгоцентрическая речь исчезает, на самом деле

[23] Ж. Пиаже, Речь и мышление ребенка, М., 1934.

она просто становится неслышной для других людей. Концепция Выготского не была окончательно доказана, но его аргументы весьма убедительны[24].

Научаясь мыслить конвенциальными терминами, человек становится участником символического окружения данной группы. Он ориентируется во времени и пространстве с помощью координат, используемых группой; он думает в тех же самых выражениях, которые использует в разговоре с другими и которые другие используют в разговоре с ним. Это позволяет сравнивать свой опыт с чужим, уточнять значения, которые неадекватны, и получать инструкции относительно того, что неясно.

Изучающие социализацию иногда недооценивают роль символической коммуникации в уяснении и усвоении значений. Естественная история нашей ориентации по отношению к объекту начинается с периода, когда мы полны сомнений и замешательства, проходит стадию, когда наши экспектации становятся достаточно определенными, и продолжается до того момента, когда действия становятся автоматическими и бессознательными. На всем протяжении этого процесса мы постоянно полагаемся на сообщения окружающих о том, каковы должны быть наши ощущения. Исследовав развитие наркомании, Беккер утверждает, что привычка к марихуане не возникнет до тех пор, пока человек не научится определять ощущений, ассоциировать их с наркотиком и наслаждаться ими[25]. Многие значения уясняются, следовательно, когда другие люди могут примерно описать и определить, что же нам предстоит почувствовать и пережить.

Есть основания считать, что долингвистический мир ребенка коренным образом отличается от его позднейших представлений. В своем глубоком исследовании Шахтель утверждал, что воспоминания о событиях, которые имели место в раннем детстве, неизбежно смутны, поскольку ребенок не имеет лингвистических символов, чтобы сохранять единицы опыта и манипулировать ими. Ребенок живет в непосредственном

---

[24] Л. Выготский, Мышление и речь, М., 1934.

[25] Howard S. Becker, Becoming a Marihuana User, «American Jourcal of Sociology», LIX (1953), 235—242.

настоящем. При отсутствии символической системы соотнесения он лишен возможности измерения событий во времени. Только после того, как он овладеет языком, он в состоянии сформировать концепцию самого себя и поместить ее внутри какой-то временнóй схемы. Поскольку многие из детских переживаний не могут вмонтироваться в конвенциальный шаблон, они кажутся аморфными и бессмысленными[26].

В ходе своего развития почти каждый ребенок участвует в различных группах, многие из которых состоят из других детей того же возраста. Картина мира, принятая в такой группе равных (peer group), хотя и не совершенно иная, все же как-то отличается от символической среды взрослых. В исследовании этнических представлений детей низшего класса обнаружилось, например, что они используют своеобразную систему соотнесения. Категории, которые большинство взрослых рассматривало как взаимно исключающие, не были, по-видимому, несовместимыми для детей[27]. Прослеживая, как дети научаются пользоваться деньгами, психологи обнаружили, что многие из общих ошибок возникают не из-за недостатка логики. До тех пор пока дети не усвоят различные понятия, связанные с употреблением денег, их восприятие недифференцированно: они, кажется, не замечают вещей, которые легко схватывают взрослые[28]. В исследовании отношения детей к средствам массовой коммуникации обнаружилось, что дети дошкольного возраста обычно предпочитают юмористические рассказы, где действующими лицами являются животные или куклы; второй класс предпочитает ковбойские темы; в четвертом классе нравятся комедии и приключения; и шестой класс предпочитает комедии, приключения и страшные истории. Почему происходят эти изменения во вкусах? Возможно, что, поскольку дети становятся старше, их понимание мира

---

[26] См. Ernest G. Schachtel; Metamorphosis, New York, 1959, pp. 279—322.

[27] Eugene L. Hartley, Max Rosenbaum, and Shepard Schwartz, Children's Use of Ethnic Frames of Reference, «Journal of Psychology», XXVI (1948), 367—386.

[28] Anselm Strauss and Karl Schuessler, Socialization, Logical Reasoning and Concept Development in the Child, «American Sociological Review», XVI (1951), 514—523.

все более приближается к пониманию взрослых. Они могут еще верить в привидения и бояться их, но, когда герой из шестизарядного револьвера стреляет десять раз, не перезаряжая его, им очевидно, что это «липа»[29]. Детское окружение будет отличаться от мира взрослых постольку, поскольку дети участвуют в иных коммуникационных каналах. Их опыт организуется с помощью несколько отличающихся категорий, и с этим связаны некоторые недоразумения.

После достижения зрелости изменения во взглядах у большинства людей настолько постепенны, что они едва заметны. Исключение составляют те, кто оказывается в критических ситуациях и получает доступ к новым каналам коммуникации. Гражданин, призванный на военную службу, обычно приобретает несколько иную картину мира. Вначале он только смутно представляет себе свои новые роли и ощущает неловкость и неудобство. Он внимательно слушает, как сержанты объясняют его обязанности; его ошибки корректируются насмешками и иногда внеочередными нарядами; он подражает тем, кто более опытен. Он усиливает новый словарь, причем не только военные термины, но также специальные слова, используемые солдатами для обозначения известных объектов. Постепенно он начинает говорить, думать и действовать так же, как другие солдаты. Сходные изменения происходят во взглядах на мир у тех, кто госпитализирован по поводу хронических заболеваний. По мере того как пациенты привыкают к больничной жизни, у них развиваются иные представления о времени[30].

Развитие картин мира, по-видимому, необратимо. Поскольку взгляды взрослого человека сложились, его размышления о прошлом происходят обязательно с этой точки зрения. Трудности возврата в то прошлое, каким оно первоначально воспринималось, обнаруживаются в исследованиях гипнотической возрастной регрессии. В гипнотическом трансе люди иногда вспоминали малейшие детали событий,

---

[29] Eliot Freidson, Adult Discount: An Aspect of Children's Changing Taste, «Child Development», XXIV (1953), 39—49.

[30] Fred Davis, Definitions of Time and Recovery in Paralytic Polio Convalescence, «American Journal of Sociology», LXI (1956), 582—587.

которые произошли в день празднования их четырех- или пятилетия. Некоторые заявляли даже, что они помнят события, которые произошли задолго до того, как они научились говорить[31]. Чтобы пролить свет на такие заявления, Сарбин сопоставил результаты девяти взрослых испытуемых по а) тестам, предложенным, когда их возраст был сведен гипнотическим внушением до восьми или девяти лет, б) тем же самым тестам, проведенным, когда испытуемые пытались сознательно представить себя в этом возрасте, с в) записями о результатах тех же самых тестов, проведенных, когда испытуемые были еще детьми. В итоге выяснилось, что подлинной возрастной регрессии не наблюдалось; все результаты, показанные взрослыми, были выше, чем те, которые они дали, будучи детьми. Однако выполненное в гипнотическом трансе оказалось значительно ближе к детским результатам, чем преднамеренные попытки[32]. Другое подобное исследование показало, что, если рисунки, выполненные под гипнозом, напоминали детские рисунки по замыслу и форме, они были «взрослыми» по исполнению. Результаты прожективного теста также были иными[33]. Итак, многие как бы забытые события могут быть восстановлены в памяти посредством гипноза, но они рассматриваются с позиций взрослого человека.

Эти наблюдения подтверждают мысль о том, что социализация не есть некое прибавление элементов к сумме, из которой впоследствии можно некоторые из них вычесть. Данные о шизофренической регрессии могут также подкрепить сказанное. Поскольку интегрированные в детстве шаблоны поведения — сосание, кусание, игра фекалиями и мастурбирование — обнаруживаются у взрослых, многие психиатры утверждают, что эти больные вернулись в более раннюю стадию развития. Страдающие тяжелой формой психоза считаются десоциализированными. Но Камерон справедливо задал

[31] См. Robert M. Lindner, Rebel Without a Cause, New York, 1944.

[32] Theodore R. Sarbin. Mental Age Changes in Experimental Regression, «Journal of Personality», XIX (1950), 221—228.

[33] Martin T. Orne, The Mechanism of Hypnotic Age Regression, «Jornal of Abnormal and Social Psychology», XLVI (1951), 213—225.

вопрос: действительно ли расстройство заключается в том, что вновь начинают проявляться ранее приобретенные привычки, или же происходит реорганизация иного рода? Он сопоставил рассуждения пациентов с рассуждениями детей и обнаружил некоторые поразительные отличия. Пытаясь объяснить события, более 80% детей ссылались на мотивы, тогда как почти половина пациечтов искала «причины» и «следствия» — они рассуждали так, как это обычно делают взрослые в нашем обществе. Конечно, пациенты могли использовать многие детские средства, но не обязательно детским способом[34]. Развитие психоза — это адаптация к невыносимой ситуации, при которой некоторые из шаблонов поведения, твердо укоренившиеся в годы детства, объединяются в новую систему взглядов.

Социализация — это непрерывный процесс коммуникации, в ходе которого новичок избирательно вводит в свою систему поведения те шаблоны, которые санкционированы группой. Поскольку он усваивает конвенциальные значения и символы, он с большей легкостью может участвовать в различных коллективных предприятиях. Он научается проводить более тонкие различия, и это в свою очередь позволяет ему принимать участие в еще более сложных формах кооперации. Каждый коммуникационный канал, который становится ему доступным, вводит его в несколько иное символическое окружение.

Формирование защитных фиксаций

Большинство значений подвижно, ибо шаблоны поведения изменяются с опытом. Но у каждого человека есть определенная область, в которой он, по-видимому, не способен извлечь пользу из опыта — либо потому, что он не замечает противоречащих сигналов, либо потому, что он все время неправильно истолковывает то, что он видит, ради сохранения своей первоначальной ориентации.

---

[34] Cameron, Reasoning, Regression, and Communication in Schizophrenics, op. cit.; см. также его: Deterioration and Regression in Schizophrenic Thinking, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XXXIV (1939), 265—270.

Изучая научение у крыс, Майер сделал вывод, что существуют два пути развития устойчивых шаблонов поведения. Один — это формирование *навыка*, когда крыса научается действовать определенным образом, получая вознаграждение; другой — это развитие *фиксации*. Фиксация — это защитная тактика, позволяющая избегать страдания, которая найдена случайно при попытке справиться с затруднительной ситуацией и с этого времени повторяется автоматически при каждой подобной угрозе. Майер доказал экспериментально, что навыки могут быть модифицированы путем изменения шаблонов вознаграждения; фиксации, однако, остаются теми же самыми независимо от вознаграждения. Навыки могут быть усилены дополнительным вознаграждением, на фиксации же будущая награда не влияет. Когда крыс систематически наказывали за привычное исполнение, навыки исчезали; но наказания только увеличивали силу фиксаций. Майер доказал, что фиксации — это нецеленаправленные действия[35].

Хотя в применении своих открытий к человеческим существам Майер был весьма осторожен, психиатры давно утверждали нечто подобное. Объясняя формирование невротических симптомов, они указывали, что, когда целенаправленное действие блокируется, удовлетворение в какой-то мере достигается благодаря компенсаторным приспособлениям; если эти реакции повторяются, они развиваются в негибкие значения. Множество различных фобий, тиков и навязчивых идей, по-видимому, компульсивно; компульсивными могут стать даже конвенциально принятые формы деятельности. Некоторые люди постоянно работают, даже когда в этом нет необходимости и им это очень не нравится. Сейчас широко распространено мнение, что такие шаблоны поведения являются продуктом фрустраций. Они являются защитными реакциями, охранительными приспособлениями, уравновешивающими угрожающие ситуации. Исследования показали, что такие шаблоны не могут быть устранены путем наказания. Дети, которых слишком строго приучают к туалету, продолжают мочиться в постель; те, кто подвергается

[35] Norman R. F. Maier, Frustration: The Study of Behavior Without a Goal, New York, 1949.

наказанию за агрессивность, становятся еще более агрессивными, и те, кого наказывают за зависимость, остаются зависимыми[36].

Хотя эмпирические открытия Майера не подвергались сомнениям, строгие критики утверждали, будто он не доказал, что фиксации не являются целенаправленными, ибо даже защитные ритуалы имеют своим результатом некоторое ослабление напряжения[37].

Есть множество клинических доказательств в пользу существования фиксаций у человеческих существ. Салливен указывал на чрезмерную болтливость как на защитное средство, способ удержания людей на безопасной дистанции. Человек может задыхаться и повторяться, если ему больше нечего сказать, но, когда его чувство собственного достоинства под угрозой, он отчаянно продолжает говорить. Другой отрицательно реагирует на все авторитетные фигуры, какими бы благожелательными они ни казались. В крайних случаях человек может испытывать даже импульсы к убийству в ситуациях, в которых он сознает, что его реакция нелогична.

Навязчивой может стать погоня за удовольствиями. Чрезмерное поглощение пищи тоже часто компульсивно; в медицинских кругах растет убеждение, что полнота, если она не эндокринного происхождения, есть проблема психиатрическая. Неумеренное употребление алкоголя тоже может быть компульсивно, и, хотя многим напитки доставляют удовольствие, есть люди, которые не наслаждаются ни

---

[36] Robert R. Sears, Eleanor E. Maccoby, and Harry Levin, Patterns of Child Rearing, Evanston, 1957, pp. 484—486; ср. Aubrey J. Yates, The Application of Learning Theory to the Treatment of Tics, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LVI (1958), 75—82.

[37] См. F. Knöpfelmacher, Fixations, Position Stereotypes, and Their Relation to the Degree and Pattern of Stress, «Quarterly Journal of Experimental Psychology», V (1953), 150—158; Norman R. F. Maier and Paul Ellen, Can the Anxiety-Reduction Theory Explain Abnormal Fixations? «Psychological Review», LVIII (1951), 435—445; Joseph Wolpe, Learning Theory and Abnormal Fixations, ibid., LX (1953), 111—116.

ароматом, ни вкусом, понимают к тому же, что рискуют своим будущим, и все-таки не в состоянии отказаться от этой привычки. Точно так же встречаются курильщики, которые не любят запаха табака и испытывают головную боль, если оказываются в накуренной комнате. Было высказано предположение, что пагубное пристрастие к наркотикам, к азартным играм и т. д. может носить такой же защитный характер. Сложность рассматриваемых явлений в том, что многие из них являются не только защитными, но в то же время и символическими. Точно так же как чрезмерное поглощение пищи может представлять собой попытку заполнить психологический вакуум, компульсивное мытье рук может означать символическое очищение.

Такие значения не только компульсивны, но в большинстве случаев совершенно ригидны. Человек может сознавать, что то, что он делает, бессмысленно и даже опасно, но такое осознание не дает ему возможности осуществлять самоконтроль. На компульсивные значения не влияет вознаграждение; вероятно, поэтому наркоманов нельзя соблазнить чем-то другим вместо наркотиков.

Прослеживая развитие фиксаций, психоаналитики сосредоточивают свое внимание на травмирующих переживаниях, на единичных ужасных событиях, в результате которых якобы возникают эти шаблоны поведения как средство защиты. Слепота человека, чьи глаза совершенно здоровы, может объясняться тем, что этот человек в детстве стал свидетелем полового сношения собственных родителей, или же исследование компульсивного заикания может показать, что затруднения начались тогда, когда на похоронах этот человек был вынужден поцеловать мертвого родственника. Воспоминания об ужасных переживаниях часто подавляются, и психоаналитическая терапия в значительной мере занята тем, чтобы их обнаружить, переоценить эти события с позиций взрослого человека и попытаться установить сознательный контроль. Кажется невероятным, однако, что все фиксации — реакции на единичные события. Такие значения могли сформироваться в ответ на беспокойство, продолжавшееся длительный период времени. Нелогичная ненависть ко всем обладающим властью людям может развиться в результате многолетних издевательств, которые человек переносил со

стороны родителей, и болезненный страх перед тюремным заключением может быть продуктом усилий старшего брата, который находил удовольствие в том, чтобы связывать свою жертву.

Хотя это нельзя считать точно доказанным, гипотеза о том, что фиксации образуются как-то иначе, нежели другие значения, кажется правдоподобной. Ригидные значения всякого рода, включая стереотипизированные представления людей, не изменяющиеся с опытом, могут быть продуктами фрустраций. Следует подчеркнуть, однако, что не все частные значения имеют защитный характер и не все защитные значения обязательно столь негибки, как в приведенных случаях. Существуют «дурные привычки», которые могут быть искоренены сознательными усилиями. Более того, существует много идиосинкратических значений, проявляющихся в необычных импульсах, которые, однако, сдерживаются соображениями о вероятной реакции других людей и редко находят выход в открытом поведении.

Итоги и выводы

Успешное участие в общей жизни возможно для тех, кто разделяет конвенциальные значения, и проблема социализации состоит в объяснении генезиса этих значений. По существу, социализация — это коммуникативный процесс. Каждый человек постепенно вырабатывает способность участвовать в организованных группах. Попытки участия непрерывно корректируются до тех пор, пока он не научится предвидеть реакции других людей и приспосабливаться к ним. Первоначально неорганизованные тенденции постепенно достигают координации и утонченности и благодаря повторению становятся автоматическими. Именно систематические и однообразные реакции других людей формируют и фиксируют шаблоны поведения индивида. Значения развиваются в процессе естественного отбора. Формы поведения, которые дают человеку возможность успешно приспосабливаться к существующим условиям жизни, сохраняются, чтобы стать частью его ориентации по отношению к миру.

Хотя социализация часто рассматривается как постепенное накопление навыков, более плодотворно смотреть на нее как на непрерывную адаптацию живого организма к его окружению. Все живые существа борются за выживание и сохранение вида в тех жизненных условиях, в которых они находятся. Но в случае с человеческими существами окружение в значительной степени концептуализированно; объекты классифицированы и имеют обозначения, часто произвольные. Сверх того оно включает в себя другие человеческие существа, каждое из которых индивидуально и предъявляет особые требования. Люди приспосабливаются к ситуациям, в которых они находятся, и повторяют те действия, которые прежде оказывались успешными. При измерении успеха, однако, очень важно не ограничивать его простым физическим выживанием. Люди заинтересованы в статусе — личном и социальном, — так же как и в различном символическом удовлетворении. Важнее всего, что человеческие существа заинтересованы в самоуважении и в чувствах окружающих. Соглашение с таким человеческим окружением может предполагать необходимость принимать защитное положение в ситуациях, с которыми невозможно справиться каким-то иным способом. Социализацию, как и мотивацию, можно объяснять с точки зрения приспособительных тенденций, присущих живым организмам.

Это значит, что организация функциональных единиц всякого рода — социальных структур, составляющих их социальных ролей, значений (физических объектов, персонификаций и *Я*-концепций) и собственной человеческой личности каждого — есть ***продукт*** деятельности. Живые организмы борются, чтобы приспособиться к условиям жизни, и типы реакций, которые оказываются полезными, закрепляются и усиливаются путем их постоянного использования. Деятельность является первичной, и структуры возникают как кристаллизация успешных попыток выжить. Поскольку каждый индивид единствен в своем роде и должен действовать в неповторимых исторических обстоятельствах, структуры, которые возникают в каждом случае, различны. Но процесс развития закономерен и может быть описан с помощью ряда общих принципов.

Herrigel, Eugen, Zen in the Art of Archery, New York, 1953.
Koffka, Kurt, The Growth of the Mind, New York, 1928.
Lewis, Morris M., Infant Speech, New York, 1936.
Lindesmith, Alfred R., Opiate Addiction, Bloomington, 1947.
Piaget, Jean, Play, Dreams, and Imitation in Childhood, New York, 1951.
Schachtel, Ernest G., Metamorphosis, New York, 1959.

ГЛАВА 15

РАЗВИТИЕ САМОКОНТРОЛЯ

Изучающих историю религии часто поражает тот факт, что некоторые из наиболее респектабельных в наши дни вероисповеданий ведут свое происхождение от оргий, во многом напоминающих современные сборища «святых плясунов». Верующие в экстазе катаются по земле, танцуют, скачут, издают короткие гортанные звуки, похожие на собачий лай, кричат, поют и рыдают. Некоторые бьются в конвульсиях; у других в состоянии транса возникают видения; третьи застывают без движения и по много часов стоят неподвижно, словно статуи. Через несколько дней сборище становится настолько беспорядочным, что наиболее разумные лидеры бывают вынуждены выставлять охрану — в частности, чтобы предотвратить сексуальный разгул [1]. В пылу сильного возбуждения утрачивается самоконтроль, и люди, которые в других случаях вполне пристойны, совершают поступки, резко контрастирующие с их обычным поведением.

В отличие от социальных насекомых человеческие существа могут продолжать упорядоченную групповую жизнь только тогда, когда каждый способен себя контролировать. Каждый человек определяет себя как индивида особого рода, принимает соответствующие обязанности и подавляет неподобающие импульсы, чтобы поддержать свою *Я*-концепцию. Если взрослый человек не способен себя контролировать, про него говорят, что он «впал в детство». Импульсивное поведение осуждается как «инфантилизм». Слабоумные или психотики также испытывают трудности в самодисциплинировании, и к ним обычно относятся снисходительно, как к детям. Большинство людей оказывается

---

[1] См. Catherine C. Cleveland, The Great Revival in the West, 1797—1805, Chicago, 1916.

где-то между детством и зрелостью. Жизнь в соответствии с собственными обязанностями — очень сложная форма поведения. Как же развивается эта замечательная способность? Окончательного ответа дать нельзя, но существует несколько гипотез, заслуживающих серьезного рассмотрения.

Диалектика развития личности

Самоконтроль участников основан на способности реагировать на самого себя. Человек должен посмотреть на себя со стороны, представить себе свой план действия так, как, вероятно, увидят его другие, и реагировать на этот перцептуальный объект. Необходимо воспринять и определить самого себя как целое, создать персонификации других, приписать им мотивы и экспектации. Все это предполагает способность манипулировать символами. Как же ребенок развивает в себе эти сложные навыки?

Большинство психологов согласно с тем, что новорожденный не способен отличить себя от окружающего мира. Малютка тянет себя за палец ноги и сам же кричит от боли, но не выпускает палец даже тогда, когда другие пытаются прийти ему на помощь. Ребенок просто испытывает переживания; его взгляд на мир неизбежно эгоцентричен, ибо у него нет еще системы соотнесения, в которой он мог бы определить самого себя как некую сущность. Фрейд считал, что в этот период ребенок эйфоричен, ибо он, по-видимому, чувствует себя всемогущим. Чувство неограниченности он назвал «океанистическим чувством» и был убежден, что в каждом человеке всегда остается страстное желание вернуться в это блаженное состояние [2].

Самосознание развивается постепенно, и оно, вероятно, начинается с определения границ собственного тела. Коффка говорил, что биполяризация переживаний возникает из-за того, что ощущения, исходящие от своего тела, достаточно устойчивы в отличие от ощущений, вызванных другими

---

[2] S i g m u n d F r e u d , Civilization and Its Discontents, London, 1930, pp. 7—22. Критическую оценку этих взглядов см. S c h a c h t e l , op. cit., p. 3—77.

источниками. Человек ощущает невидимые ему части собственного тела, по существу, так же, как видимые — поэтому он может рассматривать тело в целом как отдельную сущность[3]. Но есть период, для которого характерно смешение того, что свойственно самому себе и что принадлежит внешнему миру. Внешние события иногда совпадают с желаниями ребенка, и он допускает, что между ними существует необходимая связь. Не приходится удивляться, что дети склонны формировать анимистическую ориентацию к своему миру[4].

Однако *Я*-концепция содержит в себе нечто большее, чем простое определение границ тела. Это персонификация, которая указывает место индивида внутри социальной системы; она связана с пониманием ряда прав и обязанностей. Даже после того, как границы организма ясно установлены, существует период, в течение которого ребенок не полностью понимает свои обязанности.

Кули и Мид утверждали, что ребенок научается понимать самого себя как объект посредством принятия ролей других людей. Человек воображает, каким он представляется наблюдателю, приписывает ему определенное суждение и реагирует с гордостью или с обидой на это приписанное другому суждение. Ребенок ощущает себя реципиентом действия прежде, чем действующим лицом. Он осознает других людей как объекты, прежде чем осознает себя в качестве объекта, и он пользуется именами других, прежде чем научится своему собственному. Эти наблюдения были подтверждены Бэйном[5]. Замечая, как другие люди относятся к нему, особенно те скидки, которые делаются для него и не делаются для других, ребенок начинает осознавать себя как особый объект и определять свое место внутри межличностной и культурной матриц.

---

3 Koffka, op. cit., pp. 319—324.

4 См. Jean Piaget, The Child's Conception of the World, New York, 1929, pp. 123—168; Gordon W. Allport, Personality: A Psychological Interpretation, New York, 1937, pp. 159—165.

5 Cooley, Human Nature and the Social Order, op. cit., pp.183—185; Read Bain, The Self-and-Other Words of a Child, «American Journal of Sociology», XLI (1936), 767—775; ср. George H. Mead, Cooley's Contribution to American Social Thought, ibid., XXXV (1930), 693—706.

Принятие ролей состоит в том, что конструируются персонификации и им приписываются мотивы. Человек должен воспринять других людей как объекты, способные к независимым действиям, представить себе ряд реакций, возможных в данной ситуации, и оценить вероятность одной из тех альтернатив, которая избирается в отношениях с персонификацией, определяемой как он сам. Все это, вместе взятое, представляет собой трудное искусство, и не все дети овладевают им одинаково.

Болдуин отмечал, что сначала ребенок научается отличать людей от вещей, и лишь после этого он начинает улавливать разницу между индивидами. Одно из отличий человеческих существ от физических объектов заключается в том, что поведение первых кажется более беспорядочным и поэтому представляет большие трудности для предвидения. Один и тот же человек может не только вести себя совершенно по-разному в различных обстоятельствах, но может даже противоречить самому себе. Подходить к человеческим существам со столь же однообразными экспектациями, с которыми человек подходит к дверной ручке, было бы гибельно .

Очень рано ребенок постигает, как важно реагировать на намерения. Дети могут воспринимать физиономические жесты и отвечать на них задолго до того, как они начнут понимать конвенциальные символы. Когда мать очень сердита, ребенок, кажется, чувствует, что лучше на этот раз отойти куда-нибудь подальше, даже если она ничего не говорит об этом. Эмоциональные реакции целенаправленны. Человек, которого вывели из душевного равновесия, может вдруг наброситься на окружающих; те, кто не примет в расчет его состояния, могут попасть в беду. Салливен утверждает, что истоки многих личностных расстройств могут быть прослежены до раннего детства, когда беспокойство матери передавалось ребенку посредством таких экспрессивных движений[7].

В первичной группе каждый ребенок может наблюдать других людей в широком диапазоне обстоятельств. Представление

---

[6] См. James M. Baldwin, Mental Development in the Child and the Race, New York, 1906, pp. 318—322.

[7] См. Arnheim, op. cit.; Sullivan, The Interpersonal Theory of Psychiatry, op. cit., pp. 41—45.

о том, что такое человеческие существа, он вырабатывает, наблюдая их реакции на различные события. Он постигает значение унижения, отмечая те ситуации, в которых людей обижают, их попытки скрыть свои чувства и отомстить тем, кого они считают за это ответственными. Он узнает цену страстного желания, наблюдая, как они действуют, когда чего-то домогаются — будь то игрушка, автомобиль новой марки или первенство в чемпионате. Поскольку у него развивается все большее понимание тех свойств, которые отличают людей от других классов объектов, многие из этих черт он начинает приписывать самому себе.

Незадолго до этого дети постигают, что существует расхождение между явным поведением и внутренними склонностями. Развивается способность проникать в субъективные переживания других людей, наблюдая свои собственные реакции в подобных ситуациях. Например, в какое-то время каждый оказывается во власти кого-то другого. Если другая сторона не старается извлечь из этого выгоду и пытается облегчить его положение, он успокаивается и чувствует благодарность. Пережив это, нетрудно приписать такие же переживания другому. Так постигается значение милосердия.

Принятие ролей в основном интуитивно, пока ребенок не научится пользоваться языком и не овладеет словарем мотивов. В каждой культуре повторяющиеся шаблоны поведения объясняются с точки зрения намерений (как одобряемых, так и осуждаемых), которые рассматриваются как возможные основания поступков. Импульсы и сопровождающие их образы часто смутны и аморфны, точно описать их трудно. Когда такие состояния классифицируются и обозначаются как гнев, эротическое влечение, голод или повышенное кровяное давление, это облегчает человеку понимание самого себя и позволяет правдоподобно приписать подобные переживания другому.

Поскольку принятие ролей предполагает проецирование собственных переживаний на других людей, возможности каждого индивида ограничены его прошлым опытом. От человека, который никогда не был избит до потери сознания, трудно ожидать понимания того страха, какой преследует многих мальчиков, выросших в трущобах. Точно так же ребенок, воспитанный в семье, раздираемой жестокими конфликтами, полагает, что большинство проявлений сыновней привязанности лицемерно.

Способность к принятию ролей развивается в кумулятивных процессах, в которых человеческие качества становятся атрибутами персонификаций других и самого себя. Ребенок сначала научается отличать себя от остального мира; затем он приходит к отличению человеческих существ от других объектов. Он начинает понимать характерные человеческие качества, частично наблюдая других в различных ситуациях и частично проверяя свои собственные переживания в подобных обстоятельствах. Поскольку он овладевает языком своей группы, он научается классифицировать свои переживания и приписывать мотивы, чтобы объяснить то, что делают люди. Этот процесс движения от своих собственных переживаний к характеристикам других и обратно Болдуин обозначил как «диалектику развития личности». Он утверждал, что «ego и alter рождаются вместе»[8]. Нет нужды говорить, что этот процесс происходит на протяжении всей жизни человека. Такова и мудрость, приписываемая старикам. Это интуитивное познание человеческой природы, которое аккумулируется путем изучения своих собственных реакций и наблюдения за судьбами других людей.

Приспособление к значимым другим

Каждый растет в какой-то первичной группе, и его представление о самом себе приобретает первоначальную структуру в поступках, которые он должен совершать, чтобы приобрести и поддерживать удовлетворительный личный статус. Поскольку каждая первичная группа обладает особой культурой, стандарты, с точки зрения которых судят о человеке, значительно различаются между собой. То, что может заслужить похвалу в одной первичной группе, вызовет лишь насмешки или даже строгое наказание в другой. Каждый должен удовлетворять требованиям, предъявляющимся в кругах, к которым он принадлежит. Развитие ребенка нельзя понять в отрыве от этого контекста.

---

[8] Baldwin, loc. cit.; ср. Wayne Dennis, A Note on the Circular Response Hypothesis, «Psychological Review», LXI (1954), 334—338.

Каждый ребенок эгоцентричен, но не автономен. Его выживание и осуществление важнейших приспособлений очень зависит от кого-то другого, и готовность уступить требованиям окружающих возникает прежде всего из этой зависимости. Его жизнь направляется извне. Психиатры утверждают, что взаимоотношения, в которых оказывается ребенок в младенчестве, имеют решающее значение для развития его личности. В это время формируются ориентации, которые нелегко изменить впоследствии. То, как поступает мать по отношению к своему ребенку, зависит от ее чувства к нему; если по какой-то причине она испытывает обиду или ее чувства амбивалентны, это будет отражаться на обращении с ним, даже если такие склонности будут вытеснены из ее сознания. Многие значения, включая невротические тенденции, фиксируются в ранний период жизни, когда родители или замещающие их лица ненамеренно проявляют подавленные импульсы.

Для большинства детей сознательное сдерживание импульсов начинается с попыток доставить удовольствие тем, кем они восхищаются. Обычно ребенок принимает кого-то из своих старших — отца, старшего брата или дядю — за объект героепочитания. Но героепочитание не ограничивается семьей. В группе равных многие почитают лидера шайки, признавая за героем превосходство суждений и навыков, и позволяют принимать за них решения в критических ситуациях. Идентифицируя себя с ним, они испытывают удовлетворение. Некоторые люди, часто обозначаемые как «пассивно-зависимые», по-видимому, никогда не переходят от этой фазы развития к следующей.

Фрейд утверждал, что ребенок замещающе идентифицирует себя с теми, кем он восхищается, и бессознательно копирует их шаблоны поведения. Персонификация его героя представляет собой то, чем бы ему хотелось быть самому; она становится моделью, неким идеалом. Ребенок подражает манерам, диалекту, привычкам своего отца или лидера шайки. Став взрослым, человек очень удивится, если старый друг семьи подметит, что, рассердившись, он обращается с женой точно так же, как отец обращался с матерью в подобных ситуациях. У членов той же самой семьи часто формируются сходные позы и жесты. Жена может бранить своих детей так же, как ее муж

выговаривает ей, крича и гримасничая или сохраняя полное спокойствие. Таким образом, шаблоны произвольного поведения начинают складываться в процессе приспособления к определенным людям[9].

Бессознательное подражание значимым другим обеспечивает основу для усвоения конвенциальных ролей. Подражая своей учительнице, ребенок начинает постигать некоторые особенности ее обязанностей. Изучение детей от трех до семи лет показало, что они очень рано начинают различать роли родителей: отец рассматривается как добытчик, а мать — как домохозяйка[10]. Приспосабливаясь к авторитетным фигурам, которые его окружают, ребенок научается действовать с точки зрения одной, а затем другой стороны. Путем наблюдения и подражания каждому из этих людей он приходит к пониманию их интересов и экспектаций. Это начало замещающего участия в жизни других[11].

Практику принятия ролей дают также спонтанные игры. Дети поочередно исполняют роли всех действующих лиц; замещающе идентифицируют себя не только со знакомыми людьми, но также с неодушевленными объектами и животными. Игра очень важна для социализации, ибо именно в таком взаимодействии шаблоны поведения начинают кристаллизоваться в хорошо организованные значения и роли.

Первоначально у ребенка формируется несколько специфических *Я*-образов. Для бакалейщика он один человек для своего отца — другой, для почтальона — третий и еще

---

[9] Sigmund Freud, The Passing of the Oedipus Complex, Collected Papers, op. cit., Vol. II, pp. 269—276; David Beres, The Person and the Group: Object Relationships, в: Psychoanalysis and Social Work; Marcel Heiman, ed., New York, 1953, pp. 53—75; Talcott Parsons, Social Structure and the Development of Personality, «Psychiatry», XXI (1958), 321—340.

[10] Helen M. Finch, Young Children's Concept of Parent Roles, «Journal of Home Economics», XLVII (1955), 99—103; Sina M. Mott, Concept of Mother, «Child Development», XXV (1954), 99—106.

[11] См. Faris, op. cit., pp. 73—83; Louisa P. Howe, Some Sociological Aspects of Identification, «Psychoanalysis and the Social Sciences», IV (1955), 61—79.

какой-то иной для каждого из соседей. Всякий раз, как он рассматривает самого себя с точки зрения каждого из тех, с кем взаимодействует, он создает новый перцептуальный объект, и поначалу, видимо, не происходит интеграции этих различных переживаний[12].

Отдельные образы интегрируются тем скорее, чем последовательнее и согласованнее обращаются с ребенком окружающие. Если родители снова и снова говорят, что он испорченный, если соседи не позволяют своим детям играть с ним, если местные лавочники настораживаются всякий раз, когда он появляется на горизонте, и учитель постоянно напоминает ему, что он безнадежен, вскоре он сам станет рассматривать себя как «плохого» ребенка. Он явно не сойдет с этого пути, чтобы стать «хорошим», поскольку никто не предъявляет ему таких экспектаций. Когда некий объект, с которым обращаются столь последовательно, одновременно называется одним и тем же символом, задача интегрирования различных переживаний упрощается. По мере того как ребенок привыкает определять себя посредством того или иного имени, то есть наиболее часто употребляемого символа самого себя, у него вырабатывается более ясная концепция данной единицы, ее свойств и обязанностей.

Самоконтроль предполагает, что человек реагирует на ожидаемые реакции других участников взаимодействия; это вынуждает его сдерживать импульсы, которые, вероятно, нарушили бы кооперацию. В раннем детстве внутреннее противодействие конфликтующим импульсам, посредством которого осуществляется самоконтроль, проявляется в открытой лингвистической деятельности. Ребенок может захотеть поиграть с золотой рыбкой и полезет в аквариум, но затем сам же упрекнет себя с точки зрения матери: «Нет! Нет! Нехороший мальчик! Не делай этого!» Сказав это, он отдергивает руку. Затем он говорит себе: «Но мне очень хочется приласкать ее», — и снова приближается к аквариуму. Осуждение часто выражается в тех же самых формах, которые используют определенные лица. Это говорит о том, что социальная

---

[12] Mead, Mind, Self, and Society, op. cit., pp. 149—154; cp. Lawrence K. Frank, Play in Personality Development, «American Journal of Orthopsychiatry», XXV (1955), 576—590.

ответственность является первоначально обязательством по отношению к отдельным людям и лишь затем обобщается в моральных принципах.

Наблюдая людей, с которыми он находится в постоянной связи, ребенок узнает, как надо себя вести; не задумываясь, он принимает многие из их верований как свои собственные. В исследовании пятидесяти студентов и их родителей Хелпер каждому студенту предложил описать: а) самого себя, б) человека, каким бы он хотел быть, в) то, что ему не нравится в себе, и г) свою мать. Каждого из родителей просили также охарактеризовать в соответствующих выражениях: а) самого себя, б) своего супруга, в) своего ребенка, г) каким бы он хотел его видеть и д) представление об идеальном ребенке. Предполагалось, что *Я*-концепция каждого студента будет иметь сходство с моделью идеального ребенка, описанного его родителями, поскольку его шаблоны поведения должны были развиваться по линиям, наиболее поощряемым ими. Факты не подтвердили проверяемой гипотезы, но они показали, что более удовлетворительные результаты могут быть достигнуты при некоторых изменениях в программе исследования[13]. Особенности личностей значимых других, проявляющиеся при исполнении ими конвенциальных и межличностных ролей, имеют прямое отношение к тому, как индивид научается себя контролировать. Если значимые другие настоятельно требуют соблюдения норм, не смягчаясь даже тогда, когда есть извиняющие обстоятельства, ребенок может установить впоследствии ту же самую строгость стандартов для самого себя. С другой стороны, ребенок, воспитанный в атмосфере попустительства, может предположить, что все существует лишь для его личной выгоды, и чувствовать себя неплохо даже тогда, когда он оскорбляет других или причиняет им беспокойство.

Особый интерес представляют собой воображаемые компаньоны, которых конструируют многие дети, — выдуманные родственники, воображаемые друзья, феи и эльфы,

---

[13] Malcolm M. Helper, Learning Theory and the Self Concept, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LI (1955), 184—194; Parental Evaluations of Children and Children's Self-Evaluations, ibid., LVI (1958), 190—194.

антропоморфизированные животные, куклы и другие объекты. Психиатры полагают, что это симптомы душевного расстройства; такие персонификации создаются, чтобы компенсировать отсутствие теплоты и сердечности в реальной жизни. В одном исследовании 210 детей дошкольного возраста было обнаружено, что 45 имели воображаемых компаньонов: из этого числа 21 были единственным ребенком в семье и еще 21 имели только одного родственника каждый. Наблюдатели отмечали, что, хотя у 45 детей было много благоприятных возможностей для того, чтобы играть с другими детьми, они не делали этого[14]. Поскольку воображаемый компаньон — это создание самого ребенка, он в принципе может наделить его любыми свойствами и заставить персонификацию обращаться с ним так, как сам того пожелает. Как же на самом деле организуются требования, предъявляемые ребенку с этой стороны? Следует отметить, что игра, включающая таких компаньонов, иногда отражает установки родителей, и известен случай с девочкой, которая имела двух воображаемых товарищей — один был наделен всеми добродетелями, как она их понимала, а другой — всеми недостатками, которые она находила в самой себе[15]. Но тайна еще не разгадана. Воображаемые компаньоны являются, очевидно, агентами социализации, создаваемыми теми, кто подлежит социализации.

Растущий ребенок знакомится со своими обязанностями, изучая конвенциальные роли, — сначала подражая окружающим и постепенно приобретая более ясное понимание экспектаций других. Именно благодаря замещающей идентификации с другими людьми ребенок превращается в эффективного участника своей группы. Как только он достигает некоторой независимости, он добровольно вносит свой вклад в коллективное взаимодействие. Но *то, как человек, контролирует*

---

[14] Louise Ames and Janet Learned, Imaginary Companions and Related Phenomena, «Journal of Genetic Psychology», LXIX (1946), 147—167.

[15] Lauretta Bender and Frank B. Vogel, Imaginary Companions of Children, «American Journal of Orthopsychiatry», XI (1941), 56—65.

самого себя, в каждом случае индивидуально, ибо самоконтроль *развивается в ответ на специфические требования, предъявляемые индивиду определенными людьми, с кем он состоит в продолжительном контакте*.

Участие в согласованном действии

Человек, ограниченный требованиями своего непосредственного окружения, не может быть независимым. *Он достигает свободы выбора в той мере, в которой вырабатывает более широкую картину мира, чем у любой частной первичной группы*[16]. Рано или поздно каждый ребенок отваживается выйти за пределы интимных кругов. Скоро он узнает, что поведение тех, кто играет твердо установленные роли, в значительной степени предопределено. Он узнает права и обязанности, которые составляют различные роли, иногда путем действительного участия, а в других случаях путем наблюдения. Таким образом, растет его репертуар, и большинство взрослых имеют какое-то представление о различных конвенциальных ролях, включая такие, которых они сами никогда не исполняли. Каждый человек расширяет свою систему взглядов, когда он вовлекается в новые формы деятельности, особенно в организованных группах с различными культурами.

В каждом обществе дети любого возрастного уровня имеют свой собственный язык и культуру, весьма устойчивую для каждого уровня и развивающуюся независимо от мира взрослых[17]. За исключением детей, чрезмерно опекаемых, каждый ребенок должен бороться за статус в ряде таких социальных миров. Успешное участие в любой игре — будь то бейсбол, футбол, игра в пятнашки или в прятки — основывается на способности принять роли нескольких или всех участников. Игры важны в социализации, поскольку роли участников специфичны; ясно установлено, что́ каждый играющий может или не может делать, определены цели взаимодействия и ограничена

[16] Mead, Mind, Self, and Society, op. cit., pp. 152—164.

[17] См. Iona and Peter Opie, The Lore and Language of Schoolchildren, London, 1959.

область личного выбора. Следует отметить, что многие дети научаются дисциплине и ответственности в группах равных, даже в шайках малолетних преступников, значительно больше, чем дома. Чрезмерно опекаемые дети, которых удерживают от игр, — например, единственный ребенок в семье или ребенок, считающийся очень слабым, — часто в последующей жизни испытывают трудности в межличностных отношениях. Группа равных приучает ребенка к взаимным уступкам и сурово исправляет ошибки. Возможно, что отсутствие такого опыта притупляет способность понимать интересы других людей.

Особенно примечательно, что роли, которые требуется играть в организованных группах, стандартизированы и *безличны*, — это конвенциальные роли. В повторяющихся ситуациях от человека ожидается исполнение определенных действий. Путем такого участия каждый ребенок узнает, как сочетаются различные роли для достижения коллективной цели — получить очко, установленный выигрыш или что-то подобное. После игры в футбол человек понимает важность защитников, он узнает, что даже самые искусные нападающие не многого могут достигнуть без их помощи. Таким путем каждый новичок осознает взаимные права и обязанности, образующие взаимосвязанные роли.

Хорошо установившаяся деятельность происходит в соответствии с правилами. Существуют конвенциальные нормы, которые применимы к каждому. Это признак любой организованной группы; ее процедуры обладают высокой степенью формализации и не являются объектом произвола присутствующих. Стандарты суждений, на основе которых участники оценивают самих себя и друг друга, также безличны. Достоинства определяются социально, и те, кто больше всего приближается к принятым идеалам, завоевывают уважение.

В организованных группах неумение соблюдать нормы вызывает негативные социальные санкции. Тех, кто отказывается подчиняться, наказывают или изгоняют. Всякого рода поблажки, которыми человек пользуется в первичных группах, здесь не практикуются. Человек должен добиться своего места в большом мире, и то, как к нему будут относиться, в огромной степени зависит от его готовности внести свою долю. Пиаже отмечал, что понимание групповых

норм развивается постепенно. Поначалу ребенок просто подражает старшим и фактически не понимает правил, которым он, может быть, следует. Затем он рассматривает правила с эгоцентрической точки зрения, используя их в своих личных интересах. Но потом он неохотно начинает делать уступки, поскольку понимает, что в состоянии анархии только сильнейший может добиться чего хочет, а когда все следуют правилам, каждый что-то получит наверняка. Когда ребенок постигает это, он уделяет значительное внимание правилам, главным образом для самозащиты. Взаимное понимание возникает в процессе участия в совместных действиях. Поскольку создается кодекс, дети, по-видимому, получают удовольствие от юридических обсуждений правил, как таковых[18].

Рассматривая самого себя как участника согласованного действия, ребенок начинает принимать более широкую картину мира. Он оценивает свое исполнение не только с точки зрения присутствующих индивидов, но учитывает также представления, принятые в социальном мире людей, вовлеченных в такую деятельность. Говоря словами Мида, он создает *Я*-образ, принимая роль «генерализованного другого» скорее, чем роли конкретных индивидов. В каждой эталонной группе существуют обычно принятые стандарты поведения, в соответствии с которым каждый может оценивать себя самогон; о тех, кто исполняет конвенциальные роли, судят в сравнении с прежними исполнителями этих ролей. Спортсмен не может стать звездой просто потому, что он нравится нескольким друзьям. Исследовав, как дети научаются пользоваться деньгами, Строс показал, что ребенок добивается успеха, когда он оказывается в состоянии принимать некую абстрактную картину мира, различать роли покупателя и продавца и ограничивать проявления своих индивидуальных интересов[19].

Индивид становится способным к моральному поведению по мере того, как он научается осуществлять над собою контроль, который прежде находился в руках других. Маленький ребенок

---

[18] Jean Piaget, The Moral Judgment of the Child, Glencoe, 1948, pp. 1—69; ср. Susan Isaacs, Social Development in Young Children, London, 1933.

[19] Anselm L. Strauss, The Development of Conceptions of Rules in Children, «Child Development», XXV (1954), 193—208.

является объектом наблюдения и прямого вмешательства, поскольку он стремится поступать так, как ему хочется. Затем следует период, когда самоконтроль основан на страхе перед наказанием или на ожидании награды; по существу, это продолжение внешнего контроля. Но поскольку человек усвоил групповую картину мира, он становится обществом в миниатюре и автоматически воспринимает себя с этой точки зрения. Стоит ему нарушить норму — и он «казнит самого себя». Большинство взрослых сознательно делают то, что они сами считают правильным и приличным, и, поскольку взгляды каждого человека совпадают со взглядами окружающих, они могут совместно поддерживать моральное установление.

Когда ребенок выходит за пределы своей первичной группы, он узнает, что человеческие существа классифицируются по-разному и что многие правила дифференцированно применяются к людям различных категорий. Каждый ребенок должен определить свое место с точки зрения социального статуса. Его явное поведение становится более последовательным, поскольку он себя контролирует, дабы сохранить свою концепцию самого себя.

Во всех обществах линии социальной дифференциации в некотором смысле совпадают с различием между полами. Люди склонны рассматривать роли мужчин и женщин как свойственные их природе. До известной степени это справедливо: мужчины не могут рожать детей. При сравнительном изучении детей, выросших в обычаях 110 культур, обнаружилось, что в культурах, не похожих друг на друга во всех других отношениях, часто воспитывали те же самые черты для каждого пола. У мальчиков основное внимание уделялось развитию самостоятельности и стремления к успеху, у девочек — чувства долга, заботливости и покорности. Но существуют общества, в которых шаблоны воспитания иные, и в них мужчины и женщины ведут себя совершенно иначе[20].

---

[20] Herbert Barry, Margaret K. Bacon, and Irvin L. Child, A Cross-Cultural Survey of Some Sex Differences in Socialization, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LV (1957), 327—332; ср. Mirra Komarovsky, Functional Analysis of Sex Roles, «American Sociological Review», XV (1950), 508—516; Margaret Mead, Male and Female, New York, 1949.

Воспитание оказывается более важным, чем органические различия. У гермафродитов и псевдогермафродитов развиваются именно те черты и интересы, которые считаются типическими для пола, в котором они были воспитаны, независимо от их действительной биологической классификации[21]. Это подтверждает гипотезу, что *Я*-концепция суть продукт согласованного отношения со стороны других людей.

Особенно поучительно то, как дети, рожденные в различных странах, научаются «знать свое место» в жизни. Некоторые получают ясные инструкции: тем, кто относится к привилегированным классам, неоднократно напоминают: «Помни, сын, кто ты такой». Те, кто родился в группах париев, рано или поздно узнают, что им не будет предоставлено тех же прав, что и другим людям. Негритянские дети на юге впервые обнаруживают свою этническую принадлежность, когда испытывают на себе особое отношение со стороны сверстников или взрослых. Некоторых предостерегают родители, чтобы они не обижали белых детей, и дают им пример покорного поведения. Осознанные различия часто подкрепляются рассказами о предках-рабах и их угнетении[22]. Понимание расовых различий, определяемых цветом кожи, развивается год от года и у большинства негритянских детей устанавливается к семи годам. Сначала многие из них отдают предпочтение светлой коже, но с возрастом это проходит[23]. Когда опросили 242 ученика в шести школах Филадельфии, выяснилось, что неграм отводили подчиненную роль 16% негритянских детей и 38% детей белых. Большинство в обеих этнических группах избрало для негров худшие жилищные условия независимо от того,

---

[21] A. Ellis, op. cit.; ср. Hurxthal and Musulin, op. cit., Vol. II, pp. 1089—1091.

[22] Edvard K. Weaver, How Do Children Discover They Are Negroes, «Understanding the Child», XXIV (1955), 108—112; ср. Eugene A. Weinstein, Development of the Concept of Flag and the Sense of National Identity, «Child Development», XXVIII (1957), 167—174.

[23] Kenneth B. and Mamie P. Clark, The Development of Consciousness of Self and the Emergence of Racial Identification in Negro Pre-School Children, «Journal of Social Psychology», X (1939), 591—599; Emotional Factors in Racial Iden tification and Preference in Negro children, «Journal of Negro Education», XIX (1950), 341—350.

где они сами жили. Когда были показаны две куклы, различающиеся по цвету, и детей спросили, какую они предпочитают, 57% негров избрали черную и 89% белых избрали светлую[24]. Определяя свое место в сообществе себе подобных и оценивая различные категории людей, дети опираются на шаблоны, установленные обычаем.

Те, кто в каком-то отношении выделяется, начинают понимать, что они существа особого рода, в результате особого с ними обращения. Байс наблюдал, как дети с церебральным параличом сначала не осознавали никаких отличий и требовали тех же, что и все другие, привилегий и подарков, таких, как коньки или велосипед, которых они не могли использовать. Даже после того, как некоторые различия осознавались, ребенок мог заявить без особого беспокойства: «Эта рука нехорошая, пойду получу новую». Насмешки других детей или же принуждение родителей оставаться дома, когда другие идут в школу, заставляет в конце концов осознать существующие различия[25]. Те, кого помещают в больницу для душевнобольных, обычно заявляют, что им там нечего делать, но большинство из них вскоре начинают понимать, что они «больные». Все, включая других больных, обращаются с ними, как с неполноценными[26].

В ходе своей жизни каждый человек проходит сквозь различные комбинации социальных миров. Поскольку большинство эталонных групп уже организовано, обычно люди следуют вдоль ясно определенных линий карьеры. Всякий раз, когда человек хочет стать доктором, дипломатом, балериной или профессиональным убийцей, путь продвижения в основном

---

[24] Marion J. Radke and Helen G. Trager, Children's Perceptions of the Social Roles of Negroes and Whites, «Journal of Psychology», XXIX (1950), 3—33.

[25] Harry V. Bice, Some Factors that Contribute to the Concept of Self in the Child with Cerebral Palsy, «Mental Hygiene», XXXVIII (1954), 120—131; ср. E. Jane Watson and Adelaide M. Johnson, The Emotional Significance of Acquired Physical Disfigurement in Children, «American Journal of Orthopsychiatry», XXVIII (1958), 85—97.

[26] См. Erving Goffman, The Moral Career of the Mental Patient, «Psychiatry», XXII (1959), 123—142.

предопределен. В большинстве организаций существуют процедуры для подбора и воспитания новых членов, ученичества, а также требования, которые должны быть выполнены, прежде чем человек будет полностью принят. Каждый должен завоевать себе место внутри неформальной социальной структуры[27]. Когда линия карьеры таким образом институционализируется, кандидат может организовать свои устремления и ожидать, что его потребности будут удовлетворены.

В нашем обществе социальный статус определяется в основном родом занятий главы семьи, и чувство личной определенности человека формируется его положением в экономической системе. Исследуя ценности и шаблоны поведения у лиц свободных профессий, Беккер и Карпер сравнили аспирантов — физиологов, инженеров и философов. Выяснилось, что физиологи рассматривают себя прежде всего как «ученые», гордятся своим профессиональным искусством и страстно желают сделать какие-то открытия, которые явились бы благом для человечества. Такие представления развиваются в неформальных контактах со своими сотрудниками и профессорами в те годы, когда они вместе работают в лабораториях. Инженеры заинтересованы преимущественно в «благоприятных условиях для продвижения». Они видят свое будущее в индустриальной системе и уже в школе стремятся приобрести необходимые навыки или установить контакты, которые могут помочь им в будущем. Они гордятся не только своей технической компетенцией, но и своей способностью рационально решать вопросы. Философы рассматривают себя как «интеллектуалы» и гордятся широким неспециализированным образованием, включающим искусство, науки и литературу. Поскольку первичные отношения у них установлены в основном с представителями иных профессий, их статус в меньшей степени зависит от совершенствования в собственной специальности; они смотрят на учебу как на способ обеспечить продолжение их интеллектуальных занятий. Именно в неформальных контактах те, кто проходит подготовку в этих областях,

[27] Hall, op. cit., cp. Howard S. Becker and Anselm Strauss, Careers, Personality, and Adult Socialization, «American Journal of Sociology», LXII (1956), 253—263; Strauss, Mirrors and Masks: The Search for Identity, Glencoe, 1959, pp. 89—176.

приобретают словарь мотивов, который позволяет им объяснить то, что они делают[28].

Независимо от социального статуса, которого он добился, каждый стареет, и с годами каждому приходится принять несколько новых ролей. Возрастает вероятность болезней и смерти. Пожилые люди увольняются с работы и отходят от различных общественных организаций. Человек вынужден отказаться от многих занятий, которыми прежде наслаждался, и не может ставить перед собой значительные цели, поскольку они требуют многих лет подготовки. Изменения в *Я*-концепции, происходящие в это время, основываются преимущественно на изменении реакций других людей[29]. Со стариками бережно обращаются даже посторонние, считаясь с их предполагаемой слабостью и мудростью. Поскольку они лишаются своих обязанностей, они принимают тот факт, что их вклад в жизнь общества близится к завершению.

В ответ на устойчивое поведение окружающих каждый человек относит себя к какой-то категории, руководствуясь при этом такими критериями, как пол, этническая принадлежность, род занятий и возраст. Зная, что обычно ожидается от различных категорий людей, он накладывает ограничения на свое собственное поведение. Каждый пытается жить в соответствии с обязательствами, которые он принимает благодаря тому, что определенным образом себя идентифицирует.

Каждый человек участвует во многих типах взаимодействия. По мере того как расширяется круг его интересов, его *Я*-концепция становится более генерализованной. В той мере, в какой сходные нормы и ценности разделяются группами, в которых он участвует, он может предъявлять к самому себе достаточно последовательные требования. Но

---

[28] Howard S. Becker and James Carper, Development of Identification wiht Occupations, «American Journal of Sociology», LXI (1956), 289—298; The Elements of Identification with an Occupation, «American Sociological Review», XXI (1956), 341—348.

[29] Blau, op. cit.; cp. Bernard S. Phillips, A Role Theory Approach to Adjustment in Old Age, «American Sociological Review», XXII (1957), 212—217.

нормы различных групп могут сталкиваться, вызывая серьезные внутренние конфликты. Это показывает, что степень интеграции *Я*-концепции у человека зависит от согласованности требований, которые предъявляются ему другими людьми.

Изменения личной определенности

Поскольку *Я*-концепция установилась, человек действует последовательно в различных ситуациях. Коренные изменения в шаблонах поведения чрезвычайно редки, но бывают случаи, когда кто-то начинает действовать настолько необычно, что друзья и родственники с трудом его узнают. Такие изменения сопровождаются психологической переориентацией, при которой субъект видит свой мир и самого себя в новом свете. Он сохраняет многие свои идиосинкратические черты, но устанавливает новую систему ценностей и иные критерии суждений. Изучение таких трансформаций, называемых «конверсиями», особенно благодарно, ибо они проливают свет на то, как связаны между собою шаблоны поведения, *Я*-концепции, эталонные группы и значимые другие.

Некоторые люди изменяются после драматических переживаний. Неожиданная потеря состояния, особенно для человека, который всегда был богат, может привести к унынию, упадку сил и, таким образом, к новой жизни. Однако кто не слышал хотя бы однажды о человеке, который «нашел себя» впервые после того, как потерял все деньги? Выйдя замуж, беспечная девушка может стать «другой женщиной», сознательно приняв обязанности, к которым окружающие считали ее не способной. Иногда даже более поразительные изменения происходят с одним или с обоими родителями после рождения ребенка. Во всех таких случаях изменения в межличностных отношениях и *Я*-концепциях несомненны.

Изменения могут происходить также тогда, когда человек оказывается в иной социальной обстановке, предоставляющей ему благоприятные возможности для высвобождения прежде сдерживаемых импульсов. Хотя вошедшее в пословицы превращение милой и чуткой невесты в грубую деспотичную жену случается не так часто, как изображают карикатуристы,

иногда все же такие радикальные изменения имеют место. В бюрократической организации человек, которого считали заслуживающим доверия, честным и не слишком честолюбивым, будучи назначен начальником, может стать деспотичным и мстительным тираном. В таких случаях совершенно невероятно, чтобы новые тенденции возникли неожиданно; более правдоподобно, что они были скрытыми склонностями. Поскольку установившееся прежде равновесие нарушено принятием новой роли, долго скрывавшиеся интересы выдвинулись на передний план. Широко распространенное мнение, что власть и успех изменяют людей, видимо, основано на такого рода наблюдениях.

Конверсии происходят в различных ситуациях. Этот термин наиболее широко используется для обозначения религиозных обращений, когда прежде индифферентные люди принимают веру и с фанатическим рвением вступают на новый жизненный путь. Когда случаются политические конверсии, «рассерженные люди» становятся преданными работниками подпольного движения, сопротивления или же всякого рода революционных организаций. Весьма эффектные конверсии наблюдаются у Анонимных алкоголиков — добровольной группы, в которой мужчины и женщины, признанные психиатрами, священниками и своими семьями безнадежно спившимися, приобретают новую систему взглядов, позволяющую им прекратить пьянство и начать новую жизнь.

Каких людей привлекают тайные культы? В классическом исследовании религиозных движений Нибур назвал их «лишенными наследства», и многие другие утверждали, что недовольные, плохо приспособленные и разочарованные — вот люди, которые наиболее восприимчивы к новым идеям. Анализ автобиографий показывает, что ощущение фрустрации возникает от ряда нарушений в межличностных отношениях; начальной фазой конверсии является постепенное отчуждение от значимых других. Обращенные иногда отказываются от своей семьи и оставляют бывших друзей. Многие утверждали, что они чувствуют себя непонятыми; они не обладали личным статусом, которого, по их мнению, они заслуживают. Исследование миссионерской деятельности мормонов в Римроке показало, что индейцы, которых удалось обратить, не были приспособлены к жизни племени

наваха. Среди обращенных многие женщины ощущали неудовлетворенность своими подчиненными ролями, молодые люди желали идентифицироваться с большим американским обществом[30]. Именно люди, которые чувствуют себя нереализовавшимися, становятся повышенно чувствительны к новым возможностям. Для них отрицание прошлого относительно легко.

Период, предшествующий конверсии, — это почти неизбежно период мучений и самоиспытаний; человек остро переживает чувство вины. Уровень собственного достоинства падает настолько, что всерьез рассматривается мысль о самоубийстве. Те, кто стал алкоголиком, иногда настолько отвратительны сами себе, что они не могут оставаться трезвыми. Существует заметное сходство в личностях тех, кто подвержен алкоголизму: они часто нарцистичны, поглощены чувством всемогущества и стремятся сохранить собственную независимость любой ценой. Таким людям никто не может помочь, пока они не откажутся от их вызывающей индивидуальности; тогда они становятся совершенно смиренными и обращаются к богу, к психиатру или к кому угодно, кто может помочь в руководстве и контроле извне[31]. Период острого кризиса, когда самоотрицание достигает вершины, обычно наступает в связи с каким-то необычным событием. Вследствие избирательности восприятия весь мир выглядит унылым, все кажется безнадежным. В таких обстоятельствах человек становится восприимчивым к возможности формирования нового *Я*-образа.

«Потерянная душа» вводится в новый канал коммуникации часто случайно и вдруг осознает, что по-иному смотрит на жизнь и на самое себя. Откровение может прийти

---

[30] Robert N. Rapoport, Changing Navaho Religions Values, «Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology», XLI (1954), № 2; ср. H. Richard Niebuhr, The Social Sources of Denominationalism, New York, 1929, pp. 26—76.

[31] Harry M. Tiebout, Therapeutic Mechanisms of Alcoholics Anonymous, «American Journal of Psychiatry», C (1944), 468—473. Ср. Stanley Rosenman, The Skid Row Alcoholic and the Negative Ego Image, «Quarterly Journal of Studies on Alcohol», XVI (1955), 447—473.

неожиданно, в результате случайного чтения Библии, галлюцинации, шока от удара или встречи с человеком, который произвел впечатление существа необыкновенного. С другой стороны, многие конверсии требуют значительного времени. Среди тех, кого Анонимные алкоголики вернули к жизни в обществе за 10 лет работы, большинство излечивалось лишь после 6 — 7 лет участия в организации. Когда человек включается в новый канал коммуникации, он внезапно или постепенно вступает в новый социальный мир. Переживания классифицируются иначе; многие объекты приобретают новый смысл. Обращенный становится особенно чувствительным к оценкам новой аудитории, которая использует свои собственные стандарты. Каждая сектантская группа обладает особой картиной мира. Человек, который плохо приспособлен к окружающим условиям, приспосабливается не путем изменения какой-то части мира, но изменяя свои взгляды на мир[32].

Принятие новой картины мира делает возможным пересмотр и переоценку самого себя. Описан случай с человеком, испытавшим такое перерождение. Прежде он ничего не знал о других людях, кроме того, что затрагивало его лично, и для него оказалось совершенно неожиданным, что они также могут вести отдельное существование, отличное от его собственного и все же подобное ему. Как только у него появилось такое понимание, он начал испытывать больший интерес к людям; у него стало исчезать чувство необходимости бороться и господствовать над ними. Принятие в новую группу помогло также возродить чувство собственного достоинства. Он убедился, что кто-то заботится о нем, а это означало, что он заслуживает заботы. Когда человек начинает делать что-то такое, что представляется стоящим, это также открывает путь для повышения чувства собственного достоинства. Отсюда то фанатическое рвение, которое проявляется у столь многих обращенных. Одно из правил Анонимных алкоголиков заключается в том, что каждый участник должен помогать другим, тем, кто менее успешен, чем он сам. Поскольку бывшие приверженцы алкоголя могут понять страдания своих собратьев

[32] См. Faris, op. cit., pp. 46—60; William James, The Varieties of Religious Experience, New York, 1936, pp. 77—253.

так, как того не могут понять трезвенники, становится возможным эффективное принятие ролей. Один из основателей организации Анонимных алкоголиков заявил, что работа с другими жертвами с самого начала помогала ему бороться с искушением; но его товарищ, который не принимал в других большого участия, время от времени снова начинал пить[33]. Сильная убежденность в новом и нетерпимость к отклонениям — другой признак обращенных. Существует полное отрицание, даже презрение по отношению ко всем старым верованиям. Иногда обращенные даже изменяют свои имена, избавляясь от символов своих прежних *Я*-концепций[34]. Еще одна часто наблюдаемая черта конверсий — ясность жизненных целей; человек по-новому определяет самого себя и недвусмысленно помещает новый объект внутри устойчивого нового порядка.

Новые значения и *Я*-концепции поддерживаются новым рядом значимых других, с которыми устанавливаются сердечные межличностные отношения. Сочувственная поддержка других является решающей частью всякой конверсии. Искренний глубокий интерес соратников дает новичку — может быть, впервые в жизни — чувство, что он на своем месте. Среди Анонимных алкоголиков неформальной, «лицом к лицу» работе с людьми придается особое значение. Те, кого порицали, стыдились и отвергали, вдруг обнаруживают, что к ним относятся с уважением, как к человеческим существам. Обращенные часто способны соблюдать строгую дисциплину, требуемую новым образом жизни, благодаря личной преданности новым соратникам[35].

В конверсии человек, отчужденный от самого себя и от своих значимых других, приобретает новую картину мира, которая позволяет ему переоценить самого себя и сформировать

---

[33] William Wilson, The Cosiety of Alcoholics Anonymous, «American Journal of Psychiatry», CVI (1949), 370—375.

[34] См. Erdmann D. Beynon, The Voodoo Cult among Negro Migrants in Detroit, «American Journal of Sociology», XLIII (1938), 894—907.

[35] См. Oscar W. Ritchie, A Sociohistorical Survey of Alcoholics Anonymous, «Quarterly Journal of Studies on Alcohol», IX (1948), 119—156; Herrigel, op. cit., pp. 53—93.

новые шаблоны поведения. Если новая точка зрения обеспечивает какое-то облегчение, может наступить стабилизация. Интересно отметить, что начала психозов имеют подобную естественную историю. Человека обычно называют психотиком, когда он не может более принимать участия в «реальности», относительно которой существует согласие. Развиваются необычные, порою гротескные формы поведения, происходит изменение картины мира. Никто не знает точно, как человек становится психотиком, но психиатры часто проводят различия между предрасположениями и провоцирующими факторами. Драматические события, которые часто предшествуют началу заболевания, — развод, выселение из дома, потеря работы, неудачи в школе и подобные трудности — обычно рассматриваются только как последняя соломинка, переломившая спину верблюду. Ударение делается на условиях, которые сделали жертву столь чувствительной к разочарованиям. Психиатры обращают внимание на нарушения в межличностных взаимоотношениях, почти неизменно наблюдавшихся в прошлом у тех, кто страдает серьезными душевными расстройствами.

Выздоровление от психических заболеваний также обнаруживает много черт, которые имеют сходство с конверсией. Бэрк однажды обозначил успешную психоаналитическую терапию как «мирское обращение», при котором пациента убеждают заново определить самого себя с новой точки зрения. Он утверждал, что психоаналитики создают свою собственную символическую среду со специальным словарем мотивов, и страдания пациента облегчаются потому, что он по-другому называет свои дефекты[36]. Бэрк обозначил эту методику как «заклинание неправильным словоупотреблением» («exorcism by misnomer») *. Хотя некоторым психиатрам эта дерзкая характеристика их работы кажется оскорбительной, она не лишена оснований. Во время лечения пациент усваивает новый

---

[36] Burke, Permanence and Change, op. cit., pp. 125—147.

* Речь, по-видимому, идет о распространенном типе заклинаний, когда, чтобы «отвести» злого духа, стараются его дезориентировать, называя вещи не тем, что они есть на самом деле. Любимого ребенка, например, называют гадким и ненавистным, чтобы злой дух на него не польстился. — *Прим. перев.*

язык и ориентацию. Овладев новым словарем и став активным участником символического окружения, он начинает рассматривать человеческую природу в ином свете, и это позволяет ему по-новому определить самого себя так, чтобы больше не испытывать чувства виновности. Теперь он способен принять в себе многое такое, что прежде было источником серьезных мучений. Успешная психотерапия предполагает изменение *Я*-концепции. Роджерс ясно изложил существо вопроса, заявив, что по мере успехов терапии пациент становится все более способен принять самого себя как человека, заслуживающего уважение. Гипотеза была неоднократно проверена, и большинство доказательств подтвердило данную точку зрения[37].

Прежде чем удастся убедить пациента принять новую картину мира, терапевт должен установить с ним контакт. Фрейд обозначал эти взаимоотношения как «перенесение». Доктор становится «значимым другим», который создает у него новую систему взглядов и затем поддерживает ее. Это позволяет пациенту как бы пережить свою прошлую жизнь заново вместе с человеком, замещающим родителя, который, однако, проявляет больше сочувствия и понимания, а к тому же охотно дает объяснения. Многие пациенты влюблялись в своих аналитиков; психиатры постоянно оказываются объектом героепочитания. Некоторые пациенты в состоянии переносить болезненные процедуры только благодаря личной преданности своим терапевтам. Фрейд прямо говорил, что человек поддается влиянию только в той степени, в которой он может сформировать чувства[38]. Фактически не аналитик должен вылечивать пациента: он создает ситуацию, в которой больной может сам себя вылечить. Во многих случаях выздоровевший пациент возвращается к своим прежним шаблонам поведения, как только лечение прекращается: без межличностной поддержки новые значения не могут сохраниться. Поскольку психиатры, принадлежащие к различным школам, достигают примерно

---

[37] Rogers, op. cit., pp. 77—88, 135—172; cp. Bernard Chodorkoff, Adjustment and the Discrepancy between the Perceived and Ideal Self, «Journal of Clinical Psychology», X (1954), 266—268.

[38] Sigmund Freud, A General Introduction to Psychoanalysis, New York, 1938, p. 387.

одинаковых успехов, можно сделать вывод, что методики, основанные на разных доктринах, не оказывают значительного влияния на выздоровление. Единственной общей чертой, по-видимому, является установление теплых личных отношений.

Поскольку в большинстве психиатрических больниц так неадекватно укомплектован штат, обеспечить психиатрическое лечение оказывается возможным только для небольшой части больных, однако даже без терапии выздоравливает поразительно большое число пациентов. Случаи такого «спонтанного выздоровления» подтверждают важность поддержки сочувствующих индивидов [39].

Изучение резких изменений шаблонов поведения во многих различных ситуациях показывает, что обычно они связаны с изменениями картин мира. Поскольку каждое человеческое существо может быть персонифицировано по-разному, в зависимости от его чувствительности и системы соотнесения, оказывается, что человек может изменить свою *Я*-концепцию, просто отмечая то, чего он прежде не замечал. Когда он представит себя по-новому, он будет пытаться жить в соответствии с новой системой стандартов. Это говорит о том, что конверсия является формой адаптации. Во многих случаях она представляет собой последнее отчаянное усилие человека с низким уровнем собственного достоинства примириться с самим собой. Непреклонностью, фанатизм и самоотверженность, характеризующие столь многих обращенных, могут возникать как средство искупления чувства вины.

Изменения картины мира одновременно и предшествуют и следуют за изменениями в межличностных отношениях, обычно с различными индивидами в качестве значимых других. Человек вряд ли будет определять себя по-новому без изменения картины мира, и изменение эталонной группы едва ли произойдет без того, чтобы значимые другие, представляющие определенную точку зрения, также не были заменены. Обращенный не только создает новую *Я*-концепцию, но он может принять новые межличностные роли, более соответствующие его личности. Поскольку он получает признание и становится объектом конъюнктивных чувств,

---

[39] Bovermann, op. cit.

он испытывает теплоту и спокойствие, которые резко контрастируют с тем, что было у него в прошлом. Личная устойчивость основывается на разумном удовлетворении собою, и для каждого человека очень трудно принять самого себя при отсутствии любви и уважения со стороны значимых других.

Итоги и выводы

Все человеческие существа вначале являются эгоцентричными созданиями, но постепенно научаются обуздывать себя и участвовать во взаимных уступках групповой жизни. Структура личной определенности вводится извне. Сначала ребенок сдерживается с помощью наград и наказаний — во многом так же, как и другие животные. Однако со временем он научается относиться к самому себе с точки зрения других людей и сдерживает некоторые импульсы. Он начинает принимать специфические роли, подражая поведению значимых других и совещаясь с самим собой. По мере того как он становится старше, он начинает участвовать в организованных совместных действиях. В этом случае люди преследуют сознательно поставленные цели, роли участников заранее соотнесены друг с другом и соответствующие реакции организованы в правила. Во время исполнения ролей в группах ребенок научается отчетливо представлять себе свой собственный вклад с той точки зрения, в отношении которой существует согласие. Поскольку такие картины мира усваиваются, они используются для определения ситуаций даже тогда, когда человек совершенно один; индивидуальное поведение становится объектом социального контроля. Каждый человек достигает известной степени автономии: он действует произвольно, но теми способами, которые увековечивают структуру организованной группы. Картина мира, поскольку она установилась, продолжает поддерживаться значимыми другими; она вряд ли изменится до тех пор, пока связи с этими людьми также не изменятся.

Сознательное поведение становится возможным только тогда, когда человек обладает достаточно хорошо развитой

Я-концепцией. Он должен знать, кто он есть, что от него ожидается и каковы его особые интересы в соотношении с интересами других людей. *Я*-концепции отражают групповые шаблоны, но человек не является простой копией общества. Безусловно, каждый человек контролирует самого себя с точки зрения групповых стандартов, но в известной мере он способен к независимым действиям. Каждый человек — продукт уникального прошлого опыта. Складывающиеся шаблоны являются результатом естественного отбора, и многое зависит от конкретных требований, которые предъявляют ему те, с кем он объединяется, а также от его врожденной респонсивности.

Это может показаться парадоксальным, но автономия индивида является продуктом участия в организованных группах. Прежде чем человек сможет контролировать самого себя, он должен быть способен думать, а это предполагает способность манипулировать лингвистическими символами — искусство, которым никто не может овладеть в одиночку. Самоконтроль основывается также на чувстве правильного и неправильного, которое отнюдь не приходит само вместе с биологическим созреванием. Наконец, прежде чем человек сможет себя контролировать, он должен быть в состоянии реагировать на *Я*-образ. Каждый, кто не способен сформировать перцептуальный объект самого себя, останется импульсивным, ибо нельзя эффективно контролировать себя без того, чтобы не предвидеть, что он собирается делать. Бессмысленно было бы человеку пытаться направлять свою деятельность, пока у него нет некоторого представления о том, куда он идет и какие препятствия, вероятно, встретит. Способность реагировать на самого себя с точки зрения других развивается посредством активного участия в коллективных взаимодействиях. Свобода есть продукт общества; люди имеют права только в том случае, если они разделяют общую картину мира. Каждый может иметь права лишь постольку, поскольку люди желают жить в соответствии со своими обязанностями.

Библиографический указатель

Ausubel, David P., Ego Development and the Personality Disorders, New York, 1952, Parts II — III.

Boisen, Anton T., The Exploration of the Inner World, New York, 1936.

Burke, Kenneth, Permanence and Change, Los Altos, 1955.

Clayton, Alfred S., Emergent Mind and Education, New York, 1943.

Piaget, Jean, The Moral Judgment of the Child, Glencoe, 1948.

Sullivan, Harry S., The Interpersonal Theory of Psychiatry, New York, 1953.

ГЛАВА 16

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОЙ НЕПОВТОРИМОСТИ

Каждый творческий художник имеет определенный стиль, и по стилю нетрудно узнать музыку Шопена, картину Ван Гога, скульптуру Родена или сочинения Шекспира. Те же самые отличительные черты обнаруживаются в работе актеров, спортсменов, поваров и зубных врачей. Иногда стоматолога вызывают в полицию, чтобы опознать труп по зубному протезу. Видимо, каждый человек выполняет свою работу каким-то особым способом. Стиль часто рассматривается как личная неповторимость поведения; французская пословица гласит: «Стиль — это сам человек».

В некоторых отношениях люди всего мира одинаковы; в других отношениях более или менее одинаковы те, кто принадлежит к одной и той же культуре; и наконец, в каких-то отношениях каждое человеческое существо не похоже на остальных. Все люди влюбляются, но жесты, символизирующие любовь в одном обществе, могут расцениваться как оскорбительные в другом; к тому же каждый обладает различными предпочтениями и обнаруживает их по-своему. Каждый индивид, по-видимому, соответствует для одних конвенциальных ролей и безнадежно не пригоден для других. Люди всего мира обладают общечеловеческой природой, но внутри каждой культуры она проявляется несколько иначе, и каждый человек неповторимо своеобразен. Развитие личности, следовательно, не может быть объяснено исключительно с точки зрения усвоения культуры.

В значительной степени как реакция против биологических объяснений, долгое время господствовавших среди психологов и психиатров, антропологи подчеркивали значение культурной матрицы, в которой протекает развитие личности. Они утверждали, что многие из обобщений, сформулированных психологами, применимы только к западной культуре, и требовали от теории социализации, чтобы она принимала в расчет многообразие культур всего мира. Одни защищали изучение культурных «детерминант» личности, другие писали о культурной «обусловленности», третьи зашли так далеко, что утверждали, будто личность является лишь индивидуальной копией культуры. Хотя такие требования вносили многие необходимые поправки к слепому биологическому детерминизму, они вместе с тем вводили в заблуждение.

Если личность является продуктом культуры, распределение личностных типов должно быть неодинаково. В каждой культуре одни шаблоны поведения получают одобрения, а другие осуждаются. Если личность — это продукт детских переживаний, должны быть соответствующие различия в личностях людей в различных обществах, ибо каждое из них характеризуется особым способом ухода за детьми. Наиболее известной в этом типе подхода является попытка нарисовать «модальную структуру личности» для каждой культуры. О людях одного общества говорят, что им свойственно дружелюбие и терпимость, в то время как у людей другого общества преобладают подозрительность и враждебность или же трудолюбие и практичность. Подобные попытки были сделаны, чтобы выделить типичных представителей определенных классов и этнических групп. Не всегда ясно, однако, является ли модальная личность типом, который чаще всего встречается в определенном обществе, типом, который существен для сохранения данной культуры, или же типом, который наиболее соответствует преобладающим институтам и нравам[1].

---

[1] См. Abram Kardiner, The Individual and His Society, New York, 1939, pp. 237—238; Ralph Linton, The Cultural Background of Personality, New York, 1945; S. S. Sargent and M. W. Smith, eds., Culture and Personality, New York, 1949.

На основе нескольких исследований «национального характера» были сделаны попытки объяснить появление отдельных политических институтов у американцев, англичан, немцев, японцев и русских в связи с наклонностями, вытекающими из типичных для этих народов детских переживаний. Подъем антисемитизма, нацизма и другие социальные движения объяснялись с точки зрения типичных шаблонов мотивации, которые, по-видимому, характерны для значительной части определенных популяций[2]. Этот тип исследования вызвал многочисленные возражения, и яростная полемика все еще продолжается.

Поскольку синдромы психических заболеваний, видимо, легче определить, чем другие личностные типы, были сделаны попытки проследить классовые и культурные различия при душевных заболеваниях. В одних обществах благодаря нестрогому воспитанию детей личностные расстройства, возможно, менее вероятны; в других вследствие сурового обращения, которому подвергаются дети, более вероятно, что возникнут такие расстройства. Такие утверждения трудно проверить, поскольку наблюдения не всегда велись опытными психиатрами и факты, следовательно, несравнимы[3].

Поскольку у людей с разным культурным происхождением различны представления о месте человека во Вселенной и о самих себе, бредовые идеи неодинаковы, но никем не доказано, что какой-либо клинический синдром обнаруживается в разных обществах в различных пропорциях. Заболев паранойей, индейцы менимони боятся колдунов или змей, тогда как параноики нашего общества боятся радиостанций или же агентов ФБР. Но приписывание недоброжелательных мотивов воображаемым персонификациям и принятие против них защитных мер являются общим шаблоном. Об этом же говорит сравнительное исследование параноидальных психозов, проведенное Ламбо[4].

---

2 См. Erich Fromm, Escape from Freedom, New York, 1941; Alex Inkeles and Daniel J. Levinson, National Character, in Lindzey, op. cit., Vol. II, pp. 977—1020.

3 Paul E. Benedict and Irving Jacks, Mental Illness in Primitive Societies, Psychiatry, XVII (1954), 377—389.

4 T. Adeoye Lambo, The Role of Cultural Factors in Paranoid Psychosis among the Yoruba Tribe, «Journal of Mental Science», CI (1955), 239—266.

Лин исследовал 3 китайские общины на Формозе — сельский район, небольшой город и квартал большого города — и изучил 19 931 человека. Он обнаружил 214 случаев отклонений от нормы. Существенных различий в степени распространения различных синдромов в этих трех областях не было. Факты не подтвердили мнение знаменитого антрополога, будто среди китайцев маниакально-депрессивные психозы преобладают над шизофренией. Фактическая степень распространения различных расстройств существенно не отличается от того, что известно о положении в других районах земного шара[5]. Симптомы отличаются от культуры к культуре, но структура этих психозов и, вероятно, их этиология одни и те же. Если бы это было не так, распознавать их было бы невозможно[6].

Некоторые критики современных индустриальных обществ указывают на их сложность и внутреннюю противоречивость как на источник напряженности. Они утверждают, что шизофрения в массовых обществах распространена больше, чем в более простых и стабильных примитивных обществах, где ясно определен социальный статус каждого индивида. Однако изучение нескольких общин хаттеритов — религиозной секты, населяющей сельские районы Дакоты, Монтаны и прилегающих канадских провинций, — как будто опровергает это мнение. Эта тесная, почти автономная группа сохраняла свою изоляцию более 100 лет и обладала хорошо упорядоченным образом жизни, резко отличающимся от американского. Хотя здесь существовала большая сплоченность и согласованность, были ясно определены экспектации и линии карьеры, что якобы является идеалом с точки зрения психиатров, — распространение душевных расстройств существенно не отличалось от соответствующих показателей в других частях страны[7]. Видимо, простой и несложный образ жизни не обязательно создает иммунитет против психических заболеваний.

---

[5] Tsung-yi Lin, A Study of the Incidence of Mental Disorder in Chinese and Other Cultures, «Psychiatry», XVI (1953), 313—336.

[6] См. A. Irving Hallowell, Psychic Stresses and Cultural Patterns, «American Journal of Psychiatry», XCII (1936), 1291—1310; James S. Slotkin, Culture and Psychopathology, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LI (1955), 269—275.

[7] Joseph W. Eaton and Robert J. Weil, Culture and Mental Disorders, Glencoe, 1955.

На взаимоотношения между классовым положением и душевными заболеваниями проливает свет исследованием, проведенное в Нью-Хейвене, в ходе которого было изучено около 98% тех, кто проходил в то время лечение. Учитывая род занятий, образование и район проживания, исследователи определяли индекс классового положения каждого и обнаружили значительные различия в пропорции больных по группам. Наиболее привилегированные классы, доля которых в населении превышала 11,4%, давали только 8% пациентов; низшие классы, составлявшие 18,4% населения, представляли 38,2% пациентов. Обнаружилось, что различные типы заболеваний распространены не одинаково. В высших классах большинство пациентов классифицировалось как невротики; в низших же классах 91,6% диагностировались как психотики. При этом следует учитывать, конечно, что многие из бедняков, которых беспокоили невротические симптомы, не могли позволить себе обратиться за медицинской помощью[8]. Тщательное изучение пятидесяти пациентов в той же самой выборке показало, что в низшем классе жертвы шизофрении происходят из семей, характеризующихся дезорганизацией, пренебрежительным отношением родителей и отсутствием руководства; пациенты же из семей среднего класса больше страдают от внутреннего беспокойства по поводу своей неспособности осуществить высокие цели, сформировавшиеся под влиянием матерей и недостаточного уважения к их отцам[9]. Эти факты указывают на значение классовых различий в развитии личности, но такому выводу противоречат результаты других исследований. При изучении 1462 сельских детей в Висконсине, например, значительной взаимосвязи между социальным статусом и личностью не обнаружилось[10].

---

8 August B. Hollingshead and Frederick C. Redlich, Social Class and Mental Illness, New York, 1958, pp. 194—250.

9 Jerome K. Myers and Bertram H. Roberts, Family and Class Dynamics in Mental Illness, New York, 1959, pp. 57—126.

10 William H. Sewell and Archie O. Haller, Social Status and the Personality Adjustment of the Child. «Sociometry», XIX (1956), 114—125; Factors in the Relationship between Social Status and the Personality Adjustment of the Child, «American Sociological Review», XXIV (1959), 511—520.

В связи с попытками объяснить предполагаемые различия в распределении типов личности возрастает интерес к сравнительному изучению практики детского воспитания. Антропологи ныне проводят более детальные исследования воспитания маленьких детей, чем они это делали в прошлом[11]. Был проведен также ряд исследований классовых различий в воспитании детей. Опрос 200 матерей из низшего и среднего классов Чикаго о кормлении грудью, кормлении из рожка и обучении туалету показал, что родители из среднего класса более строги в приучении своих отпрысков к чистоте и регулярности питания и добиваются, чтобы дети усвоили уже в раннем возрасте различные обязанности. В целом негры менее требовательны, но и среди негров обнаружились те же самые различия[12]. Исследование 379 матерей, проведенное в пригородах Бостона в 1952 году, обнаружило, что в среде рабочего класса матери были более строги, в качестве побуждения они стремились дать ощутимую награду, а в качестве наказания — наказание физическое, а не моральное[13]. Поскольку оба исследования в общем дали сходные результаты, возникла мысль, что кажущиеся противоречивыми частности могут быть обусловлены происшедшими за десять лет изменениями во взглядах на детское воспитание[14]. Учитывая изменения в американской экономической системе с прошлого века, Миллер и Свенсон предложили различать два типа семей — «антрепренерский», состоящий из людей, которые работают на небольших предприятиях с относительно простым разделением труда, и «бюрократический», представленный людьми,

---

[11] См. Abram Kardiner, et al., The Psychological Frontiers of Society, New York, 1945; Dorothea Leighton and Clyde Kluckhohn, Children of the People, Cambridge, 1948.

[12] Allison Davis and Robert J. Havighurst, Social Class and Color Differences in Child-Rearing, «American Sociological Review», XI (1946), 698—710.

[13] Sears, et. al., op. cit., pp. 427—433; ср. Martha S. White, Social Class, Child Rearing Practices, and Child Behavior, «American Sociological Review», XXII (1957), 704—712.

[14] Richard A. Littman, et. al., Social Class Differences in Child Rearing, ibid., XXII (1957), 694—704.

занятыми в крупных корпорациях. Они обнаружили, что в семьях первого типа матери из среднего класса настаивали на активном, действенном подходе к жизни, воспитывая у детей уверенность в собственных силах, тогда как матери из низшего класса были менее требовательны; в «бюрократических» семьях, однако, оказалось невозможным обнаружить значительные классовые различия[15]. Опрос нескольких сот матерей другими исследователями показал, что родители из среды рабочего класса ориентировались на качества, которые обеспечивали респектабельность, в то время как родители из среднего класса основное внимание уделяли интериоризации стандартов поведения[16]. Большинство исследователей согласны с тем, что в практике детского воспитания существуют классовые различия, но они придерживаются разных взглядов на природу этих различий.

Что практика детского воспитания обусловливает развитие личности, все еще нельзя считать окончательно доказанным. Исследование 162 детей из сельских общин Висконсина при помощи изящной системы тестов и шкал сопровождалось опросом родителей о том, как этих детей воспитывали.

Сравнив баллы приспособленности и особенности личностей детей, испытавших на себе различные воспитательные приемы, исследователи не обнаружили существенных различий. Затем такие признаки, как продолжительность кормления грудью, возраст приучения к туалету и т. д., были сгруппированы в две группы — одобряемые в психоанализе и не одобряемые. Впечатляющей корреляции между нестрогим воспитанием и благоприятным развитием личности не обнаружилось; фактически некоторые коэффициенты были даже отрицательными[17]. Это наводит на мысль, что приемы воспитания,

---

[15] Daniel R. Miller and Guy E. Swanson, The Changing American Parent, New York, 1958.

[16] Melvin L. Kohn, Social Class and Parental Values, «American Journal of Sociology», LXIV (1959), 337—351.

[17] William H. Sewell, Infant Training and the Personality of the Child, ibid., LVIII (1952), 150—159; Sewell, Paul H. Mussen, and Chester W. Harris, Relationchips among Child Training Practices, «American Sociological Review», XX (1955), 137—148.

как таковые, может быть, не столь важны, как чувства, направленные на ребенка. В сущности, все эти исследования сосредоточивались больше на том, чтó делают родители, чем на том, как они это делают. Стиль родительского поведения по отношению к ребенку часто упоминался, но он не был предметом эффективного изучения.

Хотя вопрос о различном распределении типов личности еще не решен, вероятно, все типы личностей могут быть обнаружены во всех обществах. Если бы это было не так, рассказы, переведенные с одного языка на другой, были бы непонятны. Конечно, те, кто разделяет общую культуру, характеризуются сходными шаблонами поведения, но следует делать различие между фасадом конвенциального поведения и тем, что индивид расположен делать в действительности. Личность следует определять в терминах ее потенциальных действий, а не явного поведения. Она проявляется в спонтанных склонностях к действию, которые часто сдерживаются.

Существует много концепций личности, но большинство психиатров и психологов используют этот термин для обозначения особого, характеризующего данного индивида стиля поведения, который наилучшим образом иллюстрируется характерными для него способами обращения с людьми. Это понятие относится к чему-то уникальному. Хотя большинству значений научаются посредством участия в организованных группах, у каждого индивида они появляются в особой комбинации. Трудно представить себе, как можно было бы объяснить формирование чего-то индивидуального с точки зрения культуры — конвенциальных шаблонов, по-видимому, в группе придерживается каждый. Если личность — это продукт культуры, каждый разделяющий общее культурное наследие должен быть похож на остальных. Однако в объяснении нуждается как раз тот факт, что каждый человек не похож на других.

Широкое распространение исследований в плане «культура и личность» весьма удивительно ввиду сомнительных доказательств, на которых такие работы основаны. Во многих исследованиях практики детского воспитания коэффициенты корреляции очень низки, и факты, представленные в различных работах, противоречивы. Многие заявления, которые делаются относительно различных групп, кажутся

правдоподобными только тогда, когда люди рассматриваются с очень большой дистанции. Грамотные члены изученных примитивных племен были поражены тем, что о них говорилось; многие американцы были удивлены публикацией Горера об их национальном характере, точно так же как на японских ученых не произвели впечатления исследования Рут Бенедикт и Горера[18]. Поскольку концепции «модальной личности» и «национального характера» очень натянуты, обобщения, основанные на них, опасны. Политический теоретик, который утверждает, что люди в какой-то стране более восприимчивы к коммунизму, поскольку они приучаются к туалету особым образом, ступает по очень тонкому льду, если под ним вообще есть какой-либо лед. Национальный характер, несмотря на наукообразные формы его изучения, во многом подобен респектабельному этническому стереотипу, приемлемому прежде всего для тех, кто недостаточно близко знаком с народом, о котором идет речь.

Индивидуальные различия в темпераменте

Любая мать, которая имеет более одного ребенка, хорошо знает, что нет двух детей совершенно одинаковых. С момента их рождения обнаруживаются значительные различия в шаблонах чувствительности и реакций. Даже идентичным однояйцевым близнецам свойственны различия в темпераменте[19]. Существование врожденных склонностей очевидно, и это нельзя игнорировать. Термин «темперамент» будет использоваться для обозначения этих, по-видимому, врожденных тенденций поведения, хотя еще продолжается спор о том, какие шаблоны наследуются и каким человек научается.

---

[18] Alfred R. Lindesmith and Anselm Strauss, A Critique of Culture-Personality Writings, ibid., XV (1950), 587—600; ср. Reinhard Bendix, Compliant Behavior and Individual Personality, «American Journal of Sociology», LVIII (1952), 292—303.

[19] См. William E. Blatz, The Five Sisters, New York, 1938.

Отвращение многих социальных ученых к этой дискуссии о темпераменте часто является реакцией против крайностей биологического детерминизма. В обыденной жизни различные преступления или черты личности иногда объясняются наследственностью. Дело приобретает особо серьезный оборот, когда политические партии или колонизаторы оправдывают свою тиранию с точки зрения расового превосходства. Социальные ученые оспаривают именно тот взгляд, будто судьба человека предопределена его генами.

Признание конституциональных различий не требует отрицания гипотезы о том, что человеческий ребенок пластичен и что большинству шаблонов поведения научаются в ассоциации с другими людьми. Оно просто предполагает понимание того, что приспособление может быть избирательным. Каждое человеческое существо рождается с некоторыми уже организованными шаблонами чувствительности. Например, существуют значительные различия между людьми в том, до какой степени они способны переносить фрустрации, по легкости, с которой они раздражаются, и по силе их агрессивности, если фрустрации продолжаются. Физиологи утверждают, что, когда мы эмоционально возбуждены, уровень адреналина в крови повышается. Искусственное введение этого гормона может вызывать образы и шаблоны поведения, явно напоминающие определенные психозы. Поскольку каждый человек рождается с особым эндокринным балансом, было бы странно, если бы не оказалось различий в легкости, с которой происходят такие химические изменения. Начинает ли человек бунтовать или остается покорным, может зависеть от его фрустрационного порога.

Некоторые шаблоны поведения, играющие важную роль в повседневной жизни, по-видимому, являются инстинктивными. Каждого, кто наблюдал, как похожи между собой поведение трусливой собаки и малодушного человека, не может не поразить органическое родство этих шаблонов поведения. Трусливая собака угрожающе лает, когда чувствует себя в безопасности за забором, но убегает в панике, как только возникает возможность возмездия. Наиболее примитивные шаблоны поведения сходны у человеческих существ всего мира. *Все* человеческое поведение, безусловно, нельзя объяснить

инстинктами, ибо такие реакции обычно сдерживаются и перенаправляются по другим конвенциальным каналам. Но отрицать существование врожденных склонностей было бы серьезной ошибкой.

Биологическое наследственное снаряжение не определяет, что человек будет делать, но оно накладывает известные ограничения на то, что он может делать. Некоторые дети слабы и лишены мускульной координации. Неспособность эффективно участвовать в групповых играх может привести к формированию у них компенсаторных интересов. Многие навыки могут быть воспитаны путем тренировки, но даже наиболее искусно составленная программа не может сделать балерину из женщины, не обладающей необходимым телосложением и способностями. Еще более важны, конечно, конвенциальные определения врожденных характеристик, например цвета кожи, которые в каждом обществе предписывают линии карьеры, открытые для данного индивида.

Шелдон провел широкое исследование темперамента, изучая 200 человек в течение пяти лет. С помощью факторного анализа он разработал три шкалы для измерения спонтанных склонностей и изобрел схему, посредством которой любое человеческое существо можно легко описать математическими символами.

Поскольку крайние случаи более заметны, Шелдон уделял особое внимание типам людей, которые получили наивысший балл на каждой из шкал. Тип индивидов, для которого характерна общая расслабленность, любовь к комфорту и обжорство, он обозначил как «висцеротоник»*. Эти люди отмечены также теплотой, добродушием, некоторой замедленностью в реакциях и практичностью во взглядах; они наслаждаются близостью других людей и становятся беспокойными, оказавшись в изоляции. Тип людей с преобладанием мускульной деятельности он обозначил как «соматотоник»**. Они обладают физической силой и выносливостью и не нуждаются в том, чтобы много спать или есть. Но им необходимы упражнения,

---

* От viscera (*лат.*) — внутренности; по-русски этот тип иногда называют желудочным типом. — *Прим. перев.*

** От soma (*лат.*) — тело. По-русски соответствующее название — мускульный тип. — *Прим. перев.*

и они предпочитают деятельную, энергичную жизнь. Третий тип он назвал «церебротоник»*. Эти индивиды характеризуются сдержанностью, напряженностью и склонностью к скрытности. Они избегают веселого общения, подавляют свои соматические и висцеральные экспрессии, часто страдают расстройством пищеварения и в критических ситуациях плохо контролируют свой голос. Во многих отношениях третий тип имеет сходство с тем, который Юнг называл «интравертированным». Следует подчеркнуть, что перечислены полярные типы и что Шелдон не утверждал, будто каждый человек попадает в одну из этих категорий.

Он не утверждал также, будто все им изученные тенденции поведения являются врожденными; он был весьма осторожен в выводах. Но коэффициент корреляции между темпераментом, определенным с помощью его шкал, и типами тела — которые, несомненно, являются прирожденными — приблизительно равен 0,8! Это показывает, что многие из упомянутых черт весьма тесно связаны с физической конституцией человека[20]. Впрочем, это предполагалось и интуитивно. Создавая портреты различных персонификаций, писатели и художники редко наделяют темпераментом Фальстафа худое и жилистое тело.

Исследование Кальмана о степени распространения шизофрении среди лиц, генетически связанных друг с другом, также указало на роль темперамента в развитии личности. Чем более родственники отдалены генетически, тем ниже степень распространения шизофрении. Конечно, многие из этих случаев можно объяснить с точки зрения беспорядочной атмосферы в семье, но некоторые из родственников, которые оказались больными, росли отдельно в домах воспитания[21]. Наследственная предрасположенность к шизофрении никогда не была доказана, но возможно, что некоторые наследственные свойства делают человека более склонным

---

* От cerebrum (*лат.*) — головной мозг; по-русски иногда говорят: мозговый тип. — *Прим. перев.*

[20] William H. Sheldon, The Varieties of Temperament, New York, 1942.

[21] Franz J. Kallmann, The Genetic Theory of Schizophrenia, «American Journal of Psychiatry», CIII (1946), 309—322.

отвечать на напряжения таким образом, что отрывают его от других людей. Хотя изучение различий в человеческой конституции лежит за пределами социальной психологии, социальные психологи не могут позволить себе оставаться безразличными к открытиям в данной области.

Развитие чувств

Личная определенность проявляется в устойчивой ориентации человека на определенную систему ценностей, а его чувства представляют собой то, как он оценивает человеческие существа. *Чувства — это системы поведения, которые формируются по мере того, как человек научается взаимодействовать со значимыми другими.*

Каждый индивид научается играть межличностные роли путем подражания или реагируя на модели. Он может учиться путем прямого участия во взаимодействии или путем замещающего участия, наблюдая взаимоотношения между другими людьми. Как данный индивид будет вести себя в определенных ситуациях, зависит от требований, которые предъявляют ему люди, с которыми он тут встречается. Каждый значимый другой обладает особой личностью, и существуют определенные способы обращения с ним, которые более целесообразны, чем другие.

Нельзя смешивать межличностные роли с конвенциальными ролями, как это сделал Фрейд в своей безупречной в других отношениях работе о формировании чувств. Излагая теорию эдипова комплекса, например, он пишет о влечении мальчика к своей матери и его неспособности успешно конкурировать с могущественным отцом. Но сети межличностных отношений сплетаются из реакций уникальных индивидов друг на друга: в одной семье доминирует отец, а в другой — мать, старший брат или гувернантка. Кроме того, в некоторых случаях эротические влечения могут быть гомосексуальными. Конечно, психоаналитики говорят о «фигурах отца» и «заместителях матери», но многие из их изысканий все-таки основываются на этноцентрических предпосылках. Малиновский давно указал, что принципы Фрейда могли бы получить большее применение, если бы

они учитывали разнообразие систем родства[22]. Было бы желательно даже пойти дальше и принять в расчет разные типы межличностных отношений внутри семьи.

Поскольку все дети зависимы от других, какого-то рода сотрудничество неизбежно. В кооперативных взаимодействиях индивид научается оценивать своих партнеров как желаемые объекты, как источник удовлетворения. Типичные переживания в таких ситуациях включают негодование против тех, кто не внес свою долю, озабоченность по поводу тех, кто поглощен мыслями лишь о своих личных целях, и благодарность по отношению к тем, кто вносит вклад, превышающий его конвенциальные обязанности. Фрейд считал, что все дети сначала эгоцентричны и научаются любить других людей лишь постольку, поскольку те полезны как средство, приносящее им удовольствие. Впрочем, ребенок научается любить других людей в зависимости от его индивидуального опыта сотрудничества. Тот, например, кто сталкивается с эгоистическими требованиями источника удовлетворения, может выработать условную и защитную ориентацию по отношению ко всем объектам любви.

Поскольку среди тех, кто состоит в устойчивой ассоциации, обязательно возникают конфликтующие интересы, враждебность также неизбежна. Именно в состязаниях всякого рода дети научаются оценивать других людей как фрустрирующие или даже опасные объекты и вырабатывают способы обращения с соперниками и врагами. Типичные переживания включают разочарование при поражении, радост при победе, уважение к способностям сильного противника, понимание важности честной игры. Формирование дизъюнктивных чувств зависит от того, как складывается судьба человека в ситуациях конкуренции, — от частоты успехов или интенсивности лишений. В родственном соперничестве значительно труднее состязаться с привлекательной сестрой, которая может получить все, что только захочет, чем иметь дело с упрямым братом, которого всегда считают виноватым. Агрессивность основывается на контрастных понятиях, и индивиды различаются по способности приписывать

---

[22] Bronislaw Malinowski, Sex and Repression in Savage Society, London, 1927.

другим людям подлые мотивы. Способность к сильной ненависти развивается, вероятно, еще в раннем детстве. Некоторые из детей, которым дали кукол, представляющих различных членов их семей, разбивали их на мелкие куски[23].

Поскольку эгоцентрические импульсы детей должны быть обузданы, оказывается необходимым какого-то рода внешний контроль. В каждой группе кто-нибудь принимает на себя ответственность за координирование действий. Большинство родителей относятся к своим отпрыскам снисходительно, рассматривая их как милых, но неразумных, и стараются принимать за них важные решения. В то же время дети сами вступают в контакт с персонификациями, над которыми они могут господствовать, — более слабые и младшие дети, домашние животные, куклы и другие игрушки. Очень рано каждый ребенок вырабатывает способы подхода как к сильнейшим, так и к зависимым фигурам, и именно в таких ситуациях он научается оценивать людей как выше и нижестоящие объекты. Чувства формируются в зависимости от личности отца, старшей сестры, лидера шайки, инструктора бойскаутов, учителя или кого-нибудь другого, кто обеспечивает руководство.

Хотя только что описанные взаимодействия неминуемы, частота, с которой разные люди вынуждены принимать те или иные межличностные роли, различна. Отчасти этим и объясняется неповторимость чувств различных индивидов. Существуют различия в чувствительности, в типах персонификаций, которые обычно конструируются, и в способности эффективно играть межличностные роли. Когда ребенок очень избалован, он остается эгоцентричным; он считает само собой разумеющимся, что все на свете существует только ради него одного. Пользуясь психоаналитической терминологией, можно сказать, что при отсутствии адекватной авторитетной фигуры «сверх-*Я*» не развивается. Такие индивиды испытывают трудности в кооперировании с другими на равной основе и имеют тенденцию избегать такого рода контактов, где они могли бы научиться ценить альтруистические ориентации.

Важная черта ориентации каждого индивида по отношению к другим людям — социальная дистанция, на которой он

---

[23] David M. Levy, Studies in Sibling Rivalry, New York, 1937.

обычно от них держится. Одни люди весьма непосредственны, другие, хотя они учтивы и деликатны, всегда сохраняют достаточную дистанцию. Может быть предложена гипотеза, что характерная для данного человека социальная дистанция устанавливается в результате приспособления к требованиям людей, с которыми он имел дело в своих первичных группах. Травмирующие переживания, следующие за искренним проявлением внутренних чувств, могут привести к величайшей осторожности в отношениях с другими людьми. Способность устанавливать близкие отношения с людьми, по-видимому, связана с определенным представлением о человеческой природе, с тем, рассматриваются ли человеческие существа как опасные или как источники удовольствия.

Чувства, которые сформировались в раннем детстве, впоследствии переносятся на другие объекты, придавая каждому человеку особый стиль подхода к людям вообще. Чтобы проверить гипотезу, будто людей привлекают персонификации, сходные с теми, которые обеспечивали удовлетворение в прошлом, было изучено 373 помолвленных или недавно сочетавшихся браком субъекта. Между супругом и родителем противоположного пола большого сходства не обнаружилось ни в физическом типе, ни в политических взглядах, но выявилась значительная взаимосвязь в складе личности: те, кто любил своих родителей, стремились подобрать для брака человека точно такого же типа, а те, кто не любил, обнаруживали тенденцию избирать противоположный тип[24]. Некоторые психиатры утверждают, что ряд людей, в которых влюбляется человек, суть только многие трансформации единственного объекта любви, сформированного в ранней жизни. Некоторые реагируют на все авторитетные фигуры — учителей, полицейских, мастеров, сержантов — во многом так же, как некогда они реагировали на своих родителей. Кое-кто, по-видимому, в течение всей своей жизни переносит на других людей ненависть к своим родителям[25]. Не случайно Бёрджес и

---

[24] Anselm Strauss, The Influence of Parent-Images upon Marital Choice, «American Sociological Review», XI (1946), 554—559.

[25] См. Leroy S. Burwen and Donald T. Campbell, The Generality of Attitudes toward Authority and Nonauthority Figures, «Journal of Abnormal and Social Psychology», LIV (1957), 24—31.

Коттреля обнаружили, что счастливые браки наиболее часты у детей счастливых супружеских пар. Шаблоны чувств, установившиеся в детстве, имеют тенденцию быть пронесенными через всю взрослую жизнь[26].

Важнее всего, что чувства переносятся на самого себя. *Я*-концепцию человек создает внутри социальной матрицы, и то, как он оценивает самого себя, зависит от того, как с ним обращались значимые другие.

Среди психиатров возрастает согласие в том, что ***развитие адекватного уровня собственного достоинства зависит от того, является ли человек объектом бескорыстной любви.*** Уважение к себе не основывается на успехе, и гордость не является автоматическим следствием способностей или красоты. Ощущение собственной ценности, по-видимому, зависит от спонтанной любви и уважения тех, с кем человек себя идентифицирует. Если его слова не подвергаются сомнению, его способности не умаляются и его суждения, может быть и незрелые, принимаются всерьез и поправляются без того, чтобы его унизить, человек в состоянии почувствовать, что он заслуживает уважение и доверие. Любовь должна быть безусловной. Тогда ребенок может ощущать себя как объект, ценный сам по себе, а не потому, что ему случилось на какое-то время быть послушным. И напротив, у человека вырабатывается низкий уровень собственного достоинства, если в детстве он являлся объектом дизъюнктивных чувств или собственнической любви. Родители, которые не уверены в себе, часто утверждают себя за счет принижения окружающих. Отец смеется над стремлениями ребенка, злорадствует при его неудачах и смотрит сквозь пальцы на успехи как на что-то незначительное. Другие родители снова и снова говорят ребенку, что он «плохой». Низкий уровень собственного достоинства может возникнуть также, если к ребенку подходят как к утилитарному объекту. Некоторые родители

---

[26] Ernest W. Burgess and Leonard S. Cottrell, Predicting Success and Failure in Marriage, New York, 1939, pp. 90—113; ср. Donald L. Burnham, Misperception of Other Persons in Schizophrenia, «Psychiatry», XIX (1956), 283—303; Nelson N. Foote and L. S. Cottrell, Identity and Interpersonal Competence, Chicago, 1955.

любят своего ребенка только тогда, когда он «хороший», когда он отвечает их требованиям. Некоторые видят в своих детях возможность осуществления собственных несбывшихся стремлений и с раннего возраста начинают готовить юнца для карьеры, к которой он не испытывает никакого интереса. Такие дети получают много преимуществ, но, стоит им потерпеть неудачу, они начинают мучиться угрызениями совести и убеждаются, что они никчемны.

Иногда родители душевнобольных оскорбляются, когда им говорят, что они недостаточно любят своих детей; они начинают указывать на материальные блага, которыми они их обеспечивали, и приводить примеры постоянного проявления своей любви. Но многие чувства бессознательны, и, если некоторые склонности остаются вне контроля, с ребенком последовательно обращаются как с источником лишений. Видимо, решающее значение имеют предпосылки, на которых основывается продолжительный ряд явных действий. Если разнообразные действия, направленные на ребенка, включая наказание, основываются на заботе о его благополучии, он, вероятно, будет в состоянии рассматривать себя как ценный объект.

Однажды сформировавшись, чувства приобретают свойство самоподкрепления. Всякий раз, как человек усваивает новую конвенциальную роль, шаблоны поведения несколько изменяются, но его характерные способы подхода к людям обычно остаются весьма стабильными. Каждый склонен строить персонификации, исходя из тех мотивов, которые кажутся ему правдоподобными, и он воспринимает в других людях то, что уже приготовился видеть. Чувство собственного достоинства формируется, когда человек еще очень молод, и не очень вероятно, что оно изменится последующими переживаниями успехов или неудач. Ощущение собственной неполноценности обычно ухудшает его способность к изменениям: тот, кто уверен, что он не достоин любви, столь одержим беспокойством, что окружает себя защитной оболочкой и не может стать достаточно близким к другим людям, чтобы узнать их действительные чувства. Тому, кто ощущает себя нелюбимым, трудно также любить других. Человек с низким уровнем собственного достоинства нуждается в уважении и любви, но он настолько поглощен

тем, чтобы защитить самого себя, что неспособен любить кого-нибудь, за исключением объекта, приносящего пользу[27]. Это говорит о том, что трудности могут продолжаться в нескольких поколениях, поскольку эгоцентрические родители неспособны на безусловные чувства.

Хотя характерные способы подхода к людям кристаллизуются в ранние годы, они не обязательно фиксируются на всю жизнь. Поскольку чувства формируются в первичных группах, любое резкое изменение в сети межличностных отношений, в которую вовлечен человек, может привести к каким-то изменениям. Каждый раз, когда новые люди вступают в его жизнь, или когда посторонний становится близким другом, или друг не оправдывает ожиданий, субъект узнает что-то новое о человеческой природе. Устойчивое взаимодействие с человеком, весьма отличающимся от тех, с кем прежде приходилось встречаться, может привести к новому взгляду на жизнь. Те, кто прежде был не способен к бескорыстной любви, могут быть побуждены к ней совершенно беспомощным и зависимым ребенком, с которым они себя тесно идентифицируют[28].

Ориентация каждого человека на его человеческое окружение формируется и поддерживается в социальном взаимодействии. Его чувства по отношению к самому себе и к другим людям организуются в то время, как он научается иметь дело с определенными людьми. С установлением новых межличностных отношений, особенно с появлением в критические моменты новых значимых других, человек может изменить свою картину мира и воспринять самого себя и своих товарищей в новом свете. Психоаналитикам уж никак не следовало бы утверждать, будто чувства не изменяются. Если бы это было так, для психотерапии оставалось бы мало возможностей. Однако, как указывал Фрейд, трансформация может иметь место только после того, как установится «перенесение» — специфичный контакт между пациентом и терапевтом.

---

[27] См. Andrus Angyal, A Theoretical Model for Personality Studies, «Journal of Personality», XX (1951), 131—142.

[28] См. French, op. cit., pp. 276—277.

Значения формируются в социальной матрице. Человек приобретает ориентацию на различные объекты, реагируя на экспектации других людей, каждый из которых обладает особой личностью. Значения, образующиеся в детстве, несут в себе стремления, противоречия и амбивалентность своего источника; в них заключены реакции на оказание помощи со стороны значимых других или на вызванные ими фрустрации. Каждый человек вырабатывает особый способ подхода к миру, и этот стиль связан с личностью его близких.

В своем исследовании Броди сконцентрировала внимание на процедурах кормления — центральных во взаимоотношениях матери и ребенка. Собрав факты посредством развернутых интервью, кинематографа и различных анкет, она обнаружила, что существуют различные типы обращения с детьми. Однако *стиль* материнской заботы оказался более важным, чем частные технические приемы кормления или режим[29]. Изучение матерей плохо приспособленных детей с помощью интервью, прожективных тестов, сеансов групповой терапии и домашних визитов показало широкий диапазон вариаций детского воспитания. Существовала, однако, высокая корреляция между общей ориентацией матери по отношению к отпрыску и баллом его личного приспособления[30]. Интерес к методике детского воспитания, хотя и полезный для других целей, дает, по-видимому, мало данных для понимания развития личности.

К ранним попыткам установить значение межличностных отношений для формирования личности относятся исследования порядка рождения в семье. Некоторые психиатры, в частности Адлер, предполагали, что с первым ребенком обращаются иначе, чем с последующими, и поэтому более вероятно развитие первенцев по определенным линиям. Однако исследование нескольких сот больных шизофренией заставило сделать вывод, что порядок рождения не связан с

---

[29] Sylvia Brody, Patterns of Mothering, New York, 1956, pp. 319—321.

[30] Marjorie C. Behrens, Child Rearing and the Character Structure of the Mother, «Child Development», XXV (1954), 225—238; cp. Sewell, Mussen, and Harris, op. cit.

душевными заболеваниями[31]. С другой стороны, исследование семей питомцев Гарвардского университета показало, что старший ребенок в семье имеет тенденцию к взрослой ориентации — серьезен, легко обижается, послушен, любит компанию взрослых и уверен в себе. Второй ребенок обычно более спокойный, дружественный и бодрый, упорный и непослушный, за ним легче присматривать, хотя он и не делает специальных усилий, чтобы быть приятным. Родители более снисходительно относятся ко второму ребенку. 65% из числа опрошенных в этом исследовании родителей согласились, что они стали менее строгими при появлении второго ребенка[32]. Будучи старшим или младшим, ребенок получал определенные типичные привилегии или обязанности. Однако нельзя забывать, что, кроме родителей, существует еще много значимых других — родственники, друзья, учителя, а также воображаемые персонификации.

Поскольку в поведении психотиков многие склонности проявляются в преувеличенных формах, особое внимание было направлено на изучение прошлых межличностных отношений тех, кто страдал душевными заболеваниями.

Исследуя случаи чрезмерной опеки, Леви обратил внимание на взаимосвязь между компульсивным поведением матерей и развитием расстройств у их детей. Он определил «перезащищенность» (overprotection) через такие признаки, как чрезмерные физические контакты, обращение с подрастающим ребенком как с беззащитным младенцем и всепоглощающая забота о том, чтобы уберечь его от всякого риска. Некоторые чрезмерно опекающие ребенка матери господствуют над ним, их кредо звучит так: «Это мой ребенок, и он должен делать так, как я хочу». Другие матери балуют детей; их кредо, по-видимому, такое: «Я его мать, и я буду делать все,

---

[31] C. W. Wahl, Some Antecedent Factors in the Family Histories of 392 Schizophrenics, «American Journal of Psychiatry», CX (1954), 668—676

[32] Charles McArthur, Personalities of First and Second Children, «Psychiatry», XIX (1956), 47—54; ср. Robert R. Sears, Ordinal Position in the Family as a Psychological Variable, «American Sociological Review», XV (1950), 397—401; Sears, Maccoby, and Levin, op. ct., pp. 394—419.

что он пожелает». Но второй тип женщин стремится господствовать над другими людьми, например над мужем. Для таких родителей ребенок является их собственностью, а не другим человеческим существом со своими собственными правами. Еще одна характерная черта таких матерей заключается в том, что они постоянно напоминают детям об огромных жертвах, которые вынуждены приносить нежные родители. Хотя исследование Леви основано на ограниченном числе случаев, оно указывает на значительное сходство в межличностных отношениях у тех, кто оказывается перед сходными проблемами[33].

Были также исследованы взаимоотношения между пациентками и их матерями. Особенно показателен отчет о сеансах групповой терапии, проведенных с семью парами страдающих шизофренией женщин и их матерей. Сеансы показали крайне снисходительное, уничтожительное главенство матерей и холодное неприятие их дочерьми. Матери проявляли бессовестное обольщение, мстительный деспотизм, холодное и обиженное невмешательство. У дочерей обычно были бессмысленные лица, искривляемые порой пародией на улыбку или смех. Эти две группы вряд ли были в хороших отношениях. Пациентки не слишком много разговаривали, но они вставляли удивительно уместные замечания — в основном саркастического характера. После сорока сеансов некоторые из матерей осознали, что между ними и дочерьми существовала пожизненная вражда. После более чем восьмидесяти сеансов некоторые из них признались в их обиде на дочерей, но другие продолжали отрицать какие-либо дизъюнктивные чувства. Хотя ярко выраженных излечений не было, взаимоотношения между каждой матерью и ее ребенком несколько улучшились. Представленные факты необычны в том отношении, что терапевтические сеансы создавали обстановку, в которой каждая родительница и ее ребенок могли на глазах психиатра вступать во взаимоотношения, которые обычно ретроспективно излагались с защитных позиций[34]

---

[33] David M. Levy, Maternal Overprotection, New York, 1943; cp. Jacob Kasanin et al., The Parent-Child Relationship in Schizophrenia, «Journal of Nervous and Mental Disease», LXXIX (1934), 249—263.

[34] Joseph Abrahams and Edith Varon, Maternal Dependency and Schizophrenia, New York, 1953.

Личности матерей, дети которых страдали шизофренией, были подвергнуты специальным исследованиям. Из 25 изученных Титце матерей 13 признали, что их брак был «несчастным», а 9 заявили, что он был «совершенным», даже несмотря на алкоголизм, самоубийство и другие противоречащие факты. В каждой семье мать играла господствующую роль, даже если семью содержал отец. Обнаружилось, что матери были сексуально невосприимчивы, и они строго наказывали своих детей за проявление любого сексуального интереса. Некоторые из пациентов заявляли, что они якобы «чувствовали» враждебность матерей, даже когда те с ними хорошо обращались[35]. Марк опросил 100 матерей душевнобольных мужчин и 100 матерей контрольной группы, предлагая им на выбор 139 суждений о том, как следует воспитывать детей. Ответы, данные матерями душевнобольных, были весьма сходны между собой, хотя значительно отличались от позиции других матерей. Они обнаружили единодушие по следующим пунктам: детей до восьми лет следует сопровождать в школу и обратно; мать должна знать все, о чем думает ее ребенок; если ребенок ведет себя тихо, мать должна пойти посмотреть, что он делает; ребенок не должен раздражать родителей несущественными вопросами; преданная мать не имеет времени для участия в общественной жизни; бдительная мать может уберечь своего ребенка от несчастных случаев; если слишком много играть с ребенком, это «портит» его; ребенок никогда не должен видеть ошибок своих родителей; родители обязаны жертвовать всем ради ребенка; когда отец наказывает ребенка без достаточных оснований, мать должна встать на сторону ребенка; мать должна много терпеть и мало говорить; большинство детей поддается приучению к туалету с пятнадцатимесячного возраста; дети, которые принимают участие в сексуальных играх, становятся сексуальными преступниками; ребенку не следует заниматься тем, чего не одобряют родители; слишком много любви может превратить ребенка в неженку. Эти матери, по-видимому, склонны к сдерживающим

[35] Trude Tietze, A Study of Mothers of Schizophrenic Patients, «Psychiatry», XII (1949), 55—65.

и принудительным мерам[36]. Кох и Клаузен провели опрос 45 пациентов и сравнили их ответы с ответами людей, одинаковых с ними во всех других отношениях, но психически здоровых. Выяснилось, что большинство страдающих шизофренией воспринимали своих матерей как играющих главную роль в принятии семейных решений, как строгих, уверенных в себе и властных и смотрели на своих отцов как на имеющих сравнительно небольшую власть в семье. Однако пациенты-мужчины говорили, что они предпочитают матерей, а женщины сказали, что предпочитают отцов[37]. Итак, исследование за исследованием показывало, что у родителей душевнобольных понимание чувств ребенка заметно слабее; данные указывали на господствующее положение женщин и на тот факт, что этих родителей пугают сексуальные проблемы.

Хотя результаты не вполне совпадают, они, видимо, подтверждают гипотезу о взаимосвязи между компульсивными тенденциями родителей и личностным расстройством ребенка. Исследователи обращали больше внимания на матерей, но те же самые шаблоны деспотизма могут быть присущи каждому, кто отвечает за заботу о ребенке, — старшей сестре, двоюродному брату, гувернантке, бабушке или отцу[38]. Каждый ребенок оказывается преданным тому, от кого зависит, он идентифицирует себя с этим человеком и использует его как модель в игрании ролей. Поэтому более экономно формулировать обобщения в терминах межличностных ролей. Тогда личность ребенка можно рассматривать в связи с тем, как играется такая роль, независимо от конвенциального обозначения лица, которое ее играет.

---

[36] Joseph C. Mark, The Attitudes of the Mothers of Male Schizophrenics toward Child Behavior, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLVIII (1953), 185—189.

[37] Melvin L. Kohn and John A. Clausen, Parental Authority Behavior and Schizophrenia, «American Journal of Orthopsychiatry», XXVI (1956), 297—313.

[38] См. Theodore Lidz et al., The Intrafamilial Environment of the Schizophrenic Patient: The Father, «Psychiatry», XX (1957), 329—342; Suzanne Reichard and Carl Tillman, Patterns of Parent-Child Relationships in Schizophrenia, ibid., XIII (1950), 247—257.

Бейтсон и его коллеги утверждают, что шизофрения — это форма адаптации, способ поведения в «двойственной» ситуации. Индивид испытывает трудности, когда вступает в тесные взаимоотношения с человеком, от которого получает одновременно два противоречащих друг другу сообщения. Например, экспрессивные движения матери могут решительно противоречить тому, что она передает конвенциальными символами. Она может говорить о своей любви к ребенку, но сделаться суровой, когда он потянется, чтобы ее поцеловать. Постоянное восприятие таких противоречивых сообщений приводит к тому, что пациент не может воспринимать мир с какой-то определенной точки зрения. Он во многом уподобляется некой саморегулирующейся системе, которая лишилась своего регулятора[39].

Трудно делать обобщения относительно шизофрении, поскольку термин этот относится к неоднородной категории. Точнее, установлены синдромы параноидальных расстройств. Человек, страдающий паранойей, характеризуется безграничной амбицией и добивается целей, которые часто превышают его возможности. Он считает, что с ним плохо обращаются; если он терпит неудачу, он не отступает, а нападает. Ему присущи упорно сохраняющиеся, систематизированные бредовые идеи, сравнительно редко галлюцинации, а также сильная ненависть и подозрительность. При поверхностном наблюдении он не кажется больным и социально приемлем, но внутренне он человек негибкий и не способен формировать разумные суждения в областях, на которые распространяется его мания. Исследование 250 пациентов, классифицируемых как параноики, обнаружило, что очень немногие принадлежали к счастливым семьям. Параноик, по-видимому, ненавидит своих родителей, поскольку они ненавидят его, и эти чувства становятся его обычным отношением к людям[40].

---

39 Gregory Bateson, D. D. Jackson, Jay Haley, and John Weakland, Toward a Theory of Schizophrenia, «Behavior Science», I (1956), 251—264; Jay Haley, An Interactional Description of Schizophrenia, «Psychiatry», XXII (1959), 321—332.

40 Hubert Bonner, Sociological Aspects of Paranoia, «American Journal of Sociology», LVI (1950), 255—262; The Problem of Diagnosis in Paranoic Disorder, «American Journal of Psychiatry», CVII (1951), 677—683.

Согласно Хорни, невротические симптомы развиваются, когда ребенок воспринимает свое окружение как ненадежное, непонятное, несправедливое или беспощадное. Если поведение родителей непоследовательно, ребенок чувствует себя неспокойно и вынужден вырабатывать защитную стратегию, которая позволит ему справиться с этим миром[41]. Компульсивные требования родителей вызывают психические отклонения у детей и, таким образом, передаются из поколения в поколение. Исследование шести семей в трех поколениях с помощью прожективных тестов и интервью показало, что в каждой семье существует стойкая озабоченность определенными проблемами — такими, как смерть, эксгибиционизм или страх перед потерей самоконтроля. Существовало сходство между дедами и внуками, хотя они имели лишь весьма ограниченный контакт друг с другом[42]. Фрейд утверждал, что ни одно поколение не может скрыть наиболее важные психические процессы от следующих, и факты из различных источников подтверждают это убеждение.

Если личность формируется и поддерживается в межличностной матрице, любое изменение в шаблонах поведения одного из участников будет иметь результатом нарушение этой сети, и исследование семейных связей людей, обратившихся к психиатру, показывает, что часто дело именно в этом. Выздоровление душевнобольных — прекращение их неподобающих поступков — нарушает установившееся равновесие и порождает новые проблемы. При изучении мужей тех женщин, которые подвергались интенсивной психотерапии, Моран обнаружила, что сначала муж чувствовал себя союзником терапевта. Однако по мере продолжения психотерапии у него возникали мрачные предчувствия. Когда устанавливалось «перенесение», он становился — в зависимости от чувств по отношению к доктору — завистливым или ревнивым. В одном случае женщина во время

---

[41] Karen Horney, Our Inner Conflicts, New York, 1945.

[42] Seymour Fisher and David Mendell, The Communication of Neurotic Patterns over Two and Three Generations, «Psychiatry», XIX (1956), 41—46; ср. Levy, Maternal Overprotection, op. cit., pp. 148—149; Winch, op. cit.

половых сношений назвала своего мужа именем терапевта, и он был настолько огорчен, что стал добиваться стерилизации. Чем больше улучшается состояние больной, тем более озабоченным становится муж. Некоторые даже обвиняли психиатра в «разрушении семьи». Конечно, чаще всего успешная психотерапия приносит желаемые изменения в жизни тех, кто связан с пациентом[43].

Поскольку большинство упомянутых исследований было проведено лицами, интересующимися этиологией психических расстройств, в них прослеживалось возникновение черт, рассматривавшихся как нежелательные. Это иногда приводило к ошибочным заключениям, будто у детей, с которыми обращаются противоположным образом, будут развиваться желаемые свойства. Заблуждение возникло из-за тенденции разделять людей на «нормальных» и «ненормальных», как если бы эти две категории были диаметрально противоположны. Нет единства мнений по вопросу о том, что значит «нормальный» человек; достоверно лишь то, что он не может быть индивидом без недостатков, ибо *каждый* обладает некоторой компульсивностью, которая может быть определена как невротическая. Замечено, что те, у кого было счастливое детство, оказывались не способны добиться большого успеха в тех областях, где высоко развита конкуренция, ибо не могли заставить себя напрячь усилия. Человек, который не имеет опыта борьбы, может оказаться не в состоянии действовать с необходимой настойчивостью. Он скорее молча согласится с практикой, которую не одобряет, чем будет настаивать на улучшениях. Устранение ситуаций, в которых развиваются серьезные заболевания, не ведет к созданию совершенного человека — оно приводит к развитию других недостатков.

---

[43] Marion L. Moran, Some Emotional Responses of Patients' Husbands to the Psychotherapeutic Course, «American Journal of Orthopsychiatry», XXIV (1954), 317—325; ср. Erika Chance, Families in Treatment, New York, 1959.

Итоги и выводы

Социальные психологи обычно представляют себе социализацию как научение — усвоение конвенциальных значений, которые составляют культуру группы. Но это не объясняет индивидуальных различий. Вариации, обнаруживающиеся среди тех, кто разделяет общее культурное наследие, часто относятся за счет врожденных различий в темпераменте. Но это не объясняет значительного сходства, находимого в типах личностей тех, кто вряд ли имеет общих предков. Соображения подобного рода все чаще обращают внимание психиатров на гипотезы о том, что человеческая личность формируется в процессе приспособления к требованиям значимых других в повторяющихся сетях межличностных отношений. Межличностные отношения изменяются независимо от культуры, и сходные чувства обнаруживаются повсюду. Поскольку каждый значимый другой есть особая личность, каждый индивид становится человеком своим собственным, своеобразным путем.

Неповторимость личности обусловлена отчасти особенностями конституции, ибо никто не рождается точно таким же, как кто-нибудь еще. Эти различия в дальнейшем усиливаются тем фактом, что каждый человек обладает уникальным прошлым опытом; даже идентичные однояйцевые близнецы не имеют возможности подходить к миру с одной и той же точки зрения. Различия еще более усиливаются необходимостью приходить к соглашению с неповторимой комбинацией значимых других. Каждая личность начинает формироваться с ранних лет и наиболее подвержена влиянию чувств, с которыми подходят к ребенку. Поскольку устанавливается определенный стиль жизни, он становится основой для отбора в дальнейшем развитии. Средства, которые были целесообразны в отношениях с людьми, окружавшими личность в годы формирования, помогают в дальнейшей жизни или оказываются помехой. Каждая функциональная единица порождена необходимостью, особенности каждого человека могут рассматриваться как адаптация к существующим условиям жизни.

Библиографический указатель

Eaton Joseph W. and Robert J. Weil, Culture and Mental Disorders, Glencoe, 1955.

Erikson, Erik H., Childhood and Society, New York, W. W. Norton & Co., 1950.

Horney, Karen, Our Inner Conflicts, New York, 1945.

Levy, David M., Maternal Overprotection, New York, 1943.

Parsons, Talcott and Robert F. Bales, Family, Socialization, and Interaction Process, Glencoe, 1955.

Sheldon, William H., Varieties of Human Temperament, New York, 1942.

ГЛАВА 17

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Популярность социальной психологии, очевидно, будет возрастать, поскольку так много людей в современных массовых обществах страдают личностными проблемами. По-видимому, в любом быстро изменяющемся обществе многие люди раздражительны, нетерпеливы и ни в коей мере не удовлетворены тем, что они делают. Их поведение беспорядочно, они хватаются то за одно, то за другое, не имея в виду какой-либо определенной цели; иногда сама жизнь кажется бессмыслицей. Их воображение также блуждает; они часто погружаются в мечтания, которые очень далеки от вероятного. Иногда люди сталкиваются с более специфическими трудностями, такими, как семейные раздоры, нарушения закона, неспособность удержаться на работе, пагубная привычка к осуждаемым занятиям или хронические психосоматические расстройства.

Некоторые наблюдатели утверждают, что больной индивид есть продукт больного общества, как если бы личные проблемы были индивидуальной копией социальной дезорганизации. Но человек и группа — это отдельные функциональные единицы, и изменения в одной из них не обязательно совпадают с изменениями в другой. Однако существуют характерные проблемы, с которыми сталкиваются те, кто живет в изменяющемся обществе, и типичные способы, посредством которых люди пытаются приспособиться к изменениям окружающих условий.

Социализация — это продолжающийся всю жизнь процесс адаптации к новым условиям, и жизнь в изменяющемся обществе только увеличивает обычные проблемы. С точки зрения участника, культурная матрица может быть изменена

двумя способами — путем трансформаций в социальной структуре или же путем социальной мобильности. В каждом случае человек будет иметь дело с новыми требованиями. Более глубокое изучение приспособления не только приведет к лучшему пониманию наших собственных трудностей, но также позволит понять процессы, поддерживающие стабильность большинства обществ.

Социальное изменение и отклоняющееся поведение

Одна из наиболее ценных идей в социологии — мысль Томаса и Знанецкого о том, что *социальная дезорганизация есть неотъемлемая часть процесса социального изменения*. Эти авторы отмечали, что большинство явлений, осуждаемых теми, чье положение прочно, возникает тогда, когда уменьшается влияние групповых норм на поведение индивидов. *Социальное изменение*, трансформация социальной структуры вряд ли может произойти без временного разрушения согласия[1].

Социальная структура состоит из шаблонов согласованных действий. Эти шаблоны остаются неизменными и хорошо различимыми до тех пор, пока каждый участник сообразуется с конвенциальными нормами. Если условия жизни достаточно стабильны, люди продолжают действовать обычным образом, ибо социальные санкции отобьют охоту у всякого, кто попытается нарушить обычаи. Но в кризисных ситуациях некоторые люди находят затруднительным исполнять и далее свои прежние обязанности. Представления, которые прежде разделялись всеми, теперь оказываются под сомнением. Социальное изменение почти постоянно включает в себя некоторое ослабление социального контроля.

Когда изменяются условия жизни, появляются новые потребности и прилагаются коллективные усилия для того, чтобы

---

[1] Thomas and Znaniecki, op. cit., Vol. II, pp. 1117—1264, 1647—1827; cp. Wirth, Community Life and Social Policy, op. cit., pp. 192—205.

приспособиться к ситуации. Предлагаются и испытываются новые процедуры, и от некоторых прежних значений приходится отказаться. Редко бывает, чтобы все люди пришли к этому одновременно, хотя иногда коллективные шаблоны устанавливаются с общего согласия[2]. Обычно бывает переходный период, для которого характерны разногласия по поводу приемлемых типов поведения. Тех, кто продолжает жить в соответствии с прежними принципами, часто высмеивают, иногда их злобно осуждают — особенно лица, чувствующие себя виновными в нарушении прежних норм.

Когда условия жизни изменяются, старые группы разрушаются и создаются новые. Трудности в достижении приемлемого удовлетворения вынуждают быть более чувствительным к новым возможностям. Те, кто защищает традиционные пути, смотрят на новшества с тревогой, но другие рассматривают прежние шаблоны как препятствия для разумных устремлений, как барьеры, увековечиваемые эгоистичными стариками, которые желают пользоваться привилегиями, более уже незаконными. Сети межличностных отношений также подвергаются трансформации. Человек, который прежде обладал безусловным авторитетом в своей первичной группе, может обнаружить, что его взгляды оспариваются более молодыми участниками. Наибольшее напряжение падает на тех, чьи позиции представляются устаревшими.

Картины мира участников изменяющегося общества подвергаются трансформации, но, чтобы свести конфликты к минимуму, многие люди могут внешне продолжать действовать так, как будто они придерживаются прежней системы ценностей. Если, однако, кто-то другой нарушит прежние нормы, они не будут очень огорчены. Ритуализм, сочетающийся с санкционированным уклонением от соблюдения норм, часто наблюдается в переходные периоды. При исследовании моральных стандартов 212 человек в Блюмингтауне Смайгл обнаружил, что хотя воровство никто не одобряет, но существуют различия в степени его осуждения. Хищение из крупной корпорации осуждалось не столь

---

[2] См. Margaret Mead, New Lives for Old, New York, 1956.

сильно, как кража у государства, и наиболее сурово осуждались хищения из небольших фирм[3]. Когда группу студентов спросили о том, что они будут делать, если увидят, что какой-нибудь студент мошенничает, некоторые даже не могли понять несовместимости плутовства с их моральными стандартами. Но даже те, кто считал такое поведение дурным, в своем большинстве занимали позицию, доброжелательную к мошенникам[4]. Не приходится удивляться, что люди, живущие в таких обществах, жалуются на распространение лицемерия и смотрят на «искренность» как на некий идеал, которого почти невозможно достигнуть.

Когда групповые нормы не ясны, противоречивы или не принимаются всерьез, широко распространяется индивидуализм. Избавленные от принуждения, люди теперь чувствуют себя более свободными, чтобы преследовать собственные интересы. Когда другие не исполняют своих обязанностей, каждый начинает задумываться о том, стоит ли ему честно выполнять свою роль — особенно если это связано с какими-то жертвами. Конечно, существуют индивидуальные различия в сопротивлении, с которым человек уступает групповым нормам.

Концепция социальной дезорганизации указывает на сложность определения *отклоняющегося поведения*. Отклоняющееся от каких стандартов? Преступление и правонарушение обычно определяются законами, но в некоторых сегментах общества законы не принимаются всерьез. Следует учитывать к тому же, что действия, внешне подобные, могут быть, по существу, совершенно разными — в зависимости от того, кто совершает этот поступок, каково значение данного поступка в его картине мира и что за аудитория, перед которой совершается это действие. Всегда должна приниматься в расчет эталонная группа действующего лица. Сказанное наводит на мысль, что существует по крайней мере три типа отклоняющегося поведения.

---

3 Ervin O. Smigel, Public Attitudes toward Stealing as Related to the Size of the Victim Organization, «American Sociological Review», XXI (1956), 320—327.

4 Samuel A. Stouffer, An Analysis of Conflicting Social Norms, ibid., XIV (1949), 707—717.

В плюралистическом обществе возникают некоторые группы, чьи картины мира отличаются от взглядов людей, обладающих престижем и властью. Приспособление к нормам таких групп делает человека правонарушителем. Многое из того, что называют «преступностью малолетних», составляет приспособление к требованиям особой эталонной группы. Большинство действий юношеских шаек участники не считают плохими. Борьба шайки за территориальные прерогативы — это дело чести. Мальчики из района трущоб совершают многие нарушения, пытаясь достичь или сохранить желаемый статус в глазах своих товарищей[5]. «Неисправимый» мальчик может быть наделен многими качествами, которые вызывают уважение к нему в его первичной группе, такими, как мужество, верность, цельность, порядочность и «честная игра». Такие мальчики не обязательно страдают личностными расстройствами; в самом деле, они хорошо приспособлены к своему миру. Их поведение оценивается как отклоняющееся теми, кто не является участником той же самой эталонной группы.

Различия в стандартах поведения, одобряемого в разных эталонных группах, иллюстрируются многими фактами. Бизнесмены, которые умышленно нарушают законы, часто считают себя очень ловкими и нередко вызывают восхищение друзей своими незаконными действиями. Сазерлэнд отмечал, что состоятельные люди редко наказываются за мошенничество при уплате налогов, даже если их поймают с поличным, тогда как бедный человек, обвиняемый в тех же самых поступках, может за это пойти в тюрьму[6]. В то время как уход отца из семьи резко осуждается средним классом негров, он не рассматривается как дезертирство теми, кто только недавно эмигрировал с сельского юга, где матриархальная семья остается принятым шаблоном жизни[7].

---

[5] См. Ernest W. Burgess, The Study of the Delinquent as a Person, «American Journal of Sociology», XXVIII (1923), 657—680; A. K. Cohen, op. cit.; Daniel Glaser, Criminality Theories and Behavioral Images, «American Journal of Sociology», LXI (1956), 433—444; Edwin H. Sutherland, Principles of Criminology, Chicago 1939, pp. 4—9.

[6] Edwin H. Sutherland, White Collar Crime, New York, 1949.

[7] E. Franklin Frazier, The Negro Family in the United States, Chicago, 1939, pp. 3—181.

Конформизм к экспектациям, разделяемым эталонной группой, не означает, будто человек не сознает законов или обычаев общества, в котором он живет. Многие малолетние правонарушители весьма сведущи в оценках ситуаций с точки зрения среднего класса. Некоторые мальчики даже обнаруживают стыд и раскаяние, когда их арестовывают, хотя многие рассматривают себя как мучеников. Трудно сказать, как человек может не приобрести некоторого понимания формальных предписаний общества, если воздействие в этом направлении почти неминуемо[8].

Другой тип отклоняющегося поведения возникает в результате временной утраты самоконтроля, особенно под влиянием сильного возбуждения. Есть много случаев дезертирства, воровства или насилия, когда действие совершалось импульсивно, вопреки собственным стандартам поведения.

Третий тип отклоняющегося поведения компульсивен. Такие нарушения, как употребление наркотиков, сильные оскорбления при слабой провокации и алкоголизм часто являются фиксациями. Хотя человек как-то пытается приспособиться к нормам среднего класса, он бессилен помочь себе. Некоторые малолетние правонарушители агрессивны, ожесточены и не испытывают чувства вины. Они не скрывают своей враждебности почти к каждому, неоправданно жестоки в обращении со своими жертвами, и некоторых из них боятся даже члены собственной шайки[9]. Многие из таких компульсивных шаблонов основываются, по-видимому, на защитных по своей природе частных значениях. Человек, склонный к садизму, может быть приведен в бешенство им же созданной персонификацией, которой он сам приписал злобные мотивы.

Стоящие на страже закона чиновники, социальные работники, судьи и социальные реформаторы — часто выходцы из среднего класса. Им свойственна тенденция судить каждого с

---

[8] См. Dale B. Harris, The Socialization of the Delinquent, «Child Development», XIX (1948), 143—153; Gresham M. Sykes and David Matza, Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency, «American Sociological Review», XXII (1957), 664—670.

[9] Richard L. Jenkins, Motivation and Frustration in Delinquency, «American Journal of Orthopsychiatry», XXVII (1957), 528—537.

точки зрения своих классовых стандартов, и некоторые проступки им кажутся непонятными. Одно из распространенных объяснений отклоняющегося поведения — это теория «психопатической личности» сошедшего с ума индивида, который невосприимчив к экспектациям других людей. Хотя действительно существуют люди, которые невероятно автономны, многие преступники *сообразуются* с нормами различных эталонных групп. В самом деле, во многих районах трущоб «хорошим» парнем считается тот, который поступает вразрез с превалирующим в обществе кодексом поведения[10]. Только третий тип отклоняющегося поведения может быть сведен к плохому личностному приспособлению. Рекомендация подвергнуть всех правонарушителей психиатрическому лечению не только не осуществима на практике, но и основывается на ложных предпосылках.

Если социальная дезорганизация является аспектом социального изменения, из этого следует, что социальная реорганизация иногда предполагает принятие некоторых шаблонов поведения, которые прежде осуждались как отклонения. Это особенно справедливо в отношении радикальных политических взглядов и новшеств в литературе и искусстве. Гораздо менее вероятно, что получат признание нарушения, связанные с насилием. Переходный период значительно варьирует по продолжительности, но рано или поздно коммуникация восстанавливается и непонимание устраняется. Новые шаблоны ~~поведения~~ фиксируются в привычках, и устанавливается социальный порядок.

Маргинальный статус и внутренние конфликты

Изменяющиеся общества обычно плюралистичны, и человек оказывается перед лицом нескольких эталонных групп. Каждой аудитории он приписывает различные экспектации, и некоторые нормы оказываются в противоречии друг

[10] Walter C. Reckless, Simon Dinitz, and Ellen Murray, The Good Boy in a High Delinquency Area, ibid., XLVIII (1957), 18—25.

с другом. Когда картины мира несовместимы, человеку трудно последовательно определять ситуации или успешно интегрировать *Я*-концепцию.

В массовых обществах все, кроме самых изолированных людей, принимают участие более чем в одном социальном мире, но эталонные группы большинства людей взаимно подкрепляют друг друга. Человек начинает остро осознавать различия между социальными мирами, когда он оказывается перед лицом противоположных требований, которые одновременно удовлетворить невозможно. Хотя некоторые протестантские секты все еще запрещают употребление спиртных напитков, возникает все больше и больше областей деятельности, в которых успех часто зависит от беседы за бокалом коктейля. Подобные конфликты представляют собой альтернативные способы определения одной и той же ситуации.

Для большинства людей конфликты этого рода возникают только в редких случаях. Даже если поведение человека непоследовательно, этого не замечают до тех пор, пока эталонные группы отделены друг от друга и их намерения не связаны между собой. Солдат убивает людей на поле боя, но такой шаблон поведения не переносится в гражданскую жизнь. Какой-нибудь адвокат, может вопить до хрипоты на состязаниях по боксу, но в зале суда ведет себя степенно. У большинства людей альтернативные картины мира существуют независимо друг от друга; в каждой обстановке для определения ситуации используется несколько отличная система взглядов. Индивиды, играющие несовместимые роли, спасаются от дилеммы, отделяя свои аудитории друг от друга.

Но некоторые люди вынуждены играть роли, которые содержат противоречивые права и обязанности. В принятии решений администрации бригадир значит очень немного. Он только передает распоряжения, контролирует ход работы и поддерживает порядок. Но он имеет власть над другими рабочими. В трудовых конфликтах его часто критикуют с обеих сторон[11]. Положение военного капеллана также противоречиво.

---

[11] Donald E. Wray, Marginal Men of Industry: The Foremen, «American Journal of Sociology», LIV (1949), 298—301.

Он открыто служит организации, предназначенной для разрушения ценностей, которые он, как человек религиозный, должен был бы поддерживать. После второй мировой войны Бурхард проинтервьюировал 71 капеллана. Только немногие сообщили о серьезных внутренних конфликтах, но они указывали на некоторые затруднительные ситуации. Например, следует ли им пить со своими товарищами-офицерами? Большинство опрошенных умышленно не поднимали вопрос о моральности убийства, но, когда их спрашивали об этом, некоторые начинали долго и подробно говорить о том, что война отличается от убийства[12]. В подобном же затруднительном положении находится глава секты пятидесятников: чем прочнее становится его положение, тем больше группа начинает походить на респектабельные вероисповедания, против которых секта прежде бунтовала[13]. Психиатры получают медицинское образование и идентифицируют себя с другими докторами, но в своей работе сильно полагаются на психологию и другие общественные науки, на которые медики смотрят свысока. Статус хиропрактика еще более двусмыслен[14]. Но не надо обращаться к таким необычным ситуациям. Статус американской женщины, особенно если она хорошо образованна, также содержит в себе противоречие: чем больше она занимается своей профессией, тем меньше возможностей остается у нее для роли привлекательной женщины[15].

Для исследования таких внутренних конфликтов социологи используют понятие «маргинального человека». Оно было введено Парком при исследовании междуэтнических конфликтов. Маргинальны те люди, которые находятся на границе между двумя или более социальными мирами, но не

---

[12] Waldo Burchard, Role Conflicts of Military Chaplains, «American Sociological Review», XIX (1954), 528—535.

[13] Bryan R. Wilson, The Pentecostal Minister: Role Conflicts and Status Contradictions, «American Journal of Sociology», LXIV (1959), 494—504.

[14] Harvey L. Smith, Psychiatry in Medicine, ibid., LXIII (1957), 285—289; Walter I. Wardwell, A Marginal Professional Role: The Chiropractor, «Social Forces», XXX (1952), 339—348.

[15] Mirra Komarovsky, Cultural Contradictions and Sex Roles, «American Journal of Sociology», LII (1946), 184—189.

принимаются ни одним из них как его полноправные участники. К признакам маргинального человека он относил следующие: серьезные сомнения в своей личной ценности, неопределенность связей с друзьями и постоянная боязнь быть отвергнутым, тенденция охотнее избегать неопределенных ситуаций, чем рисковать унижением, болезненная застенчивость в присутствии других людей, одиночество и чрезмерная мечтательность, излишнее беспокойство о будущем и боязнь любого рискованного предприятия, неспособность наслаждаться и уверенность в том, что окружающие несправедливо с ним обращаются[16].

Но не всем людям, обладающим ***маргинальным статусом***, присущи такие черты, и критики отмечали, что характеристика Парка применима только к ограниченному числу людей. Большинство детей иммигрантов не страдают такой неприспособленностью. Часто они формируют свое особое общество, как и отпрыски смешанных предков, и живут ради ценностей этого общества[17]. Другие разрешают свои конфликты, становясь специалистами в тех областях, где им удобно использовать свое необычное положение. Социологи-негры становятся экспертами по междуэтническим контактам, и женщины-инженеры могут концентрировать свое внимание на проектах, применимых в домашнем хозяйстве[18]. По-видимому, невротические симптомы развиваются только у тех, кто пытается идентифицировать себя с высшей стратой и бунтует, когда их отвергают. Исследование детей индейцев показало, что черты личности, свойственные маргинальным людям, были наиболее очевидны у тех, кто тесно идентифицировал себя с главным

---

[16] Robert E. Park, Race and Culture; E. C. Hughes et al., ed., Glencoe, 1950, pp. 345—392; ср. Everett V. Stonequist, The Marginal Man, New York, 1937.

[17] См. Milton M. Goldberg, A Qualification of the Marginal Man Theory, «American Sociological Review», VI (1941), 52—58.

[18] E. C. Hughes, op. cit., pp. 102—115; ср. Gross, Mason and McEachern, op. cit., pp. 244—318; Walter I. Wardwell, Reduction of Strain in Marginal Social Role, «American Journal of Sociology», LXI (1955), 16—25.

потоком американской жизни, но опасался быть отвергнутым вследствие своей «индейской» внешности[19].

Не существует, следовательно, обязательного взаимоотношения между маргинальным статусом и личностными расстройствами. Но изучение немногих плохо приспособленных показательно, ибо здесь в преувеличенных формах обнаруживаются внутренние конфликты, которые с меньшей силой переживают и другие люди, занимающие маргинальные позиции.

Лица, обладающие маргинальным статусом, сталкиваются с трудностями при формировании моральных суждений. Например, когда в 1957 году в Литл-Роке возник кризис по поводу совместного школьного обучения, большинство священников, не живущих на Юге, ясно высказались против сегрегации. Но священники Литл-Рока оказались в затруднительном положении. Если бы они высказались как христиане, они потеряли бы по крайней мере часть своих прихожан. Между тем внутри церковной иерархии каждый священник оценивается в зависимости от того, как процветает его церковь, и он не мог бы добиться успеха в своей профессии без поддержки прихожан[20].

Дилемма, которая встает перед человеком в маргинальной позиции, заключается в том, что независимо от того, как он поступит, кто-то будет недоволен. Если сын иммигранта женится на девушке, выбранной для него родителями, он причинит боль своей возлюбленной и разочарует своих друзей; если он женится на девушке, которую любит, он ранит своих родителей. Поскольку он тесно идентифицирует себя со значимыми другими, он может без труда понять их огорчения. Он пытается защитить и оправдать свои поступки, но его не покидает чувство вины.

Существуют индивидуальные различия в том, как человек справляется с такими ситуациями. Некоторые пытаются забыть

---

[19] Alan C. Kerckhoff and Thomas C. McCormick, Marginal Status and Marginal Personality, «Social Forces», XXXIV (1955), 48—55; Ср. Arnold W. Green, A Re-examination of the Marginal Man Concept, ibid., XXVI (1947), 167—171.

[20] Ernest Q. Campbell and Thomas F. Pettigrew, Racial and Moral Crisis: The Role of Little Rock Ministers, «American Journal of Sociology», LXIV (1959), 509—516.

свои беспокойства и перейти к другим делам. Но для тех, кто уже стал чужим самому себе, такие кризисы могут привести к формированию невротических симптомов. Отчуждение от самого себя может дойти до той точки, за которой наступает деперсонализация. Таким путем человек может освободить себя от всякой ответственности за то, что он сделал.

В тяжелых случаях карательные по отношению к себе действия могут стать компульсивными. В периоды депрессии человек становится избирательно чувствителен к своим отрицательным качествам; аккумулируя такие сигналы, он может создать персонификацию настолько ужасную, что будет пытаться ее уничтожить. В своем знаменитом исследовании Дюркгейм указал на «аномию» — условие, при котором не существует согласия относительно норм, — как на одно из обстоятельств, при котором степень распространения самоубийств возрастает[21].

Изучение ассимиляции американских индейцев обнаружило, что личностная неприспособленность тем больше, чем теснее контакты индейцев с другими американцами. Исследование ветеранов второй мировой войны из племени навахо обнаружило положительную корреляцию между степенью аккультурации и уровнем неуверенности в себе и конфликтов[22]. Сравнительное исследование двух деревень хопи, которые различались по степени их контактов с внешним миром, показало, что наиболее аккультурированные хопи были менее спонтанны, менее успешны в делах и обнаруживали большее беспокойство[23]. Существуют, однако, и противоречащие этому свидетельства[24].

---

[21] Emile Durkheim, Suicide: A Study in Sociology, Glencoe, 1951, pp. 241—360.

[22] Evon Z. Vogt, Navaho Veterans, «Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology», XLI (1951), № 1, pp. 105—106.

[23] Laura Thompson and Alice Joseph, White Pressures on Indian Personality and Culture, «American Journal of Sociology», LIII (1947), 17—22; cp. Benedict and Jacks, op. cit.

[24] A. Irving Hallowell, «Acculturation Processes and Personality Changes as Indicated by the Rorschach Technique», Rorschach Research Exchange», VI (1942), 42—48; ср. его же: Culture and Experience, op. cit., pp. 307—366.

Интересно отметить, что несогласующиеся сигналы могут вызвать у других животных поведение, сходное с неврозами человеческих существ. Это обнаружил Павлов в ходе одного из своих опытов над собаками. Впоследствии во многих экспериментах было показано, что расстройство может возникнуть в связи с необходимостью улавливать все более тонкие различия между стимулами, или в результате увеличивающегося разрыва между стимулом и подкреплением, или благодаря внезапному изменению давно известных условных стимулов. Когда стимулы, которые прежде сопровождались каким-то вознаграждением, начинают сопровождаться лишениями, или наоборот, у животного развиваются хронические эмоциональные расстройства[25]. Это говорит о том, что некоторые шаблоны реакций, часто наблюдаемые при неврозах, могут быть органического происхождения.

Есть немало людей, которые не маргинальны, но проявляют невротические тенденции. Невроз — это, по-видимому, продукт ряда нарушений в межличностных отношениях, а они могут происходить даже в очень стабильной обстановке. Но в изменяющемся обществе люди, занимающие маргинальное положение, периодически оказываются в ситуациях, где вероятность конфликтов со значимыми другими максимальна. Следовательно, соответственно увеличивается возможность отчуждения от самого себя.

Парк утверждал также, что маргинальные люди обычно бывают более творческими, чем другие. Те, кто счастливо живет в единственной культуре, с меньшей вероятностью могут стать новаторами, слишком многое они принимают как само собой разумеющееся. Те же, кто участвует в двух или более социальных мирах, менее привязаны к частному способу определения ситуаций и привыкли учитывать различные возможные решения. Зиммель также отмечал свободу и индивидуальность человека, участвующего в жизни различных групп. Чем больше картин мира индивид может принять во внимание, тем меньше порабощен он каким-то единственным образом жизни[26]. В любой культуре наибольшие достижения

---

[25] H. S. Liddell, Conditioned Reflex Method and Experimental Neurosis, in Hunt, op. cit., Vol. I, pp. 389—412.

[26] См. Park, Race and Culture, loc. cit.; Simmel, Conflict and the Web of Group-Affiliations, op. cit., pp. 150—154, 162—163, 185—191.

осуществляются обычно во время быстрых социальных изменений, и многие из великих вкладов были сделаны маргинальными людьми.

Личная преданность и групповая солидарность

Постоянный интерес социологов вызывает проблема групповой солидарности. До тех пор, пока участники продолжают исполнять экспектации друг друга, сохраняется определенный шаблон деятельности, характеризующий данную группу. Групповые структуры разрушаются, когда достаточная часть индивидов, особенно тех, кто играет ключевые роли, неудовлетворительно исполняет свои обязанности. Даже социальные санкции эффективны только тогда, когда они опираются на согласие. Итак, наш интерес ограничивается одной проблемой: каковы условия, при которых люди продолжают подчиняться конвенциальным нормам, даже когда такой конформизм связан со значительными жертвами и страданиями?

Поверхностные наблюдения показывают, что одно из существенных различий между теми, кто защищает традиционные ценности, и теми, кто стремится к новшествам, лежит в их чувствах по отношению к значимым другим. Индивид, нарушающий нормы, которых он некогда придерживался, — это обычно человек, не отличающийся преданностью тем людям, о ком известно, что они поддерживают существующий порядок. Отсюда следуют две гипотезы. ***Если у человека сформировались дизъюнктивные чувства по отношению к значимым другим, которые поддерживают status quo, или конъюнктивные чувства по отношению к тем, кто выступает против существующего положения, он будет восприимчив к изменениям и отступится от своих обязанностей, как только возникнет благоприятная возможность.*** Напротив, ***если у человека сформировались конъюнктивные чувства по отношению к значимым другим, которые поддерживают status quo, или дизъюнктивные чувства по отношению к тем, кто ищет перемен, он будет болезненно воспринимать нарушения конвенциальных норм и противодействовать изменениям.*** Исследования в

районах трущоб обнаружили, что дети, не являющиеся правонарушителями, удовлетворены чувствами, которыми окружены дома. Они подчиняются родительским экспектациям, даже если это влечет за собой осложнения в их отношениях с некоторыми из своих товарищей[27]. Исследования нарушений начинают сосредоточиваться на двух переменных: а) степень, до которой групповые нормы поддерживаются значимыми другими, и б) чувства человека по отношению к этим персонификациям.

Одной из ситуаций, в которых может быть исследована групповая солидарность, является стратифицированное сообщество, где есть возможности вертикальной мобильности. В американском обществе человек стремится уйти из подчиненной страты и расстаться с ее образом жизни. Социальная мобильность предполагает изменение картин мира — перемещение эталонных групп. Для выходцев из этнических меньшинств это означает достижение преимуществ ценой частичной утраты чувства своей личной определенности.

Многие продвигающиеся наверх люди ассимилируются; они приобретают новую систему взглядов на мир. Ассимиляция — это медленный, постепенный процесс, при котором картина мира новичка — иммигранта, рекрута, парвеню — изменяется до тех пор, пока он не усвоит взгляды своего нового окружения. Сначала человек еще живет в своем прежнем социальном мире и смотрит на других людей через этноцентрические очки. Посторонние кажутся непонятными и рассматриваются, по существу, с точки зрения полезности. Хотя контакты не обязательно бывают недружественными, поступки других часто неверно истолковываются и иногда кажутся странными. Со временем новичок начинает интересоваться тем, как его оценивают, ибо от этого зависит уважение, с которым к нему относятся. Вопреки самому себе он начинает бороться за какого-то рода признание в своем новом положении. Поиски более приемлемой позиции в обществе требуют

---

[27] Reckless, Dinitz, and Murray, Self-Concept as an Insulatoragainst Delinquency, op. cit.; ср. William Mc Cord, Joan Mc Cord and Irving Zola, Origins of Crime, New York, 1959, pp. 73–123; F, Ivan Nye, Family Relationships and Delinquent Behavior, New York, 1958.

принятия ролей. Человек должен что-то узнать о ценностях, разделяемых там, чтобы понять, как судят о нем другие. Через несколько лет, особенно если его новые контакты приносят удовлетворение, человек организует свой опыт в терминах вновь принятой картины мира. Если контакты с прежними друзьями ограниченны, он начинает смотреть на свою прежнюю группу с точки зрения постороннего и обнаруживает в ней много недостатков. Поскольку человек включил стандарты более привилегированной страты в систему своих взглядов, то — если не существует определенных барьеров против мобильности — он становится активным участником в новом социальном мире. Некоторые люди даже отрекаются от всех связей с прошлым, утверждая, что они никогда не были его частью. Конечно, ассимилируются полностью далеко не все те, кому удается улучшить свою судьбу. Некоторые пользуются материальными благами, но не изменяют своих стандартов поведения[28].

В Соединенных Штатах такая драма происходила несчетное число раз, и иммигранты один за другим исчезали в потоке американской жизни. В переходный период вообще утверждаются три типа ориентации. Эталонную группу тех, кто легче ассимилируется, составляют другие американцы. Эти иммигранты становятся ярыми критиками своей бывшей группы. Они пытаются «улучшить» самих себя, подражая, иногда неумеренно, американским обычаям. Существуют, однако, другие, кто отвергает американские ценности. Они подчеркивают свою этническую определенность, осуждают тех, кто ассимилируется, ориентируются на страну своих отцов и делают все, что только могут, чтобы сохранить собственные ценности и символы. Эталонная группа этих людей состоит из тех, с кем они идентифицируют себя на этнической основе; они добиваются статуса в глазах своего собственного «рода». Большинство людей в группах меньшинств находится, однако, между этими крайностями. Подобное расслоение иммигрантов показало, например, изучение итало-американцев в Нью-Хейвене и евреев в Австралии[29].

---

[28] См. Young, op. cit., pp. 98—276.

[29] Irvin L. Child, Italian or American? New Haven, 1943; F. E. Emery and F. M Katz, Social Theory and Minority Group Behavior, «Australian Journal of Psychology», III (1951), 22—35.

Автобиографии тех, кто выбился из низших групп и достиг признания в американском обществе, показывают, что путь к ассимиляции часто начинался с дизъюнктивных чувств по отношению к людям, рассматриваемым как представители своей группы. Иногда возникали конъюнктивные чувства по отношению к симпатичному представителю другого мира — к учителю, секретарю христианской ассоциации молодых людей или директору спортивной площадки, — который становился исповедником ребенка, не встретившего понимания. Одними из первых вступают в смешанный брак те, кто был несчастлив в своей этнической колонии. Именно неудовлетворенные составляют авангард социальных изменений. Ничто, кроме крайних средств, не может их удержать, и они порывают со своей группой, как только замечают благоприятную возможность[30].

В группах национальных меньшинств защитники старых традиций — это обычно люди, чьи конъюнктивные чувства ограничены кругом соплеменников. Часто у них вырабатываются дизъюнктивные чувства к чужим, даже если последние не доставили им никаких неприятностей. Во всех группах меньшинств распространены рассказы о дискриминации и дурном обращении. Фогт обнаружил, что те, кто сохраняет верность ценностям своего племени, обладают теплыми личными связями с другими индейцами, тогда как ассимилировавшиеся сообщили об утрате удовлетворительных связей внутри группы[31].

Другой аспект исследований групповой солидарности связан с изучением морального состояния воинских подразделений. Моральное состояние группы проявляется в качестве исполнения, в степени энтузиазма и самоотверженности, с которой выполняются действия. Решающей проверкой является поведение людей в крайне неблагоприятных обстоятельствах. Армии всех стран мира стремятся увековечить память о тех своих подразделениях, которые сражались до конца в явно безнадежных условиях. Этими случаями гордятся потому, что

---

[30] См. Peter M. Blau Social Mobility and Interpersonal Relations, «American Sociological Review», XXI (1956), 290—295; Myers and Roberts, op. cit., pp. 129—171.

[31] Vogt, op. cit., pp. 105—106.

другие подразделения тех же самых армий распадались и убегали, едва лишь возникала слабая опасность. Эти различия в моральном состоянии не могут быть объяснены с точки зрения социальной структуры, ибо все подразделения в данной армии организованы по сходному образцу.

Упорное продолжение коллективного действия объяснялось верой, с которой люди относятся к своему делу, качествами лидеров и даже прирожденными особенностями участников. В последние годы, однако, многие исследователи делают ударение на значении неформальной социальной структуры, представлений, установившихся в различных первичных группах относительно того, сколь многим каждый должен пожертвовать. Охваченный страхом человек может еще более бояться убежать, опасаясь того, что подумают о нем товарищи[32]. Это напоминает замечание Бернарда Шоу, что не существует мужества, есть только гордость. Часто жертвы совершаются только ради товарищей, которые любимы, с чьим мнением считаются. Американские солдаты, которые дезертировали во время второй мировой войны, отличались от других только в одном отношении: они были изолированы, не идентифицировали себя с какой-либо первичной группой в своем взводе. Это были люди, безразличные к взглядам окружающих[33].

Деморализация, напротив, есть продукт дизъюнктивных чувств. Дезинтеграция группы — это обычно постепенный процесс, предполагающий переопределение значимых других, формирование фракций и эгоцентрические действия. Индивиды становятся подозрительными в отношении мотивов и искренности друг друга. Группа распадается на клики; некоторые ненавидят членов противоположной фракции больше, чем своих явных врагов. Единство может какое-то время поддерживаться системой контроля и противовесов, но установление такого типа аккомодации — это лишь тактичное признание того факта, что участники более не доверяют друг другу. Когда люди начинают понимать,

---

[32] Marshall, op. cit., p. 148; cp. Grinker and Spiegel, op. cit.; Stouffer et al., The American Soldier, op. cit., Vol. II, pp. 105—241.

[33] Stein, op. cit.

что они не могут рассчитывать на своих друзей, им не остается ничего иного, как надеяться на самих себя.

С признанием важности идеологической войны восприимчивость к «промыванию мозгов» стала для вооруженных сил проблемой значительного интереса. Когда журналистка поинтересовалась прошлым 21 американского солдата, которые отказались репатриироваться после войны, она обнаружила, что единственной общей чертой, которой в Корее они все обладали, была долгая история затруднений в межличностных отношениях[34]. Хотя имелось, несомненно, много других пленных американцев с равно несчастливым прошлым, которые предпочли тем не менее вернуться домой, это сообщение не лишено интереса.

Существуют другие исследования, указывающие на связь между сохранением группы и межличностными отношениями в ней. Во время депрессии многие семьи потеряли значительную часть своего дохода, причем в некоторых из них солидарность возросла, а другие распались. Исследование показало, что там, где межличностные отношения были преимущественно конъюнктивными, существовала тенденция сплотиться и встретить кризис вместе, но там, где преобладающие чувства были дизъюнктивные, участники не могли больше выносить друг друга и в конце концов расставались[35]. Когда чувства дружественны только по видимости, трудности усиливают напряжения: поскольку люди уже насторожены, они находят, что их подозрения подтверждаются, и приписывают друг другу подлые или эгоистические мотивы.

Социальная солидарность основана на готовности участников подчиняться групповым нормам, даже когда это связано с большими жертвами, но большинство людей добровольно отказывается от чего-то только тогда, когда альтернатива еще более болезненна. В неблагоприятной обстановке верность участников конвенциальным или неформальным нормам основывается на преданности индивидам, которые рассматриваются как представители группы.

---

[34] Virginia Pasley, Twenty-One Stayed, New York, 1955.

[35] Robert C. Angell, The Family Encounters the Depression, New York, 1936.

Лояльность усиливается, когда чувства конъюнктивны, и слабеет, когда они дизъюнктивны. Люди действуют так, чтобы поддержать свой личный статус, особенно в глазах тех, с кем они считаются. Однако, ненавидя кого-то, они могут умышленно пытаться раздражать этих людей. Влияние дизъюнктивных чувств может быть так же важно, как и конъюнктивных.

Согласие и межличностные отношения

«Реальность», к которой люди постоянно приспосабливаются, состоит из конвенциальных значений — согласованных способов подхода к различным категориям объектов. Сравнительное изучение культур показывает, что такая «реальность» не есть точно то, что «вне нас»; это некая интерпретация чувственных сигналов. Эти интерпретации возникают и подкрепляются в коммуникации — во взаимодействии между отдельными людьми, к которым относятся с эмпатией. Эмпатия предполагает нечто значительно большее, чем принятие роли. Другие люди воспринимаются как специфические личности, и на них проецируются свойства, облегчающие сочувственную идентификацию. Чувство близости развивается при сильном общем желании, ожидании или опасении чего-то. Хотя характер связи недостаточно ясен, существует какое-то взаимоотношение между чувствами одного человека к другому и степенью, в которой они разделяют общие взгляды. Сколь невероятным бы это ни казалось, но то, как человек воспринимает «реальность», каким-то образом связано с его эмоциональным отношением к другим людям.

Недавние исследования показали, что восприятие зависит от межличностных отношений в гораздо большей степени, чем это предполагалось. Для экспериментов по восприятию Эймс построил специальную комнату с покатым полом, скошенной задней стеной и окнами различного размера и формы. С определенной позиции наблюдатель мог одним глазом видеть комнату, как если бы она была нормальной, с ровным полом и стенами с правильными углами; в других

случаях она виделась карикатурно искаженной. Находящийся в комнате человек казался поразительно большим или маленьким, а временами части его тела воспринимались как непропорциональные. Однажды в 1949 году жена одного из сотрудников заглянула в эту комнату, когда там находился ее муж и другие люди. Как и следовало ожидать, размеры и очертания других людей менялись, однако ее муж не изменялся! Для нее он был особенным человеком, которым она очень восхищалась. Этот необычный ход событий побудил провести эксперименты с 10 супружескими парами, причем каждый мог заглянуть в комнату, когда там находился его супруг в компании с другими. Результаты подтвердили восприятие женщины: супруг воспринимался менее искаженным, чем посторонние[36]. Это показывает, что лицо, которому человек особенно предан, становится стандартом, которым измеряются другие объекты.

Эффективное убеждение основывается скорее на личном влиянии, чем на достоинствах самих аргументов. Когда говорящий высоко оценивается и как внушающий доверие, и как объект любви или восхищения, происходят более значительные изменения во взглядах. Если воспринимающий, несмотря на его конъюнктивную ориентацию в отношении источника сообщения, не может принять сообщаемое, наблюдается тенденция отделять источник от утверждения[37]. Даже сообщения, переданные средствами массовой коммуникации, воспринимаются не безотносительно к личности. Мертон обнаружил, что марафонская распродажа военных облигаций Кэйт Смит* была

---

[36] Warren J. Wittreich. The Honi Phenomenon: A Case of Selective Perceptual Distortion, «Journal of Abnormal and Social Psychology», XLVII (1952), 705—712: ср. Hadley Cantril, Perception and Interpersonal Relations, «American Journal of Psychiatry», CXIV (1957), 119—126.

[37] Hovland, Janis, ang Kelley, op. cit., pp. 19—55.

* Имеется в виду случай, когда много часов подряд по всей стране транслировалось выступление популярной в США актрисы. Ее концертные номера сопровождались обращением к радиослушателям. Она просила американцев приобретать облигации, напоминала о целях займа и регулярно сообщала, как идет распродажа. Актриса не покидала студию до тех пор, пока не было собрано 39 миллионов долларов. — *Прим. перев.*

успешной благодаря тому, что звезда персонифицировалась аудиторией[38]. Когда Ньюком изучал изменения в политических взглядах студенток Беннингтонского колледжа, он заметил, что существовала тенденция изменения от консервативных позиций в первые годы учебы к либеральным или радикальным взглядам в последующие годы. В колледже значительный престиж ассоциировался с одобрением крайних взглядов, хотя многие девушки и не сознавали этого факта. Изучение показало, что тем, кто был наиболее изолирован от студенческой среды, удавалось закончить колледж почти без изменений в политических взглядах, в то время как у тех, кто был в этой среде активным, обнаруживалась, по крайней мере на время, тенденция к полевению[39]. В другом женском колледже, где мнение о неграх было значительно менее консервативным, чем в семьях учащихся, обнаружилось, что 80,4% из тех, кто принимает либеральные взгляды, обсуждают свои личные проблемы с подругами-студентками, но 45,4% из тех, кто отвергает эти взгляды, идут со своими заботами домой[40]. Эти результаты показали, что личная точка зрения формируется совсем иначе, чем абстрактные научные представления.

Есть люди, которые хотят жить в согласии с абстрактными принципами, не интересуясь мнением других людей. Идеал морального поведения для них — автономная личность, действующая, руководствуясь собственным чувством справедливого или несправедливого, независимо от экспектаций других. Действительно иногда люди относительно независимы от мнений непосредственно окружающих их людей, но для них важна поддержка других, кого физически нет рядом, — супруга, который временно отсутствует, родителя, который мертв, или бывшего учителя, с которым сохраняется регулярная переписка. В критических ситуациях, особенно когда важно поступить правильно, большинство людей обращается за поддержкой к значимым другим.

---

[38] Robert K. Merton, Mass Persuasion, New York, 1946.

[39] Theodore M. Newcomb, Attitude Development as a Function of Reference Groups: The Bennington Study, в: Maccoby et al., op. cit., pp. 265—275.

[40] Leonard I. Pearlin, Shifting Group Attachments and Attitudes toward Negroes, «Social Forces», XXXIII (1954), 47—50.

В моменты нерешительности, когда одолевают сомнения, в воображении появляются определенные персонификации. Человек, оказавшийся в затруднительном положении, спорит с ними, объясняет свой выбор, приписывает им контраргументы и воображает их досаду или одобрение. В некоторых случаях человек находит поддержку у воображаемых персонификаций — у автора взволновавшей его книги, у героя, которым восхищался однажды в кинематографе, или у какого-то божества.

«Реальность», как ее обычно воспринимают человеческие существа, наделена качеством, называемым «жизнь». Это не означает, что все объекты рассматриваются как живые, но без определенного рода ориентации, которую человек развивает по отношению к живым объектам, даже физический мир кажется «нереальным». Каждый вырабатывает свою ориентацию по отношению к миру, другим людям и самому себе в условиях интимных связей внутри первичной группы.

Отчеты о переживаниях тех, кого считают психотиками — человеческих существ, не принимающих участия в «реальности», по поводу которой существует согласие, — показывают, как важна душевная близость между людьми для сохранения человеческого окружения. Известен случай, когда больная включалась и выключалась из мира «реальности» в зависимости от ее меняющихся взаимоотношений с доктором. Если она чувствовала себя любимой терапевтом, «нормальное» восприятие заменяло болезненные искажения, и она воспринимала людей и вещи в обычных пропорциях и взаимосвязях. Но всякий раз, когда больная чувствовала, что ее аналитик раздражен или разочарован, она утрачивала контакт с реальностью и переносилась в мир «нереального»[41]. Человеческие существа взаимозависимы в гораздо более глубоком смысле, чем это обычно предполагалось. Благодаря своим чувствам они поддерживают представления друг друга об окружении. В психиатрических больницах интуитивно понимают это. Когда пациент проявляет некоторый интерес к своему внешнему виду,

---

[41] Sechehaye, Autobiography of a Schizophrenic Girl, op. cit., pp. 85—106; ср. Otto A. Willl, Human Relatedness and the Schizophrenic Reaction, «Psychiatry», XXII (1959), 205—223.

это обычно приветствуют как показатель, что он находится на пути к выздоровлению. Если он начинает интересоваться мнением других людей, он включается в принятие ролей — это первый шаг к возвращению в «реальность».

Хотя их взгляды едва ли не забыты в нашу материалистическую эру, Кули и его предшественники, шотландские моралисты, были, по-видимому, правы, подчеркивая, что человеческое общество основано на особого рода коммуникации между теми, кто симпатизирует друг другу. Определенные типы значений, которые формируются в наших первичных группах, — чувства — впоследствии переносятся на другие объекты. Ключ к пониманию поведения человека лежит, вероятно, в его взаимоотношениях с другими людьми. Ни один человек, живущий в психологическом одиночестве, не сохранит надолго те качества, которые делают его человеком. Жизни людей сложно переплетены друг с другом, и личности формируются, укрепляются и изменяются в ряде взаимодействий, характеризующихся эмпатией. Это не означает, будто научное изучение человеческой природы невозможно, но такие исследования должны принимать в расчет эту специфически человеческую связь людей с миром, в котором они живут.

Итоги и выводы

Человеческое общество лучше всего рассматривать как коммуникативный процесс; это система взаимных, возвратных реакций. Участвуя в ряде взаимодействий, человек формируется и изменяется. В то же время он оказывает обратное влияние, изменяя организацию самих взаимодействий. Но когда условия жизни меняются, вклады различных людей оказываются уже несоответствующими. Приемлемые прежде шаблоны разрушаются, и становятся необходимы специальные приспособления. Наступает переходный период, для которого характерно непонимание и конфликты. Те, кто оказывается в таких обстоятельствах, часто испытывают замешательство, неудобства и страдания.

Каждый, кто живет в изменяющемся обществе, сталкивается с какими-то затруднениями, но у большинства людей

конфликты умеренны и скоропреходящи. Некоторые, однако, оказываются в маргинальном статусе — в позиции, где воплотились противоречия структуры общества. Удовлетворить все экспектации здесь невозможно, и маргинальному человеку трудно сохранять адекватный уровень собственного достоинства. В попытках поддержать свою приемлемость некоторые находят специальные задачи, позволяющие им использовать необычность своего положения, другие отступают в особые группы маргинальных людей, а кое-кто даже теряет рассудок или уничтожает самого себя. Мятежные индивиды иногда пытаются вызвать у других уважение с помощью невротических усилий, компульсивной преданности неким целям, которые они рассматривают как стоящие.

Социальное изменение заключается в изменении систем взглядов людей, и такие трансформации, по-видимому, зависят от межличностных отношений. Тесная связь между картинами мира и чувствами ставит серьезные проблемы перед образованием, где предполагается, что приобретение знаний зависит от качества материала. Широко известно, что отношение учащихся к учителям различно. Некоторые учатся очень хорошо у одного учителя и враждебно относятся к другому. Некоторые отворачиваются от целой области знания, если им не нравится учитель, который их туда вводит. Даже среди оканчивающих обучение студентов идеи часто оцениваются с точки зрения чувств к профессору, который их выдвигает. Поскольку точность утверждений не зависит от мотивов и личности тех, кто их отстаивает, со временем, вероятно, произойдет известного рода проверка реальностью. Но человек может быть надолго ослеплен влиянием любимого учителя, познания которого не были проверены достаточно внимательно. Поскольку чувства по отношению к учителям обычно основываются на иной почве, чем их профессиональная компетенция, существует серьезное опасение, что выбор производится на основе критериев, не относящихся к делу. При формировании рациональных суждений делаются большие усилия, чтобы подавить чувства, но во время обучения человека эти ориентации, вероятно, должны быть усилены больше, чем считают многие воспитатели.

Библиографический указатель

Angell, Robert C., The Family Encounters the Depression, New York, 1936.

Durkheim, Emile, Suicide: A Study in Sociology, Glencoe, 1951.

Freud, Sigmund, Group Psychology and the Analysis of the Ego, New York, 1949.

Grinker, Roy R. and John P. Spiegel, Men under Stress, Philadelphia, 1945, Chapters I — III.

Park, Robert E., Race and Culture, Glencoe, 1950, pp. 3 — 52, 204 — 220, 331—342.

Thomas, William I. and Florian Znaniecki, The Polish Peasant in Europe and America, New York, 1927, Vol. II, pp. 1117 — 1264, 1303 — 1306, 1647 — 1827.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГЛАВА 18

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Один из парадоксов нашего времени состоит в том, что хотя контроль над материальной средой все более возрастает, мы по-прежнему не способны понять самих себя. Развитие физических наук сделало возможным такой уровень жизни, который превзошел мечты философов — утопистов прошлого. Успехи биологических наук побеждают одну болезнь за другой, и смертность падает до уровня, когда миру грозит перенаселение. Но неспособность выработать адекватное понимание человеческого поведения делает затруднительным использование этого великого могущества для человеческого благоденствия. Мыслящие люди, считающиеся разумными, накапливают средства массового уничтожения, хотя каждому ясно, что ядерная война может иметь своим результатом уничтожение человеческого рода. Ожидается, что возрастающее использование автоматов приведет к технологической безработице, но многие предприниматели отказываются сокращать рабочее время и выбрасывают часть рабочих на улицу, понижая тем самым общую покупательную способность. Среди этого хаоса люди снова задают извечный вопрос: в чем смысл человеческого существования?

В каждом обществе от интеллигенции ждут, что она объяснит происходящее и обеспечит некоторое руководство людьми. Но как много художников, писателей и философов нашей эпохи поглощены другими проблемами! Их внимание привлекает ненормальное, подлое, уродливое.

Многие из них, кажется, поставили себе целью доказать, что человек заслуживает презрения. Но поскольку действия человеческих существ связаны с их *Я*-концепцией, те, кто презирает самого себя, будут прощать поступки, которые они не согласились бы терпеть, если бы жили по более высоким стандартам. А какой вклад внесли социальные ученые в то время, когда понимание человека столь необходимо? Серьезные исследования предпринимаются во всем мире, но очень немного еще сделано существенного.

Из всех социальных наук область, которая больше всего касается предмета нашего разговора, — это социальная психология. Она представляет собой попытку систематически, используя методы, сходные с методами других наук, исследовать человека как участника общества. Эта область все еще находится в эмбриональном состоянии. Принимая во внимание серьезность кризиса, перед которым мы оказались, позволительно спросить, почему же ее работники не могут забыть своих разногласий и не объединятся в согласованном усилии? Мы должны помнить, что социальные психологи — это человеческие существа, и они являются объектами социального контроля. Если некоторые из них, по-видимому, более заинтересованы в том, чтобы произвести впечатление друг на друга, чем в решении настоятельных проблем, это означает только, что они подобны другим людям.

Некоторые характерные черты массовых обществ

Успешное развитие техники — в коммуникациях, производстве и транспорте — преобразовало организацию групповой жизни. Одна из характерных черт массового общества заключается в том, что многие взаимодействия происходят в большом масштабе, сводя вместе тысячи людей, чьи контакты друг с другом по необходимости вторичны.

Требования эффективного производства преобразуют все больше и больше предприятий в крупные корпоративные объединения. Существует разделение труда, и каждый человек выполняет высокоспециализированную работу; в конце конвейерной линии получается коллективный продукт. Принцип

массового производства не ограничивается выпуском автомобилей: современная больница составляет резкий контраст с «доктором по всем болезням» в прошлом, и студенты огромных университетов постоянно жалуются на безличность контактов с преподавателями. В ходе индустриализации весь цивилизованный мир становится серией гигантских взаимосвязанных единиц.

Одним из последствий такого типа социальной организации является отделение работника как от продукта, так и от средств производства. В отличие от ремесленника прошлой эры ни один фабричный рабочий не может сам произвести весь продукт целиком. Большинство работников — это просто стандартные винтики в гигантской безличной машине.

В индустриальном обществе социальный статус человека зависит не столько от его *работы*, сколько от его *места*. Его престиж определяется не столько важностью того, что он делает, сколько его положением в респектабельной организации. Безработица становится серьезной проблемой даже для тех, кто обеспечен питанием и одеждой, ибо безработный человек чем-то похож на изгнанника из общества[1].

Развитие индустрии приводит к концентрации населения в городах. Растущая плотность населения в городах означает, что мы не можем устанавливать первичные взаимоотношения со всеми, с кем вступаем в контакт и от кого мы зависим. Встречный воспринимается как частный случай некой категории, и о нем судят по внешним признакам: по костюму, цвету кожи, вкусу или опрятности. Мы можем весело приветствовать знакомых, но лишь немногих из них мы способны узнать как особых индивидов.

Когда человек лишен возможности знать каждого другого, основой ассоциации становятся не личные предпочтения, а денежная связь. Служащий магазина облегчает приобретение необходимых предметов, а покупатели содействуют увеличению его средств к жизни. Люди освобождаются от соображений чувств, которые так связывают в малых сообществах, но они утрачивают также чувство сопринадлежности, которое лежит в основании большинства первичных групп.

---

[1] См. Peter F. Drucker, The New Society, New York, 1949, pp. 1—98.

Неискренность и расчетливость более всего распространены в городах. Здесь люди подходят один к другому с осторожностью, часто предполагая, что другой стремится только осуществить свои эгоистические интересы. Зато значительно больше люди полагаются на формальные социальные санкции. Для поддержания порядка и для судебного разбирательства оказываются необходимы законные органы принуждения[2].

Другая характерная черта массовых обществ — развитие средств массовой коммуникации и вследствие этого расширение картин мира. Пока не стали общедоступными такие средства, как печать, радио, телевидение и кинематограф, жизнь большинства людей была ограничена в основном местной общиной. Теперь горизонт каждого человека небывало расширился. Мы не только знаем о событиях, которые происходят за тысячи миль, но часто учитываем их, принимая свои решения.

Широкие исследования были проведены по вопросу о том, как аудитория реагирует на различные программы средств массовых коммуникаций. Оказалось, что большинство людей воспринимает программы как ряд взаимодействий с персонификациями. Читая в газете представляющую человеческий интерес историю, люди замещающе участвуют в описываемом сюжете. Международные дела они склонны рассматривать как состязание между ключевыми политическими фигурами — премьер-министрами, президентами и диктаторами. О том, до какой степени люди идентифицируют себя с персонификациями, показывают письма слушателей, засыпающие радио- и телевизионные станции. Когда Джо Палука женился, многие прислали карикатуристу свадебные подарки. Большинство людей, которые пишут «Бэтти Крукер», дающей советы домохозяйкам, по-видимому, не представляют себе, что она лишь продукт воображения служащих корпорации. Одна из существенных черт первичных отношений — это эмпатия. Миллионы людей замещающе участвуют в жизни персонажей, с которыми они

---

[2] См. Simmel, The Sociology of Georg Simmel, op. cit., pp. 402—424; Wirth, Community Life and Social Policy, op. cit., pp. 110—132.

встречаются благодаря средствам массовой коммуникации, и реагируют на них во многом так же, как они реагируют на реальных людей. Актеров часто останавливают на улице, называют их по имени и обращаются с ними как со старыми друзьями[3].

Есть данные, говорящие о том, что вкусы и стандарты поведения формируются путем замещающегося участия в таких взаимодействиях. Несмотря на большое число разводов, американцы продолжают верить в «любовь с первого взгляда», и содержание американских кинофильмов может объяснить существование этой веры. Сравнительное исследование американских и французских картин показало, что в большинстве американских фильмов юноша встречает девушку случайно, оба оказываются людьми исключительной чистоты, и каждый раз в конце они вместе приходят к счастливой жизни. Напротив, во французских фильмах такие встречи не только редки, но почти неизбежно приводят к опасности, бесчестью или смерти. Исследователи отмечали, что эти фильмы отражают и усиливают принятые ценности американской и французской жизни[4]. В то же время постоянное соучастие в таких вымыслах подтверждает и кристаллизует склонности, которые в другом случае оставались бы только смутными. Исследования показывают, что односторонние первичные отношения играют значительно более важную роль в социализации, чем это предполагалось ранее.

Одно из последствий расширения картин мира и плюрализма массовых обществ — сокращение влияния локальных групп как исключительных агентов социального контроля. Каждый человек может в известной мере обособиться от тех, с кем состоит в непосредственном контакте, а то и вовсе их

---

[3] См. Donald Horton and Richard Wohl, Mass. Communication and Para-Social Interaction, «Psychiatry», XIX (1956), 215—229; W. Lloyd Warner and William E. Henry, The Radio Daytime Serial: A Symbolic Analysis, «Genetic Psychology Monographs», XXXVII (1948), 3—71.

[4] Martha Wolfenstein and Nathan Leites, Analysis of Themes and Plots, «Annals of the American Academy of Political and Sosial Science», CCLIV (November, 1947), 41—48.

игнорировать. Если его интересы сталкиваются с интересами окружающих, он может найти сочувствие в другом месте.

В массовых обществах люди часто оказываются невольными участниками гигантских взаимодействий, где личный выбор сведен к минимуму. В разгар «маккартизма», например, каждый, кто подвергал сомнениям тактику сенаторов, подозревался в том, что он коммунист, и в результате выбывал из строя. В политике предмет спора, кандидаты и все, по поводу чего индивид мог бы выразить свое мнение, уже заранее предрешено; часто он может голосовать лишь за то, что считает меньшим из двух зол. Когда объявлена война, не имеет значения, считает ли гражданин дело своей страны справедливым: ожидается, что он выполнит свой долг. Даже в более спокойное время служащий крупной корпорации должен следовать стандартным процедурам, хотя бы он лично был убежден, что некоторые из них являются идиотизмом.

Хорошим примером характерного для массового общества социального контроля служит движение моды. Мода ни в коем случае не ограничивается женской одеждой. Она может быть обнаружена в искусстве, архитектуре, литературе, философии и даже в социальных науках. Это движение, видимо, оформляется в результате конвергенции выборов, сделанных большим числом людей. Тысячи женщин индивидуально пытаются сделать себя привлекательными, но конвергенция их покупок создает движением. Сопротивляться новым стилям почти всегда бесполезно. В политической революции имеется некто, представляющий правительство и определяемый как враг, но в движении моды свергать некого. Если нарушение конвенциальных норм приводит к возмущению и наказанию, то нарушение моды вызывает скорее смех и сострадание. Отказываясь подчиниться, человек причиняет вред самому себе, но не моде. Когда устанавливается общее направление моды, женщины вынуждены пополнять свой гардероб. Это приводит к широко распространенным подозрениям, что, должно быть, существует гигантский тайный заговор в индустрии одежды, но есть серьезные доказательства, что это не так[5]. Следуя моде, каждый человек невольно содействует ее движению.

---

[5] См. Blumer, Collective Behavior, op. cit., pp. 185—189, 216—218; Neil H. Borden, The Economic Effects of Advertising, Chicago, 1947; Paul Nystrom, The Economics of Fashion, New York, 1928.

Демократизация — еще одна характерная черта массовых обществ. Как отмечал Маннгейм, наше общество таково, что очень большое число простых людей включено в политические процессы невиданным в других обществах образом. Политика не является больше исключительной принадлежностью групп элиты. Законная власть требует поддержки или по крайней мере покорности большого числа людей. Даже диктаторы ограничены тем, что люди соглашаются терпеть. Это значит, что те, кто контролирует каналы коммуникации, находятся в особо благоприятном положении[6].

По существу, социальный контроль в массовом обществе во многом подобен социальному контролю в меньших сообществах. Основное различие заключается в том, что аудитория, перед которой человек добивается статуса, значительно больше и более обезличена. Например, многие не хотят, чтобы «люди» смеялись над ними. Но кто такие эти «люди»? В основном посторонние. Человек до какой-то степени освободился от контроля своей первичной группы, но он по-прежнему считается с групповыми экспектациями. Многие из этих эталонных групп, однако, велики, аморфны и постоянно подвержены изменениям.

Как и во всех других обществах, люди по-прежнему формируют и поддерживают свои картины мира и *Я*-концепции посредством коммуникации. Однако доступность и радиус действия коммуникации предоставляет им возможность замещающе участвовать в жизни многих из тех, кого они не встречают непосредственно. Важность таких персонификаций не следует недооценивать. Как и в первичных группах, люди приписывают персонификациям экспектации и затем пытаются жить в соответствии с ними. Социальный мир современного человека больше, но процесс самоконтроля остается тем же самым.

Хотя подавляющее большинство контактов между людьми, живущими в городах, опосредствованы категориями, человеческие существа в основе своей не изменились. Первичные группы процветают повсюду, и чувства остались те же самые. Люди по-прежнему любят и ненавидят, завидуют,

---

[6] Karl Mannheim, Man and Society in an Age of Reconstruction, New York, 1940, pp. 44—49.

ревнуют и обижаются. Каждый, кто понаблюдает за слепым нищим, может убедиться в отзывчивости людей даже в безличном большом городе. Большинство людей сохраняет осторожность, но как только защитная оболочка пробивается каким-то драматическим событием, кажущаяся бессердечность исчезает. Средний человек может быть сбит с толку и дезинформирован, но он борется за то, что считает достойным. Даже массовое общество — это моральный порядок; люди по-прежнему судят о самих себе и о других с точки зрения стандартов поведения, которые они усвоили в первичных группах. Социальный контроль осложняется условиями жизни, возникающими в массовых обществах, но основа процесса не изменяется.

Социальный контроль интеллектуальной деятельности

Модель идеального поведения ученого довольно хорошо определена; существует давняя традиция самоотверженного поиска знаний для блага человечества. Но обстановка, в которой работает сегодня большинство социальных психологов, резко контрастирует с той атмосферой, когда Пастер боролся против медицинских знаменитостей своего времени или Фабр, мучимый бедностью, неустанно занимался своими исследованиями, или Кюри совершали свои открытия, работая без лаборантов с крайне примитивным оборудованием. Многие студенты, войдя в эту область с возвышенными идеалами, быстро лишаются иллюзий. Некоторые переориентируют себя, соглашаясь пойти по одному из традиционных путей карьеры; другие покидают эту область, чтобы преследовать свои филантропические цели где-то в ином месте. Это происходит не только в социальной психологии, но и в других социальных науках. Однако, прежде чем слишком строго осуждать этих людей, следует вспомнить, что они — человеческие существа и объекты социального контроля.

Исследования по социальной психологии, особенно в Соединенных Штатах, осуществляются во все более корпоративной обстановке. Социальные психологи нанимаются в крупные организации, которые располагают значительными

дотациями, — в университеты, государственные исследовательские институты, индустриальные фирмы и госпитали. Каждая организация имеет бюрократическую структуру, и участники связаны ее нормами. Преимущества таких организаций не следует преуменьшать. Исследования большого масштаба позволяют использовать лучшую аппаратуру, дорогостоящее оснащение, они характеризуются высокой степенью специализации и свободны от финансовых затруднений. Ученый-одиночка не в силах исследовать многие сложные проблемы. С другой стороны, существует много неудобств. Самое неприятное, что творческий ум принужден действовать внутри бюрократических рамок и интересы корпорации не всегда благоприятствуют успехам знания. От репутации организации в обществе зависит получение фондов, и администраторы стремятся подчеркивать то, что, вероятно, улучшит отношение публики, — добиваются высокого процента докторских степеней в штате, выпуска большого числа публикаций и проведения эффектных исследований, понятных непосвященным. Иногда ученый вынужден пойти на компромисс и поступиться высокими стандартами исполнения. В каждой области существует тенденция выдвигать самых компетентных людей на административные посты, где их искушают потратить наиболее продуктивные годы на текущую работу. Линии карьеры определяются с возрастающей ясностью, и выдвижение основывается на многих соображениях, не относящихся к качеству работы данного человека. Как бы он ни был компетентен, индивидуалист, который «не ладит» с другими, часто остается позади[7]. Это не означает, что большинство научных работников и ученых как-то менее искренни в своих поисках знания, но оказываемое на них давление затрудняет работу. При таких условиях приходится только удивляться, что производится так много работ высокого качества.

Мир социальных психологов сохраняется как целое благодаря весьма эффективным каналам коммуникации — специальным журналам, встречам профессиональных организаций и личным контактам. Социальные психологи стремятся

---

[7] См. William H. Whyte, Jr., The Organization Man, New York, 1957, pp. 225—265.

сохранить или повысить свой статус перед аудиторией, состоящей главным образом из их товарищей-специалистов и коллег по профессии в смежных отраслях. Наибольшим престижем обычно пользуются те, кто работает в крупных и известных организациях. И зрелые ученые и честолюбивые молодые люди одинаково переходят с места на место по мере того, как они добиваются восхождения по иерархии статусов. Продвижение определяется преимущественно числом публикаций данного лица, причем слишком часто упор делается скорее на количество, чем на качество. Не удивительно, что многие молодые ученые очень заинтересованы в опубликовании своих материалов независимо от того, вносит ли это что-нибудь новое в науку[8]. Но специалисты оценивают также работу друг друга с точки зрения ее качества. Людей, которые достигают высокого положения в хорошо известных организациях — становятся деканами в университетах или директорами в государственных институтах, — иногда презирают свои же коллеги. Часто те, кого наиболее уважают равные, не известны посторонним.

Широко известными становятся те теоретические схемы и исследовательские процедуры, которые отстаивают люди с наибольшим престижем. Исследовательские фонды часто распределяются группами людей из штата хорошо известных организаций, работающих консультантами различных ведающих средствами агентств. Не приходится удивляться, следовательно, что в различных областях исследования периодически обостряется борьба за власть между теми, кто представляет различные точки зрения. В университетах оканчивающим курс студентам иногда прививается иммунитет к литературе соперничающих школ, и затем их посылают в меньшие колледжи проповедовать частные точки зрения. Поскольку новички в профессии первое свое место получают обычно благодаря поручительству профессоров, они чувствуют себя перед ними в долгу и в свою очередь посылают своим бывшим профессорам лучших учеников. Влияние честолюбивого человека может простираться еще дальше, если он становится редактором ведущего журнала или консультантом издателя.

---

8 См. Caplow and McGee, op. cit., pp. 81—93; L. Wilson, op. cit., pp. 175—214.

Некоторые из тех, кто занимает ключевые позиции в высоко котирующихся организациях, создают целые интеллектуальные империи. Иногда это может нанести значительный вред. Если убеждения влиятельного ученого окажутся грубой ошибкой, возможно, что развитие его области будет задержано на полсотни лет.

Как и во многих других кругах, честолюбивые ученые часто образуют фракции. Иногда расхождения обсуждаются открыто в достойных критических выступлениях, но рассмотрение альтернативных гипотез, особенно когда доказательства не очевидны, часто выливается в мстительную личную ссору. Знаменитый физиолог Кэннон, опубликовавший свои воспоминания, сетует не на то, что другие ученые с ним в чем-то не соглашались, а на чрезвычайно оскорбительную манеру нападок. Даже отступая, критики часто принимали презрительный вид, намекая, что их оппонент просто глуп[9]. Садистская критика взглядов, отличающихся от концепций лидеров данной области, часто имеет своим результатом широкое распространение приспособленчества. Те, кто защищает неортодоксальные теории, подвергаются негативным социальным санкциям, — во многом так же, как еретики в религиозном мире. Поскольку многие революционные открытия сделаны людьми, чьи взгляды не были ортодоксальны, такое поведение приносит большой вред. Новаторам трудно опубликовать свои работы, получить средства для исследований или предоставить своим студентам или ассистентам желаемое положение.

В спорах социальных психологов вопросу об измерениях принадлежит сегодня центральное место. Погоня за признанием приводит к некритическому подражанию методам, которые пользуются престижем в других областях. Некоторые ученые делают особое ударение на точности измерений, утверждая даже, будто не должно изучаться то, что не может быть измерено. Никто не возражает против точных наблюдений, но пока точные измерительные устройства могут применяться лишь для очень ограниченных аспектов человеческого восприятия. Во многих университетах существует

---

9 Walter B. Cannon, The Way of an Investigator, New York, 1945, pp. 97—107.

деление академических факультетов на теоретические и эмпирические, поскольку во многих случаях эти направления не могут даже найти общего языка. Но теория, когда она не сдерживается отрезвляющим влиянием фактов, стремится обогнать ветер. Она становится эзотерической, утонченной и настолько сложной, что ее невозможно проверить имеющимися в наличии методиками. Эмпирическим исследованиям, когда они независимы от теории, свойственна тенденция заниматься тривиальными проблемами. Основываясь на предположениях здравого смысла и популярных представлениях, они дают результаты, которые не имеют отношения к научным исследованиям.

Рейхенбах указывал на различие между «ситуацией открытия» и «ситуацией оправдания» и отмечал, что то, что обычно называется «научным методом», используется лишь во втором случае, когда проверяется уже сформулированная гипотеза[10]. Физики наших дней могут смело полагаться на эксперимент лишь потому, что основы их науки были заложены в упорных, тщательных наблюдениях прошлых веков. На первой фазе любая дисциплина должна сконцентрировать свое внимание на наблюдении и классификации естественных событий[11]. Некоторые социальные психологи пренебрегают такой работой, но можно ли в действительности перепрыгнуть через эту ступень? Например, были предприняты попытки экспериментально исследовать антисемитизм, но антисемитизм — это популярная категория, сформированная на основе поверхностных уподоблений. К ней относится любое проявление враждебности к евреям. Но такие действия могут принимать различные формы. Кроме того, тот же самый тип действия может быть направлен против других категорий людей. Исследовать причины антисемитизма — это значит задавать бессмысленный вопрос. Враждебность, направленная против евреев, может возникнуть во многих различных типах взаимодействия, и

---

[10] Hans Reichenbach, The Rise of Scientific Philosophy, Berkeley, 1951, pp. 229—233.

[11] Filmer S. C. Northrop, The Logic of the Sciences and the Humanities, New York, 1947, pp. 35—58.

до тех пор, пока они не будут более адекватно классифицированы, не смогут быть ни сформулированы, ни испытаны плодотворные обобщения. Глубокий анализ исследуемых случаев, эксперименты в малых масштабах с целью проверить догадки и последовательное уточнение концепций — существенные ступени в развитии достоверного знания. Такие исследования проводятся редко, ибо они неблагодарны. На социологов, которые говорят о таких индуктивных процедурах, не обращают внимания[12].

Поскольку личный опыт многих социальных психологов ограничен знакомством с узкой группой людей, они иногда обнаруживают невероятную наивность и этноцентризм в своих экспериментальных исследованиях. Психиатры особенно виноваты в использовании своих собственных ценностей — обычно стандартов американского среднего класса — как абсолютных критериев и в осуждении тех, кто не отличается конформизмом, как умственно отсталых, злых или плохо приспособленных. Один из наиболее экономичных путей преодоления этой ограниченности — чтение *личных документов*: автобиографий, дневников, писем и исповедей, — где обнаруживается не только сходство в мыслительных процессах и эмоциональных реакциях людей всего мира, но также фантастическое разнообразие конвенциальных значений. Несмотря на трудности, которые возникают при их анализе, многие исследователи считают эти документы незаменимыми[13]. Чтение таких документов дает возможность познакомиться с внутренними переживаниями многих различных типов людей. Тем, кто отвергает подобные материалы как «субъективные», можно

---

[12] См. Angell. op. cit., pp. 265—307; Florian Znaniecki, The Method of Sociology, New York, 1934, pp. 249—319.

[13] См. Gordon W. Allport, The Use of Personal Documents in Psychological Science, New York, 1942; Bernard Berelson, The Quantitative Analysis of Case Records, «Psychiatry», X (1947), 395—403; Louis Gottshcalk, Clyde Kluckhohn, and Robert Angell, The Use of Personal Documents in History, Anthropology, and Sociology, New York, 1945; Siegfried Kracauer, The Challenge of Qualitative Content Analysis, «Public Opinion Quarterly», XVI (1952), 631—642.

возразить, что нужно не столько устранять субъективность, сколько развивать интерсубъективность.

Поскольку знание используется как инструмент приспособления, продукты интеллектуальной деятельности являются объектами проверки реальностью. Все, что не выдерживает серьезной проверки полезностью, в конечном счете отвергается. Многие подходы к социальной психологии сохранялись до сих пор прежде всего потому, что не было повода провести проверку их основных позиций. Ученые, которые втягиваются в борьбу за власть, видимо, забывают, *что истинность или ложность обобщений основываются на доказательстве, а не на престиже тех, кто их высказывает*. Очевидно, что существующие знания о человеческом поведении едва ли адекватны; большинство работ, которые сейчас принимаются, со временем, возможно, будут заменены чем-то лучшим.

Подобно большинству ученых и научных работников наших дней, социальные психологи испытывают затруднения из-за бюрократической обстановки, в которой они работают, но более широкий взгляд на эту дисциплину оптимистичен. Ученые в других областях страдают от таких же трудностей, особенно в годы становления, когда еще очень трудно подвергнуть конкурирующие взгляды решающей проверке. Но одна за другой разоблачаются и изгоняются ошибочные гипотезы. Научное знание развивается в процессе естественного отбора. Хотя некоторые суеверия весьма живучи, в конечном счете теория не может доказать свое право на существование до тех пор, пока она не пройдет доказательной проверки.

Познание и социальная инженерия

Чем точнее знание, тем больше пользы оно принесет человечеству. Это принимается на веру, и многих поразит открытие, что сказанное не всегда справедливо.

Знание — это источник силы, ибо знание облегчает контроль. Человек, который понимает, что и как происходит, может манипулировать некоторыми из условий с тем, чтобы

ход событий изменился в его пользу. Знание обычно используется во имя определенных ценностей, принятых в обществе. Даже скромные открытия в социальных науках могут быть использованы для сокращения взяточничества и коррупции в управлении, для улучшения здоровья с помощью профилактических мер, для повышения производительности предприятий, для улучшения морального состояния в вооруженных силах, для обучения граждан новым знаниям и для выработки более надежных процедур досрочного освобождения заключенных.

В плюралистических обществах, однако, иногда возникают споры о том, какие ценности должны проводиться в жизнь. Социальные реформы оказываются нежелательными для тех, кто извлекает выгоду из старого устройства, и те, кто заинтересован в нем, нападают на социальных ученых. К несчастью, последние особенно уязвимы. Почти каждый против болезней, но не всякий стоит за социальные изменения. Время от времени делаются попытки подавить «опасные мысли».

Знание этически нейтрально. Само по себе оно ни хорошо, ни плохо, ибо оно может быть использовано различным образом. Как развитие ядерной физики может привести к созданию и разрушительных бомб и новых источников энергии, так же и познание человеческого поведения может быть использовано и для усиления эксплуатации и для повышения благосостояния человечества. Понимание человеческого поведения может быть использовано управляющим для эксплуатации своих рабочих или диктатором для устранения сопротивления его политике. Некоторые колониальные правительства используют достижения политической науки для подавления сопротивления туземцев, а некоторые социальные ученые применяют свои знания, чтобы добиться личных целей внутри университета. Именно благодаря возможным злоупотреблениям проблему развития знания нельзя отделять от вопроса о политической власти и моральных стандартах.

Результат в известной степени уже наметился. Поскольку в массовом обществе успех в политике и в бизнесе связан с общественной поддержкой, делается много попыток манипулировать людьми с помощью средств массовой коммуникации.

Часто задают вопрос: если столь многое известно о человеческой природе, не может ли стать более эффективной эксплуатация людей посредством рекламы и пропаганды? Некоторые утверждают, что путем подсознательного внушения и других трюков, основанных на недавних исследованиях, людей обманывают, вынуждая их приобретать предметы, в которых они не нуждаются. Следует отметить, что многие утверждения явно преувеличены. Для индустрии рекламы выгодно создать впечатление, что она владеет «научным» знанием, которое дает ей возможность манипулировать поведением. Если агенты рекламы смогут убедить своих клиентов, что это так, они, безусловно, повысят свои собственные доходы, если и не увеличат доходы заказчиков. Не приходится сомневаться, что многие компании по рекламе достигли больших успехов, но является ли успех результатом достоверного знания или интуитивных предположений способных исполнителей, это предмет догадок. Некоторые претензии предполагают систематическое знание того, что даже не существует. Многие искусные пропагандисты вырабатывают свои приемы путем проб и ошибок; часто то, что они делают, является эффективным в силу причин, которых они не понимают. Но возможности для злоупотреблений все же существуют. Мы не можем игнорировать и того, что с развитием достоверного знания некоторые из диких претензий наших дней могут быть в конечном счете реализованы. По-видимому, публицисты значительно более восприимчивы к новым достижениям социальной психологии, чем реформаторы или правительственные чиновники.

Хотя непосредственной опасности, кажется, не существует, дальнейший прогресс социальной психологии может привести к настоятельной необходимости института, предохраняющего от господства честолюбивых индивидов, групп элиты или тиранического большинства. Чем адекватнее знание, тем опаснее оно может быть как оружие. Непрерывное развитие всех социальных наук, если оно не сопровождается заботой о моральных стандартах, может, видимо, привести к катастрофе.

Но возможно ли согласие относительно моральных стандартов в плюралистическом обществе? Большинство американцев разделяют определенные основные ценности в

большей степени, чем они это сознают, принимая такие моральные принципы как нечто само собой разумеющееся. Однако возникает вопрос: действительно ли высшие моральные ценности могут быть установлены путем научного исследования человеческого поведения? По этому поводу философы давно разошлись во взглядах. Социальные психологи могут показать, что все общества суть моральные порядки; антропологи могут описать ценности, разделяемые в каждом обществе; социологи могут сказать, что получится, если разрушится согласие; психиатры могут продемонстрировать, что происходит с людьми, которые отрицают мораль или остаются вне морали. Но может ли такое знание сказать нам, что люди *должны* делать? В лучшем случае понимание человеческой жизни может сузить область неопределенности, показывая, какого рода действия в конечном счете пагубны, но даже определение того, что вредно и что нет, предполагает какие-то внешние стандарты. Существуют многие точки зрения на этот счет, но вопрос по-прежнему остается нерешенным.

Хотя непрерывное развитие социальной психологии, по-видимому, может дать могучее оружие в руки тех, кто неразборчив в средствах, мы не вправе объявить мораторий на исследования в ожидании абсолютных гарантий. Нет сомнений в том, что многие личные и социальные проблемы, которые ныне нас беспокоят, с возрастанием понимания будут устранены. Могут быть найдены пути для лечения и предупреждения серьезных душевных заболеваний. Возможно даже, что будут выработаны более справедливые способы улаживания споров. Потенциальная полезность научной социальной психологии весьма велика. Мы продолжаем верить, что с возрастанием понимания самих себя люди научатся жить более разумно и мирно.

Итоги и выводы

Хотя структура организованных групп — поскольку люди приспосабливаются к последним технологическим достижениям — подвергается значительным изменениям, человеческая природа, по-видимому, не меняется. Люди по-прежнему

воспитываются в первичных группах, у них формируются те же самые чувства, и они контролируют себя так, как они это делали всегда. Значительным изменением в новейшее время, однако, стало развитие массовых обществ, где люди принимают участие в гигантских взаимодействиях. Это открывает небывалые возможности для манипуляторства и злоупотреблений. В то же время развитие физических наук создало столь разрушительное оружие, что поиски наиболее приемлемых путей разрешения конфликтов стали настоятельной необходимостью. Ирония заключается в том, что развитие того рода знаний, которые делают возможной наиболее разумную социальную инженерию, также увеличивает возможность злоупотреблений. Развитие социальной психологии и облегчается и осложняется тем фактом, что социальные психологи являются объектами того типа социального контроля, который преобладает в массовых обществах. Главный вывод, к которому в конце концов придут люди, — искать выхода из таких затруднений в морали и, возможно, в лучшем понимании человеческой природы.

Социальная психология находится еще в детском возрасте, и пройдет много времени, пока накопленные знания сравняются с современным уровнем физических и биологических наук. Каковы бы ни были результаты развития социальной психологии, они будут представлять большую ценность даже в век атомной энергии и межпланетных путешествий. Если людям удастся преодолеть земное притяжение, они, несомненно, пойдут вперед, проявляя такую же смелость и мужество, как и люди, прокладывавшие новые пути в прошлом. Если они станут воевать за различные планеты, это будет, вероятно, ради тех же самых бессмысленных поводов, во имя которых велись войны на земле в течение тысячелетий. Человеческий дух, столь хорошо изображенный Бальзаком, де Кунха, Эврипидом и леди Мурасаки, вряд ли изменится до неузнаваемости. Возможно, даже после завоевания других миров люди все еще будут задумываться о самих себе и о многих непонятных вещах, которые они делают, подтверждая древнее изречение, что величайшей загадкой, загадкой загадок для человека является сам человек.

Библиографический указатель

Barber, Bernard, Science and the Social Order, Glencoe, 1952.

Mannheim, Karl, Man and Society in an Age of Reconstruction, New York, 1940.

Mills, C. Wright, The Sociological Imagination, New York, 1959.

Whyte, William H., Jr., The Organization Man, New York, 1957.

Wilson, Logan, The Academic Man, London, 1942.

Wirth, Louis, Community Life and Social Policy, Chicago, 1956.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ББК 88.5
Ш 82

Шибутани Т.
Ш 82 Социальная психология. Пер. с анг. В. Б. Ольшанского.
Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1999 — 544 с.

Ш $\frac{3030200000}{4МО (03)-98}$ без объявл.

ISBN 5-222-00212-8

ББК 88.5